

Павел Федоров

ГЕНЕРАЛ
ДОВАТОР

Annotation

Роман посвящен героическим действиям советских кавалеристов в оборонительных и наступательных боях против немецко-фашистских захватчиков под Москвой в 1941 году. В центре повествования — образ легендарного командира кавалерийской группы, а затем кавкорпуса генерала Л.М.Доватора.

- [Генерал Доватор](#)
    - [Книга первая](#)
      - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [Книга вторая](#)
      - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
      - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
      - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
  - [СОДЕРЖАНИЕ](#)
  - [Примечания](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Генерал Доватор

Книга первая Глубокий рейд

"...Будет, будет бандурист, с седою по грудь бородою, а может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них своё густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и всё, что ни народится потом, заговорит о них..."

Н. Гоголь, "Тарас Бульба".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Отца своего Алексей Гордиенков не помнил. От матери он слышал, что отец в двадцатом году служил у Котовского, но домой с фронта не вернулся.

После гражданской войны мать с Алешкой обосновалась на Северном Кавказе, в небольшом районном городе, и поступила работать на фабрику.

Все шло хорошо до тех пор, пока двадцатилетняя мать не вышла вторично замуж.

Этот поступок матери вызвал на первых порах в Алешкиной душе законное удовлетворение и даже гордость. «У каждого порядочного мальчишки должен быть отец, — и вот теперь он будет и у меня», — подумал Алешка.

Однажды мать приехала домой на ломовом извозчике, а с ней — высокий черноусый мужчина, с пушистым воротником на пальто.

— Ну, как? — спросил черноусый.

— Ничего, — неопределенно ответил Алешка.

— Это, Алешка, будет твой папа. Люби его, он хороший, — сказала мать.

Алешка ничего не ответил.

— Дикарь он у тебя, — заметил матери черноусый, взваливая на телегу кровать.

На такое определение своих качеств Алешка и глазом не моргнул: бывали случаи, называли его и похуже!..

С переездом на новое местожительство Алешкина жизнь коренным образом изменилась.

Алешка был лишен привычной свободы и всех своих и без того немногих детских благ, а самое главное — материнской ласки. Он возненавидел свой новый дом, отчима. Стал пропадать неизвестно где, по нескольку дней не являлся домой ночевать.

Пробовали его запирать в комнате. Он, как дикий волчонок, забивался в угол, молчал и только угрюмо косился на дверь.

Как только ему удавалось вырваться из дому, он отправлялся шляться по огородам, жил на бахчах у караульчиков, у рыбаков, помогал хозяйкам носить с базара корзинки с провизией, за что получал пятак, а то и гривенник, но никогда не воровал. По вечерам ездил с другими ребятами в ночное пасти лошадей. И тогда ему казалось, что нет в мире большего наслаждения, чем после горячей скачки сидеть ночью на опушке темного леса, возле пылающего костра, вышвыривать палочкой из потрескивающей золы печеную картошку.

Днем, закинув в кусты надоевшие удочки, он раздевался и нырял с моста в воду. Накупавшись всласть, вылезал на берег и, зарывшись в накаленный солнцем песок, часами лежал не шелохнувшись. Был он смугл, как семенной волоцкий огурец, и его светлые кудри добела выгорели на солнце.

Однажды бойцы кавалерийской части привели на реку купать

лошадей. Это зрелище показалось Алешке великолепным. Кавалерийские кони совсем не были похожи на заморенных кляч, которых он гонял в ночное

Кони были рослые, с гордо поднятыми головами, некоторые с белыми звездочками на лбу и красивыми, в «чулках», ногами.

— Дяденька, дай одноё покупаю, — попросил Алешка, робко подойдя к одному из бойцов.

Красноармеец покосился в его сторону, усмехнулся:

— Какой я тебе дяденька? Ишь, племяш нашелся... Упадешь еще, да и утонешь...

— Кто? Это я утопну? Да я вон как плаваю, глянь, а ну, глянь! — Алешка, сверкнув пятками, с разбегу бултыхнулся в воду. Вынырнул он далеко от берега, перевернулся на спину, потом лег на бок и, выбрасывая шоколадного цвета руки, поплыл к середине реки.

Выйдя на берег, снова попросил.

— Дай сесть-то, поглыбже заеду... Жалко?

— Ну, ладно, иди. Посажу... За гриву держись! Эх, брат, ты и холку-то не достанешь! — Красноармеец сильными руками подхватил скользкое Алешкино тельце, и тот, как клещ, вцепившись в мокрую гриву, быстро вскарабкался на спину коня.

Алешка, часто ударяя по бокам коня пятками, натянул поводья. Конь покорно пошел вперед, все глубже и глубже погружаясь в воду.

— Поворачивай! — командовал красноармеец с берега. Алешка с замирающим от удовольствия сердцем дергал за повод. Конь вздымался на дыбы, бил копытами по воде, — и во все стороны разметались сверкающие янтарные брызги.

— Завтра опять приедешь? — держа в поводу мокрого коня, спросил Алешка.

— Теперь каждый день будем приезжать, пока в лагеря не уедем. — Красноармеец аккуратно навернул белую портянку, сунул ногу в сапог и, натягивая голенище, спросил. — Понравилось?

— Эх, кабы лошадку мне!..

— Скажи отцу, чтобы купил.

— Нету у меня отца... — Алешка насупился и опустил голову.

— Помер, что ли, отец-то? — спросил красноармеец.

— Может, и помер, — ответил Алешка.

— Так, значит, безотцовщина. С кем же ты живешь?

— Один живу.

— А как насчет еды? — застегивая ремень, допрашивал красноармеец.

— На базаре, аль еще где...

— Воруюшь?

— Я не вор! — У Алешки дрогнули ресницы. Он поднял голову и строго взглянул красноармейцу в глаза. — Я работаю! Кухаркам корзины таскаю, рыбу ловлю! Водой на базаре торгую — на копейку кружка. Пусть другие воруют, а мне не надо...

— Ну, ладно, не обижайся! Приходи завтра лошадей купать.

Красноармейцу понравился смуглый, задорный парнишка. Он вынул из кармана двугривенный и протянул Алешке.

— Я и за так буду. Не надо...

— Бери, бери. Я тебе не за это...

Взять деньги Алешка отказался.

На другой день, закусив холодной картошкой, Алешка развалился на песке и стал поджидать красноармейских лошадей.

На берегу, весело переговариваясь и звонко шлепая вальками, женщины полоскали белье. Рядом, в мелкой воде, копошились ребятишки, выискивая красивые камешки. Две голые девочки рубашкой выбраживали рыбешку

По мосту, грохоча подковами и колесами на железном ходу, проходили запряженные в брички толстоногие битюги, проезжали крестьянские подводы, которые тянули вислобрюхие лошадки. Алешка провожал их теперь презрительным взглядом. Перед глазами стоял вчерашний сказочно красивый, высокий, сухоголовый, с белыми губами конь — точь-в-точь такой, как в сказках, которые Алешка слышал в ночном.

«Вот бы на таком домой приехать! Что сказали бы?..»

Пригревало солнце, катилась блестящая в его лучах река, у берега плескались ребятишки. Алешка достал из-за пояса курай, сделанный из простой полевой дудки, и тихонько заиграл. Полились жалостные, тоскливые звуки.

Женщины разогнули спины, перестали полоскать белье, повернув головы, прислушались.

Играть на этом нехитром инструменте Алешку научил его приятель — сынишка дрогаля Биктяша, Хафизка, с которым он часто ездил в ночное. Хафизка, как и многие башкиры, изумительно играл на курае. По вечерам, когда ребята сидели у костра, Хафизка доставал курай и, засунув его за щеку, смешно скосоротив лицо, начинал играть. В тишине ночи лились томящие сердце звуки степной мелодии, неизвестно когда и кем сложенной...

Увлечшись игрой, Алешка и не заметил, как подъехали красноармейцы.

— Да ты, оказывается, музыкант!

Алешка обернулся. Верхом на белогубом коне сидел знакомый кавалерист. Спрыгнув с коня и бросив Алешке поводья, он сказал:

— Толково выводишь!..

Смуглое Алешкино лицо, усыпанное, точно маком, веснушками, расплылось в улыбке. Мальчик сунул дудку под ошкур истрепанных штанишек, сначала подтянул их, а потом быстро сбросил. Он уже забыл похвалу красноармейца, — перед ним был белогубый конь с глубоко посаженными в орбитах глазами.

— Хочешь до казармы проехать? — спросил красноармеец, когда выкупали лошадей.

Если бы он спросил: «Хочешь на тот свет поехать?», мальчик согласился бы — и глазом не моргнул.

Алешка ехал верхом по улицам города, и ему казалось, что все прохожие смотрят на него с восхищением, дивясь его гордой и уверенной посадке.

У ворот конюшни, когда все слезли с коней, Алешка увидел командира, затянутого в желтые ремни, с шашкой и револьвером на боку.

— Этот самый? — кивнув в сторону Алешки, спросил командир.

Красноармеец хитро улыбнулся и ответил:

— Да, тот самый...

Алешка мгновенно понял, что попал в ловушку. Значит, его тут поджидают, — наверное, сейчас появится мать или черноусый... Бежать, ни минуты не медля! Но, оглянувшись, он увидел, что бежать некуда. Конюшня обнесена высоким забором, а в воротах стоит часовой с ружьем в руках. Командир подошел к Алешке, взял его за плечи. Алешка хотел вывернуться, но рука командира была сильная и тяжелая. Серые глаза его, спрятанные под густыми бровями, смотрели весело и смело. Алешка дрогнул под пристальным взглядом этих глаз.

— Ну, черномазый, как тебя зовут? — спросил командир.

— Лешкой...

— Чего испугался? Хрипишь, как молодой петух... «Лешкой»! — Командир так похоже и смешно передразнил его, что стоявшие рядом красноармейцы дружно засмеялись.

— Держи голову выше! Не бойся!

— Я не боюсь! — ответил Алешка.

— Вот и отлично! А что смеются — не обращай внимания.

Кавалеристы — народ смешливый. Значит, зовут тебя Лешкой? А меня Левкой, — выходит, мы с тобой почти что тезки. Это у тебя что такое?

Командир показал на курай. В его голосе была ласка, подкупающая сердечная искренность, которую дети безошибочно угадывают. Командир, присев на корточки, с любопытством рассматривал Алешкин «инструмент». Потрогал пальцем ровно обрезанный кончик дудки и тихо, с серьезностью в голосе, спросил:

— Играешь?

— Ага, — ответил Алешка.

— А веселую умеешь, — чтобы трепака можно было ударить?

— Он, товарищ командир, на этой дудке ловко выкомаривает, — проговорил красноармеец, купавший с Алешкой лошадей.

Ободренный похвалой своего друга и откровенно веселой улыбкой командира, Алешка торопливо продул дудку и сунул ее за щеку.

Мальчик заиграл негромко, но отчетливо и азартно «Ах вы, сени, мои сени...»

Расправив широкие плечи, командир уперся правой рукой в пояс, левой перехватил шашку, протяжно и звонко крикнул:

— Шире круг, хлопцы! — гордо встряхнул головой и, притопывая ногой в такт музыке, в напряженном ожидании вслушивался в звуки курая.

Образовался круг. Командир, пятясь, прошелся на каблуках, — точно прокатился на колечках серебряных шпор. Ударил в ладоши, притопнул ногой и, остановившись, крикнул: — А ну, выходи!

Первым вышел в круг конник, купавший с Алешкой лошадь. Вывернув подошвы, он ухарски раздробил замысловатую чечетку, а потом, выкидывая пружинистые ноги, прошел вприсядку два круга. Стоявший рядом с командиром чернобровый казачок нетерпеливо притопывал ногой. На его широком молодом лице вспыхивала озорная улыбка.

Командир толкнул его в бок локтем. Сдвинув брови, задорно зашептал:

— Ящук, Ящук! Поддержи!

— Давай! Давай, Ящук! — кричали со всех сторон.

Ящук только того и ждал. Он прямо с места пошел маленькими шажками, постукивая подошвами, помахивая платочком. Выплыл на середину круга, шаловливо улыбаясь, поджал ногу, двумя пальцами левой руки кокетливо приподнял воображаемую юбку, потом, игриво встряхнув грудью, под взрыв хохота мелкой трусцой прошелся по кругу. Не сбиваясь с такта, изобразил увлеченного игрой гармониста, клевавшего носом подгулявшего старичка...

Плясали долго, с увлечением.

— Добре, вот добре! — приговаривал, улыбаясь, командир. Но вот он хлопнул в ладоши. — Хватит, хлопцы, музыканта измучили!..

Алешка перестал играть. Плясуны с раскрасневшимися лицами отошли в сторонку.

— Ты настоящий музыкант! Молодчина! — Командир, поглаживая загорелой рукой спутанные Алешкины волосы, взглянул на красноармейцев.

— Может, примем его в конницу, а? Отца у него нет.

Видно, красноармеец успел рассказать об Алешкином житье-бытье.

— Принять! Принять! — дружным хором ответили конники.

— Зачислить его в музыкантскую команду! — предложил кто-то.

— Вот и я так думаю, — согласился командир.

Алешка ошеломленно моргал глазами.

— Ты коней, значит, очень любишь? — наклонившись к Алешке, спросил командир.

Алешка растерянно и грустно улыбнулся.

— В кавалерию пойдешь служить? Музыкантом будешь?

— Пойду, — чуть слышно прошептал Алешка и, с тревогой взглянув на командира, спросил: — А вы не нарошно, дядя?

— Вот тебе и раз! Как это нарошно? Дадим тебе коня, белого, как снег! Трубу настоящую! Пойдем к комиссару и все уладим! А меня зовут не «дядя». Я — Лев Михайлович, фамилия моя — Доватор. Понял?

Спустя год, на первомайском параде, верхом на красивом коне каурой масти, Алеша ехал под знаменем кавалерийского полка. На ярко блестящей в лучах солнца фанfare пламенел малиновый вымпел. На голове у мальчика была красная фуражка с белым околышем.

В равномерной поступи конницы, в ритме торжественного марша Алеша плыл, как на крыльях, в недостигаемую высь. Вместе с ним в прозрачной синеве майского неба плыла, летела могучая песня...

...И с первых дней Отечественной войны летела песня за боевым стягом дивизии...

ГЛАВА 1

В раскрытые окна штаба кавгруппы скользнули солнечные лучи. На выбеленных стенах колхозной конторы, где помещался штаб, заиграл

зайчик. Вот он задержался на алеющей макушке кубанки сидевшего за столом подполковника, потом скользнул по зеленым пятнам боевой карты, перепрыгнул на лицо. Подполковник Холостяков прищурился и сморщил широкий, с поперечным рубцом нос.

От опушки леса, через белесое поле перезревшего овса, ветер доносил песню:

Собирались казаченьки, собирались на заре...

Подполковник встал, поправил скрипнувшие на плечах полевые ремни, подошел к окну.

По улице двигался эскадрон, сутки находившийся в сторожевой заставе. Кони вскидывали головами, позванивали кольцами уздечек и перекачивали челюстями надоевшие трензеля. Предчувствуя отдых, они требовали повода.

Лица кавалеристов казались Холостякову напряженными и мужественно суровыми, словно у сказочных богатырей. Он долго смотрел на запыленные лошадиные крупы, на клинки, привьюченные у передних лук и поблескивающие медными головками эфесов.

Послышалась протяжная команда: «Повод!», и эскадрон перешел на малую рысь.

Спустя немного времени мимо окон штаба на статной бурой масти ахалтекинке проехал майор. Заметив подполковника, он поднес руку к кубанке, ловким движением корпуса, присущим только истому кавалеристу, повернул лошадь к воротам и так же ловко на ходу выпрыгнул из седла. Оставив повод на передней луке седла, он любовно похлопал кобылицу по крутому, словно выточенному крупу, почесал ей левую паховину, ослабил подпругу, легонько толкнул кобылицу плечом и, улыбнувшись, что-то шепнул ей в ухо. Красавица-кобылица, искоса взглянув на хозяина, жевнула трензеля, мотнула головой и, круто повернувшись, покачиваясь на сухих тонких ногах, пружинистым шагом пошла навстречу подъехавшему коноводу. Майор гордо закинул назад голову и, попыхивая папироской и блаженно улыбаясь, смотрел ей вслед. Лошадь эту майор недавно выменял в стрелковой части.

— Ну, заходи, заходи, хватит нежничать, — глядя в окно, хмурясь, проговорил подполковник.

Майор Осипов, придерживая рукой серебряную кавказскую шашку, по-кавалерийски косолапя, вошел в избу. Подполковник Холостяков громко

распекал кого-то по телефону, требовал к себе оперативного дежурного. Майор, не дожидаясь приглашения, сел на серый матерчатый диван.

Позванивая шпорами, вошел капитан, оперативный дежурный. Осипов его знал. Вошедший был высокого роста, держался он по-строевому, прямо, что больше всего нравилось майору Осипову. Сознвая собственную неуклюжесть и сутуловатость, он особенно любил людей с хорошей выправкой, что, по его мнению, характеризовало «душу» военного человека.

«Почему такой строевик торчит на адъютантской службе? Вот зацепить бы такого в полк! У меня нашлась бы должность...»

Приняв командование полком, Осипов мечтал подобрать самый лучший командный состав.

— Оперативный дежурный капитан Наумов по вашему приказанию прибыл, — отрапортовал вошедший.

— Разведка все еще не вернулась? — спросил подполковник Холостяков.

— Пока нет. Справляюсь каждые полчаса. Как вернется, доложу немедленно. — Голос у капитана был мягкий, приятный.

Подполковник, подперев рукой начинавшую сесть голову, смотрел в окно.

— Неужели опять напоролись? — произнес он.

— Что тут удивительного? — резко заметил Осипов. Сдвинув кубанку на самую макушку, он продолжал: — Лезут без разбору!..

— Плохо ведем разведку, это верно, — согласился подполковник Холостяков. — Товарищ капитан, вызовите командира разведэскадрона лейтенанта Гордиенкова.

— Как бы мне к генералу попасть? — спросил Осипов, когда капитан ушел.

— Нет генерала, — сухо ответил подполковник и, помолчав, добавил: — Отозван в распоряжение штаба фронта. — С этими словами он взял карандаш и со скучающим видом начал что-то вычерчивать на карте.

— Вот оно что-о! — удивленно протянул Осипов. Быстро спросил: — Кто же теперь командовать будет?

— Пока я команду, — нехотя ответил Холостяков.

— Разрешите поздравить с новым назначением?

— Нет. Это временно. Уже назначен новый командир, полковник какой-то. Да и не могу я взять на себя такой ответственности. Я же не кавалерист...

Время шашкой и шпорами, в открытую дверь вошел молодой

загорелый лейтенант с орденом Красной Звезды на груди. Увидев подполковника, он остановился у порога, пристукнул каблуками хромовых сапог и смело спросил:

— Разрешите?

Холостяков молча кивнул головой.

— Командир разведчиков лейтенант Гордиенков! — Тряхнув кудрявым чубом, прижимая шашку рукой, Алексей застыл в ожидании приказаний. Он невольно подкупал своей внешностью: выправкой, жаркой молодостью, смелым и решительным взглядом черных глаз.

— До сего времени разведка еще не вернулась. — Подполковник Холостяков развернул карту и иронически добавил: — Где-то путешествует... По приказу штаба армии, мы должны иметь разведданные сегодня. Немедленно организуйте еще одну группу. Старшего пришлите ко мне. Я сам поставлю задачу.

— Есть! Разрешите выполнять? — спросил Гордиенков.

— Подождите. Не торопитесь. — Холостяков, нагнувшись над столом, искал какую-то бумагу.

«Эк ведь не терпится, — с восхищением смотря на лейтенанта, думал Осипов. — Мне бы такого...»

— Сегодня прибывают на пополнение лошади, — проглядывая бумагу, проговорил подполковник Холостяков. — Приходите в штаб, самых лучших выберем в разведку. Остальных отправим в дивизии.

— Есть! — Гордиенков, повернувшись, поспешно вышел, точно поддразнивая майора четкостью шага, звоном шпор и хрустом новеньких полевых ремней.

Майор Осипов встал. К приказу о выборе лошадей он не мог отнестись равнодушно. Бывшего пехотинца, подполковника Холостякова он вообще недолюбливал. А теперь ему казалось, что, пользуясь властью командира группы, подполковник решил ему досадить. И на Осипова, как говорится, «накатило».

— Почему же, товарищ подполковник, вы себе лучших коней оставляете? — мрачно спросил майор.

— Значит, нужно...

— А там еще дивизия будет отбирать.

— Если нужно, конечно, будет, — отвечал Холостяков.

— Ага! Значит, полкам клячи достанутся, одры? Ну, уж... — майор не вытерпел и вставил крепкое словно.

Холостяков уже привык к этой дурной привычке майора, но тут его взорвало.

— Чорт знает что!.. Какое-то лошадиное помешательство! Увидят хорошего коня — завидуют, уводят друг у друга. А потом приходят в штаб, клязничают: тот полк там-то прихватил лошадок, а другой еще где-то — вот и разбирайся! Чудные люди кавалеристы! На них и обижаться невозможно, но...

— Вы не знаете душу конника! — перебил Осипов. — Душа кавалериста!.. Это ж душа артиста! Да что там — артисты!.. В картине «Александр Невский» вместо артиста на коне снимался полковник Доватор! Я сам...

— Позволь! — удивленно перебил Холостяков. — Ты говоришь, Доватор? Да ведь полковник Доватор назначен командовать кавгруппой! — Подполковник открыл полевую сумку и подал Осипову бумажку. — Лев Михайлович... Он или нет? — спросил Холостяков.

— Он, конечно! — пробегая бумагу глазами, воскликнул Осипов. — Вот уж действительно неожиданность. — Осипов от радости вскочил и тут же снова сел.

Холостяков, не разделяя радости майора, сухо спросил:

— Молодой?

— Не старый. Сорока еще нет.

На столе хрипло запел полевой телефон. Холостяков снял трубку.

— Передайте, что в этом направлении действуют две разведгруппы. Как получим данные, немедленно вышлем...

Подполковник повесил трубку и наклонил голову к карте. Неожиданно щелкнул по столу и сказал:

— Штаб армии требует тщательно проверить район Коленидово — Ордынка. Там, судя по карте, лес и непроходимые болота. Зачем это нужно? Не понимаю...

— Я слышал, что мы предназначены для действия по тылам противника. Может, поэтому? — спросил Осипов.

— Да ну, чепуха, — досадливо отмахнулся Холостяков. — Двадцать шестое июля забыли? Едва в окружение не попали. Хорошо, что вырвались... Я смотрю, все вы заражены кавалерийской удалью, романтикой партизанской... Думаете, что немцы, как наполеоновские солдаты, в медвежьих шапках пришли.

— В касках со свастикой. Знаем... Не в этом дело! — сердито стукнув о пол шашкой, возразил Осипов. — Промашку-то надо все-таки признать... А штабным командирам нужно научиться получше руководить боем...

— Скверная манера все неудачи валить на штабы! — выкрикнул подполковник. — В атаку на танки с клинком в руках не пойдешь!

— Танки можно жечь.

— Ну, конечно! А самолеты можно за хвост ловить, — так выходит по-вашему, по-кавалерийски?

— А по-вашему получается, что мы вроде как и не знали, что в этой войне будут участвовать танки и авиация...

— Только уж не кавалерия! — резко оборвал Холостяков.

Осипов, сжав губы, свистнул два раза — дерзко, по-мальчишески, как обычно подзывал свою кобылицу Легенду.

Холостяков нервно дернул плечом. Застегнув полевую сумку, проговорил:

— Свистеть, я думаю, можно и... на улице...

— Извините... привычка!.. Речь идет о практическом использовании конницы в теперешней войне.

— Предположим...

— Предположим, что мы пять лет в академии, надрывая печенки, изучали азы военной стратегии и пришли к убеждению, что конница выполняла и будет выполнять свое назначение, только надо ее умело и толково использовать. Поэтому я отворачиваюсь от этой вашей «теории», как от лживой догмы. Мы плетками махать не собираемся. А пойдем немцу в тыл. Пусть погоняются за нами. На магистралях можно создать такое положение, — взвоят немцы! Конница должна и обязана дезорганизовать вражеские тылы, и так, чтобы немцы на железных дорогах, на большаках ночью носа не смели показать! Чтобы кавалеристам да не нашлась работа? Слушать не хочу! Расчетливый хозяин найдет место каждому гвоздю!.. — закончил майор Осипов, всерьез начиная сердиться.

— Ну, ну!.. Горячий вы человек, — примирительно сказал подполковник Холостяков.

Осипов молча закурил. Что верно — то верно: человек он был горячий.

Спор Осипова с Холостяковым был прерван приходом младшего лейтенанта. Коренастый, розовощекий, в черной каракулевой кубанке, он отрапортовал:

— Младший лейтенант Ремизов явился за получением задачи!

— Карта у вас есть? — спросил подполковник.

— Так точно! — Ремизов торопливо расстегнул сумку. Порывшись в бумагах, растерянно пробормотал: — Кажется, в хате оставил, на столе... Разрешите, я мигом сбегаю.

— Как это можно боевую карту где-то оставить? — хмурясь, спросил Холостяков.

Ремизов молчал, раздражающе шмыгая носом.

Осипову он не понравился. На новых синих брюках младшего лейтенанта блестели сальные пятна. Грязные сапоги, шпоры, тронутые ржавчиной. «Лодырь», — подумал майор. Покосившись на Ремизова, с усмешкой заметил:

— Постелил на стол вместо скатерти, ну и забыл...

Ремизов скривил углы опущенных губ, но ничего не ответил.

— Поселок Ордынка знаете, где находится? — не обращая внимания на реплику Осипова, спросил Холостяков.

— Знаю, — ответил Ремизов. — Там лесозавод сгоревший...

— Правильно. — Подполковник развернул карту. — Смотрите сюда. Между деревней Коленидово и лесозаводом есть брод. Переправьтесь на ту сторону и разведайте эти два пункта. У меня есть сведения, что деревня Коленидово занята противником. В Ордынке никого нет, но это надо уточнить.

— Вчера на переправе наших двух разведчиков убили, — засада... — нерешительно заявил Ремизов.

— Мне это известно, — перебил Холостяков. — Ночью осторожно переправьтесь на лодке, предварительно понаблюдайте. Ясно?

Ремизов подтвердил. Застегивая на ходу полевую сумку, он проворно вышел из штаба.

Подполковнику хотелось спровадить и Осипова, но тот почему-то не уходил.

— Если есть деловой разговор, я вас слушаю, товарищ майор, — подчеркнуто вежливо произнес Холостяков.

— Пятые сутки овса не получаем, да и ухналей нет. В чем дело? Мне командир дивизии приказал...

— Фуража нет потому, что армейское интендантство пока больше не дает. Существует норма... А ухнали... Ну, это самое, как их там... — Холостяков досадливо сморщил нос и покрутил пальцем около уха, — ремни... шенкеля... На складе надо узнать.

— Ухнали — это не ремни, а ковочные гвозди, — строго заметил Осипов. — В полках почти все кони раскованы...

— Ну, а я что могу сделать, — Холостяков развел руками, — интендантство, склад...

— Коням наплевать на склад, — овса давай, корми! — Осипов сердито стащил с головы кубанку и повесил на эфес клинка.

Возвратились оперативный дежурный капитан Наумов и лейтенант Гордиенков. Капитан передал Холостякову, что его вызывает к прямому проводу штаб армии.

— Сейчас иду. Так вот, товарищ майор, передайте комдиву, что с фуражом положение тяжелое. — Обернувшись у порога, добавил: — Приедет новый командир группы, он, видимо, примет меры!

— Да уж если Доватор приедет, он меры примет! — проворчал Осипов.

— Вы сказали, товарищ майор, — Доватор? — живо спросил Гордиенков. И, не дожидаясь ответа, возбужденно продолжал: — Я знаю полковника Доватора, Льва Михайловича!

— Вот он и назначен к нам, — сказал Осипов. — Так, говоришь, Льва Михайловича знаешь?

— Как же! Воспитывался в той части, где он командиром был. С восьми лет! — Гордиенков смотрел на Осипова блестящими от радости глазами. — Я Льва Михайловича считаю своим вторым отцом, хотя первого и не знаю...

Алексей замолчал и задумался, глядя в окно на деревенскую улицу.

За окном, в палисаднике, на узенькой грядке густо росли золотые шары, колючие розы роняли бледные лепестки.

Стоял август 1941 года, солнечный, знойный. В дымчатом мареве тонули лесные горизонты. В такую погоду в утреннем зное быстро созревают плоды. На золотистых остриженных жнивьях высятся хлебные скирды. Сонно шевелятся поздние сизые овсы. Их безжалостно топтали и беспризорные телята и конные разведчики, спутавшие ориентиры, а хозяйственные казачки — кавалеристы, влюбленные в своих коней, подкашивали на подкормку.

Если бы не далекий орудийный гром, знойный август совсем был бы похож на мирный трудовой месяц — время свежего пахучего хлеба и обилия плодов...

— Пришли кони на пополнение, идем распределять, — проговорил подполковник Холостяков, вернувшись с узла связи. Обращаясь к Наумову, сказал: — Оставьте здесь караул.

Все ушли. Наумов привел в комнату казака и приказал в штаб без его ведома никого не пускать. Сам тоже пошел взглянуть на прибывших коней.

ГЛАВА 2

Караульный Захар Торба был рослый, плечистый парень в широкой, круглой, как сито, косматой кубанке, со скуластым обветренным лицом.

Защитная гимнастерка, подпоясанная кавказским наборным ремешком, хорошо облегла его крупную, немного сутулую фигуру. Держа подмышкой автомат, он присел на диван, достал расписной, зеленого цвета с голубыми разводами кисет и, скрутив цыгарку, крикнул:

— Павлюк! Иди покурим.

В хату вошел второй казак. Сняв пилотку, он пригладил рукой огненно-рыжие волосы, присел против автоматчика на корточки и попросил бумаги.

— Хуже нет службы посыльного, — подравнивая краешки оторванного клочка газеты, с досадой проговорил рыжий.

— Это еще ничего, — боев нет, — заметил автоматчик. У него был низкий и приятный грудной голос, а выговор — смесь украинского с русским, присущий кубанским линейным казакам.

— Да что ничего? Сегодня, наверно, раз двадцать бегал — то в лес к разведчикам, то к батареям, то в госпиталь... К концу войны так натренируюсь, что рекорсменов перегоню... Нет, Захар, дневалить на конюшне во сто раз лучше.

— Знаешь, товарищ Павлюк, всего краще командиром быть, — сказал, подумав, Захар. — Зараз тебе приказывают, — и ты выполняешь по уставу...

На дворе кто-то позвал посыльного.

— А ведь меня опять!.. Я приду, Захар, — выбегая из комнаты, крикнул Павлюк.

Оставшись один, Захар стал вспоминать родную станицу, прощание с матерью и братом, участником первой мировой войны...

— ...Значит, едешь? Когда? — спросила мать.

— Зараз, мамо, уже подседлали.

— Швытко! Ну, прощай! Бог тебя хранит, — перекрестила и поцеловала в губы. — Жены немає, — у Анютки був?

— А шо такое, мамо?

— Вин спрашивае... Покрутився та и кинув?

Морщинистое лицо старухи дрогнуло, по щекам покатались слезы.

— Бог тобі судья...

Брат Кирилл был сумрачен, задумчив и строг. В самую последнюю минуту прощания он сказал:

— Может, хлопцев моих встретишь, кланяйся. Коня береги — породистый, на рубку он смело пойдет!

Не повезло в семейной жизни тридцатилетнему Захару. Не случаен был горький упрек матери... Попрощавшись с нею, выехал он из дому и,

сердито хлестнув коня, поскакал не к станции, а в другую сторону. Через два квартала остановился у домика Дмитрия Борщева. Сразу увидел — ехал напрасно: у ворот его облаяла маленькая черная собачонка, а на дверях висел замок. Захар еще злее стегнул горбоносого кабардинца и повернул к станции. Когда выезжал из станицы, из-за крайней хаты вышла высокая статная девушка в белом кавказском платке. У Захара задрожали руки. Он придержал коня. Анюта, не поднимая глаз, взялась рукой за стремя и пошла рядом. Молчание было долгим, мучительным.

— Значит, и проститься не зашел?.. Так и нужно дуре: не лезь под бурку, коли не пришло время! — проговорила девушка с злобным отчаянием. Потом вскинула голову, глянула на казака черными очами, спросила: — Что же молчишь, Захар? Ты хороший человек или нет?

Многое хотел сказать Захар, да не позволила торбовская гордость. С упрямством сказал не то, что думал:

— Если бы зараз говорил тебе: ожидай меня, — був бы я рассукин сын! Я жениться не обещал, а как получилось, — сама знаешь!.. — Захар оборвал речь, помолчал, потом глухо вымолвил: — Выходи замуж. Ведь краще тебя в станице ни одной дивчины нет! Желаю... — Еще что-то хотел сказать, но девушка, глядя на него широко открытыми глазами, медленно и решительно проговорила:

— Желаю, щоб тоби ворон глаза выклевал! — и отдернула руку от стремени.

— Добре! — Только и сумел выговорить ошеломленный казак. Пришпорил коня и, склонившись к луке, не оглядываясь, поскакал широким наметом к станции...

Об этом прощанье Захару и думать не хотелось. Стыдно было и больно... Он только теперь понял, как жестоко обидел девушку. Думал одно, а сказал другое. Анюткино прощальное напутствие, как огнем, припекало сердце, не давало покоя.

После двухнедельных боев и пятидневного отдыха Захар не только не освободился от тревожных мыслей, а наоборот, не переставая, думал о самых простых, будничных вещах, прелести которых он в мирной жизни и не замечал. С каким наслаждением побывал бы он теперь в нещадно прокуренной колхозной конторе, послушал бы фантастические речи председателя колхоза Якова Киреева об электрическом плуге, который в один час запахивает целый гектар, или о сверхмощном электрическом комбайне, который одновременно не только жнет и молотит, но, если нужно, мелет муку и выпекает хлеб...

Вчера Захар получил из дому посылку. В ней были традиционные

носки, сало, почтовая бумага, новый башлык. Собираясь утром в караул, он сунул носки в противогаз, а сейчас, вспомнив о носках, решил их надеть — не потому, что это было нужно, а просто тянуло подержать их в руках, почувствовать мягкость отличной шерсти, сработанной заботливыми материнскими руками. Отстегнув пряжку противогаза, Захар достал сверток, но, к его удивлению, в свертке оказались не носки, а перчатки. Он стал примерять их. В перчатке на правую руку нащупал свернутую трубочкой бумажку. Письмо! С радостным волнением, особенно понятным фронтовику, Захар стал читать.

В письме говорилось:

«Многоуважаемый Захар Тимофеевич! Пишет вам эти самые строчки Анна Борщева, которую вы дуже хорошо знаете, потому что она известная вам дура, сама над собой сгалилась, а вы в этом деле тоже ей подсобили дуже, а потом кинули, как самую что ни на есть вредную. Краще было бы шашкой зарезать, чем так зроблять. Колысь я бы знала, что у вас такое колючее сердце или его нема зовсим, то не зробила бы так. Не подумайте чего такого, что я хочу знова, мне не дуже треба, а пишу вам, як фронтовому казаку, который бьет наших врагов, аще як первому в колгоспе бригадиру. Зараз у нас краще вас бригадиров нет, и вас с Филиппом Шаповаленко и Мишку Сидоренкова часто вспоминают на собраниях... Посылаю вам в подарок перчатки, я их сама связала и плакала, як дура, и не то щоб по вас, а над своей нещасной жизнью. А перчатки послала потому, что фронтовикам все посылают. Я зараз бригадиром у той самой бригаде, где вы командовали. Працуємо не то щоб як с вами, но получается — знамя красное не упускаем. Ждем от вас письмеца и кланяемся усей бригадой. Пропишите, як на войне, мы дуже интересуемся.

А за те слова, что сказала на прощание, вышло нечаяно, вы уж меня извините, я тогда была дуже расстроенная.

Анна Борщева».

Захар смял в кулаке письмо и, опустив голову, крепко стиснул зубы. Когда в избу вошел Павлюк, Захар неподвижно сидел, повернувшись лицом к окошку.

Над дымящимся овсяным полем висело солнце, падали косые полосы грибного дождя.

«Может, у нас теперь тоже дождь идет...» — И вспомнилось Захару, как однажды бежала с поля его бригада под проливным дождем. Дивчата, шлепая друг друга ладонями по мокрым, прилипшим к телу кофтенкам, неслись по станице наперегонки. Анютка бежала немного впереди Захара, быстро семеня сильными, забрызганными грязью ногами. Поворачивая

голову, она улыбалась Захару сверкающими в черных ресницах глазами.

Вошел Павлюк. Он сел на диван, сладко зевнув, сказал:

— Дождь идет... Говорят, к нам новый командир приезжает...

Торба молча встал и подошел к столу.

— По званию полковник, лейтенант Гордиенков рассказывал. Очень, говорит, свойский командир. Пятнадцать лет служит в армии.

Захар молча снял автомат, положил на диван. Сел за стол, вынул из кармана сложенную вдвое ученическую тетрадь, вырвал один листок и, нацелившись карандашом, призадумался.

— Письмо собрался писать? Жене или матке? — спросил Павлюк.

— Иди ты, милый, знаешь, куда? — огрызнулся Торба. — Ты мне не мешай, а то прогоню!..

«Дорогая Анна Митриевна, — писал Захар Торба, — получил я ваше письмецо, которое вы так хитро положили в перчатки, и поимел такую думку, що взять нужно самый оградадный дрючек, а сучья не обрубать, а бить меня так, щоб люди дивились. Был я вроде шелудивого бычка, который всю жизнь не может слинять, а все ходит с ключьями шерсти. Один раз слинял, когда служил в Красной Армии. А як приехал до дому, снова трошки оброс. Зараз я, Анюта, слинял так чисто, як тот жеребенок по весне. Был я, как кривое полено, которое не уложишь ни в один рубок, а вот на войне выпрямлюсь. И стыдно мне, что учинил я вам такое лиходейство. Зараз прочитал я ваше письмо, и сумно мне стало и горько за то, який я был дурень...» — Захар сильно нажал на карандаш и сломал его.

В сенцах заскрипели половицы. Кто-то, позвякивая шпорами, шел в штаб.

Торба поднял голову. Перед ним стоял незнакомый командир в бурке с широчайшими плечами.

— Сюда нельзя, — проговорил Захар, вставая.

— Почему нельзя? — спросил вошедший.

— Приказано в штаб посторонних не пускать, — ответил Торба.

Командир насмешливо взглянул на Захара и подошел к дивану, у которого стоял с карабином в руках Павлюк.

— Товарищ командир, зараз я на посту и шутковаты не люблю...

Не обращая внимания на слова Торбы, командир взял лежавшую на столе бумажку, прочитал ее, покачал головой, усмехнулся, спрятал бумажку под бурку, — должно быть, положил в карман. Это вывело Торбу из себя, и он решил поступить по всем уставным правилам. Но тут произошло нечто такое, что заставило Захара понять свою непоправимую ошибку: командир в бурке взял лежавший на диване автомат.

— Павлюк! — хрипло прошептал Торба.

Но тот нерешительно переложил карабин из одной руки в другую и, моргая, растерянно посматривал то на командира, то на Торбу.

— Положите автомат, товарищ командир, — проговорил Захар и решительно шагнул вперед. Казалось, еще секунда — и он бросится на командира.

Командир вызывающе прищурил глаза и властно крикнул:

— Но, но! — и отвел затвор автомата.

Торба побледнел и замер на месте.

— Ну и казаки! Эх!.. А ты что ж стоишь? Помогай товарищу! — спокойно проговорил командир, повернувшись к Павлюку. — И это называется на посту, да еще в штабе!

Взглянув на Торбу колючими глазами, иронически добавил.

— «Шутковаты не люблю...» Э-эх!

Торба молчал.

— Вот что, товарищ, извини, фамилии не знаю, — обращаясь к Павлюку, сказал командир.

Тот, не отвечая, глуповато моргал.

— Павлюк! — хриплым голосом ответил за него Торба.

— Павлюк? Добре! — И, снова взглянув на Торбу, со скрытой насмешкой сказал: — А я, станичник, не тебя спрашиваю. Вам, товарищ Павлюк, придется разыскать командира группы и позвать сюда — только быстро, аллюр два креста!

Захар понял, что этот человек привык распоряжаться.

Сдвинув на глаза пилотку, Павлюк поспешно вышел.

Торба стоял по команде «смирно», с видом непреклонного протеста, искоса посматривая на автомат. Вдруг его осенила догадка. С отчаянием взмахнув кулаком, он выпалил:

— Вы — новый командир! Зараз догадался, товарищ полковник!

— Ну, что ж, лучше поздно, чем никогда! Я смотрю, — сидит за столом, как казачий атаман, и грамоту сочиняет. Автомат бросил... Ну, что ж, на первый раз, ради нашего знакомства, подарить пару внеочередных нарядов? Коней любишь?

— Какой же кавалерист, ежели он коня не любит, — хмуро ответил Захар.

— Вот и отлично! Придется на конюшне подневалить. Кто коней любит, это одно удовольствие! Доложишь своему командиру. Смотри, казак, не обижайся, что мало дал. Обидишься — влеплю на всю катушку. Возьми автомат, да помни, что из моих рук получил. — Доватор передал

Торбе автомат. Принимая оружие, Торба не заметил, как смахнул рукавом со стола свое недописанное письмо.

— Какого подразделения? — спросил Доватор и, нагнувшись, поднял письмо.

— Разведчик, — ответил Захар.

— Так! — Доватор бегло взглянул на письмо и протянул Захару. — Письмо послать надо. Зачем бросаешь?

В голосе его уже не было прежней властности. Захар уловил в словах командира нотку сочувствия.

— Жене, что ли, писал?

Глаза Доватора зорко следили за выражением лица Торбы.

— Нет у меня жены!

— Сколько же тебе лет?

— Девятьсот одиннадцатого, — ответил Захар, стараясь не смотреть на полковника.

— Солидно. И все холостяк?

— Нет, один раз женился... — Захару неприятны были эти вопросы командира кавгруппы, но в то же время он невольно начинал проникаться к нему уважением. Полковник не кричал, не читал длинных нотаций, — сразу вошел, как настоящий хозяин. Заметив беспорядок, откровенно рассердился и показал, что так нести караульную службу нельзя. И наказал...

— Умерла, что ли? Или развелся? — И, не дожидаясь ответа, Доватор продолжал: — Бывает!.. Анна Митриевна не жена? Ну, конечно, кто же «Митриевой» будет величать жену, верно? — Доватор весело рассмеялся. — Ты меня прости, я только две верхние строчки прочитал.

— Там, товарищ полковник, секретов нема! — Захар сунул руку в карман, вынул письмо и доверчиво развернул лист. — Можно прочитать...

— Незачем!

— А затем, что это письмо виновато... Автомат из рук выпустил. В душе зашкрябало, вот и письмо почав писать... Ежели бы не оно, вы б сюда так не зашлы. Зараз дочитайте до конца. Я вас очень прошу, товарищ полковник!..

Доватор пристально посмотрел на Торбу и понял, что казака томит душевная тревога. Взял недописанное письмо, прочитал, спросил:

— Какое же ты учинил «лиходейство»? Расскажи, а то непонятно...

Доватор сел на диван, снял фуражку и приготовился слушать.

ГЛАВА 3

История Захара Торбы была такова.

Женили его двадцати лет, перед самым уходом в Красную Армию. Настояла на этом мать. По ее старозаветному расчету следовало после ухода сына иметь в хозяйстве лишние рабочие руки.

После двух лет службы потянуло Захара домой, да так, как может потянуть только молодая жена. Ехал служивый домой, обновленный в армии духовно и физически. Ждал встречи с женой, родными и друзьями. Не терпелось рассказать, как ловили диверсантов, контрабандистов, показать, как он может делать «солнце» на турнике, рубить лозу обеими руками, поднять на загорбке коня...

Стосковался Захар по голубоглазой хохотушке Фросе. Сколько передумал он о ней, стоя в секрете на берегу Амура, сколько за два года писем послал, и в каждом из них было новое, нежнейшее прозвище: «Диана», «Волшебница», «Ласточка».

Теперь ему стыдно вспомнить об этих письмах. А писал он так:

«Ласточка моя! Думка все о тебе, и режет она мне сердце, как кавалерийская сабля. И колет, как острая пика, но я вкладываю себе в рот трензеля и крепче натягиваю повод. Зараз учусь бить всех международных врагов на случай, ежели сунутся. Закончу службу, отпущу повода и во весь намет полечу до тебя, мое коханье, до тебя...»

Но Фросю не очаровывали эти кавалерийские сравнения. Приказчик потребительского кооператива оказался более практичным парнем. Фрося не дождалась казака...

Услужливая людская молва донесла до ушей Захара нехорошие слухи.

По старому казацкому закону следовало отрубить Фроське голову. Но жизнь выжгла их, эти законы, как выжигают в поле дикий прошлогодний чертополох.

— Знаешь, жинка дорогая, зараз надо тебе к приказчику переехать... И будет краще! — сказал Захар Фросе. — А то во мне хоть глубоко, но чорт сидит, мабудь и не великий, самый малый, но в недобрый час выскочить может...

Фрося переехала к приказчику. Захару казалось, — захватила она с собой что-то самое ценное, что он бережно хранил в глубине своего сердца. Остался казак один, с поцарапанным нутром, и никак не мог понять: чем он хуже долговязого приказчика, которого можно вожжой пополам перешибить?

Весной, с началом полевых работ, Захар был назначен бригадиром, рьяно взялся за колхозные дела и уже меньше ощущал в себе томительную пустоту. Однако при всяком намеке на женитьбу он протестующе настораживался, как конь, которому хотят всунуть в рот железные тrenzеля. Так продолжалось не один год...

Однажды на сенокосе, во время шабаша, Захар отдыхал под копной. Неожиданно подошла и села рядом с ним Анютка Борщева.

— С бригадиром хоть маленько рядышком посидеть! Все, глядишь, лишний трудденек запишет. Правда, Захарушка? — Она плутовски посмотрела на него и громко рассмеялась.

Торба давно заметил, что Анютка часто косит на него глаза, улыбается ему. Он знал, что эта кубанская красавица отказала десятку лучших женихов, выбирая какого-то «особенного». Любила она повольному балагурить с мужчинами, раззадоривала их смелой шуткой, но вела себя гордо и недоступно, а на молодых парней не обращала внимания.

— Блажишь ты, Анютка, замуж тебе пора.

— А отчего, Захар Тимофеевич, тебе жена изменила? — не скрывая насмешки, спросила Анютка.

Захар побагровел. Наклонившись, он дыхнул в ухо девушки такое словцо, от которого Анютка зарделась, словно она не под копной сидела, а у печки блины пекла. Не желая считать себя побежденной, она полезла напролом.

— Говорят, будто Фроська с приказчиком Яшкой твои письма вместе читали, а потом Яшка ей диктовал, а она тебе ответ писала. Верно или нет?

Скошенный луг огласился взрывом хохота.

— А ты поди и спроси у них! — ответил посрамленный бригадир.

С этого дня Захар перестал замечать Анютку, словно ее и не было в бригаде. На работу он назначал ее через других.

Анютка, чувствуя свою вину, пробовала заговорить с ним снова, но Захар глянул ей в глаза смело, гневно и с таким презрением, точно перед ним была не красавица Анютка, на которую он, бывало, пристально поглядывал, а самый что ни на есть его смертельный враг. Ненавидел он ее искренне и люто.

Что недоступно, то всего милей. Вот и чувство девушки к Захару разрослось до таких размеров, что она по своему страстному и решительному характеру готова была пойти на любой, даже безрассудный шаг...

После окончания летних работ, на торжественном колхозном празднике, чествовали бригаду Захара Торбы. Бригаде было вручено

переходящее знамя, а бригадира премировали буркой чудесной работы.

Опьяненный радостным чувством победы и душистым вином, Захар вместе с другими казаками пел песни. Потом выскочил из-за стола и с удивительной легкостью пошел отделявать такую наурскую, что даже старички и старушки, блаженно улыбаясь, начали пришепывать ладонями.

После пляски Захар накинул на плечи новую бурку и незаметно для других ускользнул с праздника. Ему хотелось побыть одному. Душа его кипела радостью, а жизнь казалась осмысленной, наполненной трудом, молодостью.

Торба направился к реке, но не успел миновать длинный омет заскирдованного сена, как услышал за собой шаги. Повернувшись, он лицом к лицу столкнулся с Анюткой.

В сумраке ранней осени темная река плескала тихими холодными волнами. На небе мерцали тусклые звезды.

— Ты что, бригадир, ведьму шукать пошел? — негромко проговорила Анютка.

Смущенный неожиданным появлением девушки, Захар молчал.

— Скажи что-нибудь!

— Вот найду ведьму, тогда скажу, — пробормотал Захар.

— Я ведьма... Холодно же мне, — вот ведь какой невнимательный! — и с этими словами Анютка, распахнув широкие полы, юркнула под бурку Захара.

Захар коснулся дрожащей рукой упругой, затянутой в шелк талии девушки. На ней было зеленое с белыми разводами платье, очень красивое, нарядное...

Под утро, когда пропели вторые петухи, по узкому переулку, в густой темноте, шли Захар с Анюткой. Где-то на улице послышался девичий визг, прозвенел веселый смех и замер в приглушенном, воркующем шёпоте.

— Ты меня любишь или нет? — прижимаясь к Захару, горячо шептала Анютка.

— Не знаю, — помолчав, отвечал Захар. В сердце его не было прежней ненависти к Анютке, но и любви тоже не было.

— А может, ты на мне и не женишься?

Захар ждал от Анютки слез, раскаяния, но их не было. Ему начинало казаться, что во всем, что случилось, скрывается преднамеренный расчет, заранее подготовленный, обдуманый, и в душе Захара рождалось чувство, похожее на возмущение. «Все женихов выбирала, а тут сама повисла, как петля на шее...»

— Ты, Захарушка, приходи завтра. У нас все уехали на свадьбу. Мы

пойдем распишемся и никому, никому не будем пока говорить...

— А зачем это? — хмуро спросил Захар.

— Да ну, какой ты... Свадьба, гулянка, «горько» орут, и все пьяные, — противно до тошноты! А у нас своя будет свадьба — тайная... — Анютка нежно гладила его сильную, твердую шею, жесткие, колючие волосы. Все ее существо было наполнено сейчас величайшим счастьем любви.

А Захар, у которого прошел первый порыв дурманящего хмеля, не понимал ее переживаний, а если понимал, так по-своему, грубо и эгоистично.

На другой день Анютка прождала Захара до самого вечера, но он не шел...

Вечер был дождливый, сумрачный, самый тоскливый осенний вечер, когда в поле по черным пашням и опустевшим дорогам гуляет влажный пронзительный ветер.

Анютка ждала, как только может ждать впервые и по-настоящему влюбленная девушка. Мысли ее были затуманены, с болезненным стоном в сердце звала она счастливую, еще не отравленную горестями любовь...

Колхозный сторож пробил на рельсе одиннадцать часов, Анютка вздрогнула. Ей стало жутко. Она содрогнулась от мысли, что должна погибнуть. «Да ты уже погибла», — шептала она пересохшими губами. Трясущимися руками, обрывая пуговицы, стала она стаскивать с себя новое платье, которое было еще наряднее вчерашнего, швырнула платье на постель и села, облокотившись о стол, подперев ладонями мокрые от слез щеки.

Так она долго сидела, полураздетая, истомленная ожиданием. Сидела, вспоминая светлые, как летнее облачко, девичьи мечты...

В сенцах загрела щеколда, открылась дверь, в комнату вошел Торба, бессмысленно улыбаясь. Он был пьян.

Анютка вскочила, сдернула со стола скатерть и накрылась ею.

— Отвернись... я раздетая...

— Ничего, ничего, — говорил Захар. Его потянуло подойти к ней, обнять ее.

— Ты почему днем не был? — не спуская с него глаз, спросила Анютка.

— Днем? Зараз краще... В загс, расписаться... тайно... от же глупая! — Захар, покачиваясь, хохотал пьяным, дурашливым смехом.

Анютка окаменела. Когда Захар шагнул к ней, она скомкала скатерть и концом ее хлестнула Захара по лицу.

— Уйди!

Ошеломленный Захар, закрывая лицо руками, пятился к двери.

В каком-то диком исступлении Анютка хлестала его по рукам, по голове. Опомнившись, Захар вырвал скатерть из рук Анютки и швырнул в угол. Анютка схватила лежавший около самовара топор. Задышающимся голосом проговорила:

— Уйди, говорю!

Всю постыдность своих поступков Захар понял только на другой день. После долгих и мучительных размышлений он пошел к Борщевым. Надо было объясниться с Анюткой, немедленно зарегистрировать брак — тайно или гласно, все равно! — лишь бы избавиться от стыда.

— Нету. Заболела, — ответила Захару тетка Фекла, мать Анютки, и тут же сердито спросила: — А зачем понадобилась?

Захар смутился.

— Да вот больную проведать. Мимо шел...

— А ты або лекарь, або акушер який, што хворыми дивками дуже зацікавився? — перебила его тетка Фекла. Глянула в окно, потом на Захара и крикнула: — От же скаженный! А вы ж побачьте, люди добрые, що вин робить починае! Я тобі зараз устрою, чертяка!..

Фекла кинулась к печке и схватила огромное суковатое полено. Секунду Торба стоял неподвижно, а потом ударил сапогом в дверь и пулей вылетел на улицу. Следом за ним выбежала Фекла.

Только у ворот Захар понял, к кому относились ругань Феклы и ее угрозы: громадный, пестрой масти племенной бык поднимал на рога новенький, с завившимися листьями плетень...

— А ты, казак, если в другой раз так ударишь дверь чоботом, — самого починять заставлю! — проговорила Фекла, когда отогнала быка. — Нюрка в Краснодар до лекаря поехала.

Возвращаясь от Борщевых, Захар шел, стараясь не попадаться людям на глаза. Он понимал, что случилось что-то непоправимое, ему хотелось увидеть Анютку, сказать ей... И если она не улыбнется прежней своей озорной улыбкой, — пусть ударит обухом по голове. Все равно!..

Вскоре правление колхоза откомандировало Захара на агрономические курсы.

Среди курсантов он был самым мрачным и рассеянным слушателем. Он часто писал Анюте. Та, получив его письмо, прочитывала, аккуратно вкладывала в новый конверт, наклеивала марку и отсылала обратно, не приписав ни единой строчки.

Так продолжалось почти год. Анютка появлялась в станице не чаще раза в месяц, на один-два дня. Она жила и работала в Краснодаре.

Однажды в город вместе с Анюткой поехала Фекла и пробыла там целую неделю.

— Ну как, видела? — спросил Феклу муж.

— Побачила, — поджав губы, отвечала Фекла.

— Комплекция-то у него чья? — Дмитрий Николаевич Борщев, работавший счетоводом в колхозе, любил мудреные словечки.

— Третий месяц пошел, не поймешь, в кого уродился. Чернявый да большеглазый. Справный хлопец...

— Значит, внук... Хм-да, поихать надо! Як зовут-то? — побрякивая, выпрашивал Дмитрий Николаевич.

— Ванькой.

— Ванька? Хай будет Ванькой. Но як же по батькови?..

— Це я не могу знать, пойдешь — попытай, может, скажет...

А Захар и не подозревал даже, что у него в Краснодаре растет Ванька.

Захар приехал домой незадолго до начала войны. В первый же день встретился с Анюткой. Она шла со станции. Узнав его, опустила голову, стараясь скрыть волнение. Захар пошел ей навстречу, но она свернула в чужой двор.

— Нюра! — окликнул Захар.

Но Анюта не оглянулась даже.

Накануне отъезда Захара на фронт она написала коротенькую записку и послала ему. Но Захара не оказалось дома: он уже находился в полку и только утром заехал проститься с родными.

Анюта прождала его весь вечер и утро, измученная тревожным раздумьем и безотчетной тоской. Не вытерпев, вышла на окраину станицы. Здесь состоялась их последняя встреча...

Так вот и выложил Захар перед полковником всю свою историю, — может быть, и не так, как она описана здесь, — однако рассказал все подробно, даже не забыл про топор и про быка, только умолчал о скатерти. Неудобно было признаваться казачине, что дивчина отхлестала его тряпкой. Не сказал и о сыне, о существовании которого Захару не было известно.

Лев Михайлович слушал внимательно, иногда задавал вопросы, иногда молча хмурился. Когда Торба кончил свою исповедь, полковник закурил и спросил:

— А сам ты чувствуешь, что виноват во всем?

— Сначала одна была думка, потом другая, а зараз третья. Як побыл на войне, самый малый пустяк кажется найкращим!

— Анюта не пустяк, а человек!.. А письмо такое ты зря написал, надо как-то по-другому... — Подумал, потом решительно добавил: — Нет,

пожалуй, пошли так, как есть! Сучкастое твое письмо, но зато откровенное. Так лучше будет. Только вот «Анна Митриевна» — это нехорошо... Напиши просто «Здравствуй, Анюта!» Колхозникам напиши, — им дорога каждая весточка с фронта. Народ нас воевать послал, законно интересуется. Ну, добре, мы еще потолкуем...

Во дворе кто-то громко крикнул на коня: «Стоять, ишь ты!» В сенцах слышались шаги, открылась дверь. Вошел чернобровый казачок в щегольской кавалерийской венгерке, со свертками подмышкой.

— Покушать, товарищ полковник, — проговорил он, шурша газетой.

Доватор скользнул взглядом по сверткам и, посмотрев на часы, с досадой поморщился.

— Вы, товарищ полковник, со вчерашнего дня ничего не кушали, — обиженно проговорил коновод. Он хотел еще что-то сказать, но Доватор нетерпеливо остановил его:

— Ничего! Надо тренировать вот эту кухню, понял? Война-то только начинается! — Он шутливо похлопал коновода по животу. — А ты коней накормил? Нет? Значит, и самим есть пока не положено. Да, кстати, кажется мне, что Сокол жалуется на левую переднюю ногу, — надо посмотреть.

— Кони получают в свое время. А вам надо сейчас покушать, — упрямо настаивал коновод.

— Я смотрю, Сергей, ты во сто раз хуже моей жены! Ей всегда казалось, что я мало ем. Начнет уговаривать: «Вот этого поешь, да то попробуй». Так напробуешься, что лень одолевает, поспать хочется. Верно?

Доватор, улыбаясь, смотрел на Торбу.

— Точно так, товарищ полковник! Жирный кот на мышей не охотится, — весело сказал Захар.

ГЛАВА 4

С приездом Доватора в кавгруппу началась горячая подготовка конницы к рейду по глубоким тылам противника.

Это было сложным делом. В боях дивизии понесли потери. Их необходимо было восполнить.

На подготовку к рейду был дан жесткий срок. За этот срок прежде всего надо было научить людей особой тактике действия в тылу врага, повадки которого были еще мало изучены.

В первые дни войны бывали кое-где случаи, когда слово «окружение» иногда становилось источником путаницы, неразберихи, а порой и паники, которую поднимали трусы и разгильдяи.

На долю Льва Михайловича Доватора выпала почетная задача: развеять боязнь окружения и доказать на практике, что бить врага можно всюду, — были бы на то воля и умение.

Но на первых шагах Доватору пришлось столкнуться и с такими людьми, которые, еще не успев как следует повоевать, возомнили себя опытными стратегами. Они готовы были спешить кошницу и превратить ее в пехоту. Они полагали, что наша армия должна перейти к стабильной обороне.

Прочитав боевой приказ о подготовке к рейду, подполковник Холостяков сказал Доватору:

— Я не обсуждаю приказа, а высказываю свое мнение... Несколько дней назад мы едва вырвались из окружения, а сейчас сами полезем в пекло!.. Обо мне можно подумать, что я трус. Постарайтесь понять, товарищ полковник, что для военного человека умереть вовсе нетрудно... — Голос Холостякова звучал надорванно, с волнующей хрипотцой. — Сейчас как раз нужно жить, чтобы разбить фашистскую армию. Значит, нужно беречь человеческие жизни. Скажу вам откровенно, при такой обстановке я бы не пошел с конницей по тылам противника, а щадил бы людей...

Доватор слушает его молча. Медленно подняв от стола голову, внимательно своими ясными, острыми глазами оглядывает этого человека с ног до головы. Поощрительно и сдержанно говорит:

— Продолжайте, пожалуйста...

— Сейчас на всех фронтах сложное положение. Вы это, надеюсь, отлично знаете. Нам потребуется много живой силы, много резервов и технических средств. Стратегическая обстановка пока складывается не в нашу пользу.

— Это слишком туманно выражено, товарищ подполковник. Говорите ясней.

Еще в штабе фронта Доватор слышал много разговоров о немецкой стратегии и тактике, о быстроте маневренных передвижений. Сам выспрашивал подробности у знакомых командиров, побывавших в бою. Это были полезные деловые суждения, без уныния и подавленности. Но тут Холостяков с назойливой бесцеремонностью внушал другое.

— Слишком туманно, — повторил Доватор.

— Постараюсь говорить ясней, — продолжал Холостяков. — Будем

смотреть правде в глаза: Ельня окружена противником, Смоленск пал, фронт приближается к Москве, самые важные магистрали в руках немцев, а мы намерены расплыть силы. Надо их концентрировать и готовиться к обороне. Командиры штаба армии не протерли еще глаза. Не видят и не чувствуют обстановки!

— Понимаю! — соглашается Доватор. — Однако, мне кажется, штаб армии и вы желаете как раз противоположного. Не писали вы об этой вашей точке зрения наштарму?

— Не писал, а говорил, — ответил Холостяков. — Этим партизанским рейдом сейчас болеют все командиры и политработники. Ну и кавалеристы, конечно. Совершить марш по тылам врага с клинками наголо очень соблазнительно, но...

Холостяков поймал холодный взгляд и скрытую усмешку Доватора, и ему стало как-то не по себе. Странную скованность он испытывал в присутствии этого молодого полковника. Вопросы его были деловые, обдуманые, а реплики меткие, хлесткие, как удар хлыста, которым заставляют коня итти в галоп. Стараясь подавить неприятное чувство, Холостяков стал говорить громче, не подозревая, какую злую шутку задумал сыграть с ним стройный, с веселыми глазами полковник.

— Но я скажу, что итти самим в окружение при современной войне, это, знаете...

— Да, пойдем в тыл, в окружение, — отвечал Доватор, присматриваясь к Холостякову.

— Мы с вами встретились двадцать минут тому назад, — продолжал тот, — не знаем друг друга, но я беру на себя смелость заявить вам, что операция эта гибельная: напрасно погубим конницу.

— Да, я, пожалуй, согласен с вами! — неожиданно заявил Доватор.

— Что?.. Вы согласны? А мне, признаться, показалось, что мы не понимаем друг друга... Я привык говорить, что думаю, и очень рад, что мы пришли к единому убеждению.

— Надо сформулировать выводы и послать штабу армии, — задумчиво проговорил Доватор. — Я, пожалуй, продиктую вам, запишите. Напишем коротко и пошлем по радио шифровкой: «Предполагаемая операция кавалерийских дивизий по тылам противника не может быть осуществлена ввиду совершенности стратегии и тактики немецкого командования. Такое мероприятие повлечет за собой окружение и уничтожение конницы. Подробности особым рапортом. Подпись: За полковника Доватора подполковник Холостяков».

— Но, понимаете ли, это... — начал в замешательстве Холостяков.

— Позвольте! Вы только сейчас говорили. Я ничего не прибавил!

— Да, но писать так нельзя... — смущенно ответил Холостяков.

— Если можно говорить, почему нельзя написать? — Доватор уже не скрывал иронии. — Нет уж, извольте подписать!

— Этого я не могу...

— Не можете? — насмешливо спросил Доватор. — Трудно?.. Вы не дописали трех последних слов: «Подробности особым рапортом».

Доватор испытывал жгучее чувство негодования, видя, как Холостяков трясущейся рукой дописывал «три последних слова».

— А в рапорте вы изложите все, что вам будет угодно, что вам «здоровый смысл» подскажет! — закончил Лев Михайлович и спрятал написанную Холостяковым бумажку в карман.

Порыв ветра надул оконные занавески, как паруса; жалобно скрипнули распахнутые оконные створки.

В штаб вошли Осипов, Наумов и лейтенант Гордиенков. Увидев их, Доватор оживился, повеселел.

— Мы ждали вас через несколько дней, — проговорил Осипов.

— Надо уметь появляться тогда, когда тебя не ждут, — улыбаясь и пожимая Осипову руку, отвечал Доватор. — Я уж и в дивизии побывал и к тебе в полк наведалься, обедал там, коня перековал, а хозяин и ночевать домой не приехал!.. Ах ты, старый косолапый дружище!..

— Обидно, Лев Михайлович, ей-богу, обидно. Значит, пропала целая ночь, а поговорить есть о чем! — с искренним сожалением сказал Осипов.

Алексей Гордиенков крепко обнял Доватора.

Капитан Наумов, внимательно наблюдавший шумную встречу, улыбался, точно радуясь свиданию старых друзей и непринужденному тону полковника. Доватор вопросительно посмотрел на него. Наумов шагнул вперед и отчетливо проговорил:

— Оперативный дежурный капитан Наумов!

— А как вы сюда попали? — пожимая ему руку, спросил Доватор.

Наумов смутился.

— Вы были адъютантом у генерала в штабе фронта?

— Так точно, — ответил Наумов. — С генералом характером не сошлись...

— Люблю откровенность... Да, разные бывают характеры, разные люди... Я три дня назад в резерве спрашиваю одного капитана: «За что получил орден Красного Знамени?» — «За усы!» — «Как за усы? У тебя и усов нет!» — «Зато, — говорит, — у адъютанта атамана Шкуро такие были, — насилу шашкой сбрил». Пришлось этого капитана назначить

начальником штаба дивизии. Ответил хорошо... Товарищ подполковник, вы немного подождите, — сказал Доватор, заметив, что Холостяков хочет уйти. — Мне необходимо посмотреть материалы разведки.

Холостяков выдвинул ящик, положил на стол папку и молча отошел в сторону.

Доватор открыл папку. Долго просматривал лежавшие в ней бумаги. Здесь было несколько разведсводок штаба дивизии и целая пачка донесений отдельных разведгрупп. Большинство из них было составлено неряшливо. Попадались противоречивые сведения. Лев Михайлович достал из полевой сумки карту, сверил с ней какую-то бумажку.

— Тут, я вижу, сам аллах не разберется. — Постучал по папке карандашом, спросил: — Кто командир разведподразделения?

— Я, товарищ полковник! — выступая вперед, ответил Гордиенков.

— В этом районе есть немцы? — задал вопрос Доватор, показывая координаты.

— Точно неизвестно, — ответил Гордиенков. — Туда направлены две группы.

— Когда они должны вернуться?

— Группа номер один должна была вернуться вчера, но почему-то не вернулась...

— А разыскивать послали?

— Сегодня пошла вторая группа, — сказал Холостяков.

— Почему вчера не послали разыскивать? — упрямо допытывался Доватор.

Неловкое молчание.

Лев Михайлович обвел присутствующих взглядом. В его глазах пламенели искорки гнева.

— Вас интересуют живые люди или нет? А может, они уже мертвые? Интересуйтесь судьбой и мертвых людей! Вас спросят. Может быть, некоторые из них ранены, ожидают вашей помощи? А мы в это время с холодным равнодушием спорим об «искусной стратегии германского командования»! Извините!..

Он порывисто скинул бурку и отбросил ее на диван. Стройный, широкоплечий, с сердито сдвинутыми бровями, он резким движением одернул полы коверкотовой гимнастерки.

— Извините! — повторил он сурово. — Так воевать нельзя!

Все молчали, испытывая неловкость. Каждый чувствовал долю своей вины, а Холостяков в особенности, и каждый думал: «Как же это могло получиться?»

— Гордиенков! Немедленно серию разъездов на розыски. А сам — бери людей и привези мне... — Доватор взглянул на карту, быстро прикинул расстояние, — привези через двенадцать часов точные данные, что делается в поселке Ордынка и в хуторе Коленидово. Если что будет особо важное, немедленно присылай донесение. Понял?

— Так точно! — Алексей, повторив приказание, спросил: — Разрешите выполнять?

Доватор кивнул головой. Вслед за Гордиенковым вышел и капитан Наумов.

В комнате было тихо. Издалека доносился глухой гул артиллерийской стрельбы, слышались дрожащие звуки сигнальной кавалерийской трубы и тревожное конское ржанье.

— Отчего кони ржут? — неожиданно спросил Доватор.

— Овса просят, — проговорил Осипов. — Пятые сутки овса не получаем. Норму перебрали...

Доватор, сдвинув брови, посмотрел на подполковника Холостякова.

В эту самую минуту в штаб вошел коновод Доватора — Сергей. Выражение лица у него было такое, точно он пять минут назад убил человека и теперь пришел к прокурору каяться.

— Товарищ полковник, с Соколом неладно!

— Что такое? — встревоженно спросил Доватор.

— Захромал... не ступает. Кузнец, наверно, заковал. Вот в ихнем полку вчера перетягивали. — Сергей кивнул на Осипова.

— Не может быть! — возразил Осипов. — У меня отличные кузнецы.

— Чего там «не может быть»! — Доватор гневно глянул на Осипова, словно не кузнец заковал коня, а сам майор. — Это не кузнец, а палач! Где ты только отыскал его! — Круто повернувшись к коноводу, резко спросил: — А ты где был, когда ковали? Чего смотрел? Ты должен следить, как забивают каждый гвоздь! Чему я тебя учил? — И Лев Михайлович вместе с коноводом пошел осматривать захромавшего коня.

Следом за ним вышел и Осипов, огорченный тем, что коня заковали именно в его полку.

Во дворе, около деревянного сарая, стоял коновод, держа под уздцы накрытого белой попоной рослого темногнедой масти коня. Конь гордо и свободно вскинул небольшую сухую голову. Огромные, глубоко посаженные глаза его смотрели весело и испытующе; казалось, он был менее всего озабочен беспокойством хозяина. По нежной шелковистой, коже Сокола, по его мускулистой груди, выпуклым связкам, резко очерченным ноздрям, удлинненным бабкам Осипов опытным взглядом

завязатого лошади́ка оценил породу и должен был признать, что его красавица Легенда при всех ее качествах не имела тех статей, которые имел Сокол. Он был крупней, мускулистей и поразительно длинен в корпусе, что таило в себе огромную силу, выносливость и резвость. Конь стоял на трех ногах, поднимая левую, переднюю, чуть-чуть касаясь земли краешком копыта. Он помахивал головой, будто извинялся за неприличную позу, но глаза у него были задорные, ноздри красиво трепетали.

— Гробанули коня! — увидев Осипова, заговорил Доватор, гневно сжимая кулак. — На ногу не наступает, полюбуйся! Ну и ковали, нечего сказать, ведь это варварство, — в живое мясо гвоздь забить! А мой щелкопер коня не мог уберечь. Видишь, Сокол смотрит на меня умнейшими глазами и вроде спрашивает: «Как ты, хозяин, мог меня доверить этакому форсуну?»

— Недоглядел, товарищ полковник, разве я... — оправдывался Сергей.

— Пешком заставлю ходить! Пешком!.. Веди в ветчасть — и немедленно расковать! Компресс надо...

Сергей повел хромающего Сокола со двора.

Доватор присел на крыльцо, закурил и, протягивая Осипову пачку папирос, сказал:

— Не поправится Сокол — у тебя коня отниму. Мне уж говорили про твою кобылицу!

Осипов молча взял папиросу, закурил. Он своих кузнецов хорошо знал: это были лихие, бывалые, кадровые ковали, дружные и веселые хлопцы. Он видел, как они «обрабатывали» прибывших на пополнение коней. Степные дончаки, извиваясь, бились в стойлах, как пойманные звери, бешено фырчали, мотая головами, пытаясь освободить верхнюю губу от закрученного палкой ремня.

«А ведь и правда, может взять Легенду, — с тревогой думал Осипов. — Напишет приказ — и ничего не поделаешь...» Осипов сейчас же придумал хитрый «план» и не замедлил провести его в жизнь.

— Кузнецов я накажу... Ты думаешь, я для тебя коня пожалею? Бери в любое время! — покосившись на Доватора, обиженно проговорил Осипов. Он понимал, что сейчас не следует «ломиться в амбицию». Майор начал расхваливать Легенду. Конь Доватора просто тускнел перед ней.

— Слов нет, твой Сокол — конь породистый, а ноги все-таки подлыжные, зад отвисает, подпруга посажена низко, плечи очень длинные, да и перекошены...

— Не меняться ли хочешь? — не дослушав, перебил Доватор. Он уже разгадал Осипова. — Эх, Антон, барышник из тебя хороший! Ты мне не

финти, — со своей кобылой ты не расстанешься! Я тебя знаю!..

Они посмотрели друг на друга и громко расхохотались.

ГЛАВА 5

Августовский день клонился к вечеру. Солнце, окутанное дымом пожарищ, уходило на запад.

Доватор прочитал газету и, задумавшись, держал ее перед собой. Сводка опять сообщала об оставленных городах, о жестоких сражениях. Немцы заняли Витебск. Немецкий сапог топтал родной край Доватора — Белоруссию...

Вошел капитан Наумов и попросил газету. Лев Михайлович молча протянул ему «Правду». Капитан ушел. Доватор долго сидел не двигаясь. Перед его глазами все еще стояла виденная утром картина. Он ехал в штаб группы. Навстречу, по дороге, на предельной скорости мчались автомашины, переполненные ранеными. А по обочинам дороги бесконечной вереницей шел народ — старики, женщины с котомками за плечами, детишки. Коровы подымали запыленные головы, тоскливо ревели.

— Из каких мест, товарищи? — придерживая коня, спросил Доватор.

— Смоленские... Калининские... Белорусские...

— Из Бешенковического района Витебской области никого нет?

— А ты что, земляков ищешь? — спросила старуха, опираясь на суковатую палку, и подняла на Доватора слезящиеся, воспаленные от пыли глаза.

— Ищу, мамаша... Вы не оттуда?

— Ты, сынок, тут не ищи. Туда ступай, там ищи! — Старуха гневно потрясла палкой, указывая на запад.

Слова старухи, как горький упрек, больно ранили сердце...

Доватор встал со скамьи, позванивая шпорами, прошелся по комнате. С печки спрыгнула на пол желтая кошка. Доватор нагнулся и взял ее на руки.

— Ишь, остроглазая... Мышей ловишь? А еще что умеешь?

Лев Михайлович, поглаживая мягкую шерсть кошки, медленно ходил из угла в угол.

В комнату заглянула с узлом в руках хозяйка дома, пожилая женщина с добрым, усталым лицом.

— А я слышу — с кем-то вы разговариваете...

— С кошкой разговариваю, — ответил Доватор.

Хозяйка улыбнулась. Подошла к кровати, быстро постелила чистую простыню, сменила наволочки. Нерешительно спросила:

— Товарищ начальник, неужто и сюда басурман придет?

Не раз приходилось Доватору отвечать на такие вопросы, но всегда они волновали его.

— Пожалуй, придет, — сказал он и, подумав, уверенно добавил: — А вот живым-то едва ли уйдет отсюда...

Громко стуча сапогами, вошел коновод Сергей и молча поставил на стол еду.

Хозяйка вздохнула, поправила подушки и бесшумно вышла.

— Как Сокол? — спросил Доватор, продолжая гладить кошку.

— Расковали...

— Ладно, иди. Я с тобой еще поговорю...

Сергей ушел. Лев Михайлович взял с тарелки кусок колбасы и стал кормить кошку.

Офицер связи, явившийся по вызову Доватора, очень удивился, застав нового командира кавгруппы сидящим на корточках и кормящим кошку.

— Лейтенант Поворотиев по вашему приказанию прибыл! — смущенно отрапортовал он.

Доватор встал, осмотрел офицера с ног до головы, нахмурился и промолчал.

Поворотиев, нерешительно переступая с ноги на ногу, поправил кобуру от нагана, в которой с трудом помещался пистолет Токарева.

— Вы — лейтенант? — после длительной паузы спросил Доватор.

— Так точно! — ответил Поворотиев.

— Аттестованный, значит? — пряча усмешку, продолжал Доватор.

— Так точно. Аттестован.

— Не понимаю, — Доватор развел руками, — не то лейтенант, не то ефрейтор. Знаков различия нет.

Поворотиев виновато посмотрел на петлицы и покраснел.

— Поломались, а купить...

Доватор достал из полевой сумки блокнот, вырвал лист, присел к столу и стал что-то писать. Сложил лист, протянул лейтенанту.

— Передайте комдиву. А ко мне без знаков различия прошу не являться.

— Есть! Разрешите итти?

— Нет, подождите. Разыщите моего коновода и скажите ему, что я

приказал дать вам пистолетную кобуру.

Лейтенант вздрогнул, повернулся, больно лягнув правой ногой по щиколотке левой, и выбежал из комнаты красный от стыда.

Минуту спустя, садясь верхом на коня, он от волнения никак не мог поймать ногой стремя. Потом надвинул кубанку до самых ушей и шажком поехал по улице, стараясь разгадать, что кроется за строгостью полковника. Бросив поводья на луку, Поворотиев вынул из кармана синих брюк полученную от Доватора бумажку и прочитал ее.

Новый командир кавгруппы предупреждал комдива, что приедет сам, — лично будет поверять конский состав, вооружение, выюки, снаряжение... «А ведь посмотришь — кошку колбасой кормит!» Поворотиев усмехнулся, покачал головой и сунул записку в полевую сумку.

Вечернее небо было чистым, безоблачным.

Где-то одиноко и методически била пушка: немецкая привычка — тревожить русских, не давать покоя во время ужина. Однако жизнь шла своим чередом. Из леса вкусно пахло лавровым листом. Дымили кухни, перекликались связные, дневальные, посыльные. Гремели котелки, ведра. Весело выговаривали трубачи: «Бери ложку, бери бак, кто не хочет, иди так!»

За деревней Поворотиеву повстречалась женщина.

— Скажите, товарищ военный, где тут штаб? — поравнявшись с лейтенантом, спросила ода.

Поворотиев придержал коня.

Женщина торопливо вытащила из рукава записку, доверчиво протянула Поворотиеву. В ее усталых, ввалившихся глазах светилась улыбка. Лейтенант не сразу отвел взгляд от ее строго очерченных бровей, молодого загорелого лица. Стройную, сильную фигуру женщины горбатил висевший за плечами армейский вещевой мешок. Черный жакет, черная косынка, палка в руках делали ее похожей на странницу.

В записке, которую прочитал Поворотиев, Оксане Гончаровой предлагалось разыскать штаб «начальника Льва Михайловича». Фамилия начальника не упоминалась. Подписал записку Гордиенков.

— Хлопцы меня в лесу устрели. Командир расспрашивал, чернявый такой... Где этот штаб, товарищ военный?

— Придется проводить... — Поворотиев сделал вид, что смотрит на женщину недоверчиво. Она, сверкнув белыми зубами, приветливо улыбнулась.

Повернув коня, лейтенант коротко сказал:

— Идите вперед... Здесь недалеко.

В штабе капитан Наумов выслушал доклад Поворотиева и сухо заметил, что лейтенанту не следовало брать на себя обязанностей по патрулированию девушек, а нужно было выполнять то, что предусмотрено наставлением по полевой службе штабов в разделе: «Служба офицера связи».

Молодому лейтенанту ничего другого не оставалось, как сказать капитану: «Есть!» Про себя он назвал капитана «штабная душа» и дважды огрел плеткой своего ни в чем не повинного дончака.

Капитан Наумов приветливо предложил Оксане снять мешок и поставить палку в угол. После этого он провел ее к Доватору.

В комнату уже вползали вечерние сумерки, и лица Доватора Оксана не разглядела. Она видела только тускло блестящий глазок ордена, неясные очертания пряжек и ремней и решила, что перед ней важный начальник.

— Здравствуйте, — проговорила она тихо.

— Здравствуйте, — Доватор кивнул и придвинул ей стул. — Садитесь.

Оксана присела.

— Откуда идете?

— С под Витебска.

— Какого района?

— Бешенковического.

— Деревня?! — крикнул Доватор.

— Село Хотино, — ответила Оксана, испуганная криком и порывистым движением, с каким Доватор подошел к ней.

— Хотино? Фамилия, фамилия как?

— Гончарова...

— Григория Гончарова знаешь?

— Это мой батько... Откуда вы знаете? — А меня узнаешь?

Оксана некоторое время пристально всматривалась в побледневшее лицо Доватора. Откинувшись на спинку стула, чуть слышно проговорила:

— Узнаю... Бачьте!.. Да вы ж Левонтий Доватор! Мамо... — договорить ей не дали слезы.

— ...Як начали стрелять, як начали, — рассказывала Оксана Доватору. — Мы в лесу сидели, а потом у болото перебрались. Старики мои дома остались, а нас немцы начали гонять. Идут по лесу — из автоматов палять. Кругом трещить, на елках огонь вспыхивает... Ой, страшно было! Мы тогда у болото и убегли. Там ваша матка с батькой были...

— Где же они остались? — спросил Доватор, отгрызая кончик мундштука потухшей папиросы.

— Там, у болоте... Мы вместе жили. Хлеба не было. Грибы ели,

малину... Потом немцы и туда пришли. Все разбежались, потеряли друг дружку. Я одна осталась. Ночью шла, а днем в кустах ховалась. Ну вот и пришла... — Она опустила голову, закрыла лицо руками, заплакала.

— Добре, что пришла, добре!.. — Лев Михайлович щурит глаза, молчит. — Не надо, Оксана! — Он кладет ей на голову руку.

— Куда же мне теперь, Левонтий Михайлович? — спрашивает Оксана.

— Борщ умеешь варить?

— А то нет?

Долго в этот вечер расспрашивал Лев Михайлович Оксану о деревне, о родственниках, о друзьях, с которыми в юные годы организовал в Хотине комсомольскую ячейку.

— Мы еще побываем в Хотине, Оксана, мы еще вернемся!..

...Поздней ночью часовой видел, заглядывая в окно, как Доватор, заложив руки за спину, ходил по комнате из угла в угол. Сняв пояс и расстегнув гимнастерку, он подолгу сидел над боевой картой, читал какие-то бумажки, чертил карандашом. На схеме предполагаемого рейда выростали сотни условных топографических значков — кружочки, черточки, флажки, крестики, нарисованные синим и красным. Вот изогнутая синяя черта с множеством углов, протянувшихся через всю карту. Это передний край противника. Синие ромбики, притаившиеся в зелени кудрявых перелесков, — это танки. Проволочные заграждения в два кола отмечены двумя черточками, похожими на букву «Н». Синие кружочки со стрелками, похожими на жало змеи, — пулеметные гнезда.

Навалившись широкой грудью на стол, Лев Михайлович стремительно проводит красную черту. Заостренная стрела, как молния, впивается в передний край врага, пронзив его, далеко уходит в глубокий тыл, к сердцу родной Белоруссии. Доватор ерошит волосы, порывисто и уверенно набрасывает красные кружочки на фоне зеленых лесных массивов. Это районы сосредоточения полков и дивизий. От кружков во все стороны разбегаются огненные стрелки, пронзают синие гребешки немецких гарнизонов, штабов.

— По-волчьи будете выть! — шепчет Доватор. Он уже громит, рубит, уничтожает...

Снова встает из-за стола и ходит по комнате с карандашом в руках. Думает. Хмурит брови. Смотрит на часы, потом на нетронутую белоснежную постель, заботливо приготовленную хозяйкой дома. Но он не ложится на кровать. Часовой видит в окно, как полковник снимает со стены бурку и, закутавшись с головой, ложится на диван... К чему мять чистую постель, когда спать осталось совсем немного? Мягкая шерсть бурки

приятно согревает, от нее исходит родной кавалерийский запах...

Доватору не спится.

«Что, если не прорву фронт, понесу напрасные потери?.. Немцы блокируют полки, будут бомбить, расстреливать артиллерией... Не хватит боеприпасов, не будет продовольствия. Болота, белорусские болота!.. Что будешь делать, полковник Доватор?»

Но сейчас же пришли другие мысли:

«В лес! Иди в лес! В родном лесу — ты хозяин! Не горячись, больше думай. На то ты и командир. Тебе родина доверила кавалерийские полки!.. А вот о родителях не позаботился. Хоть бы телеграмму дал местным властям — разве не помогли бы старикам? Попадут в руки немцев родители полковника, коммуниста, — сразу же убьют...»

Телефонный зуммер. Стянул с головы бурку. Вот тебе раз! На столе горит лампа, а в комнате, на голубых обоях, играет свет прозрачного чудесного утра. Схватил телефонную трубку.

— Слушаю. Прибыли? Немедленно ко мне!

Из окна видно, как над озером Емлень гаснет последняя ночная звезда. У берегов волнуются, качаются камыши; из них выплывает одинокая утка-лысуха. В утреннем тумане ласково плещется озеро, покрытое мелкими гребешками волн. На западе клубятся серые тучи, и оттуда доносится глухой, свирепый гром...

ГЛАВА 6

Из разведки вернулся младший лейтенант Ремизов.

— Я имел задачу разведать районы Ордынки и Коленидова, — докладывает он. — Разрешите курнуть, товарищ полковник?

— Не разрешаю. Сначала доложите, а потом закурите!

Доватор исподлобья смотрит на круглое румяное лицо, на каракулевую кубанку. Он несколько озадачен вольным поведением разведчика.

Ремизов говорит оживленно, даже весело, будто строгий тон полковника, запретившего курить, не огорчил, а обрадовал его.

— В Коленидове до роты немцев, на окраине пулеметные точки — фронтом на север. Есть минометы — обстреливают Зикеево...

— Покажите на карте, где пулеметные точки.

Ремизов поправил съехавшую на бок кубанку и ткнул пальцем в карту.

— Вот здесь одно пулеметное гнездо, тут — другое.

- Точнее показывайте.
- Вот тут, около черной точки.
- Значит, у отдельного сарая? Так и говорите.

В сенцах голосисто пропела дверь, кто-то вытирал ноги о половичок, звеня шпорами.

- Разрешите?

На пороге стоял незнакомый Доватору подполковник в щегольской кавалерийской казачьей форме мирного времени, — синие бриджи с малиновыми лампасами, кубанка с таким же верхом. Китель ловко обтягивали полевые ремни.

— Подполковник Карпенков! Прибыл в ваше распоряжение из госпиталя.

- Если не ошибаюсь, Андрей Иванович Карпенков?

— Совершенно верно. Откуда вы меня знаете, товарищ полковник?

— Был о вас разговор в штабе армии, — уклончиво ответил Доватор, скрывая улыбку.

Доватору сразу понравилась ладная крупная фигура молодого подполковника, его смелые глаза, поблескивающие с обаятельным, чисто русским лукавством.

«Вот с таким можно хорошо воевать!» — подумал Доватор.

— Порох нюхал? — спросил он, переходя на дружеское «ты». — Садись!

— Немного и неудачно. — Карпенков прошел по комнате, поскрипывая хромовыми сапогами, и сел на диван.

— Совсем вылечился? — заметив краешек марли, выглядывавший из рукава Карпенкова, спросил Доватор.

— Пустяки!.. Извините, я, кажется, вам помешал?

— Мы сейчас кончим... Значит, в Коленидове противник — до роты с пулеметами, минометами. Так? — спросил Доватор Ремизова.

— Точно.

— В Ордынке что делается? Это самое главное...

— А в Ордынке никого нет. Я переправлялся...

— Никого? Любопытно! — Доватор задумался. Потом, взглянув на Карпенкова, поманил его пальцем и, показывая карандашом на карту, сказал: — Вам, как будущему начальнику штаба кавгруппы, необходимо знать, что для свободного прохода мы должны использовать этот пункт.

— Товарищ полковник, разрешите быть свободным? — спросил Ремизов.

— Идите, хорошенько отдохните, — мягко ответил Доватор.

Ремизов, откозырнув, вышел.

— Слушайте, Андрей Иванович, внимательно и записывайте.

Карпенков вынул из планшетки блокнот.

— Заготовьте боевой приказ. Сегодня ночью Ордынку захватить. Смотрите на карту: в первую очередь надо овладеть вот этими выступами леса. Иначе отсюда противник может фланкировать переправу. В районе отметки 96,3 — домик лесника — выставить боевое охранение. Лесные просеки непрерывно контролировать. Подтянуть туда пушки, если немцы полезут... Штабу армии напишите донесение: для ввода конницы в тыл противника есть свободный проход. Вот и все!.. — Взглянув на часы, добавил: — Потом приходите завтракать...

Через час Доватор и Карпенков сидели за столом. Весело шумел самовар. В бутылке слезливо поблескивала водка, на тарелках лежали консервы, ветчина, свежие огурцы. Карпенков с каким-то особым мастерством облупливал яйца и в два неторопливых закуса отправлял их в рот. Водку он пил, как молоко, — не морщился, не хмелел. Доватор пил мало. Разговор шел о рейде в тыл врага.

— Чувствуешь, какая нам предстоит операция? — говорил Доватор. — Мы ведь знаем, что такое клинок и что такое современная техника, и понимаем, как трудно будет драться, — может быть, и одними клинками. Мы не только должны быть храбры, но и хитры, предприимчивы, изворотливы и беспощадно злы! Жаль, нельзя взять с собой пушек...

— А мы пушки там должны добыть, — очищая от скорлупы неизвестно какое по счету яйцо, сказал Карпенков.

От выпитой рюмки водки лицо Доватора помолодело, а после бессонной ночи глаза его были задумчивыми и грустными. Ему хотелось рассказать Карпенкову, что старики его остались у немцев, но в то же время он боялся постороннего сочувствия. На начищенном самоваре горели солнечные лучи; из лесу доносилась протяжная кавалерийская песня. Она сливалась с тяжелым фырканием танковых моторов и оглушительными, как выстрелы, выхлопами.

Карпенков рассказывал Доватору, как он был ранен в июльских боях и отправлен в госпиталь. Лечился недолго.

— Не вытерпел, — говорил он, — самовольно уехал... Напишу врачам, извинюсь, — неудобно все-таки. Какое лечение! Сводку Информбюро прочитаешь — температура подымается! Вот вы хотите меня назначить руководить штабом, — неожиданно сказал он, — а я на этой должности был мало, вдруг подведу?

— А ты не бойся! Хочешь дело делать — берись смело. Мне вот тоже — и дивизией не приходилось командовать. А сейчас перед отъездом командарм сказал: «Действуй смело, но катушку разматывай с толком. Действуй так, как в трудную минуту действуют большевики». Вот я и действую... А подведешь или не подведешь, — об этом не хочется говорить. Я тебе предоставляю полную свободу, — не запутывай только себя сетью пустяков. Ищи основное, реальное, но не забывай и о мелочах. Главное в жизни решается людьми. Присматривайся к ним хорошенько, делай выводы: кто на что способен. Сделаешь правильные выводы — все будет в порядке, имеешь тогда право луну почистить конской щеткой, чтобы лучше светила. Не сумел — бери скребницу, иди на конюшню дневалить...

С улицы в окна ворвались голоса, конский топот.

— Гордиенков вернулся! — проговорил Доватор, взглянув в окно. Пять разведчиков, в том числе и Торба, шагом проехали мимо штабной квартиры. Медленно отворилась дверь. Неловко подпрыгивая на левой ноге, опираясь на палку, вошел лейтенант Гордиенков. Правую ногу, в распоротой, побуревшей от крови штанине, он держал на весу. На его лихорадочно блестящие глаза спадал темный чуб, лицо пожелтело, осунулось, губы кривились от боли, но он все же пытался улыбнуться. Следом за ним вошел капитан Наумов. Он уже узнал от разведчиков о ранении Алексея и отправил связного за врачом.

— Что случилось? — встревоженно спросил Доватор. — Ложись на диван! — Вместе с Карпенковым он помог Гордиенкову добраться до дивана.

— Что случилось, я спрашиваю? — Доватор, порывисто повернувшись к Карпенкову, проговорил: — Налей-ка ему водки!

— Подстрелили, товарищ полковник, — ответил Алексей, осторожно укладывая ногу на диван.

— Товарищ Наумов, доктора! Быстро! Где напоролся? — Доватор укоризненно покачал головой.

— Я уже распорядился, товарищ полковник, — ответил капитан Наумов.

— Да в Ордынке переправлялись... — начал было Алексей.

— Как в Ордынке? — перебил Доватор. — Там же никого нет!

— Да и нам сказали, что никого, нет. А я все-таки решил проверить...

— Кто тебе сказал?

— Да здесь говорили... Мы спешили и смело стали переправляться. Только вышли на берег, а там засада. Как чесанут из пулеметов и автоматов. Почти в упор... Мы залегли — да гранатами. Торба штук десять запустил.

Отстрелялись и ушли на Коленидово. Там действительно никого нет. А в Ордынке — до батальона пехоты. Жители говорят, что дней десять по ночам окапывались. А днем прячутся...

— Все ясно, — глянув на Доватора, проговорил Карпенков.

— Тот прохвост не разведкой занимался, а в кустах прятался, — гневно отчеканил Доватор и, повернувшись к Наумову, приказал: — Вызвать!

Наумов открыл дверь, пропустил девушку с санитарной сумкой и исчез в сенцах.

Девушка была самая обыкновенная, каких тысячи можно встретить. В защитной гимнастерке, в такой же юбке. На голове — коричневая барашковая кубанка, как-то особенно уютно и мило сидевшая на густых кудрявых волосах. Войдя в комнату, она тронула кончиками пальцев кудерьки, — совсем не по-военному, а как-то по-мальчишески — озорно, и, ни на кого не глядя, направилась к дивану, где полулежал лейтенант Гордиенков.

Положив на край дивана сумку, она спросила:

— Сильно? Нет?.. — достала бинт, вату и несколько пузырьков.

— Побыстрей, товарищ военфельдшер! — требовательно сказал Доватор.

Девушка подняла на него глаза, ласково кивнула головой, но тем не менее с прежней методичной неторопливостью продолжала рыться в сумке.

Казалось, вмешательство полковника не производит на нее никакого впечатления и не может изменить ход дела.

Это начинало раздражать Доватора. Он готов был прикрикнуть на нее, но удержался. Тонкие пальцы девушки умело вспороли ножницами бинт. Потом решительным движением она сдернула разорванную и грязную штанину с голени, обнажив розовеющую повязку.

— Все в порядке, — спокойно сказала девушка и снова закрыла повязку штаниной. — Чем: осколком или пулей? — спросила она Алексея.

— Вот тебе и раз! Ох, уж эта мне медицина! Человеку ногу прострелили, и это называется «все в порядке»! Почему вы все-таки не перевязываете?

Доватор готов был рассердиться не на шутку.

— Повязка хорошо лежит, товарищ полковник. Мы...

— Что «мы»?

— Мы возьмем его в медэскадрон и там переведем.

— Почему тут нельзя перевязать?

— Здесь нельзя вскрывать рану, потому что грязно.

В комнате было действительно неопрятно. Пол замусорен окурками, затоптан сапогами. На столе, вокруг самовара и недопитой бутылки, роились мухи.

Доватор сумрачно оглядел комнату и понял, что напрасно погорячился.

— Ты смотри, Карпенков, упрямая какая! — сказал Лев Михайлович.

— Кубанская! — Карпенков лукаво подмигнул.

— Ладно, везите в медэскадрон. Только лечите хорошенько!

В сопровождении Наумова вошел Ремизов. Увидев раненого Гордиенкова, он понял, зачем его вызвали. Приложенная к кубанке рука, как плеть, опустилась вниз.

— Повторите в точности утренний рапорт, — проговорил Доватор.

Ремизов не отвечал.

— Вы в поселке Ордынка были? Повторите — где пулеметная точка в Коленидове?

— Мне гражданские... я проверить не успел. Наблюдал — в Ордынке тихо... — Ремизов умолк, да и говорить-то ему не о чем было. Ночевал он в сарае, переправиться за реку побоялся. Утром встретил колхозников и узнал у них, что в одной деревне немцы, а в другой немцев нет, названия деревень перепутал.

— Ты присягу принимал? — коротко спросил Доватор.

Ремизов молчал, тупо смотря себе под ноги.

— Подполковник Карпенков, заготовьте материал для трибунала.

Алексей лежал с закрытыми глазами. Поступок Ремизова причинял ему боль сильнее, чем простреленная нога. Он готов был сию же минуту встать, повторить всю сегодняшнюю вылазку, снова лечь под жгучие строчки трассирующих пуль, которые вспарывали вокруг него мохнатые, заросшие травой кочки, только бы не видеть позорного поведения товарища.

Когда он открыл глаза, перед ним стояли санитары с носилками и военфельдшер Нина. В окно было видно ослепительно синее небо, пухлые облака, над ними медленно плыл самолет. Мотор убаюкивающе гудел, солнце голубоватым блеском сверкало на крыльях машины...

Санитары унесли Алексея. В открытую дверь ворвался ветер, зашелестел лежавшей на столе картой. Доватор прижал рукой завернувшийся угол карты, хмуро покосился на дверь и сказал Карпенкову:

— Приказ командира дивизии отменить, донесение штабу армии вернуть. Скандальная история!

Хотел было приказать, чтобы оседлали коня, но вспомнил, что Сокол захромал...

«Что же, чтобы развязывать запутанные узлы и петли, надо иметь крепкие нервы и умелые руки! — думал, оставшись один, Лев Михайлович. — Какие умелые руки у этой кудрявой девушки... Маленькая, а ведет себя геройски, — ведь настояла на своем! А полковник-то погорячился!..»

ГЛАВА 7

Кавалерийские лагеря разместились в густом ельнике. Здесь сухо и прохладно. Под ногами растет нежный мох, усыпанный хвойными иглами, и торчат сизые листочки черники, выпачканные раздавленными ягодами. Черники много. Казаки ходят с синими губами.

Стоят длинные, из мачтового сосняка коновязи, обглоданные лошадьми. Зеленеют уютные шалаши. Перед каждым шалашом — стройные пирамиды винтовок, тут же седла. Все это укрыто от дождя и «Юнкеров» лапами елей. Дорожки, тропочки подметены. Во всем армейский порядок.

У большинства разведчиков кони — гнедые степняки или рыжие, в белых «чулках», дончаки с северокавказских заводов. Есть и горбоносые кабардинцы, карабаиры, но этих меньше. Сегодня приказано навести коням полный туалет и выложить вьюки. Ожидается особая поверка. А пока коней осматривает «своя комиссия».

Старшина Ракитин лазит каждой лошади под брюхо. Мазнет марлевой тряпочкой по крупу против шерсти и скажет:

— Черно, как у фашиста в душе!..

Следом за ним ходит младший сержант Захар Торба. Он горд присвоенным званием и назначением на должность командира отделения и тоже придирается к каждой мелочи.

Третий член комиссии — писарь Володя Салазкин, в роговых очках, с папкой подмышкой. Он мечтатель и поэт. С первого же дня, как только Оксана Гончарова по приказу Доватора была назначена в разведку помощником повара, он влюбился в нее...

Комиссия в четвертый раз останавливается около Яши Воробьева. Яша вспотел, начищая свою лошадь. Рыжая, смиреннейшая на вид кобылица, с белым пятном на лбу, потягивается от удовольствия и ощеривает зубы. Она удивлена заботой хозяина.

Старшина Ракитин снова проводит тряпочкой по крупу лошади, и тряпочка снова становится бурой от грязи.

— Ее надо в Пятигорске в нарзанной ванне отпаривать, — говорит Торба, трепля лошадь по шее.

— Это что же такое, товарищ Воробьев? — спрашивает Ракитин.

Яша беспомощно опускает руки и роняет скребницу.

— Я, товарищ старшина, давно хотел обратиться к вам, да лейтенант мой не велел.

Говорит Яша с уральским «уканьем»: вместо обратиться — «убратиться», вместо оседлать — «уседлать».

— «Убратиться!» — передразнивает Салазкин и ставит Яше в графе «туалет» палку.

Салазкин и Яша Воробьев большие друзья, живут они вместе, но этой обиды Яша стерпеть не может. Он решительно заявляет Ракитину:

— Узьмите ут меня эту лошадь, я другую найду,

— Почему? — спрашивает старшина.

— Житья ут нее нет! Это не кобыла, а ведьма! Как только слез, пустил повода, она тут же на землю — бряк, ноги кверху и кувыркаться. В седле аль без седла — ей все равно. Вчера завьючил, поехал, не успел слезти — она бряк и опять ут привьюченного котелка лепешка получилась!..

— Может, у ней колики? Обкормил? — моргнув Торбе, спрашивает Ракитин.

— Малины объелась, — вставляет Салазкин.

— Ты лучше утойди!.. — Яша нагибается и поднимает скребницу.

Салазкин хочет обойти лошадь, но, вскрикнув, отскакивает в сторону. Кобыла, почувствовав чужого человека,хватила Салазкина зубами.

Салазкин смущенно смотрит на разорванный рукав и качает головой. Яша, размахивая скребницей, приплясывает от хохота.

— Ай да молодец! Надо бы тебя за язык.

— Видишь, а менять хочешь! Она за тебя заступается, — говорит Ракитин.

— Нет, товарищ старшина, куда хотите узьмите. Ведьма это, а не лошадь, надоела она мне, грязнуля такая. Все корят. Лейтенант корит, сержант корит, даже новый повар, товарищ Гончарова, поглядела на меня с усмешкой и говорит: «Ваш конек?» — «Мой». — «А почему он такой пачканный?» Срамота слушать.

Воробьев подошел к Золотухе, шмурыгнул скребницу о щетку и яростно начал чистить под брюхом.

— У, окаянная! — незлобно говорил Яша. — Выходит, взять кус мыла, ведро воды, мыть тебя да чистить? И от блудовства твоего нет никакого спасения! Не сердись, — я тебя выучу...

Комиссия направляется в другой взвод. Салазкин идет позади всех, придерживая разорванный рукав. «Даже иголки не попросил, рассердился», — думает, глядя ему вслед, Яша Воробьев.

Размолвки нередко бывали между друзьями, но всегда заканчивались миром. Писарь подавлял Яшу своей ученостью.

— Мудреный ты человек, Салазкин, — говаривал Яша.

— Мудрость — квинт всякой философии, — ошарашивал его писарь.

— От твоих слов, Володимир, волосы начисто вылезут! Ты мне вот что скажи: человек я фатовый, а нет мне счастья — хочется мне живехонького германца поймать...

— Прочитай «Шагреновую кожу» — узнаешь про счастье. Там кожа сокращается вместе с сроком жизни — математически.

— Ты, Салазкин, сшей себе из той кожи сапоги, а мне не навязывай.

— Чудак! Куль невежества!.. Это гениальное творение Бальзака, медведь!..

С появлением на кухне Оксаны пострадал не только Салазкин, но и Яша и даже старший повар Трофим Ворожейкин.

Ворожейкин пострадал по причине своего неуживчивого характера и грубых привычек.

— Чего это вы так ругаетесь, а еще красноармеец? — в первый же день спросила его Оксана.

— Что-о? — Трофим раскрыл рот от удивления.

— Ничего. Еще раз выругаешься — кипятком ошпарю! — Оксана гневно сдвинула брови. — Нехорошо, стыдно, — тихо добавила она.

Трофим стиснул зубы и с остервенением начал мешать борщ в котле.

Этот короткий разговор случился во время выдачи обеда. Посрамление повара произошло на глазах у всего эскадрона. Оксана была героиней дня.

— Не могу! — жаловался впоследствии Трофим Салазкину. — Во взвод буду проситься. Слово не вымолви, не ругнись, — старшина арестом грозитя...

Оксана накладывает из бака гречневую кашу и с усмешкой поглядывает на сумрачного Трофима. На кухне теперь если и не мир, то чистота и порядок.

— Ксаночка, сыпни с походцем! — весело кричали бойцы.

— С походцем, — будешь исты с прихлебцем! Следующий! — выкрикивает Оксана.

В стороне терпеливо ждут очереди Салазкин и Воробьев. Они умышленно приходят попозже других. Каждому из них хочется перекинуться с Оксаной словечком без документных свидетелей. Но дела у них

идут плохо. Их мало-мальский успех у Оксаны разом уничтожился с появлением Захара Торбы. Казачина поражал Оксану своим аппетитом, огромным ростом, непомерно большими руками, мохнатой кубанкой, мастерством петь песни и умением рассказывать. Она слушала Торбу с замирающим сердцем и, не спуская с него глаз, порой тихо смеялась, показывая белые зубы.

Мало того, числясь временно помощником старшины, Захар почти каждый день подкатывал к кухне на паре серых коней. Оксана садилась рядом с ним в бричку, и они ехали на склад получать продукты.

Торба брал вожжи. Красивые, откормленные кони рвались с места широкой рысью. Салазкин и Яша, терзаясь муками ревности, смотрели, как Океана, побаиваясь быстрой езды, невольно жалась к Захару.

— Салазкин, — мрачно говорил Яша, — ты бы хоть придумал чего-нибудь...

— Да я... — Но договорить не дал Торба. Он легонько оттолкнул Яшу и подставил полведерную посудину.

— Подсыпь трошки.

— Два? — спросила Оксана.

— Можно три...

У Салазкина, наблюдавшего сцену посрамления друга, ложка с кашей остановилась перед самым ртом...

...В ночном лесу — тишина. Только слышно фыркание коней, жующих сено. Иногда беспокойный сосед хватит зубами другого. От резкого конского визга вздрагивает дневальный, раздастся его сердитый голос, и — снова тишина...

Можно ли подумать, что в этом пятикилометровом лесном квадрате расположено такое огромное количество людей и техники?

Чего ждут они?..

«Осторожно с огнем. Эй!» — слышится властный, требовательный голос дежурного. «Огонь убрать! Кто курит?», «Осторожно с огнем!» — передается в ночь приглушенный шопот.

Где-то в ночи горячо кипит жизнь. Стучат моторы. Яркими полосами вспыхивают фары, мгновенно гаснут. Каски, штыки, хоботы орудий, ящики мелькнут в кузовах машин и исчезнут. Прожорливая война требует пищи: огня, металла, консервов, сухарей, леса и ткани, спичек и махорки.

...Августовская ночь. В небе висит красноватый осколок луны. А когда гаснут мощные лучи прожекторов, вспыхивают холодные звезды.

ГЛАВА 8

Кавалерийские полки выстроились на опушке леса. Ждут смотра.

— По-о-о-олк, сми-и-рр-но-оооо! — протяжно поет майор Осипов. — Равнение на средину, товарищи командиры...

С визгом вылетает из ножен кривой кавказский клинок и, блеснув на солнце, серебряной свечой ложится на плечо. Круто выгибая красивую голову, Легенда мерным галопом легко несет майора навстречу Доватору. От ветра полы бурок развеваются, как черные крылья, словно два могучих орла летят друг к другу.

Осипов выносит клинок перед собой и ставит лезвием влево.

Доватор слегка клонит туловище назад, осаживает коня. Сокол делает малую дыбку и замирает на месте.

Легенда танцует, как балерина. Отдав рапорт, Осипов четко и ловко опускает клинок к правому стремени.

В торжественном молчании замерли эскадроны. У каждого конника трепещет сердце, загорается огнем, гордой воинской страстью.

— Здравствуйте, товарищи казаки! — Доватор отделяется от группы сопровождающих его командиров, выезжает вперед и поднимает руку.

—Здра...!!! — рванулось в воздухе громкое, отчетливое, мощное тысячеголосое приветствие. От слитного гула голосов надломилось строевое спокойствие коней, по звону стремян, по колыханию длинных рядов ясно ощутилось, как они встревоженно переступали с ноги на ногу.

Над опушкой зеленеющего леса поднимается черная туча галок. Они кружатся над головами с беспокойным криком и исчезают за темной полосой перелеска.

Каждый выюк, каждый пулемет, каждую винтовку командир кавгруппы поверяет лично.

Лицо его то озаряется улыбкой, то сурово хмурится, Ничто не может ускользнуть от его пронизательного глаза.

— Котелки убрать в вещевые мешки. — Сверху привязывать нельзя. В лесу зацепишь веткой — шум, звон. Вдруг придется ехать у немцев под носом? Стремена, колечки обмотать тряпками... Сколько у тебя патронов? — спрашивает он у молодого кубанца,

— Шестьсот, — отвечает казак.

— Добре, — удовлетворенно кивает Доватор. — Гранат?

— Четыре.

— Возьмешь больше — не пожалеешь!..

Лихо подкатывает пулеметная тачанка. Крутой подбородок ездового, затянутый ремнем от каски, упирается в грудь. Он едва сдерживает четверку серых коней.

— Эк раскормил! — Лев Михайлович мрачнеет.

Майор Осипов что-то взволнованно шепчет начальнику штаба полка, высокому худощавому капитану, и показывает командиру пулеметного эскадрона из-под бурки кулак.

— Слушай, Осипов, — говорит Доватор. — Ты что решил — церемониал устроить? Почему пулеметы на тачанках, а не во вьюках?

— Будет сделано, товарищ полковник! — козыряет Осипов. — Готовим специальные...

Но Доватор не слушает его, подходит к тачанке и стаскивает брезент.

— Как работает? — кивая на пулемет, спрашивает он у первого номера.

— Отлично, товарищ полковник! — отвечает пулеметчик Криворотько.

Лицо у него широкое, скуластое, из-под каски смотрят серые улыбающиеся глаза.

— Сейчас посмотрим! — Доватор уверенно поворачивает затыльную плашку пяты и поднимает крышку. Боевая пружина, отлично смазанная, выползает из коробки и бесшумно падает на брезент. Лев Михайлович берет в руки стальную спираль, привычным движением вставляет на место. Он с улыбкой смотрит на Криворотько и, прищулив один глаз, говорит: — Умная машинка!.. — Вставляет побрякивающую патронами ленту и, переведя пулемет на зенитную установку, нажимает спусковой крючок.

Прозрачный августовский воздух разрывает хлесткая очередь.

Храпят, трясутся встревоженные кони, яростно грызут трензеля и горячо топчут копытами землю. Но ездовой, вытянув руки, еще крепче упирает в грудь подбородок и, все натягивая вожжи, выворачивает в стороны лебединые шеи коней.

Доватор спрыгивает с тачанки, вытирает руки тряпкой и говорит:

— Пулеметы в отличном состоянии. Но где вьюки, товарищ командир полка? Вперед, тачанки! — кивает он Криворотько. Нравится ему этот бравый пулеметчик.

— Вперед! — командует Криворотько. От восторга у него розовеют щеки, еще ярче блестят глаза. Он ловко прыгает на тачанку, молодецки козыряет Доватору.

— Вперед! — повторяет команду ездовой. Взмывают кони, под копытами вихрится пыль.

Спецподразделения поверяет подполковник Андрей Карпенков.

— Разведчики?

— Так точно, — отвечает немолодой казак Филипп Шаповаленко. Он держит под уздцы кофейной масти дончака и нежно поглаживает ему ноздри, отгоняя веткой липнувших к нему мух.

— Ты куда служить пришел? — огораживает его вопросом подполковник и недобро щурит глаза.

— Як куда? В Червону Армию! — отвечает Шаповаленко.

— А Червона Армия тоби ярморок, чи шо?

Шаповаленко смущенно молчит.

— Ты волов куповаты пришов або фашистов бить?

— Бить фашистов!

— Добре, — соглашается Карпенков. — А чего же ты, милый, заправлен, як цыган в Куцах на ярмарцы? Бачьте, на кого вин похож. Пояс на пупу, штаны грязные и съихали...

Шаповаленко виновато оглядывает себя и торопливо одергивает гимнастерку. Вид у него действительно неказистый. Стряслась с ним накануне беда. Послал его старшина в деревню — взять проводника и осмотреть дорогу, по которой можно было бы вывозить принятое у колхоза сено. В проводники ему дали престарелого деда-пасечника Сергея Ивановича. На обратном пути он затащил Филиппа Афанасьевича к себе на пасеку и угостил такой брагой, что через час оба они воспылали воинственным духом. Сидя, за столом и размахивая руками, приятели старались перекричать друг друга.

— Немец — сукин сын! Куда ж вы его пускаете, а? — упрекал Сергей Иванович.

— Як пускаем, як? Это ж — стратегия! — оборонялся Филипп Афанасьевич Шаповаленко. — Мы що, не поколотим его? Нет, скажешь? — кричал он, стуча по столу кулаком. — Порубаем головы вместе с чупрыной!..

На прощанье дед заставил Филиппа Афанасьевича выпить еще, насовал ему в переметные сумы огурцов, луку, картошки, даже положил здоровенный красный бурак и дал в руки полный горлач меду, который Филипп Афанасьевич по дороге разбил о переднюю луку, выпачкался сам и обмазал медом дончака.

Вернулся он поздно, в сумерках ничего не разглядел, а утром привести себя в порядок не успел, даже не смог как следует привьючить попону и шинель.

— Разве так вьючат? Концы тренчиков торчат, как шавкины уши! — распекал его Карпенков, тыча плеткой в переметки. — А сюда кавунов

напихал, чи шо? А ну, кажи!

Шаповаленко молча расстегнул переметные сумы. Вместо патронов там лежали подаренные Сергеем Ивановичем овощи.

— Ба-а!.. Так и знал, що тилько кавунов нема! — воскликнул Карпенков.

У Филиппа Афанасьевича от стыда щеки становятся красными, как бурак, выкатившийся из переметной сумы.

— Ты какой станицы?

— Славянской, — поеживаясь, отвечает Филипп Афанасьевич. Что-то зловещее слышится ему в этом вопросе.

— Брешешь! Там таких сроду не было!

— Да точно, товарищ подполковник...

— Не было, говорю, таких, — повторяет Карпенков. — Я же знаю славянских! Там казаки — будь здоров! Вот что! — Карпенков сверлит Шаповаленко глазами, — Если еще раз увижу тебя в таком виде — не пеняй. Сфотографирую — и карточку в колхоз пошлю. Пусть любуются на «бравого казака».

— Да що вы! Да зроду!.. — в ужасе бормочет Шаповаленко.

— Уж я тебя на всю станицу прославлю! Кто командир подотделения?

— Я, товарищ подполковник, — отвечает Захар Торба.

— Почему такой беспорядок? — Карпенков тронул носком сапога бурак. — Помогите, товарищ младший сержант, вашему подчиненному упаковать этот магазин! Ну и дал мне бог земляков! — сокрушенно вздыхает подполковник.

По рядам разведчиков пробежал сдержанный смешок. Легче Захару получить пять внеочередных нарядов, чем слышать эти слава и смех товарищей!..

— Шевелись ты, чорт старый, — шипит Торба на Филиппа, как только подполковник отходит. — Тоби следовало бы не добровольцем на фронт, а в колхозе баштан караулить!

— Скажу тебе, Осипов, прямо, — провожая последний эскадрон, говорил Доватор, — боевая готовность в полку чувствуется, но ты не понял нашей задачи. Мало того: ты не выполнил приказа командира дивизии. Выехал, как на торжественный парад, с кавалерийским форсом, а главное-то забыл: мы готовимся к рейду по тылам противника. Зачем ты выкатил тачанки? Я их видел у тебя в полку. А как пулеметы повезешь — сам не знаешь. Вместо того чтобы больше взять патронов, казаки везли в переметных сумках разное барахло: тряпки, бульба, огурцы. Котелки,

стремена, шашки, кольца от недоузтков звенят, как шумовой оркестр. Овес получили, а кабурчаты наполовину пустые. Вьюки плохие. Или не знаешь, как вьючить? Я научу. Надо разъяснить людям, что мы не сегодня, так завтра получим приказ выступать, а у нас пулеметы на тачанках... Ну, что скажешь? Оправдывайся, если хочешь.

— Что тут оправдываться?.. — Осипов оторвал приставший к бурке репей. Он был огорчен результатом смотра.

— Твой полк снова буду почитать. Срок даю одни сутки, — проговорил Доватор.

Коноводы гуртом вели командирских лошадей. Впереди — Сергей. Доватор, кивнув Осипову, пошел навстречу своему коню.

ГЛАВА 9

Вечер. В шалаше майора Осипова светло и уютно. Коновод его — Кондратий Чугунов — где-то раздобыл самодельную лампу из консервной банки. Шалаш у Осипова — просторный, по-своему даже комфортабельный. Кровать — на четырех ножках, вбитых в землю. На них положены три горбыля, спинками вниз, а сверху — мягкая, пышная перина из свежих еловых лапок. Матрац из плащ-палатки набит душистым сеном. Такое ложе Кондратий Чугунов готовит в течение двадцати минут. Если благоприятствует обстановка, матрац застилается чистой простыней, появляется подушка. Одежда не положено, а буркой Антона Петровича можно укрыть сразу трех человек.

Посредине шалаша — длинный стол, нехитрое, но капитальное сооружение саперов, за которое свободно усаживаются двадцать — двадцать пять человек. Тут проводятся все командирские совещания. Свое жильё майор Осипов в шутку называет «салонем».

Сегодня в «салоне» тесновато и жарко. Пахнет пережженным бензином, конским потом, запах которого принесли с собой командиры в бурках, душистым табачком и сильно и крепко пахнет духами.

Командный состав собран для разбора итогов проверки боевой готовности.

Почуяв запах духов, Осипов спрашивает:

— Кто это нафиксатуарился? Духи «Камелия». Мои любимые...

— Известно кто: Хафиз и Полещук, — отвечает Чалдонов, командир пулеметного эскадрона.

— Ах, они ж из госпиталя! И Полещук здесь?

— Здесь, товарищ майор, — приподнимаясь, отвечает Полещук

— Ничего, сиди... — Осипов достает из кармана какое-то письмо, смотрит на него и прячет обратно. Полещук догадывается, что это то самое письмо, которое он привез майору на-днях из-под Москвы. Осипов знал Полещука до войны по кавалерийской школе, где он был начальником, а Полещук — курсантом. Там же учился и башкир Хафиз Биктяшев. Из кавшколоы они вместе попали на фронт, в первых же боях были ранены, лежали в госпитале, в котором работает сестра майора Осипова.

Биктяшев и Полещук были командирами эскадронов. Они крепко сдружились, но при людях часто задирали друг друга.

— Биктяшеву и Полещуку воевать, наверное, не хочется? — усмехнувшись, говорит Осипов. — Шутка сказать, — целый месяц нежились...

— Наоборот, товарищ майор, надоело, — отвечает Хафиз.

— Точно, — громко и певуче откликается Полещук.

— Точно? — переспрашивает Осипов, насмешливо глянув на Полещука. — А ведь самому не хотелось ехать, уж признавайся!

— Это почему же, товарищ майор? — обиженным голосом спрашивает Полещук.

— Кто же с охотой от молодой жены воевать поедет?

Среди командиров пробежал смешок.

— Да он же холостой, товарищ майор! — выкрикнул кто-то.

— От какой жены? — бормочет Полещук. — Да что вы...

— Ты, никак, отпираешься? — удивленно спрашивает Осипов, не спуская с Полещука глаз. — Я ведь не шучу. Я знаю все. — Он снова достает из кармана письмо. — Если ты обманул девушку, — грош тебе цена!

— Да я ничего... — начинает Полещук.

— Как ничего? Жениться обещал или нет? Говори. Только не юли.

— Обещал... Ну и выполняю! — Полещук отворачивается и торопливо закуривает.

— Ты мне голову не морочь! Аттестат оставил или нет?

— Нет, товарищ майор, — виновато отвечает Полещук.

— А чего же аттестат не выписал?

— Да мы и забыли подумать об этом...

— Не подумал, а может, у тебя сын родится. Жене с ребенком — как жить? Ох, Полещук, не ошибаюсь ли я в тебе?

— Товарищ майор! — с болью в голосе крикнул Полещук.

— Ладно. Сегодня же скажи начфину, — пусть аттестат выпишет. Вот и все... А теперь кончай курить и слушай приказ. Начальник штаба!

— Я вас слушаю! — Высокий, худощавый капитан Почибут подошел к столу.

— Запишите командиру пулеметного эскадрона старшему лейтенанту Чалдонову восемь суток домашнего ареста с вычетом пятидесяти процентов из денежного содержания.

Чалдонов тормозит руками смоляной чуб, поглядывая на начальника штаба полка, записывающего приказ Осипова:

— «Приказываю командиру пулеметного эскадрона старшему лейтенанту Чалдонову завтра завьючить 10 станковых пулеметов и весь боекомплект патронов. О готовности доложить мне в 14.00...» Предупреждаю, Чалдонов, если выкинешь еще такой фокус, вроде сегодняшнего, отдам под суд!.. Вместо вьюков самовольно на тачанках выехал!

— Товарищ майор, разрешите? — Чалдонов приподнялся, похлопывая по краю стола кисточкой темляка.

— Не разрешаю! — жестко проговорил Осипов. — Всем командирам эскадронов завтра в шесть ноль-ноль привести к штабу полка по одной лошади с полным вьюком. Выложим образцовый вьюк, по которому и будем делать всю вьючку. Товарищ капитан Почибут!

— Я вас слушаю.

— Начальника инжслужбы включить в список оперативных дежурных. Парень он хороший, отлично свое дело знает, но его надо приучить немного к строевой службе. А то у него бойцы вместо боеприпасов в переметные сумы картошку да бураки наложили. Начинж, как дачник, я вижу, все ходит с книгой подмышкой, вроде как не на войну приехал, а на курорт.

Совсем молоденький лейтенант сидел на самом конце стола. Когда командир полка заговорил о нем, он стал ерзать на скамейке, по-девичьи улыбаясь и краснея.

— Начинж, ты стихи не пишешь? — неожиданно спросил Осипов.

Все рассмеялись. Лейтенант еще больше сконфузился, но, быстро овладев собой, весело ответил:

— Нет, товарищ майор!

— Врешь, милый, пишешь!.. Ладно, о стихах после поговорим... Штабным командирам, в том числе и начинжу, ежедневно по три часа в день изучать рацию, работать на прием и передачу, привыкнуть к кодовому разговору. Вот и все. Командиру пулеметного эскадрона разрешаю дать

объяснение в течение двух минут.

— Товарищ майор! — Чалдонов заговорил сбивчиво, горячо. — Как же мы в тыл без тачанок? Ну что там — вьюки!.. Я, товарищ майор, ручаюсь, что на своих конях тачанки протащу, где хотите! Разрешите, товарищ майор, взять тачанки?

— Чтобы в болоте где-нибудь бросить?

— А зачем лезть в болото? Что, там дорог, что ли, нет? Дайте приказ Чалдонову: во столько-то ноль-ноль быть в районе высоты 250,3. Баста! Чалдонов будет там, как часы.

— Не чуди, Чалдонов, — хмуро возразил Осипов. — В тылу врага — это тебе не на маневрах. Пустой разговор.

— Да не пустой, товарищ майор! — не унимался Чалдонов. — Гарнизон немецкий? Хай гарнизон!.. Я ночью по любой дороге проеду куда угодно. А если хотите, на полном галопе прямо по гарнизону пролечу!..

Чалдонов был искренне убежден, что его не понимают и недооценивают его любимые тачанки. Из своих двадцати восьми лет он восемь прослужил в армии — в коннице, на пулеметной тачанке. В шутку его называли «пулеметный бог», и он гордился этим. «Дайте мне десять ящичков патронов, — говаривал он, — один ящик консервов, бочонок воды, подходящее укрытие и атакуйте меня батальоном. Ха! Я вам покажу, что такое станковый пулемет...»

— Чалдонов, хватит, — строго перебил его Осипов. — Приказ получил? Изволь выполнить. В тыл пойдем, там и посмотрим, кто что умеет делать.

Командиры разошлись. В шалаше остались Осипов и капитан Почибут. Осипов встал из-за стола, прошел по шалашу из угла в угол.

— Со скипидаром парень-то! — остановившись против Почибута, сказал Осипов.

— Молод. Горяч... А командир неплохой...

— Что значит — неплохой? Если не выполнил приказа — уже плохой! — И, не глядя на капитана, продолжал: — Мне нужен начальник штаба, а не покровитель...

— У него вьюки были. Я сам поверял. Упорствовал он все время, это верно, но вьюки готовил. А почему на поверку выехал на тачанках, понятия не имею! — Почибут поднял горбом лежащую на столе газету. Под ней оказался котелок с супом.

— Э-э!.. Совсем, наверно, перестоял мой суп, — заглядывая в котелок, с сожалением сказал Осипов. — Сегодня, после поверки, я к батарейцам заглянул — как раз обед раздают. «Ну, как обед?» — спрашиваю.

«Мировой!» — отвечает старшина. Взял у бойца котелок, попробовал: подходящий обед. Повар расцвел. «Хотите, товарищ майор, пришлю котелочек?» — «Ладно, — говорю, — присылай». Шельма-повар, наверно, другого прислал. — Осипов прошел в угол, принес ложку, отхлебнул. — Нет, тот самый. Однажды к нам на маневры Доватор приехал... «Воевали» мы до самого вечера. Прямо с КП Доватор идет в лагерную столовую. Бойцы как раз приступают к обеду. Мы тоже изрядно проголодались. Доватору стол накрыли в отдельной комнате. Вот подходит он к одному бойцу и говорит. «Пойдем со мной». Тот идет. Доватор приводит его в комнату и приказывает: «Садитесь, сейчас вам кушать принесут». Боец растерялся, не садится. Доватор ушел. Приносят обед. «А ты как сюда попал?» — спрашивает бойца дежурный. «Мне приказано тут обедать», — отвечает боец. «Кто тебе приказал?» — «Приезжий начальник, вот кто. Обед давайте, а то мне в караул». Дежурный побежал спрашивать, — оказалось, верно. Доватор тем временем сел на место бойца и съел его порцию. Приходит в комнату, где обедает боец, спрашивает: «Накушался?» — «Дышать не могу, — отвечает боец. — А вы как, товарищ начальник?» — «Я тоже пообедал». И случилось так, что обед в тот день был неважный, и Доватор не наелся. Вызвал кого нужно и такой дал нагоняй, что и забыть трудно. Вот и меня сегодня так поскоблил, что стыдно...

Почибут встал. Попрощавшись с майором, он вышел из шалаша. Осипов остался один. Он уселся за стол и, подперев голову руками, задумался об истекшем дне.

Готовясь вывести полк на поверку боевой готовности, он был уверен, что все будет в порядке. Однако получилось наоборот... События дня легли на сердце тяжелым камнем. Ко всему этому еще прибавилось письмо сестры, привезенное Полещуком. Сестра писала, что от его семьи нет никаких известий, что город, в котором они жили, занят фашистами.

Перед отъездом на фронт Осипову удалось забежать домой на несколько часов. Жена была взволнована предстоящей эвакуацией, возможностью бомбежки.

— Антон, — спросила она, — неужели к нам могут прийти фашисты?

Он почувствовал тревогу в ее голосе. Неопределенно пожал плечами и ничего не ответил.

— А не можешь ли ты попросить у командования отпуск? — осторожно начала она. — Хоть бы дней на пяток... Отвез бы нас к сестре... Неизвестно, когда тебе на фронт...

Его мгновенно охватило раздражение, которое он не захотел скрыть.

— Нет, я не могу взять отпуск, потому что завтра еду на фронт, —

сказал он торопливо и резко. — А ты уже испугалась? Ничего, меня пуля не берет...

— А почему бы мне и не бояться? Ты чего сердишься?..

— По-твоему, выходит, что фашисты могут подождать, пока майор Осипов отвезет выводок свой в Москву, а потом уж воевать поедет...

— Но ведь я-то не знала, что ты уже завтра...

Он понял, что обидел ее.

— Ну, что ж, забирай ребят, садись в поезд и кати к Ольге в Тарасовку. Насчет билетов я позвоню коменданту...

— А вещи?

— Вещи? Здесь оставить.

— Как оставить? Нет, этого я не могу!

— Ты что же думаешь, — тебе вагон подадут? Сейчас людей надо перевозить и снаряды.

— Фу... ты прав, Антоша! Я действительно с ума схожу...

Он взглянул на жену. Она тоже смотрела на него. В ее умных и строгих глазах он увидел скрытые слезы. Так стояла она, эта веселая украинка, красивая, гордая, примиренная и утихшая теперь... У него дрогнуло сердце. Он подошел к ней и сказал:

— Нет, ты все-таки чудная женщина!

— Как это: чудная или чудная — ты хочешь сказать? — насильственно улыбаясь, спросила она.

— Замечательная жена, я хотел сказать, — ответил он гордо и даже несколько восторженно. Вдруг он услышал шорох и повернул голову к двери. Дверь медленно и бесшумно открывалась. Варька, дочка, скользнула в комнату. Прикрывая дверь, она всегда слегка толкает ее задом, это у нее получается непроизвольно и очень потешно. Ей уже девятый год. Глаза бойко стреляли то в мать, то в отца.

По взволнованным лицам родителей она поняла, что произошло что-то важное. Обидчиво скривив губы, пропела:

— Дочь забыли, да-а?

— Озорница и шишига, — сказал отец, улыбаясь, и пошел к ней навстречу.

— Очень хорошо вам тут одним, очень, да? — говорила Варька. Прыгнула, повисла у отца на шее. — У-у-у, папастый, майор колючий... Папа, почему ты на войну не уезжаешь? У всех, у всех уходят, прямо ужасно...

— А что ужасно-то?

— Война. Там же убивают!

— Ну, положим, не всех убивают...

— Зачем ты это говоришь? — вмешивается мать. — Тебе об этом вовсе и не нужно говорить...

— А теперь все говорят про войну, — отвечает Варька — Ой, какая ты, мама! Интересно, петому что... Вот наш город скоро бомбить будут. А я ни капельки не боюсь. Вот Витька боится, он даже автомобилей боится...

— Автомобилей, — поправляет мать.

— А почему Витьку не привезли? — спрашивает Осипов тревожно. — Значит, я его не увижу?

Он остро чувствует: дома чего-то не хватает. Некому сказать: «Папа, давай побьемся — яс, яс!» Витьке четыре года — самый забавный возраст.

— Да я ведь не думала, что ты так скоро... Решила: пусть поживет у бабушки. Тут сутолока такая, — точно оправдываясь, говорит мать.

— Слушай, Варька, давай патефон заведем, а мать бутылку вина поставит — и кутнем.

— Вот здорово! — Варька, надув губы, кричит: — Кутне-е-е-ем!

— И правда, — подхватывает мать, — я тоже выпью. Мне давно уже выпить хочется. Да ведь мне вас обедом надо кормить. Все в голове перепуталось. Девять часов, а про обед забыла...

Обедали, ужинали — все вместе. Чокались, смеялись. Забывали вовремя остановить патефон, и он трещал, шипел, точно сердился на невнимательных хозяев.

Превеселый был последний вечер. Варьку насилу спать отослали.

Остались вдвоем, решили: детей немедленно вывезти под Москву. Это было 27 июня 1941 года... С тех пор майор Осипов не получил из дому ни одного письма. Что случилось?

Осипов встал, прошелся по шалашу. Накинул на плечи бурку, снова присел за стол. Открыл портсигар. В эту ночь он долго сидел с папиросой в руках, даже забыв закурить ее...

ГЛАВА 10

Несколько дней тому назад Доватор послал в инспекцию конницы письмо, на которое с нетерпением ждал ответа. Побывав на узле связи, Доватор решил навестить Гордиенкова. Он вышел на улицу, прошел через картофельное поле, обогнул кусты около речушки и направился к лесу. В конце деревни, на большаке, стояла легковая машина, а рядом с ней —

командир в бурке. По кубанке Доватор издала узнал подполковника Холостякова.

Когда машина скрылась за пригорком, Холостяков подошел к Доватору. Оказалось, приезжал генерал-майор, начальник штаба армии, с которым Доватор был хорошо знаком. Лев Михайлович удивился, что генерал не заехал к нему.

В душе накупала досада. Доватор искоса взглянул на Холостякова, и ему показалось, что у того оскорбительно веселый вид.

— Я считаю необходимым уведомить вас, что передал генералу рапорт, — Холостяков, скрипнув под буркой ремнями, достал из кармана платок, вытер лицо и продолжал: — Мне бы хотелось...

— Мне бы вот сейчас хотелось оперу послушать — «Евгения Онегина», — перебил Доватор.

— Почему вы меня не откомандируете? — спросил Холостяков.

Этот разговор он заводил уже не в первый раз. По приказу свыше Холостяков оставался в распоряжении Доватора, но должности тот ему не давал. На все командирские совещания Доватор приглашал Холостякова персональным распоряжением. Холостяков нервничал, волновался. Случайная встреча с генералом тоже не была утешительной.

— Почему вы не сработались с Доватором? — принимая рапорт, спросил генерал.

— У него характер невозможный.

— Конкретней.

— Молод и горяч, стремление к партизанщине. Вчерашний политрук, не нюхавший пороха, вообразивший себя Суворовым. Дьявольское честолюбие, дьявольская энергия, никакого опыта, и в смысле теории — полный туман. Я не трус, вы меня по Финляндии знаете, я готов на любой осмысленный риск, но лезть в петлю так, за здорово живешь — слуга покорный!

— Такие вопросы не решаются на большаке, — сухо отрезал генерал и поднял руку к фуражке. Потом, тронув за плечо шофера, добавил: — Посмотрим ваш рапорт...

— Зачем мне вас откомандировывать? — проговорил Доватор, усилием воли подавляя закипавший гнев. — Рапорт подали — ждите!

Доватор круто повернулся и пошел назад, в деревню.

«Бежать хочешь, рейда боишься! — хотелось крикнуть ему. — А щегольскую кубанку носишь, укрываешь под буркой трусливую душу!.. Все равно потащу тебя в тыл, заставлю поверить, что русский человек ничего не боится на свете... Что он говорил генералу, — вот что хотелось

бы знать, что написал в рапорте?.. Нажаловался? Ну, чорт с ним!»

Придя в квартиру, тотчас же взялся за трубку полевого телефона.

«Орел? Соедини с Оршей... Орша? Как чувствует себя лейтенант Гордиенков? Поправляется? Ну, добре!» — Положил трубку, прошелся из угла в угол. Опять за телефон. — «Карпенков? Есть что-нибудь новое? Почта пришла? Нет?» Бросил трубку да так и остался сидеть неподвижно. Над бровями сошлись резкие морщины. «Генерал не заехал. Сколько же еще сидеть сложа руки?»

В сенцах раздались шаги, кто-то постучал.

— Войдите! — крикнул Доватор. — Кто там?

Медленно открылась дверь, показалась голова Торбы.

— Это я, товарищ полковник...

— Вижу. Здравствуй! — Доватор снял кубанку и положил на стол.

— Мы, товарищ полковник, зараз на опушке траву косили и яких-то неизвестных граждан задержали.

— Кто они, колхозники? Беженцы?

— Да нет. Як бы сказать... Ни то, ни другое... Один говорит, шо вин подполковник, а другой — лейтенант! — сдерживая усмешку, ответил Торба.

— Подполковник? — с удивлением спросил Доватор.

— Да не-ет. Який там подполковник! — Торба махнул рукой, потом, положив на грудь ладонь ребром, продолжал: — Борода — во! Лапсердак рваный. Папаха козлячья, або дворяжка была загублена. Говорит, шо вин був в окружении, зараз идет к своим, но документов казать не хочет. «Веди, — говорит, — до генерала». Ну, я и привел до вас.

— Приведите его сюда, — сказал Доватор и, немного подумав, добавил: — А кто я такой — не говори. Ясно?

— Есть! Я зараз. Они тут, на базу...

Когда Торба вышел, Доватор накинул на шею башлык и прикрыл им знаки различия. Едва успел глянуть в висевшее на стене зеркало, как Торба ввел задержанного. Это был действительно странный по виду человек. Он был грязен, оброс густой черной бородой, на нем была сермяга, заплатанная разноцветными кусками материи. Он радостно улыбался.

— Мы выходим из окружения... Разрешите представиться: подполковник Плотвин. Со мной адъютант — лейтенант Соколов.

— Очень рад, — сухо проговорил Доватор. — Но я полагаю, что вы уже вышли из окружения.

— Ну, конечно! Сколько пришлось перетерпеть. Разрешите узнать, с кем я разговариваю?

— Я командир этой части, — ответил Доватор и тут же спросил: — Давно с той стороны?

— Сегодня ночью. Нет ли у вас закурить?

Плотвин говорил быстро, взволнованно. Он всем существом своим ощущал, что опасность теперь позади, что жизнь его с ним. Он был в привычной армейской среде.

— Мы так осторожно шли болотом, что даже не заметили, как прошли передовые части, — с наслаждением затягиваясь дымом папиросы, которую ему дал Доватор, продолжал Плотвин. — Я прошу отправить меня в штаб, что ли! Кто здесь начальник гарнизона?

— Полковник Доватор... — Лев Михайлович понимал, что переживает сейчас этот человек, но в то же время думал: «Неужели при неудаче в тылу я вот так же возьму адъютанта, брошу остальных людей, буду так же пробираться к своим?.. Позор!» — хотелось крикнуть ему. Он приказал Торбе удалиться. В первую очередь он решил узнать из уст Плотвина, что делается в тылу у немцев.

— Так я прошу вас направить меня хотя бы к полковнику Доватору. Я ведь...

— Успеете, — перебил Доватор и потребовал документы.

— Вот мои документы, пожалуйста, — обиженно проговорил Плотвин, протягивая удостоверение личности.

Доватор быстро взглянул на Плотвина, в упор спросил:

— А как же другие люди, которые с вами были?

Плотвин уловил в его вопросе ноту возмущения, вспыхнул, но тут же, оправившись, в свою очередь, спросил тоном бывалого, выдавшего виды человека:

— А вы можете вообразить себе, что там произошло, когда нас окружили?

— Да уж попробую вообразить...

— Наша часть оказалась в окружении. Маневренность механизированных частей позволяет противнику в быстром темпе увеличивать силу нападения. Обходя наши обороняющиеся части, противник отсекает их...

— Возможно, будет отсекать и армиями, если будем скверно драться...

— Бомбежка чудовищная! Артиллерийский огонь, минометы — сплошной раскаленный металл. Что-то жуткое творилось!.. Вы же человек военный, должны понимать, что такое окружение! — Плотвин пожал плечами и взял еще одну папиросу.

— А вот полковник Доватор намерен действовать конницей в

немецких тылах, что вы на это скажете?

— Кавалерия в тылу у противника? Против танков, пикирующих бомбардировщиков? Да вы что, шутите?

— Полковник Доватор любит пошутить, но бить фашистов собирается всерьез,

— Не могу судить, в какой мере обладает юмором ваш полковник, но то, что он хочет сделать, — абсурд!

Доватор поморщился, но вдруг лицо его озарилось скрытой улыбкой. Взглянув исподлобья на Плотвина, переспросил:

— Абсурд?

— Отведите меня к нему! Стоит поговорить! Я ему расскажу обстановку. Он еще, видимо, не воевал?

— Да, совсем недавно приехал. В резерве Западного фронта околачивался...

— Все ясно! — воскликнул Плотвин. Он становился все развязней и самоуверенней. — Пусть понюхает пороху, тогда по-другому запоет!

— Расскажите, как немцы ведут бой в лесу. Вам не приходилось участвовать? — спросил Доватор.

— Как не приходилось? Немцы в лес не лезут. Больше всего придерживаются магистральной тактики. Клинья, клинья! А лес блокируют и окружают. — Он помолчал. — Вы меня извините, я не знаю вашего звания. Направьте меня к более официальному лицу... Там уж я...

— Любой командир, выполняющий боевой приказ, является для вас лицом официальным.

— Смотря, какой командир...

— Извольте отвечать, о чем вас спрашивают!

— Извольте на меня не кричать! Я имею звание подполковника, об этом, кажется, свидетельствуют мои документы! — Плотвин встал.

— Документы подтверждают личность подполковника Плотвина в прошлом, — гневно сказал Доватор. — А этот балахон говорит совсем о другом.

— Тогда нам не о чем с вами говорить. Направьте меня к полковнику Доватору. — Плотвин порывисто сел, машинально протянул было руку за папиросами, но, увидев сердитое лицо Доватора, отдернул руку.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Доватор. В комнату вошел Наумов. — Заберите оружие у этого гражданина.

— Я оружия не отдам! — Плотвин побледнел.

— Сдайте ваше оружие! — глухо, с хрипотой в голосе, сказал Доватор.

Плотвин дрожащими руками достал из-под своего балахона пистолет и протянул его Наумову. Наумов, забрав пистолет, вышел.

Доватор молча наблюдал за Плотвиным. Потом прошелся по комнате, сел за стол и, разворачивая карту, жестко сказал:

— Скажите, в тех местах, где вы проходили, во всех деревнях немцы?

— В некоторых их совсем не было. В особенности в лесных деревушках, — сухо отвечал Плотвин.

Доватор задавал вопросы, записывал ответы, делал отметки на карте. Он расспрашивал, где сосредоточивает противник армейские резервы, тыловые базы снабжения, штабы, на каком расстоянии от переднего края; какова система караулов, каково движение по большакам, много ли нашего народа скрывается в лесах.

— Много, — ответил Плотвин. — Очень много...

— Вот поэтому и надо итти в тыл! Выручать надо наш народ, помочь организовать, — заключил Доватор. — А вы говорите: «Конница — абсурд».

— Я и теперь это подтверждаю, товарищ разведчик! — Плотвин после допроса, учиненного Доватором, думал, что имеет дело с командиром-разведчиком.

— Эх вы, стратег! — хлопнув ладонью по карте, крикнул Доватор. — «Маневренность мехчастей»!.. Слышал эту песню! «Авиация, танки! Адская мышеловка...» Скажите, напугались окружения больше, чем немецкой техники, потеряли управление людьми. Подполковник надел скоморошеское тряпье. Прихватил адъютанта и — неси меня ноженьки... Где остальные люди? В лесу всем погибнуть невозможно! Почему немцы в лес не идут? Потому, что боятся партизанской войны, как волк охотничьих флажков. В лесную зону немцев надо дрючком гнать. Почему не создали партизанского отряда из бойцов и командиров? Вы, русский офицер!

— Значит, нельзя было... — обескураженно оправдывался Плотвин.

— Неправда! Мне известно, что в тылу у немцев созданы партизанские отряды. Весь русский народ взялся за оружие! Ленинградские рабочие — ветераны Красной гвардии — каски надели. Десять часов у станка стоят, десять в траншеях у пулеметов. Мне хочется спросить вас, — продолжал Доватор со страстным внутренним напряжением, — чему нас с вами двадцать четыре года учила наша жизнь? Амбиции? Мелкому самолюбию? Кто на вас надел мундир воина — советского офицера? Вы говорите о достоинстве звания подполковника? Честь мундира! — Доватор вплотную подошел к Плотвину и ткнул пальцем в его балахон.

Плотвин только теперь начинал понимать свое положение. Он сидел

побледневший, ошеломленный.

— Я вас очень прошу направить меня к полковнику Доватору. А в общем, как хотите...

Доватор прищурил глаза, подумал немного и сказал:

— Нет, к нему вас направить нельзя!

— Почему?

— Он немедленно расстреляет вас, — ответил Доватор. — Да, да, — продолжал он, — спросит: «Почему ты жив? Где остальные люди?» — и шлепнет. Тем более за такие рассуждения.

Плотвин, не зная, что ответить, потер рукой лоб, тряхнул головой.

— Все равно — ведите!

Доватор не спускал с него глаз. Лицо его тронула присущая ему открытая улыбка. Он позвал адъютанта.

— Надо товарищей накормить, — приказал он вошедшему Наумову, — и направить в штаб армии. Я командарму напишу. Да выдайте им обмундирование, хотя бы красноармейское, что ли. Ну и побриться все-таки надо...

— Я вас очень благодарю, товарищ командир! — Плотвин приподнял руку, хотел было козырнуть, но, вспомнив что-то, опустил ее. Лицо его передернулось.

— Не стоит благодарности. Когда-нибудь встретимся — водкой угостите...

И тут Плотвин не выдержал. Охватив руками крупную, тронутую сединой голову, он зарыдал.

— На войне, подполковник, нянек-то нету... — глядя на него, тихо произнес Доватор.

Когда Плотвин ушел, Доватор сел за стол. Он долго писал. Потом запечатал написанное в конверт, вызвал Наумова и приказал отправить пакет с подполковником Плотвиным в штаб армии.

На окраине села торопливо загрохотали зенитки. Из окна были видны белые облачка разрывов, а между ними, на большой высоте, в голубом небе хищной белесой рыбой плывал вражеский разведчик...

ГЛАВА 11

— Коней оставь здесь, Сергей!.. Смотри, как хорошо! — Доватор жестом показывает на опушку леса. Спрыгнув с коня, он медленно идет по

узенькой тропинке, теряющейся в зарослях. Он идет, раздвигая кусты, — молодой, веселый. Насвистывает. На его лице довольная, чуть озорная усмешка. Он весел: приказ, боевой приказ — прорвать фронт и углубиться в тыл врага — лежит в полевой сумке.

Доватор выходит на обрывистый край глубокого оврага. Внизу в багрянце вечерней зари — мелколесье, а дальше темнеют узорчатыми уступами леса, леса, леса... Широко, в полнеба, недвижным тихим пламенем горит заря. Елочки, седой камень-горюн, гроздь малины, древние, могучие пни — все русское, свое, родное; так и кажется: вот-вот выскочит из бурелома Иван-царевич на сером волке... За кустами все явственнее и громче слышен гул голосов. Командный состав дивизий ждет полковника на опушке леса.

Доватор останавливается на краю обрыва, смотрит вдаль — на леса, на зарю. Снимает кубанку. Лицо его становится спокойным, торжественным. Что он должен сказать командирам, собравшимся на опушке леса? Он их поведет на подвиг, может быть, на смерть... Вот он стоит перед ними. Тишина. Слышен только его голос. Доватор говорит молодо, горячо, со страстным внутренним убеждением:

— В какие условия мы попадем, в каких условиях придется нам драться, — я не знаю, и никто не знает, потому что такого рейда в эту войну еще не было. Решения будем принимать на месте, смотря по обстановке, но убежден, что на русской земле, в русских лесах — хозяева мы. Сейчас ясно пока одно: мы первые переходим в наступление, берем курс на запад. Великий в этом смысл и великая нам выпала честь — олицетворять сегодня собою всю нашу родину, весь Советский Союз, его славу, мощь и непобедимость... За нами — Москва, за нами — наша страна, ее история, ее будущее. Народ нам дал в руки оружие. Мы должны победить, обязаны победить! Немцы должны навсегда запомнить, что от нас безнаказанно не уйдут. Мы заставим их вспомнить восемнадцатый год. Я говорю не только о военном, но главным образом о политическом значении нашего рейда. Каждый наш удачный выстрел в немецком тылу будет надламывать волю врага, вселять ужас в его сердце. И когда вся Советская Армия лавиной пойдет на запад, о нас вспомнят, потому что мы были первыми!..

Разъезжались командиры. Долго не умолкали в тишине вечера кавалерийские песни. Ветер далеко разносил их, покачивал верхушки берез. Тихо качались ветви, роняли первые желтые листья.

В густых молоденьких елях спряталась длинноствольная зенитная пушка. Задрав хобот, она точно прислушивалась вместе с зенитчиком к удаляющейся песне...

Гордиенков, опираясь на костыль, идет по широкой лесной просеке. Рядом — военфельдшер Нина.

Вечер. Умолкли птицы, грибы и ягоды спрятались в траве. Комары и жуки стонут, гудят. А пушки замолчали... Плывет в воздухе запах грибов, спелой малины, вянущих листьев.

— Нина, не набрать ли нам грибов? — спрашивает Алексей.

— Да они уже спрятались... Хочешь малины?

— Можно и малины.

Остановились. Алексей, прижимая подмышкой костыль, берет из котелка горсть малины, Нина кидает в рот по одной ягодке. Маленькая, с тонкими бровями, она среди молодых елей и берез похожа на девочку-подростка. Алексей выздоравливает, поэтому он беззаботен и юношески счастлив. Это его первая прогулка после ранения. Грудь дышит свободно, все тело налито здоровьем, по его смуглому лицу незаметно, что он недавно потерял много крови.

— Ты не устал? — спрашивает Нина. Губы ее выпачканы малиновым соком. Нижняя губа забавно, по-детски отвисла — в такую минуту любящей матери всегда хочется поцеловать ребенка.

О, нет! Алексей не устал. Он чувствует себя в эту минуту сильнее, чем когда-либо; что угодно может он сейчас сделать, даже вырвать с корнем вот эту стройную березку...

— Нина, знаешь что?

— Что?

Они смотрят друг на друга, и почему-то им становится неловко.

— На Кубани сейчас арбузов... тьма! — быстро говорит Гордиенков и бросает в кусты горсть малины.

— Ты чего бросаешь?

— А?.. Ничего... зеленая...

— Ну уж, извини! Я ни одной зеленой не брала!.. — Нина встряхнула котелок и, склонившись, заглянула в него. — Малина крупная, спелая... Не получишь больше ни одной ягодки! Сам рви... Слушай, Алексей, у полковника Доватора дети есть?

— Двое. Мальчик и девочка. Что это тебе на ум пришло?

— Он, наверное, очень любит детей. Я вчера на речушке малину собирала. Слышу — ребятишки визжат, хохочут. Смотрю — в прятки играют с нашим полковником. Он прячется за куст и кричит: «Пора». Они его ищут, а он перебежит за другой куст, — они и не могут его найти. «Никудышные вы разведчики», — говорит — и учит ребят, как искать...

Потом на лошади катал.

— Это я знаю... Он от своих ребятишек дома в сундук прятался. Они ищут, ищут, — вдруг крышка открывается, а он сидит в сундуке!

— Я тоже очень люблю детей, — тихо сказала Нина. — Кончится война — нарожаю целую кучу...

— Меня в няньки возьмешь?

— А ты их лупить не будешь?

— Как сказать. Если станут озорничать...

— Ага! Ты, значит, маленьких бить? — Нина сломала ветку березы, хлестнула шутя Алексея. — Вот тебе, вот!.. Не бей маленьких!..

Нина бросила ветку, поставила на землю котелок, схватила костыль, сунула Алексею подмышку, потом взяла его за уши, притянула голову и поцеловала. Вдруг рванулась в сторону, мгновенно исчезла в кустах. В десяти шагах она увидела Доватора верхом на коне.

Алексей растерянно поднес руку к кубанке. Ему сразу стало жарко, кровь прилила к щекам.

— Да уж не козыряй... ладно, — сказал Доватор и ласково потрепал коня по холке.

Возвращаясь с собрания командиров, Доватор ехал по просеке, услышал девичий голос, смех, круто повернул коня и увидел Нину с Гордиенковым. словно теплый ветерок пахнул ему в лицо и погладил по щеке. И ему захотелось подъехать к ним, взять Алексея за чуб, Нину за густые кудряшки и столкнуть их лбами.

— Тут, кажется, еще кто-то был? — спрашивает он Алексея.

Коновод Сергей хихикнул. Доватор строго посмотрел на него.

— Да... Медсестра Нина, товарищ Селезнева, — отвечает Гордиенков.

— Товарищ Нина, что вы там делаете? — крикнул Доватор.

— Ягоды собираю-ю-у!

— Идите сюда. Больному дурно!

— Да нет, я ничего, — бормочет Гордиенков.

Из кустов выходит Нина. С невинным видом она ест из горсточки малину. Гордиенков опускает голову и ковыляет на костылях в кусты.

Доватор видит это бегство, молчит, улыбается.

— Не скучаете?

— В лесу не скучно. Раненых нет, зато малины!..

— Скоро будут, — хмуро говорит Доватор, — и раненые будут и убитые... — Спohватившись, резко меняет тон. Доверительно, вполголоса спрашивает: — Скажите, это вы лейтенанта с ума свели или он сам?

Нина густо краснеет.

— Ей-богу сам, товарищ полковник! Честное слово! Я ему говорю: не время и не место...

— Ну, есть, положим, вещи, которые всегда и во всякое время на месте... — Доватор умолкает, хмурится. — Всех больных и раненых, в том числе и его, — Доватор кивает в кусты, куда ушел Алексей, — приготовить для эвакуации в тыловой госпиталь.

— Я, товарищ полковник, в тыловой госпиталь не поеду, — раздается из кустов голос Алексея.

Доватор поворачивает голову.

— Ах, ты здесь?.. Во-первых, подслушивать стыдно, а во-вторых, не следует забывать, что ты на войне!..

Посмотрел по сторонам, тронул шпорами коня и поехал вдоль просеки.

Нина стояла, как каменная. Когда Алексей вышел из кустов и поцеловал ее, она не отстранилась, только потихоньку заплакала, вытирая глаза кулачком, испачканным ягодным соком... В сумерках тревожно ныли комары. На западе опять послышались глухие удары, точно кто-то деревянной бабой забивал сваи.

Рано утром Доватор выехал в полки для проверки выюков станковых пулеметов.

В полку майора Осипова пулеметный эскадрон подготовил двадцать выюков: десять с «максимами», десять с боеприпасами.

Пулеметчики — все рослые, крепкие, с огрубевшей от ветра и солнца кожей. Люди с колхозных полей Кубани, Терека, из заводских цехов, сильные и мускулистые, подстать своему командиру старшему лейтенанту Чалдонову. Вот он, бровастый, смуглый, из-под кубанки вырываются иссиня-черные кудри, нос с кавказской горбинкой, — красив. Как-то раз, в мирное время, свою невесту он встречал на вокзале с тачанкой, запряженной четверкой коней, украшенных малиновыми башлыками и живыми цветами. В лагерь провез ее по центральной улице города на полном галопе. Получил за это несколько суток ареста, зато проехал с шиком!..

Пулеметчики у него работают с быстротой корабельных матросов. За пять минут «максимку» перекатывают с выюка на боевую позицию. Но он все-таки недоволен выюками, — хочется ему взять в рейд тачанки — и шабаш! Он намеревается обратиться по этому поводу к Доватору, но Осипов неотступно следит за ним, многозначительно трет ладонью подбородок и сжимает пальцы в кулак.

Доватор похвалил подготовку вьюков. Когда возвращались из лагеря пулеметчиков, Лев Михайлович спросил Осипова:

— Шибко горячий у тебя командир пулеметов?

— Есть маленько...

— А не остынет?

— Не думаю.

— Это хорошо. Только с такими людьми надо умело обращаться: когда погасить огонек, а когда и разжечь. Они тогда самого главного чорта взнуздают и верхом поедут.

— У меня жена была тоже кипучая, а дети пошли — совсем другой стала. Да вот и Легенда тоже...

— К любому вопросу ты лошадей приплетаешь! Вот неисправимый человек! — перебил его Доватор. — Кстати, о твоей Легенде. Слишком она у тебя нервна, да и перекормлена, как петербургская фрейлина.

— Нервна? Она умница. Я ее сейчас обучаю одному номеру...

— Из пистолета, что ли, стрелять? — усмехнувшись, спросил Доватор.

— Нет. Я ее учу, чтобы она немцев грызла. Коновод мой, Кондрат, надевает немецкую шинель и начинает Легенду стегать, а я внушаю ей, чтоб она его зубами схватила, и сахару по кусочку даю. Теперь он уж боится надевать шинель: так цапнула за рукав, что пришлось хлопцу в санчасть сходить...

Лев Михайлович громко и весело захохотал.

Улыбался и Осипов.

— А Сокол твой быстро поправился.

— Как видишь, — ответил Лев Михайлович. Он вспомнил, как наутро после того дня, когда Сокол захромал, пришел Сергей и молча сел в угол, таинственно усмехаясь.

— Как Сокол? — спросил его Доватор.

— Ничего. Хромать перестал.

— Как перестал?

— Очень просто. Расковали — и все кончилось! — ответил Сергей и ворчливо продолжал: — Не было никакой заковки. Маленько туго подтянули подкову. Притворялся больше... Поднимет ногу и качает, как маятник... Всем голову морочил, притворщик!..

— Не притворщик, а умница! — восторженно крикнул Доватор. — Ай-да Сокол, ай-да стратег! Не будете в другой раз туго подкову затягивать!.. А ты, небось, кузнецов строго наказал? — спросил Доватор Осипова, останавливаясь.

— Навел самое строгое следствие, — ответил Осипов. — Ковали мои

протестуют. «Мы, — говорят, — зайца подкуем — и хромать не будет».

Доватор не вытерпел и, посмеиваясь, рассказал историю с Соколом.

— Я так и знал! Чтобы в моем полку...

— Эх, ты! — Доватор толкнул его плечом.

Осипов, запутавшись в широкополой бурке, повалился в борозду. Вскочил, налетел на Доватора, оба, хохоча, упали на усыпанную ромашками и кашкой межу. Кряхтели, барахтались, мяли друг друга.

Их окликнул офицер связи. Он протянул Доватору срочный пакет.

Доватор разорвал конверт, прочитал бумагу, свел брови, сдвинул папаху на затылок. Повернувшись к Осипову, сказал:

— Опять скучать будем да сухари грызть...

— А в чем дело?

— Воевать не дают, а мне не терпится... — Доватор стегнул по голенищу стеклом. — Эх, ругаться мне хочется!..

В записке, которую привез офицер связи, генерал сообщал, что операция пока откладывается. Доватору было приказано срочно прибыть в штаб армии.

ГЛАВА 12

В штабе армии на стене висит большая карта. На ней отмечена флажками неровная линия фронта.

Что должен чувствовать штабной командир, которому приказано передвигать после каждой оперативной сводки флажки на восток, с каждым днем укорачивать путь к Москве?!

Молодой, среднего роста генерал-лейтенант, командующий войсками армии, стоял перед картой. Широкое доброе русское лицо его было спокойно.

За столом сидел генерал-майор — постарше, седоватый, с усами, в очках, придававших ему «академический» вид. Это был тот самый генерал, который принял у Холостякова рапорт. Он спокойно пил чай. Около командарма стоял подполковник Плотвин, тщательно выбритый, подтянутый.

— Вы утверждаете, что в этом районе большое скопление танков и пехоты противника? — показывая на карту, спросил Плотвина командарм.

Тот старался скрыть свое волнение, но это ему не удавалось. Он многое передумал за последние дни и по-новому взглянул на события,

участником которых ему довелось быть. Обстановка обороняющейся армии, куда он теперь попал, совершенно не походила на ту обстановку, из которой он недавно выбрался. Он видел здесь спокойное, непоколебимое упорство, бурную деятельность. Чья-то могущественная рука направляла тяжкий, напряженный труд военной страды в единое русло. На смоленских полях со сказочной быстротой вырастали железобетонные доты, артиллерийские капониры, траншеи, противотанковые рвы и крестообразные ряды металлических надолбов. По дорогам, навстречу войне, вместе с резервными дивизиями шли десятки строительных батальонов, сформированные наполовину из добровольцев окрестных мест. Фашистские летчики кружились над их головами, засыпали пошлыми издевательскими листовками: «Русские дамочки, бросьте копать ямочки», а потом, взбешенные великим упорством народа, снижались и на бреющем полете расстреливали их в упор...

Ежедневно к командарму приезжали на запыленных «эмках» и мотоциклах генералы — командиры корпусов, полковники — командиры дивизий, порой командиры полков в звании лейтенантов, что больше всего поражало Плотвина. Они почтительно и мастерски козыряли, смело входили в штаб, развертывали перед генералом боевые карты, что-то доказывали, чего-то настойчиво просили...

Седоусый, «академический» начальник штаба армии разводил руками, хлопал себя по генеральским лампасам, азартно, с профессорской хрипотцой выкрикивал:

— А ведь вы это изумительно придумали! Вы знаете, что это значит, дорогой мой? Без вторых эшелонов батальоны меньше будут иметь потерь. На случай контратаки противника вы сохраняете резервы. Мы вот подсчитали: вторые эшелоны, не вступая фактически в бой, несут большие потери. Мы используем ваш тактический прием. Артиллерию ближе к боевым порядкам пехоты? — генерал щурился, глядя на командарма, тер переносицу. — Ведь следует подумать, Иван Петрович?

— Нам следует с вами, Гордей Захарыч, о многом подумать...

— У него есть хорошая мысль, — Гордей Захарыч тыкал пальцем в сторону лейтенанта. — Есть инициатива, пытливость. Вам, голубчик, сколько лет?

— Двадцать пять, товарищ генерал.

— Маловато!.. Хотя Наполеон уже в двадцать пять генералом был. В академию надо, в академию...

— А все-таки старик Кутузов молодого Наполеона побил, — вставляет лейтенант.

— Так это ж Кутузов! — Гордей Захарыч грозил молодому командиру пальцем и весело смеялся...

Плотвин докладывает генералам в течение трех часов. Он говорит только о том, что видел своими глазами. Он пробует анализировать обстановку, сложившуюся при окружении дивизии, но сам чувствует в своих словах какое-то внутреннее противоречие, фальшь, точно его кто-то обманул и он сам обманывает других. Он видит, что генералам все известно, что они считают его растерявшимся человеком и думают так же, как тот кавалерийский командир, с которым он недавно говорил. Но они расчетливо расходуют свою энергию — без излишней суеты и горячности. Их цепкая и холодная внимательность к нему ранит его так же, как жестокие упреки кавалериста. На вопросы генералов он начинает отвечать коротко, лаконично:

— Так точно...

— Это не ответ, — прихлебывая из стакана чай, замечает Гордей Захарыч.

— Номера частей, количество? Этого вы не можете сказать? — спрашивает командарм.

— Мне это неизвестно.

— Запишите, Гордей Захарыч, — узнать номера этих частей. — И снова обращается к Плотнику с вопросом: — А из каких источников вам известно, что в Рибшеве штаб немецкой армии?

— Гражданское население убежало из села. Встретил в лесу, расспрашивал.

— Эти сведения совпадают, — замечает Гордей Захарыч и роется в бумагах на столе. — В прилегающих деревнях противник сосредоточивает армейские резервы. Отсюда он будет бросать их на ликвидацию прорвавшейся конницы...

— Известно, попытается уничтожить конницу. Кому же приятны неожиданные гости да еще в таком количестве? — говорит командарм.

— Не хочется мне бросать туда конницу, не хочется... — Гордей Захарыч барабанит пальцами по столу, задумчиво смотрит в окно.

— На вас, Гордей Захарыч, видимо, сильно подействовал рапорт подполковника Холостякова, — усмехнувшись, говорит командарм.

— Нет, не подействовал... Я понимаю, врага следует потрепать с тыла, и так, чтобы он кровью закашлял. Но сейчас мне не хочется остаться без такого подвижного резерва, как конница. За спиной — Москва. Возможный прорыв мы могли бы на первый случай закрыть кавалерийскими дивизиями. Да и обратный выход для конницы будет

затруднителен.

— Ну, прорваться коннице мы отсюда поможем. Конники, — да чтоб не прорвались! Пока немцы за Доватором гоняются, мы их будем бить с этой стороны, партизаны и конники — с тылу. Как с подготовкой к рейду?

— Плохо отработана радиосвязь. — Гордей Захарыч многозначительно смотрит на командарма, тот опускает веки. Часто они понимают друг друга без слов.

— Командарм решил направить вас, товарищ Плотвин, в распоряжение полковника Доватора, — говорит Гордей Захарыч.

— Меня? К Доватору? — Плотвин заметно смущен.

— Да. Я направляю вас как связиста. Кроме того, вы хорошо знаете обстановку в тылу у противника.

— Да, но...

— Вот я и решил послать вас в тыл еще раз. Вы меня, надеюсь, понимаете, — сухо говорит командарм.

— Я не поэтому, товарищ генерал-лейтенант... Меня предупредили в отношении Доватора...

— А что такое? — настороженно поднимает голову Гордей Захарыч.

— Я лично с ним не знаком, — нерешительно продолжает Плотвин. — Командир его какой-то в бурке...

— Ага... понятно... рапорт! — Гордей Захарыч полез в сумку, достал рапорт Холостякова. — Кстати, решить надо...

Мимо окон проехали два всадника. Высокий конь весело помахивал головой.

— Да вот и сам Доватор! Сейчас все выясним, — проговорил командарм.

Доватор слез у ворот с коня, развязал на груди бурки ремешки, скинул бурку, положил поперек седла.

— Поводи немного, потом накормишь. Овса достань, где хочешь.

Гремя шашкой, он направился к штабу.

— Как же вы не знаете полковника Доватора? Он на вас написал мне подробную характеристику, — спрашивал тем временем командарм у Плотвина.

— Но он меня никогда не видел!

Бесшумно открылась дверь, адъютант почтительно пропустил Доватора вперед.

— Командир кавгруппы полковник Доватор.

Плотвин не верил своим глазам.

— Знакомьтесь, — проговорил командарм.

Плотвин протянул Доватору руку.

— Мы уже знакомы, — коротко и сухо ответил Доватор.

Для него эта встреча была тоже неожиданной.

— Однако подполковник уверял нас, что он никогда не видел полковника Доватора, — заметил командарм.

— Тут какой-то индийский фокус! — улыбнулся Гордей Захарыч.

— Разрешите объяснить, товарищ генерал. Когда мы беседовали первый раз, подполковник мало интересовался мною. Он больше говорил о себе, а я слушал.

— К чему была эта маскировка? Я не понимаю, товарищ полковник... — В голосе Плотвина слышались укор и горечь.

— Благодаря ей вы откровенно говорили со мной, а с полковником Доватором вы, наверное, вели бы себя иначе.

— Значит, разговор был по душам? — спросил командарм.

— Очень мило беседовали...

— Вот и отлично! Если мило беседовали, значит и характерами сошлись! — с хитрецей сказал Гордей Захарыч. — Мы так и знали, — приказик заготовили. Вам ведь нужен командный состав?

— Нет, характеры у нас разные! — с досадой проговорил Доватор. — Да и подполковник устал, много пережил... А нам предстоит трудная операция...

— А вот командарм решил воздержаться от операции...

Гордей Захарыч с усмешкой взглянул на Доватора.

Доватор встал.

— Разрешите узнать причины, товарищ генерал-лейтенант?

— Сомнительно. Риск большой...

— Но это оправданный риск! Я заверяю командование... — горячо перебил Доватор.

— Как же вы можете заверять командование, когда на собрании командиров заявили, что сами не знаете, как вам придется действовать? Послать в неизвестность казачье соединение мы не можем...

Командарм энергичным движением закинул руки за спину, пристукнул шпорами и остановился, против Доватора.

Доватор усмехнулся. Он не был удивлен осведомленностью командарма.

— Да, я говорил... — подтвердил он. Хотел по привычке хлестнуть стеком по сапогу, но сдержался. — Я говорил, что обстановка в тылу противника может поставить нас в любые условия. Стало быть, поставленный в эти условия, я и буду принимать решения на месте. Но это

не значит, что у меня нет предварительного плана действия. Я пока кричать о нем не могу.

— Вот, вот, это и хочет знать командование...

Командарм взял Доватора под локоть и подвел к карте. Поймал конец стека, настойчиво потянул к себе. Доватор отпустил.

— Скажем, вы рассредоточились в этом районе, — командарм указал стеком на зеленую полосу лесного массива за линией флажков. — Расскажите, как вы будете действовать?

Доватор ищет глазами, чем бы показать на карте, и ничего не находит. Тогда он решительно вытаскивает несколько флажков и вкалывает один из них недалеко за передним краем.

— Здесь в первую же ночь захвачу пленного. Уточнив обстановку, двигаюсь в двух направлениях. Туда, где у немцев расположены тылы и мелкие гарнизоны. По пути начинаем их бить. Внезапным нападением всюду вызываем панику. Не ввязываюсь в бой с крупными силами, а только тревожу их. Продвигаюсь глубже в тыл. Рассредоточиваюсь вот здесь, окажем, в лесах Духовщины. — Доватор снова приколот флажок. — В разных местах, но одновременно совершаю налеты на штабы, бью из засад на большаках. Устраиваю целый ряд сюрпризов. Там, где нужно, действую большими группами, а где и малыми отрядами.

— А он разыщет вас, бросит авиацию. Мачтовые сосны на голову будут падать, — вставляет Гордей Захарыч.

— Страшно, что и говорить... А в лесу-то отыскать нас не совсем просто. — Задорно прищутив глаза, Доватор продолжает: — Днем казаки кормят коней, отдыхают. Ночью, выполнив задачу, меняют место. — Пусть ищет авиация! Ну, а если найдет и побомбит, — на то и война!..

— О боеприпасах, продовольствии думали? — спрашивает командарм.

— Думал. Каждый казак берет в переметные сумы пятидневный запас продовольствия и побольше патронов. Кроме того, в каждом эскадроне до двадцати запасных вьюков. А в тылу колхозники помогут.

— На это рассчитывать нельзя. Гитлеровцы всех ограбили.

— Назад отберем. Гарнизоны будем громить. Придется трудно — на шомполах конский шашлык пожарим.

— Как будете управлять дивизиями, полками, эскадронами?

— По радио и делегатами связи...

— Собираетесь управлять по радио, а на штабных занятиях полки потеряли друг друга.

— Заставим работать рации, заставим!.. Но, главное, народ хочет драться. Хочет!

— Экий ты, брат, напористый! — ворчит Гордей Захарыч. — И меня-то раззадорил: так и хочется сесть на коня, разобрать поводья. Ей-богу, поехал бы сам, а то вот сиди тут, маневрируй...

— Долго будем маневрировать, товарищ генерал? — спрашивает Доватор, склонив набок голову.

— Ты, полковник, как скипидар. Чихнуть хочется. А я вот прочитаю тебе один рапортец — сам расчихаешься... там тебя, голубчика, так разделали!..

Доватор понимает, о чем речь, и настораживается.

— Прочесть, Иван Петрович? — спрашивает у командарма Гордей Захарыч.

— Не стоит, — говорит командарм, улыбнувшись.

— Нет, вы покажите все-таки рапорт, — горячится Доватор. — Теперь мне понятно, почему с рейдом канитель и мне экзамен...

— Да, ты прав, экзамен был, — твердо говорит командарм, — но ты его, кажется, выдержал, а потому — получай письмо! — Командарм взял со стола письмо и подал Доватору. Прочитав письмо, Доватор тыльной стороной ладони потер лоб. Еще больше сдвинул на затылок папаху, тряхнул головой, оглядел всех, снова перечитал письмо.

— Что пишет Ока Иванович? — спросил командарм.

— Оку Ивановича вызвал товарищ Сталин и напомнил ему рейд двадцатого года в Таврию по тылам Врангеля...

— И приказал организовать рейд в этом году. Не позднее августа, — добавляет командарм.

— Значит, рейд — это задание товарища Сталина? — выпрямляясь, спрашивает Доватор.

— Да, это приказ товарища Сталина, а приказ товарища Сталина есть приказ родины. Вот здесь-то и начинается самый главный и ответственный экзамен, — продолжал командарм. — Ты поведешь кавалерийские полки в тыл врага. Научи их драться и быть стойкими перед любой опасностью. Надо разбить боязнь окружения. Нам сейчас очень трудно. Может, будет еще труднее. Город Ельню штурмуют семь немецких дивизий. Надо помешать. Они готовят прыжок на Москву. Надо нарушить механизмы тыловых коммуникаций, затормозить передвижение. Мы должны сделать перегруппировку, подтянуть резервы. У нас за спиной Москва. Вы понимаете, что это значит?

— Я понимаю. Я выполню этот приказ.

— Желаю вам, как говорится, ни пуха, ни пера. — Командарм крепко пожал Доватору руку.

— Мое благословение — драться по-суворовски, — говорит Гордей Захарыч. — Холостяков упрекает тебя в подражании Суворову. Если в солдате есть хоть маленькое суворовское зерно — это непобедимый солдат! Гордись! Тебя направляем в тыл врага. А холостяковых будем переучивать!..

— Вызовите подполковника Холостякова, — обращаясь к наштарму, приказал командарм, — и предупредите, что за такие рапорты впредь буду отдавать под суд и разжаловать. Числить его пока в резерве штаба армии. Убрать из кавгруппы, чтобы он там не мешал. Подполковника Плотвина — в кавгруппу, с особой задачей, которую он получит от Доватора.

— Я готов выполнить любое задание, товарищ генерал! — ответил Плотвин с дрожью в голосе.

Доватор, поджав губы, молчал. Он думал о письме и, казалось, не слышал слов командарма. Ока Иванович писал, что товарищ Сталин интересуется предстоящей операцией и уверен в ее успехе.

«Моя фамилия записана в блокноте Иосифа Виссарионовича Сталина... Это налагает на меня величайшую ответственность».

Горячая взволнованность овладевает Доватором. Слово крылья выросли у души. Ему хочется сейчас обнять плотную фигуру командарма, прижать к груди, потом потряхнуть маленького усатого начальника штаба, спросить: «Ну как, папаша, крепкие у тебя косточки? Брось «маневрировать», поедем в тыл немцев бить! Ведь с таким папашей можно чудес натворить...»

— Чему вы улыбаетесь, полковник Доватор? — спрашивает командарм. — Подполковник Плотвин направляется в ваше распоряжение — вы слышали?

Доватор одергивает гимнастерку.

— Слышал, товарищ генерал. А не боится он, что упадет с коня и ребра поломают?

— Не вспоминайте старое, товарищ полковник! — вспыхнув, говорит Плотвин. — Я в кавалерии не служил, но с конями дело имел...

Доватор попросил разрешения удалиться. Не терпелось поделиться радостью с командирами дивизий, полков, эскадронов, со всеми казаками.

Еще из штаба армии он позвонил Карпенкову и приказал вызвать командиров и комиссаров частей на совещание. Это было одно из самых коротких совещаний за все время боевых действий соединения Доватора.

Стоял ясный солнечный день. Командный состав собрался на небольшой лесной поляне под могучим шатровым дубом. Доватор был посреди плотно обступивших его боевых командиров. Он начал говорить

не сразу. Поправив под буркой полевые ремни, смотрел на командиров по-новому, особенно блестящими глазами, почувствовал, что где-то внутри, у самого сердца, все громче и громче звучал давно знакомый и незабываемый голос великого вождя, приказ которого ему впервые в жизни предстояло выполнить. Это был голос всего народа. В голове было много горячих и волнующих мыслей и слов, но он ожидал еще других — более выразительных и сильных.

Кратко изложив сущность боевого приказа, назвав район предполагаемого прорыва фронта, Доватор перешел к самому важному:

— Не забудьте, мои боевые друзья, что мы идем выполнять задание товарища Сталина. За линией фронта, под коваными сапогами фашистских захватчиков, стонут наши люди. Они ждут освобождения. Мы передадим им привет от всего народа и с именем великого Сталина поведем их на беспощадную борьбу. Я прошу командиров и политических работников немедленно провести во всех подразделениях партийные и комсомольские собрания. Пусть коммунисты и комсомольцы разъясняют каждому бойцу — своему товарищу, что эту славную, почетную задачу нам поручил выполнить сам товарищ Сталин...

Командиры разъезжались быстро. Стройные, подтянутые люди в военной форме крепко сжимали поводья и ловко садились на коней. Звонко стучали копыта, горячились и всхрапывали кони. Лев Михайлович провожал своих командиров глазами. Впервые в жизни он твердой рукой и горячим, вдохновенным словом направлял людей в бой. И сам должен был участвовать в нем впервые, выполняя личное задание вождя советского народа.

Над головой Доватора в синем небе ползли и качались дымчатые облака, словно встревоженные глухими артиллерийскими выстрелами, рядом шелестел твердыми листьями могучий дуб.

ГЛАВА 13

С утра наша артиллерия беспокоила немцев. Над лесом с тревожными криками кружились стаи птиц.

Накануне полевой походный госпиталь отправил больных и раненых в тыл. Палатки свернули во вьюки. Алексей должен был уехать с последней машиной. Однако, как его ни искали, ничего, кроме изломанных костылей, валявшихся под елкой, не нашли...

Перед этим у Алексея с Ниной произошла размолвка.

— В тыловой госпиталь не поеду, — заявил Алексей.

— Куда же ты денешься с такой ногой?

— Подумаешь, рана! Кость цела. Брошу костыли — и все. Подживет и так...

— А приказ полковника? Не имеешь права.

— Попрошу разрешения.

Выслушав просьбу Алексея, Доватор снял трубку и, потребовав к телефону Нину, спросил:

— Вылечили лейтенанта? Не закрылась? Значит, плохо лечили! — Доватор повесил трубку и пожал плечами. — Медицина протестует. Все. Придется ехать лечиться. Ничего не попишешь...

— Можно было сказать полковнику как-нибудь иначе, — вернувшись от Доватора, мрачно говорил Алексей Нине.

— Обманывать я не умею, и никогда ты меня не заставишь...

— Да я тебя и не прошу!

— И не проси! — Нина присела на пенек, отвернулась. — Собирай вещи...

— Не командуй! — Алексей наступил сапогом на костыль, с хрустом переломил его, потом проделал то же самое со вторым и бросил обломки под елку.

— Что ты делаешь? — крикнула Нина.

— Спешился! — Прихрамывая, Алексей пошел по тропинке в лес и даже не оглянулся. А Нина и не окликнула. В госпиталь он больше не вернулся...

Приказ о выступлении был уже отдан. Ждали только сигнала.

На другой день, подходя к лагерю разведчиков, Нина встретила на тропинке Яшу Воробьева с котелком в руках.

Заметив ее, Яша хотел было свернуть в кусты, но Нина его окликнула.

— Лейтенант здесь? — спросила Нина.

— Какой лейтенант? — Воробьев смотрел на Нину невинными, непонимающими глазами.

Еще с вечера Шаповаленко перевязал Алексею рану, наложив на нее какой-то лекарственный лист, а Салазкин и Торба завьючили его коня. Сообща решили, что из-за болячки оставаться не следует. О том, что он остался в эскадроне, Гордиенков велел пока молчать. И вот Яша нес Алексею обед. Из котелка выглядывала куриная нога, сверху, на блюде, лежали яйца.

— Не знаешь, какой лейтенант?

— Уот те Христос, не знаю, товарищ «доктор». Ведь у нас тут лейтенантов-то разве один? — уклончиво отвечал Яша. — Извините, тороплюсь...

Нина поймала его за рукав.

— А обед кому несешь?

— Да уот себе хлёбова маленько сварил... Вы у ребят спросите, может, они знают. Уот они за теми кусточками картошку варят. Салазкин свои стишки читает, — в газете напечатали, написал мировые. Вы пройдите, может, они видели...

В лагере разведчиков кони уже подседланы с полным вьюком, шалаши и пирамиды опустели, оружие все на плечах. Кругом валялись разбитые патронные ящики, промасленный пергамент, на колу висела немецкая каска с простреленной свастикой.

Торба подкидывал в костер дрова. Салазкин и Павлюк чистили картошку. Шаповаленко сидел на ящике и что-то писал в тетрадке. Костер горел плохо, только дымил. Захар, наклонившись, пытался раздуть огонь, захлебываясь дымом, отворачивался, морщился. Последние дни Захар ходил мрачный и злой. Анюта прислала ему такой ответ, что он даже не знал, что и думать: «Приедешь, тогда узнаешь...»

Шаповаленко закрыл тетрадь, сунул ее за голенище. Внимательно осмотрел котелок, в который Салазкин положил картошку, заметил хозяйственным тоном:

— Порезать надо.

— Кто затеял варить? Ты! — ворчал Торба. — А сам сидит, як писарь, да еще учит. Барабули захотел...

— В бой идешь, — краще заправиться треба. Патрон побольше — и сюда, — Шаповаленко показал на живот и на карманы.

— Думаешь, не пробьет? — усмехнулся Захар.

— Часом, попадешь на тот свет, будешь из кармана барабулю доставать и исты, а то колысь там райский аттестат форменный дадут!..

Заиграл веселый смешок, но тут же оборвался. Подошли Нина и Яша Воробьев. Яша шел сзади и делал хлопцам таинственные знаки.

— А у вас тут весело! — поздоровавшись с казаками, проговорила Нина.

— Тише, товарищ военфельдшер, у нас Филипп завещание сочиняет. — Торба, сдерживая смех, наклонился к костру.

— Чистые портянки надел, — заметил Салазкин, — осталось закусить поплотнее — и на тот свет готов...

— Треплются, як балабошки! — Шаповаленко укоризненно покачал

головой. — Тошно слушать... Язык, як добрая сабля, а силенки — пивфунта... Це мой земляк, — Филипп показал пальцем на Торбу, — силы у него, як у великого дурня, а ума не хватает костра распалить. Вин смеется, що я пишу...

— А может, вы, «господин вахмистр», мемуары сочиняете? Меня там не забудьте! — не унимался Салазкин.

— Зараз я на войне, — продолжал Филипп Афанасьевич, — а думка моя о мирной жизни. Почему Филипп Шаповаленко добровольцем пошел? Потому, что он воюет за мир! И должен писать о мирной жизни! А этот мне еще о каких-то «мамуарах» толкует! Тьфу... Варил бы скорей картошку!

— Верно! — поддержала Нина. — А то лейтенант у вас вторые сутки не евши сидит...

— Ну, уж нет! Вчера я ему курочку...

— Филипп! — крикнул Торба. — Глянь, кони там не отвязались?

— Где спрятали? — решительно спросила Нина. — Показывайте!

— Я ему курочку в госпиталь возил... Понимаете? — Шаповаленко пробовал вывернуться.

— Вы, Филипп Афанасьевич, не юлите. Куда Воробьев пошел? Тут не до шуток. Если узнает полковник Доватор...

— Никто не узнает! Ни який полковник! — под свирепым взглядом Торбы заявил Шаповаленко. — Нельзя ему оставаться, товарищ военфельдшер, а рана що — заживет... Устроим все, як полагается. Нас еще ни один цыган не обманул!

— Кого это вы тут обманывать собираетесь?

Из кустов вышли Доватор и подполковник Карпенков.

Все быстро повскакали с мест. После длительной и неловкой паузы Торба кинул руку к кубанке и гаркнул во всю мочь:

— Товарищ полковник! Разведчики, смирно! Товарищи разведчики... — он запнулся и замолчал.

— Ну, ну, — Доватор ободряюще кивнул ему головой.

Но робость перехватила горло Захару, точно костью подавился. Все слова вылетели из головы.

— Растерялся трошки, — смущенно пробормотал Торба.

— А вот так, случайно, немецкого полковника встретишь, тогда что?

— А там побачим, товарищ полковник! — отвечал Захар.

— Побачим! — прищурился глазами, повторил Доватор. — Смотри, как нужно рапортовать! Ты будешь полковник, а я младший сержант — командир отделения.

Доватор с кавалерийским шиком, под смех и одобрительные возгласы

казаков, отдал Торбе положенный рапорт.

Потом спросил Шаповаленко:

— Ты, Филипп Афанасьевич, кого надуть собирался?

— Да тут, товарищ полковник, дело одно... — замялся казак.

— Он нам рассказал, как цыгану коня променял! — вмешалась Нина.

— Обмануть меня хотел, чертяка! — начал Шаповаленко, обрадованный неожиданной поддержкой.

— Ну и как? — не поднимал головы, спросил Доватор.

— Куда там!.. Шоб меня... Да я...

— Конечно!.. Тебя, старого запевалу, на коне не объедешь! Ты кого хочешь с ума сведешь, тем более при помощи военфельдшера Селезневой... Вот лейтенант Гордиенков начал уже костыли ломать... Вы помогли ему? — Доватор в упор посмотрел на Нину.

— Честное слово, сам!.. — растерялась Нина.

Обернувшись к Карпенкову, Доватор сказал:

— Запишите военфельдшеру пять суток ареста и Филиппу Афанасьевичу тоже... Чтоб не обманывали и уважали приказы командира! А лейтенанта Гордиенкова, — где он у них тут скрывается? — под ружьем отправить в медсанбат!..

Доватор поговорил с казаками, осмотрел вьючку, поласкал привязанных коней. Как ни в чем не бывало шутил. Взял на поверку пять автоматов, выпустил несколько трескучих очередей

— Смотрите, какое могучее оружие нам рабочие делают! В тысячу раз лучше немецких. Разве мы имеем право плохо воевать? — оказал он казакам на прощанье.

ГЛАВА 14

До выступления оставалось еще несколько часов, но люди были уже готовы двинуться хоть немедленно. Лев Михайлович был возбужден, весел, смеялся. За чаем подшучивал над коноводом.

— Сергей, ты что все с хозяйской дочкой шепчешься? Может, рассказал ей, что уходишь в операцию? Скажи по-честному: разболтал или нет?

— Что вы, товарищ полковник! — Сергей поперхнулся чаем, закашлялся: — Ни-ни...

— Ну, смотри! — Доватор через стол поймал его за смоляные кудри, пригнул голову к столу. — Почему не стрижешься? Сколько раз говорил:

остригись, остригись!.. Ты своими кудрями да глазищами всем девчатам кровь иссушил!..

Раскрасневшийся, хохочущий Сережка вырвался и убежал в сени — Посмотри — кони овес доели? — крикнул вслед Доватор.

Снял телефонную трубку, позвонил в штаб армии — уточнить обстановку. В десятый раз сверял карту, вызывал командиров дивизии, спрашивал: «Готовы ли? Нет ли чего нового?» Справлялся в своем штабе, не приехал ли майор Осипов. Доватор давно уже ждал его.

На майора Осипова была возложена самая ответственная задача: его полк пойдет передовым и первым устремится в прорыв.

— Главное — не задерживай темпа движения! — приветливо встретив только что прибывшего Осипова и угощая его чаем, говорил Доватор. — Как прорвешься, обязательно прикрывай фланги. Оторвешься — маяки выставь: ночью люди потеряться могут, могут попасть немцам в лапы. Будут попадаться артиллерийские батареи противника, ничего не оставляй, бей гранатами. А если пару пушек с собой захватишь — хорошо, пригодятся. Мы с Сережкой сзади тебя пойдём, прикрывать будем. Прикроем, Сережа?

— Прикроем! — Сергей лихо встряхнул головой и положил руку на эфес клинка.

— Видал, какой герой? — кивнул на него Доватор.

— Прикроем... — глухо повторил Осипов, навалившись широкой грудью на стол. Не моргая, он смотрел на улыбающегося Сергея ввалившимися глазами, машинально теребил рукой ременный темляк шашки. Хмурое лицо его передернулось едва заметной судорогой. Слушал рассеянно, неохотно. Точно кто-то подменил широколобого, кряжистого майора.

Осипов вчера получил пачку писем; и одно из них было таким плохим, что хуже и быть не может...

— Ты что, не спал, что ли? — спросил Доватор. — Перед таким делом следует хорошенько выспаться.

— Да нет, спал... Ничего!.. — неохотно отвечал майор, прихлебывая из стакана чай.

— У тебя вид такой, будто ты возвратился со свадьбы, после недельного пьянства... Скажи: пил?

— Было маленько...

— Ты что, одурел?! — гневно выкрикнул Доватор, — Мы ему такую задачу доверили, а он... Ну, милый мой, не ожидал от тебя!

— Я задачу выполню, товарищ полковник...

— С пьяных глаз напролом полезешь, людей погубишь!

Осипов отмалчивался, хмурился. Доватор с ожесточением отодвинул рукой недопитый стакан.

— Голова должна быть чистой и ясной! Хотя бы немного выпил, для настроения, а то, извольте видеть... Ты знаешь, что это нетерпимо!

Осипов долго мял папиросу. Пожевывая губами, упорно смотрел под ноги. Письмо не выходило из головы, лежало на сердце тяжелым камнем.

— Ты передо мной не ломайся! — Доватор сдвинул брови, рывком схватил телефонную трубку. — Я тебя в передовой отряд не пущу.

— Лев Михайлович! — Осипов вскочил. Трясущимися руками одернул гимнастерку. Лицо исказилось, точно от боли. Над бровями крупинками поблескивал пот.

— Ну что? — жестко спросил Доватор, ухом прижимая к плечу телефонную трубку. Он вырвал из блокнота листок бумаги, искоса глянул на Осипова.

— Я сейчас способен такое сделать!.. — хрипло продолжал майор. — В десять раз больше, чем это нужно! Я уж отдал боевой приказ. Операцию прорыва несколько раз прорепетировали с командирами на боевых картах. У меня все рассчитано до мелочей. Я ручаюсь за успех головой! Нельзя изменять приказ, да и незачем...

Доватор швырнул трубку, захлопнул блокнот. Встал, подошел к окну. На минуту задумался, потом решительно снял с гвоздя бурку, накинул ее на плечи,

— Выводи коней! — коротко приказал Сергею, завязывая на груди ремешки. Передернул плечами, под буркой заскрипели ремни. Надел было на правую руку кожаную перчатку, но тут же, стащив ее, взял телефонную трубку.

— Карпенков, ко мне! Выступаем сейчас.

— Но ведь это раньше времени, Лев Михайлович! — Осипов вскочил, впился глазами в часы.

— Выводи полк на исходное положение. Приказание слышал?

Осипов, гремя шашкой, кинулся к двери. Доватор поймал его за плечо, повернул к себе лицом. Посмотрел в глаза.

— Подведешь, Антон, не прощу. Понимаешь? Я тебя люблю, как брата. Больше того, уважаю тебя как человека смелого, волевого командира. Мне больно смотреть на тебя... Мы отвечаем за каждого человека, и не время хандрить, понимаешь! Это равносильно предательству! — стиснул он трубку рукой, не спуская глаз с Осипова.

— Лев Михайлович! — Осипов скривил губы. — Ты жестоко

несправедлив ко мне... Я сейчас сам себе судья. — Не оборачиваясь, проговорил у порога: — Начну с сегодняшнего дня приводить в исполнение приговор!..

В сенцах он чуть не столкнулся с подполковником Карпенковым, который входил вместе с капитаном Наумовым

Последних слов Осипова Доватор не слышал. Стоял у телефона и говорил: «Волга, Волга-три, быстро к аппарату. Ока-шесть, к аппарату. Разъединить!» — от нетерпения покусывал губы, над переносицей резче обозначились морщины.

Слышал, как командиры дивизий взяли трубки, продували их. Лицо Доватора оживилось, вспыхнули в глазах азартные искорки. Наклонившись к аппарату, проговорил одно единственное слово: «Москва». Крепко сжимая в кулаке трубку, отдельно добавил: «Еще повторяю — Москва!»

По висевшим на деревьях телефонным проводам невидимой электрической искрой молниеносно летело магическое слово полководца.

...«Москва!» — сурово говорит телефонист с пышными усами, надевает каску и выключает телефон. «Москва», — повторяет другой где-то в глубоком блиндаже и вешает на грудь автомат. «Москва», — тоненьким голоском говорит девушка-телефонистка, укрывшаяся в густых елках. От ее выкрика вздремнувший было капитан спокойно берет вторую трубку, говорит одно слово. Где-то в кустах щелкают замки артиллерийских орудий, взблескивают медные гильзы, и белые головки снарядов исчезают в стволах. Танкисты в промасленных комбинезонах гремят ключами, заводят моторы, на башнях вздрагивает маскировка и валится под ожившие гусеницы. На полном галопе мчатся делегаты связи, развозя пакеты с сургучной печатью, с написанным крупными буквами символическим словом: «Москва».

В сумерках на фоне темнеющего леса всадник высоко поднимает горн. Призывно поет труба боевую тревогу. По лесу разливаются мощные звуки.

Подседланные кони поднимают головы, тревожно шевелят ушами. В темноте виднеются туго набитые переметные сумы, скатки шинелей.

— По-о-о ко-о-о-оня-я-ям! — распевно звучит команда.

Нина провожала Алексея в медсанбат. Алексей ехал на ее коне, она шла пешком.

Около госпитальной палатки стоял часовой с ружьем. Алексей молча слез с коня. Молчала и Нина.

Алексей первый нарушил молчание. Не глядя на Нину, он проговорил: — Все друзья мои, товарищи идут в операцию, да еще в какую! А у

лейтенанта Гордиенкова, видите ли, дырка на ноге! Он остается, будет на койке валяться да молочко попивать... В партизаны уйду! Пусть не берут...

— Но ты же ранен...

— Подумаешь — ранение! Вот если напрочь ногу отхватят, тогда уже все равно: сиди на завалинке да пиликай на баяне...

Сигнальная труба запела тревожно и призывно. Звуки доходят до самого сердца. Надо быть конником, чтобы понять всю силу и властность кавалерийского сигнала.

Нина заторопилась. Сунула Алексею свернутую бумажку — направление в госпиталь.

— Ну, Алеша, мне пора!.. Сам уж отдай, тебя тут запишут... — По-детски кривит губы, морщится. Заплакать нельзя: стыдно.

— Тебе приказали под расписку меня сдать, — зло сказал Алексей. — Ладно, садись...

Нина взялась за луку, никак не могла угодить ногой в стремя. Конь беспокойно косился, намереваясь поймать ее за плечо.

— Стоять! — крикнул Алексей на коня. — Эх, вояка!.. Дай подсажу.

Нина торопливо прижалась губами к его щеке. Алексей обнял ее, крепко поцеловал в губы. Часовой круто повернулся и пошел в другую сторону. Алексей подхватил Нину подмышки и, как ребенка, усадил в седло.

— Может, поедем двое на одной?

— Не шути, Алексей, — тихо ответила Нина, разбирая поводья.

— Я не шучу. Дай-ка лучше мне коня, а сама оставайся здесь...

Нина резко хлестнула коня, мелкой рысцой поехала вдоль просеки. Оглянувшись, помахала рукой. Алексей стоял под деревом...

Загудела смоленская земля от переступа тысяч конских копыт. Сердито выглядывали из вьюков тупые мордочки станковых пулеметов, минометные стволы. Пофыркивали красавцы степные дончаки, вскидывали головы, требуя повода.

Идет конница мерной поступью...

Гордиенков стоял один, смотрел на мощное передвижение кавалерийских полков с невольным восторгом. А над ним вздрагивали молодые березки, роняли на землю листья... Потом он не выдержал: подбежал к коновязи, выбрал коня — и помчался за только что ушедшими полками.

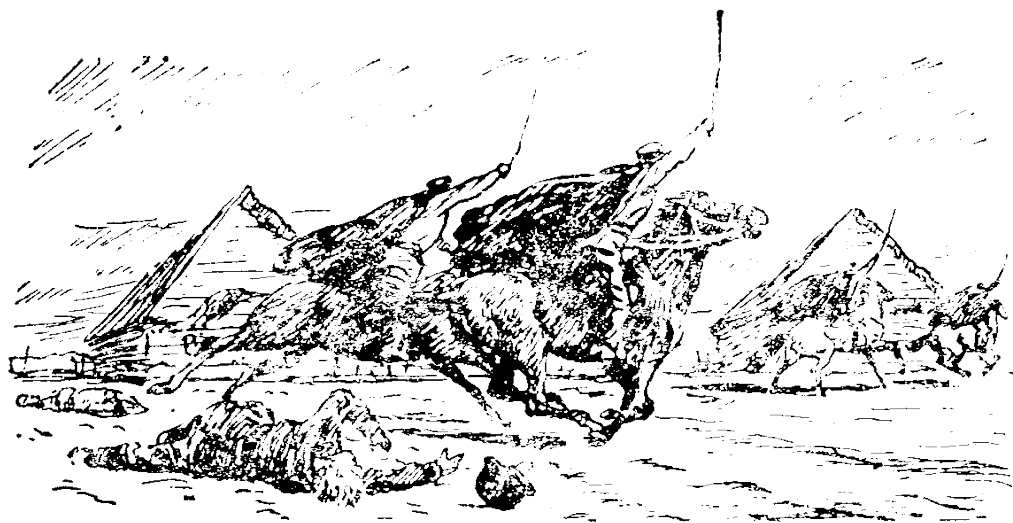
И вдруг под ногами качнулась, дрогнула земля. Сотни наших пушек ударили дружным залпом. По лесу покатилося металлическое эхо.

Началась артиллерийская подготовка. Кто хочет поспорить с русскими

пушками, пусть попробует!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Во второй половине августа 1941 года части немецкой армии, готовясь к решительному удару на Москву, спешно перегруппировались в районе Пречистая — Духовщина Смоленской области.

В этом же районе сосредоточивались резервные части, по преимуществу танковые, под командованием генерала Штрауса. На его

танках были нарисованы лев и ведьма — получеловек, полужверь, с хвостом, с пылающим факелом в руках, похожим на метлу.

Эти танки, несущие на себе символ разрушения и смерти, должны были, по замыслам фашистов, пройти в марш-параде по Москве. К занятию Москвы фашисты тщательно подготовились. В деревнях Смоленщины расположились специальные батальоны жандармерии; зондеркоманды со своими душегубками; коменданты, получившие назначения и неограниченные права для управления районами Москвы и ее окрестностей; представители торговых концернов, фирм, компаний и прочие дельцы, тащившиеся за армиями в надежде на быстрое обогащение. Некоторые из них были даже со своими женами.

Здесь находился и майор Круфт, бывший берлинский адвокат, шурин полковника Густава Штрумфа. Майор Круфт любил дачную, лесистую местность. Он выпросил себе должность коменданта Ростокинского района... А пока, от нечего делать, он, большой любитель радио, денег и аферы, занимался ловлей радиопередач и пытался расшифровывать сложные коды. Майор Круфт не переставал удивляться: вместо объявления о капитуляции русские непрерывно передавали по радио песни и музыку.

23 августа 1941 года майор по обилию в эфире переговоров решил, что в расположении русской армии началось усиленное передвижение частей. Круфт не замедлил донести об этом своему родственнику — командиру дивизии Густаву Штрумфу — и, кроме того, в письменной форме изложил красноречивые, адвокатские выводы «о предполагаемом русском наступлении». Выводы майора не были совершенно неожиданными. То же самое сообщала и служба радиоподслушивания. На этом участке фронта накануне русские вели разведку боем, а 23 августа с утра начали бить из пушек.

Немецкое командование решило усилить правый фланг фронта. Но, не желая вводить в дело «московские» резервы, оно срочно передвинуло сюда части с левого фланга и тем самым ослабило его. Немецкое командование было убеждено, что русские на левом фланге не могут предпринять наступления: этому препятствовали лес и непроходимые болота.

Но прорыв фронта был намечен русскими именно на этом участке фронта. Демонстрацией наступления на правом фланге немецкое командование было введено в заблуждение.

К исходу дня наши части неожиданно обрушили артиллерийский огонь на немецкий левый фланг, в районе станции Ломоносово.

Здесь конница Доватора приготовилась стремительным ударом прорвать оборону противника и углубиться в его тыл — в направлении

Пречистая — Белая — Духовщина, имея задачей нарушить планомерность передвижения резервов противника и его тыловых баз материального обеспечения, громить штабы, уничтожать связь, транспорт и тем самым затормозить немецкое наступление на Москву.

Передовой отряд доваторцев, под командованием майора Осипова, стоял на исходном положении в густых темных зарослях смоленских лесов.

Тишина ночи разрывается неумолкающим грохотом артиллерийского боя. Над лесом с шипящим посвистом, как токующие тетерева, пролетают тяжелые снаряды. Кони вздрагивают, вскидывают головы, тревожно переступают с ноги на ногу и пошевеливают ушами.

Под елками отдельной группой дремлют связные и коннопочтовые. Неподалеку, прислонившись спиной к старому дереву, зябко кутаясь в бурку, сидит Осипов. Он уже целый час водит по карте тусклым лучом электрического фонаря и делает на ней пометки карандашом. Лес, где сосредоточился полк, выступает на боевой карте зеленым языком, почти упираясь в синие гребешки немецкой обороны, которые охватывают два черных квадратика. Это два колхозных сарая. Здесь укрепления 2-й роты 9-го батальона немецкого пехотного полка. От деревни Устье на северо-запад расположилась 1-я рота, усиленная танками. Западнее деревни — отдельный лесок. На карте он похож на растоптанный валенок. Северо-западнее этого леска проходит оборонительная полоса 3-й роты 9-го же батальона, с густо нанезанными пулеметными гнездами.

В задачу передового отряда входит разгромить в этом районе оборону немецкого батальона и сделать проход для ввода в тыл частей Доватора. Не задерживая темпа движения, ворваться в село Подвязье, разгромить штаб немецкого полка и по пути истребить гарнизон противника в селе Заболотское. Северо-западнее деревни Шеболтьево перерезать и взорвать линию железной дороги Ржев — Великие Луки. В 13.00 23 августа сосредоточиться южнее Никулина. Ждать подхода главных сил, выставив охранительную разведку.

Одновременно другая кавдивизия должна совершить прорыв в направлении Балкино — Пузьково.

Часы майора Осипова показывают 1.30 ночи. Боевой приказ отдан. Все рассчитано до минуты. Антон Петрович сосредоточенно молчалив. Отдавая приказ, он был резок, взволнован и до раздражительности требователен. Однако начальник штаба капитан Почибут не хочет, кажется, обращать внимание на плохое настроение командира полка. Капитан сидит в кругу дремлющих штабных командиров по другую сторону дерева, спиной к майору, и над самым его ухом насвистывает какой-то знакомый мотив.

«Удивительно спокойный человек», — думает Осипов.

Железная воля и железные нервы у капитана Почибута, а на лице всегда спокойная, добродушная улыбка.

— Старший лейтенант Чалдонов просил у меня разрешения следовать в головном отряде, — говорит он Осипову, выглядывая из-за дерева.

— Свободным командирам приказано двигаться со штабом, — сухо отвечает Осипов.

Почибут молчит, потом как ни в чем не бывало начинает посвистывать...

Осипов, аккуратно сложив карту, прячет ее в планшетку. Вынимает фотографию. Взглянул мельком — и не может отвести сузившиеся глаза. На фотографии снята вся его семья. Витька в матросском костюмчике сидит у него на коленях. Варя обняла за шею одной рукой мать, а другой — отца. Нос вздернут, щеки надутые, бантики торчат на голове, как заячьи ушки... На лице майора разгладились было морщины, дрогнула скупая улыбка... Но, вспомнив все, он глубоко, со свистом втянул в себя воздух, и улыбка бесследно исчезла с его лица... Антона Петровича потянуло перечитать письма. Он достал их — и тут же скомкал, не читая, вместе с конвертом. Потом разгладил ладонью и торопливо сунул в планшетку, словно конверт жег ему руки. Ему не хочется верить, что семья его погибла.

— Начальник штаба! — гремит глухой бас Осипова.

— Я вас слушаю, товарищ майор! — Почибут вскакивает, оправляет полевые ремни.

— Поднимай полк. Пора! — Осипов смотрит на часы. Медленно встает, сбрасывает с плеч бурку и, сутулясь, идет к привязанным коням.

— Дежурный, ко мне!

Луч карманного фонарика начальника штаба рассекает темноту и скользит по кустам.

— Кто здесь? — спрашивает Почибут.

— Ну, чего?.. Стой!.. На ногу наступил... — раздается сонный голос.

— Если, милый, так будешь спать, нос отдавят. Вставай!..

— По коням, быстренько! — Голос капитана спокоен. — Штабные командиры, поверять эскадроны, пропускать колонны. По местам!..

Потекли первые медлительные минуты дремотной неразберихи. Бормотанье, приглушенный кашель, кряхтенье, хриповатая ругань...

А пушки продолжают бить ожесточенно и свирепо. По темному лесу далеко разносится многоголосое эхо, и трудно уловить в хаосе звуков, где выстрелы, где разрывы.

По лесным тропкам и кочкастым дорогам конница двинулась к переднему краю. Сквозь грохот артиллерийского оркестра слышатся негромкие командные выкрики, ритмичная конская переступь, резкое всхрапывание, звон металла, отчетливое чваканье копыт по незасохшей грязи, звонкое разливное ржание. Горе неопытному всаднику! «Прижми повод!.. Десятый сон видишь, размазня!» — зашикают на него со всех сторон. А молоденький казачок, может, сию минуту побывал во сне на Кубани, язей ловил в тихой заводи... И испугнули его чудесные сны короткие требовательные выкрики: «Головной, шире шаг! Подтянись!..»

ГЛАВА 2

Алексей Гордиенков, поскакав вслед за ушедшей конницей, решил во избежание недоразумений не показываться до перехода переднего края в подразделение разведчиков, разыскать полк майора Осипова и с ним вместе двигаться дальше.

Зная примерно район сосредоточения полка, Алексей повернул на юго-запад и поехал напрямки, минуя штабные и вьючные колонны, двигавшиеся сзади.

В лес змейкой уползала глухая узенькая дорожка. Конь шел вперед мерной неторопливой рысью. Иногда взволнованный выстрелами дончак, увидев в темноте пень, прядал ушами и боязливо храпел. Лес становился все гуще и темнее. Это был дремучий ельник, покрывавший смоленскую землю на многие десятки километров. Узкий просвет дороги пересекался черными тенями пышных могучих лап, над головой сплетались такие же могучие ветви и порой совсем закрывали мелькавшие в небе звезды.

Чувство, охватившее Алексея, когда он въехал в лес, походило на то, какое испытывает подросток, впервые сознательно не покорившийся родителям. Алексей мучился сейчас том, что совершил два противозаконных поступка: не подчинился приказу командира и угнал чужого коня. Он ехал шагом.

«Приеду и уж в тылу откровенно расскажу все полковнику, — размышлял Алексей. — Рана пустяковая, скоро заживет... На фронте протяжением в две тысячи километров сражаются за родину люди, а я буду на койке отлеживаться...»

И все-таки на душе было неловко и нехорошо.

Неожиданно лес поредел.

Алексей уперся в какое-то подразделение. Кавалеристы стояли на

месте. Впереди пулеметы отбивали знакомую дробь.

Трассирующие пули, обрывая березовые листья, пронзительно взвизгивали. Каски бойцов невольно клонились к передней луке...

Разыскав в голове колонны командира эскадрона, Алексей спросил:

— Какой полк? Почему стоят?

Полк был майора Осипова, а что делается впереди, командир эскадрона не знал.

— Честно вам говорю, не знаю, товарищ, сейчас только человек выяснять поехал...

Голос показался Алексею знакомым, но лица говорившего в темноте не было видно.

— Давно стоите?

— Целый час, наверно, так будет, — спокойно ответил комэска, захлебываясь сладостной позевотой.

Беспечность его взорвала Алексея

— Целый час стоишь и не знаешь, что впереди делается? — резко спросил Алексей.

— А кто ты есть, товарищ дорогой? Почему ты меня учишь? — комэска наклонился к Алексею, желая убедиться, с кем он имеет дело.

— Это неважно, кто я такой. Где командир полка? — Гордиенков спросил инспекторским тоном, словно приехал наводить строжайшие порядки.

Оба были молоды, горячи — моментально вскипели и сцепились.

— Не знаю, извиняйте! Каждый понимает, что командир полка ходит на голове... — Эскадронный плохо говорил по-русски.

— Командир полка ходит на ногах, а на марше не всегда двигается впереди колонны, — посмотрите устав!

— Шагом марш, товарищ дорогой, мимо! — Комэска, приподнявшись на стременах, приложил руку к козырьку.

Алексей расхохотался. По отрывистым фразам, по этому быстрому движению, по хриповатому певучему голосу он узнал друга детства — Хафиза Биктяшева. Даже не верилось! Прошло больше десяти лет с тех пор как они виделись в последний раз.

Так же быстро и горячо обнялись, как и поссорились.

— Сроду бы не узнавал тебя, Алеша. Честно говорю! — хлопая Алексея по плечу, говорил Биктяшев. — Непонятная война, Алеша Я должен два часа назад проходить рубеж западнее Устья. И все стоим на месте. Вперед надо!..

— Надо узнать, в чем дело, — посоветовал Алексей.

— Ездил сам лично. Командир полка обругал меня: зачем приехал без вызова. Зря, говорит, бросил эскадрон. Сердитый командир полка. Никогда такой не был!..

Алексей решил пока остаться в эскадроне Биктяшева. Не терпелось узнать обстановку, тем более, что стрельба впереди становилась все ожесточенней. Отчетливо доносился грохот артиллерийского боя.

Биктяшева вызвали в штаб. Алексей тронул коня и, объезжая молчаливо стоявших казаков, поехал вперед. Его неудержимо тянуло туда, где шло «настоящее» дело...

Навстречу попало несколько верховых. «Осторожно, братцы!» — раздался из темноты натужный голос. Алексей придержал коня, отъехал в сторону. Пронесли первых раненых. Здоровой ногой Алексей дал коню шпору и поехал дальше. Впереди виднелся просвет.

Над деревьями висела луна. На широкой поляне, куда выехал Гордиенков, клубился предутренний туман.

Командный пункт Осипова помещался на краю просеки, недалеко от поляны. Алексею вначале показалось, что здесь творится что-то непонятное. Коноводы табуном вели лошадей к себе в тылы. Кони, вытянув шеи, покачивая переполненными вьюками, бежали на чембурах торопливой рысью. Их было не менее двухсот.

Начальник штаба полка капитан Почибут стоял на просеке и неповодливых коней подстегивал плеткой. Он подбадривал казаков и взмахом руки указывал, куда вести коней. Распоряжался он с неизменным своим спокойствием: довели, мол, и спасибо, теперь ступайте обратно...

Но Алексея не могло обмануть это спокойствие. Он чутьем угадывал, что дела здесь, похоже, идут не слишком хорошо. Между деревьями часто посвистывали пули. Пронзительно и зловеще завывали мины. Грохот разрывов смешивался с треском ломающихся веток.

Алексей спешил и встал за деревом, неподалеку от командира полка.

Осипову докладывал начинж. Молоденький лейтенант, — «поэт», как в шутку называл его майор, — шел с головным отрядом, а теперь прискакал с докладом.

— Ну? — мрачно спрашивал Осипов.

— Шли, значит, прямо, а потом комэска повернул маленько налево...

Алексея покорило от такого военного языка.

— А когда Полещук повернул налево, ты куда задом стоял: ко мне или к немцам?

— К вам, — смущенно отвечал лейтенант.

— А ты, может, вспомнишь, где тогда находился север? —

допытывался с холодной невозмутимостью Осипов, освещая фонариком карту.

— Север был там... — лейтенант ребрышком ладони нерешительно показал впереди себя. Спohватившись, быстро поправился: — Он повернул на юго-восток!

— Это совсем другое дело! Значит, примерно в направлении Устья, так?

— Совершенно верно! Мы уже заняли деревню, — бодро ответил начинж.

— Ну, а потом? — спросил майор.

— Потом нас выбили... Мы отошли за дома. Комэска приказал спешиться и завязал бой. Тут его убило...

Осипов вздохнул, устало вытирая вспотевшее лицо. Позвал начальника штаба.

Почибут давно уже стоял рядом с ним.

Алексей понял теперь, что командир головного отряда допустил ошибку. Алексей знал: в Устье скрещивается несколько дорог, деревня прикрывается танками противника и пулеметными гнездами. Как туда попал эскадрон — неизвестно. «Эх, мне бы пойти с ними!» — мелькнуло у него в голове.

— Ты послал Чалдонова? Пулеметы развьючили? — спросил Осипов у начальника штаба.

— Так точно.

— Или перепутали все, или струсили... Вот теперь и вышибай! — продолжал Осипов. — За каким он чортом полез на Устье?

— Справа обстреливать начали, — заметил начинж.

— Вот и надо было ответить, а не на танки лезть! Танкам без вас наши артиллеристы дали бы жару, а вы и пушкам помешали, и сами ничего не сделали, да командира потеряли... Эх! — Осипов ударил кулаком по колену. — Спешить надо еще четвертый эскадрон. Биктяшева ко мне. Остальным быть готовым к продвижению. Штадиву донести... — Майор поморщился, потер ладонью лоб. Уж очень он не любил писать такие, как он говорил, «донесения с хвостиком». — В общем напиши: ведем бой на рубеже таком-то... Противник собрал разрозненные силы, оказывает сопротивление. Только покорооче пиши. Я тебя буду ждать в лесу, западнее Устья. Со мной — четвертый эскадрон, первый и разведчики. Не забудь: жду тебя — два километра западнее Устья, около сараев.

— Но там же немцы! — Почибут ткнул пальцем в карту, закусил губу. Он еще не понимал замысла командира полка.

— Вот и хорошо: есть кого бить. После серии красных ракет коноводам вести лошадей на галопе!

— А лучше...

— Ты делай, что я говорю! — с хрипотцой пробасил Осипов, круто повернулся и столкнулся лицом к лицу с Алексеем. — Ругают меня там, да? — Он принял Гордиенкова за посланника Доватора. — Бывает так, что в плохонькой речушке завязнешь, а большую пройдешь и ног не замочишь. Ничего!.. — Майор обнадеживающе кивнул головой. — А разведчиков надо дальше поставить. Нельзя на командном пункте верхами маячить.

Алексей оглянулся. Сзади, напирая друг на друга, подъезжали разведчики, с удивлением смотревшие на него.

— Товарищ лейтенант! — Торба поднес руку к каске.

— В ельник, хлопцы, коней замаскировать и ждать меня! — крикнул Гордиенков разведчикам.

Козырнув Осипову, Алексей попросил у него людей.

Майор отрицательно покачал головой.

— Людей я тебе дать не могу. Если хочешь мне помочь, продвись с разведчиками до сараев, подними там шум, а я в это время атакую их на левом фланге.

— Но западнее Устья сильные укрепления. Командир эскадрона допустил ошибку, туда...

— Я это без тебя знаю, — резко оборвал его Осипов.

Подошел начальник, штаба, отвел майора в сторону и что-то тихонько ему сказал. Осипов стащил с головы кубанку, прислушался. От Устья доносился глухой утробный треск крупнокалиберного пулемета: бил броневик или танк. Отдельные выстрелы смешивались с длинными, захлебывающимися очередями автоматов.

Чалдонов сообщал, что в районе Устья немцы при поддержке танков перешли в контратаку. Соседняя дивизия должна была прорваться в направлении Болхино, но встретила сильное сопротивление. Возвратившиеся из тыла разведчики сообщили, что замечено движение пехоты противника в направлении Подьячее. Это уже было прямой угрозой левому флангу. Положение становилось критическим. Недаром Доватор предупреждал: «Не задерживать темпа движения, прорываться стремительно!»

Вся операция прорыва, продуманная до мелочей, начинала, казалось, трещать и рушиться. Осипов отлично понимал, чего от него хотят комдив и Доватор, посылающие к нему каждые полчаса офицеров связи с требованием немедленного продвижения вперед. Командир эскадрона

допустил ошибку, повернув на юго-восток. Надо было сделать как раз наоборот: «Решил избежать обстрела правого фланга... Надо было атаковать группу автоматчиков, засевших в сарае, а он повернул — и всполошил немцев в Устье... Ах, Полещук, Полещук!» Майору было до боли жаль погибшего командира. Он готов был простить ему ошибку — лишь бы видеть его живым!..

— Товарищ майор, надо что-то делать! — раздаётся над самым ухом Осипова спокойный голос начальника штаба.

— Надо атаковать в направлении Подвязья! Где четвертый эскадрон?

— Скоро должен быть, — отвечает Почибут.

Осипов неожиданно обрушивается на него градом упреков:

— Почему до сего времени нет четвертого эскадрона? И что ты спрашиваешь меня, как поденщик: «Что делать?» К командиру полка надо приходиться с готовым решением! Надо было сразу же выдвинуть второй эскадрон и помочь Чалдонову!

— Я уже выдвинул его, приказал ввязаться в бой при необходимости. Чалдонову послал своего помощника с приказом перейти к обороне. Четвертый эскадрон не мог прибыть... — Почибут взглянул на часы. — Вы приказ отдали девять минут тому назад. — В голосе капитана и намёка нет на обиду или волнение. Это действует отрезвляюще на майора.

— Так что же ты, милый, голову мне морочишь? «Что делать?»

— Я должен согласовать свои распоряжения. Может быть, вы примете другое решение.

— Тут, Анатолий Николаевич, не может быть никакого другого решения! Если мы прорвёмся на Подвязье, изменится весь ход операции. Другая дивизия сможет повернуть на юг и беспрепятственно двигаться по нашему следу. Не забудь из Подвязья сообщить об этом штадиву... Если мы в семь утра не будем в Подвязье, то мы никуда не годимся. Из Курганова немцы могут подбросить резервы — и тогда... Понимаешь? Тут уж: умри, а сделай!..

Мысль о смерти показалась оскорбительной... «Ещё не видел ни одной фашистской физиономии, а умирать собрался. Надо увидеть, надо, эх!..»

«А она лежит сейчас в нашем госпитале с оторванной ножкой...» Майор содрогнулся, стиснув зубы. Четвёртый день преследует его эта фраза, вычитанная из письма сестры, где она сообщала, что жену Валю и сына Витьку расстреляли фашисты, а дочурке Варе во время бомбежки оторвало ногу. Было от чего майору Осипову скрипеть зубами...

Начальник штаба присел на пенек. Голова от усталости никнет на грудь. В лунном свете его худощавое, продолговатое лицо, с глубоко

ввалившимися глазами, кажется неживым, словно высеченным из мрамора. Осипову становится неловко перед капитаном за резкий и несправедливый выговор. Начальник штаба не спит уже вторые сутки...

«Ты, Антон Петрович, крестишься двухпудовой гирей, а нервы распускаешь, как кисейная барышня...»

Между березами и высокими голыми соснами, похожими на темные восковые свечи, спешиваются разведчики. Гордиенков что-то говорит им полголоса. Майор окликнул его.

— У тебя какая задача?

— «Языка» взять, — коротко отвечает Алексей. Он сразу включился в жизнь разведчиков и искренно верит в свои слова.

— Для этого тебе и понадобился целый эскадрон?

— Нет, мне хватит и десяти человек... Я проверю, что делается у сараев, и вам сообщу.

— Ну, что ж!.. В общем мысль правильная. Удар надо было делать в юго-западном направлении. Я это сразу решил. Да вот Полещук... Ты только раньше времени шуму не поднимай. Сначала со мной свяжись, — там мои разведчики работают.

Мимо проходят бойцы четвертого эскадрона.

По земле распластались длинные движущиеся тени деревьев. Перешептываются верхушки елей, словно жалуются за сбитые пулями ветви, расщепленные стволы. Тревожно ржут тоскующие кони, и их ржание напоминает о чем-то мирном. Бессмысленным кажется грохот пушек и роскошный фейерверк из разноцветных ракет над темным лесом. На каски бойцов падают сосновые шишки...

Майор Осипов приказал Чалдонову, временно заменившему убитого Полещука, открыть по противнику ураганный огонь и при случае ложно демонстрировать мелкими группами атаку. Доватору на категорический приказ о немедленном продвижении коротенько ответил: «Уберите с левого фланга немецкие танки».

ГЛАВА 3

Распределив станковые пулеметы по подразделениям, командир пулеметного эскадрона старший лейтенант Чалдонов хотел было двигаться с Полещуком в головном отряде. Однако командир полка приказал: «Находиться при штабе». Это было не по характеру Чалдонова.

«Будут, Митя, гонять тебя из эскадрона в эскадрон заместо связного»,

— думал Чалдонов. Да и не любил он вертеться на глазах у начальства. Кроме того, в душе он таил обиду на командира полка за взыскание, наложенное после смотра. При встречах с майором Осиновым он, почтительно козырнув, старался быстро пройти мимо.

«Колеса мои помешали, — думал он. — Вы не знаете, что можно сделать на колесах! Подождите...»

На марше, когда полк двигался на исходное положение, никто его не тревожил, никто никуда не посылал. Командир полка, любивший раньше «загнуть шутку», был хмур, задумчив и, казалось, совсем не замечал Чалдонова. Ни песню спеть, ни побалагурить, — штабная тишина, нагонявшая смертельную скуку... То ли дело у себя в эскадроне! Сам себе хозяин — «кум королю, солнцу брат».

Когда головной отряд завязал на переднем крае бой, Чалдонов не мог утерпеть и попросился туда.

— Быть здесь! — коротко приказал Осипов, а на передний край послал помначштаба.

Поэтому, когда Осипов временно назначил Чалдонова на место погибшего Полещука, тот принял это назначение с откровенной радостью. Это было настоящее дело! Там находились его четыре станковых пулемета и самые лучшие расчеты, в числе их мастер стрельбы и разведки Криворотько.

Чалдонов разыскал эскадрон в поле, недалеко от леса, в густой, спутанной, истоптанной ржи, в полукилометре от деревни Устье. Бой уже стих. Немцы бросали ракеты и строчили редкими беспокоящими очередями.

— Потерь много? — спросил Чалдонов у собравшихся командиров взводов.

Убитых оказалось двое и десять человек раненых, в их числе политрук.

Заслушав рапорты о наличии боевого состава и огневых средств, Чалдонов никак не мог точно выяснить и представить себе обстановку. Командиры взводов не знали, какими средствами располагает противник. Не знали, сколько у него танков, сколько пехоты.

— В общем, играем втемную... — сухо заметил Чалдонов. — Надо окопаться. Средства у нас есть: станкачей целых четыре, одиннадцать ручных пулеметов, автоматов тридцать два. Это значит — сорок семь пулеметов. Богатство — драться можно!

— А если танки? — спросил кто-то.

— Бить гранатами! Ну, а если туго придется, клинками рубать будем!..

— сказал Чалдонов и рассмеялся.

Шутка хорошо подействовала на командиров взводов. Расходясь, каждый из них чувствовал себя спокойней, уверенней. Потеря командира начинала забываться, уступая место новым боевым заботам. Чалдонова в полку все знали как хорошего строевика, рубаку и джигита, песельника и весельчака, как храбрейшего командира и отличного товарища.

Проводив командиров взводов, Чалдонов вызвал младшего сержанта Криворотько и бойца Буслова из отделения управления. Буслов был тихий парень, услужливый, молчаливый. И уж если он за что-нибудь брался, то переделывать после него не приходилось.

В эскадроне порой злоупотребляли его услужливостью: «Буслов, за сеном», «Буслов, ровик рыть», «Буслов, на кухню картошку чистить», «Буслов, почини уздечку», «Буслов, будь друг, сходи за меня в наряд».

Буслов на все просьбы и поручения бодро отвечал: «Есть!» Пригладит рукой белые, как лен, коротко остриженные волосы и идет выполнять то, что от него требуют. Чалдонов заметил эту несправедливость, дал кому следует нагоняй и взял Буслова под свое покровительство. Дело в том, что этот парень, пудов на пять весом, с железными мускулами, обладал замечательным голосом и считался самым лучшим подголоском в полку.

Как-то вечером Чалдонов собрал казаков и запел «Калинушку». Песня не клеилась: не хватало подголоска.

— А где Буслов? — спросил Чалдонов.

Послали разыскивать. Оказалось, что Буслов стирает белье чуть ли не на целый взвод...

С этого дня положение Буслова изменилось. Из ездовых комэска перевел его в отделение управления. Поговорив с ним, он узнал, что кадровую службу Буслов провел пограничником и отлично знал разведывательную службу.

«Попробуем сейчас его на деле», — поджидая Буслова, размышлял Чалдонов. Буслов и Криворотько пришли минут через пять.

— Присаживайтесь!

Чалдонов устроил свой командный пункт в маленьком, наспех вырытом окопчике, в котором едва уместились три человека.

— Придется вам одну задачку выполнить! — всматриваясь в лица разведчиков, неясные в темноте, проговорил Чалдонов. — Надо пробраться в деревню, посмотреть, что немцы делают, и доставить мне сведения. — Он сказал это так, как будто речь шла о самой обыкновенной вещи: «Сбегай, браток, в магазин, купи закуски». — Главное, друзья, — продолжал Чалдонов, — осторожненько узнать: сколько танков, пушек, где

пулеметные точки и можно ли к ним скрытно подойти. Запомнить каждый кустик. Ясно?

— Ясно, товарищ старший лейтенант, — ответил Криворотько.

— Есть! — с неизменной бодростью подтвердил Буслов.

— Теперь покурите на дорожку, а то там вряд ли придется.

Чалдонов раскрыл портсигар и дал разведчикам по аккуратному листочку бумаги. Сам же он курил трубку.

— С огоньком — осторожно, а то засечет наблюдатель и начнет озорничать минами. Замаскируемся...

Укрылись все трое плащ-палаткой и стукнулись козырьками касок. Буслову Чалдонов дал прикурить первому.

Спичка осветила широкое скуластое лицо Буслова, его застенчиво и добродушно улыбающиеся серые глаза. Последним прикурил Чалдонов. Глубоко затянувшись табачным дымом, он продолжал:

— Стрелять в том случае, если нет другого выхода. Можно будет — притащите «языка». Но это между прочим. Жду вас через два часа. Деревня тут рядом.

— Понятно, — снова подтвердил Криворотько. Буслов молча затоптал окурок.

Сбросив плащ-палатку, все встали. Комэска пожелал успеха, крепко сжал руки.

Разведчики, прижав к груди автоматы, скрылись во ржи. С минуту было слышно, как под их ногами шуршали спутанные стебли, потом все стихло.

Проводив бойцов, Чалдонов решил посмотреть расположение боевых порядков. Он направился в ту сторону, откуда доносился скрежет лопат, задевающих о камни, и приглушенные голоса казаков, рывших окопы.

— Уваров, сухарь хочешь? — послышался из темноты голос.

— Давай, пожую маленько...

Чалдонов живо представил себе, как Уваров разламывает поджаристый сухарь, с хрустом откусывает и жует. Ему тоже захотелось погрызть сухарь, но весь запас продовольствия находился на седле, в переметных сумках, а лошадей он отправил к коноводам первого эскадрона.

Пройдя в другой взвод, Чалдонов увидел, что здесь бывалые казачки уже успели окопаться, лежали тихо и переговаривались о событиях ночи. Чалдонов остановился.

— Промашку дали... Надо было прямо на галопе заскочить в деревню, спешиться, запалить хаты и бить, как кур... — слышался чей-то хриповатый шопот.

— Как же ты заскочишь? — возразил кто-то густым басом. — Справа начали из пулеметов бить и ракеты прямо на головы бросать. Смотри, вон и зараз пуцает...

Справа действительно темноту рассекали вспышки зеленых ракет. Они освещали неподвижное в безветрии ржаное поле.

— Сволочи мы, вот что я скажу, земляк! — снова раздался хриповатый полушопот первого.

— Ну, это ты брось...

— Что брось? Комэска — в атаку, а мы, — ни то, ни се... Да вот хоть Митьку спроси.

— Верно, что тут толковать, замешкались, — подтвердил Митька и, помолчав, добавил: — Теперь я за комэска фашистам ноги поотрываю! Эх, какого человека убили!..

— Не уберегли... На «ура» бы самим, — глядишь, зацепились бы за деревню. Может, и комэска жив был бы! — говорил хриповатый. — Нами теперь комэска пулеметного будет командовать. У него не замешкаешься!..

— Я в первом бою связным был, — сказал Митька, — я видел, как он немцев из пулемета крошил. Они пьяные, нахрапом лезут, орут. Глядим — первый номер вроде как задремал у щита, по щеке кровь бежит. Готов, — а немцы рядом почти. Комэска лег сам за пулемет — и давай! Каску сбросил, голова раскосматилась. Чуб спутался, глаза прямо накалились. Страшно на него глядеть. Криворотько, пулеметчик, подполз и кричит: «Уходите, товарищ комэска, вам тут не положено». А он все хлещет и хлещет. Криворотько у него ручки вырывает, а он не дает. Насилу вырвал и ругает старшего лейтенанта, а он ничего... «Ладно, ладно», — говорит. Потом мы пошли с ним на капе. Так он даже ни разу не наклонился. А я раз пять на землю брякался. Кругом пули визжат и мины рвутся, а ему хоть бы что!

— Силен мужик! — согласился хриповатый.

— А разве наш комэска плохой был? — обиженно спросил тот, что говорил басом.

— Я ничего не говорю, — отозвался Митька, — про нашего тоже плохого не окажешь. Но только уж этот — больно отчаянный! Шашкой рубит обеими руками, как чорт! А кобыла его ходит за ним, точно привязанная. Он ей скажет: «Нарта, посиди тут немножко!» Передние ноги поднимает кверху и сидит, как ученая собачка.

Где-то, совсем недалеко, озлобленно затрещали немецкие автоматы. По житу, словно прыгающие змеи, прошипели трассирующие пули. Близко застучал мотор и гулко начал бить крупнокалиберный пулемет.

Разговор притих.

Чалдонов вздрогнул, инстинктивно пригнув голову. Пуля дзинькнула над самым ухом. «Больно отчаянный!..» Только что высказанные казаком слова о его храбрости звучали для Чалдонова, как укор. Досадуя на себя за произвольный кивок, он поднял голову выше и пошел обратно на командный пункт. Вдруг землю потрянул оглушительный взрыв. Чалдонов снова невольно пригнув голову и присел на колени. За взрывом последовало несколько автоматных очередей. И сразу все стихло.

Поднимаясь с земли, Чалдонов думал: «Посмотрели бы, как я луле кланялся... Где сейчас, Митя, была твоя душа? В пятках?..»

— Ты, Чалдонов, эффекты любишь, — говорили ему товарищи.

— В любое дело вложи душу и получишь эффект! — отвечал он задорно:

И верно, с присущим его характеру бурным темпераментом, он все делал в жизни со страстным увлечением. Вот и теперь, сидя в маленьком окопчике, он с увлечением фантазировал о предстоящем бое. Мысленно ворвавшись в расположение немецкого гарнизона, он разгромил его и взял в плен немецкого офицера. Он допрашивал пленного, бросал ему в лицо какие-то необыкновенно важные слова...

Начинало клонить ко сну. Чалдонов устало закрыл глаза.

ГЛАВА 4

Из госпиталя в полк возвратился комиссар Михаил Абашев. Добирался он до своего полка разными путями: до Ржева ехал с воинским эшелоном, до станции Земцы — на тормозе товарного вагона, до Емленя — попутной машиной, а до деревни, где должен был стоять полк, пришлось километров пятнадцать пройти пешком. На дорогу он потратил всего шесть дней. Правда, ему очень везло: сажали всюду беспрепятственно: располагал Абашев немалым жизненным опытом, знал, как откровению, по-человечески поговорить с начальником эшелона, дать папиросу бойцу, поискать земляков. «А когда нужно — земляк всегда найдется!..»

Получив в политотделе армии направление, Абашев вышел на большак, поднял руку и прыгнул в кузов проходившей машины.

В день прорыва в тыл противника, увидев комиссара, Осипов вынул изо рта нераскуренную папиросу, отбросил ее в сторону, пошел навстречу, косолапя кривыми ногами, обнял молча, поцеловал Абашева в губы и, тяжело переводя дух, сказал:

— Нашел все-таки?

— А ты как думал? — спросил Абашев, перекидывая бурку с руки на руку.

Присмотревшись к Осипову, он поразился переменной, которая произошла с майором: «Постарел лет на десять».

— Слушай, Антон, что с тобой?

— А? Да ничего... У меня знаешь, Миша... — Осипов хотел что-то сказать еще, но только махнул рукой, наклонив голову, порылся в сумке, достал два конверта с разорванными краями, протянул было их Абашеву, но раздумал и бережно положил обратно.

— Ну, что же ты? — Абашев так и остался с протянутой рукой.

— Не то... Не то... Это после! — Осипову хотелось поделиться мыслями, которые грызли его все последние дни и вышибали из колеи. Абашев был свежий и подходящий для этого человек. Их связывала крепкая фронтовая дружба. Не обходилось дело и без стычек. На майора иногда находил этакий «чапаевский стих».

— Ты меня, дружок, не подкомиссаривай! Я старше тебя на десять лет по партийному стажу и по рождению, — лукаво щуря свои добрейшие глаза, говорил Антон Петрович.

— Что ты, Антон, я просто тебе помогаю, а где нужно, учусь у тебя! — отвечал Абашев посмеиваясь.

Сейчас Осипов излил бы перед ним свою душу, но не было для этого времени: командиры подразделений пришли за получением боевой задачи.

И все же встреча с Абашевым подействовала на Осипова успокаивающе. Абашев своим оптимизмом, трезвостью мысли, веселой шуткой умел разогнать у любого человека мрачные мысли.

Осипов коротко доложил обстановку, сообщил уточненные данные о противнике и поставил задачу: двум эскадронам скрытно подойти к немецким позициям и штурмом захватить их.

— Главное — подойти так, чтобы сделать один стремительный бросок — и в траншеи. Никого живым не оставлять, крушить всех без всякой пощады!

— А пленные? — задал кто-то вопрос.

— Не брать! — коротко отрезал Осипов.

— Ты что, Петрович, резню хочешь устроить? — спросил Абашев, когда разошлись командиры.

— Не будет у меня пленных, — сухо ответил Осипов и потребовал у адъютанта еще две запасные обоймы для пистолета.

— С каких пор ты начал отдавать такие дикие приказы?

Абашев сразу, с первой минуты встречи, понял, что командир полка не

в своей тарелке, но не мог сообразить, в чем дело.

— Дикие приказы? А ты знаешь — гитлеровцы матерей расстреливают вместе с ребятишками!.. Знаешь? Сжигают!.. Живыми закапывают!.. Ты что — мне гуманность будешь проповедывать?!

Абашев молчал. Он был поражен силой страшной ненависти, которая исходила от этого человека.

— Петрович!..

— Ну?

— Надо отменить этот приказ...

— Что? Что ты оказал? Отменить приказ? Ступай отмени попробуй...

— И не подумаю. Я хочу, чтобы это сделал ты.

— Ступай учи свою бабушку, как чулки вязать. Молод еще мной командовать! — Осипов открыл портсигар; он был пуст.

Абашев, вынув из кармана коробку папирос, спокойно протянул ее Осипову. Тот зверовато покосился, точно Абашев подал ему гранату на боевом взводе, но папиросу все-таки взял.

Закурили...

В кустах командиры негромко отдавали приказания. Слышно было, как пересыпали патроны, гремели дисками пулеметов, щелкали затворами. Кто-то кого-то звал, кто-то кого-то разыскивал и, найдя, вполухёпот ругал...

Шла ночная подготовка к бою.

Осипов и Абашев продолжали горячо спорить. Абашева возмутило непостижимое упорство, с каким майор защищал свое распоряжение.

— Мы не должны пачкать себя, — старался убедить его Абашев. — Другое дело — в бою...

— А это что — не бой? Первый эскадрон уже два часа дерется. Полещука убили... — возражал Осипов, но уже спокойней, с меньшей озлобленностью.

— Убивать безоружных — это недостойно русского человека. Пусть этим занимаются фашисты.

Затоптав папироску, Осипов тихо, но твердо проговорил:

— Ладно. Разъясни командирам и политрукам. Тех, которые не будут стрелять, а сразу сдадутся, — брать... Все. Больше ты меня не сватай...

— Хорошо. Я сейчас пойду и разъясню.

— Ты не ходи. Скажем начальнику штаба... Ну, доволен? Подкузьмил командира полка?

В ответ Абашев только улыбнулся и покачал головой:

— Ты очень изменился, Петрович...

— Значит, жизнь такая наступила. Ты понимаешь, Миша... — Умолк, задумался, глядя в землю. Медленно поднял голову, спросил: — А где у тебя пистолет?

— В госпитале забрали. Так и не нашел концов. У коноводов карабин возьму.

— Обязательно возьми... Сейчас в атаку пойдем. Я буду в боевых порядках. Вместе пойдем.

— Пойдем вместе... Только место командира полка не в боевых порядках, — нерешительно оказал Абашев.

— Я буду там, где три эскадрона! А начальник штаба — с резервом. Хочешь — оставайся...

— Нет уж пойдем!.. — Абашев убедился, что командир полка способен сейчас на самый безрассудный шаг.

— За меня не беспокойся. Когда смерть ко мне будет подходить, я ее нутром почувствую. Мне еще ой как много жить!.. Определенно знаю: все будет в порядке. Двум немецким ротам, что впереди нас, мы сейчас устроим баню... Слушай, Миша, — добавил Осипов мягко, — может, после ранения ты плохо себя чувствуешь? Остался бы...

Теперь рассердился Абашев:

— Я сюда не говеть приехал!..

— Да я просто так, по-товарищески, — смущенно проговорил Осипов.

Разговору помешал связной, присланный Алексеем Гордиенковым. Это был Захар Торба.

— Мы доползли, товарищ майор, — сказал Торба, — да не до самого сарайчика. Заметили немца, — у пулемета сидит, ракеты бросает, а иногда стреляет куда попало... Других не видно. Спят, я думаю. Туман такой, что ничего не видно. Наши там остались — наблюдать...

— Добре, — кивнул Осипов.

Еще в начале операции он знал, что около сараев разбросано повзводно около двух рот противника. Тут же отдал начальнику штаба приказание: выводить эскадрон на опушку леса. Гордиенкову написал записку, чтобы тот до сигнала шума не поднимал, а держал связь с четвертым эскадронам, который получил приказ обойти сарай с правого фланга. Второй эскадрон был снят и отозван в резерв.

Осипов распоряжался спокойно, уверенно, тем более, что от Чалдонова пришло успокаивающее донесение: немецкие танки пока только передвинулись, а активных действий не начинают. Офицер связи принес от Доватора записку следующего содержания:

«Сынок!

Коробки сожгу. Если в 8.00 не будешь там, где надо, — такой ты мне не нужен.

Отец».

Показав записку Абашеву, Осипов сказал:

— Сердится на меня... А я, может, злее их...

Записка Доватора подействовала на Осипова самым благоприятным образом. Никакие угрозы не могли бы пробудить в нем чувства такой ответственности, как одно единственное слово «Сынок».

Легонько взял Абашева за плечи, и пошли они рядом, казалось, оба успокоенные и примиренные.

Майор не знал, что Абашев только что предупредил командиров подразделений: в отношении пленных следует руководствоваться приказом Доватора, с которым ознакомил его начальник штаба, а не последним распоряжением командира полка...

Серое утро, туманное и холодное. Часы майора Осипова показывают точное московское время. Взглянув на светящийся циферблат, Антон Петрович представляет себе, как на кремлевских курантах дрогнула минутная стрелка, спустилась вниз и замерла на цифре четыре.

«Наверное, сейчас в Москве и Спасская башня, — думал Осипов, — и древние зубчатые стены, и многоэтажные здания, весь огромный город окутаны седым туманом, так же как и оставшаяся позади опушка леса, где коноводы держат в поводу лошадей, как и колхозное поле, изрытое снарядами, и цепи движущихся вперед бойцов с винтовками наперевес...»

Под ногами шуршит мокрая от росы, спутанная, повалившаяся, перезрелая колхозная рожь. Каски настороженно поворачиваются влево. Там во всю мощь заработала машина боя. Пулеметы станковые и ручные взревели буйным хором. Осипов дергает Абашева за рукав. Остановились.

— Вот это так, — заиграли!.. — неожиданно сказал кто-то.

Осипов повернул голову и увидел трубача, нервно поправлявшего за спиной свой нехитрый инструмент. Он шел вместе с адъютантом Осипова и помощником начальника штаба.

— Трегубов, ко мне! — позвал Осипов трубача. — Ты, браток, все равно без дела... Галоп тут играть нельзя. Вернись назад, к коноводам. Садись на своего гнедка и — на галопе к Чалдонову, туда, где стреляют. Узнаешь обстановку — и обратно сюда. Понял?

— Понял, товарищ майор! — Трегубов повторил приказание, повернулся, придерживая болтавшуюся за спиной трубу, и рысцой побежал к лесу.

— Промолчи Трегубов, глядишь, и не заметили бы... — глядя ему

вслед, проговорил, улыбнувшись, Абашев.

Снова двинулись вперед, вслед за эскадронами.

Абашев нес на плече коротенький карабин, на пояс привесил добрый десяток красноармейских подсумков, набитых патронами. Если не считать планшетки с коллекцией карандашей и двух чугунных лимонок в карманах брюк, комиссар скорее всего был похож на охотника, вышедшего на тетеревиный ток.

Неожиданно справа раздались два трескучих, сухих выстрела, словно пастух, выгоняя стадо, щелкнул кнутом, а затем захлебывающимися очередями хлестнуло несколько пулеметов, и все звуки смешались в треске винтовочных выстрелов.

— Это, должно быть, четвертый! — замедляя шаги, проговорил Абашев.

— Да ведь ракеты должны бросить!

Осипов ждал сигнала двумя красными ракетами. На левом фланге бой завязался неожиданно.

Биктяшев с двумя взводами по времени не мог еще закончить обходное движение. «Снова началась путаница», — подумал Осипов.

— А те два первых выстрела были из ракетницы, — сказал Абашев. — В тумане ракет не видно...

И верно, туман был такой густой, хоть ложкой хлебай.

Ясно было: или Гордиенков с разведчиками заварил кашу, или Биктяшев. Догадка Абашева была, пожалуй, правильной, но действовать наобум Осипов не хотел. Надо было снова уточнить обстановку, а время уходило. Рассветало. Туман начинал редеть и подниматься к небу. Можно было попасть под хорошее угощение с воздуха.

«Хоть бы Биктяшев связного прислал, — думал майор. — Вот тут и управляй боем...» Пришлось посылать для выяснения помощника начальника штаба. Стрельба становилась все ожесточенней. Правый фланг, продвинувшийся к сараям, попал под жестокий обстрел. Несли раненых. Когда Осипов с комиссаром подошли к боевым порядкам, казаки уже залегли. Осипов понял — мешкать нельзя.

Разослав связных с приказанием: «Атаковать», майор выхватил пистолет и, подбадривая казаков, пошел вместе с комиссаром вперед.

ГЛАВА 5

Самые грандиозные планы рушатся порой с чрезвычайной быстротой.

Часть конницы Доватора, пробившаяся на правом фланге в направлении Болхино, встретив упорное сопротивление противника, замешкалась. Другая часть, в передовом отряде которой двигался полк Антона Петровича Осипова, присылала тревожные сведения.

Получив через офицера связи от Осипова записку о предполагаемой атаке танков, Доватор понял, что положение может стать серьезным. Лев Михайлович хлестнул стеком по голенищу, круто повернулся на каблуках. Под сапогом резко хрустнула сухая ветка, как бы напоминая ему, как трещит стройно выработанный план.

«Недоставало еще того, чтобы немцы разгадали замысел да бросили авиацию...» Этого он опасался больше всего. Сильно рванув ремешок с металлическим кончиком, застрявший в скобке полевой сумки, Доватор вынул блокнот. Адъютанту коротко приказал:

— Фонарь!

Пока Наумов светил, Лев Михайлович торопливо писал в блокноте. Вырвав листок, передал Наумову, на словах добавил:

— Свезешь лично в передовой отряд и передашь в руки майору Осипову. Скажи ему, что я требую немедленного продвижения вперед. Пришли ко мне Карпенкова и командира артдивизиона.

Начинало светать. Над головой Доватора, прыгая с ветки на ветку, точно потешаясь над неудачей командира кавгруппы, стрекотала сорока — враг наблюдателей и разведчиков.

Доватор поднял сучок и кинул его в сороку. Та, хлопая крыльями, исчезла за густыми верхушками деревьев. Подошли командир артиллерийского дивизиона и Карпенков. Лев Михайлович обернулся, встал, широко расставив ноги. Лицо его выражало досаду, точно он был недоволен, что его оторвали от важного и неотложного дела.

Сурово всматриваясь в черные усики артиллерийского капитана, он коротко, с исчерпывающей ясностью обрисовал всю обстановку, поставил задачу и объяснил последствия, если эту задачу не выполнить...

— Из района Устье немецкие танки нацелились в висок передовому отряду, — затевают контратаку. Необходимо предотвратить... Иначе налетит авиация...

Капитан ответил одним словом: «Понятно», и побежал к своим телефонным аппаратам.

«Выполнит, честное слово, выполнит!» — глядя ему вслед, подумал Доватор. От этой уверенности по всему телу разлилась теплота.

— Андрей, знаешь что? — проговорил он вполголоса, обращаясь к Карпенкову.

— Что, Лев Михайлович?

— Я думаю, что мы с тобой не командиры, а тряпки... Не могли раздавить каких-то три немецких батальона! Срам, чорт возьми!.. Разрабатывали планы, пыхтели над картами. Эх! — Доватор приподнял полы бурки и хлопнул ими, как крыльями. — Вот прилетят бомбардировщики, — штук сто, — мы и драпанем!.. А потом кончится война, сядут историки, начнут раскапывать архивы. «Ага... Доватор! Социальное происхождение — крестьянин, белорус, член партии большевиков, звание — полковник, командовал казачьим соединением... Так, так. Начальником штаба у него был подполковник Андрей Карпенков — потомок вольного запорожского казачества. Ну-ка, посмотрим, что сделали эти кавалерийские щеголи для своей родины?» Жизнь короткая, а слава долгая.

— Лев Михайлович! — взмолился Карпенков. — Что мы, если нужно, не сумеем как следует умереть?..

— Ты слушай и не перебивай! Я не боюсь смерти. Все, что хочешь, но только не позор...

В кустах, совсем близко, часовой кого-то резко окликнул, остановил. Послышался торопливый и раздраженный голос прибывшего и медлительно спокойный Павлюка.

— Мне к полковнику!

— Сейчас позову дежурного.

— Да мне срочно!

— Не шумите на капе...

— Мне лично нужно полковника Доватора!

— Часовой! А ну, пропусти! — крикнул Доватор.

Офицер связи лейтенант Поворотиев привез из дивизии донесение, в котором начальник штаба сообщал, что западнее Устья северную опушку леса занял противник. Связь с полком Осипова прервалась.

— Я приказал усилить передовой отряд еще одним полком. Вы вовремя передали приказ? — спрашивает Доватор у Поворотиева.

— Так точно. Но этот полк не может пробиться к майору Осипову. Передовой отряд окружен в районе Подвязье.

— С кем вы сочиняли эту легенду? — В голосе Доватора слышится холодное спокойствие.

Ему и в голову не могло притти, что передовой отряд под командой испытанного командира мог попасть в такое положение. «Ничего удивительного, — пропустили, а потом замкнули брешь, отсекали танками с левого фланга... Накуролесил, накуролесил, кривоногий!..» Он даже не

слушает, что говорит офицер связи.

— Там идет страшный бой, товарищ полковник, — говорит Поворотиев.

Доватор, сердито нахмутив брови, смотрит ему на ноги, на смятые, выпачканные в грязи полы шинели.

— Страшный бой, — в раздумье повторяет Доватор. — Пушки лупят, пулеметы строчат, да? Ясно, — вы очень устали, товарищ лейтенант. Передайте комдиву, что я приказал дать вам отдых... Начальник штаба! — крикнул сухо, по-командирски резко.

— Слушаю, товарищ полковник! — Карпенков вытянулся и с неизменной привычкой кадровика щегольски звякнул шпорами.

— По коням, штаб! — коротко приказал Доватор, обеими руками взялся за кубанку и надвинул ее до самых ушей. — Командный пункт передвинуть ближе к переднему краю. Выяснить обстановку у комдива и доложить. На выручку передового отряда послать еще один полк. Мало будет — еще один. Все пойдем, до последнего человека. Понял?.. Шагом арш!

Поворотиев смотрел на этого необыкновенного человека, как зачарованный, не отрывая широко открытых глаз. И усталость сняло как рукой, — он готов был снова скакать по полкам, десять раз ползти на передний край, в штаб полка, падать на живот от пронзительного воя мин, прятать голову от пуль в воронке, вскакивать, снова итти вперед по непролазным болотам, по пояс в вонючей воде...

— Командир группы меняет командный пункт! По коням! — раздается протяжный голос Андрея Карпенкова.

ГЛАВА 6

Вздремнувшего Чалдонова разбудил прибывший связной с приказанием от Осипова: по сигналу двух красных ракет начать беспокоить немцев пулеметным огнем и продемонстрировать атаку.

Время близилось к рассвету. Буслов и Криворотько должны были бы уже вернуться. То, что их не было до сих пор, начинало тревожить Чалдонова. Разведчики — хлопцы дисциплинированные. Если не выполнили приказания в положенный срок, — значит определенно что-нибудь случилось.

Чалдонов набил трубку и, укрывшись палаткой, прилег в окоп. Шагах в двух похрапывали связные. Машина войны утихомирилась: ни шороха,

ни звука.

Чалдонов курил и перебирал в памяти все известные ему случаи с разведчиками. Чего не передумаешь в часы ожидания!..

«Наступили на мину и взлетели на воздух... Или поползли — и напоролись на секрет...» Разведчики опытные — пограничники. Не верилось, что могут погибнуть такие замечательные ребята. Перед глазами стояло улыбавшееся застенчивой улыбкой лицо Буслова, озорные, смысленные глаза Криворотько...

Мысли Чалдонова прервал резкий, похожий на тяжелый металлический стон выстрел. Зажигательный артснаряд, осветив огненным хвостом склоненные колосья на ржаном поле, с воем пролетел над головой. Следом за ним — второй и третий...

Чалдонов понял, что немцы, заметив отдельный сарай, находившийся позади боевых порядков эскадрона, хотят зажечь его, чтобы осветить цели для атаки. Значит, получили сведения о слабости заслона и хотят его раздавить... «Неужели разведчики погибли?..»

В сером тумане наступающего утра, сквозь трескотню выстрелов все явственней доносились гул танковых моторов и скрипящее лязганье гусениц. Связные, приподняв головы, тревожно озираясь по сторонам, торопливо затягивали на подбородках ремешки касок,

Прибежавший с наблюдательного пункта сержант доложил, что на опушке леса, северо-западнее деревни Устье, появились три средних танка и один тяжелый. С тревогой в голосе сержант спросил Чалдонова:

— Может, перенести наблюдательный пункт?

— Куда перенести? Впереди есть заслон! — резко ответил Чалдонов, хотя сам отлично понимал, что едва ли заслон удержится. Атаку отбивать нечем. Пушки остались позади. Одни гранаты да бутылки с горючей смесью.

— Продолжать наблюдение, — приказал Чалдонов сержанту. Связных разослал к командирам взводов с приказанием: приготовить гранаты и бутылки. В штаб отправил делегата связи, нарочито громко приказав: — Доложи командиру полка обстановку. Скажи, чтобы скорей прислал пушки!..

Сказал он это лишь потому, что знал: связные передадут командирам взводов: «Комэска послал за пушками». А это всегда поднимает настроение.

Когда рассвело, туман окутал поля и опушку леса сплошной серой пеленой.

Немцы избрали центром своей атаки левый фланг эскадрона.

Медленно продвигаясь, скрежеща гусеницами, танки, нащупывая цель, обстреливали поле. Сквозь грохот выстрелов и моторов доносились чужие, гортанные крики, — за танками двигалась пехота. Автоматчики простреливали поле длинными очередями, им вторили пулеметы танков.

Чалдонов приказал отвести левофланговый взвод на правый фланг и перестроил боевые порядки фронтом на восток. Таким образом, рота 9-го немецкого батальона, сопровождавшая танки, попала под фланкирующий огонь трех взводов, располагавших тремя станковыми пулеметами и семью ручными, не считая автоматов и винтовок. Когда немцы подошли примерно на сто метров, Чалдонов приказал открыть огонь. Рота немцев, отсеченная от танков, была почти целиком истреблена. Крики немцев и стрельба быстро утихли. Потеряв в тумане видимость и оторвавшись от пехоты, танки беспомощно заметались по полю и повернули назад.

Немецкая атака была отбита...

Туман окончательно рассеялся. С наблюдательного пункта Чалдонову были ясно видны очертания деревенских построек с серыми крышами.

Танки подошли к окраине деревни и остановились, потом начали разворачиваться для второй атаки. Но в это самое время слева от эскадрона дружно ударили пушки. Голоса их были звонкие, родные. Чалдонов сразу понял, что заговорили наши, сорокапятимиллиметровые. Стреляли беглым огнем, сразу из четырех орудий. Один танк дрогнул и остановился, выпустив черную полосу дыма.

Видя замешательство немецких танков, начавших отходить к деревне, Чалдонов мгновенно оценил обстановку и принял смелое до дерзости, но тактически правильное решение...

Опушка леса, где укрылся Алексей Гордиенков, находилась примерно на расстоянии двухсот метров от сараев.

Более двух часов Алексей следил за поведением немцев. Вели они себя на редкость спокойно. Почти каждые пять минут сигналили зелеными ракетами, палили направо из пулеметов.

Гордиенков приказал Шаповаленко, Салазкину и Воробьеву подползти поближе и посмотреть, нет ли где свободного прохода.

Вскоре вернулся Торба с запиской от командира полка и привел с собой Биктяшева.

— Как тут дела, Алеша? — Хафиз опустился на землю рядом с Гордиенковым.

— Тише... У тебя какая задача? — не отвечая на вопрос, спросил Алексей.

— Атаковать! — коротко ответил Хафиз. Гордиенкову хотелось прочитать записку Осипова, но фонаря ни у кого не оказалось. Торба передал содержание записки на словах, но частью забыл, частью перепутал.

— Майор казав, шоб связаться вот с ними. — Торба показал на Биктяшева.

— Зачем же мне с ним связаться, когда он здесь? — спросил Алексей.

Захар помолчал. Подумав, продолжал:

— А нам не шуметь, пока не будут кинуты две ракеты...

— Кто должен сигналить?

— Зараз я не могу сказать, — смущенно ответил Торба. Он не понял, кто должен бросить ракеты, а переспросить не догадался.

— Ты что же, друг милый, приказание не повторил? — спросил Гордиенков. Торба молчал. Не видя выражения лица Алексея, Торба думал, что тот смотрит на него в темноте злыми глазами.

Выручил Биктяшев.

— Я должен бросать ракеты. В чем дело, Алеша?

— Ты? — недоверчиво переспросил Алексей.

— Конечно, я... два штук! — невозмутимо отвечал Хафиз.

Алексей сердито сплюнул и шопотом проговорил:

— Все равно надо записку прочитать! Ты тоже путаник хороший...

Алексей встал, зашел в густые кусты и, истратив полкоробки спичек, записку все-таки прочитал.

Позвал Биктяшева.

— Тебе приказано совершить обходное движение и атаковать противника с запада.

— А я тебе что сказал?

— Да ты, Хафиз, и задачу-то хорошенько не уяснил. Тебе для этого надо пробраться в тыл противника.

— В тыл? — удивленно спросил Хафиз.

— Обязательно. Иначе нельзя понимать задачу. Если пойдешь в лоб, — налетишь на станковые пулеметы, и от твоих двух взводов одни копыта останутся... — Подумав, Алексей добавил: — Я с разведчиками проберусь первым, а ты за мной.

— Почему, Алеша, ты первый? Я имею свою задачу, а ты свою. Понятно?

Еще в детстве, когда затевалась какая-либо игра, Хафиз никогда сразу не соглашался с планами Алешки, обязательно вносил какое-нибудь изменение. Так и теперь он начал настойчиво возражать. На доводы

Алексея, что он лучше знает обстановку, Биктяшев отвечал:

— У меня тоже все записано на карте. Я имею приказание командира полка самостоятельно... Понятно?

Подавляя раздражение, Алексей спросил:

— Как же все-таки ты решил действовать?

— Иду тихо, как волк, без всякой стрельбы... Неожиданно пускаю две ракеты, сразу прыгаю в траншею, беру за горло, всех рубить, душить, колоть! Понятно?

— Ладно! Придут разведчики, выясним положение — и делай, как знаешь.

— Это правильно, — согласился Хафиз.

Разведчики вернулись под утро. Сидя под елкой и склонив голову к коленям, Шаповаленко жадно глотал из пригоршни табачный дым и докладывал:

— На такие позиции, товарищ лейтенант, можно начихать и шагать дальше, а языка добыть — самый пустяк. — Филипп Афанасьевич еще ниже опустил голову и чихнул. — Щоб ты сказала, окаянная, прилипнет такая к носу оказия, як будто кто там соломинкой ковыряет....

— С ним ходить в разведку невозможно! — возмущенно прошептал Салазкин.

— Чихает, товарищ лейтенант, ну, прямо как будто пуд табаку вынюхал! — перебил Воробьев. — Хоть бы нос пилоткой зажимал. Как чихнет — так ложись. Замучил!.. А немец стоит около сарая и в нашу сторону глядит. Ну, думаю, сейчас будет нам «апчхи». А другой у пулемета — ракеты прямо нам на голову кидает...

В темноте Алексей беззвучно смеется. Ему весело. Забыл и про больную ногу, ноющую под промокшей повязкой. Не терпелось пойти туда, откуда только что вернулись разведчики, эти бесстрашные, умные хлопцы. Молодцы! Облазили немецкую оборону, проверили все, как рачительные хозяева, лежали под носом у часового и вернулись целы и невредимы. Вывод был ясен: немцы успокоились и спят крепким, предутренним сном; бодрствуют только пулеметные посты и часовые. Надо действовать!..

— Пошли, хлопцы! Воробьев и Салазкин — вперед. Филипп Афанасьевич и Торба — сзади, в группе прикрытия. Только не чихать!.. — Повернувшись к Биктяшеву, Алексей тихо спросил: — Ты, Хафиз, ракетницу мне дашь? — Не дожидаясь ответа, решительно сказал: — Сигналить буду я! С южной стороны открою по сараю огонь. Они начнут выбегать, ну, а ты уже тут не зевай...

— Нет, не согласен!..

Алексей не дал ему договорить.

В темноте нащупал рукой пряжку командирского ремня Биктяшева. Под ней оказалась ракетница. Держась за ее рукоятку, Алексей тихо сказал:

— Не дури, Хафиз! Драться будем вместе. — Выдернул из-за пояса у Биктяшева ракетницу. Круто повернувшись, пошел к разведчикам. — Нужно будет, умрем вместе!

Ошеломленный Хафиз с минуту стоял не двигаясь. Потом догнал Алексея, с усмешкой прошептал:

— Нервный ты человек, Алеша! Возьми-ка два ракетных патрона, — заряжен только одним... Да пулеметик прихватил бы ручной... Я даю, Алеша!..

Шли тихо. Впереди бесшумно двигался Яша Воробьев. Встанет он — замирает вся группа, присядет — то же делают и остальные.

Спят в сарае фашистские солдаты...

Алексей Гордиенков поднимает руку с ракетницей.

Не успели еще погаснуть свечи кумачевых ракет, как пулемет Дегтярева в крепких руках Яши Воробьева ударил по сараю.

Следом за ним заговорили трескучие автоматы, загремели выстрелы короткоствольных карабинов. Над сараем взвился столб кровавого пламени. Крышу сорвали гранатные взрывы. Послышались крики...

ГЛАВА 7

Полковой трубач Трегубов, пробираясь на командный пункт пятого эскадрона, угодил на краю соснового бора под жестокий огонь и потерял коня. Чувствуя, что конь валится на правый бок, Трегубов с казачьей ловкостью вырвал ногу из стремени и соскочил на землю. Упав на живот, он слышал, как над его головой со свистом пролетел огненный веер трассирующих пуль. Трегубов все плотнее прижимался к земле, хвоя царапала ему щеки.

Когда огонь стих, Трегубов, приподняв голову, увидел конские ноги с блестящими потертыми подковами, дергавшиеся в предсмертной судороге. Он подполз к седлу, расстегнул переметные сумы, трясущимися руками стал переключать патроны в вещевой мешок.

«Ах, Мишка, Мишка», — шептал он, не утирая катившихся по щекам горячих, попадавших ему в рот слез. На шелковистой, кудрявой от пота конской шерсти выше передней ноги вздрагивала и билась холодеющая мышца...

Трегубов, кинув вещевой мешок на плечи, пошел навстречу грохотавшему бою. На фоне ржаного поля далеко была видна его фигура, а за его спиной, как цветущий мак среди колосьев перезревшей ржи, горел на трубе малиновый вымпел.

Чалдонов стоял на сером огромном валуне и смотрел в бинокль на горевший танк.

Он торопливо прочитал донесение, отрывисто сказал:

— Опоздали!.. — Скосив черные глаза, посмотрел на широкое, исцарапанное лицо Трегубова с грязными потеками на щеках.

— Коня... — заговорил было трубач. У него вздрагивала и тряслась нижняя челюсть.

Но Чалдонов не видел и не слушал его. Он снова поднес бинокль к глазам. Посапывая, тяжело дышал.

— Трегубов, — не поворачивая головы, крикнул Чалдонов, — быстро играй: «Коноводам первого эскадрона на галопе подать лошадей...»

— Да что вы, товарищ старший лейтенант! — Трегубов от удивления раскрыл рот.

— Играй, говорю! — властно крикнул Чалдонов. — Кони чтоб были здесь через пять минут!.. Ну? — Рванул от глаз бинокль и зажал его в кулаке. Он был страшен в эту минуту и красив.

Трегубов рукавом гимнастерки вытер дрожащие губы, приложил к ним трубу, надул щеки. «Трата-а-а-а! — резко взвизгнула труба и запела: — Коноводам подать лошадей!..» Звонко и далеко полились звуки, убегая в густую зелень леса, проникая в самые тайные его уголки.

Неизвестно, что могли подумать немцы, но казаки, забывая о свисте пуль, поднимали из окопов головы и с изумлением прислушивались.

Что-то необыкновенно волнующее было в этих певучих звуках, призывное, тревожное, ободряющее!..

Через двадцать минут эскадрон был на конях.

Чалдонов, оставив на поле несколько пулеметов, приказал выдвинуть их ближе к деревне и дать огонь по северной окраине, не выпуская немецкую пехоту. После крика «ура» — огонь прекратить. Сам же на широком алюре повел эскадрон в направлении Подвязья — на юг. Но, войдя в ближайший лес, неожиданно круто повернул на восток. В лесу объяснил людям задачу, коням дал отдохнуть, оставленных для прикрытия пулеметчиков скрытно подослал к деревне на расстояние трехсот метров — и с клинками наголо, на сумасшедшем карьере ворвался в Устье с запада.

Темносерая, с черной гривой, похожая на мустанга, Нарта внесла Чалдонова в деревню первым. Немцы кинулись врассыпную по огородам.

Трескуче щелкали выстрелы, рвались гранаты. Чалдонов, поблескивая клинком, носился по деревне. Уцелевшие два танка повернули и покатали в направлении Митьково, где их хорошо встретил посланный Доватором артиллерийский капитан с черными усиками. Третий подбитый танк спешенные казаки закидали гранатами. Взорвали десять автомашин. Не успевшие бежать немцы были порублены, один захвачен в плен.

Вся операция была проведена в течение получаса, без единой потери.

Вспоминая впоследствии эту операцию, Лев Михайлович Доватор шутя говорил газетным корреспондентам: «У меня есть такие хлопцы — в конном строю танки атакуют и клинком рубят...»

Бой утих. Казаки выводили трофейных куцехвостых бельгийских лошадей и по распоряжению Чалдонова запрягали их в немецкие, на высоких колесах, фуры. Трегубов с трубой за плечами уселся верхом на рослого битюга и нещадно колотил его шпорами по бокам. Лошадь слушалась плохо, шла неровной, тряской рысью. Трегубов, неуклюже и смешно подпрыгивая, подъехал к группе казаков.

Сюда же подъезжал и Чалдонов. Нарта, не успевшая остыть после боя, все еще всхрапывала, рвала повод, сверкая черными глазами, выгибая шею, сердито косилась по сторонам.

«Не конь, а чорт», — с завистью подумал Трегубов. Сравнявшись с группой казаков, Чалдонов поднял вдвое сложенную нагайку, повертел над каской и, медленно опуская ее к стремянам, зычно подал команду: «По коням!»

Казаки быстро выводили коней.

— Товарищ комэска! Тут пленный! — крикнул кто-то.

Чалдонов повернул голову. Среди расступившихся казаков стоял в потертом, мутно-сером френче высокий, краснолицый, с рыжими усами немец. Рядом с ним, с автоматами в руках, выпачканные в грязи стояли Буслов и Криворотько.

— Где ж вы были? — крикнул Чалдонов, сдерживая кипевшую в груди радость. — Быстренько докладывайте! Времени у нас нет! — Чалдонов нетерпеливо постукал плеткой по передней луке.

Буслов не спеша счищал с рукава грязь. Сунув руку в карман, достал чистенький, аккуратно сложенный платок и начал протирать им автомат.

— Все сработали честь по чести, товарищ старший лейтенант! — докладывал Криворотько. — Засекли точки, автомашины, замаскированные около хат, подсчитали — девять штук. Вернулись обратно, лесочек прошли, на поле очутились — метров восемьсот осталось до вас. Буслов идет впереди, я сзади прикрываю. Смотрю, он встал и машет мне рукой.

Подхожу, — режет ножом телефонный кабель. «Правильно», — говорю. Вырезали метров пятьдесят. Решили закурить. Рожь такая, — на коне можно спрятаться. Я быстро наглотался, а он сидит себе, покуривает — не торопится. «Пойдем», — говорю. «Подожди маленько. У нас, — говорит, — время еще есть». — «Откуда ты знаешь? Наши с тобой часы-то у мастера...» — «А я, — говорит, — по звездам знаю, — на охоту без часов хожу. Маленько посидим, — говорит, — связь придут чинить, мы живого немца и сцапаем...» Я ему говорю: «Нельзя, просрочим». А он свое: «Маленько просрочим — не беда! Комэска сказал, если будет возможность — поймите немца. Надо попробовать». Ну и попробовали... Век не забуду!

Криворотько тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб и продолжал:

— Слышим — идут, бормочут по-своему. Немного — три человека вроде по голосам. На машине приехали, мотор гудит, а они слезли и идут. Буслов говорит: «Ты двух бей, а я одного схвачу». Так и решили. Ну, ждем, значит. Лежим. Слышу — собака: гав! гав!.. Меня даже мороз по коже подрал...

— Да!.. — Чалдонов выразительно покачал головой. Он понимал, что значит встретить сторожевую собаку.

— «Уходим», — шепчу я ему, а он меня цап за шиворот: «Куда?»

— Да разве можно от овчарки удрать? — вставил все время молчавший Буслов.

— Пока он меня за воротник держал, — продолжал Криворотько, — собака-то со всего маху на нас и налетела. Он стукнул ее прикладом, а немцы вот, рядом... Орут! Мать честная! Я из автомата свалил одного, Буслов другого, а этот бежит! — Криворотько показал на пленного. — Буслов догнал его и толкнул разок. Слышу — где-то рядом мотор во ржи тарыхтит. Надо бы сматываться, — так нет, Буслов гранаты взял и пополз. Слышу: трах! Это он танкетку прикончил. А я с этим рыжим вожусь. Гляжу — Буслов бежит, а собака-то очухалась да опять на него. Ну, пристрелили ее, а уж уходить некуда: день. Так и сидели в лесочке, пока не услышали — наши «ура» кричат. Вот и все.

Поблагодарив разведчиков за службу, Чалдонов приказал Криворотько поставить станковые пулеметы на трофейные брочки и двигаться вслед за эскадромом. Наскоро написал в штаб полка донесение и, протягивая Буслову, сказал:

— Передать лично командиру полка. И немца отведешь. Ты схватил — ты и веди.

Построив эскадрон, Чалдонов широкой рысью двинулся на Подвязье.

ГЛАВА 8

До командного пункта дивизии штаб Доватора вел Поворотиев. Лейтенант был утомлен до последнего предела, а отдохнуть, как приказал Лев Михайлович, он так и не успел.

По лесу ехали бодрым шагом, без особых предосторожностей.

В темноте, дробясь и перемешиваясь с конской поступью, цокали подковы, звякали привьюченные клинки, доносился сдержанный людской говор, мелькали вспышки украдкой зажженных цыгарок. Узкая тропка, по которой двигался штаб, сворачивала то вправо, то влево, уходила все глубже в лес. Неожиданно Доватор наехал на круп стоявшего впереди коня. Сокол встревоженно остановился. Лев Михайлович разглядел в темноте силуэты всадников. Это были дозорные.

— В чем дело? — спросил Доватор.

— Болото, товарищ полковник...

Доватор выехал вперед. Следом за ним — Карпенков. Увидев Поворотиева, Лев Михайлович спросил:

— Куда заехали, ваше степенство?

— Он сам не знает, куда! — сказал Карпенков.

— Тут тропинка должна быть, — пробормотал Поворотиев. Он понял, что спутал ориентиры и заблудился. Вглядываясь в темный мрачный лес, он передергивал поводья, мучил коня, мучил молчаливо стоявших в ожидании людей, а больше всего — самого Себя. Не так страшна была рогатая ругань Карпенкова, как молчание Доватора.

— Начальник штаба, ориентируйтесь, — сухо приказал Доватор.

Карпенков, проклиная все на свете, пригнувшись к передней луке, водил фонариком по развернутой карте. Но, казалось, легче было сосчитать на небе звезды, чем ориентироваться в крошечной тьме смоленского леса, с его сотнями тропок, дорожек и просек.

Пришлось возвращаться обратно. На командный пункт штаба дивизии прибыли все же во-время. Начинало светать.

Начальник штаба дивизии капитан Ковров, узкоплечий, с узким лицом, сидел у едва горевшего костра и сушил портянки.

Доватор подъехал к костру; не слезая с коня, спросил:

— Где комдив?

Капитан быстро вскочил, хотел было козырнуть, но в правой руке у него была портянка. Он стоял в одном сапоге, наброшенная на плечо бурка сползла на землю. На груди светился орден Красного Знамени. Блеснув

сплошным рядом золотых зубов, капитан ответил:

— Комдив, товарищ полковник, на переднем крае.

— А что делается на переднем крае? — постукивая стеком о шпору, спросил Доватор.

— Разрешите, товарищ полковник, чобот надеть! — Капитан, улыбнувшись, показал на босую ногу.

— Надевайте.

Доватор переменил на седле посадку, глубже продвинул в стремяна носки сапог. Взглянув на сапоги капитана, заметил, что они все в грязи, а сам капитан был мокрый до пояса.

В стороне казаки копали большую квадратную яму, похожую на блиндаж. Повернув голову, Доватор спросил:

— Это что?

— Могилку роем, товарищ полковник, — ответил пожилой казак и, всадив лопату глубоко в землю, почтительно вытянулся.

Тут только Доватор увидел, что под елью на плащ-палатке лежал труп капитана Наумова.

Лев Михайлович опустил голову, отвернулся, точно вспомнил в эту минуту, что на войне за каждым ходит по пятам смерть.

Стрельба постепенно стихала, удаляясь; только на правом фланге изредка вспыхивала ожесточенная перестрелка, но вот и она резко оборвалась. Доватор знал, что там все еще безуспешно пыталась пробиться кавдивизия.

На небе разгоралась заря, но в тени густых деревьев было сумрачно и неприветно.

— С передовым отрядом нет связи более двух часов, — докладывал капитан Ковров. — Рация молчит. Посланный на усиление полк Бойкова залег. Осипов сначала замешкался, а потом прорвался. На узком, участке противник закрыл брешь. Надо полагать, полк Осипова окружен в отдельном лесочке, западнее Устья. Так говорят раненые. Головной отряд Бойкова немцы обстреляли в районе сараев...

Доватор понял, что обстановка неясная, запутанная, и приказал Карпенкову снять с правого фланга еще два полка и приготовиться к прорыву усиленной группой. Повернул коня и поехал в полк Бойкова.

...Получив приказание Чалдонова, Буслов без особого труда разыскал прежний командный пункт, но там уже никого не было. Устало опустившись на пенек, Буслов вынул из кармана роскошный, с кружевами, кисет, закурил, раздумывая, куда ему теперь следует направиться. Немец, показывая руками на землю, что-то заговорил, поглядывая на Буслова.

— Чего ты бормочешь, как глухарь? — спросил Буслов.

Немец продолжал показывать на землю и тыкал себя в грудь.

— Вот, поди ж, разбери его! Ты меня не тревожь, а то по шее дам. Сядь лучше и сиди!

Буслов махнул рукой.

— Данке, данке! — немец одобрительно кивнул головой и сел.

— Что — танки? Горят за мое почтение!.. Ты уж лучше помалкивай...

Немец протянул руку, давая знать, что он просит курить.

— Ты, значит, курить захотел? Чтобы такой кисет стал поганить? А знаешь, что мне за это будет? Меня Маринка в Волге утопит... Ты можешь понимать, кто такая Маринка, или нет? Капитан парохода, понял? Невеста моя. — Буслов прищурил глаза, и в них заиграла добродушная улыбка.

— Я, я, — бормотал немец, кивая головой.

— Что «я-я»? Ты меня собакой травил, а теперь закурить просишь. Какой деликатный! Совесть у тебя есть? Или вы привыкли с чужой сковороды блины жрать? Да что с тобой говорить, все равно ни бельмеса не понимаешь... На уж, покури. — Буслов захватил щепотку табаку и подал немцу.

— Данке, данке, — немец подобострастно склонил голову.

Заплевав цыгарку, Буслов приподнялся, тревожно огляделся по сторонам, соображая, куда ему итти. По удаляющимся выстрелам он понял, что полк ушел вперед. Подумав немного, приказал немцу двигаться в обратном направлении, то-есть на запад.

Не заметь Буслова дозорные, высланные Доватором, ему еще много пришлось бы постранствовать по лесу.

Доватор спешил со штабной группой на опушке леса и стоял, поджидая ускакавших к Буслову дозорных. Узнав, что Буслов только что из Устья, Доватор сначала не поверил.

— Ты, может быть, перепутал?

— Никак нет, товарищ полковник! — Буслов отрицательно покачал головой. Спohватившись, добавил: — Я к майору, с донесением. — Сняв каску, Буслов достал свернутую трубочкой бумажку и подал Доватору.

Прочитав донесение, Доватор молча передал его Карпенкову. Оказывается, многое зависело от своевременной доставки донесений.

— Красноармейцев Буслова и Криворотько, — Доватор посмотрел на Карпенкова, — при первой возможности привести ко мне. Криворотько я знаю, — это пулеметчик. А Буслова... Ты знаешь его? — Лев Михайлович пристально вглядывался в серые улыбчивые глаза Буслова.

— Буслов — это я, товарищ полковник...

— Ты Буслов? — Доватор был поражен скромностью этого человека. Вся его тяжелая фигура, маленькие спокойные глазки никак не сочетались с его дерзким подвигом, который был подробно описан в донесении Чалдоновым.

— Карпенков, слышишь? Это Буслов!

Доватор крепко сдвинул твердую, как камень, руку Буслова и подвел смутившегося парня к стоявшей вблизи группе командиров.

В полку подполковника Бойкова, куда через полчаса приехал Доватор, он застал связного, прибывшего от Осипова. Из донесения, которое прислал майор, Доватор узнал, что передовой отряд в 5.00 прорвался в направлении Подвьязье и сосредоточился в двух километрах северо-восточнее Заболотской. Одновременно Осипов сообщил, что в районе Макарово большое количество пехоты противника с артиллерией спешно переправляется на западный берег реки Межа.

— Молодец майор, не подвел! — передавая донесение Карпенкову, медленно проговорил Доватор. — Осипов разыграл блестящее начало! Оторвался почти на восемь километров и может очутиться в трудном положении. Надо немедленно помочь, а то немцы прижмут его.

— Сейчас можно быстро продвинуться! — решительно сказал Карпенков. Он уже понял, что немцы из района Макарово могут подбросить пехоту и закрыть брешь.

Но на самом деле обстановка была значительно хуже, и Карпенков не продумал ее до конца. Правильно оценили ее только два человека: Доватор и полковник Атланов.

Все штабы, вьючные кони с боеприпасами и продовольствием, а также и основные резервы еще не тронулись с места и находились в лесу северо-восточнее станции Ломоносово. Движение дивизии застопорилось в направлении Болхино, — там немцы оказывали упорное сопротивление. Пропустить колонну через узкую полосу прорыва было не так-то просто. На это надо было иметь достаточный срок, а от Макарово до Устья расстояние исчислялось двумя километрами. Немцы в любое время могли двинуть на Устье пехоту, ударить по движущейся колонне во фланг и рассечь ее пополам. Кроме того, противник мог в любое время бросить авиацию.

— Надо продвигаться, Лев Михайлович, время идет! — Карпенков нетерпеливо глянул на часы. — У нас один выход...

— Это не выход! — Доватор холодно пожал плечами и выразительно посмотрел на него воспаленными от бессонницы глазами.

В жизни каждого одаренного человека бывают необыкновенные

минуты: словно вдруг просыпаются все силы таланта.

Лев Михайлович вскинул голову, надвинул кубанку до самых ушей, крикнул:

— Коня! — и тут же спокойно добавил: — По коням, штаб.

Сергей знал этот голос и подал коня рысью с места.

— В направлении Курганово, немедленно, понимаешь, Карпенков, немедленно! — подчеркнул Доватор. — Занять лес западнее Макарово. Там-то и необходимо прикрыть основные силы Атланова. Головная колонна подошла, пропускай быстро!

Карпенков побежал выполнять приказание. Он уже понял, в чем заключалась разумность решения Доватора. Оно имело два главных преимущества: ликвидировало опасность нападения с левого фланга и укрывало конницу в лесу от возможного налета авиации...

Это был один из замечательных маневров Доватора. Наступающих на правом фланге в юго-западном направлении конников Медникова Лев Михайлович неожиданно повернул на юго-восток на Курганове. Никто этого предположить не мог. Но Доватор, принимая решение, понимал, что огромные лесные массивы в этом районе давали возможность свободно маневрировать и наносить противнику внезапные удары одновременно во многих местах.

Немецкое командование было введено в заблуждение и не могло определить численность кавалерийского соединения. В панике оно объявило цифру 100 000!

Конники Медникова, оставив на правом фланге небольшой заслон, быстро свернувшись в походные колонны, стремительно двинулись через лесные заросли на Курганове. Рассыпав эскадроны веером, начали уничтожать ближайшие гарнизоны.

Тем временем полки Атланова, опрокинув заслоны противника, развернулись фронтом на юго-запад и на запад, продвигаясь все дальше в тыл. Весь дальнейший ход операции начал развиваться так успешно и быстро, что противник не мог сразу опомниться и организовать какое-либо сопротивление. Бежавшие из гарнизонов немцы всюду попадали под казачьи клинки.

— Мы ничего не могли сообразить, — показывал в этот день пленный немецкий офицер. — Сразу была потеряна связь между батальонами и полками. Мы не могли знать, где находятся наши начальники, и не получали приказаний. Не было возможности вызвать авиацию. Куда мы ни бежали, всюду были казаки. Было очень страшно. У вас такие быстрые кони...

Отдавая начальнику штаба приказ, Доватор говорил:

— Самое главное — внезапность, быстрота. Промедление смерти подобно. На войне не все идет гладко... Если есть возможность ошеломить противника, заворачивай круче. Не упускай момента. Никаких у противника оборонительных сооружений нет. Обрушивайся камнем на голову и кончай без остатка.

Лев Михайлович сломал тоненький березовый прутик, встал на краю широкой просеки, по которой широкой рысью двигались эскадроны. Сильные кавказские кони, поскрипывая вьюками, иногда переходили на галоп и радовали своей резвой бодростью. Бойцы, туго подтянув у касок подбородные ремни, с присущей кавалеристам ловкостью, умело, всем корпусом, облегчали конский бег.

Слабый ветер разгонял дымчатые туманные полосы и доносил отдаленные волны хлесткой и частой стрельбы и первые протяжные звуки мощного раскатистого «ура».

Лев Михайлович поднимал с уха кубанку, а дыхание само останавливалось, чтобы лучше слышать.

Наступило утро. По верхушкам деревьев солнце раскидывало яркий блеск теплых лучей...

В 9.00 23 августа 1941 года Лев Михайлович обнимал Осипова в лесу северо-западнее Заболотской.

— Здравствуй, горячее солнце! Здравствуй, горячий денек во вражеском тылу! — Доватор снял кубанку и повесил на сук. Высокая кудрявая елка пошевеливала зелеными лапами, словно приветствовала заполнивших лес кавалеристов.

Обычно порывистый и резкий, Осипов был сейчас сух и сдержан.

— Солнце-то светит, да пока плохо греет, — ответил он на пылкое восклицание Доватора.

— Экий ты, брат, мрачный! — медленно проговорил Лев Михайлович. Он догадывался, что майор «куражится», видимо, не забыл недавнего разговора. Доватор терпеть не мог всякой недосказанности.

— Не мудри, Осипов!

— Не мудрю, Лев Михайлович... Командира эскадрона потерял, политрука... и казаков... — Осипов повернулся лицом к Доватору. В глазах его была печаль. Лев Михайлович нахмурился.

— А еще? — спросил он настойчиво.

— Всего около тридцати человек. Разве мало?

— Ничего не говорю. Я капитана Наумова потерял.

Гримаса боли скользнула по лицу Доватора, он усилием воли согнал ее. Наклонившись к Осипову, тихо сказал:

— Пушки-то ведь он тебе подкинул во-время...

— Здравствуйте, товарищ полковник!

Доватор быстро оглянулся. Перед ним с усталой и в то же время беззаботной улыбкой на лице стоял Алексей Гордиенков. Из-под бурки у него выглядывали на одной ноге госпитальная брезентовая тапочка, а на другой — хромовый сапог со шпорой.

Доватор несколько секунд смотрел на него с молчаливым любопытством.

— Хорош! — Доватор провел рукой по непокрытой голове. — Посоветуй, Антон Петрович, что мне с ним делать?

Гордиенков, уловив приветливый взгляд и снисходительную усмешку, понял, что встреча будет пустяковая.

— Наградить, товарищ полковник! — ответил Осипов. Майор взял Алексея за руку и подвел к Доватору. — Он в тыл проскочил одним из первых. А в Подвьязе вместе с Чалдоновым на тачанках въехали. Приспособили трофейные немецкие брочки, поставили станковые пулеметы и ворвались нахально, как незваные гости на свадьбу. Все сошло удачно, но за риск маленько побранить надо. Хотя, как говорят, победителей не судят...

— Хорошо, когда удача! В общем-то безобразия, ваше степенство! — Доватор посмотрел на Гордиенкова строго и колюче. — Объясни мне, как ты сюда попал?

Алексей без утайки рассказал все события последней ночи.

За лесом пощелкивали винтовочные выстрелы, доносилось раскатистое «ура». Чалдонов порубил немцев в деревнях Заболотская и Верта. Другие полки разгромили гарнизоны в Суровцево, Турнаево, Коноплево, Пузьково, Пашково. Казаки продвигались стремительно, в села врывались внезапно и дерзко. Немцы, не ожидавшие прорыва, в панике разбежались.

В 13.00 конница сосредоточилась в лесу, южнее деревни Никулино. Другая часть конницы, двигаясь по западному берегу реки Межа, ликвидировала гарнизоны в Курганове, Попкове, Старых Мокряках.

В полдень 23 августа кавалеристы готовили первый обед на занятой врагом территории.

В продуктах недостатка не было. В лагерь стекались укрывавшиеся от немцев советские люди: кто нес буханку хлеба, кто — картошку, кто — живого петуха.

— Как же нам дальше-то быть, товарищи? — Не было человека, который не задал бы такого вопроса.

Молоденькая девушка в коротеньком жакетике сидела против Доватора, морщила утомленное миловидное лицо, рассказывала:

— Сестренке семнадцать... Пришли, забрали, увезли, куда — неизвестно. Говорят, в Германию. Хорошо, что меня дома не было. Я убежала в лес, — там много наших скрывается от немцев. Хотела фронт перейти, да вот вас встретила. В нашей деревне старик живет, беженец, пробирался из Белоруссии и застрял: жена заболела. Он направил меня к партизанам, а я их не нашла... Что мне делать? — Девушка кусала губы, морщилась, но не плакала.

— Вы говорите, в вашей деревне штаб стоит? — спросил Доватор.

— Да. Генерал есть и еще один приезжал, останавливался в нашем доме.

Девушка смотрела Льву Михайловичу в глаза.

Сведения, которые она передала Доватору, совпадали с данными армейской разведки. В Рибшеве должен был стоять штаб немецкой армии.

— Товарищ Аверина, а если вас направить обратно?

— А зачем мне обратно? — спросила девушка.

Она догадывалась, к чему клонит полковник.

— Партизанить, — коротко ответил Доватор.

— Но я же не нашла отряд!

— Надо найти. Приведите сюда старика-беженца. Место встречи мы вам укажем. Согласны? С вами пойдет одна наша девушка.

Аверина решительно кивнула головой...

В дивизионе разведчиков пир шел горой. На плащ-палатке была насыпана Куча трофейных галет, стояла раскупоренная бутылка, консервы и круглая банка с искусственным медом. Вокруг сидели Салазкин, Торба, Воробьев и Оксана.

— Может, Ксана Григорьевна, заморского винца отведаете? — услужливо предлагал Салазкин.

— Не хочу.

Оксана лукаво щурила глаза и нехотя грызла твердую, как доска, галету.

— Ну, чего ты, писарь, пристал, точно репей к бурке. Не хочет пить человек. Да и кто станет тянуть такую кислятину? — Яша Воробьев сердито отставил бутылку в сторону, добавил: — Филиппу Афанасьевичу отдать — он усе выдует.

— А где он зараз? — спросил Торба.

— Около коней сидит, — ответил Воробьев. — Какого-то старичка ромом угощал. Коня галетами кормил, а теперь военфельдшера Нину потчует и про сражение расписывает. Его только слушай. Теперь, наверно, до города Берлина доехал...

Шаповаленко сидел с Ниной под кустом и беседовал.

— Как подошли к сараю, — рассказывал Филипп Афанасьевич, — немец, вижу, в окопе стоит и, як сыч, голову поворачивает в нашу сторону. А мне в это время чихнуть приспичило. Хоть нос оторви и кинь в сторону... Не вытерпел... Хлопцы в спину тумака дали. И правильно, — за такое сморканье дрючком надо по голове. Вот зараз лечусь...

Шаповаленко показал на бутылку с ромом.

— А лейтенант Гордиенков с вами был? — неожиданно спросила Нина.

— Да где ж ему быть? Ракету кинув, а потом гранаты начал в сарай швырять. Смелый хлопец!..

— Страшно было?

— Як кому... Вот Яша Воробьев немцев бил, словно куропаток на охоте. Метко и не торопится. А вот мой дружок Захар Торба кидался то туды, то сюды...

— А лейтенанта вы видели? — опять у Нины непроизвольно вырвался назойливый вопрос. Оттого, что Алексей с ней, в тылу врага, она чувствует себя бесконечно счастливой.

Подвыпивший Шаповаленко небрежно покручивал ус, по лицу его пробегала лукавая улыбка.

— Що я видел? На веку, дочка моя, як на большой ниве, каждое зерно глазом не побачишь.

«Шаповаленко — к полковнику!.. Оксану Гончарову — в штаб!» — передается по лесу звонкая команда.

В сумерках конница снялась с лагеря и двинулась глубже в тыл врага — в леса Духовщины.

Катя Аверина, Оксана Гончарова вместе с Шаповаленко и Захаром Торбой были направлены с особым заданием в район Рибшево.

ГЛАВА 9

Закат жидким золотом обливает верхушки деревьев, окрашивает их в оранжевый цвет, и кажется, что они усыпаны золотистыми плодами. Ветерок разносит смолистый запах сосны и болотного мха.

Смолой пахнет от молодого, недавно посаженного леса. Сизые колючие сосенки тянутся стройными рядами вдоль зеленого могучего массива леса, точно стоят под надежной охраной старых великанов, за которыми укрылось еще не остывшее вечернее солнце. Лучи его пробиваются сквозь высокие деревья и заливают широкое жнивие с изуродованными, беспорядочно разбросанными ржаными снопами.

Из густых темных елей шумно вылетает тетерев, проносится над пожелтевшим картофельным полем, на котором одинокий старик копает картошку. Тетерев с размаху плюхается на жнивье, грудью в солому, встряхивает крыльями, поднимает голову и встревоженно прислушивается...

В чаще молодых сосенок шевелится куча зелени. Сквозь сосновые ветки на тетерева смотрят четыре зорких настороженных глаза.

Шаповаленко облизывает языком спутанные усы, толкает локтем Торбу в бок, шепчет:

— Вот ужин-то! — Филиппа Афанасьевича разбирает охотничий зуд. Лежа на животе, он цокает шпорой о шпору.

— Тихо!.. Бачишь — человек... — Но договорить Захар не успел. Тетерев с шумом взмыл вверх и полетел к лесу.

Старик, копавшийся на картофельном поле, вздрагивает, поднимается во весь рост и провожает глазами птицу. Потом снова нагибается, торопливо сует в мешок картошку, настороженно оглядывается по сторонам...

Он смотрит туда, где у картофельного поля пролегает большак. На рыжей дорожной глине — широкие следы танковых гусениц. По обочинам валяются исковерканные остовы сгоревших машин, в огромных воронках плесневеет желтоватая, точно разведенная кровью вода. Обрывки солдатских обмоток, конские ребра, обтянутые потемневшей кожей...

Недалеко от леса виднеется деревня с белым зданием школы. Из деревни доносятся рев моторов, выкрики немцев, длинные оглушительные пулеметные очереди.

Гортанные крики немцев раздражают Захара: режут уши и сердце. Он не отрывает глаз от бинокля. Неуклюжий темносерый броневик с желтым крестом выползает из деревни и направляется по большаку к лесу. За ним катится грузовик с немцами. Старик исчез в желтой картофельной ботве, словно сквозь землю провалился... Не доехав до леса метров двести, броневик развернулся и приготовился обстреливать опушку леса. Русский лес всегда страшил немцев. Прежде чем въехать в него, броневик открывает стрельбу. «Дук-дук-дук» — бьет крупнокалиберный пулемет.

Над головами разведчиков веером полетели разрывные пули. Броневик трясся, вздрагивал всем корпусом. На лобовом щите кривлялась в сумасшедшем танце ведьма с горящим факелом. Обдав разведчиков вонючим перегаром бензина, машины скрылись в лесу.

— От сукины сыны! — Филипп Афанасьевич приподнял голову и тяжело перевел дух. — Це ж не война, — смертоубийство!..

Торба, прищурившись, напряженно посмотрел на Шаповаленко.

— Ты мне лучше скажи, где дивчата?

Шаповаленко пожал плечами.

Торба нервничал. Прошло больше трех часов, как девушки ушли в деревню. Они должны были привести человека, который знал явку партизанского отряда и точное расположение немецких гарнизонов в этом районе. Сведения надо было доставить в штаб к вечеру. Но девушки не возвращались.

— Треба того поселянина гукнуть и побалакать! — предложил Филипп Афанасьевич, показывая на старика, который снова копался на картофельном поле, согнув спину.

— А кто вин такой?

— Раз от немцев ховається — значит свой! — резонно заметил Филипп Афанасьевич. Отбросив кучу маскировочных веток, он вышел из кустов и резко свистнул.

Старик разогнул спину и быстро оглянулся. С минуту разглядывал он неожиданно появившегося человека, потом, выпустив из рук мешок, побежал навстречу разведчикам.

— В лесок, ребята! — Старик, сутулясь, махнул рукой в направлении леса и сам пошел впереди, — широкоплечий, ширококостный, с густой, всклокоченной, седой бородой, с морщинистым суровым лицом.

— Откуда, папаша? — спросил Торба.

— Велик свет божий!.. — Старик взглянул из-под косматых бровей, и улыбка осветила его большие черные глаза.

— Вы нам скажите, як эта деревня называется? Немцев там много? — спросил Шаповаленко.

— Немцы есть, — уклончиво ответил старик, с любопытством оглядывая разведчиков. Это были не обыкновенные солдаты. Диковинкой казались ему тонкие кавказские ремешки с серебряным набором, удерживающие тяжелый груз в виде автоматных дисков в брезентовых чехлах, рубчатые гранаты-лимонки. И ружья были необыкновенные — очень короткие, с металлическими колесами и дырявыми стволами. Старик понял: именно о них, об этих солдатах, идет по деревням Смоленщины

слух, что бьют они немцев смело и беспощадно.

— Так как же эта деревня называется? — спросил Захар. Он сел под сосну, зажал автомат между колен и развернул ярко раскрашенную карту.

— Рибшево, — ответил старик.

Торба кивнул головой в знак удовлетворения.

— Садитесь, папаша. Зараз покурим и побалакаем трошки. Як вас по имени-отчеству? — Торба с подчеркнутым уважением смотрел на старика.

— Григорий Васильевич Гончаров. А так зовут — просто дед Грицко. — Старик тяжело опустился на землю, пошарил рукой в кармане, достал корешок самосада и разломил его на ладони.

— Значит, Григорий Васильевич Гончаров? — Захар еще внимательней оглядел деда и только хотел о чем-то спросить, как его опередил Шаповаленко.

— А у нас в полку повар тоже...

— В яком полку? — оборвал его Захар и многозначительно подмигнул. — Вы бы лучше, товарищ Шаповаленко, деда моршанским табачком угостили!

Филипп Афанасьевич смекнул и замолчал. Торопливо достал ружейную масленку, приспособленную под табакерку, отвинтил крышку и отсыпал деду на солидную закрутку.

— Ты, папаша, убери свои корешки. Нашей, моршанской, закури...

Захар оторвал кусок газеты и, протягивая деду, спросил:

— Вы давно живете в Рибшеве?

— Не-ет! — Дед Грицко отрицательно покачал головой. — Я беженец — из Белоруссии. У меня старуха хвора, в бане лежит, а дочка... — Дед Грицко сильно затынулся и закашлялся. — Добрая махорка!.. Хожу вот и бульбу, как вор, копаю. Увидят немцы — стрелять починают. Хоть с голоду подыхай...

— А як зовут вашу дочку? — спросил Торба. — Не Оксана?

— Оксана, — дед Грицко вздрогнул и быстро спросил: — А откуда вы знаете?

Разведчики подробно рассказали все, что знали об Оксане Гончаровой.

На твердых губах деда застыла суровая улыбка. В этой улыбке светились отцовская гордость и глубокая любовь. Он не расчувствовался, не заплакал, он поблагодарил казаков коротко и просто.

Дед Грицко рассказал разведчикам о немецком гарнизоне, о системе караулов, о движении транспорта по большаку. Сообщил, что в Рибшеве стоит штаб, но какой — точно сказать не мог. Знал, что здесь есть квартира немецкого генерала. Палкой начертил на земле схему.

— Подход здесь дюже добрый, — говорил дед Грицко. — По речушке, сквозь кусты, до самого моста. Там стоит часовой; С другого конца деревни — окопы и пулемет стоит, а где огороды — там густая конопля, а за ней начинается топь. Можно подойти и посмотреть хоть сейчас. Не опасно. Там я каждый вечер к старухе пробираюсь, а днем в лесу прячусь...

— А як с партизанами? — спросил Шаповаленко.

— Есть. За болотом. Увижу дочку — скажу ей где. Она сведет.

Было решено: дед незаметно проберется в деревню и узнает в доме Авериных о судьбе девушек. Тем временем разведчики обследуют местность.

Осторожно переползли большак. Краем леса дошли до речки и залегли в коноплях, против огородов.

Дед Грицко продвинулся на несколько метров вперед. Он хотел поговорить с мальчишкой, который пас теленка. Захар, решив понаблюдать за поведением часового, пополз к мосту. Шаповаленко остался на месте. Из конопли, в которой залег Филипп Афанасьевич, вся деревня была видна как на ладони. Он видел, как женщина, опасливо озираясь по сторонам, набирала у колодца воду, — даже ни разу не стукнула ведрами. Опустив голову, торопливо пошла в хату. Ухватившись за подол ее юбки, вприпрыжку бежала босоногая девочка лет трех. К школе часто подкатывали мотоциклы, иногда нагруженные ящиками автомашины.

Неожиданно из сарая навстречу женщине с громким кудахтаньем вылетели куры. За ними гнался фашист с автоматом в руках. Он был без френча, сзади, как хвост, болтались зеленые подтяжки, из-под съехавшей набок пилотки торчали светлые волосы.

— Айн момент, мадам! — кричал он. Гонясь за курами среди кочанов капусты, он сделал несколько выстрелов из автомата.

Бросив на дороге ведра, схватив визжавшую девочку за руку, женщина побежала к хате. Исчез и мальчик. Белоголовый теленок, с веревочкой на шее, истекал кровью, повалившись на бок и судорожно дрыгая ногами.

— Айн моме... — Фашист остановился вдруг на полуслове. Шагах в десяти от него лежал дед Грицко.

— Русс! Вставайте! — скомандовал немец. — Што сдесь телает крязный старикашек?

— Бульбы подкопать ходил... Стрельба, — сробел, да и лег, — отряхивая брюки, ответил дед Грицко.

— Тут не бульба, а капуста, а?

Шаповаленко лежал метрах в пятнадцати. Правой рукой он сжимал автомат, а левой вцепился в дерн, как в гриву коня, и вырвал вместе с

комьями земли пучок травы.

Налетел ветер, конопля закачалась. Зрелое семя, налитое маслянистым соком, дождем сыпалось на кубанку, за воротник гимнастерки, в открытый магазин автомата...

В огороде покачивались подсолнухи на высоких крепких ногах, с поникшими вниз зелеными шапками. А среди кочанов капусты перед светловолосым немцем стоял дед Грицко...

Филипп Афанасьевич видел его ширококостную спину и висевший на плече мешок с накопанной бульбой.

— Ви знайт, што такой запретный зон? Приказ генерала фон Штрумф, за прокулок по этот, — как говорят по-русски, — зон полагает пук, пук...

Вилли, денщик генерала Штрумфа, знал русский язык не хуже своего господина.

Штрумф дрессировал денщика на совесть. Ночи заставлял его просиживать за изучением иностранных языков и стенографии.

Вилли — не только лакей, раболепно преданный господину, но и его доверенное лицо.

Офицеры, окружающие генерала, побаиваются Вилли. Даже полковник Густав Штрумф, старший сын генерала, порой с опаской поглядывает на отцовского лакея.

— Ви, значит, испугался стрельпа и лежаль?

Дед Грицко молча кивает головой.

Желтые, под белесыми ресницами глаза Вилли суживаются, точно его начинает клонить ко сну, но неотступно следят за каждым движением жертвы.

Он дотрагивается стволом автомата до груди деда Грицко, кивает головой через плечо и отрывисто говорит:

— Ком!..

Шаповаленко несколько раз порывался вскочить, броситься на растрепанного немца, крикнуть: «Хенде хох!» — и утащить его в кусты: это был бы драгоценный «язык», умеющий объясняться по-русски. Но на крики Вилли и на его выстрелы подошли человек пять немцев. Прислонясь к стене сарая, они равнодушно наблюдали за действиями денщика.

Филипп Афанасьевич понимал, что риск велик. Да и строго было приказано: ни в коем случае не поднимать шума и не обнаруживать себя. Но уж слишком была заманчива перспектива захватить живьем или убить этого самодовольного гитлеровца в зеленых подтяжках, который тыкал пальцами старику в глаза, кривлялся и гримасничал, как обезьяна. Да и жаль было деда Грицко: ему предстояла тяжелая участь... Перед глазами так

и стояла скупая, мужественная улыбка его...

Шаповаленко решительно сдернул с головы перепутанные плети гороха, которыми он замаскировал папаху, усилием воли подавляя волнение, схватил зубами пузатый стручок, разгрыз его и тут же выплюнул. Осторожно приподнявшись, приглушенным шопотом повелительно сказал:

— Хальт! — И вскинул автомат к плечу.

Вилли нервно вздрогнул, повернул голову: на краю конопляника стоял усатый казак в черной папаче и целился ему в лоб.

Немец расширенными от ужаса глазами смотрел на шагнувшего к нему Филиппа Афанасьевича — смотрел, как на страшный призрак. Вислоусый казак, словно выросший из-под земли, нес ему неотвратимую смерть. Подняв над головой руки, Вилли попятился назад... Вдруг он сделал прыжок в сторону, упал на живот и, ломая руками листья капусты, с необычайной быстротой побежал на четвереньках к ближайшей хате, делая при этом отчаянные скачки из стороны в сторону и вопя дурным голосом: «Руссиш!.. Козакен!..»

Шаповаленко не мог сразу поймать прыгающую перед глазами мушку. Вилли дергался и взлетал, как бумажный попрыгунчик, но вряд ли это могло ему помочь... Вот в предохранительном кольце над мушкой Филипп уловил его фигуру и нажал на спуск... Затвор только глухо чвакнул. Слишком густо смазанный автомат с семенами конопли в магазинной коробке на этот раз отказал!..

Вилли орал так, словно его надвое распиливали поперечной пилой. Из хат выбегали немцы, тревожно крича; затрещали беспорядочные выстрелы.

— За мной, старик! — крикнул Филипп Афанасьевич и бросился в коноплю. Дед Грицко, пригнувшись, побежал было за ним следом, но вдруг грузно повалился в картофельную ботву. К нему, крича во все горло, поливая огороды и кусты пулями, подбегали немцы.

ГЛАВА 10

Блиндаж, в котором помещался командир армейской группировки генерал-лейтенант фон Штрумф, — целый дом, спущенный глубоко в землю. Пол застелен огромным мягким ковром, стены обиты светлокориичневой материей. Блиндаж освещен электричеством, — ток дает автомобильный мотор.

Генеральское кресло сделано из неочищенных стволов молоденьких берез и обито желтоватой бархатной материей. Штрумф, как и многие

немцы, равнодушен к русской березке.

Генерал внимательно смотрит на изодранный, прожженный пиджак деда Грицко, на окровавленную штанину. Одутловатые щеки генерала свисают на тугой воротник. Седые усы коротко подстрижены. Бледные губы, круглые, навывкат, глаза выражают нечто похожее на улыбку. Но такой жестокой складки в углах губ дед Грицко еще не видел ни у кого...

Генерал хоть и коверкает русские слова, но выговаривает их отчетливо и ясно.

Он вовсе не допрашивает белорусского колхозника, — он разъясняет ему суть происходящих событий и, главное, — ошибки русских людей...

— Господин Гончароф напрасно убегаешь от моих солдат. За это получилось маленькое ранение. Русские люди идут в лес и совершают бандитизм — это ужасно! Я вынужден принимать карательные мероприятия... Вы, господин Гончароф, крестьянин, почетный старец, у вас рука мозольная, вы любите свой старушка, свой хата, свой жито, коровки, — разве вам нужна война?

— Нет, мне не нужна война, — отвечает старик.

Он смотрел на улыбчивое лицо генерала и чувствовал себя точно в дремучем лесу: весело поют на деревьях птички, а из куста следят за каждым движением круглые глаза невидимого зверя...

— Очень справедливый ответ! — восклицает генерал. — Из России мы хотим сделать культурную страну!

Неожиданно вошел Вилли. С полминуты, о чем-то раздумывая, постоял у двери, потом шагнул к старику и молча сшиб с его головы картуз. «Русс, мужик! Ника культур...» Штрумф, отлично умеющий владеть собой, на этот раз был выведен из терпения.

— Вилли, вы болван! — крикнул он по-немецки. — Пошел вон!

Вилли вытянулся, выпятил грудь и, стукнув каблуками, вышел.

Дед Грицко с трудом наклонился, молча поднял картуз, посмотрел вслед ушедшему денщику, крикнул и откашлялся.

— Я буду наказывать этот шелопаи! — сказал раздосадованный генерал. — Молодежь устраивай! всякий безобразий!

Поступок Вилли вывел генерала из равновесия и испортил все дело. Надо было начинать сначала...

Генерал знает людей и знает, как можно добиться от них покорности. Но он не может ничего поделать со стариком-белоруссом. Гончаров все упорно отрицает. Никаких казаков и партизан он не знает. Он копал картофель для больной жены, которая лежит в бане. Генерал может убедиться в этом...

— Хорошо, хорошо. Мы отправим вашу жену к доктор... Вы получите лошадь, хлеб, — всё будет полный порядок...

Дед Грицко, пробираясь на Большую землю, прошел от Витебска до Духовщины. Кроме сожженных деревень да пристреленных ребятишек, он не видел никакого другого порядка...

Генерал говорит вкрадчиво и тихо:

— Русский хлеб и немецкая техника, — это всемирное богатство, Гончаров!.. Ви, я вижу, не глупый человек. Ви трудовой хлебороб, должны понимать превосходство немецкой техники. Никакие фанатичные партизаны, казаки, атаманы Доваторы не могут задержать великий движение германской армии на восток! Не следует помогать казачьей банде и партизан. Русские совершают крупную ошибку, не желая захотеть дружбы с германской властью...

— А почему ваши солдаты стреляют в баб, когда они на поле картошку копают? Какая же тут дружба?

— Запретный зон! — восклицает Штрумф. — Бестолковые люди!

— Часового поставить — и вся недолга. Зачем же из ружей в народ палить? — возражает дед Грицко.

Ответ старика ставит генерала в тупик. Он умел видеть людей насквозь, умел быстро принимать решения и проводить их в жизнь, но сейчас простые слова старика обескураживают его.

С начала военных действий на востоке он понял, что успех немецких армий объясняется внезапностью нападения и их временным количественным превосходством над противником. Упорство русских, с каким они защищали свою землю, заставляло старого генерала о многом задуматься. Даже этот стоявший перед ним раненый русский старик в рваном пиджаке, с грязной, давно нечесаной седой бородой, в стоптанных лаптях, не хотел признавать его генеральского превосходства, различия положений, культурного неравенства, и, наконец, военной силы победителя. Без страха, с чувством внутреннего достоинства, старик откровенно враждебен ему и никогда не скажет того, что от него требуют. Он горд и непреклонен. «Он не фанатик, — приглядываясь к нему, заключает генерал. — У него в бане лежит умирающая жена, а он привел разведчика к генеральской штаб-квартире... Что хочет от жизни этот гордый старик?»

Вот этого-то генерал и не мог понять. И бессилён он был отыскать в этом человеке его слабые стороны.

Страшной ненавистью встречала немцев русская земля. Как-то раз, взглянув на карту Советского Союза, генерал Штрумф прикинул

расстояние от Москвы до Владивостока: оно исчислялось девятью тысячами километров, а немецкие армии все еще находились на границе Смоленщины и Белоруссии... Штрумф вспомнил слова Гитлера: «Стоит мне топнуть ногой, как ведущие страны Европы преклонят колени и будут заглядывать мне в рот...»

«Сколько раз придется фюреру топнуть ногой, чтоб шагнуть по сибирской тайге до Байкала?» — размышлял генерал, не отрываясь от карты.

Фюрер нервничал и торопил с наступлением на Москву. Видные представители высшего командования в августе 1941 года проявили на совещании у фюрера некоторое колебание и высказались за переход к обороне на Днепре, а также предложили изменить весь стратегический план войны.

Штрумф разделял взгляды проницательных старых генералов, но своего мнения вслух не высказал. Гитлер разорвал в клочья протокол августовского совещания, истоптал его ногами. Штрумф после зрелого размышления пришел к выводу: «Сомнительные мысли не следует высказывать и собственному сыну...» Представитель верховной ставки генерал Лангер сообщил ему, что некоторые участники совещания, усомнившиеся в идеальности планов фюрера, откомандированы в распоряжение Гимmlера. «Будьте лучше дисциплинированным солдатом», — посоветовал ему генерал Лангер. Нельзя было пренебречь столь благоразумным советом. Однако быть дисциплинированным солдатом становилось все труднее... В течение последних двух дней обстановка сложилась так, что генерал Штрумф не мог выполнить приказа ставки о перегруппировке резервных армий, предназначенных для удара на Москву. Появление в тылу многочисленных кавалерийских отрядов Доватора нарушило планомерность сосредоточения, тормозило движение на автомагистралях. Дивизии, идущие к месту назначения, должны были поворачивать и вести оборонительные бои или гоняться за казаками по лесам Смоленщины. «Что это за метод войны? Что это за Доватор?..»

Белорусский колхозник Григорий Гончаров стоит перед немецким генералом, — жилистый, загорелый, придерживая рукой изорванную штанину. На ковре — темное пятно крови. Старик упорно отмалчивается...

Штрумф снял телефонную трубку, приказал: отвести старика в гестапо. Потом вызвал командира танковой дивизии полковника Густава Штрумфа. Через две минуты ему доложили, что он уже выехал к нему для внеочередного доклада чрезвычайной важности.

Когда увели Гончарова, генерал приказал подать кофе. И, может быть,

первый раз в жизни генерал Штрумф выпил коньяк не из маленькой рюмочки, а из стакана, — большим жадным глотком...

ГЛАВА 11

— Ты говоришь: сто тысяч казаков?

— Да, отец.

— Поэтому-то ты и упустил Доватора?.. Сто тысяч — это большая цифра.

Генерал смотрит на сына сквозь сигарный дым, щуря свои выпуклые глаза и морщась, словно сигара была горькой, как хина.

Полковник Густав Штрумф стоит перед отцом навтыжку. Он пунктуален в соблюдении субординации. Изящный, корректный, в золотом пенсне, надушенный тонкими французскими духами, худощавый, с продолговатым лицом, с прямым носом, полковник совсем не похож на отца.

— Оперировать конницей численностью в сто тысяч на территории, занятой противником, — это, Густав, невозможно. Ты преувеличиваешь! — говорит генерал, жестом приглашая сына сесть на диван.

В смежной комнате денщик Вилли прикладывает ухо к стенке. Он вынимает из-под подушки блокнот и торопливо начинает стенографировать разговор отца с сыном. Вилли очень любопытен...

— Небезызвестный вам майор Круфт утверждает, что он расшифровал радиограмму главной ставки русских. Это, будто бы, официальный документ! — Рукой в перчатке из тонкой коричневой кожи Густав трогает гладко выбритый подбородок. Он взволнован и нетерпеливо постукивает ногой.

Генерал Штрумф снял трубку и вызвал свой штаб. Новых сведений не было.

— Вот видишь, мой начальник штаба ведет разведку. Пока не подтверждается...

— Но батальон, который я направил прочесывать лес, почти полностью истреблен, — перебил Густав.

— Истреблен? — восклицает Штрумф-старший, хмуря брови. — Почему ж ты послал один батальон?

— Пока я лишился одного батальона. Если б я послал два...

— Но я все-таки не верю этой цифре! — прерывает его генерал. — Если бы у нас в тылу очутилось сто тысяч казаков, нам оставалось бы

только одно — бежать туда, где больше войск. Я знаю еще по той войне, что из себя представляют казачьи соединения, когда их укрывает лес...

— Может быть, это и ошибка, — покорно склонив голову, говорит полковник, — но, во всяком случае, их не менее двадцати тысяч, а этого вполне достаточно, чтобы причинить нам крупные неприятности. Двадцать третьего августа в районах Устье, Подвязье, Крестовая уничтожено девять гарнизонов...

— Мне это известно, — снова прерывает его отец.

— Надо принимать меры, — нерешительно говорит сын. Ему не хочется раздражать отца, тем более, что у него есть еще одна щекотливая новость, которая совершенно неуместна в этой деловой обстановке. Но так или иначе, ее придется сообщить отцу...

— Я поручаю это тебе, — говорит генерал Штрумф. — Ликвидировать Доватора необходимо в самом срочном порядке. Предупредить население, что за всякую помощь казакам — расстрел, за голову их атамана Доватора — сто тысяч марок. Еще что нужно для проведения этой операции?

— Войска. Я прошу пехоту из группы «Гамбург» и артиллерию из группы «Клоппенбург».

— При всем желании я не могу дать из группы «Гамбург» ни одного солдата. Это отборный резерв, предназначенный для наступления на Москву.

— Но мои танки ведь тоже предназначены для этой цели. Я понимаю, мы не можем откладывать удар на Москву. Русский поход мы закончим до снега, африканский — к весне. Летом мы будем на островах Великобритании, хотя бы у нас в тылу действовало пять Доваторов. Через несколько дней казачий атаман будет в вашей штаб-квартире. У меня есть план...

Генерал искоса взглядывает на Густава. «Не таким хотел бы я видеть моего сына. Он, кажется, тоже намеревается топнуть ногой и сразу прикончить конницу Доватора», — опуская веки, думает генерал.

Вилли наблюдает в щелочку за лицом генерала.

Отец и сын молчат.

Вилли быстро рисует в блокноте сердитого военного с обвислыми щеками, потом пририсовывает длинные усы, как у того казака, который грозил ему из конопли автоматом.

— Если мы быстро не ликвидируем Доватора с его казаками, русские выигранут не один зимний месяц, а гораздо больше. Доватор тормозит наше продвижение на самом главном, на центральном участке фронта... Не пролог ли это контрнаступления? Его можно ожидать. В любой

оборонительной войне оно неизбежно.

— Русское контрнаступление? — Густав снисходительно улыбается. — Я ценю и уважаю ваш опыт, папа, но не могу с вами согласиться. Русские армии разбиты на всех фронтах. Немецкие войска у стен Ленинграда. Еще один удар — и мы будем в Москве... Русская армия не возродится никогда!

— В стратегии существует правило: когда армии разбиты, это не значит, что они уничтожены, — строго говорит генерал Штрумф. — Покажи мне свой план уничтожения конницы Доватора.

Густав протягивает ему папку.

— Ты требуешь две дивизии? — просматривая бумаги, спрашивает Штрумф.

— Всего необходимо три дивизии плюс тяжелая артиллерия для обстрела лесного массива в зоне двадцати километров! Бомбардировщики и истребители...

— Хорошо. Я запрошу ставку. Необходимо уточнить данные разведки.

— К двадцати четырем часам вы получите точные сведения. Майор Круфт перехватил кое-какие радиограммы. Они интересны... У меня еще... — Но, видя, что отец углубился в бумаги и его не слушает, Густав умолкает.

— Мы сейчас будем обедать. — Штрумф смотрит на сына. — Ты еще что-то хочешь мне сказать, Густав?

— Да, папа. Я приехал не один. Со мной Хильда. — Как очутилась здесь твоя жена?

— Ты прости, папа... Каприз влюбленной женщины. Случайным самолетом прилетела из варшавского воеводства. Она осматривала наше имение.

— Влюбленная женщина прежде всего должна рожать детей, а не капризничать. — По лицу генерала пробежала слабая улыбка. — Ты разрешил ей приехать?

— Нет, она не могла предупредить меня...

— Разве в компетенцию Хильды входит осмотр имений?

Он не признавал вмешательства женщин в мужские дела. Находясь на фронте, Штрумф лично руководил своими громадными сельскохозяйственными имениями в Германии, Пруссии, Польше и Чехословакии. Ежемесячно на специальных самолетах к нему прилетали с отчетами доверенные лица, управляющие, агенты колбасных и консервных предприятий.

— Где ты ее оставил?

— Она в машине.

— Проси Хильду сюда...

Войдя в подземную резиденцию командующего, Хильда подошла к свекру, обняла его за шею, поцеловала в щеку. Это была крупная, откормленная женщина. Ее покатые плечи светились нежно-белой кожей сквозь платье синего шелка.

— Не сердитесь, папа! Мне очень захотелось увидеть Москву и... — Хильда смущенно взглянула на мужа, опустила глаза.

— А Густав полагал, что ты приехала только ради него! — Вдыхая запах крепких духов, генерал Штрумф погладил светлые, как солома, завитые волосы невестки. Склонившись, он приложился губами к ее полной шее.

— Как живет Берлин?

— Берлин празднует ваши победы и ожидает, когда вы будете в Москве.

— Мы там будем скоро, — вставил Густав.

— Положение дел в глазах современников рисуется не всегда ясно, — загадочно сказал генерал Штрумф и колюче посмотрел на Густава.

— Что это значит, папа? — Сдернув с переносицы пенсне, Густав взглянул на отца. Глаза их встретились.

— Это значит, что гостью следует угостить обедом, а не кормить военно-стратегическими рассуждениями.

Обед был прерван телефонным звонком.

Начальник штаба генерал Кляйнман сообщал, что в ночь на 24 августа разбит и почти целиком истреблен казаками гарнизон, расположенный в Дмитрове. Свыше десяти нападений одновременно совершено на большаках на армейский транспорт. Генерал Хоппер недоволен действиями генерала Штрумфа...

— Выскочка, жирный окорок, — негодовал Штрумф на своего начальника штаба. — Выбрал время, когда докладывать, как будто он не знает часы обеда...

— Что случилось? — спросил Густав, вопросительно посматривая на отца.

Хильда знала: если свекор раздражен, то он становится невыносимым. Она торопливо встала из-за стола.

— Вилли проводит Хильду туда, где жил генерал Лангер, — не отвечая на вопрос сына, сказал Штрумф. Исподлобья взглянув на Густава, сухо добавил: — Тебе придется немедленно выехать. Необходимое количество войск и мои распоряжения по проведению операции ты получишь.

ГЛАВА 12

Дом Авериных, если въезжать в село с запада, стоял третьим от края. Легковой автомобиль мягко подкатился к зеленому крыльцу.

Из машины вылез Вилли, громыхая сапогами, взбежал на крыльцо, громко крикнул: «Открывайте!»

Дверь открыла высокая седоволосая женщина с умным усталым лицом.

— Ви помещайте один мадам из Берлин, генеральский семья, — гнусавил Вилли. — Должен быть чиста, карош постель и полный спокойствий. Понимайте?

Женщина молча распахнула дверь и встала в глубине сеней.

В комнате, куда Вилли внес чемоданы и ввел Хильду, за столом, против русской печи, сидели Оксана Гончарова и Катя Аверина. Увидев немку, девушки отодвинули от себя недопитые стаканы молока.

Хильда смотрела на Катю холодными, широко открытыми глазами, точно в русской девушке были какие-то необыкновенные узоры. Катя в замешательстве отвернулась. Она еще не совсем успокоилась после того, как побывала в немецкой комендатуре. Их задержали недалеко от села и несколько часов допрашивали.

Оксана оправилась первая. Наклонив горлач, она долила стаканы, отломил кусок хлеба и, поглядывая на немку, стала есть.

Но Хильда не обратила на нее никакого внимания, она продолжала смотреть на Катю.

Вилли, выпятив грудь, улыбался девушкам. Хильда заметила это, сдвинула брови и резко потребовала показать ей комнату. Проходя к двери, она приподняла широкие полы светлоглубого плаща, точно боясь их выпачкать.

Горница была светлая, веселая — с четырьмя окнами. Справа от входа стояла новая никелированная кровать с горой подушек под кружевной накидкой; точно такая же кровать стояла слева. На стенах висели два совершенно одинаковых зеркала, и перед каждым из них на столах стояли белые самовары. Все приготовила Марфа Власьевна для двух дочерей-невест. Обе девушки учились: Катя заканчивала перед войной педагогический техникум, Клавдия — агрономический.

Хильда, поблескивая золотом колец, осторожно, двумя пальцами, приподняла край белого пикейного одеяла и о чем-то спросила Вилли по-немецки.

— Мадам спрашивает: клёп есть? — перевел Вилли.

Марфа Власьевна, скрестив руки на груди, пожала плечами.

— Дочурка тут моя спала... Аккуратница была уж такая...

Марфа Власьевна подошла к столу, взяла фотографию двух милостивых девушек, поразительно похожих одна на другую. У Кати — задумчивый, мечтательный взгляд, Клавдия ласково положила голову на Катину плечо...

Хильда, брезгливо поджав губы, взглянула на карточку. Лицо ее дрогнуло.

— Как имя этой девушки? — спросила она Вилли.

— Кланыя, Клавдия, — сказала Марфа Власьевна. — Ее взяли на работы... Не знаю куда...

Марфа Власьевна, глотая слезы, качала головой.

— Клавдия?.. — Немка закусил губу, нахмурилась, показала глазами на дверь, спросила: — Это ее родная сестра?

Тем временем в кухне мальчик Петя, — тот самый, который пас на огороде теленка, — рассказывал девушкам:

— Убили телка, проклятущие... Дедушке-беженцу в ногу попали. Говорят, — партизанов привел. Его на огороде схватили — и прямо к генералу. Я побежал к бабушке в баню, — сказал, что деда увели. А она лежит и молчит... Я ей положил хлеба, огурчиков. В бане-то темно...

— Уходить надо, Ксана, — шепчет Катя. Ей кажется, что пистолет, запрятанный у нее под кофточкой, жжет грудь. «Что, если бы обыскали в комендатуре?» — мелькает у нее в голове. Сердце пронизывает страх, горло перехватывают спазмы... «Почему эта чернобровая белорусская девушка совсем не волнуется?.. В комендатуре она смеялась, строила глазки немецкому офицеру... Как она их ловко путала!.. «Моя подруга, — говорит, — перед войной приехала погостить и застряла». Документ показала. «Мы, — говорит, — за картошкой в поле ходили, а патруль задержал...» Хорошо, догадались накопать картошки. Смелая. А вот я не умею ни врать, ни притворяться. Деда-беженца схватили, — надо быстрее уходить! А она хочет зайти — старуху проведать...»

— Катя! — раздается из горницы голос Марфы Власьевны. — Катюша, иди сюда!

— Иди... — Оксана кивком головы показывает на дверь и шопотом добавляет: — Надо узнать, что это за птица?

В горнице Хильда показывает Кате карточку и спрашивает:

— Это ваша сестра?

Вилли переводит вопрос. Катя молча кивает головой.

Хильда сама видит: тот же непокорный, упрямый взгляд, тот же строгий изгиб бровей. «Русская дрянь!» — хочется крикнуть ей. Она смотрит на Катю с открытой враждебностью.

— Удивительное сходство! Зачем меня направили сюда? Вы что, не знали? Кто это хочет, чтобы мне здесь перерезали горло? Отравили? — Хильда раздраженно забрасывает Вилли вопросами.

— Я не понимаю... Здесь прилично... — лепечет Вилли.

— Не понимаешь? Девушку, которую я отправила из Берлина на ферму, прислали вы. Это ее сестра... — Хильда кивнула на Катю, — и дочь этой старухи. Я не могу здесь оставаться!

— О-о! Это любопытно! — восклицает Вилли. — Русских девушек отправлял ваш брат, майор Круфт...

У Кати холодеют ноги, кровь ударяет в виски. Если бы эта немецкая барыня знала, что Катя отлично понимает ее язык!.. Опустив голову, она как можно спокойней спрашивает Вилли.

— Что не нравится этой даме?.. Она будет всем довольна.

— Что говорит эта русская? — спрашивает Хильда.

Вилли переводит.

— Я не могу здесь оставаться! — взволнованно повторяет Хильда.

— Но, сударыня, приказание генерала... — нерешительно говорит Вилли. — Мы не располагаем другим помещением. У вас будет часовая. Заставьте эту девчонку прислуживать...

Хильда, зная характер генерала, не может не согласиться с Вилли. Если Штрумфу-старшему объяснить все положение, он скажет: «Женские глупости!» — «Надо скорей уехать из этой ужасной страны», — думает Хильда.

Перед отъездом Густав Штрумф зашел к жене ровно на две минуты — проститься.

Выслушав Хильду, он развел руками.

— Удивительное совпадение!.. Но тебе не стоит волноваться. Ведь им ничего неизвестно. На этих днях мы продвинемся на восток. А сейчас требуй все, что тебе будет нужно. Хозяйка в этом доме — ты...

В сумерки Петя повел девушек между огуречными грядками мимо колодезного журавля, прямо к бане, стоявшей на берегу речушки.

В бане было тепло, сыро и темно.

Катя зажгла спичку. На снопах ржаной соломы, под пестрой дерюжкой вытянулась черноволосая мертвая женщина с заостренным носом и широко открытым ртом. В ногах у нее лежали зеленые огурчики и нетронутая

краюха хлеба, принесенные Петей.

Оксана опустилась на колени. Глухим, сдавленным голосом вскрикнула:

— Мама!.. Мама!..

Спичка погасла.

Петя поймал в темноте руку Оксаны, прижался к ней щекой, тихонько заплакал...

ГЛАВА 13

В штаб Доватора Торба и Шаповаленко вернулись глубокой ночью. У костров, тихо переговариваясь, бодрствовал очередной наряд.

Кавалеристы спали мертвым сном. Только голодные кони, позванивая колечками трензелей, рвали колючие еловые ветки и с хрустом обглаживали древесную кору.

Ложась отдыхать, Лев Михайлович приказал дежурному немедленно его разбудить, как только вернутся разведчики. И вот теперь он сидел в шалашике, у ярко горевшего костра, подкидывал в огонь веточки и слушал доклад Торбы. Тут же, покручивая усы, надвинув на ухо папаху, сидел Шаповаленко.

— Зачем старик пошел по огородам? — выслушав обстоятельный доклад Торбы, спросил Доватор.

— Вин хотив с пацаном побалакать! — ответил Шаповаленко. — А тут выбежал немец и начал курей гонять, наскочил на деда, — щоб ему пусто! — а у меня автомат раз — и молчит...

— Чистить надо, Филипп Афанасьевич.

— Да по коноплям полз, товарищ полковник, семя насыпалось! После уж разгадал...

Принесенные разведчиками данные были очень ценными. Бойцы хорошо изучили проходы к селу, систему караулов, точно записали, сколько прошло в село и сколько ушло автомашин. Можно было догадаться, что в селе находится особо засекреченный штаб. Плохо было то, что немцы схватили старика, который имел связь с партизанами и не успел дать явку разведчикам. Не узнали разведчики и о том, что случилось с Катей Авериной и Оксаной. Это сильно беспокоило и волновало Доватора.

Выслушав донесения Торбы и Шаповаленко, Лев Михайлович сказал:

— Неосмотрительно действовали!.. Где девушки? Старика отпустили, а он попался в руки немцев. Значит, выявили себя. Теперь немцы усилят

бдительность.

Разведчики виновато молчали.

— Сейчас приказываю отдыхать. Завтра — обратно в Рибшево. Во что бы то ни стало надо проникнуть в самую деревню, узнать, что случилось с девушками и куда немцы девали старика.

Когда разведчики ушли, Лев Михайлович, разбудив Карпенкова, приступил к разработке плана по разгрому Рибшева.

К утру был готов боевой приказ.

План операции сводился к следующему:

Бойков со своим полком в пешем строю должен приблизиться к селу через огороды и ворваться с юга; майор Осипов захватывает ригу на западной окраине, зажигает ее; это должно послужить сигналом для общей атаки; Чалдонов со своим эскадронам в конном строю прикрывает из леса северную окраину села и обеспечивает уничтожение отступающих немцев; с восточной стороны, на большаке, устраивается засада с шестью станковыми пулеметами под командованием Карпенкова. Отход немцев предполагался на восток и на север.

Все было построено с таким расчетом, чтобы из деревни не ушла ни одна машина, ни одна живая вражья душа...

Раннее холодноватое утро. Ветерок навевает бодрящую свежесть, отгоняет усталость и сонливость...

Разведчики двигаются по узкой, убегающей в лес тропинке. Их трое: Торба, Шаповаленко и Павлюк.

На конях они доедут до большака, а там Павлюк уведет лошадей в лагерь.

Филипп Афанасьевич едет на своем чалом длинноголовом дончаке. Чалый пытается воровски сорвать листочек с ближайшей осины или березки, но он знает, что каждую минуту его круп может ожечь плеть, да и крепко умеет держать поводья бородастый потомок запорожской вольницы.

Зажурился что-то сегодня Филипп Афанасьевич, — покусывает ус, сдвинув густые брови. Молчит... Как выехали, не сказал еще ни одного слова. Только несколько раз за «воровские» ухватки жестоко наказал Чалого. Тот сделал резкий скачок и чуть не выбил из седла Павлюка.

— У тебя что, Афанасьич, сегодня вожжа под хвостом? — огрызнулся Павлюк.

— Зажурившись: Полину Марковну вспомнил, або горилки треба! — насмешливо заметил Захар.

— Упаси бог! И думки нема о чертячем пойле, — миролюбиво отвечал Филипп Афанасьевич. — О Марковне думал, верно, бо тридцать

рокив прожили с нею плечко к плечку... Две дочки замужем. Я уж дед, внуков имею. Хотя старости во мне ни какой нема!.. Мало що рокив пятьдесят потоптал бы землю, а там, мабуть, який профессор отольет пилюлю, — проглотив ее, и еще десять рокив на солнышко поглядывай... Я, хлопцы, до жизни жадный и смерть зараз, як пес, облаю. Часом вы шуткуете на меня, що в тетрадь слова пишу, а я план колхозной жизни на пятьдесят лет составил. — Филипп Афанасьевич замолчал. Лицо его было задумчивое, спокойное, — Но тилько, хлопцы, я сегодня сон такой видел, — будто меня пчелка в губу укусила...

Торба и Павлюк упали на передние луки и затряслись от приглушенного хохота.

— Ну и отлил пилюлю!..

— Чему же вы, дурни, смеетесь? — проговорил Филипп с прежней серьезностью. — Я этот сон в третий раз вижу. Як пчелка цапнет за губу, тут оно и лихо. Первый раз было это, як Марковне мертвого сына родить. С тех пор пошли одни дивчата... Второй раз, — верши ставил и провалился в прорубь. Два месяца потом валялся в жару, як кулебяка в печке... А вы шуткуете! Зараз мне будет лихо, це я за версту чую. Вы мою тетрадь в случае чего отошлите...

— Стой! — раздался из кустов властный голос. Впереди, из-за сваленного дерева, выглядывало дуло ручного пулемета. Придержав коня, Торба сообщил пропуск.

Из кустов вышел молоденький сержант в каске и сказал, что на конях дальше ходу нет, велел спешиться и без шума увести коней.

Здесь, на большаке, эскадрон Чалдонова сидел в засаде, ожидая колонну немецких автомашин, двигавшуюся из деревни Слобода на Туки. Резервные части Штрумфа направлялись под Ельню, а «по пути» должны были провести операцию по уничтожению прорвавшихся в тыл казаков полковника Доватора.

Шаповаленко слез с седла и что-то очень долго возился около коня. Разнуздал его, отпустил подпруги, потом полез в переметные сумы... Торба хотел было его поторопить, но смолчал, увидев, как Филипп Афанасьевич совал в рот Чалому ржаной сухарь и кусочки сахара и, любовно расчесывая спутанную гриву, приговаривал:

— Як бы ты знав, якие у твоего хозяина поганые мысли!.. Кто тогда будет тебя баловать? Ешь, дурень, и не оглядывайся. Жизнь на войне — копейка... А ты так зробиляй, щоб она потянула на руб... Поняв, дурень? Ступай!

Филипп, передавая повод Павлюку, хмуро заметил:

— Ты за конями смотри, як положено. Коноводам тилько бы дрыхнуть. Лодыри, щоб вам пусто было!..

— Возьми да оставайся, а я с Захаром пойду. Чего ворчишь? Думаешь, боюсь? — обиженно заговорил Павлюк.

— Ладно, погоняй!.. Заобиделся, рыжий... Ты про тетрадь не забудь, что наказывал, она там, в переметке...

Торба, слушая речи своего друга, терпеливо помалкивал. Совсем необычным показался ему сегодня Филипп Афанасьевич.

Сели под разлапистую елку, наспех сжевали по сухарю, а потом пошли к Чалдонову: узнать обстановку.

Надо было пройти небольшую полянку. Под высокой и жесткой болотной травой хлюпала вода. Зеленые кочки, как горохом, были усыпаны недозревшей, белой клюквой. Кое-где каплями крови алела спелая брусника. Кругом торчали редкие, чахлые сосенки, маленькие умирающие ели, покрытые лишайником, точно рваным серым тряпьем. Ближе к большаку лесок становился здоровее и гуще. Вдруг из-за кочки поднялся Чалдонов. Взмахнул противотанковой гранатой, точно взвешивая ее в руке, сердито, вполухопот, сказал:

— Ложись!..

Когда прилегли, Торба заметил, что метрах в двадцати тянулся большак, извиваясь, как змея. Захар огляделся. Кругом, замаскировавшись, лежали казаки. Почти из-за каждой кочки торчали стволы автоматов, мушки карабинов выглядывали из предохранительных колец, как птичьи носы, рубчатые кожухи станковых пулеметов сливались с серо-зеленым мхом. А на первый взгляд, кроме низеньких кустиков, болотной морошки да княженики, ничего не было видно...

Только воину понятно захватывающее волнение перед боем, — это инстинктивное напряжение всех чувств доходит у сильных, волевых людей до холодного спокойствия, когда человек весь превращается в зрение, в слух. Именно такое состояние охватило Шаповаленко. Он напряженно смотрел на крутой поворот большака, откуда доносился приближающийся гул моторов. Показались первые крытые брезентом машины.

Шаповаленко начал их считать: «Девять, десять... восемнадцать... двадцать три...»

Всего в колонне было тридцать семь грузовых машин и одна легковая, шедшая впереди. Колонну прикрывали тринадцать мотоциклистов, вооруженных ручными пулеметами. Шаповаленко оттянул затвор автомата...

Слева, над самым ухом Филиппа Афанасьевича, раздался треск. Это

Чалдонов выпустил из автомата сигнальную очередь по легковой машине. И тотчас раскатился кругом ошеломляющий грохот. Легковая машина встала поперек дороги. В кабине шофера мелькнул высокий околыш офицерской фуражки... Шедший следом за легковой машиной трехтонный грузовик расплющил ее, как яйцо, и сполз в кювет. Вспыхнувший бензин жарким пламенем охватывал груды обломков.

Пятнадцать пулеметов в упор расстреливали истошно вопивших под брезентом немцев. Солдаты выпрыгивали из машин; одни из них, скошенные пулями, другие, охваченные смертельным страхом, валились в кювет...

Мотоциклисты, ехавшие в хвосте, повернули было назад, но их встретил губительный огонь эскадрона Биктяшева, сидевшего в засаде с противоположной стороны шоссе.

В этой операции было уничтожено около 400 гитлеровцев, 38 автомашин и 13 мотоциклов. 130 немецких солдат были взяты в плен. Захваченные трофеи удивляли казаков своим «ассортиментом». Некоторые машины были похожи на «универсальные магазины». В них можно было найти все: начиная от дамской юбки и кончая потрепанным ученическим портфелем.

В одной из машин Шаповаленко отыскал поношенную рясу священника, сшитую из добротной коричневой материи. Тут же валялась мягкая фетровая шляпа.

Филипп Афанасьевич примерил ее, мельком взглянул, как в зеркало, в разбитое стекло машины. С густой своей широкой бородой, с усами лихого запорожца, он походил в шляпе на соборного протодьякона гоголевских времен.

— Кончай, хлопцы! — возбужденно кричал Чалдонов. Лицо его с заострившимися небритыми скулами выглядело постаревшим, а волосы, казалось, были чернее обыкновенного. Глаза сверкали, как два раскаленных угля.

Казаки, окружив толпу пленных, гнали их к лесу. Остальные торопливо поджигали уцелевшие машины. На одной из них автоматически включилась сигнальная сирена и выла, выла, как взбесившееся чудовище.

Заваленный трупами большак дымился, над пылавшими машинами летали густые хлопья черной копоти. В огне сухими трескучими залпами рвались патроны.

Торбе хотелось скорей уйти из этого смрадного места.

В бою, так же, как и Филипп Афанасьевич, он рванулся к горевшим машинам одним из первых, в каком-то исступлении нажал спуск автомата и

выпустил по брезенту почти весь диск.

Фашисты выпрыгивали из машин и тут же падали. Торба продолжал стрелять. Когда патроны кончились, лихорадочно вставил новый диск, а старый бросил под ноги. Подобрал он его, когда уже все было закончено...

Сейчас Захар машинально шагал вслед за Шаповаленко, как в пьяном чаду.

«Сколько я перебил фашистов?» — возник в голове вопрос. Он не мог ответить на него. Под брезентом гитлеровцев не было видно, а когда они прыгали из машин, то тут же падали, а рядом стреляли и другие... Захара охватывало гордое сознание, что именно от его длинной автоматной очереди этот горластый народ прыгал из машин с искаженными от ужаса лицами, падал на землю, которую пришел завоевывать.

...Вставало солнце. Голубое небо спрятало звезды, точно наглухо закрыло невидимые ставни, раздалось вширь и ушло высоко вверх. С тихим ропотом зашевелились листья деревьев...

Разведчики пробирались по краю леса. Под ногами шуршала густая трава, сапоги топтали вздрагивающие безыменные цветочки.

Присели отдохнуть. Шаповаленко положил сверток в сторонку и достал из кармана банку трофейных консервов. Уничтожили консервы быстро, с настоящим армейским аппетитом. Закурили.

— Слушай, Захар, тебе страшно было сегодня или нет? — Филипп Афанасьевич неожиданно перешел на русскую речь.

— Ты это чего? — спросил Захар, смущенный прямым вопросом и необычным оборотом речи друга.

— А того, что надо взнуздывать себя покрепче! Не кидать пустые диски, не горячиться...

Торба покраснел. Наклонив голову, он счищал со шпоры грязь.

— Заспешил...

— Был один чудак на свете. Мать к обедне ушла, а он заспешил и, не дождавшись ее, кисель наполовину съел. Потом увидел в окошко — народ идет из церкви, и начал молиться: «Святой Гурку, натягни на кисель шкурку, а то мамо иде...» Думаешь, помогло? Мать спустила ему портки и вlepила по шкурке... Так и тебе следует: щоб не спешил да за товарищами следил, а то побежал и назад не оглядывается. А ежели лихо товарищу будет, кто должен его выручить?

Из-под мохнатых, клочкастых бровей глаза Филиппа Афанасьевича смотрели зло и недружелюбно.

Торба еще ниже опустил голову. Уезжая на фронт, они клятвенно обещались ни при каких обстоятельствах не покидать друг друга. Филипп

Афанасьевич всегда следил за ним, а он...

— Немецкий офицер мне в голову целил... Я заметил, да поздно, — в диске ни одного патрона, а он бьет из кабины: раз — мимо, второй раз — мимо... Добре, его старший лейтенант Чалдонов застрелил. Мог бы меня в третий раз в губу укусить. Як ты думаешь?

— Больше этого не будет, Филипп, — тихо ответил Захар. Глаза их встретились.

ГЛАВА 14

В доме Авериных всю ночь не спали. К утру Харитина Петровна была обмыта, одета в сарафан Марфы Власьевны — приготовлена в свой последний путь...

Оксана замкнулась в себе, ни с кем не разговаривала и только иногда, сгоняя с лица выражение тоски и скорби, благодарно взглядывала полными слез глазами на суетившуюся около покойницы Марфу Власьевну, закусывала губу и откидывала назад голову, точно желая стряхнуть с густых волос тяжелый, давящий обруч. Несколько раз переспрашивала Петю: при каких обстоятельствах ранили деда Грицко и куда его увели. Петя рассказывал все, что знал, только не мог сказать, куда посадили старика.

— Добре! — коротко и твердо говорила Оксана, крепко, по-мужски терла ладонями колени и, уставившись в темноту ночи, думала о чем-то...

Почему «добре»? Петя не мог понять. Что может быть «доброе», когда родная мать лежит в бане мертвая, а отца арестовали немцы? У него у самого мать куда-то угнали на работы... И уж он-то знает, как плохо без родной матери!..

А Оксана думала, думала. Можно ли вытерпеть это горе, залить его женскими горячими слезами, покориться жестокой судьбе?.. Можно ли забыть двадцатичетырехлетней женщине веселую свадьбу, пеструю, цветастую толпу белорусских девушек, голубоглазого жениха в вышитой сиреневой рубахе, крепко обнимавшего твердой рукой невесту... Он погиб, этот голубоглазый парень, — навсегда остался в снегах Финляндии... Можно ли забыть белорусские родные поля, зелень лесов, колхозные стада породистых коров, которые доила ее мать Харитина Петровна, теперь лежавшая в бане, высохшая и холодная?.. Можно ли забыть отца, который брал ее, маленькую, пятилетнюю, на руки, с хохотом бросал на стог сена, приносил ей из лесу птичек, живых зайчат? И в тот день, когда она

получила страшную бумажку из Финляндии, он не утешал Оксану, — он пошел в избу-читальню, принес книжку Горького «Мать» и вместе с ней прочитал. Ни один доктор не придумал бы такого мудрого лечения!..

— Я, дочка, твой отец и обязан тебе помочь в великом горе. Но плохой был бы я батька, если бы плакал вместе с тобой, — сказал Григорий Васильевич. — Только так я тебе должен помогать, как мать в этой книжке помогает своему сыну...

«Я должна помочь батьке и Доватору, — говорила себе Оксана. — Я ведь знаю, где немецкий штаб; надо немедленно сообщить, меня за этим и послали...» Но надо было и мать похоронить. Подумав, Оксана позвала Катю. Та дремала в углу предбанника, рядом с Петей.

— Что ты, Оксана? — спросила Катя. Она быстро поднялась, села рядом с Оксаной и обняла ее.

— Катя, надо завтра узнать, где батько мой, — тихо проговорила Оксана. — Ты — здешняя, тебе легче... А я должна сегодня ночью уйти к полковнику.

— А хоронить? — спросила Катя с дрожью в голосе. Жутко ей было оставаться одной.

— Это само собой, — отстраняясь от Кати, глухо проговорила Оксана.

— Как же мне узнать? Это трудно... Его, может, куда-нибудь увезли...

— Надо узнать, куда увезли! — решительно сказала Оксана. Ей казалось, что сейчас нет ничего невозможного.

— Но как я узнаю, как?

— Ты, Катька, тряпка! Боишься?

— Оксана!

— Ладно!.. Неси лопаты. Сейчас маму похороним. Я сама все сделаю...

— Значит, я тряпка? — Катя встала и бросилась к выходу. — Сейчас пойду — немку убью... Увидишь, какая я тряпка!

Оксана вскочила и поймала ее за руку.

— Никуда ты не пойдешь!

— Нет, пойду! — Катя свободной рукой достала из-за пазухи пистолет.

Оксана еще крепче сжала руку Кати.

— Пусти! — Катя пыталась оттолкнуть Оксану, но та была вдвое сильнее ее.

— Ну что вы кричите! — слышался из предбанника плаксивый голос Пети.

Девушки вздрогнули и притихли.

— Ничего, Петечка, спи, — ласково проговорила Оксана. Прикоснувшись к Катиной щеке губами, тихо добавила: — Прости меня, я

тебя обидела... — Уронила голову на грудь Кати и зарыдала.

Взошла луна, залила бледным светом полукружие ночного неба. С запада ползли облака. Над лесом и полями вспыхивали красные и зеленые полосы, рассекая мрак августовской ночи.

Девушки рыли могилу и тихо перешептывались.

Харитину Петровну похоронили на берегу речушки, недалеко от бани.

На рассвете, попрощавшись с Катей, Оксана ушла в расположение полков Доватора — в леса Духовщины.

...Жена полковника Густава Штрумфа провела скверную ночь. Ей слышался в темноте таинственный шёпот, чудились крадущиеся бородатые казаки в мохнатых шапках, с широкими кинжалами. Ее охватывал ужас. Она прислушивалась к каждому звуку, к каждому шороху. Она знала, что в доме никто не спит, все куда-то исчезли с вечера. Наконец не вытерпела, — позвала караульного солдата и велела ему находиться в комнате. Однако солдат вежливо объяснил, что ему приказано стоять на посту не в комнате, а на дворе. Так она и проворочалась на мягкой Клавдиной постели почти без сна всю ночь, проклиная своего брата майора Круфта, соблазнявшего ее в письмах прелестями русского пейзажа и предстоящим триумфом — вступлением германских войск в Москву.

Утром Марфа Власьевна внесла в горницу кипящий, ярко начищенный самовар, тарелку вареных яиц и жареную курицу.

У Марфы Власьевны зародился нехитрый план: попросить генеральскую сродственницу за Клавдию. «Генерал должен знать, куда отправляют русских девушек, — размышляла Марфа Власьевна, — пусть хоть письмо разрешат послать... Она, немка-то, тоже женщина, может, и детей имеет. Должна понять материнское горе».

И Марфа Власьевна в простоте сердечной приступила к выполнению своего плана. Но пришел Вилли и помешал ей.

— Здравствуй, старенький бабушек! Как ви ухаживаль за фрау Хильда?

Немка, услышав голос Вилли, тотчас позвала его к себе. Денщик начал было любезное приветствие, но она оборвала его и, показав пальцем на курицу, резко сказала:

— Это я есть не буду! Они могут отравить!.. Они уходили ночью. Наверное, в лес, к партизанам,

— О-о! — воскликнул Вилли.

— Вернулись только утром...

— О-о!

— Ваш часовой болван!.. Принесите мне завтрак с кухни генерала! —

Хильда легла на кровать и устало закрыла глаза. Вилли на цыпочках вышел в переднюю комнату. Он строго спросил у Марфы Власьевны, куда они уходили ночью. Та ответила, что хоронили умершую старушку.

— А почему нельзя закапывать, когда день, а? — Вилли, склонив голову набок, следил за лицом Марфы Власьевны.

— Хорошо! Ви мне покажет этот могиль! — отдельно проговорил Вилли и отправился к генералу.

После ухода Вилли Марфа Власьевна несколько раз подходила к двери, намереваясь зайти в горницу. За дверью было тихо, словно в могиле. Наконец «гостя» сама подала признаки жизни. Дверь открылась, и показалась жареная курица. Ее держали за крылышко пухленькие, с красными ноготками пальцы. Курица шлепнулась на пол. Затем ножка в изящной туфле выкатила табунок яиц... Дверь захлопнулась, звякнул крючок.

Когда пришла Катя, Марфа Власьевна сидела на лавке и беззвучно плакала.

— Что это, мама? — спросила Катя, указывая на валяющуюся на полу курицу и яйца. Немного успокоившись, Марфа Власьевна рассказала Кате о провале своего плана.

— Ты хотела ее просить? — Лицо Кати покрылось красными пятнами, точно ее отхлестали по щекам. — Мама!.. Ты знаешь, мама, ведь Кланы-то наша у нее живет!..

— Бог с тобой, что ты говоришь! — Марфа Власьевна встала и вытерла передником помертвевшие губы.

— Правда, мама! Она при мне говорила по-немецки, что узнала Кланю, тебя и меня. Она боится, что мы ее зарежем или отравим... А Клавдию услали работать на ферму...

Марфа Власьевна стояла неподвижно. Слезы высохли на ее сморщенных щеках. Широко перекрестившись, она прошептала:

— Накажи, господи... Услышь мою молитву... Прости меня, грешную!.. Спалю, живьем спалю мерзавку проклятую!.. Помоги, господи!..

ГЛАВА 15

Луна показалась только за полночь. Она то и дело пряталась за редкими перистыми облачками. Выглянет на минуту, обольет белым светом темный ольшаник, густо растущий по берегам речушки, и тогда станет видно: мост над глубоким обрывом, немецкого часового в каске. От моста

серой лентой вьется грунтовой шлях. Он подымается на пригорок и обрывается у высокого белого здания школы, на краю смоленской деревни Рибшево.

Августовская ночь окутала деревню сном и умиротворяющей тишиной. Только и слышны негромкие шаги часового по деревянному настилу да лепет говорливого ручейка, омывающего под мостом серые могучие валуны...

Неподалеку от моста, в кустах, лежит Доватор. Больше получаса он наблюдает, покусывая губы, за деревней и за поведением часового.

Около него прилегли разведчики Торба и Буслов.

— Блиндаж, товарищ полковник, як раз недалеко от школы, — щоб на случай шоссейку и мост прикрыть, — шепчет Торба. — На том конце пулеметы стоят. Пушки есть, но не на позиции. Тут зараз скопилось около ста машин. У нас все записано...

Доватор одобрительно кивает головой, стаскивает с затылка кубанку и кладет рядом. По лицу его, освещенному луной, тенью пробегает тревожная дума. Он уже в сотый раз перебрал в мыслях план предстоящей операции.

— Вот это да! — в тихом изумлении шепчет Буслов, поглаживая шелковистые завитки на кубанке Доватора.

— Что такое? — повернув голову, встревоженно спрашивает Лев Михайлович.

— Кубанка у вас, товарищ полковник, очень хорошая! — отвечает Буслов.

— А-а!.. — Доватор взял кубанку, повертел ее в руках, потом снял с головы Буслова каску и вместо нее нахлобучил свою кубанку. Усмехнулся, видя растерянность казака.

Торба ревниво покосился на эту сцену, гордо встряхнул головой.

— Хлопцы, надо часового снять! — Доватор выжидающе посмотрел на Буслова и Торбу. — Надо перейти речушку, подползти — и снять. Но только без шума!

Он понимал, что если часового вспугнуть, то может сорваться вся операция. Мост нельзя было оставлять целым: часть немецких машин успеет уйти по нему. Льва Михайловича охватил горячий задор: «Самому подползти — и...»

— Кто пойдет? — спросил он тихим голосом.

— Могу я, товарищ полковник, — отзывается Торба.

— Можно попробовать... — лаконично вставляет Буслов и, повернувшись на бок, лицом к Доватору, простодушно говорит: — Только

так, как вы говорите, не выйдет.

— Почему? — спрашивает Доватор.

— Место чистое, — заметит и убьет... Тревогу подымет, — отвечает Буслов. — Надо иначе.

— Как же иначе? — спрашивает Доватор.

— Я еще сам не знаю, товарищ полковник! — отвечает Буслов. — Раз нужно, пусть, скажем, меня убьют!

— Тогда не нужно! — решительно заявляет Доватор.

— Да нет, товарищ полковник, за здорово живешь я ведь не дам себя убить. Мы вот спустимся к речке, попьем водички, — там и план народится... У меня есть один, да с изъянцем... Может, другой клюнет. Вы только меня не спрашивайте, товарищ полковник, пока я не начал действовать... Разрешите выполнять?..

С минуту Доватор колебался. Потом сказал коротко:

— Выполняйте...

Разведчики ушли.

Лев Михайлович взглянул на часы и вспомнил, что в эту минуту полк Бойкова должен громить Демидово, где расположен крупный немецкий гарнизон. «Успешно — или с большими потерями?..» Он болезненно переживал смерть каждого казака. Сейчас он обдумывал новое, очень важное задание. Штаб фронта передал по радио шифровку. Намечается десантная операция для оказания помощи войсковой части, окруженной в лесах Белоруссии. Десант будет сброшен в лесах Духовщины. Приказано прикрыть высадку десанта и обеспечить продвижение к месту назначения. «Наметил продвинуться глубже в тыл — не разрешили... Хочется погулять с конницей в лесах родной Белоруссии и наших людей выручить из окружения...»

Вскочил, по-кавалерийски ловкий, бесшумно и быстро добрался до командного пункта, где Карпенков с двумя эскадронами сидел в засаде. Приказал Гордиенкову и Воробьеву взять ручной пулемет и следовать за ним.

Вернулись на старое место. Когда Яша Воробьев установил ручной пулемет, Доватор одобрительно кивнул непокрытой головой.

— А где кубанка, товарищ полковник? — спросил Гордиенков.

— Какая кубанка? Помалкивай, Алешка. Смотри вперед!..

Простое дело — снять часового, а сколько тревог, волнений... Разведчики ушли — и как в воду канули. Минуты кажутся долгими, томительными часами.

Вдруг где-то раздался короткий свист.

Часовой настороженно поворачивает голову и направляется к школе. Неожиданно с противоположной стороны моста появилась фигура человека. Громко стуча сапогами, он шел вслед за часовым — смело и решительно.

Доватор узнает свою кубанку, узнает сутулую фигуру закутанного в плащ-палатку Буслова. Рука Льва Михайловича невольно тянется к пистолету.

— Кто это, товарищ полковник? — шёпотом спрашивает Гордиенков.

Доватор напряженно сжимает рукоятку пистолета. Молчит...

Часовой, услышав шаги, оборачивается. Увидев приближающегося человека, вскидывает винтовку, громко, пронзительно кричит:

— Хальт! Хенде хох!..

Буслов покорно подымает руки. Часовой торопливо шарит на груди свисток, но в ту же минуту слышит, что сзади кто-то так же бесцеремонно шагает по мосту. Он невольно поворачивает голову. С той стороны подходит Торба...

Буслов взмахнул рукой — послышался тупой удар, короткий, тихий стон. Торба подхватил падающее тело часового и потащил его к перилам моста. Слышно было, как подборы кованых немецких сапог дробно стучали по мостовому настилу, а потом... Переброшенное через перила тело гитлеровца мягко ударилось о серые, обмытые водой валуны...

Доватор вытер платком лицо от лба и до самого подбородка, точно он без передышки бежал несколько километров.

— Ну и план!.. Ах, черти! — только и мог выговорить Лев Михайлович, дергая Алексея за рукав. Тот, ошеломленный дерзостью разведчиков, замер в неподвижности.

— Чисто сработали! — Гордиенков медленно качает головой, у него от волнения дрожат губы.

— У нас на Оби так с пароходов балласт скидывают, — замечает Яша Воробьев, — бултыхнул — и каюк...

По круче взбирались разведчики. Слышен был треск сучьев, шум скатывавшихся из-под ног камней.

Буслов вынырнул из кустов первым, тяжело дыша, опустился перед Доватором на одно колено и поставил штыком вверх взятую у часового винтовку. Стащил с головы кубанку и с неизменным простодушием, но не без волнения сказал:

— Извините, товарищ полковник, забыл совсем, — и кубанку вашу унес...

— Нет уж, носи! — твердо проговорил Лев Михайлович. — Слушайте,

Буслов... — Доватор немного помолчал, подыскивая слова, а потом, встряхнув головой, продолжал: — Все-таки вы не имели права так рисковать из-за какой-то козявки! — Лев Михайлович махнул рукой.

— Опаска была, слов нет. Но ведь без этого не бывает, — возразил Буслов. — Мы простую механику придумали: после свиста я должен смело итти первым на часового, В одного он стрелять ни за что не станет, а окликнет. Так и вышло... Раз он со мной занялся — значит, второй обязан подходить. Часовой должен оглянуться неминуючи. Оглянулся — значит, пропал...

— Но ведь ты руки поднял! Он мог дать выстрел — и гроб тебе! — горячо возразил Доватор.

— А это бабушка надвое сказала, товарищ полковник. У меня в каждой ладошке по лимонке было зажато, гранатой я его по виску и стукнул.

Лев Михайлович хлопнул Буслова по колену, другой рукой обнял Торбу за шею. С жаркой силой проговорил:

— Вы — молодцы, товарищи мои! Я вас никогда не забуду... Ты, Буслов, возьми мою кубанку. Возьми просто на память, а ордена будете носить во славу и честь нашей родины... Жизнь короткая, а слава долгая! — закончил Доватор любимой своей поговоркой.

— Служим Советскому Союзу, товарищ полковник! — Тихо, как клятва, вполупот прозвучали эти гордые слова среди густого прибрежного ольшаника, стройных молодых березок, под серебристой луной, обливающей белым светом звенящие от ночного ветерка листья.

В деревне неожиданно зафырчал мотор. Слышно было, как тревожно взревел гудок. Сверкая фарами, от школы к мосту катился броневик. Следом за ним шла легковая машина.

ГЛАВА 16

В полночь начальник штаба Кляйнман поднял с постели генерала Штрумфа и сообщил ему немало неприятных сведений.

В районе Демидово появились казачьи отряды Доватора, час тому назад внезапно напали на районный центр, разгромили гарнизон в самом Демидове и в прилегающих к нему селах, на железнодорожной магистрали Витебск — Смоленск спущено под откос два эшелона. В селах Каспьянского района перебита вся полиция... Кляйнман докладывал раздражающе-визгливым голосом.

— Генерал Хоппер недоволен системой наших распоряжений. Он

требует личных объяснений. Мы с вами должны немедленно ехать.

Последнее сообщение Кляйнмана еще только усиливает мрачное настроение генерала. «Тащиться ночью по этим лесным дорогам...»

Он с наслаждением съездил бы кулаком по хитрой физиономии сытенького, коротконого начальника штаба. Но он не смеет: Кляйнман — ставленник самого Гимmlера.

Овладев собой, тихим, хриповатым голосом генерал зовет Вилли.

За окном просигналил броневик. Штрумф потребовал плащ и фуражку. Вилли помог ему одеться. Грузно ступая толстыми ногами, пересиливая одышку, генерал направился к выходу. Теперь он думал только о том, как будет докладывать генералу Хопперу о действиях своего сына, который, получив две дивизии, направил их в район Пречистая, а Доватор очутился под Демидовой.

Когда машина подъезжала к мосту, Штрумф, задыхаясь от едкого перегара бензина, поднял воротник плаща. О часовом на мосту он даже не вспомнил и не проследил, как обычно, приветствовал тот его или нет.

Увидев броневик, Гордиенков вскочил на колени, выхватил противотанковую гранату и торопливо щелкнул предохранителем. Машины въезжали на мост. В кабине легковой машины были отчетливо видны офицерские фуражки.

— С офицерами, товарищ полковник, надо их... — прошептал Алексей, рванувшись вперед, но Доватор остановил его:

— Ложись!

Гордиенков, сжимая гранату и порывисто дыша, лег. Машины проехали мост и, увеличивая скорость, пронеслись мимо.

— Чорт с ними! — вырвалось у Доватора. — А вы, ваше степенство, имейте выдержку. Видел, как хлопцы действовали, вот и поучись!..

После, когда Лев Михайлович узнал, кого он выпустил из рук, он долго не мог простить себе этого.

Едва успели саперы заминировать мост, как на другом конце деревни взвились две немецкие ракеты и осветили крыши домов. Хлестко затараторили автоматы. Началась частая, беспорядочная стрельба. Ярким пламенем вспыхнула какая-то постройка. В чем дело? До начала операции оставалось еще больше часа!..

— Почему подожгли раньше времени? — Доватор бросал на Карпенкова гневные взгляды.

— Не знаю! — Карпенков встревоженно смотрел на пылающую избу.

— Вы — начальник штаба, должны знать! Выяснить и доложить мне!

— Голос Доватора потонул в оглушительном треске выстрелов

многочисленных пулеметов и автоматов.

С наблюдательного пункта было видно, как по освещенной заревом пожара деревне метались темные фигурки немецких солдат. Ветер доносил шум заведенных машин. На западной окраине деревни возник второй очаг пожара — еще более яркий и мощный. Деревня, стоявшая на возвышенности, теперь была видна как на ладони.

Освещенное отблесками пожара лицо Доватора выражало напряжение и какую-то мужественную мрачность. Волосы упали на лоб и почти закрыли крупные, сведенные гармошкой морщины.

Крыши домов пересекались крестообразными стежками разноцветных трассирующих пуль. Пули долетали до наблюдательного пункта, посвистывая, срывали с деревьев листья.

Доватор видел: на улицу выезжали грузовики, быстро заполнялись немцами. К школе подкатило несколько машин. Солдаты орали и торопливо грузили на них какие-то ящики.

С южной стороны, из-за огородов, доносилось приглушенное «ура». Среди белеющих кочанов капусты и темных полос картофеля, около одинокой баньки, появились густые группы атакующих.

— Карпенков! — крикнул Доватор. — Один эскадрон из резерва быстро переправляй на западный берег речки, севернее моста. Туда должны побежать немцы. Встретить! Засада, к бою!..

Лев Михайлович чутьем угадывал сложившуюся обстановку. Зажатый со всех сторон, противник будет бешено кидаться в разные стороны, чтобы вырваться. Немцы не знали, что мост заминирован. Как всегда, Доватор отдавал приказания с поразительной ясностью.

Второго крика «ура», на западной окраине, в грохоте боя Доватор не слышал. Огонь все нарастал, становился плотнее и ожесточенней. Доватор видел, как машины, одна за другой, покатались к мосту, давая продолжительные гудки. Первая же машина вместе с мостом, как огненный смерч, взвилась на воздух. Вторая исчезла в черном дыме, а остальные тормозили и, налетая друг на друга, останавливались. Немцы что-то кричали, выпрыгивая из кузовов, давили друг друга...

— Огонь! — звонко скомандовал Карпенков.

Он руководил засадой. Как всегда деятельный, настойчивый и неутомимый, он перебегал от одного пулемета к другому, требуя усиления огня. Станковые пулеметы и «дегтяри» ударили из засады. На расстоянии семидесяти метров их огонь был страшным и губительным. Яркий свет, падавший от горячей риги, давал возможность бить прицельно. Немцы кинулись было вдоль речки, на юг, но пулеметный огонь заставил их

повернуть обратно. Густыми беспорядочными толпами они побежали по восточной окраине села к ближайшему лесу.

Доватор приказал дать сигнал конной атаки.

И вот конная группа, неумолимо поблескивая клинками, с раскатистым «ура» помчалась навстречу немцам.

— Карпенков, огонь убрать! — приказал Доватор. Пулеметы прекратили стрельбу.

— Хорошо! Хорошо идут!.. — Лев Михайлович возбужденно ерошил волосы.

Зрелище конной атаки увлекало его, и он нетерпеливо хлестал стеком по голенищу. Впереди группы атакующих конников на сером черногривом коне скакал Чалдонов. Конь нес его сильными ровными бросками, круто выгибая передние ноги. Чалдонов врубился первым. Делая клинком молниеносные взмахи, он выгибал корпус то в одну сторону, то в другую с ловкостью степного кочевника. Конь покорно подчинялся движениям его тела, взвивался на задние ноги, делал крутые повороты и снова шел броском в нужном направлении, стремительно и ровно.

Атака на полный аллюр, с близкого расстояния, стремительная и кровавая, решила исход операции в пять-десять минут.

Конную атаку возглавил майор Осипов. Шашка знаменитого кавказского мастера славно поработала в эту ночь...

Доватор, обходя со своим штабом еще работающие на полном ходу машины, распорядился уничтожить все военное имущество, которое невозможно увезти, продукты питания раздать населению.

Вокруг еще щелкали отдельные выстрелы. Резервный эскадрон прочищал лесок, раскинувшийся вдоль речушки, вылавливал немцев. То же самое происходило и в деревне. Но где-то уже раздавались веселые звуки Наурской.

Начинало светать. В сером небе разгорался тусклый холодный свет. Над крышами домов, подымаясь от пожарищ, темными полосами расстилался дым. В воздухе стоял смрад от сгоревшей резины, тряпок, бензина. Коноводы рысью подводили эскадронам, дравшимся в пешем строю, лошадей. Сквозь шум и сутолоку раздавались командные выкрики:

— Первый взвод, по коням! Равняйся! Слышался цокот подков, скрип седел.

— Это — первый? Где комэска первого? Товарищи, никто не видал комэска один? — раздался голос Криворотько.

— Наверное, в голове колонны! Погоняй... Тут четвертый, — отвечали ему.

Криворотько стегнул коня и поскакал дальше. Около школы он увидел Доватора верхом на коне, окруженного колхозниками. Женщины, зябко кутаясь в шали, наперебой рассказывали о бесчинствах гитлеровских мародеров. Тут же был и Петя. Он с затаенным восторгом смотрел на командира в широченной бурке. Пете очень хотелось поговорить с командиром и попросить его кое о чем, но он не решался.

— Что ж нам делать? Как быть? Научите, товарищ командир, — спрашивали женщины.

— Надо помогать партизанам бить немцев, — говорил Лев Михайлович. — Война всенародная. Не давайте врагу ни куска хлеба. Что нельзя спрятать — уничтожайте, уходите в лес. Мы придем, освободим вас. Надо бороться с немцами, не щадя жизни. Мы хозяева своей земли. Нельзя падать духом!

Слова Доватора глубоко западали в душу Пети. Он расхрабрился и хотел было вступить в разговор с командиром, но в это время подъехала большая группа кавалеристов. Зрелище было поразительное: все в одинаковых черных бурках, а у одного командира тонконогая лошадка выкидывала такие кренделя, что Петя и рот раскрыл. «Самый главный, наверное», — подумал он. Об этом свидетельствовал и кончик золотой шашки, торчавший из-под бурки, и шпоры на тоненькой серебряной цепочке. Однако Петя тотчас же убедился, что мнение его ошибочно. Командир, разговаривавший с женщинами, начал сердито расспрашивать подъехавших и даже покрикивать.

— Почему раньше времени начали действовать? Почему зажгли дом, когда было приказано осветить ригой? — спрашивал Лев Михайлович.

— Не знаю, товарищ полковник! — Осипов недоуменно посмотрел на Доватора. Он сам был удивлен, когда загорелся третий от края дом и началась преждевременная стрельба.

— Сгорела усадьба Авериных, — сказала одна из женщин.

— Надо выяснить, — приказал Доватор.

— А я знаю, кто запалил! — звонко выкрикнул Петя.

— Откуда ты знаешь? — Осипов нагнулся с седла. Он смотрел на Петю добрыми прищуренными глазами. Его тяжкое горе сегодня как-то притупилось, — оно растворилось в опьяняющем, горячем чувстве мести, в заботе о делах, в чувстве воинского долга.

— Аверина, тетка Марфа, сама запалила, а я ей солому подтаскивал! Дяденька, товарищ командир! — Петя умоляюще смотрел то на Доватора, то на Осипова. — Возьмите меня в армию!.. Мы с теткой Марфой немца вилами заporоли!..

Осипова передернуло от слов мальчика. Он взглянул на Доватора, потом на Петю.

— Антон Петрович, проверь-ка сам, что там случилось, — встретившись с ним взглядом, приказал Доватор.

Он уже догадывался, что случилось. Катя ему рассказала, что ее мать поклялась спалить дом вместе с немкой, но он тогда не придавал этому значения. Лев Михайлович, склонившись с седла, спросил:

— Как тебя зовут, сынок?

— Петр Иванович Кочетков, — охотно ответил Петя. — Мне уже девять аль десять! — добавил он, поблескивая глазами.

— Расскажи, Петр Иванович, как немца заporоли? — спросил Доватор.

— Мы солому натаскали и дверь в горницу дрючком подперли, а немец зашел и кричать начал. Тетка Марфа вилами солому хотела брать и еще хотела принести из риги, а он увидел... — Но досказать Петя не успел.

На полном галопе в группу всадников врезался Криворотько. Подъехал к Осипову и шепнул ему что-то на ухо. Антон Петрович оглянулся, точно ужаленный, рванул поводья, круто повернул кобылицу. К школе, громыхая колесами, подъехали две брички. На передней лежал капитан Почибут. Он был бледен, дышал тяжело. Голова была обмотана окровавленной марлевой повязкой. На второй бричке, которую в Подвьязье пулеметчики приспособили вместо тачанки, вытянув руки по швам, точно отдавая глядевшим на него командирам последнюю воинскую честь, лежал старший лейтенант Дмитрий Чалдонов. Растрепанный чуб его был влажен от крови и поник на левый висок, прикрывая то место, куда ударила вражья пуля.

Черногривая кобылица Чалдонова, разгоряченная боем, металась из стороны в сторону, забегала вперед, высоко поднимала голову, раздувая ноздри. Шла назад, к бричке, но, подойдя ближе, шарахалась в сторону, останавливалась, дрожа всем телом, косилась на бричку, словно спрашивала: «Что же это случилось с моим хозяином?» — и никого к себе не подпускала.

Осипов склонил голову, зажал переносицу в кулак, как будто у него ручьем текла из носа кровь. Доватор медленно стаскивал с головы кубанку. Лицо его сразу сделалось сумрачным.

Женщины откровенно и сердечно плакали. Петя не плакал: он жмурился, точно от досады, морщил нос...

А солнце вставало, разбрызгивало над темным лесом яркие утренние лучи. По извилистым, уходящим к лесу дорогам растянулись длинные

черные ленты кавалерийских эскадронов. Следом катились повозки, наполненные трофеями. На одной из них сидел дед Грицко, суровый, величественный. Рядом шла Оксана. А позади всех, на маленькой лошадке, трусил одинокий всадник. Он не отставал от эскадронов и не нагонял их — ехал на почтительном расстоянии...

ГЛАВА 17

На привале в лесу разведчики решили первым делом разложить костер и наварить картошки.

— Красота посидеть около огонька, картошек испекти! Ну, а барабуля тут, братья мои, не хуже кубанской. — Торба развязал мешок и вытряхнул на землю крупную картошку. — Ты погляди, Павлюк! Такую взять горяченькую, разломить пополам, — а она парок пускает. Трошки соли, корочка поджаристая, на зубах хрустит, да ще цыбулю, — объеденье, братья!

— Варить надо поскорее, — перебивает его Павлюк, бросая на землю охапку хвороста. — Нечего над картошкой колдовать: кишки подвело, ремень уж на последнюю дырку подтянул — и все, слабо.

— Не гуди, прикумский гарбузник! — огрызается Торба.

— Во-первых, не гарбузник, а винодел, — это большая разница, товарищ Торбачевский! У нас в Прикумщине...

— Ты що к моей фамилии кончик приставляешь? — Торба с угрожающим видом берет хворостину.

— Чуток прибавлено — и уже звучит!.. А то — Торба, что это такое? Посудина, из которой кони пищу принимают!..

— Геть, гарбузник! — Торба замахивается хворостиной. Павлюк кидается в кусты и чуть не сбивает с ног Яшу Воробьева, идущего с охапкой хвороста.

— Вот люди, чисто младенцы! — ворчит Яша Воробьев, ломая о колено ветки для костра. Он чем-то встревожен и явно не в духе. Подняв голову, Яша прислушивается к голосу Шаповаленко, который сидит вместе с дедом Грицко и с увлечением читает ему что-то из своей тетрадки. Теперь, после освобождения деда Грицко, Филипп Афанасьевич с ним неразлучен.

— «А яки колгоспы на реках стоять, — читает Филипп Афанасьевич, — печки переделать на каменный уголь. Доставлять его на баржах по реке Кубани, а лес на дрова не переводить, бо от этого государству великий

убыток, да и скучно жить без лесочка...»

— Это верно, — кивает дед Грицко. — Люди рубят где попало... Надо сады разводить, пчел, плотины строить.

— Написано, — подтверждает Филипп Афанасьевич, — послухай пункт сто восемьдесят пятый: «Сады должны выращивать по-мичурински, щоб их не брал ни який мороз...»

— Эй, борода, опять читаешь? — отшвырнув ногой хворост, накидывается Яша на Шаповаленко. — А кто будет костер разжигать? Писатель нашелся, Лев Толстой! Я лейтенанта должен кормить? Можешь ты это понимать, аль нет?

— А ты скажи моей дочке, она и состряпает, а кричать, сынок, не гоже!.. Человек план колхозной жизни на пятьдесят лет составил, — говорит дед Грицко.

— Ксана Григорьевна опять в разведку ушла, — тихо говорит Яша. — Дайте хоть спички.

— Серники у Буслова. Позови его, он и поможет, а от меня видчепись, я за конями слежу, — отмахивается Шаповаленко.

— Буслов, Буслов, — ворчит Яша, — вот он сидит на пеньке и горюет. У него слова не добьешься, нахмурился, как туча в буран. Я ему консервы носил, шнапсу предлагал хлебнуть — даже головы не поворачивает... Каменный человек!

— А что с ним? — спрашивает дед Грицко.

— Прежнего командира убили, — отвечает Филипп Афанасьевич. — До этого он в пулеметном эскадроне был, а потом его полковник в разведчики перевел. Парень он храбрый, добрый, теперь зажурился: жалко старшего лейтенанта Чалдонова. «Меня, — говорит, — там не было, потому и убили». Сильно горюет хлопец. Пуля — дура... — вздохнув заканчивает Шаповаленко.

— Вот Харитина Петровна... — Умное, серьезное лицо деда Грицко становится задумчивым и строгим. Может быть, он вспомнил в эту минуту пройденный вместе с Харитиной Петровной долгий путь сорокалетней жизни со всеми его радостями и горестями. Может быть, воскресил в памяти родные, дорогие сердцу черты, безвозвратно ушедшую юность, веселую черноокую Харитину в вышитой кофточке, бойко плясавшую лявониху. Дед Грицко прислонился к сосне, и она, казалось, дрогнула, заскрипела под его спиной,

— Ты Буслова не замай, — говорит Шаповаленко Яше. — Зараз чоловику лихо, — он перекипит и остудится, на войны слеза швидко сохне, чуешь?..

Буслов сидел на пеньке, то и дело вынимал из кармана кисет, набивал трубку, сильно затягивался.

Яша, собирая хворост, все время на него поглядывал из кустов.

«Смотри, как перевернуло парня, хоть бы поел чего-нибудь», — огорченно думал Яша.

Буслов, словно чувствуя, что за ним кто-то наблюдает, встал с пенька и углубился в лес. Шел он медленно, тяжело, не замечая окружавших его березок, лапчатых елей, высоких мачтовых сосен и прыгающих с ветки на ветку белок. Не верилось ему, что его командира, товарища и друга сегодня зароят в холодную землю, и уже не споет он больше задушевную песню про широкую русскую степь...

Впереди, в молодом ельнике, беспокойно застрекотала сорока. Буслов поднял голову. Птица кружилась над верхушками деревьев, садилась на ветки, снова взлетала. Буслов остановился и посмотрел вперед. Над молодым ельником вился едва заметный дымок. Буслов осторожно раздвинул кусты. Под елкой, у ярко горевшего костра, сидел мальчик лет десяти, в каске, в телогрейке с подвернутыми рукавами и что-то варил в консервной банке. В сторонке была привязана маленькая вислопузая кобыленка с репьями в хвосте. На спине у нее вместо седла было прикреплено веревкой какое-то пестрое рядно. У дерева стоял дробовик с надтреснутой ложей и с заплатками на стволе. У костра лежали горбушка ржаного хлеба, картофель, несколько головок лука. Увидев Буслова, мальчик молча взял в руки ружье, положил его поперек колен, потом подбросил в костер несколько сухих ореховых веточек и, наклонившись, начал старательно дуть на костер. Буслов, подойдя к костру, спросил:

— Ты что тут делаешь?

— В лагере я, — буркнул мальчик.

— В каком лагере?

— В партизанском, — не знаешь, в каком?

— А где же твои партизаны?

— Я сам.

— С-а-а-м? — протянул Буслов, пряча добродушную улыбку. — А где ж командир отряда и кто он?

— Петр Иванович Кочетков, вот кто.

— Что это за Петр Иванович? Как бы его увидеть?

— Я — Петр Иванович Кочетков.

— Ага! — Буслов подсел к костру, взял головешку и, раскуривая трубочку, спросил: — Войско-то у вас большое, Петр Иванович? Или это военная тайна?

— Пока я один! — Петя вытер кончик носа ладонью и оставил на щеке заметный след золы и сажи. Потом он уверенно добавил: — Наберем! В армию просился, да кавалерийский полковник в партизаны поступить велел и подюжей немцев бить. «Ты, — говорит, — Петр Иванович, все тут знаешь, ты человек партийный и с немцами тебе жить нельзя».

— А вы, Петр Иванович, в правду партийный? — спросил Буслов.

— Пионер, — гордо ответил Петя и вытащил из кармана кумачевый галстук. — А вы из кавалеристов, да? — Петя заблестевшими глазами смотрел на Буслова и, главное, на его наган, висевший у пояса.

— Ружье как? — кивая на берданку, спросил Буслов.

— Отцовское ружье. Тетеревушек бьет с одного раза, — ответил Петя, не спуская глаз с бусловского нагана.

— Патронов много к ружью-то?

— Три штуки есть!

— Маловато. — Буслов покачал головой. — А где отец у тебя?

— В Красной Армии — первый ушел! — Петя тоненькой палочкой попробовал варившуюся в банке картошку, проткнул кожуру и вытащил одну картофелину. Убедившись, что она поспела, обжигая пальцы, разломал ее на две части и большую протянул Буслову.

— Поешь, дядя.

Буслов взял картофелину и стал молча чистить ее...

Торба вместе с охапкой дров принес в лагерь два гриба.

— Это ж боровики, цари грибные! Фунт таких грибов заменяет полфунта мяса! — обрадовался Яша.

— Павлюк, дерни его за ухо, щоб не брехав, — проговорил Торба.

— Это я брешу? — воскликнул Яша. — Да из них можно такое варево состряпать, — котелок наизнанку вывернешь!

— Верно, — поддержал его Павлюк. — Ну, ладно, хлопчики! Сейчас такой обед закатим: печеная картошка — раз, вареная — два, тушеная с концентратами — три! Жрать так хочется, прямо хоть коню ухо грызи!

Он не видел, как сзади подошли Доватор и Карпенков.

— Вы что, товарищи, костер готовите разжигать? — спросил Доватор.

— Так точно, товарищ полковник! — вытянувшись, ответил Торба. — Картошки хотим сварить и подсушиться малость.

— Ведь запрещено жечь костры, вы разве не знаете?

— Да это ж ночью, товарищ полковник, а мы зараз...

— И сейчас опасно разжигать костры, — ответил Доватор и, заметив в ельнике дымок, сердито спросил: — А там кто? Бомбежки хочет?

Приказав еще раз строго предупредить людей, что костры жечь запрещается, Лев Михайлович прошел в ельник, где лениво курился синеватый дымок.

Буслов и Петя давно уже покончили с картошкой и теперь, сидя рядышком, занимались сборкой нагана.

— Это спусковой крючок называется, это барабан, — учил Буслов Петю.

Кобыленка мотала головой и рвала ветки. Увлеченный наганом, Петя с досадой покрикивал на свою лошадь:

— У, отчаянная! Не можешь смиренно постоять!..

— Ее попасти надо или травы нарвать. Коня беречь надо, Кочеток, — ласково говорил Буслов.

Доватор минуты две наблюдал за ними, наконец, не выдержав, шутливо сказал:

— Мы с партизанами связь не можем установить, а они, оказывается, под боком... Вот только костер надо потушить, а то немецкие разведчики летают.

Буслов смутился. Козырнув, он торопливо начал затаптывать костер.

— А вы откуда взялись, молодой человек? — спросил Доватор, поглядывая на Петю.

— Командир партизанского отряда Петр Иванович Кочетков, — добродушно улыбаясь, ответил Буслов.

— Петр Иванович? Да ведь мы с ним знакомы! — проговорил Лев Михайлович. — Как вы здесь очутились, Петр Иванович?

Буслов коротко рассказал Доватору историю Пети. Оказалось, что совет полковника итти в партизаны Петя принял как боевой приказ. Поймал каким-то чудом уцелевшую в деревне лошадку, захватил необходимое «снаряжение» и отправился вслед ушедшей коннице. Километров сорок он ехал позади всех, из боязни, что его вернут обратно. Так он и прибыл благополучно в леса Духовщины, расположился лагерем по соседству с кавалеристами, с твердым намерением следовать за ними или разыскать какой-нибудь партизанский отряд.

Буслов попросил у Доватора разрешения оставить Петю в эскадроне.

— Как же не взять командира бесстрашных партизан! — улыбаясь, сказал Лев Михайлович. — Вот только конь у него уж очень пузатый... Да и хвост надо от репьев очистить. Ты, Буслов, седло подбери и в общем возьми его на свое попечение. А ружье, Петя, ты не бросай, береги, — мы его после войны в музей сдадим...

Оксана Гончарова была направлена в разведку для связи с

партизанским отрядом.

...Лунная осенняя ночь. Под ногами шуршали опавшие листья, потрескивали в тишине сухие ветки. В лесу — полное безмолвие, если не считать постоянной ночной трескотни немецких пулеметов и отдаленного грохота пушек.

Лес кончился. Перед Оксаной лежала широкая, освещенная луной поляна. Оксана вышла из кустов. Неожиданно все осветилось ярким зеленоватым светом. Ракеты, шипя, взлетали в воздух и лопались с треском, прямо над головой. «Хальт, рус!» Немцы набросились на Оксану, схватили ее. На опушке леса была устроена засада. При обыске у Оксаны нашли компас, а этого было больше чем достаточно, чтобы расстрелять девушку. Через час она была доставлена в немецкий штаб.

После двухчасового допроса Густав Штрумф устал, обессилел от злобы, но ничего не добился от девушки.

— Когда моя жена приехала занимать квартиру, вы сидели с Екатериной Авериной и пили молоко. Так?

— Не помню, — коротко отвечала Оксана и упрямо смотрела себе под ноги.

— Но я знаю! — в бешенстве кричал полковник.

Даже часовой у двери вздрагивал от этого крика.

— Кто зажигал дом, говори?

— Не знаю.

— Ты куда шла?

— Домой.

— А где твой дом?

— Везде.

— Хорошо. Скажи мне одно слово, — с каким-то жутким спокойствием продолжал полковник, — и я отпущу тебя. Дом зажгла Екатерина Аверина, чтоб уничтожить мою жену. Так? Да или нет? Скажи — да. Забирай пропуск и уходи. — Полковник впился в Оксану острым взглядом, ждал ответа.

Оксана отрицательно покачала головой.

Полковник вскочил, замычал, поднял над головой кулаки...

Спустя час, выходя из подвала, он встретился с отцом. Генерал Штрумф оглядел сына с ног до головы, словно видел его в первый раз. Взглянул на руки Густава и поморщился: они были в крови.

— Какие новости? — сухо спросил он, отворачиваясь.

— Я перехватил шифровку русских, — ответил Густав. — В районе Демидове должен высадиться авиадесант, там же будет сброшен груз с

боеприпасами для Доватора. Я захвачу его и уничтожу десант вместе с конницей Доватора! — Полковник говорил возбужденно, нервно подергивая плечами.

— Но пока Доватор уничтожает нас, — иронически заметил генерал. — Мы потеряли топографический штаб армейского значения — и только из-за твоей излишней самоуверенности! Доватор тактически уничтожил тебя...

— В мою компетенцию не входили обязанности по охране штаба.

— У тебя ослаблены волевые центры. Ты утомлен! — резко прервал его Штрумф-старший. — Ты все потерял!

— Даже чуть не потерял собственную жену! Она чудом спаслась! — визгливо выкрикнул полковник.

— А я потерял свою репутацию, — тяжело дыша в лицо сыну, проговорил Штрумф. Сняв фуражку, он вытер платком безволосую голову.

В штабе Хоппера, откуда он только что приехал, ему пришлось пережить неприятные минуты. В зоне расположения резервных частей, находящихся под командованием генерала Штрумфа, Доватор разгромил несколько гарнизонов, на большаках было уничтожено свыше двухсот машин.

Генерал Штрумф вместе с чувствительной трепкой получил последний и категорический приказ: во что бы то ни стало немедленно ликвидировать Доватора, не считаясь ни с какими потерями. Он поставил сына в известность, что сам лично будет контролировать весь ход операции по ликвидации действующих в тылу кавалерийских частей, и приказал немедленно вместе с перехваченными шифровками Доватора прислать к нему майора Круфта.

— Когда перехватили эту шифровку? — спросил Штрумф майора, когда тот появился.

Майор ответил.

— Так... Значит, Доватор получил приказ прикрыть высадку авиадесанта в районе Демидове и там же пополниться боеприпасами?.. — Штрумф углубляется в карту, иногда поворачивает голову и перечитывает шифровку. — Но они могут в последнюю минуту изменить координаты? — Штрумф презрительно смотрит на Круфта, как бы давая ему понять без слов, что майор — болван, если считает русских глупее себя.

— Они уже меняли координаты три раза, — подтверждает Круфт.

— Поэтому ваши шифровки пока ничего не стоят, — раздраженно прерывает его Штрумф. — Где же все-таки будет высажен десант? В каком лесу?

Круфт едва заметно пожимает плечами. Он обижен на генерала. «Старая пивная бочка, я еще тебе самого главного не сказал», — думает про себя майор.

— В последней радиограмме при расшифровке времени и даты выпадает цифра два... Это значит: фактические координаты указаны в радиограмме номер два! — Майор Круфт абсолютно в этом уверен.

— Так почему же вы до сих пор молчали? — недоверчиво спросил Штрумф.

— Я не успел доложить вам...

— Отлично! Мы изменим координаты в четвертый раз. — Штрумф тут же продиктовал радиограмму: «Сменил расположение. Высадка десанта старым координатам невозможна. Жду координат тридцать четыре девяносто шесть. Раннее утро. Доватор».

— Зашифруйте так, чтобы этим подтвердить высадку десанта цифрой два, как хочет русское командование, и передавайте до тех пор, пока не получите квитанцию...

— Господин генерал, это ход, достойный Капабланки! — льстиво сказал майор.

Когда майор вышел, генерал фон Штрумф весело рассмеялся.

«Ход Капабланки! Ты, майор, глуп, как сто баранов».

Он вызвал сына и приказал все участки предполагаемой высадки десанта непрерывно контролировать авиацией, засады усилить. Доватора запереть в лесах Духовщины, морить его людей и лошадей голодом. Начать методическое наступление, не жалея бомб и снарядов.

ГЛАВА 18

29 августа кавалерийские полки, укрываясь от наседавшей авиации, сосредоточились в районе Боярщина.

Подтвердив шифровкой место высадки десанта, Доватор с нетерпением ожидал от штаба армии дальнейших распоряжений. Однако уже более суток связи не было. Большая земля передавала из Москвы сводки Информбюро, концерты, сообщения по Советскому Союзу и из-за границы, но штаб армии молчал.

Лев Михайлович сидел под высокой елкой на куче зеленых лапок, кутаясь в свою широкую бурку, и читал неутешительные донесения из частей и подразделений. Группы, высланные для хозяйственных операций, вынуждены были вернуться ни с чем. Немцы начали методически

обстреливать лес, бомбить и блокировать. С другими частями уже два дня связь поддерживалась только по рации.

Рядом с Доватором усталый радист монотонно твердил в аппарат:

— Один, два, три, четыре. Четыре, три, два... Енисей! Енисей! Ты меня слышишь? Жду настройки, жду настройки! Я Амур! Енисей, ты меня слышишь?..

Под другими елками спали офицеры связи и посыльные. Карпенков, прикрыв рукой воспаленные от бессонницы глаза, диктовал приказ о подготовке рубежей для круговой обороны.

Из разведки вернулся Алексей Гордиенков; опустив грязные, подвернутые полы шинели, присел рядом с Доватором и качал докладывать:

— Всюду ведут окопные работы. Ночью заняли все прилетающие к лесу деревни. Жителей куда-то угоняют. Окружение почти полное. Я едва проскользнул. Разведчиков посадил в сарае, на той поляне. Они будут сигналить самолетам кострами и ракетами, но обратно им вернуться будет трудно. Все закрыто.

— Ладно, ты пока помалкивай! — Лев Михайлович позвал Карпенкова, развернул карту и показал ему обстановку. Она неожиданно изменилась в течение последних суток. С запада немцы закрыли выход танками, непрерывно патрулировали по большаку, с юга и с севера, одна пехотная и одна моторизованная дивизии вели окопные работы и подтягивали артиллерию. С востока на десятки километров тянулось непроходимое болото. Замысел немцев был ясен Доватору. Они решили блокировать лес со всех сторон, прижать конницу к болоту и уничтожить ее.

Можно было бы еще пробиться и сейчас, но маневр затруднялся наличием тяжело раненых и отсутствием достаточного количества боеприпасов.

— Они нам тут дадут жизни, — заметил Карпенков.

— А это мы еще посмотрим, — сказал Доватор, протягивая руку к потухающему костру. — Как ты думаешь, в чем наша ошибка?

— Чорт ее знает!.. Может быть, не следовало так углубляться?

— Наоборот, надо было уйти еще дальше! Ты пойми: все-таки мы находимся в зоне прифронтовой полосы. Здесь фактически район сосредоточения армейских резервов. Надо быть дураком, чтобы не уничтожить нас. Конечно, нам следовало бы уходить глубже в тыл, в леса Белоруссии. Оттуда мы могли бы совершить любой маневр, любую операцию. Но... — Доватор задорно усмехнулся и умолк.

— Я полагаю, что нам надо прорываться, пока не поздно, — нерешительно заявил Карпенков.

— А я решил пока подождать...

— Ждать, пока совсем окружат?

— Волков бояться — в лес не ходить.

— Так-то оно так... — нерешительно начал было Карпенков, но Доватор договорить ему не дал.

— Именно так. Мы еще задачу не выполнили!..

— Есть связь! — крикнул радист, торопливо записывая радиограмму.

Доватор и Карпенков кинулись к аппарату. Радировал штаб Западного фронта, непрерывно следивший за действиями конницы. Было приказано операции прекратить и выходить обратно.

Но выходить фактически было некуда...

— Немножко поздновато, — проговорил Карпенков. — Ну, да ничего, попробуем! Доватор промолчал.

Алексей только сейчас понял всю сложность обстановки.

За последнее время его не покидало беспокойство о Нине. С момента ухода в рейд они виделись редко. Да и времени не было. Он почти все время находился в разведке, а она целиком была поглощена уходом за ранеными, которых с каждым днем становилось все больше и больше. Сейчас Алексея потянуло к ней. Через несколько минут он очутился около госпитальных палаток. Нина заботливо укрывала буркой раненого. Тот горячо что-то ей говорил, выпрастывая из-под бурки руки, бил себя кулаком в грудь. Подойдя ближе, Алексей узнал Ремизова. Трибунал осудил его: Ремизов получил три года условно. Доватор решил оставить его в части и перевел в комендантское подразделение. Там Ремизов нес службу, как слышал Алексей, исправно, а в последнем бою отличился, но был тяжело ранен.

Увидев Алексея, Ремизов укрылся с головой и затих. Нина встала и пошла Алексею навстречу. Она была сильно утомлена, взволнована. Алексей сразу заметил это и спросил:

— Ты, Нинуха, что такая... туманная? Опять умирает кто-нибудь?

— Нет, Алеша, никто не умирает, только вот Ремизов... — Нина смущенно умолкла. Виновато взглянув на Алексея, она сказала: — Он хочет умереть.

— Да что он, с ума спятил?

— Он говорит, что мы не выйдем из окружения. Гитлеровцы все равно перебьют раненых... А он боится, что немцы его захватят и будут мучить...

Он очень тяжело ранен...

— Полковник никогда раненых не бросит! А в общем, псих твой Ремизов, — решительно заявил Алексей.

— Он такой же мой, как и твой, — вспыхнув, заметила Нина.

— Я шучу, чего ж сердиться? — Алексей ласково взял Нину за руку.

— Я не сержусь, Алеша, — тихо ответила Нина. — Я тебе должна сказать, что... — Нина смотрела на Алексея ясными, открытыми глазами, — что я знаю Ремизова давно. Еще до войны... И ты его тоже видел.

— Вот этого я уж не помню, — пожимая плечами, проговорил Алексей.

— Помнишь Гагры? Ох, какая я тогда была глупая!

— Нет, ты тогда была хорошая, — проговорил Алексей.

...После финской войны Алексей получил путевку в дом отдыха. Жестокие морозы на Карельском перешейке, «кукушки» на деревьях, окутанных инеем, — все это осталось позади. Алексей вскакивал утром с постели раньше других, быстро одевался и бежал на берег моря. С радостью смотрел он, как плещутся, облизывая пляж, шумные волны. Позавтракав, он брал полотенце и с книжкой в руках валялся на песке. Самые жаркие часы проводил в прохладном сумраке биллиардной. Перед ужином азартно играл в волейбол, а вечером любил сидеть в аллее парка и наблюдать за пестрой толпой гуляющей публики. Однажды Алексей с томиком стихов Маяковского сидел на скамейке в тени старой магнолии. Услышав хрустение гравия, он поднял голову и увидел девушку. Она была чем-то встревожена, беспокойно оглядывалась по сторонам. Мельком взглянув на Алексея, она оправила платье, цветом похожее на полевую герань, и села на другой конец скамьи. Она то открывала, то закрывала какую-то книжку в зеленом переплете, а потом, увидев в глубине аллеи молодого человека в сиреневой майке, отложила книгу в сторону... У нее было красивое, совсем юное личико. Молодой человек в сиреневой майке, не дойдя до скамьи, сердито взглянул на Алексея, круто повернулся и пошел, обратно. Алексей хотел было расхохотаться, но, взглянув на соседку, увидел: уткнувшись в книгу, она плакала.

— Почему вы плачете? — смутившись, спросил Алексей.

— Стыдно, вот и плачу! — Девушка, скомкав платочек, решительно вытерла слезы и взглянула на Алексея. — Вы меня извините, смешно конечно...

Ее глаза смотрели доверчиво и смело.

Она захлопнула лежавшую на коленях книгу. Это был Чернышевский — «Что делать?» Встала.

— Вам нравится эта книга? — спросил Алексей. Ему не хотелось, чтобы она ушла.

— А кому она не нравилась? Разве одному русскому царю! — ответила она.

После этого они встречались каждый день, вместе читали, спорили о прочитанном. Рассказали друг другу о своей жизни, но Нина так и не объяснила, почему она заплакала в тот день в аллее, а Алексей не спрашивал.

Расстались они друзьями, поддерживали переписку. Алексей уговорил Нину выбрать район для работы недалеко от расположения его части. Это дало им возможность встречаться, а потом вместе поехать на фронт...

И только теперь, под грохот орудий, в этот тревожный час, она рассказала Алексею, что плакала тогда от стыда и боли, которые ей причинил Ремизов...

В первые, самые счастливые дни пребывания в санатории Нину заметил молодой человек из соседнего дома отдыха. Ему было лет двадцать шесть — двадцать семь. Шелковая майка, серые коверкотовые брюки, бронзовый загар упитанного тела, небрежный зачес вьющихся рыжих волос, изысканность и предупредительность — все это было выставлено напоказ восхищенной девушке. Жорж Ремизов отрекомендовался с простецким молодецеством спортсменом, лектором, руководителем массовых мероприятий, актером-любителем, экскурсоводом и т. д. — бог знает, какими только талантами не обладал этот очаровательный молодой человек. Днем Жорж ознакомил Нину с достопримечательностями курорта и назначил свидание на вечер.

В отдаленной аллее парка, куда Жорж привел Нину, они сели на скамейку. В том состоянии душевного восторга, в котором она находилась, он мог бы, пожалуй, увести ее и на вершину Эльбруса. Однако Жорж, как видно, не чувствовал всей прелести вечерней прохлады, приглушенного шума морских волн. Его горячая, влажная рука обняла Нину за талию, он прерывисто задышал... До того неожиданным было его поведение, что Нина посмотрела на него с недоумением. Студенческий коллектив, в котором она жила и воспитывалась последние годы, уважал и ценил дружбу.

— А ну, прочь! — звонко выкрикнула Нина. Она выскользнула из его объятий и что есть силы пустилась бежать...

— Кажется, я ударила его... Не помню... А вот теперь он просит яду... И мне его жаль, Алеша! У него началась газовая гангрена. Плачет все время. Тебе его не жаль?

— Не знаю, как тебе сказать, — задумчиво ответил Алексей. — Если пусто жил, пусть хоть умрет спокойно... А я и не знал, что он...

Алексей не договорил, порывисто встал и, не простившись с Ниной, крупными шагами пошел на командный пункт Доватора. Нина в холодном оцепенении осталась сидеть под елкой.

«Не поверил!» Эта мысль, как ножом, полоснула по сердцу.

ГЛАВА 19

Это была последняя относительно спокойная ночь. Днем немцы безуспешно пробовали атаковать в разных направлениях конные полки. К ночи выстрелы стихли. В елочных шалашиках, прячась от беспрерывно и нудно гудевшего «костыля», тускло горели огни. Высокие сосны покачивались от ветра, скрипели, перешептывались, как добрые великаны, охраняющие покой тысяч утомленных людей.

В шалашик Алексея сквозь еловые ветки заглядывала яркая звездочка, похожая на одинокого светлячка.

«Вот и докатился до ревности» — размышлял Алексей. И это жестокое, унижительное чувство оскорбляло его. Он не позволял себе в отношении Нины ни одной дурной мысли. Он искренно любил ее и терпеливо ждал, когда их отношения станут более близкими.

Он лежал на спине, закинув руки за голову, и морщился, как от боли.

С жестокой обидой в душе Алексей чувствовал, что не может верить ей. Ложь, притворство всегда вызывали у него гадливое чувство. Алексей укрылся буркой с головой и решил заснуть, но сна не было. Кто-то, шурша плащ-палаткой, прошел мимо шалаша, а потом, раздвигая ветки, заглянул в отверстие.

— Кто это? — спросил Алексей, поднимая голову, и тут же по специфическому лекарственному запаху узнал Нину.

Она сидела у входа в шалаш не шевелясь. Алексей в темноте, не видел, как изменилось ее лицо. Ему почему-то казалось, что она перестала дышать.

— А может быть, все это истерика? — спросил он.

— Какая истерика?

— А вот я перед твоим приходом закатил истерику... — Кому?

— Сам себе... Вот сейчас лежу и над собой смеюсь. Видно, в человеке много всякой дряни... Дикие мысли в голову лезут, а после самому противно...

Нина, положив голову на колени, как это делают дети, тихо смеялась. Она чувствовала, как по ее телу разливалась мягкая, успокаивающая теплота. Это чувство передавалось и Алексею. Ему вдруг стало удивительно спокойно и хорошо.

Утром Гордиенков пришел на командный пункт выбритый, подтянутый, в безукоризненно чистом подворотничке. В глазах его играл веселый блеск молодости и здоровья.

— Ваше степенство именинником выглядит, — шутливо заметил Доватор, любясь его выправкой. — На вечеринку, что ли, собрался?

— На свадьбу, товарищ полковник, — с таинственным видом ответил Алексей.

Лев Михайлович кивнул головой. Все операции в тылу у врага было принято называть «свадьбами».

— Да, у нас теперь «свадьба»! — весело и спокойно проговорил Доватор.

Он сидел на пеньке и как ни в чем не бывало насвистывал, хотя кругом и начинал грохотать неумолкающий шум боя. По лесу раскатывались орудийные громы, трещала хлесткая дробь пулемета. Немцы напирали со всех сторон. Над круговой обороной с самого утра нахально кружился вражеский разведчик, едва не задевая верхушек деревьев. Можно было ожидать бомбежки. В полках же не было ни одной зенитной пушки и запас винтовочных патронов был ограничен. К месту высадки десанта, где наши самолеты должны были сбросить боеприпасы, не представлялось возможным пробиться. Но ни критическое положение, в которое попала конница, ни превосходство сил врага, вооруженного всеми видами техники, казалось, не смущали Доватора. Он, по обыкновению, был оживлен, весело и беззаботно насвистывал. Даже Карпенкова начала раздражать эта непонятная «беспечность». Стараясь не показать своего раздражения, он сказал хмурясь:

— Сквернейшие дела, Лев Михайлович!

— Сквернейшие, — согласился Доватор. — Он нам флажки готовит, как волкам... Хорошо бы вышло, если бы он на нас еще дивизию бросил. Очень было бы хорошо!

— Надо все-таки искать выход, — как бы вскользь заметил Карпенков, не обращая внимания на последние слова Доватора.

А выход был один: пробиваться болотом, но тогда пришлось бы бросить около четырех тысяч коней.

— Вот ты и поищи... — Доватор усмехнулся.

И тут же неожиданно распорядился:

— Слушай, Андрей, прикажи Атланову: пусть он полк майора Осипова отведет от высоты, которую тот обороняет, метров на семьсот-восемьсот в лес.

— Отдать высоту немцам?! — Карпенков с трудом перевел дух. — Это же...

— Отдать немцам! Пусть берут, — спокойно сказал Доватор.

— Да немцы уже два дня пытаются овладеть ею! Они тогда полезут в просеку и будут просачиваться по краю болота. Нельзя допустить этого!..

— Ну и что же? Иди, Андрей, выполняй немедленно приказ! Еще раз повторяю: полк Осипова переходит на второй рубеж обороны.

Карпенков сорвался с места и побежал к офицерам связи.

— Майора Осипова и комиссара Абашева ко мне! — крикнул ему вслед Доватор.

Он было хотел объяснить Карпенкову тактический смысл этого приказа, но тот не стал дожидаться и ушел. Льву Михайловичу было досадно, что умный и восприимчивый начальник штаба не понял сразу его замысла. «Утомлен», — подумал Доватор. Карпенков действительно не спал уже несколько ночей, и сам командир кавгруппы не помнил, когда он нормально отдыхал. Поджидая Осипова и Абашева, Лев Михайлович завернулся в бурку и прилег под дерево и вдруг, вспомнив что-то, засмеялся. Сегодня, под утро, накинув на плечи плащ-палатку, он отправился на линию обороны с целью проверить бдительность караула. В первую очередь он решил побывать на сторожевой заставе, выставленной полком Осипова. Бесшумно пробираясь по кустам, Доватор наткнулся в темноте на часового с подчаском.

Казачи сидели в густых елочках и тихо переговаривались.

— Наш командир всех бы фрицев порубил, — слышался голос из кустов, — да ему полковник нахлобучку дал и приказ отменил. «В плен, — говорит, — бери». Ну и набрал полторы сотни. Они сигарки курят да над нами похихатывают... Командир полка мимо проходит, аж зубами скрипит...

Доватор неловко повернулся и зашумел плащом.

— Стой! Пропуск! — раздался грозный окрик.

Доватор назвал. Однако часовой щелкнул затвором и приказал ложиться. Лев Михайлович повторил пропуск.

— Ложись! — требовательно крикнул часовой и поднял приклад карабина к плечу. Доватору ничего не оставалось делать, как покорно лечь на грязную болотистую тропку.

— Хлопцы, я полковник! — начал он было, но это привело только к тому, что казак пригрозил пристрелить его, если он будет разговаривать.

Подчасок побежал за начальником заставы.

Пришлось лежать без движения в грязи и ждать, когда явится начальник заставы. Оказалось, что установленный с вечера пароль был скомпрометирован и заменен другим. Доватор в это время отдыхал, и Карпенков не стал его тревожить. Когда Лев Михайлович разобрался в этом деле, он посмеялся от души и объявил казаку благодарность.

О каком приказе толковали казаки, Доватор не знал. Мельком он слышал от Карпенкова, что Осипов «сочинил» какое-то нелепое распоряжение, но в жизнь его не провел: помешал комиссар Абашев. Лев Михайлович решил выяснить, что это был за приказ, и вызвал Осипова и Абашева.

Получив распоряжение отступить от высоты в лес, Осипов взволновался. Накануне его полк отбил пять немецких атак. Эскадроны, занимавшие на этой высоте оборону, несколько раз ходили в контратаку. Люди защищались настойчиво и упорно, и вдруг приказ: «Отдать высоту». Антон Петрович вскочил на коня и карьером помчался в штаб дивизии.

— Не понимаю! Объясните, что это такое! — накинулся он на начальника штаба Коврова. Тот улыбался, сверкая золотыми зубами. Худощавая фигура капитана показалась Осипову еще суше, невзрачней. Серые глаза поблескивали хитро и вызывающе.

— Если разобраться, не горячась, так и любой ефрейтор поймет, в чем дело! — Капитан достал из сумки приказание Доватора и показал его Осипову. — Мне, например, все понятно! Поезжайте к командиру группы, объяснитесь. Кстати, он вас вместе с комиссаром вызывает...

Осипов вместе с Абашевым поскакал к Доватору.

— Высотку по вашему повелению отдал! — здороваясь с Карпенковым, запальчиво проговорил он, не слезая с коня.

— Тише! Полковник отдохнуть прилег — он уже третью ночь не спит... А насчет высоты сейчас поговорим, я и сам думаю, что зря отошли.

Доватор не спал, он слышал весь разговор. Сдернув с головы бурку, приподнялся на локте, спросил:

— А завалы на просеке сделал?

— Еще вчера, товарищ полковник! — отвечал Осипов.

— Добре! Слезайте с коней.

Осипов и Абашев спешили, передали коней коноводам.

— Значит, вы, Антон Петрович, решили засучив рукава драться до последнего? Это похвально... Но какая от этого польза? — Доватор вопросительно посмотрел на Осипова, потом на Карпенкова.

— Мы занимали выгодную в позиционном отношении высоту. Она

прикрывала выход к лесу, держала под обстрелом три дороги и просеку, — ответил Карпенков.

— Мало того, нам уже нет выхода из лесу! — подхватил Осипов. — Я выполнил приказание — отошел. Теперь у меня справа болото, слева бурелом. Просеку я завалил, ну и заколотили себя, как крышкой в гробу... Недаром вчера немцы пять раз бросались в атаку.

— Надо было еще вчера отойти. Моя ошибка, — задумчиво проговорил Доватор.

— В чем же ошибка, Лев Михайлович? — спросил Абашев.

— В том ошибка, что не следует делать того, что хочет противник. Он хочет уничтожить нас, а для этого добивается, чтобы мы остались без патронов. Он знает, что в лесу мы будем бить его прицельно, из-за каждого дерева. Поэтому-то он и навязал нам бой за эту высотку. Она ему не нужна. Рано или поздно она досталась бы ему и так. Посмотрим, как он будет наступать в глубине леса... Ты, Антон Петрович, сколько вчера патрончиков израсходовал?

— Порядочно, — нехотя ответил Осипов.

— А сколько перебил немцев?

— Не подсчитывал. Отступил... И вообще я не понимаю, что мы сейчас делаем... — Антон Петрович замолчал и смотрел в сторону.

Усталое лицо Доватора, казалось, совершенно некстати озарилось улыбкой. Косые лучи сентябрьского солнца падали на его небритую щеку.

— Так ты не понимаешь, что мы сейчас делаем? — повернувшись к Осипову, спросил Доватор.

— Не понимаю... — неуверенно ответил Антон Петрович.

— Сражение выигрываем! — Резким движением плеч Лев Михайлович натянул бурку до самого подбородка. Улыбка исчезла с его лица. — Да! Выигрываем битву, — повторил он отрывисто и нахмурился. Обычно последовательного в своих мыслях и поступках, сейчас его никто не понимал. Все чувствовали смущение и неловкость.

За лесом хлестнул многоголосый залп немецкой артиллерии. Неподалеку трещали винтовочные выстрелы, заглушая тоскливое ржание измученных, голодных коней.

Карпенков, встряхнув головой, настороженно прислушался. Осипов, сорвав еловую шишку, вертел ее в руках, остро поглядывая на своего комиссара. На большаке слышался отчетливый гул танковых моторов. Прислонившись к елке, Доватор чувствовал, что она вздрагивает, словно живая.

— Танки идут, — спокойно сказал Абашев.

— Это не похоже на выигрыш битвы... — процедил сквозь зубы Осипов.

— Нет, похоже! — возразил Доватор. — Это, черт возьми, победа! — Отбросив полы бурки, Лев Михайлович порывисто вскочил и, весело постукивая шпорой о шпору, продолжал: — Это просто замечательно! Пехотой он нас не прогнал, танки пустил, теперь пусть бросит несколько эскадрилий авиации, — будет совсем хорошо!

— Да чего же тут хорошего? — раздраженный неуместно шутливым тоном Доватора и всеми событиями дня, спросил Осипов.

— А почему же плохо? — быстро спросил Лев Михайлович. — Мы разбили одиннадцать гарнизонов, сожгли сотни машин, десятки мотоциклов, одиннадцать танков, перебили сотни фашистов. Это хорошо или плохо?

— Хорошо, — подтвердил Осипов. — А вот теперь нас...

— Вот теперь-то мы как раз выиграли самое главное, — перебил Доватор. — Две тысячи пятьсот убитых солдат не играют той роли, какую могут играть пять дивизий, которые гонятся за нами несколько дней. Мы их сковали, значит облегчили положение на фронте, значит затормозили наступление на Москву!.. Немецкое командование передает по радио, что прорвались в тыл сто тысяч казаков. Пусть бросают на нас столько же. Будем маневрировать, тащить немцев в лес, в болото. Мы зашли в глубину тыла на сто километров и прошли бы еще дальше!.. Так вот, друзья мои, куда проще бить его в самом лесу! И людей сохраним и патроны сбережем!..

— А ведь подкузьмил! — шепнул Абашев Осипову. Майор, закусив губу, смотрел в сторону и помалкивал.

Ему хотелось ударить себя по лбу рукояткой нагайки: как это он раньше не мог понять такой простой вещи!

— Теперь вот что мне разъясните: с каких это пор командир полка решил отменять приказания вышестоящего командира? — спросил Доватор, поглядывая на Осипова.

— Приказание мы выполнили, — сказал Осипов,

— Вы пленных кормите? — спросил Лев Михайлович.

— Кормлю шашлыком из конского мяса, и сам его ем...

— А почему майор Осипов в день прорыва отдал какой-то невероятный приказ? Это как называется? — продолжал Доватор.

— Это называется: кровь за кровь, — твердо выговорил Осипов.

— А воинская честь?! — крикнул Доватор.

— Это кровь моей родины... кровь моих детей, — отвечал Антон

Петрович. Трясущимися пальцами он отстегнул пряжку полевой сумки, достал письма. Подавая Доватору, глухо сказал: — Вот почитайте, что тут написано!

Доватор взял письма. Одно было от сестры Осипова, второе — от жены. Вот что писала сестра Антона Петровича:

«Милый Антон, не знаю, с чего начать. Я получила от Вали последнее письмо в августе и посылаю его тебе. Оно — последнее, и больше не будет. Короче говоря, будь мужественен и перенеси свое горе как настоящий командир. Скрывать я не могу, да и сил у меня нет. В том госпитале, где я работаю, находится твоя дочурка Варя. Ее привезли вместе с другими ранеными детьми неделю тому назад. Она мне рассказала, что они выехали из Н-ска в июле. По дороге на их поезд налетели фашистские самолеты, сбросили бомбы, а потом спустились парашютисты, захватили эшелон и начали всех выгонять из вагонов и грабить. В чемодане Вали они нашли фотокарточки, где ты снят в форме майора с нею и с детьми. Тогда Валентину в числе других отвели в сторону и тут же расстреляли. У нее на руках был Виктор. Убили и его тоже. А Варюшка была ранена бомбой и лежала в сторонке. Потом пришел наш военный эшелон с бойцами, они немцев прогнали, подобрали раненых, в том числе и Варю. Сейчас она лежит на койке, одной ножки у нее нет, оторвало бомбой. Она меня все заставляет писать тебе. Я писала, но писем отправить сразу не могла, как-то страшно было...

Милый Антоша, прости меня за такое письмо, я больше молчать и обманывать не могла. Отомсти за жену и за своих детей. Крепко целуем тебя вместе с Варей!..»

Читая письмо, Доватор плотно сжал губы. Крутой, нависший над переносицей лоб как будто увеличился, резче обозначились на нем морщины. Дочитав письмо, он молча передал его Карпенкову и вынул из конверта второе.

Второе письмо было написано раньше первого, женой Осипова:

«Дорогой папочка, мы сидим за столом и пишем тебе письмо — Витька, Варя, бабушка и я. Все диктуют, подсказывают, совсем закружили меня и запутали. Не знаю, что и писать. Но все это оттого, что мы очень о тебе скучаем и хотим тебя видеть. Витька диктует: «Папка, если ты не можешь к нам приехать, то мы приедем к тебе всей командой, и ты обязательно должен покатать меня на своей лошадке». — «Витька будет держаться за хвост», — вставляет Варя. Ты ведь знаешь, она всегда что-нибудь придумает! За последнее время стала изображать из себя взрослую барышню. Цветет она, как маковка. С Витькой живут они очень дружно,

заберутся в угол и шепчутся — все мечтают, когда ты приедешь и как они будут тебя встречать. Такие прекрасные ребята: все понимают, все чувствуют. Ты не подумай, что я восторгаюсь ими как мать. Свои дети, — как говорят, — всегда лучше. Нет, мне с ними так хорошо, что я забываю все тяготы жизни в военное время. Когда я прихожу с работы, они, как могут, стараются мне помочь. Собираемся сейчас в путь-дорогу. Видимо, придется остаться под Москвой, у Ольги на даче. Я думаю, что туда немцев вы не пустите. Так много хотелось написать, а одну страничку исписала и не знаю, что еще сказать. Говорить о том, как мы тебя любим, — ты это сам давно знаешь. По этому адресу писем больше не посылай, пиши на Ольгу...»

— Звери-фашисты! — негромко сказал Карпенков.

Осипов, перебирая пальцами пуговицы на воротнике гимнастерки, глубоко и трудно вздохнул.

Доватор поднял голову и взглянул на Карпенкова.

— Суд народа над этим зверьем будет беспощаден. И мы этим докажем силу советских людей. Бей до тех пор, пока враг не сложил оружие, но стрелять в безоружного человека... — Лев Михайлович не договорил и покачал головой.

— Правильно, — тихо проговорил Осипов и провел ладонью по лбу. — Бывают, Лев Михайлович, такие думы — отцу родному не выскажешь...

— Не надо было молчать, Антон Петрович, — мягко проговорил Доватор, думая о том, что сам он никому не сказал о своих стариках, оставшихся в Белоруссии...

ГЛАВА 20

Утром 2 сентября из операции возвратился подполковник Плотвин. Лев Михайлович говорил с ним с глазу на глаз.

Подполковник пробрался сквозь кольцо окружения каким-то чудом и привел с собой батальон бойцов и командиров, попавших с первых дней войны в окружение. С ним же пришел и партизанский отряд, организованный из местного населения.

— Значит, болото непроходимо? — вода карандашом по карте, спросил Доватор.

— Сплошная трясина — едва не утонули. Шли по пояс в воде, — отозвался Плотвин. — В пешем строю еще можно попробовать...

— Вы, подполковник, читали «Холстомера»?

— Слышал... знаю, Толстой написал, но читать не читал, — смутился Плотвин.

— А «Изумруд» Куприна читали? Когда печатался роман «Гарденины»^[1], читатели присылали в редакцию журнала телеграммы с оплаченным ответом: «Как здоровье «Кролика»?» А вы мне предлагаете бросить четыре тысячи коней! Немцу я их не оставлю... Может, перестреляем? В болоте утопим?..

Плотвин нервно поморщился и отвернулся.

— Вы и теперь, конечно, убеждены, что весь наш поход — авантюра... Помните наш с вами разговор?

Мимо них, с водопоя, по тропинке тянулись завьюченные казачьи кони с впалыми боками. Бойцы несли в руках брезентовые ведра, а подмышкой — снопики пожелтевшего осота. Вытягивая шеи, кони поворачивали головы и жадно хватали осот отвислыми губами.

— Вы ошибаетесь, Лев Михайлович! — Плотвин покачал седеющей головой и взглянул прямо в лицо Доватору. — Рейд по тылам немцев я считаю блестящей операцией и уверен теперь, что бить гитлеровцев можно где угодно. Поэтому должен вас поблагодарить... Вы многому научили меня! Главное — быть уверенным в себе и верить в людей.

Доватор развернул карту и указал на замкнутое кольцо окружения.

— А это?

— Это? — Плотвин пожал плечами. — При действиях в тылу у противника вполне естественное и легко объяснимое положение. Выбираться надо, Лев Михайлович.

— Спасибо! Я рад, что не ошибся в тебе! — Доватор крепко пожал Плотвину руку. — Будем выбираться!

Два дня радисты бились над аппаратом, стараясь передать сообщение Доватора, но штаб фронта передач не принимал. Рации капризничали: на прием работали, а передача не получалась. К Доватору прибежал бледный, с трясущимися губами радист и подал шифровку:

— Товарищ полковник! Только что принял: немецкая, от вашего имени!..

Доватор прочитал радиogramму, лицо его исказилось. Немцам стало известно место высадки десанта. Оно находилось за непроходимым болотом в Демидовских лесах. Туда была отправлена только небольшая группа разведчиков под командованием Захара Торбы, которая должна была сигнализировать самолетам и прикрыть высадку. Разведчиков было всего девять человек с одним ручным пулеметом.

— Положение, товарищи, сложное, — сказал Доватор, собрав командиров на совещание. — Немцам известно, что должна высадиться десантная группа. Они, разумеется, расстреляют парашютистов в воздухе и захватят груз, имеющий специальное назначение, а также боеприпасы, предназначенные для нас и для окруженной части, находящейся в лесах Белоруссии. Операция должна состояться завтра, в восемь часов утра. Нет никакого сомнения в том, что немцы придут, чтобы встретить наши самолеты. Мы не в состоянии этому помешать, у нас потеряна радиосвязь, и все же... — кулак Льва Михайловича мелькнул в воздухе, — и все же мы обязаны выручить десантников!

Взглянув на Плотвина, Доватор спросил:

— Как вы думаете, подполковник?

— Обязаны выручить, — отозвался Плотвин.

Осипов тер ладонью небритую щеку, хмуро молчал. Ничего не могли ответить и другие. Обстановка была ясной и по существу безвыходной, но Доватор напряженно ждал ответа. Он был сильно возбужден, на губах мелькнула усмешка.

— В пределах обычных норм, военных правил и представлений, — сказал он, — задача неразрешимая, и немцы с полным основанием могут торжествовать. Но нет такого положения, из которого не было бы выхода. Гитлеровцы прежде всего догматики и педанты. Они рассуждают так: «Мы окружили группы кавалеристов, отрезали их друг от друга и ликвидировали опасность соединения с десантной группой. Дело выиграно, беспокоиться не о чем. Конницу мы уничтожим методически, десант ликвидируем завтра». Прибудут они к месту высадки десанта точно к сроку, минут за пятнадцать-двадцать до восьми... Готов держать пари, что это будет именно так!

Карпенков посмотрел на Доватора с недоумением.

— Пусть немцы прибудут даже в девять, в десять, — они все равно не опоздают.

— Может быть, может быть... — согласился Доватор и тут же быстро добавил: — Распорядись, начальник штаба, чтоб во всех полках и эскадронах зажгли небольшие костры!

Командиры, переглядываясь, невольно поднимали головы к небу: над лесом непрерывно гудел «костыль».

— Вы это всерьез, Лев Михайлович? — шопотом спросил Карпенков.

— А мы, по-моему, всегда всерьез приказываем!.. Зажечь костры и варить обед, накормить людей и приготовиться к маршу. По местам, товарищи командиры, — будем палить костры!..

Над верхушками деревьев повисла густая, смешанная с дымом пелена тумана. Стрельба утихла. В тихом шелесте леса и треске сучьев внятно слышался сдержанный людской говор, звон котелков, лошадиное всхрапыванье.

Сидя у костра, Доватор сквозь редкие кусты видел, как разведчики свеживали конскую тушу. «Значит, поджариваем шашлычки...» Из накопившихся за день впечатлений перед ним теперь начал вырисовываться неясный, тревоживший душу вывод: как он сумеет выйти из создавшегося положения? Что думают обитатели этого чутко настороженного леса, готовящиеся варить конское мясо, когда кругом затаились враги? Жуткой и враждебной казалась эта зловеющая тишина. Доватор понимал, что когда костры разгорятся, немцы обнаружат их и накроют артиллерийским налетом. Надо было во избежание излишних жертв немедленно уходить. Но люди были истомлены, голодны, а предстоял тяжкий, требующий нечеловеческих усилий путь через болото... На душе у Льва Михайловича было угнетающе тяжело, однако подошедших к костру Алексея, Нину и Катю он встретил приветливо.

— Присаживайтесь, девушки!.. И ты, Алеша, садись... Как это в песне поется: «Сядь-ка рядом, что-то мне не спится, письмо я другу нынче написал, письмо в Москву, в далекую столицу...» — Последние слова Лев Михайлович произнес как-то очень серьезно, задушевно.

Помолчали. Неожиданно Доватор порывисто поднялся. Взглянув на часы, круто повернулся и зашагал в темноту.

От костров летели вверх искры, потрескивая, взвивались до самых макушек елей, мерцали и гасли, точно крошечные звезды.

Немцы сделали в разных направлениях несколько артналетов и неожиданно затихли.

— Дай, немец, хоть махану зварить, матери твоей чорт! — ворчал Шаповаленко.

Засучив рукава, он потрошил убитую снарядом лошадь. Ему помогли Яша Воробьев и Буслов. Салазкин и дед Грицко разжигали костер. Петя, весь выпачкавшись в винтовочном масле, потел в сторонке над сборкой автомата.

Измученные непрерывным обстрелом, бомбежкой и голодом, казаки весело приняли разрешение палить костры. У костров тотчас собрались люди, прилаживали котелки, жарили на шомполах шашлыки. Ночной костер в лесу всегда располагает к благодушию.

— А зараз стал бы ты исты борщок? — спрашивал Филипп Афанасьевич Яшу. — Ну, такой украинский борщок: с петрушечкой, с

баклажанчиком, с укропчиком, огурчиком, лучком, перчиком?..

— Нет, — ответил Яша. — Пельмешки сибирские, вот это да!

— А ежели уточку, испеченную в золе, на охоте? — вставил Буслов.

— Тилько в борщок я покладу не свининку, а кусочек от цего сивого меринка, — продолжал Шаповаленко. — Добрый был конек, помяни господь его душу!

— Пока ты колдуешь над костром, они тебе покажут. Смотри, опять!.. — Салазкин не договорил. Неподалеку с грохотом разорвался снаряд.

— Тушите костры! Что, в самом деле? — крикнул Салазкин.

Казачи притихли. Некоторые нерешительно подбрасывали в огонь мелкие веточки. Буслов подошел к Салазкину, тихо, но внятно проговорил:

— Костер велел разложить полковник и тушить не приказывал. Он тоже жгет — и бумагу пишет, умирать не собирается.

Отойдя в сторону, он взял охапку хвороста и бросил на костер. Огонь, подхватывая сухие ветки, буйно взмыл кверху. Послышался довольный смех. Распахнув полы бурки, положив руки на плечи деду Грицко, у костра стоял Доватор.

— Хорошо у огонька! — оглядывая вскочивших было казаков, проговорил Лев Михайлович. — Ничего, хлопцы, сидайте!

— Ты, Левон Михайлыч, в этой одежине на медведя похож. Напугаешь! — Дед Грицко потрогал бурку и, повернув к Доватору голову, тихо спросил: — Скоро?

— Скоро, — сказал Лев Михайлович. Наклонив голову к деду, он стал его о чем-то тихонько расспрашивать.

— Нет... Не собьюсь, но путь поганый. Топь, мочаги — трудно будет, — отрывисто отвечал дед Грицко.

Казачи прислушивались.

— Сначала будет гарь, а потом тропка... Стало быть, проведу, раз надо! Про дочку слухов нет?

— Она выполняет важное задание, папаша! — Доватор встряхнул головой. Обращаясь к казакам, сказал: — Споем, хлопцы, песню!

— А немцы услышат — и бомбить будут, — раздался звонкий голосок Пети.

Казачи засмеялись. Доватор оглянулся. Петя, поджав под себя ноги, сидел под елкой и прилаживал за спиной автомат.

— Ты что ж, Петр Иванович, робеешь? — спросил Доватор.

— Нет, не робею. Маскировка — вот что! — ответил мальчик.

Лев Михайлович встал, посмотрел на часы, потом на Петю.

— Выходит, Петр Иванович, нам петь некогда!.. Приедем на Большую

землю — споем! — Взмахнув полой бурки, как черным крылом, Лев Михайлович закрыл Петю с головы до ног, коротко бросил: — По коням! — Кивнув на костер, добавил: — Хворосту накидать больше, — пусть ярче горит!

...Вот они, смоленские мочаги!.. На десятки километров разлилась гнилая, покрытая мхом, зеленоватая жижа. Кое-где на кочках чахлый кустарник да редкие хилые сосенки, покрытые серым лишайником. Люди ведут коней в поводу. Передовой отряд идет не цепью, а скорее плывет беспорядочной массой. Кони с трудом вырывают ноги из топи, храпят, вытягивают головы, отфыркивая горячими ноздрями вонючую болотную воду, и тяжело дышат. Люди, увязая по пояс в болоте, несут на носилках раненых. Некоторые из раненых лежат неподвижно, с головой укрывшись плащами, словно мертвые, другие, бледные, с истомленными лицами, тревожно поглядывают на серую болотную муть. Для казака, раненного в ногу, приспособили особый вид транспорта: из срубленных клинками елочек санитары сделали волокушу, и на ней завернутый в плащ-палатку лежит раненый. Он привязан веревками. Волокуша то и дело попадает на кочки, валится то на один бок, то на другой. Какое же надо иметь терпение человеку с перебитой ногой, чтобы даже не застонать при таком способе передвижения! Тишина должна быть мертвой. Что стоит немцам повесить над болотом ракеты на парашютах и сыпать на голову конникам фугаски, расстреливать их из пулеметов?..

Судорожно бьется провалившийся в топь красавец-дончак и грузнет по маклаки. Яша Воробьев ходит вокруг него, сам мокрый до пояса, и уговаривает:

— Ну, милый, еще маленечко, родной! Там посуше будет! — Но конь только устало вытягивает голову и не шевелится. — Говорят, Сибирь страна плохая... Эх, милай!..

Подходят Буслов, Шаповаленко и другие. Пытаются общими усилиями вытащить коня, но он все глубже и глубже уходит в болото. Яша дергает коня за повод, потом швыряет конец повода в грязь и устало опускается на кочку.

— Хана, ребята! — говорит он, с ожесточением вытирая вспотевшее лицо.

— Погано, что и говорить, — подтверждает Буслов. — Это не поход, а горе!

— Ой, горе, мое горе, у меня був муж Егорий, а у ней муж Иван, не дай боже его вам!

Филипп Афанасьевич и тут не может отказаться от балагурства. Его Чалый чутьем выбирает какой-то свой, особенный путь. Если и ошибется — провалится, то сейчас же напрягается весь и выбирается из трясины.

— Молодец, Чалый! Ты у меня плаваешь, як гусь на воде! — Чалый подхватывает с кочки клок серого мха и аппетитно жует...

Доватор стоит неподалеку, по колено в воде, с расстегнутым воротом. Он все видит, слышит разговоры. К нему подходят Осипов и Гордиенков. Подполковник Карпенков и дед Грицко присели под чахлой сосенкой. Доватор оглядывает едва заметную, с прогнившим настилом тропу, всматривается в зловещую болотную даль. Сзади лес полыхает заревом костров, небо освещается зелеными вспышками немецких ракет. Вверху кружатся и пронзительно режут «Юнкерсы».

— Ну как, Антон? — спрашивает Доватор у Осипова.

— По-честному, Лев Михайлович?

— Только по-честному!

— Дело совсем дрянь...

— Не пройдем?

— Невозможно, — решительно отвечает Осипов. — Колонна растянулась. Если нас застанет утро... — Антон Петрович машет рукой.

— А ты как думаешь, Андрей Карпенков? — Доватор, хлюпя сапогами, идет к нему.

— Тяжело, Лев Михайлович! Эх вы, кони, мои кони!..

Карпенков снимает сапог и выливает из него воду.

— Какое же вы посоветуете принять решение, товарищи командиры?

— напористо спрашивает Доватор. — Бросить живых коней в болоте? Оставить немцам?

Командиры молчат.

— По праву, принадлежащему мне, я должен приказать, — говорит Доватор сурово, — рубить коням головы. Первым будет пробовать свою шашку майор Осипов. Ну, простись с Легендой, Антон Петрович... Ну?

— Дальше что, Лев Михайлович? — тихо спрашивает Осипов.

— Дальше? — Доватор зло усмехается. — Мы все равно можем не успеть. Немцы перебьют десант, захватят груз. Ведь после болота нам необходимо совершить марш в двадцать километров. Это можно сделать только на конях, а если будем идти в пешем строю, то люди, как только выйдем на твердую землю, попадают от усталости... Я думаю, где человек прошел, там и конь должен пройти. Вот так, друг мой!..

Рядом, словно из-под земли, вырастает дед Грицко, высокий, величавый, со спустившимися на лоб седыми космами.

— Ну, что ж, хлопцы, вперед, отдохнули! Ничего, пройдем, бывало хуже! — Опираясь на палку, старик пошел вперед.

— Шагом марш! — хрипло скомандовал Доватор. Он схватил за повод ближайшего коня. — А ну-ка, родной!

Конь со стоном вырвал ноги из топи и, рассекая вонючую жижу, пошел вперед. И снова зашевелились, захлопали мочаги. Люди и кони шли вперед, вперед, скрываясь в сером тумане.

ГЛАВА 21

На опушке леса майор Круфт вместе с другими офицерами вылез из легковой машины и стал обозревать местность. Здесь его батальон должен был устроить засаду и ждать появления русских парашютистов.

Когда майор, расшифровав радиограмму, нарисовал на карте кружочек, где должен был высадиться десант, этот кружочек выглядел очень красиво. Полянка, обозначенная на карте, была величиною с пфенниг, кругом нее обвивалась веселенькая зелень леса. И майору казалось: расстреливать в этом приятном месте болтающихся в воздухе беспомощных людей — одно удовольствие. Поэтому Круфт настойчиво упрасивал своего родственника, полковника Густава Штрумфа, назначить его главным лицом по проведению операции.

Он знал: крест ему будет наверняка обеспечен, а также и должность коменданта в одном из районов Москвы.

Однако, когда он прибыл на место и окинул взором поляну, настроение его изменилось в худшую сторону. Поляна выглядела совсем не так, как на карте: она показалась майору суровой и мрачной, затерянной в лесной глуши. Посредине стоял заросший бурьяном сарай. Со всех сторон поляну окаймлял дремучий лес, и она показалась майору похожей на гигантскую косматую русскую шапку, положенную верхом вниз.

Сырое туманное утро. Над высокими могучими елями и стройным, как желтые восковые свечи, мачтовым сосняком низко плыли рваные облака. Майор поежился, точно эти облака вползали к нему под резиновый плащ и леденили спину.

«Если русские не дураки, — подумал майор, — то они, разумеется, не полетят в такую погоду...» Ему сейчас куда больше улыбалось сидеть в теплой крестьянской избе, чем торчать здесь, в каком-то диком лесу. Четыреста солдат, отданных в его распоряжение, казались в этом лесу ничтожной силой, и железный крест не имел уже той привлекательности,

как еще вчера.

Круфт отдал распоряжение младшему офицеру прочесать опушку леса, а к сараям протянуть связь. В нем он наметил место для командного пункта.

Однако он не знал, что в сарае сидели разведчики и чистили к завтраку картошку. Они находились здесь уже вторые сутки и с присущей фронтовикам быстротой обжили это неуютное местечко. Вдоль стены устроили из сена и еловых веток постели; на каждой лежала скатанная шинель и плащ-палатка. Все было под рукой, — сегодня ожидался десант. В углу сарая была устроена сигнализация: на конце красного немецкого телефонного провода висела порожняя консервная банка, а провод тянулся к посту. В сарае находились Торба, Павлюк и еще три казака. Остальные несли караульную службу.

— Варить пойдете в лес — место выбирайте, где погуще кусты, и щоб ни якого дыму. Понятно? — приказывал Торба.

— Как же можно варить без дыму, извините за выражение? — спросил Павлюк, искоса поглядывая на Торбу.

— Очень просто: наломать сухого орешнику.

— А орешник что тебе — бездымный порох?

— Сказано: без дыму — и все! — отрезал Захар. — А не хочешь — сиди без горячего и жуй сырой концентрат.

— Нет, милый, как варить без дыму, я не знаю.

— А Суворов «незнаек» заставлял звезды считать... Да разве прикумские это могут понять?

— Что — прикумские? У нас в Прикумщине... — горячился Павлюк.

— Знаем — известные пьяницы! Кислое вино хлещут и сушеной дыней закусывают, а она твердая, як сыромятный ремень...

Вдруг консервная банка взлетела вверх и со звоном ударилась о стенку сарая.

— К бою! — крикнул Торба, сорвал с плеча автомат и бросился к выходу. За ним выскочили и другие.

По опушке леса, с трех сторон, в серо-зеленых френчах, поблескивая штыками, цепью шли немцы, катили станковые пулеметы, тащили на плечах минометы. Одна группа шла от опушки леса в направлении сарая и тянула провод. Заметив разведчиков, немцы остановились.

— Павлюк! Посты снимать, и всем в лес! — Вскинув автомат к плечу, Захар дал несколько очередей. Немцы попадали.

Разведчики, пригибаясь, отходили к лесу. Им надо было пробежать двести метров. Торба понял, что если не прикрыть товарищей, го они все

полягут на открытом месте.

Немцы начали бить по сараю из автоматов. Пули ударялись в стены, откалывая мелкие щепки. Захар, спрятавшись за дверь, продолжал отстреливаться. Что-то со звоном ударило по каске, словно тяжелой дубиной; у него потемнело в глазах. Захар на мгновение потерял сознание. Когда он открыл глаза, первое, что услышал, — это крики немцев. Захар снял с головы каску. Шею заливала кровь, но боли он не чувствовал. Схватив автомат, он заполз в сарай и прилег в дверях. Он видел, немцы приближаются. Думая, что в сарае никого нет, они шли во весь рост. Торба дал длинную очередь. Несколько человек упало, а остальные повернули назад. Пробежав несколько шагов, немцы, крича и ругаясь, залегли.

— Ага, бежите, гады! — Захар снова нажал спусковой крючок. Последовала короткая очередь, и автомат умолк. Вытащив пустой диск, он сунул его в пристегнутый к поясу колпак. В эту минуту он вспомнил своего друга Филиппа Афанасьевича. «Нет, теперь Филипп Афанасьевич на меня не обиделся бы!» Он был уверен, что будет жить. Он еще увидит своего друга и родную Кубань, земляков и товарищей. Голова работала с необычайной отчетливостью. Ему вдруг представилось, что он стоит на трибуне: кругом флаги, народ, а он говорит какие-то горячие слова, от которых жжет в груди. Впереди всех стоит Анютка.

Тут он увидел перебегающих немцев. Он снова нажимает спусковой крючок и начинает бить короткими очередями. «Патроны беречь надо, — мелькает у него в голове. — Ага, бегут!» Его охватывает бурная радость... Пронзительный вой мины, страшный треск — и Захар проваливается во мрак и тишину...

Майор Круфт стоял между офицерами, жевал сигару и беспокойно поглядывал на груды обломков, оставшихся от сарая. Победа досталась дорого. Шесть солдат были убиты и одиннадцать ранены, а русских оказался всего один!..

— Где ж остальные? — спрашивал Круфт офицеров.

Те уклончиво пожимали плечами. Майор достал блокнот для срочных донесений и записал. «Группа «Клоппенбург» 26/59 8.00.3.9.41. В районе отметки 93,5 неожиданно встретил засаду противника в составе одной казачьей роты...» Вспомнив, что он уже отправил одно донесение, гораздо скромнее, а также послал «подарок», о каком полковник Штрумф не мог и мечтать, майор захлопнул блокнот, но положить его в карман не успел...

Дремавшие деревья вдруг обрушили на головы немцев свинцовый ливень. Невидимые пулеметы били со всех сторон с упорным

ожесточением, а от опушки леса бежала засада немцев. За ней мчались всадники, каких майору никогда еще не приходилось видеть. По ветру развевались широкие черные плащи, словно крылья могучих птиц. Один всадник мчался впереди всех на горбоносом коне необыкновенной масти. Круп и шея коня были белые, а ноги черные. Всадник молниеносно взмахивал кривой шашкой то вправо, то влево. У всадника была густая, всклокоченная борода, длинные усы, а на голове круглая, как колесо, мохнатая шапка.

«Доватор! — мелькнуло у майора в голове. Майор был не очень-то религиозным, но в эту минуту мысленно помолился богу и быстро спрятался под обломки сарая...

Почти сейчас же Круфт, немного понимавший русский и украинский языки, услышал грозные выкрики:

— Ну, где вин був? Тут, або за вами побиг?

— Здесь. Банка консервная засигналила и... — отвечал Павлюк, стараясь держаться подальше от рассвирепевшего Филиппа Афанасьевича.

— Яка банка? Яка?.. Ты мне кажи, злыдень, где Захара кинув? — Филипп Афанасьевич яростно топал ногами и грозил плеткой. — В трибунал! Под суд! До командира дойду! — Он лазил по бурьяну, заглядывая под каждый куст, кричал, волновался, но труп Захара нигде не было. Казаки раскидали бревна, выволокли спрятавшегося майора. Тела Торбы не оказалось и под обломками сарая.

— Це птица, видно, с большими крыльями... Обыскать!

Шаповаленко стоял перед майором, покручивая усы. После ночного похода он был в грязи до пояса.

Во главе с Доватором подходили группы командиров. В их числе были майор Осипов, Карпенков, дед Грицко и низкорослый, плечистый, в морской фуражке командир партизанского отряда.

— Ты, дядя Филипп, поговорил бы с немцем-то, — предложил Буслов, подавая Филиппу Афанасьевичу записную книжку майора.

— А пишов вин к чертям! Зараз прикрыл бы я его фотографию конским потником да и не бачив! — Шаповаленко отвернулся и с досадой сплюнул. Он стоял, широко расставив ноги, кубанку лихо сбил на затылок и небрежно, по казачьей привычке, играл кисточкой темляка.

— Косподин Товатор! — Круфт подобострастно приложил руку к груди и склонил голову. — Я офицер, я фаш пленник. Я майур...

— Добре, шо ты, майор, не попався мне, когда я на коне верхом сидел. Зараз було бы два майора.

Буслов заметил подходившего Доватора, пошел навстречу и что-то

сказал ему. Лев Михайлович кивнул головой и устало улыбнулся. Его одежда, как и у других, почернела от болотной грязи.

Немецкий майор смотрел на живописную группу русских офицеров и партизан широко раскрытыми глазами. Впереди с кавалерийской развалочкой шел Антон Петрович. Полевые ремни, глубоко врезавшиеся в плечи, колечки шпор, голубые кантики синих брюк, сапоги — все было забрызгано, грязно, и только его знаменитая шашка поблескивала золотом. Берлинский юрист молча и растерянно смотрел на рослые фигуры Карпенкова, Буслова, Гордиенкова, на седую голову деда Грицко, на красавца-партизана с морским крабом на фуражке. Во всех этих людях было какое-то мужественное величие. По лицу немца пробежала тень обреченности.

Доватор бегло взглянул на Круфта и, повернувшись к Шаповаленко, спросил:

— Не нашли? — Он узнал от Павлюка, что сержант Торба, прикрывая своих товарищей, остался у сарая. Лев Михайлович нахмурился и приказал разыскать труп Захара и похоронить.

— Нема, товарищ полковник, — ответил Шаповаленко и протянул Доватору бумажку. — Вот немцы, товарищ полковник, вашу голову покупают за сто тысяч. Зараз предложите цьому офицеру: мабуть, его голову тоже кто возьмет...

— Сто тысяч марок? — усмехаясь, воскликнул Доватор. — Какая дешевка!

— Косподин Товатор, — обращаясь к Шаповаленко, лепетал майор, — я хочу говорить... Мой упеждений...

Лев Михайлович перелистал записную книжку, с внезапной строгостью проговорил:

— Ваши убеждения мне давно известны, господин майор. Извольте дать показания в штабе, только правильно отвечайте, а я с вами поговорю отдельно.

— Ви Товатор? Или... — Круфт нерешительно показал пальцем в сторону Шаповаленко.

— Мы все Доваторы! — Лев Михайлович широким жестом руки показал на присутствующих.

В воздухе гудели моторы транспортных самолетов. Их прилетело пять. Над поляной белыми пышными тюльпанами раскрывались парашюты и плавно опускались к земле. Через полчаса седоватый майор в форме войск НКВД, выпутавшись из парашютных строп, представился Доватору. Потом он шагнул вперед, обнял Льва Михайловича и поцеловал в обе щеки.

— Вашей помощи, товарищ полковник, мы никогда не забудем! — сказал майор.

Груз был распакован, распределен. Партизаны и десантники с новенькими автоматами цепочками втягивались в лесную тропу, уходя на запад. Кавалеристы застегивали подпруги, осматривали вьюки, подкармливали из рук коней перезревшей травой.

Прощание было сердечное и короткое. Лев Михайлович сказал:

— Передайте, товарищи, привет белорусскому народу, а мы отвезем привет от него товарищу Сталину. Мы вернемся!

В последнюю минуту Доватор отвел в сторону деда Грицко.

— Отец... — Лев Михайлович смотрел деду в глаза. Седые брови старика дрогнули.

— Не надо, сынок, не говори: я все знаю. Мой командир отряда сказал мне: немцы забили Оксану... Сегодня ночью пойдём тело брать. Молчи. Слова — пустое, а хороши дела. Трудно, всех потерял. Да вот вчера в болоте — ой как трудно было, а зато наверняка вышло! Так вот и будем доживать свой век наверняка. Я ведь не один живу на свете!

Простившись с дедом, Доватор направился к штабу. Там с приказом в руках ожидал его Карпенков. Полки уже были готовы к движению. Доватор взял из рук Карпенкова вдвое сложенный лист и, не читая, разорвал его пополам.

Карпенков заметил, что Лев Михайлович находится в том приподнятом настроении, которое охватывает полководца, когда он должен принять важное и ответственное решение. Но почему Доватор разорвал приказ, Карпенков понять не мог.

— Порядок движения остается прежний. Идем старым маршрутом. — Голос Доватора слегка дрожал, под нависшими бровями ярко поблескивали глаза.

— Старым маршрутом? Через болото? — Карпенков не верил своим ушам.

— Да, — подтвердил Доватор. Ему подвели коня. Лев Михайлович ласково погладил его от горловины до перевитой мускулами груди, счистил комочки присохшей грязи, с медлительным спокойствием поймал ногой перевернувшееся стремя и, уже сидя на коне, деловито и просто добавил: — Немцы сейчас усиленно передвигают части — будут стараться прижать нас, да еще покрепче, чем прежде. Обман они обнаружили наверняка, а мы еще раз обманем их. Если вчера прошли через это адское место, значит пройдем и сегодня. Будем торопиться, чтоб наверняка быть завтра на Большой земле. В жизни, Андрюша, все надо делать наверняка! Шагом

марш!

Карпенков понял. Он вскинул на Доватора повеселевшие глаза.

— А ведь верно: ни одному чорту не придет в голову искать нас на этом пути!

Лев Михайлович только крякнул, надвинул на лоб кубанку, разобрал поводья и без суеты и лишних слов поехал вперед.

Если бы вчера сказали Карпенкову, что завтра ему снова придется плыть по тому же самому вонючему, страшному болоту, то он не поверил бы, а сегодня он смотрел на это, как на рядовой факт в истории всего беспримерного похода.

ГЛАВА 22

На совещании в штабе генерала Штрумфа за столом сидели офицеры всех рангов.

Жирный подбородок генерала Кляйнмана упирался в воротник френча, а его зоркие глазки колоче блестели под пенсне, задерживались на полковнике Густаве Штрумфе и нагло улыбались: его радовала смертельная бледность полковника.

Густав сидел, выпрямив спину, и, держа руки под столом, машинально рвал кожаные перчатки. Ему казалось, что он присутствует не на совещании под председательством родного отца, а на тайном судилище инквизиторов. Все были корректны, вежливы, но сухи и холодны. Генерал не обвинял, но и не оправдывал сыча. Он обстоятельно анализировал обстановку. Все присутствующие понимали, что несколько дивизий, предназначенных для наступательных операций, вынуждены были совершать нелепые марши и гоняться за Доватором по лесам Смоленщины. Они несли потери, тратили боеприпасы, жгли горючее, окружали и блокировали лес, вели окопные работы — и все напрасно. Бомбардировщики целую ночь сбрасывали фугасы на костры, около которых никого не было, пехота «атаковала» лес — и к утру нашла в болоте несколько дохлых лошадей... А ведь, казалось, все было рассчитано до мелочей: в какие часы и даже минуты должно было покончить с конницей, — и все пошло прахом! Доватор наутро очутился на сорок пять километров юго-западнее места окружения, истребил батальон Круфта, соединился с авиадесантом, получил боеприпасы и ушел в неизвестном направлении... Теперь надо было вновь перегруппировывать потрепанные дивизии, заводить всю машину сначала.

Генерал Штрумф постарался обрисовать положение таким образом, что никто не мог сказать, будто в неудачах виноват его сын. Все провалы были отнесены за счет русского леса и маневренности казачьего соединения. Густав понимал, что отец выгораживал сам себя.

На совещании было решено резервами армейской группы «Гамбург» блокировать все выходы из Демидовских лесов. Танковая и пехотная дивизии под командованием генерала Эллерта должны уничтожить конницу в момент ее окружения, где бы то ни было. А в том, что она будет окружена, никто не сомневался. Для проведения этой операции было выделено три армейских корпуса. Им же было вменено в обязанность очистить от партизан леса Смоленщины.

В Боярщину, где стояли тылы дивизии, которой полковник Штрумф командовал до появления Доватора, и где находилась его личная штаб-квартира, он приехал под вечер.

Вылезая из машины, полковник приказал адъютанту сообщить жене о его приезде, сам же направился в штаб, куда велел привести пленного казака.

Когда солдат ввел связанного Торбу в комнату, полковник, заложив руки за спину, ходил из угла в угол. Голова Захара была обмотана нательной рубашкой. Она пропиталась кровью, присохла к волосам и щеке. Захар был ранен в голову, контужен тяжелой миной и ушиблен бревнами. Немцы вытащили его из-под обломков сарая в бессознательном состоянии и сейчас же отправили в штаб полковника Штрумфа. Живой казак был ценной добычей. Очнулся Захар в каком-то сарае, после того как ему вылили на голову несколько ведер воды. Немцы хлопотливо куда-то бегали, кричали друг на друга и явно торопились привести его в чувство, но о том, чтобы перевязать раненого, никто и не подумал. Это сделал Захар сам. Никогда не предполагал он очутиться в таком страшном положении. Все, что угодно, ранение, смерть, но не живым в руки немцев! Как это получилось, он и сам не помнил. Первое, что пришло ему в голову, — вырвать у конвойного солдата винтовку, и тогда... «Убьют, — мелькало в голове. — Пусть убьют! Ведь живым все равно не выпустят...»

Теперь же, стоя перед полковником, Торба привел свои мысли в полный порядок. Захар видел, что его охранял один немецкий солдат, который дожидался в передней комнате. Захар был с полковником с глазу на глаз. Убить полковника Торбе казалось пустяком, а солдата тем более, — солдат был низкорослый, плюгавый, в широких брюках с потертыми коленками. Стоило выбежать из сеней, а там — огороды. Дальше — речка, кустарник и родной русский лес. Только бы развязали руки!..

Штрумф снял безрукавный, сизого цвета макинтош и вместе с фуражкой повесил на гвоздь. Присев за стол, он не спеша закурил сигару и, пуская колечки дыма, спросил:

— Ваше звание, господин потомок кубанских атаманов?

— Прикажете развязать мне руки, я ранен... Иначе говорить не буду.

— Хор-ро-шо! — Полковник встал, подошел к двери, что-то крикнул по-немецки.

Вошел плечистый, в кителе, худой, длиннолицый офицер, такой же прилизанный и надушенный, как и полковник. На рукаве у него была нашивка с изображением мертвой головы. Откуда он взялся, Захар не знал. Когда он развязывал на руках Торбы кавказский наборный ремешок, у Захара стучало сердце: план рушился... Офицер ушел.

— Я вас слушаю, — сухо произнес полковник.

На остром лице полковника промелькнуло что-то гадкое, похожее на ехидную улыбку. Он расстегнул ворот кителя и обнажил белую, тонкую шею.

Захар не спускал с него глаз. Подскочить бы, схватить эту шею грабастыми пальцами, давить... Но полковник в это время достал из кобуры парабеллум и положил его на край стола.

— У вас дурной характер. Вы женаты? — склонив набок голову, спросил полковник.

— Я вам ничего не скажу, — хрипло проговорил Торба.

— Хорошо! — Полковник снова что-то крикнул в дверь.

Послышалась возня, потом шумно распахнулась дверь. Захар, прикусив побледневшие губы, вздрогнул. Длиннолицый офицер и солдат втолкнули в комнату Оксану Гончарову. Она была в изодранной в клочья сорочке, с распущенными волосами. На голых плечах и груди лиловели кровоподтеки. Лицо опухло до неузнаваемости, под черными дугами бровей ярко вспыхивали большие глаза.

— Кто это? — полковник кивком головы указал Оксане на Торбу. Та, стыдливо одернув сорочку, отвернулась в сторону.

— И вы ее не знаете, кубанец? — спросил полковник.

— Я знаю, что ты... — Захар рванул было вперед.

— Ну! — звонко крикнул полковник. Закинув руки за спину, порывистым кошачьим движением подскочил к Торбе, вытянул шею, приблизил бескровное лицо, вкрадчиво шептал: — Коммунист? О-о! Коммунист! Я тебя буду... — Полковник не договорил. Захар обеими руками схватил его за горло. Горло хрустнуло, точно яичная скорлупа. Полковник конвульсивно мотнул головой вверх, всхлипнул и вяло

опустился Захару под ноги.

Торба, отшвырнув обмякшее тело полковника, подскочил к столу.левой рукой схватил стопку своих документов и сунул в карман, а правой сжал рукоятку парабеллума. Потом торопливо снял со стены полковничью фуражку, примерил, но она не налезала на голову — мешала повязка. Торба сорвал повязку и швырнул в угол. Надев фуражку, накинул на плечи плащ. Он не замечал, как щеки заливала кровь, не чувствовал, как дрожит рука Оксаны, которую он крепко сжал в своей руке. Быстро распахнул дверь и шагнул в переднюю комнату.

Адъютант полковника сидел к нему спиной за столом и что-то писал. Когда дверь открылась, он повернул голову. Захар выстрелил ему прямо в лицо. Солдат был убит вторым выстрелом. В сенях Захара и Оксану никто не задержал, но когда они выбежали во двор, их оглушил грохот пулеметной и винтовочной стрельбы. Крыши домов были освещены полыхающим заревом пожара. Со всех концов села доносились заглушаемые выстрелами крики немцев. Не обращая внимания на свист пуль и не пригибаясь, Захар побежал через картофельное поле к речке. Следом за ним бежала Оксана. Сухая, твердая ботва царапала до крови ноги, но Оксана не чувствовала боли. Она видела перед собою речушку, кустарник... Вот и сарай, где недавно сидел Торба, как пойманный в клетку зверь. Вдруг со стены сарая навстречу бегущим метнулись какие-то тени, набросились на Торбу и повалили его на землю.

— Стой, фашистская душа! — Кто-то тяжело дышал.

— Удирать, стерва? Только пикни! — Люди навалились на ноги, на голову... Но Захар и не думал сопротивляться, выпустил револьвер и растянулся на картофельной ботве. Он понял, с кем имеет дело.

— Да свои же мы! — крикнула Оксана.

— Постой, а ты откуда, девка? — спросил паренек с автоматом.

— Да ты, пташка, совсем голая!

Захар поднялся. Скинул полковничий плащ и укрыл им Оксану, потом стащил с головы фуражку и далеко забросил в кусты.

Выстрелы стихли. В деревне полыхал пожар, разбрасывая над крышами домов искры.

— Откуда вы, братья? — судорожно переводя дыхание, спросил Захар.

— С неба, а ты кто такой?

— Разведчик Доватора. Сегодня утром поджидал десант...

— Да это мы самые!

— Как вы? Значит, из леса?

— Точно!

— Но там же немцы...

— Ого! Им казачки чох сделали! Все в порядке. Там утром какого-то разведчика все искали. Один усатый казак...

— Филипп! — крикнул Захар. — Браты! Хлопчики! Родные мои!

— Ты, милоч, погоди... А девушка чья?

— Дочь Григория Гончарова. Эх, хлопцы!..

— А нас ее похоронить просили!

— Нет, товарищи, мы будем жить долго! — задыхаясь от радости, крикнул Захар.

Спустя несколько минут в бывшей квартире полковника Густава Штрумфа седой майор-десантник и командир партизанского отряда с морским крабом на фуражке сортировали по папкам штабные документы. На лавке сидел дед Грицко, задумчивый и строгий. Жесткой ладонью он гладил лежавшую у него на коленях голову Оксаны.

В углу в яркоголубом плаще сидела Хильда и оглядывала присутствующих холодными, цвета речного льда, глазами. Она мечтала увидеть Москву. Может быть, и увидит...

ГЛАВА 23

В штабе армии Гордей Захарович, в расстегнутом кителе, из-под которого виднелась белая пикейная сорочка, со стаканом чаю в руках, стоял над радистом и ворчал:

— Ты меньше музыку слушай, душа моя, а ищи Доватора!

— Ищу, товарищ генерал! Куда ни крутнешь — то стукач, то музыка. Содом творится в эфире. — Молодой паренек с голубыми глазами, склонившись над аппаратом слушал непрерывно.

— Ищу, ищу... Ты сколько раз его терял? То найдешь, то опять потеряешь...

— Он на месте не сидит, все время передвигается, — оправдывается радист.

— А разве мы его за тем послали, чтоб он под деревом сидел? Ты с ним не шути!.. Он теперь генерал. Как вернется, я все на тебя свалю...

Радист смущенно улыбался и, склонив голову, прижимал наушники к плечу.

— Новый приемник «РБ» лучше... — Радист пытался перевести разговор на профессиональную тему.

— Ладно, о радио потом поговорим. Узнай на аэродроме — вылетел

самолет за семьей Доватора или нет?

Родители Льва Михайловича отыскиались: они находились в одном из партизанских отрядов Белоруссии, за ними направляли самолет.

Радист еще ниже склонился над аппаратом. Какая-то станция добивалась с ним связи. Он быстро настроился и принял радиограмму. Самолет-разведчик сообщал: «Конницы не обнаружил». Радист передал текст генералу. Тот кивнул головой и приказал не терять с разведчиком связи. Вошел командарм. Он ездил осматривать укрепления на запасных рубежах обороны.

— От Доватора что-нибудь есть?

— Пока ничего.

Радист принял от самолета еще одно сообщение. В направлении Гуляево, по западному берегу реки Межа, разведчик обнаружил массовое передвижение пехоты и танков противника.

— Что это значит? — Командарм взглянул на начальника штаба. Глаза их встретились. Они тревожно смотрели друг на друга.

— Весь вечер думал: именно этого следовало бояться.

Гордей Захарович склонился над картой.

— Можно предположить, что они разгадали маневр Доватора.

— Уверен в этом, — отозвался Гордей Захарович, пощипывая усы.

— Помешать надо, — проговорил командарм.

— Разумеется! — И снова начштаба армии дернул себя за усы.

Он сердился на себя за то, что не мог придумать, чем помочь выходящей из тыла врага коннице. Нужно было сильное средство — вроде контрудара с этой стороны, с хорошей артподготовкой. Однако Гордей Захарович высказать свои мысли не успел.

Командарм приказал позвонить комкору Черепанову, пусть немедленно подтянет в район переправы побольше пушек. Умнее этого решения нельзя было придумать. Наштарм взял телефонную трубку.

— Волга, к аппарату четыре! Здравствуй, душа моя. В районе 24/46 сегодня встречаем нашего заграничного жениха. После свадьбы он возвращается обратно. Из Гуляева на железных колясках к тебе едут гости, они хотят отбить у жениха невесту. Подвези-ка побольше хмельного, надо гостей торжественно встретить да и помешать хулиганской выходке. Да, да... Не можешь? Надо это сделать. На-до сделать! — повторил Гордей Захарович тихо и повелительно. — Старший сват будет на свадьбе.

Он вскинул глаза на командарма, — тот одобрительно кивнул головой.

...Над болотом поднимался туман. Так же, как и накануне, люди проваливались по пояс в грязную жижу, так же храпели измученные кони,

стонали раненые.

Нина в темноте, наощупь, собирала обильно растущую клюкву, давила ее в кружке и подносила к воспаленным губам изнемогающих от жажды людей.

— Сестричка-а-а, о-о, еще глоточек. Спасибо, родная!..

— Тише, милый, — шептала Нина.

— А? Да я ничего, сестричка. Ни-че-го-о! У-у-х! За такое мучение мы должны в рай попасть...

Тихо шумят леса Духовщины, окутанные туманом. Качаются высокие сосны, скрипят, точно стонут от боли.

На твердой почве кони повеселели. Помахивая головами, они косятся на листья деревьев, торопливо шлепая губами, срывают их, кропят мокрыми хвостами усталых казаков, и те ту же подтягивают подпруги, прилаживают подсумки, счищают прилипшую грязь — на Большую землю надо прибыть в полном порядке.

...А где-то по Смоленской дороге прет армада танков — с желтыми крестами, с танцующими на башнях ведьмами. Генерал Кляйнман спешит..

По лесной просеке конница бодро идет на полной рыси. От разгоряченных конских круп валит пар. Скрипят кавалерийские седла, звенит дробный цокот подков. Раннее утро отгоняет дрему, тает сырой, холодный туман, — ожидается яркий солнечный день.

Доватор придержал коня и остановил колонну. Тронув рукой за плечо Карпенкова, коротко приказал:

— Шаповаленко ко мне!

Кони весело пофыркивают, помахивая головами, играют колечками недоузтков: предчувствуют близкий отдых.

— Филипп Афанасьевич! — Доватор склонился к передней луке и, поглядывая на подъехавшего Шаповаленко, тихо спросил: — Казачий способ разведки знаешь?

— Знаю, товарищ полковник, — это помаячить?

Доватор кивнул головой.

— Впереди, метров пятьсот, — переправа, — продолжал Лев Михайлович. — Возьми пять хлопцев, выезжай, помаячь — и обратно. Понял?

— Понял, товарищ полковник. Разрешите выполнять?

— Добре. Рысью, марш! Только осторожненько, чуешь?

Доватор вздохнул, еще ниже склонился к передней луке, выправил чолку и нежно погладил коню шею.

— Начальник штаба, проверь еще раз готовность заслонов! —

приказал он Карпенкову.

Сбоку, понукая коня, подъезжал всадник. Доватор узнал комиссара полка Абашева.

— А ну, скажи, Абашев, как твое сердце вещует?

— Дремал на последнем привале, товарищ полковник, и видел во сне домового. Будто он моему коню гриву спутал, а это, говорят, к счастью.

— Чудак! — тихо смеялся Лев Михайлович. — В каком же духе он тебе представился?

— Да так, старикан с белой бородой, приятный такой старичок.

Всадники выехали на опушку леса и остановились. Тугой прохладный воздух говорил о близости реки. Над лесом нависла голубая просинь, и восток в полнеба горел утренней зорькой.

Шаповаленко остановил коня. Ничего подозрительного не было. Филипп Афанасьевич поехал медленным, спокойным шажком прямо к переправе, за ним следовали пять казаков.

Немцы давно уже заметили всадников, — они ожидали их целую ночь. Казаки подъезжали все ближе, но вдруг остановились, настороженно посмотрели вперед и, круто повернув коней, на полном галопе помчались к лесу. Немцы не выдержали и открыли беспорядочную стрельбу, подняли галдеж, повылазили из окопов. Выдвинутый вперед по пути движения колонны заслон только того и ждал. Два эскадрона, усиленные станковыми пулеметами, в пешем строю скрытно подошли почти к самой переправе. После сильного огневого удара заслон коротким броском ворвался в траншею и оттеснил немецкую засаду на юг.

Конница начала переправу одновременно тремя колоннами Доватор стоял на берегу и подстегивал коней плеткой.

— Шире шаг! — раздавался его требовательный и нетерпеливый голос.

Лев Михайлович все время тревожно посматривал на юг, откуда все явственней и явственней доносился густой клекот танковых моторов. Над переправой с визгом пролетели первые немецкие снаряды.

— Не задерживай! Вперед! — вразнобой звенели голоса командиров.

Однако измученные тяжелым переходом кони, вытягивая шеи, рвали из рук поводья и жадно бросались пить. Казаки хлестали их плетками, но оторвать от воды непоенных коней было трудно. Задние напирали, передние задерживали...

Пехота противника оправилась и при поддержке танков стремилась прорваться к броду, теснила заслон. Доватор понимал, что положение становится все опасней. Угодивший по переправе снаряд покалечил

нескольких лошадей. В эту минуту около Доватора, кроме Гордиенкова, никого не оказалось. Командный состав наводил порядок на переправе.

— Гордиенков, станковые пулеметы на огневые позиции! — приказал Доватор — Быстро, Алеша! — Сам остановил проходивших выючных лошадей и помог снять пулеметы.

Криворотько вместе с Алексеем покати́л «максимки» к оборонявшемуся заслону. Заслон уже находился от брода в трехстах метрах и, огрызаясь автоматными очередями, отходил.

Лев Михайлович выхватил из кобуры пистолет и побежал навстречу заслону. Следуя за ним, устремился и комиссар Абашев, подоспевший к этому времени.

— Вперед! За мной! — крикнул Доватор.

Пули вспарывали под ногами землю. Абашев что-то кричал Доватору, но тот, казалось, не замечал свиста пуль, не слышал голоса. В эту опасную минуту им овладел тот горячий порыв, когда личная жизнь отодвигается на задний план. Лев Михайлович думал об одном: о тысячах переправлявшихся людей и коней. Казаки повернули и, обгоняя Доватора, побежали вперед на сближение с идущими в рост немецкими автоматчиками. Пулеметы Гордиенкова и Криворотько пришили немцев к земле. Они попадали, но продолжали стрелять.

Доватор прилег в боевых порядках около Абашева. Положение было временно восстановлено, но Лев Михайлович видел, что главная опасность еще впереди. От опушки леса немецкие танки, посылая снаряд за снарядом, разворачивались для атаки. Остановить танки было нечем, если не считать нескольких связок гранат.

— Приготовить гранаты! — крикнул Абашев. Повернувшись к Доватору, сказал. — Вам, Лев Михайлович, на переправу надо.

Доватор промолчал, только крепче надвинул на лоб кубанку. По выражению его лица можно было понять, что не может он уйти, в эту минуту и оставить здесь людей. Не может!

— Назад ни шагу! Пулю тому!... — сказал он Абашеву.

— Уходите, товарищ полковник! — крикнул Гордиенков. Он приподнялся на колени, вставляя в приемник пулеметные ленты. Немецкий автоматчик выпустил очередь. Алексей нырнул за щит, нажал гашетку, пустил в ответ несколько десятков пуль и снова крикнул Доватору, чтоб тот уходил.

Лев Михайлович, не слушая его, склонив голову набок, что-то приказывал Абашеву. Сзади кто-то звал его визгливым голосом, потом сильно дернул за шпору. Доватор оглянулся. Перед ним лежал Петя. Щеки

мальчика горели.

— Приехал генерал и вас ищет!

— Какой генерал? Зачем ты сюда пришел?...

— Самый главный генерал... Вас ищут. Я им говорил, что вы тут... Они со мной разговаривать не хотят... Там лошадей побили — жуть! Я взял да и побег.

— Держись, Абашев! Понимаешь, в чем дело, если мы их допустим к переправе...

— Понимаю, товарищ полковник. Уходите.

— Идем, «делегат связи»! — крикнул Доватор Пете и побежал к переправе. Следом за ним, подобрав волочившиеся по земле грязные полы шинели, смешно и неуклюже прыгал Кочетков.

Конница продолжала переправляться, но на той стороне речки было еще не больше одного полка. Немцы наседали. Двинулись танки. Казачий заслон уже растаял наполовину. Гордиенков со связкой гранат, прячась за кочки, полз навстречу головному танку. За ним, широко раскинув ноги, полз Буслов.

Абашев, сжимая ручки станкового пулемета, бил по перебегающим группам немецкой пехоты, не переставая в то же время наблюдать за Гордиенковым и Бусловым. Ему было видно, как Алексей, приподнявшись на одно колено, швырнул гранаты под танковые гусеницы, как потом все заволкло черным дымом.

Доватор остановился. Он следил за тем, как кавалеристы на полном галопе скакали беспорядочной массой. Кругом взлетали черные смерчи разрывов. Налети авиация — и все будет кончено. С северо-запада немцы тоже усиливали напор. Там их сдерживал полк Бойкова. Доватор стоял, закусив губы. К ногам его жался Петя, которого он уже несколько раз отсылал на ту сторону реки.

Вдруг страшный грохот заставил мальчика упасть на колени. Даже Лев Михайлович вздрогнул и наклонил голову. Грохот не затихал, все нарастая с ужасающей силой. Лев Михайлович посмотрел туда, где отбивался заслон под командованием Абашева. Поле, по которому шли немецкие танки, потонуло в черной туче дыма. Огонь по переправе прекратился.

Лев Михайлович взял первого попавшегося коня, сел верхом, посадил впереди себя Петю и, склонившись к нему, сказал:

— Слушай, Кочеток, как бьют наши пушки!

Петя молчал, испуганно тараща глаза. Доватор приказал Карпенкову снимать заслоны. Понукая шпорами коня, заехал в воду и дал коню спокойно напиться...

...Командарм сошел с наблюдательного пункта. Отдавая черноусому артиллерийскому капитану бинокль, сказал:

— Отлично, товарищ капитан! Дайте еще и еще. «Свадьбу» надо всегда праздновать торжественно.

Снятый по приказу Доватора заслон подходил к переправе последним. Взошло солнце. Над лесом светились его яркие лучи, скрещивались за редкими темносерыми облаками, играли на каплях росы.

Буслов нес на своих богатырских руках, словно маленького ребенка, лейтенанта Гордиенкова. Голова Алексея откинулась назад, кудрявые волосы рассыпались. Смуглое лицо его было бледным, едва шевелились крепко сжатые губы. По ним, точно капли вишневого сока, текла кровь. Сзади шел Яша Воробьев; сморкаясь, он все время отворачивался в сторону. Абашев, идя с ним рядом, молчал. Последним шел Криворотько. Он нес на плече продырявленный пулями кожух станкового пулемета. На переправе он отошел в сторонку, присел на кочку, засучив рукав, посмотрел на бледнорозовую кость, выпирающую из предплечья, сморщился и опустил рукав. К нему подошел Абашев. Вынув санитарный пакет, он разорвал его зубами и перевязал Криворотько руку.

— Быстрее давай! — нетерпеливо кричали с той стороны. Но люди уже переправлялись не торопясь...

В лесу, около госпитальной палатки, греясь на солнышке, сидели казаки. Здесь были и Шаповаленко, и Яша Воробьев, и Павлюк, и Салазкин. Под деревом стояли привязанные кони. Казаки тихо переговаривались.

— Получил я, хлопчики мои, до разу двадцать писем. Шесть от спидниц — це дочки мои, три от Полины Марковны, семь от колхоза, два от парткома, одно от сельсовета. Штуки четыре, мабуть пять, от дружков. — Филипп Афанасьевич извлек из кармана целую пачку конвертов.

— Получил двадцать, а насчитал двадцать восемь, — заметил Салазкин.

— Да тут, товарищ дорогой, бухгалтера треба. Ты вот письменный человек, помоги мне разобраться со всей этой почтой, а то я совсем запутался... Да еще пять штук имеется для Захара. Що мне с ними робить? Как отписывать? Научите, хлопчики. Кабы вы знали, други мои, как тяжко на душе! Дружок-то мой, будь он не лихом помянут, сына оставил, а сам его николи не бачив. Вот он зараз лежить на пузе, цей пацан и ножками дрыгаеть, — Филипп Афанасьевич вынул из конверта фотографию и показал товарищам: голенький, с пухленькими ручонками, глазастый,

улыбающийся ребенок.

— Очи-то, побачь, Захаровы! — Шаповаленко закусил ус и смахнул непрошенную слезу.

— Да ведь он, кажись, неженатый был, — проговорил Яша, разглядывая карточку

— Як же неженатый! Ты это мне брось! — сердито заворчал Филипп Афанасьевич. — Ты почитай письма, як разлюбезно ему Анята пишет. Такие мне писала в ту войну Полина Марковна. Понял? А жена у Захара Торбы зараз директор нашего МТС, чуешь? А ты говоришь — неженатый.

— Раз есть сын, значит женатый, — резонно заметил Павлюк и, опустив голову, добавил: — Больно жалко Захара Тимофеевича...

— Зараз куда ни вкусишь, везде больно! — Шаповаленко закрыл рукой орден Красного Знамени, точно хотел согреть его теплотой своей руки. Сердце колотилось и болело. Друга потерял, а любимый командир лежал в госпитальной палатке, боролся со смертью.

Дробный конский топот прервал его мысли и заставил оглянуться. Из-за палатки на горбоносом взмыленном коне вывернулся всадник и на ходу спрыгнул на землю.

— Хлопцы, здорово! — Скуластое лицо Захара Торбы улыбалось. Он осунулся, похудел. Растопырив руки, смотрел на товарищей блестящими глазами, хотел что-то сказать, да слова застревали в горле.

— Ты... откуда взялся? — крикнули все в один голос.

Захар облапил друзей своими грабастыми руками, целовал кого в губы, кого в нос...

— Как лейтенант? Вот что вы мне скажите, братья! Я зараз с аэродрома, чуть коня не загнал... У меня из партизанского отряда для полковника есть письма от его батьки.

— Генерал здесь, — ответил Шаповаленко, кивком головы показывая на госпитальную палатку, — а у меня, Захарушка, и для тебя имеется... — Филипп Афанасьевич передал ему письма. Схватив их, Захар убежал за палатку.

Брезентовый полог дрогнул, раздвинулся. Лев Михайлович вышел, постоял немножко, повертел в руках папаху, надел ее и снова вошел в палатку. Казаки притихли.

— Что можно сделать? — слышался его голос.

— Несколько ран, товарищ генерал, навывлет, а одна пуля застряла около самого сердца. И извлечь ее нельзя, — ответил ему другой голос,

На койке метался Алексей. Чернокудрая голова перекатывалась по подушке. Побледневшее лицо его было красивым, жар уже не румянил

щек, только глаза беспокойно блуждали по сторонам и чего-то искали.

— Нина, почему так тихо?

Нина вздрогнула. Голос был не Алексея, а какой-то чужой. Камфарная ампула дрожала в ее руках. Нина оголила перевитую связками мускулов руку Алексея, хотела место укола протереть ваткой, но он вялым движением отстранил ее, посмотрел невыносимо жгучим взглядом, снова спросил:

— Почему так тихо?.. Доватор жив? Почему ты плачешь? Лев Михайлович жив?..

Казачьи слышали громкий выкрик, точно кому-то сердце прокололи, и на этом живом звуке оборвалась жизнь Алексея...

Стоявший под деревом горбоносый конь с белыми губами высоко поднял голову, повел огненными глазами по сторонам. Яростно ударяя копытом, призывно заржал.

С папашой в руках из палатки вышел Доватор. Казачьи склонили обнаженные головы. Лев Михайлович с размаху ударил себя по лицу папашой и, не отрывая ее от глаз, пошел в лес.

Среди стройных молодых деревьев долго мелькали его генеральские лампасы.

...Завидев приближающегося генерала, Сергей рысью подвел коня. Накинув на плечи висевшую поперек седла бурку, Лев Михайлович сел на коня, разобрал поводья, выпрямился. Поправив на голове папаху, взял с места широкой, хлесткой рысью, а в поле пустил карьером.

Выехав на поляну, резко осадил коня, остановился. Золотую осыпь листьев крутил порывистый ветер, разрывая блестящую между ветвями паутину, вместе с листьями гнал ее под крутой берег реки. Достав из кармана платок, Лев Михайлович, не стыдясь Сергея, вытер катившиеся по щекам слезы. Смерть выхватит из жизни не одного Алексея, а многих. Война еще только начиналась.

По дорогам Смоленщины, к фронту, шли советские солдаты. Следом катились пушки, повозки, машины. А навстречу по обочинам дороги, двигалась бесконечная вереница стариков, подростков, женщин с ребятишками на загорбках. Все вокруг кипело в котле войны.

С суровой, четкой восприимчивостью видел ясный и умный взор Доватора боевую, грозную судьбу родины. Не ради лихой кавалерийской удали водил он боевые полки по глубоким тылам врага, а во имя любви к родине, во имя начала справедливого возмездия, которого ждет советский народ, ждут народы всего мира. Осиротевшие дети, матери, потерявшие

детей, идут по дорогам войны. Полными невыплаканных слез глазами смотрят они, оглядываясь на запад. Они никогда не забудут обугленных сел и городов, обезображенных садов и полей. Кровавой, протоптанной фашистскими танками дорогой тянутся эти страшные места через Болгарию, Чехословакию, Польшу, Белоруссию, Смоленщину к сердцу советской земли — великой Москве.

Льву Михайловичу надо быть в штабе. Но он не торопится, он хочет обдумать речь, с которой обратится к бойцам.

«Тяжело, товарищи, — скажет он, — и будет еще тяжелее. Но недалеко то время, когда советские люди пойдут за пламенеющим стягом отчизны непоколебимой поступью вперед и вперед. И ляжет навечно, через малые и большие страны, широкий, как море, просторный, как степь, великий шлях свободы. Под громopodobный салют орудий и звуки могучей песни взмутят красноразвездные танки, кавалерийские кони широкие воды Днепра и голубого Дуная, пересекут дрожащие неприветливые волны Одера и Шпрее. И снова, как сто восемьдесят лет тому назад, зацокают копыта белоногих дончаков по каменным мостовым германской столицы. Поручкой тому — прозорливая мудрость великого вождя, поднявшего народы Страны Советов на священный бой...»

Вот оно, необозримое людское море, многоголосое плещется под красными знаменами в ожидании митинга, поблескивает оружие. Чубатые, в касках, со скобками прокуренных усов, со степенно зрелой, крутоплечей выправкой — опытные, трудолюбивые воины, ровесники первой русской революции, и молодежь — бодрое комсомольское племя.

Буйно разливается нетерпеливая удаль в суровой боевой песне «От края и до края...»

Мощные звуки песни отзывались в сердце полководца. На лице его сиял свет любви к родине.

«Москве вечно стоять и быть вечно русской...»

Доватор, туго натянув поводья, собрал коня и ровным, неторопливым шагом поехал навстречу песне, к яркому пламени знамени.

Книга вторая

Под Москвой

Книга вторая Под Москвой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

В темном ночном небе среди яркой осенней россыпи звезд висела желтая холодная луна. К утру ударил крепкий мороз и намертво сковал пропитанную дождями землю.

В эти первые октябрьские дни сорок первого года на центральном участке Западного фронта началось какое-то странное движение. Из лесов Смоленщины на восток потянулось невиданное количество войск и техники. Гудела земля от стальных танковых гусениц, тяжелых пушечных колес, машин, повозок и солдатских сапог. Этот гул сливался с артиллерийской канонадой, отдаленно звучащей на юго-востоке. Противника поблизости не было.

Стоявшее после рейда в обороне на участке Жарковское — река Межа соединение генерала Доватора неожиданно по тревоге снялось и начало передвижение, совершая при этом тяжелые, утомительные марши на неподкованных конях.

Наступили ранние морозы.

Разведчик Филипп Афанасьевич Шаповаленко под утро так продрог, что вынужден был отвыючить запасную попону и укрыться ею. Проснувшись, как всегда, раньше всех, тихонько, чтобы не разбудить товарищей, он вылез на четвереньках из палатки. Потирая озябшие руки, Шаповаленко решил умыться, но, взявшись за брезентовое ведро, крикнул от удивления. Вода в ведре, запасенная с вечера, замерзла. Подняв голову, он увидел, что все кругом изменилось: деревья покрылись серебристым инеем, а на конях, стоявших в ряд у длинной коновязи, кудряво взъерошилась шерсть. Подрагивая застывшими ногами, они жадно хватали губами сено. Дневальный с карабином на плече, закрыв уши воротником измятой шинели, выплясывал под деревом гопака.

Шаповаленко должен был его сменить, так как получил вчера внеочередной наряд. Обиднее всего было то, что наградил его этим нарядом не кто иной, как командир взвода, только что получивший звание младшего лейтенанта, закадычный дружок, годившийся ему в сыны, Захар Торба.

Настроение у Филиппа Афанасьевича было самое скверное. Вчера он натворил чорт знает что! Хоть возьми да и вырви с досады вислый прокуренный ус.

Филипп Афанасьевич поежился, проклиная ту человеческую душу, которая придумала на свете горилку. Он потянулся к лежавшему у входа седлу и, расстегнув кожаный ремешок переметной сумы, вытащил бутылку «НЗ» — неприкосновенный запас. Взболтнул ее и посмотрел на свет. Горилки было маловато. Вспомнив события вчерашнего дня, бурное столкновение с Захаром, он вздохнул и, мысленно ругая свой нескладный характер, вылил весь остаток в кружку. Пережевывая кусок сала, он почувствовал, как внутри начала разливаться приятная теплота. Надевая шашку, Филипп Афанасьевич не без удовольствия подумал, что выдумщик горилки все-таки часом был добрый и артельский человек, «бо дурню такое в голову не вдарит!»

Вчерашнее происшествие тоже начинало казаться не таким уж страшным. Зарядив карабин и почистив щеткой сапоги, Филипп Афанасьевич направился отбывать свое скандальное взыскание.

А произошло вчера вот что...

Во всех подразделениях был получен приказ. «Приготовиться к большому маршу». Личному составу выдали пятидневный запас продовольствия и фуража. Стограммовую норму водки тоже выдали на пять дней вперед, под ответственность командного состава и

политработников. Старшины предупреждали бойцов: продукты расходовать строго по норме, в пути никаких добавочных выдач не предполагается. На вопросы бойцов, какое предстоит дело, командиры уклончиво отвечали, что конница должна совершить длительный форсированный марш. Из отрывочных и неопределенных разговоров было понятно, что намечается серьезная операция.

— Ясно, в новый рейд пойдем. По тылам врага, — объявил писарь Салазкин.

— А ты що думав, будешь в шалашу на пупе лежать и поэтичны вирши складувать? Ще як вдарим! — заметил Шаповаленко. — Прийшла, хлопчики, така година, що пора германца вдребезги разколошматить. Народ того ожидает, колысь мы его турнем обратно. Бачьте, якие нам шлють письма та подарки. Народ посылает, чуєте!

В дополнение к армейскому пайку бойцы получили массу подарков со всех концов Советского Союза. В ящиках были заботливо уложены теплые носки, перчатки, свитеры, бритвы, шоколад, вино, фрукты. Но дороже всего в посылках были письма.

В каждом письме был наказ: крепче бить врага! Девушки вкладывали в конверты свои фотокарточки с адресами на обороте и просили бойцов писать им.

Филиппу Афанасьевичу Шаповаленко досталась посылка особенная. В ней было вложено все, вплоть до носовых платков с голубыми каемочками, фотокарточка и замечательное письмо. Прочитав первые строки и взглянув на фотокарточку, Филипп Афанасьевич крикнул от удовольствия. Молодая пышноволосая красавица с большими улыбающимися глазами облокотилась на подоконник. На окне стояли плошки с цветами, а глаза красавицы смеялись так лукаво и приветливо, что, казалось, манили за занавески.

В письме четким, круглым почерком было написано:

«Милый и дорогой товарищ!

Мы знаем, что на войне нелегко. Враг напал жестокий, коварный. Но мы уверены, что вы не отдадите нашу родину фашистам на поругание. Мы, девушки и парни заводской комсомольской бригады, посылаем вам по скромному подарку. Это во имя скорой победы и нашей будущей дружбы. Пришлите мне ваш адрес, я буду писать вам...»

Тут Филипп Афанасьевич важно и не торопясь погладил свои усы и начал читать дальше: «А скоро мы вам пришлем другие подарки. От них у гитлеровцев полезут глаза на лоб. Бейте их, гадов, крепче и не давайте пощады. Другие наши подарки мы сами привезем вам на фронт. Может

быть, встретимся,

Целую вас заочно, как брата и как советского воина.

Техник Н-ского завода Феня Ястребова».

Внизу был написан адрес.

— Ты только посмотри, Буслов! Ты только побачь! Побачь, яка дивчина! — восторгался Шаповаленко, показывая Буслову фотографию.

— Да-а! Это дивчина! — заглядывая сбоку, восхищенно говорил Буслов.

Он сидел рядом. У ног его лежал ящик с подарками от именитого московского профессора. В профессорскую посылку вместе с другими предметами был вложен самый модный полосатый шерстяной шарф.

Захару Торбе досталась посылка от старушки-вдовы из города Иванова, Яше Воробьеву — из Киргизии от колхозного пастуха Уртабая. Записка была написана по-киргизски, и Яша был огорчен, что не может ее прочитать.

Но самая замечательная посылка была все-таки у Филиппа Афанасьевича. Фотокарточка и письмо стали предметом всяких толков и споров.

— Везет же хрычу старому, — с откровенной завистью говорил Яша Воробьев, — ведь землячка моя, из одной области!

— Ну и девушка! — продолжал восхищаться Буслов, не отрываясь от фотографии Фени Ястребовой. — Поглядите, друзья, чудится мне, что она облокотилась на подоконник и ножками болтает...

— Красота! — ликовал Шаповаленко. — Ох, хлопцы, мне бы рокив двадцать скинуть! — Филипп Афанасьевич молодецки приосанился, крутнул усы и лихо брякнул шашкой.

— А ты ей свой портрет пошли. Она твоими усами любоваться будет, — проговорил Яша Воробьев.

— И в бородищу твою ленточки вплетет, — добавил Салазкин

— Ты ленточки оставь для себя, — ответил Шаповаленко. — Ведь родятся же на свете такие красавицы!

— Анютка не як не хуже, — ревниво заметил Захар Торба.

— Що твоя Анютка!

Было ясно, что Филипп Афанасьевич осуждает свою станичницу, и тогда Захар, задетый за живое, вытащил из бумажника фотографию Анюты. Отдав ее Буслову, сказал:

— Посмотри...

— Ого, брат! А я и не знал. Ишь ты!.. — протянул Буслов, сдвигая на лоб кубанку, подарок Доватора. — Хороша! Гордая. Но только каждая на

свой лад, — сличая обе фотографии, продолжал Буслов. — На сибирячку смотришь, и думаешь, будто родилась она для того, чтобы сидеть с ней рядышком, гладить по голове и мечтать. Хорошо!.. — Буслов глубоко и тяжело вздохнул. — А на твою, Захар, можно смотреть, а притронуться вроде как боязно...

Фотокарточки пошли по рукам. Все восхищались ими. Каждый старался сосречь, но за веселой шуткой крылось душевное беспокойство и тоска по родным и близким. Кто не переживал этого чувства в тяжкие годы войны?!

Филипп Афанасьевич, трижды побывавший на войне, отлично понимал все это и сам был растроган до глубины души вниманием людей, приславших подарки на фронт. Раскупорив бутылку вина, он громко крикнул:

— Хлопцы, подставляй кружки! — И когда вино было разлито, Филипп Афанасьевич продолжал: — Сынки, выпьем чарку, як гости пьют за честь хозяина, за здоровье его семьи. А наша семья велика, богатейша! Наша семья — весь советский народ! Смотрите, яки нам пишут письма, подарки шлют...

Филипп Афанасьевич грозно обвел всех глазами, точно готов был всякое возражение встретить решительным отпором, и, неожиданно смягчив голос, добавил:

— Стыдно нам будет дивиться в очи нашим сынам и внукам, ежели мы не побьем германца! О це и все!

Все в раздумье затихли. Как будто все замерло на миг: кто сидел на корточках, кто стоял на коленях, кто, вытянувшись во весь рост, прижимал кружку к груди, точно прислушиваясь к отзвуку сердца. Это была торжественная минута безмолвной присяги.

Вдруг Буслов поднялся, подошел к Шаповаленко, обнял его и поцеловал.

Минуту спустя все уселись за письма. Один только Яша Воробьев был в затруднении: в подразделение разведчиков никто не знал киргизского языка.

Филипп Афанасьевич пристроился под елкой и, еще раз перечитав письмо Фени Ястребовой, принялся сочинять ответ. Но он так был возбужден, что не знал, с чего начать, и для «успокоения» решил было подкрепиться еще одной чаркой. Покосившись на переметную суму, он, однако, не потянулся к ней, а лишь крякнул и вслух ругнулся: «Барбос, не замай думать». От греха подальше, он пошел в палатку к Салазкину и попросил его написать девушке ответ.

— В Пластинск, Фене Ястребовой? — спросил Салазкин.

— Точно, Володя, будь ласков, удружи.

— С удовольствием! Сейчас строевую записку отработаю и приступим.

Закончив свои дела, Володя оторвал чистый лист бумаги, разложил его на ящике из-под махорки и, взглянув на Филиппа Афанасьевича, спросил:

— Может, в стихах дунем?

— Брось, Володя! Пиши так, чтоб подходяще было. Ну, это самое...

— Понятно! — решительно перебил Салазкин и принялся строчить. Писал он бойко и стремительно. Карандаш в его руке двигался, как автомат.

«Писарь — так и есть писарь», — подумал Филипп Афанасьевич и вспомнил, как однажды в райземотделе подивился он на машинистку, которая одной рукой пудрила нос, а другой щелкала на машинке... Он просто не мог уразуметь, как можно одновременно совмещать два таких дела. Вот и Салазкин сейчас писал и грыз яблоко — подарок Уртабая.

— Готово! — сказал писарь, отрываясь от письма.

— Читай! — Филипп Афанасьевич, наклонив голову, приготовился слушать.

— «Разлюбезная Феня! — начал Салазкин. — С величайшим чувством воинского долга, с горячим в сердце стремлением сообщаю Вам, что получил Ваш подарок, от которого закипело в моей груди, как в эскадронной кухне...»

— Борщ або каша? — зверски поглядев на Салазкина, спросил грозно Шаповаленко.

— Нет, я поставил многоточие, — невозмутимо ответил Салазкин.

— Запятую тобі в бок, що ты пишешь! Бисова твоя душа! «Разлюбезная», «закипела»! Щоб у тебя в башке закипело, як тесто в квашне твоей бабушки!

— Не нравится?

— Тьфу! Иди ты ко всем шавкам с твоим письменством! — Филипп Афанасьевич яростно сплюнул и поднялся.

— Не хочешь, от себя пошлю, — заявил Салазкин.

— Куда пошлешь?

— Фене Ястребовой.

— А кому посылка?

— Да какое мое дело. Адрес есть, а посылка могла и мне достаться.

— Ну и что же? — немного опешив, спросил Филипп Афанасьевич.

— Ничего. Кому хочу, тому и напишу. Тебе-то что?..

— Да пиши хоть турецкому султану!

Шаповаленко, махнув рукой, шагнул к своей палатке.

— И напишу! — запальчиво крикнул вслед Салазкин. Но тут же, хохоча, добавил: — Филипп Афанасьевич, вернись, я пошутил. Честное слово! Вернись!

— Вернись, так не обрадуешься! — огрызнулся Филипп Афанасьевич и неожиданно лицом к лицу столкнулся с офицером связи Поворотиевым.

— Чего это вы бранитесь, товарищ Шаповаленко?

— Да вот, товарищ старший лейтенант, попросил писаря письмо составить, а он, щоб ему пусто...

— А вы что, неграмотный?

— Не то щоб неграмотный, но тут тако дило...

Филипп Афанасьевич подробно изложил всю историю и показал Поворотиеву фотографию.

Увидев на карточке девушку, Поворотиев так и застыл с улыбкой на лице. Ему казалось, что сейчас эта милая девушка с ласковым взглядом выпрыгнет из окна и белыми мягкими руками обовьет его шею. Шаповаленко протянул письмо Фени. Поворотиев быстро прочел его, и лицо его озарилось ясной и счастливой улыбкой.

— Написать, конечно, надо... Даже обязательно надо, — точно размышляя, проговорил Поворотиев.

— Як же не писать. Разве можно те писать... — подтвердил Шаповаленко.

— Вы напишите попроче и покороче. Скажем, так: большое красноармейское спасибо за подарок, постараюсь с честью защищать нашу родину...

— Верно, — согласился Филипп Афанасьевич. Совет лейтенанта ему понравился.

— Послушайте, товарищ Шаповаленко. Эта фотокарточка... Она вам очень нужна?.. — вдруг нерешительно спросил Поворотиев. При этом он невольно покосился прищуренным глазом на бороду казака, обильно украшенную сединой, на отвислые усы и глубокие морщины, точно сравнивая его лицо со своими загорелыми щеками, на которых, собственно говоря, и брить-то было нечего, если не считать золотистого пушка над верхней губой. Только брови у него росли густо и ровно, сцепившись над самой переносицей.

— Очень нужна! Разрешите итти, товарищ старший лейтенант? «Ишь ты, тоже фотокарточка понадобилась», — с внутренней обидой подумал Филипп Афанасьевич.

Ему казалось, что все стараются завладеть его подарком, не считаясь с

чувством законного права. Огорченный до крайности насмешливым и нелепо-вычурным письмом Салазкина и просьбой Поворотиева, он не утерпел и, придя в свою палатку, распечатал «НЗ» и, выпив самую малость, написал своей новой знакомой письмо, не подозревая, что лейтенант Поворотиев за это время испортил уже не меньше пятнадцати листов бумаги, но все-таки сочинил письмо Фене Ястребовой. Послал свое письмо и писарь Салазкин.

...Захар Торба вошел в палатку в тот самый момент, когда Филипп Афанасьевич в третий раз прикладывался к горилке. Между друзьями произошла размолвка. Захара возмутила недисциплинированность Шаповаленко.

— Что у тебя за натура така, Филипп Афанасьевич? — сказал он.

— Ни какой природы, — торопливо застегивая переметную суму, отозвался Шаповаленко.

— Як у тебя утроба принимает?..

— Ничего пища, с нее в голове чорт свище... — вытирая усы, балагурил Филипп Афанасьевич.

— Ты, Филипп Афанасьевич, дурку не кажи. Я тебе серьезно говорю...

— Та я не шуткую.

— Знаешь, что не приказано «НЗ» трогать...

— Да що ты ко мне причипився, як репей к бурке! Прямо хорунжий, только эполетов немає...

— Не хорунжий, а командир взвода!

Скулы Захара дрогнули, и он резко отчеканил:

— Пойдешь на конюшню дневалить.

— А не мой черед... — все еще не понимая, куражился казак.

— Вне очереди пойдешь! Понял?

— Это то, наряд? Взыскание? Да ты знаешь...

— Все знаю. За потребу неприкосновенного запаса накладываю...

— Щоб я пошел, щоб мне...

— Пойдешь! Я приказываю... — сухо и повелительно проговорил Захар, наблюдая за каждым движением своего друга. — Не забывай, Филипп Афанасьевич, зараз война!

Филипп Афанасьевич мгновенно смолк и, посапывая в усы, дергал их, точно пытался стряхнуть намерзшие ледяные сосульки, как это бывает в лютую зиму. Однако мороз ударил только глубокой ночью, когда дружок Захара Торбы сменился после внеочередного дежурства.

ГЛАВА 2

В октябрьские сумерки полки снялись по боевой тревоге и вышли на большой смоленский шлях.

Торба посмотрел на компас. Светящаяся стрелка показывала, что войска движутся на восток.

В эту ночь конница шла каким-то сумбурным, безалаберным маршем, то стремительной, переходящей в галоп рысью, то медленно, шагом, а то подолгу по неизвестным причинам топталась на месте. Такой неравномерный марш выматывал всадников. Быстро наступала усталость, клонило ко сну.

— Эй, казак! Смотри, коню уши отгрызешь!.. — тыча задремавшего в бок плеткой, говорил Шаповаленко. — Не вались на один бок, коню спину собьешь, наездник! Пешка топтать придется.

— Почему стоим, хлопцы? Не марш, а яка-то хреновина...

По рядам пробежал было недружный смешок и тут же замер. Казаки, видя проходящий мимо людской поток, тревожно переговаривались. По мерзлой земле, скрипя и громыхая, катились брички, солдатские кухни. Ревел скот, повизгивали поросята. Где-то наперебой плакали ребятишки. Вперемешку с обозами и артиллерией, тарахтя пулеметными дисками и котелками, шла пехота.

— Передать по колонне, почему стоим? — раздавалось по рядам.

— Делегатов связи в голову колонны, к генералу!

Обгоняя колонну, резвой рысью поскакали связные. По крепкой мерзлой земле дробно стучали копыта, выбивая подковами зеленоватые искры.

Конница снова тронулась, сначала тихим, томительным шагом, а потом, обгоняя движущуюся пехоту, стала переходить на неровную, еще более утомляющую рысь.

— Не пыли, кавалерия! — долетели из пеших рядов насмешливые словечки.

— Хорошо им на конях-то!

— Эй, усатый! — крикнул Филиппу Афанасьевичу какой-то солдатик. — Торопись, дядя, а то немцы усы твои концами на затылке завяжут.

— Шило тоби в бок! Чорт твой не батько! — крикнул Шаповаленко и, стегнув плетью своего Чалого, поскакал вперед.

На рассвете конница повернула от большака на проселочную дорогу, втянулась в ближайший лес и расположилась на дневку.

Пройдя по жесткому чернотропью шестьдесят километров, неподкованные кони ложились на землю.

— Вываживай коней, не давай ложиться, — приказывали командиры.

— Здається мне, хлопчики, що мы отходим, — качая головой, грустно проговорил Шаповаленко.

— Похоже, — подтвердил Буслов.

Филипп Афанасьевич расседлал захромавшего на марше Чалого и клочком сухой травы протер ему влажную спину.

— Нет, хлопчики, — не унимался Филипп Афанасьевич, — я больше никуда не поеду. Баста!

— Как это не поедешь? — удивленно спросил Буслов.

— Коня вам оставляю, а сам пешки назад.

— Куда назад? — улыбнувшись и тронув за плечо своего дружка, спросил Торба. Он сам не понимал толком всей лихорадочной спешки похода, но чувствовал, что во всем этом есть какая-то серьезная причина, известная лишь генералу Доватору. Уж он-то, наверное, знал, куда и зачем ведет свои части.

— В партизаны уйду! Точка! — решительно заявил Филипп Афанасьевич. — Хай другие втикают. А я воювать буду.

— Да как же ты, милаш, пойдешь в партизаны, когда находишься в регулярных частях Красной Армии? — возразил Буслов.

— Очень просто, Я доброволец! Ты можешь понять или нет? Куда хочу, туда и пойду. Ежели мы будем совершать этакие марши, то, наверное, скоро до Кубани дойдем.

— Может, это стратегический маневр... — смущенно заметил Торба.

— Я хочу фашистов бить, вот у меня какая стратегия. Сколько верст от Москвы до Смоленска? Четыре сотни. По шестидесяти в сутки — это, значит, через неделю до Москвы доедем. А потом до Кубани. Там нас колхозники встренут и скажут: «Здорово, Филипп Афанасьевич! Що же вы, дорогой наш защитничек, так запыхались, кажись, и не жарко?» Що я скажу — зараз с войны... «Так, так, — скажут, — а що ж вона за така война, що на вас и царапинки не видно? А где же вона та победа, о которой вы нам так добре расписывали на собрании, колысь на фронт уезжали и в грудь себя папахой вдаряли?»

Филипп Афанасьевич обвел всех присутствующих грозным взглядом, снял папаху и вытер ею начавшую лысеть голову. Казаки неловко топтались на месте. Настроение у всех было подавленное. Каждый, казалось, чувствовал за собой какую-то скрытую вину, которая начала обнаруживаться, выползая на свет во всей неприглядности.

— Як бы у меня глаза на спине були, — продолжал Филипп Афанасьевич, — я тоди, мабуть, проморгав. А то они на лбу, и совесть тут, — ударяя себя в грудь, закончил он.

— А як ты можешь кинуть армию? Это, знаешь... — нерешительно начал Захар, но Шаповаленко его прервал:

— Що кинуть? Я не кидаю, а биться иду! Ты меня дисциплинством не вкоряй! Я знаю, як треба поступить русскому чоловіку! Не сговаривай — уйду!

— А куда же ты уйдешь?

— Ко всем чертям...

— Это очень далеко, Филипп Афанасьевич, — неожиданно раздался сзади голос Доватора.

По своей излюбленной привычке Доватор всегда появлялся там, где его меньше всего ждали. Захочет поверить подразделение, выберет какую-нибудь прямую «дорогу» через кусты или по болоту, прыгает с кочки на кочку и как из-под земли вырастает перед глазами повара на эскадронной кухне или же на конюшне перед растерявшимся дневальным.

Разведчиков Доватор всегда держал у себя под рукой, поэтому располагались они неподалеку от штаба. Относился он к ним с особенным уважением, часто навещал, но предъявлял к ним больше, чем ко всем остальным, требований по службе. И сейчас Лев Михайлович пришел к ним первым.

Но этот раз неожиданное появление Доватора в генеральской форме вызвало неловкость и растерянность. Новое звание порождало глубокое уважение и почтительность и вместе с тем проводило между командиром кавгруппы и подчиненными определенную грань. Раньше, когда Доватор был полковником, у разведчиков с ним как-то сами по себе установились необычайно простые взаимоотношения. Разведчики это принимали как знак должного внимания к их опасной и почетной профессии. Поэтому удержаться на чисто официальной субординации было трудно. Они охотно шли на откровенный разговор с полковником по душам, пели при нем песни, весело шутили, балагурили. Но с генералом, с их точки зрения, такие вольности казались уже совсем недопустимыми.

Увидев Доватора, Захар Торба громко подал команду «смирно» и, сделав несколько шагов вперед, четко отдал рапорт.

— Вот и рапорт отдавать научился отлично, — поздоровавшись с разведчиками, проговорил Доватор. Он был без бурки, в новой, хорошо облежавшей его плотную фигуру бекеше с серебристой барашковой опушкой. На голове ловко сидела генеральская папаха.

Торбе, только что отдавшему рапорт, хотелось приветствовать генерала улыбкой, но неловкость за разговор Шаповаленко сдержала его. Он виновато нагнул голову и сдвинул ремешок каски ближе к кадыку, точно он резал подбородок, хотя был застегнут не туго. Заметив все это, Доватор понял, что разведчики чем-то взволнованы.

— Что это вы, хлопцы, ладошкой рты прикрываете? Кашлять, что ли, боитесь?

— Да ничего, товарищ генерал... — подавляя смущение, ответил Торба и, искоса взглянув на Шаповаленко, подумал: «Из-за тебя, бородатый, вся волынка. Партизан нашелся!»

— Ничего, брат, разберемся, — точно угадывая мысли Торбы, сухомерно заметил Лев Михайлович. — Дайте-ка сегодня коням двойную порцию корма.

— Кормить коней, воно, конечно, товарищ генерал... — нерешительно заговорил Шаповаленко. Но генерал на него даже и не посмотрел, а спросил, обращаясь к Торбе:

— Сколько хромых лошадей?

Филипп Афанасьевич нерешительно переступил с ноги на ногу и встревоженно поглядел на Доватора.

Всегда он разговаривал с ним с шутливой задушевной простотой. Много говорил о Кубани, где он когда-то служил в казачьем полку командиром эскадрона. И вдруг сейчас будто и не замечает его. Филипп Афанасьевич догадался о причине и хотел объясниться. Ведь ему просто обидно было, что они, казаки, куда-то отходят без единого выстрела, хотя всем не терпелось подраться. Вот почему он искренно считал свои обиды правильными.

— Сколько хромых коней? — переспросил Лев Михайлович, присаживаясь на седло Шаповаленко.

Торба ответил.

Филипп Афанасьевич подошел поближе к Доватору с твердым намерением заговорить. Вид у него был такой, будто генерал обещался притти к нему в гости, поговорить по душам, а вдруг зашел к соседу и начал с ним бражничать. Обида была кровная. Доватор это видел, но решил не менять тона и попрежнему внешне оставался безразличным к нему.

— Коням не давайте сразу ложиться. Проводку делайте. Массируйте скаковые суставы.

Доватор взглянул на Буслова и, согнув ногу в колене, показал, как надо это делать.

— Понятно, товарищ генерал, — тихо вмешался в разговор Филипп

Афанасьевич. — Но только, коли кони будут на трех ногах, як мой, то тут не разотрешь... Разрешите обратиться, товарищ генерал.

— Обращайтесь, — равнодушно ответил Доватор и удобней уселся в седле.

— Куда мы так поспешаем? — смущенно посматривая на генерала, спросил Шаповаленко.

— На отдых... — спокойно и коротко ответил Доватор.

Казаки, переглянувшись, недоверчиво улыбнулись.

Лев Михайлович отлично понимал настроение людей, и ему хотелось объяснить обстановку, но в данную минуту нельзя было говорить общими фразами о необходимости перемены позиций, а сказать прямо, что немцы быстрым темпом продвигаются к Москве, он не мог. Сначала ему и самому не верилось, что противник прорвал оборону в районе Холм — Жарковское, быстро расширяет прорыв и угрожает отрезать две наши армии. Конница, как подвижный резерв, должна была прикрыть отход наших частей на Ржевском большаке.

Надо было сказать людям что-то другое, важное, способное поднять боевой дух и укрепить дисциплину.

— Куда ж мы идем на отдых, товарищ генерал? — спросил Филипп Афанасьевич.

— Конечно, не на Кубань. А может быть, и туда пойдём... О тебе, наверное, там старуха соскучилась!

Веселый тон Доватора вызвал дружный смех казаков.

— Да вы шутите, товарищ генерал?

Шаповаленко растерянно дергал себя за мочку уха, где темнела крохотная дырка (когда-то молодой Филипп носил в ухе серьгу).

— Не шучу, а серьезно говорю, — ответил Доватор. — Фронт большой, могут и туда послать. Мы люди военные.

— Верно, — согласился Буслов, толкая Шаповаленко локтем.

— А сейчас торопимся только потому, что боюсь к поезду опоздать. Да в армейский склад надо поспеть, получить полушубки и валенки. Филиппа Афанасьевича надо одеть, а то ему холодно будет в партизанском отряде... Найдёт ли он там себе тетку Василису?..

Последние слова Доватора заглушил новый взрыв хохота.

— Да то ж неправда, товарищ генерал! — взмолился вконец растерявшийся Шаповаленко.

— Не веришь? Впрочем, ты мне вообще не веришь! А раз командиру солдат не верит, значит кто-то из них никуда не годится... Наверное, я...

— Щоб я вам, товарищ генерал... Да сроду этого не було. Да я...

— Как же не было? — перебил Доватор. — Только что при всех заявил, что уходишь в партизаны, оставляешь своих товарищей, а раз так, значит не доверяешь своему командиру! Ясно!

— Де не то, товарищ генерал! — решительней и смелей заговорил Шаповаленко. — Я же оттого, що сердце болит. Всю ночь ехав и думав: куда идем? Пехота смеется: «Швыдче, — кажуть, — поезжайте, а то немцы догонят»... Срамота! Нигде ни одного немца немає, а мы — силища така — идем без драки. Що такое!

Бойцы уже не улыбались. Каждый из них с такой же затаенной болью в сердце переживал нависшую над родиной угрозу. Оставлять врагу русские села и города было невыносимо тяжело. Доватор отлично понимал это. Ему было еще тяжелей.

— Немцы хотят захватить столицу нашу — Москву, — проговорил он негромко. — А мы, советские люди, знаем, что такое для нас Москва. Мы идем защищать нашу столицу. Вот почему мы совершаем такие длительные марши. Мы не можем отдать немцам Москвы. И никогда и никому не отдадим ее!

Все напряженно молчали. Захар Торба трясущимися руками, сам не замечая того, обрывал ременные кисточки темляка и машинально бросал их под ноги. Если бы ему вчера кто-нибудь сказал, что немцы подходят к Москве, он принял бы это за вранье, за насмешку. А сегодня это говорил сам Доватор!

— Ну как, Филипп Афанасьевич, в партизаны, значит? — после небольшой паузы спросил Лев Михайлович.

— Товарищ генерал, да разве я могу товарищей кинуть!

— Сегодня же отправлю. Передай коня и приходи в штаб, — с безоговорочной властью в голосе заявил вдруг Доватор и, поднявшись, ушел.

— Ну вот, казак, хотел партизанничать, так ступай теперь, — укоряюще проговорил после ухода генерала Яша Воробьев. — Чекалдыкнул вчера лишнюю чарочку, вот и выкинул коленце... А она, окаянная, как заиграет. Не только в партизаны, на гору Арарат воевать полезешь. Чалого-то кому препоручишь?

Шаповаленко подавленно молчал. Он знал, что генерал не любит отменять отданных приказаний.

— Седина в бороду, а бес в ребро, — сквозь зубы процедил Торба. Он знал характер Доватора и переживал за друга не меньше его самого.

Объехав свои части, Доватор возвратился в штаб сильно

взволнованным. В подразделениях оказалось много хромых лошадей. Поэтому бойцы вынуждены были отставать и вести коней в поводу. Некоторые группы угодили под бомбежку, имелись потери. Двигаться таким темпом было невозможно. Замерзшая земля затвердела, как железо. Некованные кони могут обезножить. Беспокойство еще больше усиливала создававшаяся на фронте обстановка. Сводка Информбюро сообщала о новых городах и селениях, оставленных нашими войсками.

Бегло просмотрев штабные документы, Лев Михайлович в ожидании интенданта задумчиво глядел в окно.

В огороде между кучами завядшей картофельной ботвы одиноко торчали не потерявшие еще зеленого оттенка костыли подсолнечника. Подальше сиротливо ютились голые мелкие осины. Даже березки, сверкая чистотой стволов, раздражали своим невеселым видом. Только цветок в плошке на подоконнике манил к себе свежими яркочерными лепестками. Лев Михайлович осторожно взял глиняный горшочек в руки и поднес к лицу. Но цветок был без запаха. С горькой досадой в сердце Доватор поставил его на место. Цветок без запаха все равно, что пицца без соли.

Подойдя к стене, Лев Михайлович снял с гвоздя шашку, вынул ее и попробовал острие. Оно было отточено Сергеем, хорошо и густо смазано маслом. Лев Михайлович положил клинок на стол и решил протереть его.

В дверь постучали.

— Интендант второго ранга Миронов, по вашему приказанию — доложил вошедший.

Миронов был высокий, плечистый человек с худощавым но широким лицом, с большими, пшеничного цвета усами выхоленными и пышно расчесанными. Казалось, что интендант отрастил их для того, чтобы подчеркнуть и выставить напоказ вместе со строгой военной выправкой и новенькой, с иголочки шинелью. На этот раз усы Миронова и его подчеркнутая опрятность вызвали у Доватора раздражение. «Одевается щеголем, а кони не подкованы», — мелькнуло у него в голове.

— Сколько имеете подков и ухналей? — подавая Миронову руку, спросил Доватор.

— Очень немного, товарищ генерал.

Интендант назвал самую мизерную цифру.

Лев Михайлович поморщился. Присев к столу, он положил ножны шашки на колени.

— Вы, очевидно, предполагали, что до зимы война окончится?

— Нет, товарищ генерал, как раз не предполагал.

Миронова удивил сухой, раздражительный тон Доватора. Он еще

никогда так не разговаривал.

— Почему же не приготовили подковы? Конница уходила в тыл противника, вы оставались здесь, надо было позаботиться...

— Я выполнил то, что от меня требовалось. Подал...

— Плохо выполнили, должен вам заметить! — резко прервал его Доватор.

— Как вам будет угодно, но заявки поданы вовремя, — ответил Миронов.

Доватору показалось, что интендант не только не болеет душой за порученное дело, но и смотрит на взволнованность своего командира со спокойной, небрежной усмешкой.

— Не мне угодно, а раскованным коням! Им не легче от ваших заявок! У них копыта лопаются!

Лев Михайлович взял со стола клинок и вложил его в ножны. Поставив шашку между колен и опираясь рукой на эфес, он продолжал раздельно, отчеканивая каждое слово:

— Извольте подковы добыть где угодно и через два дня перековать весь конский состав.

Вызвав машину, Лев Михайлович поехал в штаб армии возбужденный и разгневанный. Ему казалось, что снабженцы сейчас делают не то, что им следует делать, и не так думают, как следовало бы думать.

ГЛАВА 3

Со дня смерти Алексея Гордиенкова шел второй месяц, но перед глазами Нины он все еще стоял живой, до боли родной и близкий. Она помнила его решительные, отдающие силой жесты, спокойную, подкупающую простотой улыбку и черные глаза, в которых светились ласка, доброта и глубокая, покоряющая любовь.

Нина плакала мало. Слезы не давали обычного облегчения. В ее душе с болезненным напряжением трепетала невыносимая мука, казалось, не хватит сил ее превозмочь. Кратковременный отдых и сентябрьское затишье на фронте не принесли покоя. Жизнь шла размеренным шагом, как конница на учебном марше: санитарная обработка, долечивание легко раненых, перевязки, градусники, кодеин от кашля, диета желудочным больным.

Дни повторялись, они были похожи один на другой, точно монетки одинакового достоинства. По вечерам, в санитарной палатке, при тусклом свете коптилки Нина с вялым безразличием съедала принесенный Яшей

Воробьевым ужин и, отодвинув тарелку, сжимала ладонями голову, углубляясь в невозвратно ушедшее прошлое. Иногда она пыталась что-то записать на бумагу, но слова, нужные для выражения душевных переживаний, не приходили. Казалось, они были пусты и жалки, как маленькие, прыгающие буквы в кривой строчке. Скомкав исписанные листы, она продолжала неподвижно сидеть до тех пор, пока кто-нибудь не приходил и не нарушал ее мрачного оцепенения.

Однажды ночью Доватора начала сильно беспокоить нога, давно, еще до войны, ушибленная на конноспортивном состязании. Не желая нарушать отдых уснувшего адъютанта, он, накинув на плечи бурку, решил пройти в санчасть. Стояла лунная, с легким морозцем ночь. Облитые светом верхушки деревьев дрожали от глухих артиллерийских залпов.

Заметив в гуще молодых елок одиноко мерцающий огонек, Доватор направился туда.

Заглянув в маленькое окошечко санитарной палатки, он увидел Нину. Она сидела за столом перед пустой тарелкой и не замечала пылающего в консервной банке фитилька, от которого тянулась к потолку черная струйка дыма.

— У вас «электричество» копит, — входя в палатку, сказал Доватор.

Нина вскочила. Сняв пальцами нагар, она переставила банку на другой угол стола. Закинув за ухо прядь волос, тронула рукой лоб, потом щеку, как будто у нее болела голова или зуб.

— Так и прокоптиться можно. Посмотрите, у вас лицо в саже, — пряча улыбку, добавил Лев Михайлович.

На щеке Нины густо отпечатались черные следы пальцев, выпачкан был и подбородок и даже кончик носа. Отвернувшись, она торопливо схватила зеркальце, пытаясь вытереть щеки, но еще больше размазала копоть. «Хороша», — мелькнуло у нее в голове. Путаясь и краснея, Нина тихо сказала:

— Извините, товарищ генерал... Я сейчас умоюсь...

Лев Михайлович присел на чурбак, служивший табуретом, и, сдвинув на затылок папаху, откровенно улыбнулся и сказал:

— Лечиться пришел. Умывайтесь и дайте мне чего-нибудь: нога болит.

— Может быть, доктора? — Нина машинально терла ладони и вопросительно смотрела на генерала.

Немного склонив голову, он поглядел на Нину участливо и покровительственно. В эту минуту сам он больше походил на врача, чем на больного. Лев Михайлович видел тревожный блеск глаз Нины. Над выпачканными щеками они казались строже и выразительней.

— Не будите доктора. Дадите порошок, и все.

Нина вышла. Доватор слышал, как за стеной палатки, гремя котелком, она умывалась, потом, колыхнув брезентовые двери, вошла с полотенцем на плече, освеженная, причесанная.

— Почему не спите? — посмотрев на часы, спросил Доватор. Было уже три утра.

Нина молча кивнула головой в угол. Там висела бурка Алексея, напоминая о его незримом, но ощутимом присутствии. Доватор заметил этот взгляд и понял, какие мысли занимают Нину. Он сам тяжело пережил смерть Гордиенкова, близкого друга и воспитанника. Но он не мог, не должен был проявлять малодушия. Жизнь под ударами войны ломалась, перекраивалась и разрезалась, как твердые пласти целины под плугом.

— Трудно? — с внутренним напряжением спросил Лев Михайлович. Откинув полы бурки и положив ногу на ногу, он смотрел на девушку.

— Трудно! — откровенно и доверчиво призналась Нина и, не успев проглотить вздоха, вздрогнула точно от удара. Ей показалось, что внутри у нее оборвалась последняя нить, которая сдерживала ее жестокую, тяжкую скорбь.

— Если хотите, я вас переведу в другое подразделение, — дав ей выплакаться, сказал Лев Михайлович. — Будет легче!

Он понимал, что и ему это необходимо: девушка своим присутствием каждодневно напоминала о воспитаннике. Она заставляла его мысленно задавать один и тот же вопрос: правильно ли он сделал, послав Алексея тогда со станковым пулеметом? Но ведь и сам он шел впереди, лежал в боевых порядках и, не уведи его тогда Петя Кочетков, он, может быть, разделит бы судьбу Алексея.

— Да, все напоминает, все, — качая головой, повторила Нина. — Конь, бурка, люди... В особенности Яша...

...После смерти Алексея Нина ездила на его коне. Яша остался у нее коноводом. В проявлении внимания и заботы он был неистощим и делал все это очень трогательно и даже нежно. Найдет в переметной суме или в вещевом мешке какую-нибудь безделушку и тащит ее Нине.

— Посмотрите, товарищ военфельдшер, пуговичку нашел от его гимнастерки, оторвалась она под деревней Малая Пустошка. Я помню.

— А чего же тогда не пришили?

— Я хотел, а он говорит, опосля сам пришью. Ить знаете, какой был человек, сапоги вычистить не дает. Украдкой утащишь, а он утром говорит: не смей...

Нина брала пуговку и, повертев ее в руках, спрашивала:

— А где гимнастерка?

— У меня. Все храню. Целехонька...

— Неси, пришьем.

Яша, полагая, что он делает для Нины огромное удовольствие, со всех ног бежал за гимнастеркой. Нина садилась пришивать пуговицу, тут же пристраивался Яша. Начиналось тихое собеседование и воспоминания.

— Обходительным был покойничек, последний сухарь делил напополам... Бывало все объяснит, растолкует. А уже ежели промашку дашь, так прикрикнет, глазами сверкнет! Тут держись!..

Все эти разговоры вызвали в душе Нины ноющую, физически ощутимую боль. Она припоминала еще и еще раз все лучшее, что связывало ее с Алексеем, и ей казалось, что горечь утраты никогда не покинет ее...

— В новой обстановке, — продолжал Лев Михайлович, — настроение изменится. Другие люди, другие впечатления. Постепенно сгладится все.

— Это никогда не сгладится, — подавляя слезы, твердо проговорила Нина.

— Не хочу возражать. Однако в жизни многое проходит, многое забывается. Вы еще молоды. Успокойтесь, иначе будете смотреть на жизнь. Перед уходом в рейд майор Осипов получил письмо о гибели семьи. Знаете, как переживал? Шутка сказать: двое детей, жена... И никому ни слова...

— Неужели это правда?

Нина встрепенулась, взмахнула бровями и пристально посмотрела на Доватора. Она вспомнила, как во время похода через болото Антон Петрович, выпачканный в грязи, заставлял тяжело раненого красноармейца смотреть бодрей и уверял его, что он скоро попадет в госпиталь и все будет хорошо. Он дал ему сухарь, отломил кусочек и Нине. Молоденький паренек, вяло шевеля губами, грыз сухарь, кулаком растирая на веснуцатых щеках слезы, и, морщась, силился улыбнуться.

Подмигнув Нине, Антон Петрович тогда сказал:

— Все заживет. Во-время приласкай человека, он поплачет и успокоится...

Потом еще ввернул какую-то шутку и заставил улыбнуться даже тяжело раненых казаков.

Нине не верилось, что этот человек шутил и смешил других именно в тот день, когда получил известие о гибели семьи.

— Я сам читал письмо... — точно угадывая ее мысли сказал Доватор: — Мы часто не замечаем, какие трагедии люди переживают рядом с нами.

Самое главное — не надо теряться. Осипов человек волевой, сильный, потому и не растерялся, а разве ему было легко?..

— Не легко, — согласилась Нина.

То, что она узнала, изумило ее, и ей захотелось уйти в работу так, чтобы все забылось и помнилось только одно — тот большой долг, ради которого она захотела разделить участь всех, кто боролся и умирал за родину.

На следующий день Нина была переведена в полк Осипова.

...Выслушав доклады командиров подразделений, Антон Петрович Осипов взволновался. За время марша в полку оказалось свыше сорока отставших. После смерти Чалдонова командиром первого эскадрона из-за отсутствия резерва пришлось назначить бывшего начинжа лейтенанта Рогозина. На него-то Антон Петрович и напустился, благо у Рогозина было больше всего хромых лошадей. При встрече с командиром полка лейтенант всегда терялся, во время доклада путался, краснел. Лицо у него было девичье, розовое, а волосы на голове густые, белокурые, похожие на спутанную пеньку. Говорил он тихим, словно извиняющимся голосом.

— Громче, — прикрикнул на него Осипов, а про себя думал: «Экая романтическая личность».

Но сегодня Рогозин его удивил. Он неожиданно взъерепенился и заговорил с командиром полка так, как раньше никогда не говорил.

— Как это ты, «тихоня», весь эскадрон не растерял? — возмутился Антон Петрович.

— А я это сделаю на следующем марше, — невозмутимо брякнул Рогозин.

— Да ты что, милый, волчьих ягод наелся?

Осипов шевельнул бровями и, постукивая ногтями о полевую сумку, смерил взглядом Рогозина.

Тот, покусывая пухлые девичьи губы, раздраженно сгибал и разгибал пальцы опущенных рук.

— Так конницу не водят, — вдруг выпалил он. — Глупый марш. Кованые лошади и то падают, а...

Осипов договорить ему не дал.

— Довольно!

Антон Петрович с удивлением заметил, что «тихоня» чем-то озлоблен и отчаянно настроен. Выпады Рогозина были просто оскорбительны. Лучшим знатоком вождения конницы во всем корпусе справедливо считался подполковник Осипов. А тут какой-то лейтенант осмелился

осуждать...

Однако командиры эскадронов тоже хмуро помалкивали. Все понимали, что марш совершен не так, как следовало бы. Причиной тому было огромное скопление войск на узких лесных дорогах, задержки, пробки и ограниченное время.

— Очень уж плоха дорога-то, товарищ подполковник. По такой дороге... — начал было Биктяшев, но его оборвал Осипов:

— Знаю, и не оправдывайтесь! Командир полка собрал вас сюда не на заседание месткома. Извольте приступить к ковке лошадей.

— Но подков нет, товарищ подполковник, — слышались возгласы командиров.

— Подковы будут, — заверил их Осипов, хотя и не был уверен, что достанет их.

Отход нарушил всю планомерность снабжения. Тылы отставали, попадали под бомбежку, путались в лесах и потом неделями разыскивали свои части.

Отпустив эскадронных, Осипов решил ехать к командиру дивизии, но в шалашик, выстроенный на скорую руку для подполковника, вошла Нина. Она принесла еще одно неприятное известие. Группа бойцов, отставшая с хромыми лошадьми, попала под бомбежку. Привезли раненых и убитых.

Антон Петрович, сжав зубы, морщился.

— Надо отправить всех раненых в госпиталь, — немного подумав, приказал он Нине.

— Куда же отправлять? Медсанбат неизвестно где. Посылали искать, не нашли.

— Надо отыскать какой-нибудь другой госпиталь.

— Есть рядом с нами в лесу, но туда не берут.

— Как это не берут?

— У них все машины перегружены, а у нас даже перевязочных материалов нет. Все медицинские повозки отстали.

У Антона Петровича на лбу заметно вздулись жилки, сведенные к переносице брови задержались.

— Повозки-то почему отстали? — спросил он сурово и требовательно.

Нина с первых же дней после перехода в полк подействовала на Осипова раздражающе. Вручив распоряжение Доватора, она с откровенной сердечностью рассказала Осипову о своих переживаниях и чувствах. Потом вспомнила и о его несчастье.

— Утешать не умею и сам не ищу утешений, — сказал Осипов с таким холодком, что Нине стало ясно, что отношения их теперь будут далеко не

такими, как хотелось бы ей. Сейчас на вопрос Осипова, почему отстали повозки, она, немного волнуясь, ответила:

— Да мы спешим куда-то... А повозки не могут угнаться за кавалерией...

— Значит нужно, если спешим...

— А фронт сейчас, товарищ подполковник, далеко? — осторожно спросила Нина.

— Теперь везде фронт!

Антон Петрович и сам не знал, где проходит фронт. Он не хотел говорить на эту тему, и каждый, как ему казалось, нелепый вопрос Нины раздражал его все больше и больше.

— А как же все-таки быть с ранеными? Ведь есть очень тяжелые...

Осипов почувствовал в голосе Нины затаенную горечь. Ее сердечная забота о раненых тронула его, и ему как-то неловко стало за свой грубоватый разговор с ней.

— Передайте доктору, — сказал он мягко и примиряюще, — что мы отправим раненых немедленно. Распоряжусь.

— Но у нас нет повозок!

— Найдем повозки! — решительно заявил Осипов.

Нина ушла на этот раз с облегченным чувством.

ГЛАВА 4

В лесу, неподалеку от деревни Земцы, часовые остановили машину Доватора.

— В чем дело? — приоткрыв дверцу, спросил Лев Михайлович.

Увидев генерала, сержант с петлицами пограничника почтительно козырнул, но все-таки вежливо потребовал документы.

— Мне нужен штаб армии. Я генерал Доватор.

Сержант проверил документы и снова почтительно откозырнул.

Лев Михайлович задумался так крепко, что и не заметил, как заехали на просеку. Когда вылез из кабины, увидел: почти под каждым кустом стояли замаскированные машины, доверху нагруженные снарядами ящиками и военным снаряжением. Шоферы сидели группками. Всюду слышались приглушенные звуки работающих моторов, кругом чувствовалась какая-то таинственная напряженность.

В блиндаж Доватору пришлось пролезть боком. За единственным столом сидели командарм и начальник штаба Гордей Захарович.

— Ты кстати приехал. Тут приказ заготовлен, — здороваясь, сухо проговорил командарм.

Гордей Захарович что-то прогудел в усы и скребнул рукой подбородок. Его большой нос склонился к бумагам.

— Мне хотелось точно узнать обстановку, — начал Доватор. — Затем у меня...

— Надо полагать, штаб армии в своих приказах указывает обстановку? — Командарм вопросительно посмотрел на Доватора, словно на незнакомого человека.

Льву Михайловичу стало не по себе. На приглашение командарма садиться Доватор отозвался:

— У меня катастрофическое положение с ковкой лошадей... Еще один такой марш, — и кони обезножат.

Но командарм не слушал его. Скупно усмехнувшись, он взял со стола бумажку и молча подал ее Доватору.

Пробежав первые строки, Лев Михайлович почувствовал, что голова его идет кругом. Это был боевой приказ на марш с более жесткими сроками, чем предыдущий. Гибельный марш для некованных коней!

— Очень трудно выполнить такой приказ, товарищ генерал.

— А я вас об этом не спрашиваю, товарищ генерал-майор, — отчеканил командарм. Он встал из-за стола, высокий и плечистый, и голова его чуть не коснулась потолка блиндажа.

Гордей Захарович, пощипывая ус, прищурился, веки у него набухли от бессонницы.

— Почему соединение не получает боевой задачи? Люди рвутся в бой, а мы их отводим на восток, даем шестидесятикилометровые марши на раскованных конях? — тихо спросил Доватор.

— Люди рвутся в бой — это хорошо! А вы будете выполнять стратегическую задачу! — заметил Гордей Захарович.

— То-есть?

— Оборонять Москву!

Лев Михайлович, не понимая, взглянул на командарма.

— Да! Будем отстаивать Москву, — не поднимая головы, тихо подтвердил командарм.

— Отстаивать Москву! — неожиданно выкрикнул Доватор и, порывисто встав, добавил: — А отдавать Москву никто и не собирается!

— Совершенно верно! Стратегическая цель Главного Командования заключается в том, чтобы разбить гитлеровцев под Москвой. Поэтому конские подковы не могут влиять на выполнение стратегической задачи.

Армия отходит на новые рубежи. Вам приказано совершить быстрейший марш. В самом ближайшем времени вы получите боевую задачу... Только уже у нового командующего армией.

Командарм медленно опустил голову. Аудиенция была закончена.

Доватор, громко стуча шпорами, поднялся по ступенькам блиндажа наверх.

В ясном и морозном безветрии грохот стрельбы был отчетлив и близок. Красноватый свет предвечернего солнца ложился на забрызганную грязью машину, на кочкастую дорогу, скользил по вереницам повозок, нагруженных разной кладью. Солдаты, дергая вожжами, понукали замученных лошадей, другие устало шли сзади.

Доватор с грустью провожал глазами это невеселое шествие. Вдруг солдаты на повозках побросали вожжи и, соскочив на землю, пустились бежать по жнивью к молодому соснячку. Доватор, не понимая, в чем дело, приказал шоферу остановить машину. Выйдя из кабины, он услышал гул моторов. Впереди, над чернеющим лесом, летели самолеты со свастикой. Доватор стал было считать, насчитал шестьдесят и бросил...

Земля стонала и вздрагивала от бомбовых разрывов. Сжав голову руками, Лев Михайлович сел на край придорожного кювета и огляделся. Самолеты бомбили район сосредоточения конницы. Присевший на корточки шофер выглядывал из кювета, как хорек из норы. Иногда он поворачивал голову и наблюдал за генералом. Тот спокойно полой бурки тер носки сапог.

Самолеты продолжали выть и пикировать. Ближайшая от машины лошадь с повозкой свернула с дороги и, прилепывая губами, тянулась к увядшей травке. От голодного нетерпенья она громко звенела удилами и мотала головой.

Доватор встал, отвязал от дуги повод и разнуздал лошадь. Та, словно в благодарность, коснулась его руки горячими губами и, тряхнув головой, жадно припала к траве. От прикосновения конских губ Доватор почувствовал внутреннее облегчение. Он наклонился, собрал растянувшиеся на земле вожжи и положил их на бричку. В передке ее лежала свернутая подушечкой плащ-палатка, а вся повозка была загружена подковами. Они связаны были пачками. Лев Михайлович потрогал одну из них, хотел поднять, но она была очень тяжелой. Самолеты уже скрылись, и от лесочка группками подходили бойцы. Хозяин повозки, что была с подковами, подходил не торопясь, но, увидев генерала, припустился бегом. Остановившись перед генералом, он четко отрапортовал:

— Ездовой конардива Семен Зорькин!

— А где ваш конардив? — спросил Доватор.

Солдатик смущенно пожал плечами. Был он молод, краснощек, в измятой короткой шинели и в натянутой на уши пилотке.

— Не могу знать, товарищ генерал.

— Куда же ты двигаешься?

— Да туда, куда и все. Отходим, — Зорькин кивком головы показал на восток. — Наши вперед уехали, а у меня конь пристаёт, кладь тяжелая.

— Добре! Я тебя облегчу. Заберу подковы, — немного подумав, проговорил Доватор.

Подков было немного, но на эскадрон хватило бы.

— Как прикажете. Я с моим удовольствием. Прямо хоть на дороге выбрасывай. Конь совсем не тянет.

Когда подковы были перегружены на автомашину, солдатик немного призадумался, поглядел на Доватора и спросил:

— А ежели, товарищ генерал, меня старшина встретит, какой мне ответ держать? Я вчера на станции Нелидово получал и расписался. Вы, может, мне бумажку дадите?

— В Нелидове, говоришь? — спросил вместо ответа Доватор.

— Так точно. Там их горы...

— Добре. Я тебе напишу форменную расписку. Лев Михайлович, достав из полевой сумки блокнот, написал документ, передал его обрадованному солдатику, а сам сел в машину и покатыл на станцию Нелидово.

...В подразделении разведчиков казаки рыли щели. Буслов вместе с Петей Кочетковым закрыли яму сучьями, завалили дерном и даже ухитрились сделать небольшую печь. Прорыли глубокую нишу, сверху пробили в мерзлой земле дырку для дымохода, и печь получилась на славу. Петя торжествовал. Ему приходилось делать печки, чтобы жечь в них бумажки, но тут было все по-настоящему: можно погреться, сварить суп, испечь картошку. В эскадроне он уже совсем освоился, во время строительства перебегал от одной группы к другой, делал свои замечания, давал советы, а если уж очень надоедал, его вежливо отсылали:

— Ты бы, Кочеток, сходил посмотрел...

— Чевой-то?

— Да Гнедой у меня с утра вверх спиной стоит...

— Да ну? Может, он кувыркнулся? Так с утра и стоит?

— Так и стоит...

— К доктору бы надо, — шмурыгнув по носу варежкой, резонно

заявлял Петя.

— Да это только ты в санчасти околачиваешься...

Петя щурил глаза и немного конфузился. На последнем марше его так растрясло, что пришлось не раз спешиваться... Добрую половину пути Петя ехал в санитарной повозке под присмотром фельдшера.

— Да я не хотел... — оправдываясь, говорил Петя.

Филипп Афанасьевич любил Петю и часто забавлял его удивительными сказками, но сегодня он был хмур и неприветлив. Все время что-то копался в переметных сумах, сортировал нехитрые солдатские пожитки и аккуратно укладывал их в вещевой мешок.

Он написал письма колхозникам и жене своей Полине Марковне. Ей писал долго, терпеливо, кривыми буквами, насыщая каждое слово задушевной искренностью. Таких длинных писем он не писал давно.

«Дорогая, любезная моя супружница. Прожив я с тобой тридцать рокив, а того ще на вику не бачив. Дела мои идут не швидко. Зараз у меня вышла с генералом пренья по военной стратегии, и мы трошки повздорили. Не подумай, що я пустился в разные слова непотребные и действия, як в 1921 роке с писарем Нечипуром, который вчинил нам с тобою срам на усю станицу, колысь я был председателем стансовета, та ще малограмотным. Зараз я могу всякое интеллигентство понимать, а в военном деле трошки маракую.

Я описывал тобі, як мы германца в тылу били, як мне орден дали. А зараз мне не дают не только шабли вынуть, но и автоматом пальнуть ни разу не приходится. Почему? Потому, що это дило военное и знать тобі не треба. А у меня сердце дюже болить, бо решил я бить немца партизанской сноровкой. Зараз писем не жди и не мокроглазничай дюже. Хоть я и ухожу, но с генералом у меня великая дружба, потому що на войны всегда дружба крепкая, як хорошая подкова. А генерал у нас нахрабрейший и обходительный, очень сходный на товарища Котовского. Но у мене характер, як у борова на спине щетина. Трошки бываю похож на дурня. Ты оце добре знаешь. Мабуть, колысь меня зародили, то бог и чертяка трошки повздорили, оттого и получился такой неказистый... Порося, що гудували, режь к великому октябрьскому празднику и кушай на здоровьечко. Резать позови того хромого чорта писаря Нечипуру, печенку ему поджарь, а горилки щоб и духу не було, а то вин потом целый месяц будет чертей с красными языками ловить и все дела закинет и до тебя будет чепляться... От него через это я всякое лиходеяство терпел. Зараз оглядайся, я ще силу имею и всякое могу зробить. Но ты знаешь, що я себя блюсти умею ось як. Жалкую, що у нас хлопца немає. Зачипили мы в тылу одного, без матки и

без батька. Хлопчик Петька дуже приятний і башковитий. Пока я тобі писульку накропал, он стремена кирпичом до блеска натер. Молодчага! Была бы ты поближе, взяли б мы его заместо сына. Ну, бувай здоровенька, не поминай лихом. Еще свидимся, коли германца разобьем, а коли нет, домой меня не ожидай. Ни який ворог от меня покорства не дождется».

Филипп Афанасьевич сложил письмо треугольником, лизнул бумагу языком и написал адрес. Сзади незаметно подошел Петя Кочетков.

— А вы, дядя Филипп, сегодня рассказывать будете?

— Що такое?

— Про хана турецкого...

— Э-э, сынок, мени больше рассказывать не придется... — хрипловатый басок Филиппа Афанасьевича был заглушен ржаньем коня и тревожно крикливой командой: «Воздух!»

Из-за леса нарастал утробный гул, наполняя небо густым зловещим рокотом моторов. Казалось, что земля начинает покачиваться, а могучие ели, сосны и молодые березки вздрагивать и шевелиться.

— В окоп, сынок! — крикнул Шаповаленко Пете, но мальчик, ранее напуганный бомбежкой, схватил его за ногу и спрятал голову между колен. Филипп Афанасьевич подхватил паренька на руки и побежал к щели. Там уж было битком набито. Казаки на руки приняли Петю.

Шаповаленко, пригнувшись, бросился к ближайшим елям, где были привязаны кони. На опушке неистово стучали зенитки. С замаскированной тачанки, вздрагивая кургузой мордой, бил пулемет. Над лесом бешено ревели моторы.

Пронзительный, жуткий вой пикирующих машин, свистящие звуки падающих бомб, сливались, перемешивались с адским грохотом разрывов. Падали исковерканные деревья, летели вверх комья мерзлой земли, взрывы валили молодой орешник и ольшаник, заволакивая все смрадом и едким дымом.

Филипп Афанасьевич, сжимая в руках карабин, видел над лесом, в облачках разрывов зениток, кружившиеся самолеты. Казалось, что это были стаи хищных огромных птиц. Бомба с пронзительным свистом ударилась около того места, где он только что писал письмо. В грохочущем вихре разрыва исчезла цель. Сквозь груды обломков, в клубах серого дыма ползли, бежали, льнули друг к другу люди. Мчались кони с распущенными чембурами. Кругом слышался беспорядочный треск пальбы. Над верхушками деревьев низко прошел самолет. На его желтых огромных плоскостях чернела кричащая, точно скрученная из змеиных голов свастика.

Филипп Афанасьевич быстро всунул в магазин обойму бронебойных патронов и начал бить в желтое обнаженное пузо самолета. Бил азартно, с неистовым ожесточением.

Гул моторов откатился влево. Над истерзанным лесом на миг выплыло сероватое облачко, из-за него неожиданно показалось затемненное дымом солнце.

К Филиппу Афанасьевичу на четвереньках подполз вымазанный в земле Володя Салазкин. Рядом, ошалело тычась мордой, прошел чей-то конь с оборванным поводом. Из-под дерева выскочил Яша Воробьев; подхватив чембур, он повел коня в кусты и хрипловато крикнул на ходу:

— Не маячьте! Сейчас еще прилетят.

— Ты ранен? — наклонившись к Салазкину, спросил Шаповаленко.

—Я? Нет. — Он утер рукавом мокрое, грязное лицо и одичало осмотрелся по сторонам.

— В щель угодила... Захар, Буслов, Петя... Щоб ты... Идем, может, кто...

Филипп щелкнул затвором, выбросил из патронника стреляную гильзу и вскинул карабин на плечо.

— Я выскочил, — глухо бормотал Салазкин, — а их завалило. Бомбища, наверное, тонна...

Шаповаленко рванулся было к щели, но над лесом снова загудели самолеты.

— Назад! — крикнул Салазкин. Филипп Афанасьевич, возвратившись, встал под елку и, скинув с плеч карабин, перезарядил его.

— Ты что, стрелять хочешь? Не смей! Демаскировка! — Салазкин поймал его за ногу. — Брось, пожалуйста, брось! Заметит!

— Цыц!

Шаповаленко, выругавшись, отшвырнул его ногой.

Самолеты без боевого разворота летели над лесом с предельной скоростью. Филипп Афанасьевич, загораясь кипучей яростью, начал стрелять по самолету. Вдруг над верхушками деревьев вынырнули тупоносые самолетки с красными звездочками. То там, то здесь вспыхивало яркое пламя трассирующих пуль. Шаповаленко опустил карабин. На лице его были и слезы и улыбка. Немцев гнали наши истребители. Они стремительно неслись вслед за удаляющимися «Юнкерсами». Повернувшись к Салазкину, Филипп Афанасьевич крикнул:

— Ха! Молодцы! А ты сукин сын! Рванный чобот! Визжит, як недорезанный хряк! Який тобі батько зробил, такого трусача? Ховайся, а то вдарю!

Казак, тряхнув карабином, повесил его на сук и, схватив саперную лопату, бросился к щели. У края обвалившейся ямы, отряхиваясь, стоял Торба. Из-под каски выглядывало его выпачканное в глине лицо, над горбатой переносицей живо поблескивали улыбающиеся глаза.

— Захар?! — Шаповаленко остановился с лопатой в руках, точно могильщик перед покойником.

— Ого! — откликнулся Торба.

— Попало?

— Трошки. Бачил, що творит, сатана?

— Дышло ему в глотку! Где Петька? Буслов? Павлюк?

— Да тут мы... — Из щели показалось лицо Буслова.

Филиппу Афанасьевичу казалось, что спокойней и добродушней этого лица он никогда в жизни не видал. Оно было ребячески молодо, забавно и в то же время мужественно и красиво. Протянув Буслову обе руки, Шаповаленко рывком вытащил его из щели.

— Кони разбежались. Собирать надо! — кричал подходивший Яша Воробьев. Следом шел Салазкин, потирая распухшую щеку: ком мерзлой земли угодил ему в лицо.

— Надо, хлопцы, коней... — начал было Захар, но, спохватившись, спросил: — Санитары где?

— В третьем взводе перевязывают, — ответил Яша. — А у нас как будто ничего. Вот только Салазкина чуточку оглушило.

— Пустяки! — Салазкин махнул рукой и робко глянул на Шаповаленко.

Тот погрозил ему кулаком и не без ехидства проговорил:

— Якие пустяки, целая тонна!

— Какая там тонна, килограммов пятьдесят, — показал Захар на воронку.

Бомба разорвалась как раз там, где лежал вещевой мешок с пожитками Филиппа Афанасьевича. От них ничего не осталось, кроме каким-то чудом уцелевшей карточки Фени Ястребовой.

— Ось! Мама ридная... Все пропало! — кричал Шаповаленко. — Старый дурень! Дубина! Не мог уберечь, мурло бородатое!.. — держа в руке карточку, колотил он себя кулаком по лбу.

— Да что пропало? — не выдержал Торба. — Карточка цела. А ну, дай сюда.

Захар взял фотографию, она на самом деле была только помята и запачкана, а лицо Фени сохранилось полностью.

— Все в порядке, даже улыбается!

— А вещевой мешок, где вещевой мешок? — не унимался Филипп Афанасьевич.

— Штаны жалко? Мыло, бритву?

— Якие штаны! Якое мыло! План колхозной жизни пропал, на двести восемьдесят шесть пунктов!

— А зачем ты его туда сховал? — сердито спросил Торба.

Ему действительно было жаль тетрадь. Вместе когда-то сочиняли. Хорошо было помечтать, пофантазировать о будущей жизни.

— А еще в Кремль хотел послать... — укоряюще проговорил Захар. — Там на сколько пятилеток материалу? Эх, ты!

— Да какой план? Тетрадь, что ли, синяя? — спросил Салазкин.

— Ну да, — сокрушенно ответил Шаповаленко.

— Да она же у меня. Ты мне утром переписать дал, а я не успел. Вот она...

Салазкин полез в сумку.

— А правда. Совсем, братья, забылся. Разбомбили память, окаянные! А ну, давай сюда.

Однако, порывшись в сумке, Салазкин не обнаружил там тетради.

— Постой-ка, где же я ее мог оставить? — смущенно бормотал он.

— Потерял? — Филипп Афанасьевич встал и пошел на писаря медведем...

ГЛАВА 5

Машина Доватора подкатила к штабу группы. Ясный морозный день угасал. Солнце уходило за темнеющее окружье леса. На неопавших красных листьях осины горели закатные лучи. Деревенька, куда прибыл Доватор, была в смятении. По улице, пугливо озираясь, женщины тащили узлы. За ними бежали ребяташки. Какой-то старик копал в огороде яму.

Увидев в окно генерала, Карпенков вышел навстречу.

— У нас налет был, — сказал он и умолк.

Доватор его не слушал. Он стоял и, хмурясь, смотрел на старика, копавшего яму. Нехорошие мысли лезли в голову, и он не знал, как и чем отогнать их. Развязав на груди ремешки бурки, генерал отрывисто сказал:

— Знаю о налете. Видел... А какие потери?

— Жду сводку.

— Поторопи, — произнес Доватор. — А сейчас пиши распоряжение о подготовке к длительному маршу. Есть приказ. Выступаем через двадцать

четыре часа.

— Опять длительный... Куда? — спросил Карпенков.

— Стратегический. После поговорим. Срочно пришли ко мне Миронова.

Лев Михайлович махнул рукой и пошел в хату.

Когда вошел Миронов, Доватор сидел за столом, обедал. Интенданта он встретил мягко и приветливо. Запросто пригласил:

— Садитесь кушать.

Миронов поблагодарил и отказался. Интенданту показалось, что генерал разительно переменялся.

За обедом Доватор сообщил Миронову, что на станции Нелидово стоит несколько эшелонов с материальной частью. Там есть и подковы. Надо их взять.

— Как взять? — озадаченно спросил Миронов. — Нужно ведь распоряжение армейского интендантства.

— Напишите уполномочие за моей подписью и действуйте.

— Это будет похоже на самоуправство, — нерешительно возразил интендант. — Могут не дать...

— А вы сумеете взять.

Лев Михайлович улыбнулся, лукаво прищурил глаза.

— Если этого не сделаете, сам поеду. Вам же стыдно будет!

Доватор взглянул на Миронова. Тот, склонив голову, понимающе улыбнулся. Миронов был прямой человек, всегда спокойный, но, как казалось Доватору, не всегда решительный. В данную минуту Лев Михайлович был уверен, что его распоряжение будет выполнено.

Когда Миронов удалился, пришел Карпенков и доложил, что из резерва прибыли для пополнения командир. Побеседовав с ними, Доватор направил их в части и лишь одного позвал к себе в хату. Это был старший лейтенант, в фуражке пограничных войск, с зелеными петлицами на шинели. Старые, потертые полевые ремни ловко и аккуратно обхватывали фигуру. Лицо у него было широкобровое, с крупными продольными морщинами на лбу, с упрямым изгибом резко очерченных губ.

Расспросив командира о прежней службе, Доватор узнал, что старший лейтенант долгое время служил на западной границе. Начал он с рядового бойца, был командиром отделения, старшиной, командиром взвода, потом окончил курсы, в сорок первом году занимал должность начальника пограничной заставы. В начале войны ранен, сейчас возвратился из госпиталя.

— Предлагаю вам, товарищ Кушнарев, две должности: командиром

комендантского подразделения или ко мне личным адъютантом. Выбирайте.

Доватору давно хотелось иметь адъютанта не щеголя, а тактически грамотного офицера-кадровика. Старший лейтенант казался подходящим.

— Извините, товарищ генерал. На таких должностях никогда не служил.

Кушнарев посмотрел на Доватора с такой мрачностью, словно ему предложили самые никудышные обязанности.

— Ничего, освоитесь, — успокаивающе проговорил Доватор. — Дело не хитрое, привыкнете.

— Привыкать не хотелось бы... — откровенно признался Кушнарев.

— А чего бы вам хотелось? — задетый за живое, спросил Лев Михайлович.

— Служить по своей специальности.

— В разведчики, что ли, хотите? — пряча усмешку, спросил Доватор, незаметно наблюдая за командиром.

— Вы угадали, товарищ генерал. Сами понимаете, скучно будет на комендантской должности. Штаб охранять, помещения подыскивать...

Пограничник блеснул черными, в густых ресницах, глазами и улыбнулся.

Доватору захотелось именно такого командира иметь своим личным адъютантом. Ему можно было многое доверить и во многом на него положиться, но Лев Михайлович понимал, что старшему лейтенанту действительно будет скучно на адъютантской должности. Ее добивались многие, а этот, вместо того чтобы с благодарностью согласиться, упорно отказывается.

Лев Михайлович усмехнулся, подал Кушнареву руку и, пожимая ее, сказал:

— Хорошо, принимайте разведчиков. Кстати, там есть кобылица Урса, никто объездить не может. Попробуйте. Только предупреждаю: лошадка строгая.

— Есть принять разведчиков и объездить строгую кобылицу! — отчетливо повторил старший лейтенант.

Попросив разрешения уйти, он вышел спокойно и неторопливо, ни разу не шевельнув туго затянутыми в ремни плечами.

— Молодец! — удовлетворенно улыбаясь, проговорил вслед Лев Михайлович. — С таким воевать можно!

Спустя несколько минут, направляясь в штаб, Доватор встретил Буслова.

— Товарищ генерал, разрешите обратиться по личному вопросу. — Буслов был немного взволнован и заметно нервничал.

— Да, да. Что случилось?

— Я, товарищ генерал, насчет Шаповаленко. Прошу, товарищ генерал, оставить его в разведке, он...

Буслов не договорил. Помолчав немного, в замешательстве принялся объяснять Доватору, что Шаповаленко замечательный товарищ. Во взводе его все любят. Сам он тоже сейчас очень печалится и ругает свой неугомонный характер.

Доватор удивленно поднял брови. Серые глаза его потемнели. Смягчая резкость голоса, он негромко, без строгости спросил:

— А вы знаете, что в армии за товарища просить не положено?

— Знаю, товарищ генерал. Его вопрос — это и мой тоже. Я как будто это за себя прошу...

— Собственно, как это понять? — зорко всматриваясь в лицо разведчика, спросил Лев Михайлович и еще более удивился.

Широкое, открытое лицо Буслова потеряло обычное добродушие, оно выражало явную озабоченность и даже суровость.

— А так, что мы с ним одинаково думали. Только он, смелый и пожилой человек, сказал, а я промолчал... Столько имеем войска, оружия, а отходим и боя не принимаем. Почему, товарищ генерал? Почему отпора не даем?

Буслов поднял на Доватора большие, светлые, неморгающие глаза и, плотно прижимая ладони к синим кавалерийским брюкам, ждал ответа.

Доватор поджал губы и, шевельнув под буркой плечами, резким движением отбросил полы, зацепив большие пальцы за жесткие края поясного ремня. Руки мелко и напряженно дрожали. Ему только теперь стал понятен смысл полученной утром анонимной записки:

«Товарищ генерал!

Вас любят и уважают все кавалеристы. Вас, наверное, знает товарищ Сталин. Напишите ему письмо. У нас сердце обливается кровью, что мы отходим и отдаем нашу землю проклятому фашисту...» Далее анонимный автор предлагал не отходить, а бороться до последней капли крови.

Доватор увел Буслова к себе на квартиру и, развернув карту, терпеливо начал разъяснять ему, что немцы прорвали фронт и стремятся захватить Москву. На участки прорыва они стягивают большие силы, которые трудно сдержать. Там идут жесточайшие бои.

— А почему пехота и мы идем куда-то? Надо подсобить, — упорствовал Буслов.

— Мы планомерно отходим. Нельзя оголять этот участок. Командование сохраняет силы для решительной схватки.

— Это верно, тогда и тут немцы могут хлынуть.

— Безусловно, могут.

Под конец убежденный во всем Буслов снова вернулся к просьбе о своем друге. Выслушав его, Доватор сказал:

— Ладно. Оставляю. Только предупреждаю, что все эти нелепые выходы надо прекратить. Наказывать буду.

В сущности говоря, Лев Михайлович никуда отправлять Шаповаленко не собирался, но острастку следовало дать.

Буслов ушел от генерала успокоенный, довольный тем, что ему удалось во-время заступиться за товарища.

Но не успокоился на этом Доватор. Он знал, что большинство бойцов и командиров внутренне подавлены стремительным отходом наших войск. Молчаливый и настороженный укор заметен и в глазах местных жителей, измученных бомбежками и неизвестностью. Многие колхозники не верили, что враг придет к ним сюда. Поэтому и своевременно не эвакуировались. А сейчас чудовище войны надвигалось на их родные очаги, уничтожало все добытое великим созидательным трудом.

Вечерело. Запад погнал из-за леса темносерые клубящиеся, похожие на дым мрачные тучи. Гулко содрогалась земля. Тяжелый грохот артиллерийского боя доносился все ближе и ближе... Казалось, что природа затихла, примирилась со скрежетом металла и зловещим воем бомбардировщиков. Но не примирились с этим люди. Они мужественно и стойко переносили тяжесть военной страды и продолжали делать свое трудное дело.

Постояв у окна, Доватор выплел в переднюю и приказал адъютанту позвать начальника политотдела полкового комиссара Уварова и военкома Михаила Павловича Шубина.

— Вот и отлично! Сейчас насчет чая сообразим! — возбужденно проговорил Лев Михайлович, когда пришли политработники. Он часто вставал со стула, заглядывал в окно, несколько раз прошелся из угла в угол, зябко пожимая плечами.

— Только за этим и пригласил? — поудобнее устраиваясь на пружинном диване, улыбаясь, спросил Шубин.

Он видел, что генерал чем-то расстроен и пытается скрыть это...

— Нет, не за этим! — решительно и веско ответил Доватор. — Ну, а если есть возможность, почему не выпить и чайку? За стаканом хороший разговор получается! Откровенный такой, домашний.

—Отвыкли уж по-домашнему разговаривать, — заметил высокий белокурый Уваров, наблюдая за Доватором ясными голубыми глазами.

— А я вот никак не могу отвыкнуть, — задумчиво отозвался Шубин. — Мне часто хочется поговорить не языком уставов, а простыми душевными словами.

— Да, это верно! — после минутного размышления заговорил Доватор, — одним по-настоящему хорошим словом можно глубоко затронуть человека... Сейчас нам, как никогда, нужны такие слова! — горячо продолжал он. — Знаете, товарищи, я сегодня получил записку... Меня спрашивают, почему мы отходим без боев, оставляем противнику огромную территорию. Эти же слова только сейчас повторил разведчик Буслов. Почему нормально не совершаем марши, а бежим, скачем? Кони измучены, начинают хромать, подков нет, с воздуха сыплется на головы горячий металл, а тут снова приказ на длительный марш с самыми жесткими сроками! Вы понимаете, какая ответственность лежит на всех нас?.. Поэтому я и пригласил вас для домашнего разговора за стаканом чаю...

— Мне кажется, что надо во всех подразделениях провести открытые партийные собрания, — медленно и вдумчиво начал Уваров. — Разъяснить всем бойцам и командирам, что мы временно оставляем нашу территорию, и не скрывать, что фашисты, не считаясь с потерями, стремятся захватить нашу столицу Москву. Но этого никогда не будет!

Далее Уваров сообщил намеченный план политической работы на марше. План был одобрен. Наутро работники политотдела выехали в части и подразделения. Михаил Павлович Шубин направился в дивизию генерала Атланова.

Партийное собрание при штабе корпуса проводил вместе с Доватором Николай Максимович Уваров. На повестке дня стоял один вопрос: информация о положении на фронтах Великой Отечественной войны и задачи коммунистов в предстоящих сражениях.

Был безветренный день. Молчаливо притих густой лес. Размашистые ветви елей слегка прикрылись белыми, точно ажурными кружевами, сквозь которые то проглянет яркий солнечный луч и обозначит на смешанных со снегом листьях человеческую тень, то снова скроется за хмурыми тучами.

Между деревьями разместились пришедшие на партийное собрание люди. Многие сидят на старом валежнике, другие просто на земле, некоторые стоят, прислонившись к деревьям. Разведчики во главе с Филиппом Афанасьевичем Шаповаленко нарубили клинками еловых веток, смастерили общую подстилку и разместились под ветвистым дубом. Здесь

были Буслов, Захар Торба, Павлюк, писарь Салазкин. Все с напряженным вниманием вслушиваются в слова, начальника политотдела Уварова.

— На легкую победу, товарищи, рассчитывать не приходится. Впереди нас ожидают суровые испытания! Мы сейчас отходим не потому, что у нас мало сил и нет желания драться, не поэтому! Нам нужно накопить и сохранить резервы, чтобы нанести противнику сокрушительный удар! Сейчас наша доблестная пехота и танковые части ведут с врагом смертельные бои. Мы, коммунисты, должны служить примером мужества, воли и выдержки и, если потребуется, отдадим за дело партии Ленина — Сталина, за нашу родину свою жизнь!.. вспомните, товарищи, как тяжело было после гражданской войны, когда все наше хозяйство было разрушено, в стране свирепствовали голод, болезни. Большевики не испугались этого! Ликвидировали голод и наголову разбили иностранных захватчиков. В 1922 году, на одиннадцатом партийном съезде, партия подвела итоги первого года новой экономической политики. Владимир Ильич Ленин тогда сказал: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: — достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается, или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил». Вдумайтесь, товарищи, как подходят гениальные слова вождя к нашей сегодняшней обстановке! Именно сейчас Главное Командование Красной Армии, во главе с товарищем Сталиным, ведет перегруппировку сил и накапливает резервы. Красная Армия не может быть и не будет побеждена, ибо создателем первой в мире армии освобожденных рабочих и крестьян была партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным. В годы гражданской войны, когда решалась судьба революции, непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной Армии был Сталин. Туда, где создавалось исключительно тяжелое положение, партия посылала Сталина. Он был творцом важнейших стратегических планов. Под его руководством были разбиты белогвардейские армии под Царицыном, под Пермью, под Петроградом. Сталин создал Первую Конную армию, которая разгромила банды Деникина, Махно, Врангеля.

Наш корпус совершит еще не один рейд, фашисты долго будут помнить свист кавалерийских клинков. Товарищи! Наступит день, когда вражеские полчища снова покатаются на запад! Гарантией тому является то, что во главе Красной Армии стоит великий Сталин! Его железная воля и стратегический гений всюду обеспечивали победу революции. Вместе с нашей партией и всем советским народом мы обеспечим и победу над фашизмом!

Голос Уварова звучит с глубокой убеждающей силой. Он видит перед собой притихших коммунистов-воинов и по горячему блеску их глаз улавливает напряженное внимание. Тихо. Высоко по веткам деревьев начинает плескаться легкий ветерок. На ветке дуба притаились два розовых снегиря. Вытянув шейки, они чутко прислушиваются к каждому шороху, словно стараются разгадать, о чем говорит этот высокий голубоглазый, в коверкотовой гимнастерке человек.

После Уварова слово взял Буслов. Сняв каску, он потер широкий крутой лоб темной от загара жилистой ладонью, на которой неуклюже торчат узловатые сильные пальцы. Сжав их в кулаки, он заговорил:

— Вот этими руками я в Донбассе с двенадцати лет уголь копал... А сейчас мне двадцать восемь, стало быть шестнадцать годков... Я бы сейчас выдавал тонн до двести в сутки, а то и побольше. Тогда бы в наших городах еще ярче горел электрический свет, быстрее бы ходили поезда и пароходы, теплее было бы в хатах. Мне бы не пришлось вот этими самыми руками убивать немецкого солдата и душить сторожевых овчарок, как это я сделал в разведке, когда пробивались во вражеский тыл в августе месяце. Зачем же я это делаю? Почему? Да потому, что в наш родной Донбасс пришли враги, беспощадные, как звери, и начали грабить народное добро, убивать наших детей и матерей. Нам пришлось затопить шахты, взять винтовки, чтобы защитить нашу родину!

Заявляю, товарищи, как коммунист, как боец Красной Армии и клянусь еще раз как гражданин Советского Союза, что не выпущу винтовки из рук до тех пор, пока останется на советской земле хоть один фашист! Кто на нас напал, тому жестоко придется расплачиваться. Мне сегодня генерал объяснил, что немцы хотят захватить нашу столицу. Нет, товарищи, этого не будет. Этого не допустит товарищ Сталин!

Простые слова Буслова произвели сильное впечатление. Каждый выступающий старался высказать свое внутреннее, наболевшее, то, что тревожило душу, не давало покоя.

Слово снова взял Уваров. Он сказал:

— Я призываю коммунистов и беспартийных бойцов и командиров разъяснять везде и всюду нашим советским людям, что в этой Великой Отечественной войне мы защищаем правое дело! Враг напал на нас внезапно. Еще в 1934 году товарищ Сталин говорил: «СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны... А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор,

чтобы впредь не повадно было им совать своё свиное рыло в наш советский огород». Товарищи! Фашисты не выдержат нашего удара, ибо мы сильны духом и верой в победу, мы сильны системой социалистического строя, а еще мы сильны потому, что нами руководит величайший полководец товарищ Сталин. Он лично руководит обороной Москвы! Слава великому Сталину! Слава советскому народу!

Старший лейтенант Кушнарев, прибыв в разведподразделение, тотчас же собрал взводных командиров и предъявил приказ о своем назначении.

— Принимать эскадрон начинаю с первого взвода. Остальным приготовиться, — коротко заключил новый командир.

Торба, которому предстояло показать хозяйство, немного смутился. Мрачноватый, с упрямым изгибом бровей, старший лейтенант всей своей фигурой, манерой кратко выразиться дал почувствовать, что от его глаз грехов не укроешь.

Это было видно по тому, как он поступил с его другом Филиппом Афанасьевичем. Тот сидел под елкой, ожидая решения своей участи, и что-то рассказывал собравшимся вокруг него товарищам.

— Чем сейчас занимаются люди по распорядку дня? — спросил Кушнарев у Торбы.

Захар опешил. Стояли на месте два дня. Никто об этом не думал. И вообще после смерти Гордиенкова исполняющий обязанности командира эскадрона никаких расписаний не составлял. Командир каждого взвода устанавливал порядок, какой он находил нужным.

— Да ничем... — смущенно ответил Торба.

— В какое время водопой? — комэскадрона отодвинул рукав шинели и взглянул на часы.

— Утром, — ответил Торба.

Пристальный, неотступный взгляд Кушнарёва смущал Торбу все более и более.

— А обед? — снова последовал въедливый вопрос.

— Наперед коней поим, кормим, а потом сами едим, — ответил Торба.

— Сначала накормить коня неплохое правило, — заметил сухо Кушнарев и, обернувшись к Захару, добавил: — Бойцов по коням, быстро!

При последнем слове комэскадрона так сверкнул глазами, что Захар, будучи сам неробкого десятка, внутренне дрогнул.

Торба подал команду. Казаки нехотя поднялись, заплевывая на ходу цыгарки. На месте остался один Шаповаленко. Сидя на корточках, он складывал в мешок сухари. Тут же на газете лежала жареная курица.

— А вы какого взвода, товарищ? — подойдя к Филиппу Афанасьевичу, спросил Кушнарев.

— Кто? Я? — покосившись на комэскадрона, переспросил Шаповаленко.

О назначении нового командира казаки не знали. Филипп Афанасьевич принял Кушнарера за очередного «поверяющего». На каждой стоянке их приезжало так много, что к ним успели привыкнуть. Поэтому увлеченный сборами в партизаны Шаповаленко даже не встал.

— Да, вы! — подтвердил комэскадрона.

— Этого взводу був, — взяв курицу за ногу, ответил казак.

— А сейчас?

— И зараз пока этого...

— Почему не выполнили приказания командира взвода?

— Да тут воно тако дило выйшло... — начал было Филипп Афанасьевич. Он уже решил излить свое горе перед незнакомым командиром, тем более, что опытным взглядом старого конника он угадал, «що цей чоловик имеет кавалерийскую душу», но сделать этого не успел.

Над его головой раздалась такая властная и зычная команда «встать», что у Шаповаленко чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подскочил так, словно его сзади подтолкнули. Не успев опомниться, он услышал вторую команду, еще более властную и требовательную:

— На конюшню, бегом, марш!!

Филипп Афанасьевич смотрел на свирепого командира, ошеломленно моргая глазами, и не трогался с места.

— Марш!!! — насупив черные мохнатые брови, снова зыкнул комэскадрона, показывая рукой в направлении коновязи.

Шаповаленко сорвался с места, как подстегнутый конь, и, болтая жареной курицей, путаясь в длинных полах шинели, побежал к коновязи.

Казаки, наблюдавшие эту сцену, мгновенно расхватили скребницы и начали усиленно чистить лошадей.

Новый командир подходил к каждой лошади, приказывал называть кличку и что-то записывал в книжку. После осмотра он построил весь взвод и заявил:

— Кони грязные. Настоящему кавалеристу должно быть стыдно. Увидели, что идет поверять новый командир, похватали скребницы. Так делают только нерадивые, обленившиеся люди. Конь в порядке только у товарища Шаповаленко. Чувствуется, что он любит его, но...

Кушнарев, бросив взгляд на Филиппа Афанасьевича, спросил:

— Отчего он хромает?

— Ковать треба, а подков нема, — хрипло откашливаясь, ответил Шаповаленко.

— Сегодня же поезжайте в деревню и подкуйте в колхозной кузнице. Ясно?

— Всех ковать нужно, товарищ старший лейтенант, — ободренно заявил Шаповаленко.

Кушнарев задумался. Он и сам заметил, что надо подковать всех, но где взять подковы?

— Старшину ко мне! — вынимая из планшетки карту, приказал Кушнарев. Оглядев казаков, коротко добавил: — Разойдись! Командиру взвода остаться.

— Я вас слушаю. — Стоявший позади него старшина Ракитин выступил вперед, ловко бросив ладонь к кубанке. Вытянувшись, он ждал приказаний. По звонкому цокоту шпор и бодрому отклику Кушнарев понял, что старшина службу знает.

— Сколько в эскадроне кузнецов? — не отрываясь от карты, спросил комэскадрона.

— Ковочный инструктор один и два штатных коваля, — слегка тронув пальцами вьющиеся колечками волосы, ответил Ракитин.

— А кроме?

— Не знаю.

Ракитин смущенно блеснул светлыми глазами. Он понимал, что ему, старшине, следовало бы знать, сколько в эскадроне людей, знающих ковочное дело.

— Найдутся... — добавил он нерешительно.

— Не сомневаюсь, — протяжно отозвался Кушнарев и вопросительно посмотрел на Торбу.

Захар догадался и тут же ответил:

— В первом взводе Буслов настоящий коваль. Воробьев и Шаповаленко тоже знают, да и я могу. Было б чем работать. Подковать коня — дело нехитрое.

— Но ответственное, — подчеркнул Кушнарев. — Хороший кавалерист должен знать ковку. А карта есть у вас, товарищ старшина?

— Есть, товарищ старший лейтенант!

— Запрягите бричку, обшарьте деревни Лукояново, Озеры, Поздняково, Хмели. Соберите все подковы, новые и старые, и свезите к кузнице в село Раценка. Оборудуйте горн. Пошукайте...

— А если не дадут? — нерешительно возразил Ракитин.

— Сейчас, ребятки, родная мать от нас отговорок не примет, — меняя

тон, ответил Кушнарев. — Выполняйте приказание. А мы с командиром взвода пойдем глядеть дикую кобылицу Урсу.

— Откуда вы ее знаете? — удивленно спросил Торба.

В суете осмотра и поверки он совсем забыл о ней. Урса была в эскадроне предметом постоянных разговоров. Двух смельчаков, пытавшихся сесть на нее верхом, отправили в госпиталь. Один, пролежав десять дней, только что вернулся. Торба рассказал Кушнареву историю Урсы. Недели две назад на станцию Старая Торопа пришел на пополнение эшелон с лошадьми. Часть их оказалась совсем необъезженной. Казаки прилаживали для выгрузки к вагонам специальные мостки. Проводники советовали не беспокоить коней раньше времени, но их не послушали и открыли двери вагонов. Любопытные скопом полезли к лошадям. Сначала раздалось звериное фырчанье, потом треск ломающихся поперечных задвижек. Солдаты запрыгали из вагонов, а следом, через их головы, прямо на насыпь, стали скакать черногривые, темногнедые кони. Любопытные на четвереньках лезли под вагоны. Истосковавшиеся по воле кони с диким храпом развеяли по ветру длинные хвосты и помчались в поле.

Целую неделю ловили их арканами, но Урса так и не далась. Она гуляла привольно по нескошенным хлебам, не давая приблизиться к себе ни человеку, ни лошади. Лишь после нескольких дней сытой жизни она заскучала без подруг и стала навещать коней разведчиков во время пастбы. Ее не трогали, дали обвыкнуться. Однажды ночью она осмелилась подойти к коновязям и призывным тоскующим голосом дала о себе знать. Ей ответил стоявший с краю конек бойца Мулдасинова. Калибек Мулдасинов, казах, отличный наездник и знаток лошадей, незаметно подкрался и ловко ее заарканил брошенной на шею петлей. Однако на другой же день при попытке взнуздать коня Калибек так был смят горячей Урсой, что его пришлось отправить в полевой госпиталь.

— К этой зверюге и подходить-то страшно, — закончил рассказ Торба.

Неподалеку от взводной коновязи за сосну была привязана темногнедая кобылица. Увидев людей, она гневно зафыркала, рванулась в сторону и, натянув привязанный к дереву цепной чембур, уперлась передними ногами в землю. На лбу, повыше глубоко впавших глазниц, вместо чолки лежал скатанный из репьев комок. Ими же были разукрашены грива и хвост. Когда Кушнарев подошел поближе, кобылица дико захрапела и замотала головой, пытаясь оборвать крепкий чембур. Несколько раз она порывалась подняться на задние ноги. Взглянув на скаковые суставы и широкие голени, Кушнарев угадал породу озорницы.

— Экземпляр! — восхищенно проговорил он, покачивая головой.

Протянув руку вперед и приговаривая нежное «олле», он смело подошел к ней, не отрывая взора от ее огненно горящих глаз.

ГЛАВА 6

Приехав на станцию Нелидово, Миронов направился в отдел передвижения грузов. Шагая по платформе, он поражался огромным скоплениям эшелонов с грузами и жестоким следам бомбардировки. В гигантских воронках от бомб стеклянула замерзшая вода, валялись исковерканные рельсы, чернела развороченная земля, обугленные бревна.

По путям между эшелонами, о чем-то споря, кучками ходили военные. Стоявшие у вагонов часовые ежеминутно строго окрикивали штатских с чемоданами, узлами, свертками, пытавшихся нырнуть под буфера.

В отделе грузовой службы Миронов стал свидетелем любопытной сцены. Какой-то капитан интендантской службы, перевешиваясь через барьер, совал лейтенанту — помощнику коменданта — пачку бумаг и с горячей настойчивостью доказывал:

— Поймите! Наш груз здесь! Я сам видел. Вагон номер 642, назначение станция Кощенки.

— Вот туда его и направим. Там и получите.

Лейтенант беспомощно рылся в бумагах и ворчливо отругивался от наседавших военных. Он явно был не в курсе дела и совершенно не знал обстановки.

— Да ведь станция Кощенка занята противником!

— Каким противником? — обалдело спрашивал лейтенант.

— Немцами, чорт побери! — не выдержав, закричал капитан. — Немцами!

— Вы не кричите! — взбеленился вдруг лейтенант. — А то я патруль вызову.

Станция Кощенки действительно была занята немцами. Миронов узнал об этом еще утром. Для того чтобы вразумить лейтенанта, он решил вмешаться.

— Капитан правильно говорит. Туда уже грузы направлять нельзя.

— Но и здесь запрещено выгружать, — огрызнулся было лейтенант, но внушительная выправка Миронова и две шпалы на петлицах произвели должное впечатление на лейтенанта. Миронов спокойно разъяснил, что армии отводят на восток, следовательно, и военные грузы надо направлять обратно.

— Обратнo?! — хмурo заметил лейтенант. — Обратнo нельзя, там дорогу разбомбило,

— Тем более надо выдать здесь!

— А пусть, вывозите, — махнул рукой лейтенант. — Только забирайте все сразу, а то у нас платформы забиты.

Момент для получения подков был самый подходящий. В голове Миронова сложился простой план: как можно скорее узнать, кому принадлежат обнаруженные Доватором подковы, и в зависимости от этого действовать.

— Выгрузка запрещена, а на платформе гора подков! Такой товар можно было где угодно выбросить, — заговорил Миронов, когда разошлись командиры.

Где выгружены подковы и выгружены ли они вообще, Миронов и понятия не имел.

— Мне нужно туда пойти, — добавил он требовательно.

— За этот груз я не отвечаю, — проговорил лейтенант обрадованно, — там полковник есть. Представитель армии.

— Какой армии?

— Извините, не могу знать, — ответил лейтенант и охотно объяснил, где разыскать полковника и как пройти на товарную платформу.

На площадке, около штабелей новеньких ящиков, лежали груды подков. Рядом стоял часовой. Сухой и крепкий, с ветерком морозец заставил его поднять воротник шинели и усердно притопывать ботинками. На Миронова боец не обратил ни малейшего внимания: очевидно, приветствовать снующих взад и вперед по платформе командиров и начальников разных рангов ему просто надоело.

— Чорт знает, куда выгрузили! — нарочито громко проговорил Миронов, доставая портсигар.

В данном положении часовой играл решающую роль. На всякий случай Миронов дал ему понять, что имеет к грузам прямое отношение.

— Вы о чем, товарищ майор? — спросил часовой, не без интереса поглядывая на толстую папиросу, которую Миронов вытащил из портсигара.

— Да вот подковы хотел грузить, а видно, придется их сначала вытаскивать на конец платформы, — ответил Миронов.

— Зачем вытаскивать, когда вагонов нету, машины могут подъезжать прямо сюда. По шпалам.

— Сюда? — показывая на блестящие рельсы, спросил майор и чиркнул спичкой.

— Так точно, сюда. Здесь курить нельзя, товарищ начальник.

Часовой, перехватив рукавицами винтовку, показал плоскую тесовую крышу пакгауза. Огромными буквами там было намалевано: «За курение — трибунал!»

— Виноват!.. — Миронов смущенно спрятал портсигар в карман.

— Сюда можно прямо на машинах, — добродушно подтвердил часовой, встряхивая застывшими плечами. — Вы уже оформили?

— Нет еще... — сухо отозвался Миронов.

— Тогда идите к полковнику. Тут совсем недалеко.

Часовой обстоятельно, с ненужными подробностями, начинавшими раздражать Миронова, объяснил, как и что необходимо сделать для получения подков.

Лавируя среди военных, толпившихся на крыльце небольшого домика, Миронов пробрался в кабинет полковника.

За столом в новеньком, с иголки кителе сидел упитанный человек в звании полковника с обрюзгшим, нездоровым лицом и что-то писал.

Когда вошел Миронов, он даже не поднял головы, а только обратным концом ручки почесал приплюснутый нос со шрамом на переносице и продолжал писать.

— Здравствуйте! — сказал негромко Миронов.

В ответ полковник прошептал что-то невразумительное глухим, надорванным голосом. Через минуту, вскинув на Миронова тусклые, похожие на стертые монеты глаза, спросил:

— У вас наряд? Какая часть?

— Я насчет подков, — осторожно ответил Миронов.

— Берите...

Полковник вялым движением руки снял с зазвеневшего телефона трубку.

— Холостяков слушает! Неизвестно! Путь разрушен. Все будем отправлять на станцию Высокое. Забирайте на машины. Вам, значит, подковы? — повесив трубку, обратился Холостяков к Миронову.

— Да, мне нужны подковы.

— Сколько?

— Заберу все.

— Очень хорошо. Берите все. Наряд есть? Наконец-то я разгрузу площадку.

— У меня, собственно, не наряд, а требование.

Миронов протянул бумажку.

— Пусть требование... Все равно.

Не взглянув на бланк требования, Холостяков быстро написал разрешение и размашисто подписался.

Мионов был крайне удивлен той легкостью, с которой совершилась операция. Он уже торжествовал, воображая, как обрадуется Доватор, Но неожиданно все переменялось. Вручая документы Мионову, Холостяков случайно покосился на подпись генерала и торопливо отдернул руку с бумагами.

— Доватор? — спросил он.

— Да, генерал Доватор.

Мионов заметил, как лицо Холостякова вдруг стало тупым и холодным. Шрам на переносице покраснел. «Генерал Доватор», — процедил он сквозь зубы. Швырнув требование на стол, он резко спросил:

— В какую армию входит ваше соединение?

Мионов ответил, что кавалерийские дивизии сейчас находятся в резерве фронта.

— Ну и получайте там. Ваш генерал думает, что он мудрец, а здесь дураки сидят! — и Холостяков размашисто перечеркнул свою подпись на требовании.

Мионов недоуменно молчал. Он не знал, что Холостяков был когда-то обижен Доватором. Увидев, что Доватор уже в звании генерала, Холостяков вскипел. Ему казалось, что его обошли, унизили и даже чего-то незаслуженно лишили. «Люди получают генеральские звания, а здесь вот сидишь на проклятых грузах — ни уму, ни сердцу». Недавнее повышение в звании его уже не удовлетворяло.

— Что это значит, товарищ полковник? — резко спросил Мионов, возмущенный таким неожиданным поворотом дела.

— А то, что ваш генерал обязан знать порядок материального обеспечения. Раз его части находятся в распоряжении штаба Западного фронта, то и пусть получает из фронтовых резервов.

— Но вы не можете использовать такого количества подков. — Мионов старался говорить мягко, несмотря на то, что волнение его дошло до крайней степени.

— Вам этого не дано знать!

Холостяков небрежно отодвинул требование на край стола, как бы подчеркивая этим, что разговор окончен.

Но интендант Мионов был человек не такой, чтобы отступить. Да и нельзя было возвращаться без подков. Приказание Доватора было категоричным, и Мионов сам понимал, что положение создалось катастрофическое: на раскованных конях воевать нельзя. Поведение

полковника было ему совершенно непонятно. Обстановка сложилась так, что отступающие войска не успевали вывозить даже такие грузы, как боеприпасы и продовольствие. Пакгаузы были забиты всевозможным снаряжением. На путях стояли десятки неразгруженных эшелонов. Железнодорожная магистраль почти ежедневно подвергалась бомбардировке. Все это Миронов с большим тактом старался внушить Холостякову, но его слова вызывали только тупое упрямство. Полковник был неумолим.

Тогда Миронов решился на крайнее средство. Порывшись в кармане гимнастерки, он извлек старое удостоверение штаба фронта и положил его на стол.

— Что это? — с прежней небрежностью спросил Холостяков.

— А вы прочтите. — Миронов принял сугубо официальный тон. — Мне, как представителю штаба фронта, необходимо ознакомиться с продвижением грузов.

— Так я не понимаю, — вы разговариваете как представитель штаба фронта или как ходатай Доватора?

— И то и другое... — невозмутимо ответил Миронов. — Мне поручено обеспечить кавалерийские дивизии подковами.

— У вас должно быть официальное уполномочие... — почесывая переносицу, уже нетвердо заявил Холостяков.

— Земля мерзлая, снега нет. На раскованных конях ехать нельзя. Это совершенно официальный документ. А вы всю платформу загрузили второстепенными грузами, как подковы... Я сейчас буду телеграфировать в штаб фронта...

— Телеграфировать, конечно, можно... А вот вы попробуйте, сядьте на мое место... Что я могу сделать?

Упрямство полковника иссякло. Он уже соглашался отдать подковы Миронову, но просил написать официальную бумажку «от представителя штаба фронта».

Такую бумажку Миронов написал и, погрузив подковы, покатыл в штаб.

...Круглые сутки в полках шла непрерывнаяковка лошадей, а на следующую ночь конница двинулась к Ржевскому большаку.

Через несколько дней кавгруппа Доватора вышла на шоссе Белый — Ржев с задачей прикрыть отход наших частей. По приказу Главного Командования кавалерийские части после тяжелых оборонительных боев, свернувшись в походные колонны, провели стремительное по быстроте и исключительно тяжелое обходное движение свыше чем на тысячу

километров (по кривой линии). Это было вызвано тем, что немцы, прорвав в октябре фронт в районе Холм — Белый, начали развивать удар сразу в трех направлениях: Калинин, Волоколамск и Можайск.

В начале ноября кавгруппа Доватора вышла в район юго-западнее Волоколамска и завязала ожесточенные бои вдоль магистрали, на левом фланге знаменитой Панфиловской дивизии.

ГЛАВА 7

Продвижение немецких частей к Волоколамску началось с утра. Волоколамск был накануне оставлен частями Красной Армии.

Перегруженные машины, надсадно завывая моторами, шли непрерывным потоком. По обеим сторонам исковерканной магистрали сиротливо курчавились заиндевевшие кусты. На снегу серыми пятнами лежали трупы. Над лесом тяжело повисли тучи. Желтые, вымытые осенними дождями сосны, вздрагивая от тяжелого гула ползущих танковых колонн, осыпали с веток снежные кружева, обнажая изуродованные осколками снарядов верхушки.

Фронт приближался к Москве.

Неуклюжий, грязноватого цвета броневик с намалеванным над амбразурой чортом, обогнав колонну, свернул с шоссе и, переваливаясь по мерзлым кочкам, пополз к видневшейся у леса деревушке. За ним устремилась вереница штабных машин.

Генерал Штрумф, командующий армейской группой, за последние десять дней менял командный пункт шестой раз. Его армии в быстром темпе одними из первых подходили к нашей столице. Несмотря на недавнюю болезнь и потерю сына, генерал был попрежнему бодр и энергичен. Едва войдя в комнату, он приказал подскочившему адъютанту:

— Кофе и схему!

Адъютант Штрумфа был в новом кителе с капитанскими погонами и двумя железными крестами. Левый глаз его был закрыт аккуратной черной повязкой. Одиноким правый глаз смотрел жестко, пытливо и колюче. Чтобы восполнить недостающий глаз, у капитана выработалась привычка к частым поворотам головы, крутым и резким. Можно было подумать, что адъютант ежесекундно ждет удара сзади и поэтому дергает головой. Генерал терпеть не мог этой привычки своего адъютанта, но держал его при себе потому, что считал незаменимым.

Сбросив с плеч бекешку, подбитую белым барашком, Штрумф

внимательно осмотрел комнату и прошелся из угла в угол. В доме было тихо. За окнами, стуча сапогами о мерзлую землю, неторопливо ходил часовой. Глухо пофыркивали на деревенской улице автомобильные моторы. В отдалении щелкали одиночные выстрелы, изредка доносилась одинокая пулеметная очередь.

Неожиданно за спиной генерала где-то в углу звонко заверещал сверчок. Штрумф резко обернулся. Сверчок выводил неприятную трель с однообразным скрипящим высвистом. Заглянув во все углы, генерал досадливо крикнул и беспомощно остановился посреди комнаты, прислушиваясь к звукам единственного в доме обитателя, нарушавшего генеральский покой. Выругавшись вслух, Штрумф сел за стол и придвинул к себе чашку кофе. Хотел было приказать тотчас же ликвидировать надоедливого, раздражающего «зверя», но, отхлебнув глоток крепкого горячего кофе, раздумал. Такими вещами мог заниматься его бывший ординарец Вилли, но не капитан Прайс. Сверчок, точно угадав генеральские мысли, неожиданно умолк. Выпив кофе, Штрумф развернул лежащую на столе схему.

В центре разноцветной карты был яркий круг советской столицы. Почти со всех сторон бежали к нему железнодорожные магистрали: Киевская, Белорусская, Ленинградская... Они были зачеркнуты жирными черными крестами. Оставались нетронутыми Северная и Казанская, но туда уже были нацелены стрелы в направлении Рязани и Ярославля.

Штрумф взял в руку цветной карандаш. Со стороны Волоколамска он провел жирную прямую линию в направлении Истринского водохранилища, размашисто вывел на голубом фоне яйцеобразный овал и мелко заштриховал его. Это был новый район сосредоточения немецких войск. Именно туда и намечался следующий удар.

— Капитан Прайс! — медленно поворачиваясь на стуле всем туловищем, позвал Штрумф адъютанта.

— Я вас слушаю.

— Принесите мне последние сводки.

Капитан вышел и тотчас вернулся с пачкой бумаг.

— Вы слышали что-нибудь о Рокоссовском? — просматривая их, спросил Штрумф.

— Ничего! — коротко ответил адъютант.

— Передайте разведотделу, что мне нужны сведения о генерале Рокоссовском. Полные биографические данные!

Прочитав сводку Советского информбюро, Штрумф жирно подчеркнул фамилию генерала Доватора и глубоко задумался. Фамилия кавалерийского

генерала действовала на него раздражающе. Снова вспомнилось Рибшево, неизвестно куда исчезнувший Вилли, растерзанная машина с останками его сына, полковника Густава, и большие голубые глаза снохи Хильды. Все это было уже прошлое, но еще не забытое и жестокое. Скрипнув стулом, генерал медленно поднялся. Заложив белую большую руку за борт темнозеленого кителя, он грузно прошелся до порога. Нащупав позолоченную, с орлом, пуговицу, внезапно открутил ее и зажал в кулаке. На толстых, плотно сомкнутых губах надменного немецкого барона обозначились жесткие складки.

Совещание высшего немецкого командования началось точно в назначенное время. На нем присутствовали командующие армий генералы Фогт и Гютнер, новый начальник штаба Штрумфа генерал-лейтенант Рихарт, пять генералов — командиры армейских корпусов, три генерала — командиры танковых корпусов, несколько авиационных генералов и представитель главной ставки, уполномоченный Гитлера, генерал-лейтенант Лангер.

После гортанного приветствия «хайль Гитлер!» генералы уселись за стол и со строгой методичностью стали разворачивать карты.

Оперативную обстановку на фронте докладывал генерал Лангер.

— План наступательных операций в намеченный срок полностью осуществить не удалось, — глухим отрывистым голосом проговорил Лангер. — Действием отдельных высших командиров и начальников фюрер недоволен!

Лангер выпрямил высокую костлявую фигуру и резко потряхнул поседевшей головой, подчеркнув этим и без того напряженную паузу. Узкие коричневые глаза генерала смотрели холодно и вызывающе.

— Несмотря на колоссальные успехи германской армии, фюрер имеет основание быть недовольным, — продолжал Лангер несколько смягченным голосом, но по-прежнему резко и решительно. — Москва должна была быть взята в октябре, а сейчас уже ноябрь. Германские войска находятся на расстоянии восьмидесяти километров от Москвы. Для того чтобы преодолеть это расстояние, главной ставке приходится в третий раз изменять план «Барбаросса». Захват Москвы решает исход всей кампании! Это должен знать не только каждый генерал, но и каждый немецкий солдат!

Снова пауза, напряженная, угрожающая.

Головы генералов склонились к военным картам. Серые топографические квадраты плана Москвы, окаймленные зеленью лесных массивов, раскинулись широко, мощно и загадочно. Красным кружком

заштрихован Кремль. Отчетливо вычерченная рукой генерала Фогта, именно туда направлена самая крупная, черная, с острым концом стрела, такая же жирная, как и сам генерал Фогт.

Зажав толстыми коротенькими пальцами карандаш, он привычным умелым движением поправил острие стрелы, изящно вырисовывая боковые перья. Но от чересчур сильного нажима сердечко карандаша не выдержало и сломалось. Вместо острого жала стрелы на карте получилась неопрятная на вид, вихлястая загогулина. «Чорт возьми! Это скверный признак!»

С сердцем отшвырнув карандаш, Фогт, отвечая на последние слова представителя главной ставки, сказал:

— Если мы не ускорим темп наступления, то русские, пользуясь условиями зимы, создадут вокруг Москвы непреодолимые оборонительные рубежи. Это восполнит их недостаток в танках.

Узкие глаза Лангера встречаются с хитрым бульдожьим взглядом Фогта понимающе, одобрительно. Усталое усатое прусское лицо сидящего напротив генерала Гютнера хмурится. Его автоматчики, одетые в легкие шинели, рвутся к Москве неудержимо. Рвутся, как оголтелые, и гибнут тысячами. Поневоле приходится хмуриться.

«Да, сейчас, именно сейчас, — думает Гютнер, — надо атаковать большевистскую столицу, пока не остыли в руках его гренадеров автоматические пистолеты-пулеметы. Фогт прав. Он умен, но чрезвычайно самоуверен. Конечно, имея в своем распоряжении 1 300 танков, можно быть самоуверенным. Но почему так мрачен генерал Штрумф — хозяин левого крыла фронта?»

Покусывая толстые губы, Штрумф грузно сидел в кресле (возит его всегда с собой) неподвижно, как идол. «Кажется, он потерял сына... полковника. Да, это очень неприятно...» Но сколько ни старается Гютнер наблюдать за выражением лица генерала Штрумфа, оно остается каменным. Угадать мысли ученика знаменитого Людендорфа невозможно. Это не удастся никому. Даже такой прусской военной косточке, как генерал Гютнер.

— Русские никогда не смогут восполнить недостаток в танках, — продолжал Лангер. — Промышленные районы юга России находятся в руках германской армии. Доблестные войска нашей армии под командованием генерала Клейста, овладев городом Ростов-на-Дону, открыли ворота Кавказа. Мы захватили центральный угольный район — Донецкий бассейн. Он теперь находится в надежных руках немецких промышленников. Российская житница Украина является губернаторством великой Германской империи. Скоро русские будут лишены самого

важного стратегического сырья — кавказской нефти, без которой продолжение военных действий невыносимо. На юге наши границы объединятся с дружественной нам Турцией, на востоке — с Японией. Пушки Квантунской армии направлены на Сибирь. Они ждут сигнала. Россия проиграла войну. Она стоит накануне катастрофы.

Излагая обстановку, Лангер, подражая Гитлеру, говорил быстро, отрывисто, сопровождая речь резкими поворотами головы и ожесточенно потрясая сжатыми кулаками. Одноглазый адъютант капитан Прайс едва успевал стенографировать.

Иногда на короткое мгновение Лангер замолкал и оглядывал сидящих перед ним генералов, чтобы определить по выражению их лиц, какое впечатление производит его речь. Он был не только ярким наци и генералом с высшим академическим образованием, но и хитрым, прожженным политиком. Он был одержим властолюбием. Должность военного советника Гитлера досталась ему не так-то просто.

Лангер не случайно прибыл сюда. Всех сидящих перед ним генералов он не только помнил в лицо, но и знал всю подноготную каждого из них. Вот, например, толстый, круглый, с широким бульдожьим лицом Фогт, хитрец и интриган, он немножко либерал, немножко демократ, его очень любят солдаты, так же как он любит антикварные вещи... На бесчинства своих танкистов он смотрит сквозь пальцы. Зато не может равнодушно смотреть на женскую юбку. В каждом занятом его солдатами городе он прежде всего приказывает организовать увеселительные дома. Одним из человеческих пороков, как сказал фюрер, является совесть. Так чего же скромничать генералу Фогту?.. Он отличный вояка и умерен в употреблении коньяка...

Отличительные черты характера имеет и генерал Гютнер. Это прежде всего прусский солдат. Его усатая физиономия смахивает на кайзера Вильгельма. Гютнер умерен во всем. С его железной дисциплиной и таким же здоровьем можно прожить больше ста лет. Его сердце крепко, как добротная прусская каска. Гютнер увлекается спортом, но это не профессиональное увлечение, а гигиена. Гютнер исполнительен и точен. Правда, он чересчур строг... Солдаты и офицеры его крепко побаиваются, но зато он очень хороший семьянин. У него куча детей. Четыре сына; два из них уже офицеры. Генерал Гютнер на хорошем счету у фюрера именно за свою умеренность. Он даже пленным приказывает пристреливать только в том случае, если они ослабели на этапе и не могут идти сами.

Остальные генералы — это типичная армейщина, слоны на шахматной

доске, только с той разницей, что некоторые из них упитаны, другие худощавы, с удлинёнными головами, как у хищных озерных щук. Они подтянуты, гладко выбриты, напарфюмерены духами всех стран.

Они побывали везде и отлично делают свое дело, как раз то, что требует национал-социалистское правительство «великой Германии».

Сейчас они с врожденным чувством субординации склонили перед уполномоченным фюрера головы, чего нельзя сказать о командующем генерале Штрумфе. Скрестив на груди холёные руки, он глядит перед собой сумрачно, тяжелым взглядом, как будто не замечает присутствующих. О нем Лангер знает, что этот человек обладает полководческим талантом высокого класса и огромными богатствами. Но Лангер знал и то, что этот черствый и мнительный человек сейчас глубоко уязвлен недовольством фюрера. Штрумф завоевал половину Европы, но был обманут и бит каким-то русским кавалерийским полковником с громкой фамилией Доватор. Этот Доватор за короткое время стал генералом и теперь вновь появился со своим кавалерийским соединением в полосе наступательного движения войск генерала Штрумфа.

Вчера Доватор неожиданно атаковал станцию Волоколамск и наделал там чорт знает что. Взорвал и сжег несколько эшелонов, выпустил и увел с собой пленных, приготовленных к отправке в Германию, и ушел в лес безнаказанно, оставив одну убитую лошадь. Целый день авиация разыскивала его в лесу, а он со своей кавалерией словно сквозь землю провалился.

Советское командование, высоко оценивая действия этого генерала, ежедневно упоминало его фамилию в сводке Информбюро и результаты его походов широко освещало в печати. По этому поводу фюрер бросил злую реплику: «Очевидно, движению танков генерала фон Штрумфа мешают брыкливые лошади Доватора». Когда Штрумфу передали эту фразу, он взбесился. Набрал в грудь воздуха, хотел что-то сказать, но только боднул головой, промычал и взмахом руки приказал своему адъютанту выйти вон.

Сейчас у него на лице надменная непроницаемая маска, жестокая и властная. Свои лучшие чувства генерал Штрумф проявляет только к кофе и к кушанью под названием «воробьиное гнездышко». Оно делается из мягкого картофеля в форме птичьего гнезда; на дно этого сооружения кладется несколько круглых, поджаренных на сливочном масле котлет. Наверно, от этих «воробьиных гнезд» так жирен и толст генерал Штрумф.

Впечатление, которое Лангер вынес от генеральского совещания, он записал в свой дневник, с полным убеждением, что эти его литературные упражнения станут когда-нибудь достоянием истории. Разумеется, он в

этом ничуть не ошибся.

Подытоживая сложившуюся обстановку, генерал Лангер хвастливо и высокомерно заключил:

— Сейчас гитлеровская Германия входит в сферу великих исторических событий. Все зависит от завоевания России. Страна с ее неисчислимыми богатствами может прокормить не только Германию, но и всю Европу. После капитуляции России главные силы германской армии нанесут молниеносный удар Великобритании и в течение самого непродолжительного времени поставят ее на колени. Этому станут способствовать русский хлеб и русская промышленность. А потом мы уже заставим развязать толстую мошну дядюшку Сэма. Когда у нас будут английский флот и германские бомбардировщики дальнего действия, нью-йоркские небоскребы повалятся, как карточные домики. Штурм Москвы — это залог мирового господства великой германской нации!

Генерал Лангер оборвал свою речь резко и повелительно.

В комнате стояла тишина, только за печкой весело и I беззаботно верещал равнодушный ко всему сверчок. Он знал свое место.

После выступления генерала Лангера Штрумф приступил к изложению стратегического и тактического плана. По этому «третьему плану главного немецкого командования» центр тяжести удара переносился немцами на левое крыло своего фронта, имея целью захват Волоколамской и Ярославской магистралей, Истринского и Московского водохранилищ.

Главные надежды в предстоящем наступлении возлагались на 3-ю танковую группу генерала Гоота и 4-ю танковую группу генерала Хюпнера. Методическая разработка плана была исключительной по своей точности (вплоть до того, сколько и когда должна выпустить снарядов каждая пушка и где должен находиться ответственный лейтенант по приемке русских пленных) и потрясающей по своему жестокому и зверскому замыслу. Сопровождая оперативный план дополнительными комментариями, генерал Штрумф сказал:

— Стремительное продвижение германских танков дает нам возможность подтянуть крупнокалиберную артиллерию и начать методическую бомбардировку Москвы. Захват Сибирской железной дороги парализует подвоз боеприпасов и продовольствия. Захват водохранилищ позволит нам открыть шлюзы и лишит Москву водоснабжения. Овладение Каширской электростанцией прервет подачу энергии. Пусть шестимиллионная Москва, если она не хочет капитулировать, ест собак и кошек, — с грубым цинизмом комментировал фашистский генерал Штрумф. — Москва уже обречена. Это должен знать каждый германский

солдат! Общее наступление назначено на шестнадцатое ноября. Районы прорыва намечены в направлениях Солнечногорск — Истра.

Когда совещание было закончено и генералы разъехались, Штрумф пригласил своего недавно назначенного начальника штаба — генерала Эрнста Рихарта — для решения текущих дел, приказав капитану Прайсу приготовить горячий глинтвейн.

У Штрумфа болел зуб. Врач положил на больное место согревающий компресс и обмотал всю голову генерала бинтами. Генерал Рихарт, усевшись против своего патрона в кресло, с величайшей непринужденностью завел разговор о политическом докладе Лангера.

— Начинается крупная игра, — медленно сказал он, обрезая кончик сигары.

— Да! Москва — это крепкий орех, — шевеля только одними губами, чтобы не тревожить больной зуб, ответил Штрумф.

— Не кажется ли вам...

Рихарт небрежно сунул в рот сигару и, наклонившись, щелкнул изящной никелированной зажигалкой, сделанной по форме маленького дамского браунинга.

Штрумф уже знал манеру своего начштаба в щекотливый момент сначала тянуть и мямлить, а потом огорошить собеседника такой репликой, от которой мог заболеть и совершенно здоровый зуб.

До нового назначения Рихарт занимал должность начальника штаба одного из армейских корпусов, подчиненных Штрумфу. Как генерал, он имел огромный практический опыт штабной службы. В деле он показывал исключительную работоспособность. В своих действиях был невозмутим и решителен. Он умел подхватывать мысли своего патрона на лету и мгновенно превращать их в безукоризненно отработанный приказ.

Особенностью его диалекта было косноязычие, насмешливость, переходящая в злую, откровенную иронию, с неизменным чертыханием. Семьи он не имел и до пятидесяти лет прожил холостяком. Штрумф знал его «пуританином». Он ценил его и доверял ему. При внезапной вспышке гнева своего начальника Рихарт всегда сохранял полное спокойствие, давая начальству возможность «перебеситься» и показывая этим, как должны вести себя в серьезный момент генералы, достойные этого высокого звания.

— Не кажется ли вам, генерал... — Рихарт отмахнул от себя сигарный дым и сунул зажигалку в нагрудный карман своего кителя. — Не кажется ли вам, что сильно натянутая струна в конце концов лопается?

— Говорите ясней, Эрнст Рихарт.

— Я думаю, что генерал Лангер слишком натянул струну.

Штрумф не смог удержать сорвавшейся фразы:

— Я не политик, а солдат.

«Пуританин» весело засмеялся с сознанием того, как ловко он поддел своего патрона и заставил выдать себя с головой. Штрумф не только терпеть не мог политических разглагольствований Лангера, но и не выносил его самого. Чтобы сгладить неловкую паузу, Штрумф грубовато добавил:

— Мне нужно в достаточном количестве металла, живого мяса, пороха и хлеба. Тогда я могу завоевать еще одну Европу.

— Но ведь мы европейских рабов не заставили трепетать, а только набросили на них сомнительного качества ярмо, — с улыбкой заметил Рихарт.

Штрумф, поправив съехавший на глаза бинт, хмуро поморщился. Ему хотелось оборвать начальника штаба, но в то же время забавно было слушать смелые выводы «пуританина». Кинув на него тяжелый взгляд, он небрежно ответил.

— Раб не должен иметь воли.

— Но если он ее захочет иметь?

— Надо напоить автоматчиков хорошим коньяком и подкрепить на закуску танками. Все будет в порядке.

— Когда-то... в России... — вновь начал Рихарт, пережевывая каждое слово. — Именно в России... Деникинские офицеры имели в достаточном количестве водку, английские, французские корабли, пушки Круппа и американские штаны. А получилось чорт знает что! — добавил «пуританин» по-русски и широко развел руками.

Штрумф, жадно глотнув горячий глинтвейн, сильно закашлялся. Это уже было слишком. Бессмысленно возражать «пуританину», а показывать раздражение — и подавно! Но обратить все в шутку он не мог: ученик Людендорфа в скоморохи не годился. Да и глупо такому человеку не знать поучительной истории. Тогда хотели утопить Россию в народной крови. Ничего не вышло.

И вот новая игра, и во имя чего? Во имя чего ведет он эту кровавую игру с участием танков и живых людей и завершает поединок смертью? Во имя нации? — Вздор! Во имя нового порядка? — Чепуха! Может быть, во имя вестфальских имений? Впрах разнесут его именьи люди, которых он хочет сделать рабами. «Эрнст Рихарт прав», — думал Штрумф.

Тут генерал Штрумф задохнулся: задохнулся не от глотка глинтвейна, а от клубка нахлынувших мыслей.

— Эрнст Рихарт, — глухо откашлявшись, заговорил Штрумф, играя самым низким, великолепно-презрительным голосом, — Эрнст Рихарт, скажите мне, вы воюете за великую Германию?

«Пуританин» встал и сделал несколько шагов по комнате. Затем, остановившись против Штрумфа, он положил руку на грудь и без рисовки сказал:

— Я не боюсь быть убитым, но не хочу быть дураком!

Зуб Штрумфа снова заныл, точно после хлесткой пощечины.

— Но я все-таки хотел бы знать, что вы носите за пазухой, Эрнст Рихарт? — спросил командующий тихо, усиливая ту великолепную ноту, от которой его прежнего денщика Вилли бросало в дрожь.

Но «пуританина» это не смутило.

— Если вы полагаете, что у меня там сердце, то ошибаетесь. У военных не должно быть сердца. Если думаете, что я спрятал там Москву, тоже нет... Там есть проект приказа по проведению частной операции в районе сосредоточения кавалерийских дивизий генерала Доватора, прикрывающих Волоколамское шоссе в направлении деревень Сычи, Матренино, Язвищи.

Ловким движением Рихарт извлек из кармана бумагу и положил ее на стол.

— Вы умный человек, Эрнст, но... я вижу, вы чертовски скверно настроены. Докладывайте. Мы слишком много проболтали... — после короткого молчания проговорил Штрумф, поглядывая на часы.

— Правый фланг армии Рокоссовского, как видите, при поддержке двух танковых бригад удерживает Волоколамскую магистраль, — начал докладывать Рихарт.

Это уже был другой, совершенно преобразившийся человек. «Пуританин» мгновенно исчез, перед Штрумфом стоял твердорассудочный профессиональный вояка, холодный, упорный и расчетливый. Ни одного лишнего жеста, ни одного бесполезного движения.

— Центр армии, — продолжал он с каким-то мрачным, все возрастающим возбуждением, — глубоко вклинился в район сосредоточения наших передовых частей. Кавалерийские отряды в районе Немирово, Шашково, Данилково тревожат наш авангард частыми налетами и разведывательными операциями, мешают нашему наблюдению за Волоколамской магистралью...

Далее Рихарт четко и подробно изложил весь ход операции. В основном план сводился к следующему: атакой на Сычи при поддержке танков и авиации захватить Матренинские и Язвищенские высоты.

Подтянув артиллерию, начать систематический обстрел Волоколамского шоссе, тем самым парализовать движение всего армейского транспорта. В момент генерального наступления перерезать магистраль и поставить центр русской армии под угрозу полного окружения, что обеспечит беспрепятственный выход к Истринскому водохранилищу. А там уже и до Москвы рукой подать...

Удар, который замыслило немецкое командование, должен был принять полк Осипова. Антон Петрович теперь был уже в звании подполковника.

ГЛАВА 8

Кавалерийская группа Доватора после боев под Волоколамском сосредоточилась вдоль шоссе на северо-западной стороне.

После ожесточенных октябрьских боев на несколько дней установилось затишье. Захватив Волоколамск и Рузу, противник, подтягивая крупные резервы, сосредоточивал их в районе северо-восточнее Рузы. Вторая группировка противника накапливалась юго-восточнее Волоколамска с задачей наступать на восточной стороне шоссе и захватить Истринское водохранилище. В этом районе группировки должны были соединиться. Таким образом, по замыслу немцев, центр нашей армии, глубоко вклинившийся в наступающие части противника западнее Волоколамского шоссе, полностью попадал в окружение. Передний, самый опасный выступ этого клина занимали дивизии кавалерийской группы генерала Доватора и дивизия генерала Панфилова.

Первый эскадрон осиповского полка под командованием «нежнейшего тихони», как называл Осипов лейтенанта Рогозина, занимал оборону западнее деревни Сычи. Слева, глубоко зарывшись в землю, расположился эскадрон Биктяшева. Справа оборонялся третий эскадрон; командовал им лейтенант Орлов. Четвертый эскадрон находился в резерве. Здесь командиром был недавно прибывший в полк старший лейтенант Кондрат Шевчук — саженный детина красивого и угрюмейшего вида, с серебряной шашкой, полученной им на кавалерийском состязании. Доватор сообщал в записке, адресованной Осипову:

«Шевчука знаю по Дальнему Востоку. Служил у меня в дивизионе старшиной. Я же рекомендовал его в партию. Дисциплина у парня железная. Отменный строевик и рубака. Получил призовую шашку. Имей в

виду: упрям, как истый запорожец, и горяч. Из-за упрямства и вспыльчивости может полезть в пекло. Обламывать надо. Только, смотри, не пережни. С таким надо осторожно. Полагаю, что обойдется. Эскадрон ему дать можно. Посмотришь, каков будет в деле. Думаю, эскадронный из него выйдет хороший. Не понравится, откомандируй обратно. У меня найдется еще место».

Приняв командование эскадроном, Шевчук сразу же приобрел себе среди командного состава прозвание «мудреца». Первое, что бросилось в глаза, это его конь — белой как снег масти. Приехал он на нем из штаба дивизии. Ничего в этом коне завидного не было, однако, препоручая его коноводу Симакову, эскадронный многозначительно сказал:

— Береги.

— Уж очень он блестит, товарищ старший лейтенант, — заявил Симаков.

— Генерал Скобелев тоже на белом коне воевал...

В первый же день знакомства с командирами взводов Шевчук рассказал им свою биографию и от них потребовал того же.

За политрука в эскадроне был младший лейтенант Вася Рябинин. Знакомство с новым командиром произошло при следующих обстоятельствах.

Подходя к хате, где помещался политрук, Шевчук услышал звуки гармошки. Отчаянно перевирая мелодию, кто-то наигрывал «Синий платочек». Постучав в дверь, Шевчук прислушался. Из комнаты не отзывались. Немного подождав, Шевчук открыл дверь. Посреди комнаты на стуле, спиной к двери, сидел черноголовый военный с баяном в руках. По перекрещенным на полушубке ремням и пистолету Шевчук угадал в нем командира. Напротив него, прямо на полу, не спуская с баяна глаз, в сбитой к уху шапке, на корточках сидел мальчишка лет девяти в новых кавалерийских брюках и такой же гимнастерке, подпоясанной кавказским ремешком.

Увлеченный своим занятием, гармонист повернул голову, взглянул на незнакомого командира, приподнялся со стула, не выпуская из рук баяна. Широкоскулое, совсем еще молодое лицо его застыло в растерянной улыбке.

Сняв с плеча ремень, он передал баян пареньку:

— Смотри, не урони. Да не растягивай тут. В баню иди, там тепло. Все гармонисты ходят учиться играть в баню.

— В бане черти помогают, — вставил Шевчук.

— Нету там чертей, — обидчиво заметил мальчуган, — сегодня бойцы

мылись. И вовсе чертей не бывает. Не пугайте!

— Ишь ты, герой!

Шевчук, протянув руку, нахлобучил мальчику шапку на глаза и весело рассмеялся.

Мальчик, поставив на пол баян, поправил на голове шапку, восторженно поглядел на серебряную шашку и, дотронувшись до ножен, со вздохом проговорил:

— Эх, какая!

— Чем могу служить, товарищ старший лейтенант? — спросил черноголовый военный, тоже не без интереса разглядывая ловко сидевшую на крупных плечах прибывшего венгерку, кожаные леи на брюках и плотно надвинутую на лоб кубанку.

— Мне нужен политрук Рябинин.

— Политрука как такового нет. Есть младший лейтенант Рябинин, исполняющий обязанности политрука. Это я. Будем знакомы.

Рябинин крепко пожал руку Шевчука и придвинул стул.

— Так, значит, вы — Рябинин? — переспросил Шевчук, садясь на стул. — Добре. А я назначен в ваш эскадрон командиром. Давно политруком?

— Около месяца, — охотно ответил Рябинин. — Был командиром взвода. Политрука ранили, комиссар меня назначил. Ничего, воюем... — Достав из кармана газету, Рябинин оторвал кусок и предложил Шевчуку.

Поблагодарив, тот вытащил из кармана трубку с замысловатой резьбой и закурил. Сильно затянувшись душистым табаком, Шевчук с глубоким знанием дела начал расспрашивать Рябинина о состоянии эскадрона.

— Народ боевой. Кони справные. Недавно перековали... — односложно отвечал Рябинин. В душе он думал: «Службу знает, это уже добро». И радовался, что новый командир будет не хуже прежнего.

Тут же, ничуть не смущаясь, рассказал он о своем пристрастии к музыке, о том, что играет на рояле, на скрипке, а сейчас непременно хочет выучиться на баяне. «Ну и шел бы в музыкантскую команду», — удивляясь легкомысленности Рябинина, подумал Шевчук.

Выходя из хаты, он услышал, как Рябинин сказал:

— Петя, где баян?

На другой день, доложив комиссару Абашеву о приеме эскадрона, Шевчук как бы вскользь заметил:

— Вот политрука надо бы...

— Какого политрука? — спросил Абашев.

— В эскадрон ко мне.

— У вас политрук есть. Рябинин.

Абашев медленно поднял от стола голову и взглянул на Шевчука.

Тот, не согнав с лица насмешливую улыбку и не смягчив иронии, проговорил:

— Из него, товарищ комиссар, политработник вряд ли получится... Сильно музыкой увлекается. Да хоть бы играл как следует, а то скрипит, що бричка неподмазанная.

— Молодой, поэтому и увлекается. Вы постарше его, больше в армии служите, помогите. С какого года в партии? С тридцать пятого? Вот и отлично. Поправляйте, где надо. Отругайте за дело. Без церемоний! Я всегда поддержу, можете быть уверены. Но только помните: надо все это делать тактично. Самое главное — побольше дела, поменьше ошибок.

Абашев старался говорить просто, но с предельной ясностью, чувствуя, что к этому великану нужен особый подход и особая мерка. Смело подбирая необходимые слова, он не выбрасывал их, а точно ввинчивал, сопровождая энергичным движением головы и цепким, требовательным взглядом.

Шевчук сразу это почувствовал и понемногу начал всерьез стыдиться своей чрезмерной поспешности, с которой он завел речь о политруке Рябинине. После того как ушел Шевчук, Абашев вызвал Рябинина.

— Получили нового командира и скорей на баяне пиликать? Ай-ай, как не стыдно, а еще политрук....

— Честное слово, товарищ комиссар, никогда больше не возьму в руки баян, — выпалил ошеломленный и смущенный Рябинин.

Абашев рассмеялся и примиряюще сказал:

— Вот что, дружок: чтобы жить у меня с эскадронным душа в душу! И, кроме всего прочего, приказываю: выучиться играть на баяне по-настоящему. Тогда любой командир полюбит, а Шевчук непременно. Это я тебе говорю наверняка!..

Абашев, улыбаясь, наклонился к Рябинину и вполголоса, с заговорщицким на лице выражением продолжал;

— Гармонь, да еще в хороших руках, большая сила! Если решил изучить какое-нибудь дело, то изучи его до конца! Уж растяни мехи так, чтобы у слушателей дух захватило и своя душа пела!

В дверь постучали. Согнув высокую фигуру, в дверь вошел начальник политотдела Уваров. Едва не доставая верхушкой серого башлыка потолок, прошел на середину комнаты. Поздоровавшись с Абашевым и Рябининым, он молодым быстрым движением размотал на шее башлык, сбросил с плеч бурку и стал рассказывать историю, случившуюся с приехавшими в

соединение артистами.

Артистов вез связист Савелий Голенищев на трофейной автомашине, которую он несколько дней чинил, смазывал и решил, наконец, использовать. Выехал он на железнодорожную станцию за имуществом связи, однако груза там не оказалось, и его уговорили доставить другой «груз» — московских артистов... Поехали... Сначала, пока ехали по Волоколамскому шоссе, все шло отлично. Но от деревни Малые Рамешки надо было свернуть на проселочную дорогу и проехать еще километров двадцать лесом среди множества колесных следов от машин и бричек. Было еще светло, и гости с интересом обозревали зимний подмосковный пейзаж, вдыхали довольно-таки прохладный воздух, не подозревая, что их водитель маршрут знает не очень твердо. Перед этим штаб соединения передислоцировался, о чем Савва не имел ни малейшего представления...

Вдруг машина застопорилась и остановилась, при этом так неожиданно и резко, что женщины и даже некоторые из мужчин вскрикнули. Оказалось, что Голенищев завез их на какие-то старые артиллерийские позиции... Поняв свою ошибку, Савва дал задний ход, но тут выяснилось, что «Бенц», как называл он свою автомашину, отремонтирован не так уж блестяще и задом не катится... Развернуться же нормально не было возможности: кругом густейший лес, деревья толщиной в два-три обхвата. Пришлось работникам искусства вылезать из машины и толкать ее руками. Начало смеркаться. На небе появились звездочки, что предвещало добрый морозец. Гости были одеты очень легко. Мороз усиливался. С «Бенцем» начались самые удивительные приключения... То он зловеще пыхтел, то давал такие выхлопы, точно из винтовки стрелял, заставляя людей шархаться в стороны.

Первый сигнал «бедствия» подала известная актриса Р. Она перестала чувствовать, есть ли у нее ноги. Савва, подумав немного, снял свои чудовищного размера, с загнутыми носками валенки и надел их на миниатюрные ножки актрисы. Неудачливый механик, обмотав ноги портянками, покопавшись в моторе, кое-как завел его снова. После трех последующих километров другой гостье он отдал полушубок, комику, несмотря на его протесты, навязал телогрейку, сам же остался в одной гимнастерке. Баяниста, чтобы окончательно не заморозить, пришлось оставить у саперов соседней пехотной части. Теперь саперы завладели им и увезли куда-то в гости.

— Концерт срывается, — продолжал Уваров. — Нет ли у вас подходящего гармониста?

— Только сейчас говорил Рябинину: «Учись играть на баяне, учись»,

— вот и пригодилось бы! — сказал Абашев.

— Пробую... Да время такое... — пряча глаза, несмело проговорил Рябинин.

— Кто захочет, всегда найдет время, — возразил Уваров. — А баян есть?

— Инструмент отличный! Тульский, стобасовый!

— А ну-ка принесите, посмотрим! — приказал начальник политотдела.

— Товарищ полковой комиссар, да я совсем плохо играю!

— Тащи, тащи, не скромничай, — сказал Абашев.

Принесли баян, Рябинин, играя, смущался, робел, путался и перевирал мелодии.

— Хороший баян. Разреши-ка я попробую...

Уваров, улыбаясь, поставил баян себе на колени и, склонив голову, ловко владея пальцами, взял хроматическую гамму.

Рябинин, неплохо знавший музыку, почувствовал, что баян находится в умелых руках. Уваров заиграл марш «Перекоп», составленный из мелодий многих известных революционных песен. Они напомнили грозное время гражданской войны. Вот слышатся призывные звуки сигнала к наступлению, тревожные мелодии кавалерийской трубы... Пальцы Уварова легонько пробегают по ладам, кажется, что вокруг начинают перестукивать копыта, звенят колечки трензелей...

— Вот как надо играть! — многозначительно посматривая на молодого политрука, проговорил Абашев.

Но Рябинин как будто не слышит его голоса. Ему кажется, что он не в подмосковной колхозной избе, а где-то на Сиваше форсирует пролив и атакует врангелевцев...

Уваров отложил в сторону баян и потянулся за папиросой. Прикуривая, он низко наклонил голову. Рябинин только сейчас заметил седину на его виске и синий рубец выше уха.

— Давно не играл, а вот не разучился, — сказал он задумчиво. — У меня вся семья увлекается музыкой, два сына и дочка. Организовали свой домашний самодеятельный оркестр.

— Музыка! Какое это большое, содержательное слово! — взмахнув руками, горячо заговорил Рябинин. — Мне кажется, что только хорошие люди по-настоящему могут понимать музыку!

— Не всегда так, — возразил Уваров. ~ Встречаются большие знатоки музыки с самым черствым сердцем. Они подогреют тебя чувствительным романсом, одарят сладенькой улыбочкой... Но потом горькой может

оказаться эта улыбочка. Хорошие люди определяются не по музыкальным способностям, а по их отношению к обществу, к своему человеческому долгу... Я вчера говорил с пленным немецким полковником. Он считает себя высокообразованным человеком, знает французский и английский языки, обожает, как он говорит, музыку, но, даже, будучи в плену, он пытается бить своего денщика... Самым порядочным человеком в Германии он считает Круппа. Я его спросил: что он считает причиной войны между Германией и Советским Союзом? Он мне ответил: «у гитлеровцев самые благие намерения помочь русским «культурно развиваться». Ведь, немцы, как он выразился, добрые люди и при этом упомянул, что они хорошие музыканты... Попадись-ка в лапы такому музыковеду, он тебе привьет культуру...

Уходя, Уваров посоветовал Абашеву и Рябинину почаще напоминать бойцам, что собой представляет фашистская «культура» и «новый порядок».

— Уехал! — когда затих на улице конский топот, с сожалением сказал Михаил Абашев.

Рябинин смолчал.

Участок, занимаемый полком Осипова, в полосе обороны дивизии считался самым ответственным. Сосед слева, кавполк соединения Медникова, за последнее время в одной из частных операций отбросил немцев на запад и достиг реки Руза. Подкрепленный свежими силами, полк прочно занял оборону по ее восточному берегу.

Правый сосед (кавполк Бойкова) имел впереди заболоченную лесистую местность и фланг дивизии генерала Панфилова.

Участок Осипова, начинавшийся под селом Верхне-Слезнево, глубоко вклинивался в оборону противника. Река здесь резко поворачивала на запад, затем, круто меняя направление, уходила на восток, образуя подкову. Западный берег в этом месте представлял собой холмистую, поросшую лесом возвышенность и всецело господствовал над восточным, совершенно открытым берегом, от которого сразу же начиналась луговая низина, а за ней чистое, открытое поле. Только через два километра начинался лес, тянувшийся до деревни Сычи. По лесу, от деревни Шишково, проходило широкое лесное дефиле с прочной грунтовой дорогой. Оно-то и являлось ключом позиции не только полка Осипова, но и всей дивизии.

Выехав вместе с начальником штаба и командирами эскадронов на рекогносцировку местности, Осипов остановился у опушки леса. Едва

всадники показались между кустов, как тотчас же были обстреляны противником из минометов и орудий. Углубившись немного в лес, Осипов приказал спешиться и скрытно вывел командиров на край леса.

За речкой, между нарядных, в золотом осеннем уборе берез, вспыхивали блески выстрелов. В окулярах бинокля Осипов видел мелькавшие фигурки немецких солдат. По косогору проехала, исчезая за деревьями, груженная лесом брочка. Опустив на грудь бинокль, Осипов присел на колени и сделал отметку на карте. Снова поднялся, поставив ногу на сваленное дерево, и, приложившись к биноклю, отрывисто сказал:

— Обзор что надо!

— Зато позиция никуда не годится, — вставил майор Почибут, которого повысили в звании одновременно с Осиповым.

Командиры, вглядываясь, в сторону противника, шелестя картами, напряженно молчали. Всем было ясно, что противник, используя лес и холмистую, господствующую над рекой высоту, устанавливает орудия и пристреливается к выступу леса, прикрывая огнем всю котловину. Мало того, расположенное на высотах восточного берега Рузы село Нелидово создало для противника естественное укрытие на случай переправы через реку.

Посвистывая, пролетел снаряд и разорвался где-то неподалеку. Стоявший рядом с начальником штаба лейтенант Рогозин вытер ладонью краснощекое, обветренное лицо, склонив голову над картой, и, отойдя в сторонку, присел на пень. Командир второго эскадрона Сергей Орлов, дернув за рукав командира батареи лейтенанта Ченцова, подмигнул в сторону Рогозина.

— Решает судьбу битвы... — шепнул ему на ухо Ченцов.

Ченцов был веселый и бесшабашный парень, но артиллерийское дело он знал отлично. За это ему и прощалось многое.

Шевчук, согнувшись, заглядывал в карту через плечо командира полка, ежеминутно посасывая зажатую в огромном кулаке трубку.

Осипов, обернувшись, посмотрел на него снизу вверх и, улыбнувшись прищуренными глазами, насмешливо проговорил:

— Ты, брат, около меня не маячь: снаряд пригласишь...

— Рукой поймаю и назад кину... — отшутился Шевчук.

— Что ты скажешь насчет позиции, старший лейтенант Шевчук? Только короче.

Осипов присел на сваленное дерево и развернул на коленях карту.

— Немирово оборонять трудно. Стоит посередь поля, як парус на озере. Здесь, — Шевчук топнул по мерзлой земле ногой, — тоже нельзя

строить оборону. Опушка леса... Обстреливать будет крепко.

— Что предлагаешь? — настойчиво посматривая на него, спрашивает подполковник.

«Проверяет, як на зачете», — промелькнуло у Шевчука в голове.

— Що я предлагаю... — Шевчук помял в руках карту, несколько раз пыхнул трубкой и затажно передохнул: — Атаковать Верхне-Слезнево вместе с пехотой и выровнять левый фланг.

Сидевший на пне Рогозин фыркнул. Обернувшись к нему, командиры сдержанно засмеялись. Оглянулся и Осипов.

— Ты чего там, Рогозин?

После волоколамских боев командир полка относился к нему с уважением. Но сейчас поведение молодого комэска ему не понравилось.

— Иди сюда ближе. Мы обсуждаем позицию, а ты отошел в сторону и не слушаешь.

Рогозин, вытянувшись, бойко ответил:

— Я слушал, товарищ подполковник. Все слышал и сам думал...

— Что ж надумал?

— Я надумал строить оборону вдоль лесного дефиле, немного отступив от края, начинать от центра...

— Почему? — косясь на Осипова, спросил Почибут.

— Меньшая поражаемость будет, и танки противника все на виду!

Рогозин говорил убедительно и воодушевленно, словно видел эти танки и готовился бить их.

— В конце просеки пушки укрыть в капониры. Все дефиле будем простреливать кинжальным огнем!

— Как ты думаешь, начальник штаба?

Осипов хитро улыбнулся, достал портсигар и протянул Рогозину.

— Закуривай...

— Спасибо, товарищ подполковник, не выучился.

— Ах да, ты ведь меццерский старовер. Я и забыл... А ты что думаешь, майор Почибут?

— Мысль, достойная уважения, — ответил Почибут, с ухмылкой потирая руки, стывшие на холоде после ранения.

— Правильная мысль, — подтвердил Осипов.

— Предложение старшего лейтенанта тоже верное! — неожиданно вставил Рогозин, взглянув на Шевчука, и нерешительно добавил: — Только я думаю: сил у нас пока маловато.

— Накопим, — глубоко вздохнув, проговорил Осипов. — Ну, а раз ты предлагаешь строить оборону в этом проходе, сегодня же начинай. Пушки

Ченцова все отдаю тебе. Приедем в Сычи, приходи за приказом. Там еще кое-что уточним.

— Вы всерьез думаете строить оборону вдоль просеки? — спросил у Осипова майор Почибут, когда они приехали в штаб.

— Немножечко иначе... — усмехаясь, ответил Антон Петрович, развернув карту и водя по ней согнутым пальцем, показывая во всех деталях намеченную оборону. — Смотри: по этой просеке идет дорога на Данилково. Немцы, надо полагать, не оставят ее без внимания, так или нет?

— Не исключено, — подтвердил Почибут.

— Ясно! И в нашу прореху полезут непременно. Больше им нет выхода. Дефиле широкое и удобопроходимое для танков. Если они им овладеют, нам будет очень худо. Придется его крепко минировать и в самом конце устанавливать пушки. На дорогу Немирово — Данилково — заставу от эскадрона Орлова. Рогозин — в центре, слева — Биктяшев. Шевчук — в резерве. Вот и все.

— А план Рогозина?

— Что план Рогозина? Смелый план, но он не учел данилковскую просеку. Затылок подставляет. Там немцы могут пехоту двинуть. А ее-то и надо в засаду подловить.

— Почему же вы Рогозина на месте не поправили?

Почибут, как опытный штабной командир, давно оценил всю обстановку, но не понимал снисходительного отношения Осипова к молодому командиру.

— Вот он придет сюда, мы его здесь и поправим. А там нельзя было. Зачем лишать человека инициативы? Да и план его мне нравится. А засаду мы там все-таки посадим. Главное, хорошо говорил, с огоньком. Танки пропустить и сбоку кинжальным огнем! Здорово! Из него, честное слово, вот посмотришь, добрый выйдет комэскадрона. Раз человек думает, мыслит творчески, — значит, у него есть инициатива. Надо только во-время его поправить, указать на ошибку. А ведь каждый думает по-своему: один так, другой эдак. Ко всему надо прислушиваться. Мысль не новая, но мы часто забываем ее. И со мной это бывало, нечего греха таить. Я вот присматриваюсь к командирам и все время думаю, кто на какое дело способен, кому и что можно, доверить. Скажем, тот же Рогозин. Он хорош в обороне, будет драться до последнего, но нельзя его пускать на марше в головную походную заставу. Неизвестное действует на него очень сильно и вызывает психологическую напряженность. Он будет обдумывать всевозможные варианты встречи с воображаемым противником, а при столкновении может забыть отдать команду спешиться, как это было под

Крюковым. Не умеет еще руководить своей волей. Для этого ГПЗ^[2], чтобы ты знал, лучше Орлова нет. Осторожен, хитер и смел, да и опыта больше. Биктяшев, мастер засады, любит внезапность, при наступлении быстрее его никто не продвигается, но слишком бывает суетлив, мечется, горячится. А это не всегда хорошо кончается. — Осипов умолк, заложив руки за спину, прошелся из угла в угол.

— Что вы думаете о старшем лейтенанте Шевчуке?

— Шевчуке?

Остановившись посреди комнаты, Антон Петрович плотно сжал губы и задумался.

— Этот, пожалуй... — и, вспомнив записку Доватора и высказанное Шевчуком решение, подумал: «Эх, людей маловато, пушек бы да десяток танков!» и, поймав устремленный на него взгляд начальника штаба, веско добавил: — Этот, как глыба: ударь сильнее — искры брызнут...

ГЛАВА 9

В боях под Москвой наступило временное затишье. Рано утром Доватор был неожиданно вызван в штаб армии. В приемной командарма к нему подошел небольшого роста средних лет человек в форме генерал-майора.

— Здравствуй, соседка! — сказал он, протянув Доватору руку.

Лицо его с резко выдающимися скулами, несмотря на утомленный вид, было приветливым и ласковым. Это был прославленный генерал Панфилов, командир дивизии, сосед Доватора на правом фланге.

Доватор, взяв Панфилова за локоть, повел его к окну, шутливо выговаривая:

— Браниться сейчас буду, браниться! Что ж это — по-соседски? Обещал, а не появляешься!

— Не мог, Лев Михайлович! Совсем однажды собрался, белье приготовил, веник березовый... Ну, думаю, попарюсь... — Панфилов весело прищурил глаза и улыбнулся.

— А тут немцы, как назло, такой «душ» устроили!..

— Знаю, знаю. Жарко было.

— Земля трескалась! Мои разведчики обера притащили, командира штурмовой роты. Хлыщ такой. Говорит: «Москва окружена. Мы скоро будем в Кремле». А пока, видите ли, наш батальон, расположенный на высоте, мешают их наблюдателям, так они решили прогнать его... Я сначала

маленько пострелял, а потом велел пропустить их. Ну, а заманив к себе, мы с твоим комдивом отрезали им отход и... Впрочем, остальное тебе известно... Молчат пока. Это перед бурей.

Поблескивая из-под густых бровей умными, спокойными глазами, Панфилов начал анализировать обстановку, подчеркивая сложность положения в центре расположения армии.

— Меня вызвали и говорят: «Приготовься отбивать атаки». А я всегда готов наступать. Немножко, говорю, резервов подбросьте. Нет, отвечают, насчет резервов пока подождите. Есть сведения, что на нашем участке у врага действуют семь танковых дивизий и авиационный корпус. Как будем бить немцев, генерал Доватор?

— Всем народом, — перехватывая цепкий и пристальный взгляд Панфилова, ответил Доватор. — Кто говорит, что у нас резервов нет? А Сибирь, Урал, Волга, Средняя Азия! Силища!

— Да, но и фронт у нас велик! В том-то и секрет, чтобы умно распределить и использовать резервы. А вот некоторые говорят, что, пока союзники не начнут военных действий, мы сможем вести только оборонительную войну, — усмехнувшись, проговорил Панфилов, искоса поглядывая на начинавшего горячиться Доватора. Он уже покусывал губы и мял темляк шашки.

— Это что ж? К весне завести огороды под Москвой, петрушку выращивать, огурчики? Как французы на «линии Мажино»? — отчеканивая каждое слово, проговорил Доватор.

Панфилов с улыбкой посмотрел на него. Этот молодой, горячий, но сдержанный кавалерийский генерал очень нравился ему.

— Вздор! Русские войска никогда не отсиживались, — горячо продолжал Доватор. — И никогда ни на кого не надеялись. Никакой заморский сосед защищать Москву не придет. Союзники сначала дали Гитлеру сломить Австрию, потом Чехословакию, а когда он пошел на Польшу, спрятались за «линию Мажино». Может, мол, он с русскими сцепится, а мы пока отсидимся. Не вышло! Французские укрепления Гитлер объехал на танках через Бельгию и пожаловал прямо в Париж. А теперь заморские политики сидят, небось, на островах и в подзорную трубу поглядывают: прихлопнет Гитлер Москву или нет? Только они забыли, что Советский Союз непобедим и у фашистов силенок не хватит, чтоб взять Москву. Нам сейчас тяжело, это верно, но в семнадцатом году было еще тяжелее. Выдержали. Выдержим и сейчас. Только не сидеть надо, не отсиживаться! Я вот прошусь... тылы немецкие тревожить. Попутал бы генералу Гютнеру его козыри. Да не пускают!

Доватор помолчал и, подмигнув Панфилову, добавил:

— А если я решу ночной ударчик сделать, поддержишь? План у меня разработан, передан командарму. Может, за тем и вызвали?

— Об этом вот с кем поговорить нужно. — Панфилов указал глазами на подходившего к ним члена Военного совета Букреева. — Я слышал, ему эта операция нравится, — и он кивнул головой. В этом движении Доватор уловил прямое обещание поддержки.

— Вы мне очень нужны, генерал Доватор. Очень! — мягким и звучным голосом проговорил Букреев.

— Слушаю вас, товарищ армейский комиссар!

Доватор, подтянувшись, слегка пристукнул шпорами.

— Я ознакомился с оперативным планом предполагаемой вами операции. Одобряю. Хорошо придумано. Дельно и остроумно. Сейчас имеется много благоприятных случаев показать свое полководческое искусство.

Букреев внимательно посмотрел на Доватора и одобрительно улыбнулся. По лицу Доватора разлилась радость.

— Вы, Лев Михайлович, именинник, — продолжал Букреев. — Вам надо быстро подготовиться...

— У меня все готово, товарищ армейский комиссар!

— Ну, к этому вы не можете быть готовы, — возразил Букреев и как бы подчеркнул серьезность своего довода решительным взмахом руки.

Доватор почувствовал, что член Военного совета сейчас скажет что-то значительное и необыкновенно важное.

— Вы готовы к предстоящей операции, — отчеканивая каждое слово, продолжал Букреев. — Но не готовы для участия в московском параде. Вы поведете на парад сводный кавалерийский полк. Должны быть в Москве через два дня.

Стоявший рядом с Доватором Панфилов поймал рукой его пальцы и крепко сжал их. Доватор почувствовал всю теплоту этого дружеского пожатия.

— Это великая честь вашим дивизиям, честь их командирам! — Букреев выжидательно посмотрел на Доватора и, протянув руку, улыбаясь, добавил: — Поздравляю. Искренне рад. Людям дайте отдохнуть. Не требуйте внешнего лоска и никакого щегольства. Форма обыкновенная, фронтовая: каски, шинели.

До Волоколамского шоссе Доватор и Панфилов ехали молча. Когда подковы коней звонко застучали по асфальту, Доватор натянул поводья, и

высокий конь, стригнув острыми концами ушей, резко взял широкую рысь. Панфилов, надвинув поглубже генеральскую папаху на лоб, пустил своего коня коротким галопом. Сзади, рассыпая подкованную дробь, скакали сопровождающие.

На развилке дорог они въехали в заснеженный лес и остановились. Доватору надо было сворачивать на Шапково. Из придорожного кустарника ветерок гнал на шоссе запах дыма. Стучали топоры и позванивали пилы. Оживленные человеческие голоса, треск валившихся деревьев, гул близкой артиллерийской стрельбы настораживали коней. Взмахивая головами, они беспокойно крутились на месте и требовали повода.

— Покурим на прощанье, — сказал Панфилов.

— Да, да, — согласился Доватор и ловко выпрыгнул из седла.

Подъехавшие коноводы увели лошадей.

— Парад в Москве. Это будет совсем особенный парад, — снимая теплые кожаные перчатки, проговорил Панфилов тихим голосом. — Этот парад — уверенность в победе. Уверенность в правоте нашего дела. Ты поедешь и услышишь, как забьется на Красной площади могучее сердце. А я его здесь почувствую... Это сердце армии, сердце советского народа, сердце родины! А когда любишь ее больше жизни, тогда пойдешь на любой подвиг.

Они помолчали.

— Ну, что ж, Лев Михайлович, — после небольшой паузы продолжал Панфилов. — Пора... А все-таки мы эту операцию после праздника проведем. Ты приедешь с обновленной душой. Я это знаю. А сейчас разреши-ка...

Панфилов, скрипя кожей перчаток, неловко умолк.

— Разреши перчатки тебе подарить? Это мне, понимаешь, прислали... Очень хорошие перчатки...

Они обнялись и крепко поцеловались — троекратно, по старому русскому обычаю.

— Перчатки обязательно на парад надень! — лоя ногой стремя, крикнул Панфилов.

Когда приехали в Шапково, была уже ночь. Передав коня Сергею, Доватор прошел на квартиру комиссара.

Шубин сидел перед открытой печкой и помешивал тлеющие угли кочережкой. Отблеск огня освещал его ордена, ромбы на петлицах кителя, широкие согнутые плечи и крупную голову. Услышав голос Доватора, Михаил Павлович поставил кочережку в угол, встал и пошел навстречу.

— Почему, комиссар, сидишь без огня? — весело здороваясь,

проговорил Доватор.

— Мечтаю... у камина... «Луна на окнах серебрит узоры, в камине тлеют угольки», — шутливо продекламировал Михаил Павлович.

Он подошел к столу и зажег лампу.

— А хорошо эдак помечтать зимним вечером, хорошо!

Под ламповым стеклом, потрескивая, разгорался фитиль. Комиссар был немного выше Доватора. Круглая, гладко остриженная голова была посажена на широкие плечи. Спокойным движением больших рук Шубин отодвинул лежавшую на столе объемистую полевую сумку. Посмотрев на Доватора внимательными серыми глазами, он пододвинул стул:

— Ты раздевайся, хочешь к печке садись. Ужинать будешь? Новости расскажешь?

— Новости есть необыкновенные. Ужинать не хочу. У командарма угощался, — вешая на гвоздь бурку, проговорил Доватор.

— Командарм угостил, поэтому ты так весело и настроен. А меня командир дивизии, генерал Атланов, такой разведсводкой попотчевал!..

Михаил Павлович расстегнул полевую сумку и вытащил отпечатанную на машинке разведсводку и карту.

— Я даже аппетит потерял. Штабники утверждали, что противник нанесет удар непременно в стыках дивизий Панфилова и Суздалева.

— Так оно и должно быть. Это мнение и штаба армии, — подтвердил Доватор и тут же встревоженно спросил: — А что в разведсводке?

— Вот, посмотри. — Шубин пододвинул Доватору карту. — Генерал Атланов — умница, и, как настоящий военачальник, решил еще раз проверить полученные данные. Послал дальнюю разведку к ним в тыл и обнаружил, что сегодня ночью крупные силы танков и пехоты, передвинулись в район Немирово, Тоболево, Сосновка. Его бронетанковая разведка демонстративно побывала в Сосновке. На самом же деле основные силы — танки и автомашины — вот здесь. Маскируются около домов, сараев, на гумнах. Все закрыто снопами ржаной соломы, сеном. Днем никакого движения. Гитлеровцы из армейской группы генерала Штрумфа ведут себя пока тихо. Даже не слышно обычной шумной пальбы. И авиация не появляется. Заметь! Что это значит, как ты думаешь?

Доватор, склонившись над картой, уперся локтями в стол. Затем быстрым движением руки выхватил из кармана карандаш, провел по карте черту и решительно заявил:

— Атаковать их надо во что бы то ни стало, вот что я думаю. И в штабе армии сказал и сейчас говорю. А у нас покой. Чорт бы побрал этот дурацкий покой!

Доватор встал и глубоко передохнул всей грудью. Взяв телефонную трубку, он вызвал начальника штаба. Михаил Павлович видел, что генерал уже закипел обычным трудовым напряжением. В его голове уже происходила мысленная баталия. В самый короткий срок Доватор примет решение, сделает ясные выводы и не замедлит их высказать.

Взглянув на Шубина, Лев Михайлович внезапно засмеялся счастливым смехом:

— А все-таки, Михаил Павлович, мы не дадим им испортить нам Октябрьский праздник.

— Положим, фашисты нам подпортили немало, — удивленно посматривая на генерала и не понимая его необычайной веселости, задумчиво проговорил Шубин.

— Что и говорить! Но мы в любых условиях, как бы нам тяжело ни было, будем торжественно встречать наш великий праздник, — с упрямством подтвердил Доватор.

— Ты что-то сегодня, Лев Михайлович, очень весел. Очевидно, пополнение обещали. Расскажи твои необычайные новости. Обещали, да?

— Именно только обещали! А настроение у меня действительно, как у именинника. Да и есть от чего! Нам приказано приготовить сводный полк для участия в московском параде.

— Эх, брат! Тут в самом деле...

Шубин не договорил. Все происходило непостижимо странно. Но это несколько не удивило его. Михаил Павлович посмотрел на Доватора. Взгляды их встретились, и, как бы проникнутые внутренним единством мысли, они сами себя спросили: «А почему не должно быть парада?» и тут же ответили: «Должен быть парад!»

— Значит, готовимся к параду, — переспросил Шубин, — и гитлеровцев будем бить?

— Непременно, Михаил Павлович! Подождем их маскировку. Спалим вместе с танками. Вот если они опередят нас, тогда будет труднее.

Доватор закусил губу и прищурил ясные глаза. Он присел за стол и быстро стал набрасывать проект боевого приказа. Шубин составлял расчет по дивизиям, которые должны были выделить людей для участия в московском параде.

Обсудив боевой приказ вместе с Шубиным, Доватор ушел к себе и проработал всю ночь.

Его адъютант капитан Курганов слышал, как генерал несколько раз вставал из-за стола и, стараясь тихо шагать, чтобы никого не разбудить, выходил на улицу. Прислушиваясь к редким выстрелам, он подолгу стоял

на крыльце. Потом снова возвращался в комнату и снова садился за стол. Он думал в эту ночь не только о предстоящем наступлении, но и о большой рейдовой операции, которую мечтал осуществить во что бы то ни стало. Он еще не знал, когда и где будет ее проводить, но был уверен, что она состоится, и в самом недалеком будущем.

А сейчас он обрадует людей, объявив им приказ о московском параде, и через несколько дней поведет их в Москву, на Красную площадь! Завтра же он нанесет фашистам удар, внезапный, беспощадный!

Но на этот раз противник опередил Доватора на несколько часов и атаковал полк Осипова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Раннее ноябрьское утро. Над крышами подмосковной деревни Сычи лениво стелется серый дымок. На улицах ни души. Иногда гроыхнет у колодца бадейка, проскрипят по твердому снегу чьи-то валенки, глухо хлопнет дверь, и снова в утренней тишине начинает властвовать необычный для этого месяца мороз. На западной окраине деревни, глядя сквозь амбразуру дзота на убегающую в лес дорогу и зябко кутаясь в казачьи башлыки, бойцы дежурят у пулеметов. У одного из домов ходит взад и вперед часовой.

Здесь штаб полка. На фронте почти всю неделю стояло затишье. Командир полка приказал вытопить на завтра баню.

В окна вместе с морозом вползал белесый рассвет. Командир полка Антон Петрович Осипов и комиссар Михаил Абашев давно уже проснулись. Осипов, хрустнув пальцами, потер ладони и по привычке потянулся было за папиросой, но Абашев схватил его за руку:

— Не положено. Условия надо выполнять, дорогой товарищ.

— Виноват! Совсем забыл. — Антон Петрович встал, засучил рукава и, напряжив тренированные мускулы, приступил к зарядке. Накануне, просидев в штабе почти всю ночь, они с Абашевым выкурили уйму папирос и, насквозь прокоптившись дымом, дали друг другу слово курить меньше, а до завтрака и вовсе не притрагиваться к папиросам.

На кухне, весело потрескивая, топилась печь. Хозяйка дома Елена Васильевна Русакова, перебраниваясь с чубатым курносым поваром

Сашкой, месила тесто для; пирогов.

— Ты начинку готовь, а насчет теста не учи. Мы пироги можем загнуть безо всяких твоих поварских фокусов.

— Пироги, Елена Васильевна, должны быть красивые, с зажимочкой. Ведь не могу же я на стол подавать какие-нибудь лопухие.

— Сам ты лопухий! Готовь сковороды. А на стол я сама подам, не беспокойся.

У двери в горницу, где жили Осипов и Абашев, заглядывая в щель, вертелись Маша, семилетняя голубоглазая дочка Русаковой, и Петя Кочетков. Осипов собирался усыновить мальчика и отправить его к сестре. Временно он попросил хозяйку взять Петю на свое попечение.

— Смотри, смотри, Петя, — пицала Маша, — дядя Антон, как гусак, ходит. А дядя Миша вприсядку.

— Это называется гимнастика, — поучительно объяснял Петя.

— Смешно прямо, такие большие...

— И вовсе не смешно... — укоризненно проговорил Петя, оправляя на гимнастерке наборный ремешок. На самом деле ему тоже было весело, хотелось посмеяться, но он старался держаться настоящим казаком и не намерен был уронить свой авторитет перед какой-то девчонкой.

— Гимнастика нужна, чтобы быть сильным, — подтвердил он солидно.

— Да они и так сильные. Дядя Миша вчера меня до потолка подбрасывал. А дядя Антон на лошадь верхом сажал. У него есть дочка Варя, ей фашисты ножку отломали, и она в больнице лежит. Мы с ним туда поедем, я буду за ней ухаживать.

— А маму, значит, бросаешь? Так, так, доченька, — Елена Васильевна притворно покачала головой. Ее продолговатое, покрасневшее у печки лицо с голубыми, как у дочери, глазами было молодо и красиво. Овдовела она в финскую войну. От второго замужества отреклась и всю жизнь посвятила своей агрономической деятельности и воспитанию единственной дочери.

— Нет, мамочка, мы и тебя возьмем. У Вари нет мамы, вот ты и будешь ее мамой. Дядя Антон добрый!

Елена Васильевна растерянно улыбнулась и вдруг стала торопливо поправлять массивную, жгутом скрученную на затылке косу. Дочь как будто подкараулила ее мысли и вывернула их наизнанку. Уж очень по сердцу пришелся ей ласковый и внимательный подполковник с его тяжким несчастьем, о котором она узнала от повара Сашки. Так пришелся, что сама себе боялась признаться. Русской женщине свойственна особая чуткость, к

чужому горю. Вот и к Пете за неделю она так привыкла, что стал он ей, будто родной. И Маша к нему привязалась, как к брату, и не отстает ни на шаг.

— А как же Петя?

— Да он же в казаках... Ему дядя Миша коня обещал и ружье. А если хочет, пусть едет с нами. Но он не поедет. Я знаю. Он военный... — с серьезной деловитостью ответила Маша.

Все рассмеялись. У порога раздалось мычание. В углу, на свежеподостланной соломе, растопырив ноги, стоял пестрый теленок. Отпоенный молоком и выкормленный хлебом, он нехотя повиливал хвостом.

— Вот где котлетки-то, Елена Васильевна! — Сашка дал теленку шлепок. Тот засопел носом, боднул головой и снова сонно затих.

— Сколько тебе говорю, нарежь да и все, — заметила Русакова, перекатывая на столе тесто. — Куда он мне?

— Не надо, мама. Зачем его резать, — жалостно проговорила Маша. — Он маленький...

На ее слова никто не обратил внимания. Петя стоял около стола и в сотый раз любовался на свою форму. Елена Васильевна раскатывала на столе тесто. Сашка воровато посматривал на ее крепкие, оголенные по локоть руки и чуть-чуть приоткрыл рот. Он был влюблен в хозяйку, и вид у него в эту минуту, как и у пестрого телка, был глупый и потешный.

Из горницы вышел Антон Петрович; потрепав Машу по пышным белокурым волосам, он сказал:

— Умываться, стрекоза, будем?

— Опять холодной? — Маша смотрела на Осипова озорным любопытством и нескрываемой детской восторженностью. Каждое утро она ему поливала на спину из ковшика, где плавали льдышки, а он только кричал и весело смеялся.

Антон Петрович подошел к тазу и подставил руки. Маша лила из ковша воду. Хозяйка, вытерев руки, прошла мимо, словно боясь взглянуть на оголенную, густо перевитую мышцами спину Антона Петровича, и проворно исчезла в соседней комнате. Минут через пять она вышла и, изгибаясь стройной фигурой, подала Антону Петровичу через голову Маши белое, расшитое цветами полотенце.

— Да вы не беспокоились бы, Елена Васильевна. У меня там есть... — смущенно проговорил Антон Петрович.

— А это мягкое, домашнее. — Русакова ловким движением одернула белый передник и принялась резать ножом тесто.

— Благодарю. Домашнее все хорошо. Но мы уже как-то отвыкли. Обернувшись к Маше, Осипов спросил:

— На лыжах поедem кататься?

— Поедем, дядя Антон! — радостно отозвалась Маша. — И Петю захватим, да?

— И Петю захватим.

— Ой, как хорошо! — Маша весело притопнула ножкой.

— Ух ты, стрекоза! — Антон Петрович подхватил девочку на руки, подбросил ее до потолка. Осторожно поставив на пол, склонился и поцеловал в лоб. Маша, обвив его ручонками за шею, тоненько вскрикнула:

— Ой, какой холодный!..

Часов в одиннадцать Осипов с Абашевым сели завтракать.

— Ты смотри: пирожки, пампушечки, творожнички... Будто бы и войны нет. Роскошь, — говорил Осипов закусывая.

— Добро, добро, — похваливал Абашев. — Понимаешь, люди-то как жили! Смотри, колхоз-то какой был. Не дают, чорт побери, спокойно пожить. А ведь нашу страну можно пшеницей засыпать, яблоками завалить, арбузами.

— Наши богатства Гитлеру и нужны, — вставил Антон Петрович.

Вошла Русакова. В одной руке она несла тарелку с солидной стопой блинов, а в другой — миску сметаны,

— Да вы нас совсем избалуете, Елена Васильевна! — воскликнул Абашев.

— Кушайте на здоровье! Сегодня еще телка зарежем. Деваться с ним некуда. Время такое. — Елена Васильевна не договорила и тотчас же вышла.

— Да, время действительно... — отдельно проговорил Абашев, и тут же, словно спохватившись, шутливо добавил: — Что-то уж больно хозяйка-то старается...

— Н-н-да, — неопределенно промолвил Антон Петрович, запихивая в рот пирожок.

— А ведь замечательная женщина, Антон Петрович! — Абашев перестал есть и устремил свой взор на Осипова. Тот по привычке, как всегда, когда ему приходилось решать какое-нибудь щекотливое дело, крякнул и, нервно насупившись, спросил:

— Что из того следует?

— А следует вот что: посматривает она на тебя, ну как бы это сказать... С восхищением посматривает, точно влюбленная...

— Ну уж это ты, брат, оставь.

— Не оставь, а истина. Да ты и сам-то малость равнодушен к ней, только боишься признаться.

— Да ты что на самом деле! — Осипов скомкал в руках салфетку.

— Ничего, друг мой, ничего! Ты только не кипятись, будь поспокойней и пойми, что плохого в том, если ты эту милую женщину всерьез полюбишь...

— Ты шутишь? Или считаешь меня за дурака! Да разве я могу? Нет, никак не могу...

— Не могу, не могу! Тогда садись вон к печке и сыпь себе на голову пепел... Только не притворяйся! Да это, брат, золото, а не женщина, если хочешь знать... Мне рассказывали, как она в колхозе хозяйство вела. А он одно свое — не могу да не могу. Ничего тут зазорного нет, если вас взаимно влечет друг к другу и если вы откровенно признаетесь в своих чувствах... Почему бы тебе не подумать об этом? — невозмутимо и настойчиво продолжал Абашев, чем привел Осипова в полнейшее смятение. Если бы не вошел в этот момент начальник штаба полка майор Почибут, неизвестно, до чего бы они договорились.

— Есть удивительные новости, — присаживаясь к столу, проговорил майор. Всегда спокойное лицо его на этот раз торжествующе улыбалось.

— Новости? Выкладывай! — Осипов кинул на Почибута настороженный взгляд и нетерпеливо потянулся за папиросой. На душе у него было беспокойно и сумрачно.

— Сейчас звонил комдив и приказал... Угадайте, что он приказал? — Почибут выжидающе посмотрел сначала на комиссара, потом на командира.

— Не тяните, начальник штаба! Мы ведь не чародеи, чтоб отгадывать ваши загадки, — сказал Абашев, — говорите прямо.

— Командир дивизии приказал: выделить сводный эскадрон для участия в московском параде седьмого ноября. Подполковнику Осипову приготовиться командовать сводным полком.

Если бы майор сообщил, что на окраину деревни Сычи прорвались немецкие танки, Осипов не был бы так удивлен: на войне случаются самые неожиданные, невероятные вещи. Но это уж было слишком.

— На парад? В Москву? — выжидающе склонив голову набок, переспросил Осипов.

— Да! Форма обыкновенная, фронтовая, — подтвердил майор.

— Может быть, ты, начальник штаба, шутишь изволишь? — заговорил Осипов.

— Какие там шуточки! — майор пожал плечами.

— Нет, здесь не шутки! — сказал Абашев, поднимаясь во весь рост.

Осипов тоже вскочил из-за стола и взволнованно прошелся по комнате.

— Значит, надо вытаскивать людей из окопов. А вдруг немцы атакуют в праздник?

Антон Петрович вопросительно посмотрел на Абашева. Оба они хорошо знали, что немцы будут наступать, но когда?

— К нам придет один батальон Панфиловской дивизии, — успокоил его Почибут.

— Ну, тогда все в порядке! Тебе, Антоша, просто везет!

— Будто бы? — Осипов хотел, но не мог скрыть острого чувства радости. Потирая руки, он ходил по горнице, не находя себе места. Потом вышел на кухню и послал Петю узнать, готова ли баня. Вернувшись в горницу, он застал комиссара и начальника штаба уже в дверях. Они собирались уходить.

— А когда выступать? — спросил Осипов у майора.

Почибут ответил, что на подготовку дано два дня.

— Добре, — кивнул Осипов удовлетворенно.

Почибут и Абашев вышли.

— Елена Васильевна! — позвал Осипов.

Вошла Русакова.

— Вы меня звали, Антон Петрович?

— Я хотел поговорить с вами. Вы садитесь... — Осипов, заложив руки за спину, ходил из угла в угол. Лицо его было серьезным, даже строгим. Казалось, он решал сложную и ответственную задачу.

Сердце Елены Васильевны дрогнуло и заняло тревожной радостью. Ей показалось, что она поняла его без слов. Поняла своим женским чутьем и чистотой материнского сердца. Но это была ошибка.

— Вам надо уехать отсюда! — сказал вдруг Антон Петрович.

— Куда? Зачем? — спросила она чуть слышно.

— Не исключена возможность, что здесь начнутся сильные бои, — сказал Осипов. — Во что бы то ни стало надо отправить в тыл детей. По обстановке видно, что бои примут зимой затяжной характер, а с улучшением погоды начнется и бомбежка. Подвергать этому детей — преступление.

— Я бы давно уехала, но ведь никто не знал, что фронт так быстро приблизится к Москве. А теперь трудно выехать, все дороги забиты. Я никак не придумаю, как мне спасти дочь. — Русакова вдруг низко опустила голову и судорожно сжала руки.

— Если вы хотите, я вам могу помочь. Отвезете Петьку и Машу в Уфу,

к моей сестре. Там у меня дочка. Ну и сами у нее останетесь. О билетах я похлопочу...

— Не знаю, как вас благодарить, Антон Петрович. — Елена Васильевна поднялась с места, наполненные слезами глаза смотрели доверчиво и ласково. Но Антон Петрович старался не замечать этого. На душе у него было совсем другое чувство.

Вошел коновод Федор Чугунов и доложил, что баня готова.

— А где Петя? — спросил Осипов.

— А он с ихней девочкой с горы на салазках катается.

— Добре, сейчас вместе пойдем. Комиссар уже там?

— Так точно. Он уже раздевается.

На краю села, под горкой, возле небольшой речушки, стояла баня. Маша с Петей, оседлав вдвоем салазки, хохоча и взвизгивая, катились вниз с горы.

Маша приветливо улыбнулась Осипову. Антон Петрович хотел было отослать детей домой, но жаль было нарушать их веселье. Кинув в ребят снежком, он вошел в баню.

Баня была вытоплена на славу.

— Ну и благодать! — Антон Петрович был в самом благодушном состоянии. Рьяно натирая мочалкой спину Абашеву, он говорил. — Понимаешь, Миша. У людей бывает внешняя сторона жизни, которая, как коркой, покрывает настоящую жизнь.

— Понимаю, не все вещи таковы, какими они нам представляются. А ты не очень нажимай, а то шкуру сдерешь, — шутливо сказал Абашев.

— А что, больно? Хорошо, буду осторожней. Ты прав, Миша, прав Я вот после четырех месяцев войны на все стал смотреть другими глазами. Жизнь во сто крат ценней стала. Видно, оттого, что на глазах гибнут тысячи жизней.

— Да еще каких! — вставил Абашев.

— Ты знаешь, я нутром чувствую, что буду еще долго жить.

— Я догадываюсь, с какого часа это началось у тебя, — усмехнулся Абашев.

— С какого?

— С того самого, как приглянулась Русакова.

— Ты вот все шутишь, а мне совсем не до шуток.

— Как раз я тоже не шучу. Может быть, я не так разговаривал, но мне от души хотелось помочь тебе разобраться в самом себе. Мне хотелось знать...

— Подожди! — перебил Антон Петрович. — Тебе хотелось знать,

забыл ли я жену и как быстро залечивает жизнь раны?

— Да!

— Так я тебе должен сказать, что моя рана, пожалуй, не залечится никогда. Я понимаю, что прошлое невосвратимо, как и сама молодость, но это не забудется! У меня до того ярко перед глазами эта картина: Валентина прижимает к груди Витьку, а какой-то фашистский гад целится в них из автомата. Нет, этого я, брат, никогда не забуду! И тем более сейчас. Вот тут-то ты, милый друг, не прав со своим легкомысленным сватовством. Елену Васильевну я просто уважаю и болею за нее душой, как за всякую другую женщину, которую война застигла здесь врасплох. Ведь их место с детьми в глубоком тылу.

— Прости, что я другое подумал...

Договорить Абашеву не пришлось. За окном хлестко затараторили пулеметы. Огромной силы взрыв так встряхнул баньку, что, казалось, она вот-вот развалится.

Осипов бросился в предбанник, накинул на плечи бурку и выскочил на снег. Немецкий истребитель, непрерывно стреляя, шел вдоль речки на бреющем полете. Над лесом, в полосе обороны первого и второго эскадронов, разворачивалось около двадцати «Юнкерсов».

— Давай, Миша! — вернувшись, крикнул Осипов.

Быстро одевшись, Антон Петрович выбежал на улицу. Коновод Федор Чугунов с перекошенным от гнева лицом, запыхавшись, нес безжизненно висевшее на его руках тело Маши.

— Совсем? — хрипло спросил Осипов.

— В грудь, товарищ подполковник. Целую очередь. Я бежал, хотел в щель их схватить, но не успел, — виновато ответил Федор.

Елена Васильевна болезненно вскрикнула, когда мертвую девочку внесли в горницу. Потом она, приложив руку ко лбу, прислонилась плечом к стенке и смотрела на все происходившее с каким-то страшным безучастием. Так она простояла до прихода Осипова. Когда он вошел, Елена Васильевна опустила руку и посмотрела на него. Антон Петрович содрогнулся. В его сознании на мгновение вспыхнуло воспоминание, и, как всегда в такие минуты, он вновь увидел беспомощную Валентину с сыном на руках перед кучкой озверевших фашистских солдат. Он знал, что в ту страшную последнюю минуту его жена, прижимая к сердцу Витьку смотрела вот такими же опустошенными болью глазами, как и мать только что убитой Маши.

— Антон Петрович! Что же теперь делать? — тихо проговорила Русакова

В эту минуту она ничего не знала и не понимала, кроме своего страшного горя.

Антон Петрович подошел к ней, взял за руку и осторожно, как больного человека, усадил на диван.

— Понимаю, все понимаю! — сказал он отрывисто и, схватив со стены шашку, пристегнул ее к портупее. Золото блеснуло на эфесе клинка тускло, холодно. Порывисто подойдя к Русаковой, он сжал ее голову ладонями и глухо, с болью в голосе сказал:

— Заплачьте хоть...

— Не могу! — отозвалась она каменным голосом и, точно опомнившись, с испугом спросила: — А где Петя, Петя где?

— Петя с комиссаром. Оставляю вам его. — Отпустив ее голову, Антон Петрович подошел к лежавшей на скамейке Маше. Сняв с головы папаху, он наклонился к бледному, с заостренным носиком личику и, целуя его, прошептал: — Отомщу, дочка. За всех отомщу! — и так скрипнул зубами, что стоявший у порога адъютант — младший лейтенант Гриша Бранко — вздрогнул и попятился к двери. Искраженное лицо командира полка было страшным в своем беспощадном гневе.

Выйдя из хаты, Осипов поспешно спустился с крыльца и, вскочив на коня, поскакал к штабу. Там его уже дожидались Абашев, Почибут и лейтенант Головятенко, помощник начштаба.

— Донесение комдиву послали? — подъехав, спросил Осипов. Он уже был собран, подтянут. Из-под тяжелых век блестели суженные карие глаза, разившие своей остротой и волевой напряженностью.

— Да! — подтвердил Почибут.

— Ты, Миша, неотступно наблюдай и команду левым флангом. Если сейчас там тихо, это значит, ждут, пока не выявится успех на правом фланге. Резервный эскадрон Шевчука держи наготове на случай прорыва. Да предупреди Шевчука, чтобы горячку не порол и берег людей. Я буду на командном пункте батареи Ченцова. В зависимости от обстановки туда передвинем наблюдательный пункт. Связь держать непрерывно посыльными и по телефону Начальнику штаба быть с комиссаром. Лейтенанту Головятенко — со мной. Распорядись тут, Миша, — Антон Петрович не договорил и тронул коня.

Высокий, складный, в белом полушубке, Головятенко откозырнул и, придерживая шашку, побежал в сарай за конем.

По протоптанной связными тропке запушенные инем кони шли охотно и резво. Лес, наполненный выстрелами, гудел. Вздрагивали висевшие на лапчатых елях комья снега и, оторвавшись, бесшумно скатывались на разгоряченных коней.

Осипов в сопровождении Головятенко, Антипова и нескольких конных разведчиков и связных подъехал к широкой просеке. Стоявший у минного поля часовой перегородил винтовкой дорогу и сообщил, что двигаться дальше в конном строю нельзя. Осипов приказал спешиться и идти всей группе пешком.

Когда подходили к командному пункту батареи Ченцова, бой был в полном разгаре.

Немцы наступали тремя группами, пытаясь овладеть лесными просеками. Первая группа наносила удар по левому флангу третьего эскадрона Орлова в направлении Сычи, вторая — в стык первого и третьего эскадронов, третья, более сильная группа стремилась смять левый фланг соседнего кавалерийского полка под командованием Бойкова, чтобы зайти во фланг первому эскадрону и, изолировав его от третьего (при помощи другой группы, наступавшей в направлении Петропавловское), уничтожить каждый эскадрон в отдельности.

Таким образом, обеспечив себе выход на Сычевские и Матренинские высоты, немцы, угрожая левому флангу бойковского полка, вынуждали его покинуть занимаемые позиции и отходить почти к самому Волоколамскому шоссе. Руководить всей операцией прибыли генерал Гютнер и начальник штаба армейской группировки генерал Рихарт.

Командир полковой батареи лейтенант Анатолий Ченцов выкатил две пушки, приданные третьему эскадрону, к завалам на просеке и бил по появившимся танкам прямой наводкой. Две другие пушки под командованием комиссара батареи Валентина Ковалева были поставлены на левом фланге первого эскадрона — в стыке лесных дорог — с таким расчетом, чтобы в нужный момент иметь возможность быстро перебросить их на участок возможного прорыва.

До прихода командира полка эскадрон отбил две сильные атаки. Теперь немецкие танки, выйдя из-под огня наших батарей, маскировались в ближайшем лесу, непрерывно обстреливая завал. В конце просеки к небу поднимался черный столб дыма. Горел танк. Языки пламени вырывались из башни и разбрасывали по деревьям искры.

Лавируя между деревьями, Осипов добрался со своей группой до командного пункта и встретился с Ченцовым в небольшом, наскоро

устроенном блиндаже.

— Значит, поздравили с наступающим праздником... Добре ты им ответил, добре... — выслушав доклад Ченцова, похвалил его Осипов.

Комбат, по своему обычаю, говорил с усмешкой. В его серых ласковых глазах вспыхивал восторженный азарт, как будто он не атаки отбил, а проделал очередной, вполне удавшийся ему, фокус.

— Когда налетели бомбардировщики, я приказал откатить пушки от завалов в глубь леса, — докладывал Ченцов, ухарски сдвинув кубанку набок. — Ясно было, что они будут рушить бомбами завал. Так оно и вышло. Когда улетели, немного подождал я и обратно поставил пушки на место. Сейчас, думаю, танки ползут, растаскивать завал попытаются. Жду с нетерпением... Наконец вылезли, окаянные! Тут мы их и угостили.

— Хорошо! — подтвердил Антон Петрович, оторвавшись от карты.

Приказав Головятенко узнать обстановку в первом эскадроне, Осипов снова углубился в карту. Он не совсем ясно понимал, что намерены предпринять немцы дальше. Но очевидно было, что противник в первую очередь будет стремиться овладеть просеками. С момента отъезда из Сычей Антон Петрович всю дорогу пытался подавить в себе нарастающее возбуждение, стараясь хоть немного унять давившее на сердце горе. Оно мешало ему сосредоточиться.

Адъютант не спускал с него глаз, пытаясь разглядеть на его суровом лице хоть какие-нибудь признаки взволнованности. Ведь только он, свидетель прощания с девочкой, мог понять, какие чувства обуравают этого человека.

— По завалу бьет? — попрежнему не поднимая головы от карты, спросил Осипов, прислушиваясь к гулу выстрелов.

— Так точно, товарищ подполковник, — ответил Ченцов.

Зашуршала плащ-палатка, закрывавшая вход в блиндаж. В клубах морозного воздуха появился связной командира первого эскадрона Громов. Он подал командиру полка донесение.

Орлов писал о потерях, требовал медпомощи и боеприпасов, одновременно сообщая, что немцы усиливают нажим на левый фланг соседнего полка.

— Слушай, Ченцов... — Антон Петрович поднялся во весь рост. — Откатывай пушки от завалов! — Осипов, прищурившись, смотрел на удивленного комбата.

— Зачем, товарищ подполковник?

— Откатывай быстрее! Вот сюда, — Осипов показал пальцем место на карте. Оно было в стороне от просеки, все поросшее молодым лесом и

густым кустарником. Стрелять прямой наводкой оттуда было невозможно.

Ченцов снова переспросил.

— Не ясно? — Сузившиеся глаза командира полка глянули остро, пронзительно.

— Не ясно, — откровенно признался Ченцов.

Антон Петрович, крепко сжав челюсти, что-то соображал. Из донесения он понял, что немцы, подтянув тяжелые танки, готовятся к новой атаке. Он решил откатить пушки глубже в лес, первый завал, прикрывающий вход на просеку, бросить, а укрепить и заминировать второй, находившийся на расстоянии километра от первого. Пушки Ченцова Осипов решил оставить в засаде.

— Закати сюда пушки, — объяснил он Ченцову. — Проруби сектор обстрела и встань на прямую наводку. Только как следует замаскируйся. Если немцы подойдут к первому завалу и начнут его растаскивать, не препятствуй. Впусти их на широкую просеку, и тогда бей. А до этого ни одного выстрела! Эскадрон Орлова будет тебя прикрывать. А эскадрон Рогозина остается на месте. Ну, теперь понял, в чем дело?

Комбат все понял. В случае неудачи при этой рискованной операции батарея должна неминуемо погибнуть. Отводить пушки было некуда. Сзади были непроходимый лес и топь, впереди немцы. Уходить можно было только с одними постромками. Комбат знал, что если он не удержится, то эскадрону Орлова и Рогозина отступить тоже некуда.

— Все ясно, товарищ подполковник! — Ченцов не спеша, с вывертом, бросил ребрышко ладони к щегольски сидевшей на одном ухе кубанке и, резко оторвав руку, спросил: — Выполнять?

Осипов, покрывая, медлил с ответом. Порывшись в кармане, вытащил портсигар. Протянув его Ченцову, спросил:

— Ты, Ченцов, пушки свои очень любишь?

— Вы же знаете, товарищ подполковник!

— А коней?

— Жизнь отдам за коней...

— Дешево ценишь свою жизнь... А детишек любишь, а?

— Двух мальчиков имею. А к чему вы спрашиваете, товарищ подполковник? — спросил Ченцов.

— Да вот сегодня в Сычах немецкий летчик девочку застрелил. Понимаешь, на моей квартире была, такая белокуренькая... — Осипов, закулив папиросу, поиграл пальцами около виска. — С кудряшками... такая. Может, вот за них лучше отдадим жизнь, а?

Комбат сверкнул добрыми глазами, отвернулся и хмуро посмотрел в

темный угол блиндажа. Может быть, в эту самую минуту он вновь вспомнил своих озорников, оставленных на Кавказе?

Осипов глубоко затянулся папиросой; косясь на Ченцова, тихо продолжал:

— Ты это запомни, комбат. Хорошо сегодня дрался. Еще злее дерись. Но знай, что эскадрон Орлова я уже приказал отвести тоже глубоко в лес; поэтому на правый фланг тебе оглядываться не надо. Делай свое дело. И пришлю прикрытие.

Ченцов облегченно вздохнул.

— Задача у тебя... — Осипов на мгновение замолчал. — Впрочем, ты знаешь сам. За геройство посулов сейчас не будет, а вот седьмого ноября, если выполнишь задачу, в Москву на парад поедешь. Обещаю. Ступай и подавай передки. Я перехожу на запасный командный пункт.

Спустя несколько минут Ченцов сидел на коне и распоряжался передвижением батареи. Гремя кольцами постромок, ездовые подводили засыпанных хвоей битюгов и ставили орудия на передки. Немцы открыли по завалу и ближайшему к нему лесу убийственный огонь.

Высокий, богатырского телосложения, круглолицый красавец сержант Анатолий Алексеев, командир орудия, дал перед этим несколько залпов.

— На, держи, гад! — крикнул Алексеев, посылая снаряд.

Противник, не подозревая, что батарея снялась, засыпал старые позиции уймой тяжелых снарядов. Шишковский лес гудел и трещал, словно его хлестала жестокая буря. Кругом с шумом и грохотом валились срезанные снарядами вершины деревьев. Остро пахло смолой и пороховыми газами.

Немцы решили стереть с лица земли русскую батарею. Она мешала им, как заноза в пятке, не давала двигаться, валила их танки, разбрасывала во все стороны табунившихся за танками автоматчиков.

Один взвод эскадрона Орлова, прикрывая левый фланг, не успел вовремя отойти и попал под этот обстрел. Выполняя приказание Доватора о захвате «языка», старший лейтенант Кушнарев тоже очутился здесь. Он все время торопил бойцов, чтобы быстрее выйти из зоны обстрела. Но передвижению мешали раненые. Их было уже более десяти человек. Из санитарок здесь оказалась только одна молоденькая девушка Оксана. Она не успевала перевязывать.

Кушнарев видел ее в бою впервые. Оксана действовала очень спокойно. После очередного разрыва девушка быстро вскакивала на колени и торопливо ползла к лежащим на снегу бойцам.

Когда Кушнарев падал перед визжащим снарядом, у него, зацепившись

за сучок, кубанка слетела с головы. И хотя снаряд разорвался слева, основательный толчок старший лейтенант получил в правый бок. Он ткнулся носом в снег. В ушах стоял звон, потом его кто-то схватил за волосы и приподнял голову. Сначала он хотел крикнуть от боли, но потом раздумал и только сморщился.

— Вы живы? — раздался голос возле правого уха.

— А? — Кушнарев повернул голову.

— Вы не ранены, я спрашиваю? — Оксана, смутившись, выпустила из своего кулака спутанную шевелюру и потянулась за кубанкой.

— Нет, — угрюмый на вид и редко смеявшийся Кушнарев на этот раз готов был расхохотаться. «Крепкий кулак», — мелькнуло у него в голове. Она так изменилась, что Кушнарев не узнал ее.

— Если нет, ползите дальше! — Оксана нахлобучила ему на глаза кубанку и, не обращая внимания на приближающийся свист мины, двинулась было к застонавшему неподалеку раненому. Но Кушнарев, поймав ее за рукав, рывком притянул к себе и вдавил ее голову в снег. Мина с треском разорвалась в нескольких шагах, именно в том месте, где лежал стонавший боец. Из развороченной воронки шел дым. Кругом валялись клочья окровавленной шинели. Оксана отвернулась и вытерла рукавичкой приставший к щеке комочек снежной грязи.

— Осторожно надо, тетя! — Приподнявшись, Кушнарев сел на снег.

— Ничего, дядя... — небрежно проговорила Оксана. Темные большие глаза девушки смотрели растерянно, густые ресницы вздрагивали. Только сейчас Кушнарев узнал девушку из партизанского отряда.

Двух казаков с перебитыми ногами пришлось тут же на снегу перевязывать. Одного понесли трое задержавшихся бойцов, другого, поменьше ростом, подхватил, как ребенка, на руки Торба. Оксана шла рядом, помогая Торбе нести раненого.

Кушнарев посмотрел сбоку на ее строгий профиль, на тонкий с горбинкой нос, и показалось ему, что она самая милая и мужественная на свете девушка.

— Когда вы приехали? — спросил он.

— Меня на самолете доставили. Ранена была, — тихо ответила Оксана.

ГЛАВА 3

Батарея Ченцова выдвинулась на новые позиции благополучно, без

потерь.

— Во-время снялись... А командир полка сразу понял обстановку и повернул все по-своему, — заметил комбат, посматривая на веселых, коренастых батарейцев.

Это была единая, крепко спаянная семья, влюбленная в свои пушки и в своего отважного командира.

Сержант Алексеев, несмотря на мороз, сбросил полушубок и, проваливаясь в глубоком снегу, рубил молодую елку. Старший наводчик Максим Попов и заряжающий вислоусый Богдан Луценко, прозванный за усы Хмельницким, рыли капонир.

Алексеев, свалив елку, хотел было откатить ее в сторону, но Ченцов приказал поставить на место, чтобы «росла» в снегу. Так поступили и с другими деревьями.

— Когда снаряд пролетит, — объяснил Ченцов, — такие елки сами попадают. Раз мы в засаде, то важна внезапность. На каждый танк даю три снаряда, хватит? — спросил он у Алексеева.

— На этом расстоянии бью с двух! — ответил Алексеев. — А сколько на пехоту?

— Пехотой будет заниматься комэска три. У него одиннадцать пулеметов, он их встретит, а мы подсобим...

Работа по установке орудий шла заведенным порядком, как в образцовом, отлично организованном хозяйстве. Плохо обстояло дело лишь с устройством временных укрытий. Для того, чтобы выкопать в мерзлой земле небольшой окопчик, требовались самые невероятные усилия.

Стрельба начинала стихать.

На командном пункте связисты временно оборудовали телефонную станцию. Стены выложили из снега и мелких веток, сверху натянули плащ-палатки, внутри настелили еловых лапок.

— Связистам треба удобство, — подшучивая, заметил Богдан Луценко.

— Культура! У них в землянке всегда плакаты висят: «Не шуметь», «Курить в час полцыгарки, а то дышать нечем», «Говорить вежливо. За крепкое слово бьем телефонной трубкой по пяткам», — отвечал ему в тон Максим Попов, отворачивая ломом глыбу мерзлой земли.

— Это все Савка Голенищев выдумывает у них. Знаешь, длинный такой...

А в это время Савка Голенищев уже сидел в своем убежище и басил в телефонную трубку: «Орел, Орел, я — Калуга, я — Калуга». Рядом с ним на кучу еловых веток в ожидании разговора прилег комбат Ченцов.

— Орел, Орел, — продолжал бубнить Савка, — дай Огородника,

Бригадир просит.

На командном пункте первого эскадрона, в глубокой, с пятью накатами землянке, комиссар батареи, двадцатитрехлетний политрук Валентин Ковалев, взял телефонную трубку.

Напротив него сидели командир первого эскадрона лейтенант Рогозин, а рядом политрук Гриша Молостов. В конце стола (крышкой его служила принесенная из села дверь) — командир разведчиков старший лейтенант Кушнарев. Он прибыл со своими разведчиками добыть «языка», которого ему никак не удавалось захватить. Сейчас, после боя, разбирали обстановку, спорили о международном положении и закусывали курами и жареной свининой. Кур и свинину доставил в огромных молочных бидонах председатель Данилковского колхоза Никита Фролов. Круглый, ширококостный, краснолицый председатель сидел рядом с Валентином Ковалевым. Разомлев от выпитой водки, он блаженно улыбался и с гордым самодовольством разглаживал густую, невероятной величины бороду, то и дело поправляя большие, в роговой оправе очки.

— Орел слушает! — крикнул Ковалев в трубку.

Он был тот самый Огородник, которого вызывал Бригадир — комбат Ченцов.

— Толя, это ты, братуха? Здравствуй, милый! Так, так. Ага, значит ворон караулишь? — Ковалев задорно хохотал, грызя белыми крепкими зубами куриную ногу. Серые глаза его поблескивали озорной удалью.

— Не выйдет, думаешь? — продолжал смеяться Валентин. — Чтобы у тебя да не вышло! Да таких колхозников, как у нас в огородной бригаде, во всем мире нет!

— Вот это верно! — кивнув бородицей, подтвердил Никита Фролов, понимая разговор совсем в другом смысле.

— Ты мне вот что объясни... — склонившись к политруку, спрашивал Рогозин. — Несмотря на разницу в политической платформе, может существовать у нас с капиталистическими государствами настоящий военный союз?

— Может, — твердо ответил Молостов.

— Миру угрожает фашизм, — вмешался Кушнарев, — значит, для подавления фашистской агрессии нужен и должен быть военный союз.

— А какого чорта они отсиживаются на островах! — возмущенно вспылал Рогозин. — Двинули бы оттуда, а мы отсюда! А то немцы-то к Москве пожаловали...

— Тише! — крикнул Валентин и погрозил Рогозину обглоданной костью. Потом, склонившись к трубке, он возбужденно спросил: — В

Москву, говоришь, на праздник? На парад! Обещал? Ты брось загибать, Толя. Нет, всерьез? Ах елки-палки! Я сегодня обязательно три черепахи подшибу. Знаешь, давай заключим договор: у кого больше будет, тот и поедет на праздник. Вместе нас все равно не пустят. Согласен? Вот и отлично! А сейчас приезжай курочек покушать. Тут нам папаша на всю артель принес. Замечательный батька!

Ковалев, отбросив кость, провел рукой по мягкой шерсти бурки. Его пальцы натолкнулись на твердую жилистую руку и крепко пожали ее. Старик расчувствовался и уронил очки.

— Замечательный батька! — продолжал Ковалев в трубку. — У него четыре дочки... Да, да! А девушки какие! Если бы ты знал! Обязательно женюсь. Непременно... На свадьбу приезжай! Алло! Алло! Толя! Чего ты там? — Ковалев дунул в трубку, и вдруг его широкое густобровое лицо исказилось в напряженной гримасе. — Тише! — Он уже не просто крикнул, а скомандовал резко, отрывисто, с суровой властью в голосе. Это уже был совсем другой человек, не тот весельчак Валя Ковалев, а командир, строгий, волевой и требовательный.

— Так, так, так... — повторил он полупшепотом, словно боясь, что его подслушают. — Значит, теперь держись... Пошлю или сам приеду. Не волнуйся, отдам последний. Уж раз пошла такая свадьба, режь последний огурец.

«Ишь ты, какой колючий! — восторженно посматривая на Валентина, думал Никита Дмитриевич. — А хорош был бы зятек-то. Хорош!»

— Немцы пошли в атаку на первый завал. — Ковалев положил трубку и бросил на командира тревожный взгляд.

— Товарищи, — крикнул Кушнарев, поднимаясь из-за стола, — немцы в атаку на эскадрон Орлова пошли!

— Да они сегодня несколько раз лезли. Удивил! — отмахнулся было Rogozin.

— На этот раз будет погорячее!

Валентин, отодвинув блюдо с мясом, встал из-за стола. Он был небольшого роста, но широкоплеч и коренаст.

— Нам тоже приготовиться. Дело вот в чем... — немного помолчав, сказал Ковалев. — Там комбат Ченцов остался с пушками в засаде. Немцы сейчас растаскивают завал. Если комбат и Орлов не удержатся, то противник захватит и второй завал. Тогда нам будет худо. Полк Бойкова дерется с утра. Командир нашего полка сообщил комбату, что будет серьезная атака. Надо быть готовым... Я иду к пушкам.

— Ну, а я к Ченцову, — сказал Кушнарев.

— Вот это правильно, — поддержал Ковалев разведчика. — Там «языки» близехонько, бери, как барашков...

Кушнарев промолчал.

— Ты говоришь, завал растаскивают, а почему пушки Ченцова молчат? — спросил Rogozin.

Стрельба в районе первого завала действительно слышалась редкая и вялая. Только на правом фланге у Бойкова хлестко переливались пулеметные очереди. Били немцы. Звук их пулеметов был жесткий и дробный.

— Почему молчит Ченцов, я спрашиваю? — Rogozin настойчиво тербил Валентина за острое плечо кавказской бурки. Но Ковалев сам не понимал, почему комбату стрелять не велено. Снарядов было достаточно.

— Командир полка запретил... — неожиданно ответил Ковалев и, чтобы прекратить дальнейшие рассуждения, добавил, обращаясь к старику Фролову: — Вам, Никита Дмитриевич, надо собираться, а то здесь...

— Ты меня, комиссар, не пугай! Я ведь ту германскую отбарабанил, да и гражданской прихватил чуток. Все равно не боюсь смерти.

— Зачем, папаша, думать о смерти! — воскликнул Ковалев с прежней неудержимой веселостью. — Нам еще жить да жить! В Москву на парад через три дня поедем. Эх, и погуляем!..

— Крепко любишь жить, паренек. Уважаю таких, — застегивая полушубок, проговорил Никита Дмитриевич. — Ежели утихнет, вечером загляну...

А хорош, хорош! — не унимался нахваливать Ковалева старик. — Что это у них затевается с Зинкой-то? Два дня не был, а она уж ходит по комнате, как птица в клетке.

Никита Дмитриевич не подозревал, что дело давно уже сладилось.

ГЛАВА 4

Несколько дней тому назад комиссар полковой батареи Валентин Ковалев со старшиной Алтуховым поехали в село Петропавловское за фуражом. Председатель колхоза Никита Дмитриевич Фролов встретил их, как самых дорогих гостей, и усадил за стол.

— Мать, собирай на стол! Живо! — засуетился радушный хозяин и вытащил припрятанную бутылку водки.

— Да мы не пьем, — отнекивались гости.

— На войне, да не выпить, как бы не так, — не уступал хозяин.

— В рот не берем. Даже крошечки, ни-ни... — проговорил лобастый, толстогубый, похожий на монгола Алтухов, придерживая в кармане горлышко от пол-литровки, привезенной для угощения председателя.

— Не выпьете по стаканчику, клочка сена не дам, — отрезал обиженный Никита Дмитриевич.

Это была первая фронтовая часть, вступающая на территорию колхоза. Увидев добрых, крепких, лихих кавалеристов, Никита Дмитриевич еще сильнее почувствовал непоколебимую уверенность в том, что гитлеровцев не пустят дальше ни на шаг и закопают их в подмосковной земле. Накануне ему пришлось выдержать жестокий бой со своей хозяйкой. Пелагея Дмитриевна требовала подвод для немедленной эвакуации.

— Ты что ж это, хочешь, чтоб я тут с немцами оставалась? — налетала на него дородная белокурая супруга. — Весь скот отправил, а мы, выходит, хуже животных?

— Скот велено было угнать, а мне уезжать не велено, — возражал Никита Дмитриевич. — Не пустят сюда германца, вот и весь сказ.

Он уже давно записался в партизанский отряд и включил в него всех дочерей, но держал это в строжайшем секрете.

Председателем колхоза его избрали недавно, во время войны. Он очень гордился оказанным ему доверием и отдавал все силы, чтобы сохранить колхозное имущество и помочь Красной Армии.

— Объясните, товарищи командиры, моей почтеннейшей супруге, разобьем мы германца аль нет? — торжествующе поглядывая на Пелагею Дмитриевну, спросил Никита Дмитриевич.

— А сам ты как думаешь, папаша? — хитро прищуривая монгольские глаза, спросил Алтухов.

— Мы люди русские, советские, фашистское ярмо никогда не наденем. Наполеон тоже вот приходил в Москву. Трус всегда из-за угла бьет, нахрапом лезет, а получит сдачу, бежит без оглядки. Дадим мы ему сдачу, дадим! Я вот тоже... — старик едва не проговорился о партизанском отряде, но, спохватившись, умолк.

— Вот это правильно, папаша! — подтвердил Ковалев.

Из горницы выглянуло девичье лицо и тотчас же скрылось. За дверью послышался сдержанный смех.

— Не прячьтесь, все равно отыщем! — шутливо крикнул Ковалев.

— Да выходите, трусихи. Не съедят вас... — Никита Дмитриевич встал и распахнул дверь.

Из большой светлой комнаты одна за другой вышли три одинаково одетые, разительно похожие друг на друга девушки. Следом, точно шарик,

выкатилась самая младшая, розовощекая, с синими, как у матери, глазами девочка лет тринадцати. Она смело подошла к командирам, подала руку и солидно отрекомендовалась Серафимой.

— Вот смотрите, какие. Запрягай и паши. Никаких тракторов не надо! А эта, четвертая — «куцавка». — Никита Дмитриевич поддал ей легонького тумачка.

— Папка, не дразнись! — шаловливо крикнула Серафима. — Он меня «Ефимкой-куцавкой» зовет, потому что я маленькая и коротенькая. Ну и пусть... А то дали какое-то имя — Серафима. Это в Язвицах попадья живет Серафима. Лучше уж я буду «куцавенькая».

Все рассмеялись. В просторной чистой комнате с приходом девушек стало еще уютней и праздничней. Солнечно плескался за окнами морозный день. На массивный буфет из окна падали косые солнечные лучи. Открыв стеклянные дверцы буфета, синеглазая красавица, первая выглянувшая из горницы, достала груды тарелок и стала их перетирать. Это была самая старшая дочь, двадцатилетняя Зина, строгая и красивая.

Вторые две — Ольга и Евдокия — были близнецы. Это были добродушные, славные и миловидные девушки. Сейчас они вышли на кухню и помогали готовить закуску.

Ефимка, со свойственным всем подросткам любопытством, подседа к Ковалеву и заинтересовалась сначала его орденом, потом буркой.

— Замечательная! — восторгалась девочка. — У Чапаева тоже такая была. Можно померить?

— Пожалуйста! — Ковалев, сняв с гвоздя бурку, накинул ей на плечи.

Бурка, коснувшись пола, стала коробом.

— Ну, теперь совсем похожа на куцого Ефимку... — шутил Никита Дмитриевич.

Зина покосилась на сестренку блеснувшими глазами, строгие губы ее дрогнули в ласковой улыбке.

Ковалев, наблюдая за девушкой, понял, что внешняя суровость ее — это только маскировка, желание отличить себя от других. Из всего было ясно, что семья Фроловых — крепкая. К Ефимке относятся снисходительно и любят больше всех.

Ефимка, подметая полами бурки крашеный пол, маршировала по комнате, задрав кверху нос.

— На огород бы тебя поставить вместо пугала, — смеялся отец.

— Очень даже хорошо, только немножко длинная... — не обращая внимания на шутки, заметила Ефимка. — Вот Зиночке будет как раз. А ну, померяй! Красота будет! — приставала сестренка.

— Как тебе только не стыдно! Ведь ты же настоящий мальчишка, Ефимка, — строго проговорила Зина, расставляя на столе тарелки.

— Ну и мальчишка! Что ж из этого?

Зина, ничего не ответив, вышла на кухню.

— Отчего она у вас такая сердитая? — тихонько спросил Ковалев у Ефимки.

Такой вопрос подстрекнул Ефимку к таинственности и расположил к откровенности. Оглянувшись на отца, который увлекся с Алтуховым разговорами о колхозных делах, Ефимка подсела к Ковалеву и начала шепотом рассказывать сестрины секреты:

— Наша Зина такая ученая, такая ученая, и не знаю, как вам сказать. Книжки читает по целым ночам и на скрипке играет. Она у нас в Москве училась, а теперь сюда приехала. Ей папаша новую скрипку купил. Лакированная, а Зина говорит, что инструмент никуда не годится. Привередница она у нас, гордая, но хорошая. А Ольга с Дуней плясать любят и песни петь. Они на трактористок учились. Мы все вместе спим. Они сказки любят рассказывать. От папаши научились. Ох, сколько он знает сказок! Всю ночь не уснешь. Хороший у нас папаша! Правда?

— Замечательный батя! — восторженно откликнулся Ковалев.

— А мы прошлый год заработали две тысячи трудодней. Все работали, и Зина тоже. Она только зимой учится, а летом к нам приезжает в колхоз. Папаша говорит, кто меньше двухсот трудодней заработает, тому никаких подарков не будет.

— А ты сколько заработала?

— У меня ничего нет, я учусь! — важно произнесла Ефимка. — Папаша говорит: «Ты наш единственный паразитик. Пока учишься, а там видно будет... Может, я тебя в трактор запрягу...» А мне не хочется в трактор, я хочу в летчики. А он говорит: «Ноги у тебя короткие. Не примут». Может быть, еще подрастут, а?

Ковалев, улыбаясь, очарованно смотрел на Ефимку. Ему хотелось схватить ее на руки и бесконечно носить по комнате. После грубых и тяжелых испытаний войны ему не верилось, что все это реальное: и светлая, чистая горница, и веселый щебет Ефимки, и строгая красота Зины. Три месяца непрерывных боев, бесчисленные и мучительные заботы! Люди, живые и мертвые, раненые и больные, кони и пушки, снаряды и сухари, марши по колено в грязи, блиндажи и щели, свист мин и удушливый, отвратительный запах пороха...

А сейчас все точно в сказке, мир и уют. Все сидят за гостеприимным столом, и Никита Дмитриевич, важно поглаживая бороду, подкладывает

гостям лучшие куски. Пелагея Дмитриевна, раскрасневшаяся, с улыбающимся лицом, несет из кухни шипящую яичницу. Она рада гостям. Она верит, что эти плечистые, крепкие, опоясанные ремнями, славные молодые парни не дадут врагу надругаться над родиной, над ее цветущей Ефимкой, над строгой красавицей Зиной, над веселыми и добродушными близнецами Ольгой и Дуней.

Зину, как нарочно, посадили рядом с Валентином в передний угол, и они оба, молодые и сияющие, сидят точно новобрачные. Какие нелепые мысли лезут в голову. А что, если сейчас Ефимка крикнет «горько»... Поцеловал бы он Зину или нет? Вероятно, сначала посмотрел бы в глаза, а потом... Нет, в глаза смотреть страшно, Жгучие, синие, недоступные в своей строгости.

Валентин неловко тычет вилок в яичницу, рушит глазастый желток, а захватить не может. Рядом теплое дыхание Зины. Он чувствует аромат ее васильковой шелковой блузки и видит, как мелькает сильная, покрытая бархатным пушком загорелая, шоколадного цвета рука. Вдруг эта рука подхватывает с его тарелки ломтик яичницы и подносит к его губам.

— Пили за мое здоровье, а вы не слышали! Закусите хоть! — укоряюще говорит Зина.

— Простите, задумался, — отвечает невпопад Валентин.

— О чем вы думали? — Слегка, прищуренные глаза девушки светятся ласковым сиянием.

Валентин смотрит в это сияние и не может оторваться. Молчит. «Разве ты не знаешь, о чем я думаю?» — спрашивают его глаза.

— О чем я сейчас думал, расскажу в другой раз, — произносит он вслух и почти резко. А потом, точно испугавшись неуместной резкости, тихо добавил: — Иногда приходит на ум такое, что даже самому себе стыдно признаться.

Зина вспыхнула и ничего не ответила.

После завтрака Никита Дмитриевич повел Алтухова показать колхозное сено. Молодежь заняла горницу. Зина извлекла из футляра скрипку. Хорошая, волнующая мелодия зазвучала в горнице.

— Почему вы не эвакуировались со школой? — спросил Ковалев Зину.

— Нашу школу не эвакуировали, а распустили.

— Ну, а что же будете делать, если немцы придут?

— Как это придут? А вы на что? — Зина тряхнула головой и выжидательно посмотрела на комбата. Такие вопросы задавали Ковалеву и в Белоруссии, и на Смоленщине, задавали всюду, куда приходила его часть. И всем он отвечал: «Дальше не пройдут». Он и сам верил в это, а немцы

все шли и шли, занимая город за городом, а он отступал и упорно говорил: «Дальше не пройдут». Выходит, обманывал он и себя и всех, кто задавал ему этот страшный вопрос.

— За каждый клочок земли, который нам приходится отдавать, мы зубами готовы держаться и бьемся насмерть! — зло проговорил Ковалев и неожиданно смолк.

Да, тяжело было говорить об этом сейчас, когда немцы заняли Волоколамск и находились в семидесяти километрах от Москвы

Но Ковалев, как и все его боевые друзья, твердо верил в то, что наступит перелом и они погонят гитлеровские полчища прочь от Москвы.

ГЛАВА 5

В эти дни полк Осипова стоял в резерве и готовил второй оборонительный рубеж в районе Язвищенских высот. Ковалев навещал Петропавловское почти ежедневно. Фроловская семья встречала его, как родного. Особенно рада была его наездам Ефимка. Веселая и непоседливая, она требовала музыки, песен и пляски, но в доме с некоторых пор поселились тишина и скука. Ольга и Евдокия ушли в Ивановскую МТС угонять тракторы и застряли где-то по дороге. Зинаида, закутавшись в теплую оренбургскую шаль, куда-то исчезала на целые дни, а вечерами читала. Иногда она запиралась с отцом в горнице, они шушукались и гнали Ефимку от замочной скважины. Только с приходом Валентина все озарялось ярким светом, как любила говорить Ефимка. Начинались стряпня, игры и всякие интересные разговоры.

В такие дни Ефимка была наверху блаженства. Но самое интересное началось с того момента, когда она совсем случайно подслушала странный разговор между Валентином и Зинаидой. В этот день батарейцы топили у Фроловых баню. Сначала мылся Валентин с солдатами, потом Ефимка с Зинаидой. Родителей дома не было, они уехали в Москву навестить больную тетку. После бани Ефимка забралась на лежанку и, свернувшись калачиком, незаметно заснула. Разбудил ее негромкий голос Зинаиды. Она кому-то говорила:

— Я все поняла и все обдумала. Голову прятать под крылышко не буду.

— Но ты знаешь, что это очень опасно. К тому же ты такая красивая, — возразил мужской голос, и Ефимка узнала Валентина.

— А почему разведчица должна быть дурнушкой? — Рассмеялась Зинаида.

Ефимка едва сдержалась, чтобы не крикнуть, у нее больно сжалось сердце, когда узнала она, что Зина собирается быть разведчицей.

— Я повторяю, что это смертельно опасно!

— А ты разве ежедневно не подвергаешь себя опасности?

— Я — это другое дело. Я принимаю смерть в бою, как должное.

— А почему же мне нельзя принять смерть в открытом бою, лицом к лицу с врагом?

— Там будет другая смерть...

— Думаешь, не знаю? — тихим голосом спросила Зина.

— Несколько дней назад ты сказала мне, что любишь, а сейчас объявила, что уходишь по заданию к немцам в тыл. У меня, понимаешь, такое состояние, как будто меня обманули, дали в руки счастье, а потом отняли.

— Я не подозревала, что ты так... — вдруг голос Зинаиды зазвучал, как металлический. — Подожди! Предположим, что у нас есть ребенок. И вот ты, комиссар батареи, во имя спасения других жизней мог бы меня послать на смерть? Мог бы или не мог? Скажи.

— Смотря по необходимости... — глухо и нерешительно проговорил Ковалев, с явным намерением оттянуть ответ на этот неожиданный и жестокий вопрос.

— Значит, при необходимости послал бы? — не унималась Зина.

— Знаешь, я тысячу раз пошел бы сам, но тебя не послал бы, — ответил он с твердой мрачностью.

«Ах, дура, дура, и что же она мучает его!» — кусая подушку, всхлипывала за печкой Ефимка.

— Нет! Такая возможность исключена, милый. — Зина встала и, заложив руки за спину, широкими шагами прошла по комнате. Ее тонкий профиль с нахмуренными бровями был недоступно красив. — Да, да, такая возможность исключена, мой милый, — продолжала она медленно и громко, словно любуясь своим сильным, гибким сопрано. — Исключена потому, что твоя жертва в данном случае напрасна, бесполезна и даже вредна. Представь, ты, как командир батареи, находишься около своих пушек, а я, как разведчица, сижу в Шитькове в маленьком подвальчике около рации. И вдруг верхний этаж моего подвальчика занимает немецкий штаб. Предположим, приехали генералы, полковники и дюжины три лейтенантов. Я тебе передаю: «Валя, второй дом от края подними на воздух». А ты отлично знаешь, что в подвале этого дома я, Зина. Поднимешь или не поднимешь?

На несколько минут комнату заполнила напряженная тишина.

Валентин слышал, как бьется у него сердце, а слова, нужные слова, уплывали куда-то все дальше и дальше.

— Поднял бы! — наконец решительно произносит он, но, немного подумав, оговорился: — Наверное, поднял бы! Ну, довольно об этом. — Он едва сдерживался, и голос его начинал срываться.

Зина подскочила к нему, обняла и расцеловала. Ефимка, не вытерпев, заплакала за печкой. Успокоив сестренку, Зина взяла скрипку и заиграла. Скрипка тихо и нежно пела. Видно было, что в песню эту Зина пыталась вложить всю свою молодость и то новое глубокое чувство любви, которое она впервые переживала. Ей было приятно видеть, что Валентин слушает ее и, может быть, сейчас, в эту минуту, думает о том же, о чем думала и она.

— Какой сегодня день! Если бы ты только знал, какой день! — восторженно произнесла Зина, оборвав горячий голос скрипки.

Она подошла к Валентину, села рядом и, положив голову к нему на плечо, тихо сказала:

— Сожми мою руку... Крепче, крепче... Вот мы с тобой съездили сегодня в сельсовет. В течение пяти минут из Фроловой меня превратили в Ковалеву и отдали тебе в полную власть. Это шутка, конечно, но знаешь, мне сейчас так стыдно, так стыдно, будто я совершила самый бесчестный поступок. А все оттого, что я бессовестно счастлива. Нашим пока не скажем. Время сейчас тревожное, а мы, здравствуйте, — поженились! Честное слово, глупо. Мне, значит, завтра же надо идти к своему начальнику и заявить: «Знаете, товарищ начальник, ваша разведчица Зина вышла замуж». Просто какой-то дурацкий водевиль. А все ваша милость виновата. Вскружил голову девчонке...

— Ну, положим, поездка в сельсовет не моя затея... А ты что, начинаешь раскаиваться? — спросил Валентин.

— Нет, нет! Я сама не знаю, что говорю! Валенька, милый, я ведь любовь знала только по книжкам. А вот пришла же она и так неожиданно и в такое время, что даже как-то страшновато за все. А сейчас я нарочно и себя и тебя испытывала, хотя и знала, что ты сильнее меня. В последние дни я много думала и перебирала в памяти все твои рассказы о войне. Это так страшно и так горько. Какие испытания несет наш народ! Так разве после этого я могу остаться в стороне? Нет, не могу. Ты понимаешь меня и я вместе с тобой хочу нести все тяжести войны и биться до конца, до победы.

В окно кто-то громко и настойчиво постучал.

— Кто бы это мог быть? — спросила Зина.

— Да вояки какие-нибудь. Я сейчас приду.
Валентин, подхватив бурку, исчез за дверью.

Зина взяла скрипку и снова хотела играть, но дверь распахнулась, и в комнату вошли трое военных и за ними Ковалев.

— Уж не нас ли, красавица, собираетесь встретить с музыкой? — проговорил, улыбаясь, передний.

На нем была длинная, ловко сидевшая, кавалерийская, с серебристой опушкой бекеша и такая же коричневая барашковая папаха.

— Генерал Доватор. Знакомьтесь, — отрекомендовал Ковалев.

«Так вот он какой, знаменитый генерал Доватор, о котором гак много говорил Валентин!» Зинаида растерянно протянула руку вместе со смычком. Лев Михайлович сначала взял у нее смычок, а затем пожал руку. Вторым поздоровался широкоплечий, с веселыми глазами бригадный комиссар Шубин. Выше всех ростом был третий, тоже в бурке, с продолговатым, сухощавым кавказским лицом — командир дивизии генерал-майор Атланов. Он попросил сыграть что-нибудь.

— Нет, нет, не буду, — горячо замахала руками Зина, — как-нибудь после. Да и какой я музыкант...

— Жалко, что откладываете, — огорченно вздохнул Лев Михайлович. — А мы затем и заехали, чтоб послушать. Да и дельце маленькое подвернулось. А насчет игры не скромничайте. Хорошо играете. Мы долго слушали, даже стучать не хотелось. Вот хоть и у комиссара спросите, и у генерала Атланова. Всем понравилось.

Зина все еще смущенная, поблагодарила и предложила садиться, но все стояли и смотрели на нее. Доватор следил за ней острым, колючим взглядом, намереваясь, казалось, влезть в самую душу.

«Да что они рассматривают меня, как картинку? — с чувством внутреннего протеста подумала Зинаида. — Уж не потому ли, что я красивая, как говорит Валентин?» И первый раз в жизни Зина пожалела о том, что она женщина, и подумала о себе с неприязнью.

Валентин с Атлановым, разговаривая вполголоса, вышли в другую комнату.

Доватор, повертев в руках смычок, присел на диван и, переглянувшись с Шубиным, пригласил его занять место рядом с собой.

— Так, значит, вы та самая Зина Фролова? — присаживаясь на диван, спросил Шубин.

— Не совсем так... — загадочно ответила Зина, смущаясь и краснея.

— То-есть как? — Шубин, видя ее замешательство, смотрел с удивлением. — Может быть, мы не по тому адресу попали?

— Нет, адрес правильный. — Зина энергично тряхнула головой, каштановые волосы густо рассыпались по круглым плечам.

Да, девушка действительно была красивой, и Шубин уже с сожалением успел подумать, что она, очевидно, не блещет умом.

Доватор, не скрывая, любовался Зиной. Ему просто не хотелось начинать серьезный разговор. Однако, не желая обременять свою будущую разведчицу излишним волнением, он сразу перешел к делу. Отстегнув планшетку, достал какую-то бумажку, прочел ее и, взглянув на Зину в упор, спросил:

— Вам знаком майор Викторов?

— Нет. Я не знаю никаких майоров Викторовых, — резко и категорически ответила Зина. На самом деле после получения специальной подготовки она находилась в распоряжении майора Викторова и ждала назначения со дня на день. Но майор почему-то медлил. Фамилию майора Викторова она могла открыть только по соответствующему паролю.

— У меня беда случилась: заболел брат, — тихо проговорил Доватор.

— Обратитесь к доктору... — после небольшой паузы светила Зина.

Это был пароль. Теперь она поступала в полное распоряжение соединения генерала Доватора. «Значит, вместе с Валентином. Совсем отлично», — мелькнуло у нее в голове.

Во все детали разведывательного дела Доватор вникал сам лично. Отправляя людей на задание, беседовал с каждым человеком в отдельности. Сейчас шла подготовка к очередной разведывательной операции по тылам противника. Было решено предварительно забросить за линию фронта группу специально подготовленных радистов-разведчиков и систематически получать точные данные об обстановке.

— Вас рекомендовал майор Викторов, — продолжал Лев Михайлович. — Вы не изменили своего решения?

Майор хоть и рекомендовал Зину, но откровенно признался, что жалеет посылать девушку на опасную работу. Это-то и толкнуло Доватора наведаться к разведчице. Да и комиссар настаивал.

— Скажите мне, деточка моя, чистосердечно... — Шубин не спеша расстегнул на груди бурку, снял ее и положил на валик дивана. В кожаной безрукавке и фетровых сапогах, он оказался стройным и моложавым, но движения его были удивительно медлительные и расчетливые. Зине показалось, что вся его спокойная и крепко сбитая фигура только и создана для того, чтобы придумывать хитрые вопросы, для вида сдобренные отеческой лаской. Только серые вдумчивые глаза под сросшимися бровями говорили другое. В них светились теплота и добродушие. Эти

проницательные и умные глаза смотрели сейчас на Зину, как на человека, с которым случится несчастье и который вряд ли выпутается из беды. — Скажите чистосердечно, вас очень увлекает романтика профессии разведчика?

— А кого это не увлекает, Михаил Павлович! — вступился Доватор.

— Подожди, Лев Михайлович. Пусть она сама ответит!

— Если говорить чистосердечно, увлекает! — возбужденно ответила Зина. Она чувствовала, что комиссар собирается экзаменовать ее и, собрав всю свою волю, решила дать отпор. — Но дело не только в одной романтике, товарищ комиссар, — заключила Зина.

— А в чем же еще?

— Прежде всего без увлечения не сделаешь ни одного хорошего дела. Если уж что захотел сделать, отдай всю свою силу и душу. А люди сейчас отдадут для защиты родины все. Вот и я хочу сделать так же, как и все. Буду разведчиком. Вы мне сейчас скажете, что это очень опасно, попадешь к гитлеровцам, будут пытаться, огнем жечь. Отлично знаю, не, одну ночь думала об этом, но не трушу. Я не ушла и готова сейчас перенести любую муку, любую пытку.

— Горячо, очень горячо! — кивая головой, повторял Шубин. — Я, честно признаюсь, вначале подумал, что вы только на скрипке пикивать умеете, бантики завязывать. Ничего не поделаешь, ошибся. Только у меня есть еще один чистосердечный вопрос. Можно задать?

— Слушаю вас, товарищ комиссар.

— Кто вас так ретиво настропалил? Ничего не бояться, не ужасаться, а прямо с места в карьер хоть на виселицу. Я подозреваю, что Ковалев. Хвастал, поди, рейдом в тыл, где сплошной героизм! Запорожская сечь! Не война, а песня! Но если так говорил, то он пустой и вредный хвастунишка! Излишнее увлечение и романтика — это усыпление бдительности. У разведчика должен быть трезвый и холодный расчет. На каждом шагу он подвергается опасности, и если не выдержит, то нанесет общему делу непоправимый вред. Умереть нетрудно, но надо дело сделать! — Комиссар говорил резко, напористо, не обходя острые и опасные положения.

Доватор, откинувшись на спинку дивана, наблюдал за девушкой. Зина сидела на краешке стула около опрятно убранной кровати и смущенно покусывала губы. Слова Шубина по отношению к Валентину не только не были оскорбительны, а, наоборот, поднимали в глазах девушки любимого человека. Ведь он ей говорил то же самое, и казалось, что комиссар подслушал сегодня их разговор с Валентином и сейчас передает его слово в слово. Удивительное совпадение!

— Можно отвечать? — спросила Зина, когда Шубин закончил.

— Да, да, отвечайте! Чему вас учит Ковалев во время музыкальных вечеров?

— Запугивал. Говорил самые ужасные вещи... — Зина возбужденно взмахнула руками и весело рассмеялась.

— Запугивал? — переспросил Доватор. По тону его чувствовалось, что он не одобряет этого. — Вот что, комиссар: запретите ему сюда ездить, — добавил он властно, скрывая появившуюся на губах усмешку.

— Определенно запретим, — безапелляционно подтвердил комиссар.

— Нет, вы этого не можете сделать! — Зина умела выражаться коротко и решительно. — Вы не можете запретить! — повторила она сердито.

— Мы не только запретим, но и переведем его в другую дивизию, — сказал Шубин.

— В резерв отчислим, — вставил, улыбаясь, Доватор. — Отговаривать человека от выполнения ответственной задачи...

— С целью извлечения личной выгоды... Заметь — в военное время! — Шубин внушительно поднял указательный палец.

— Да, да! — подхватил Доватор. — Здесь, брат, трибуналом пахнет!

В слове «трибунал» Зина смутно ощутила нечто суровое, но совсем не опасное и ничем не угрожающее. Доватор проговорил его с шутливой беспечностью.

Зина начала понимать, что в их посещении, помимо делового разговора, кроется еще что-то другое. Не ускользнуло от нее и подозрительное перемигивание.

— До трибунала-то, положим, далеко... — проговорила она убежденно, и в ее синих глазах, строго смотревших на Доватора, блеснула лукавая улыбка. Гости чувствовали, что девушка начинает вникать в их коварный замысел.

— Должен вам заметить, товарищ Фролова, что у вас крепкие нервы, — вполне серьезно заметил Шубин.

— Должна вам заметить, товарищ бригадный комиссар, что вы ошибаетесь. Моя фамилия не Фролова, а Ковалева.

На розовых губах Зины играла насмешливая улыбка.

— Вот видишь, генерал Доватор! Я тебе сразу же заметил, что непочтительно разговаривает девушка, непочтительно! Вместо того чтобы по такому высокостепенному случаю, как бракосочетание, пригласить к столу, посадить в передний угол, она нас держит чуть не у порога и не смей тронуть, колется, как ежик!

— Прошу, прошу! — Зина по русскому обычаю низко поклонилась.

После шуток и поздравлений сели за стол. Комдив Атланов произнес торжественную речь. Он говорил громко и страстно, и в словах его звучала упрямая, неистребимая жажда жизни.

— Никакие невзгоды, никакие исторические трагедии — сказал он между прочим, — не могут остановить движение жизни. В гражданскую войну после тяжелых, изнурительных походов в полках конницы Буденного устраивались такие веселые свадьбы, что от песен и пляски в хатах лампы гасли. А это значит — люди были сильны духом и крепко верили в победу. Никакие невзгоды не могли сломить человеческую волю и отвратить любовь к жизни. Я поднимаю бокал за победу, за любовь, за человеческое счастье на земле!

После этого Доватор попросил Зину сыграть на скрипке. Она смущенно отказывалась. Но Лев Михайлович настойчиво уговаривал, вылез из-за стола, сам принес и подал смычок и скрипку.

...Тихая и торжественная мелодия зазвучала так проникновенно и, казалось, так по-человечески внятно и одухотворенно, что у Зины дрогнуло сердце, и сама она точно слилась с этими звуками и больше ничего не видела и не слышала. Скрипка пела, и чудесный голос ее наполнил комнату теплом и блеском каких-то необыкновенных лучей; и всем на минуту показалось, что на улице не зима, а весна, повсюду цвели сады, цвела вся земля, и с шумом падали на нее теплые дожди, и все вокруг радовалось и пело.

Скрипка, как и страстные слова Атланова, славилась жизнь и, может быть, больше всего человека. Так думали все; о том же думала Зина. Вдруг звуки скрипки смолкли, но в комнате все еще не угасало тепло весны, дыхание цветущей земли...

Лев Михайлович внезапно встал и отошел к туалетному столику. Он постоял несколько минут, глядя на семейную фотографию Фроловых, о чем-то глубоко задумавшись.

Музыка произвела сильное впечатление на всех, а на Атланова в особенности. Взглянув на него, Шубин с изумлением заметил, как крупные суровые черты лица этого Далеко не сентиментального человека разгладились, разительно помолодели, и глаза ярко поблескивали. Шубин налил в рюмки коньяку и, пододвинув Ковалеву и Атланову, сказал:

— Выпьем, Иосиф Александрович, — и, кивнув на Валентина, добавил: — За его счастье выпьем. Это не девушка, а сокровище!

— Да, Михаил Павлович. Побережь ее следовало бы, — задумчиво проговорил Атланов. — Талантливая!

Доватор, повернувшись от столика, позвал к себе Шубина, о чем-то

тихо с ним заговорил. Михаил Павлович согласно кивнул, и они вместе вернулись к столу.

— Заканчиваем, товарищи, — присаживаясь к столу, сказал Доватор, кинув на Зину острый, пронизывающий взгляд. — Зинаида Никитична, мне нужно еще кое о чем переговорить с вами.

— Я вас слушаю, Лев Михайлович.

Зина, видя изменившееся лицо Доватора, насторожилась.

— Мне кажется, всю затею с разведкой придется отставить.

— Почему?

Голос девушки зазвенел и дрогнул.

— Видите, какое дело...

Лев Михайлович, застегнув верхнюю пуговицу генеральского кителя, порывисто встал и прошелся по комнате.

— Учиться вам надо, — проговорил он решительно. — Вы не имеете права... — Он хотел сказать «губить себя», но, спохватившись, поправился: — Не имеете права не учиться. Вы очень способны. Поезжайте в Москву. Хотите, я напишу куда следует?

— Правильно! — горячо подхватил Атланов. — Вы будете выступать по радио для всей Красной Армии! Для всего народа! Вы же знаете, что такое хорошая музыка и песня. У меня кавалеристы воют с песней, кашу варят с песней. Спать ложатся — поют, а встанут и снова запевают: «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет...» Хорошие слова!

Зина, не моргая, смотрела на левый носок туфли, точно капризный ребенок. Уговаривали ее все наперебой, но она упорно молчала.

— Я ей тоже все время толкую. Даже слушать не хочет! — кипятился Ковалев.

— Погоди, Валя, — не вытерпела Зина и досадливо замахала рукой.

Подняв на Доватора умные, строгие глаза, она спросила:

— У вас, Лев Михайлович, есть дети?

— Да. Сын и дочь Рита, — ответил Доватор.

Шубин прищурил правый глаз, нарочно громко, кашляя склонился к столу. Он понял, что отмалчиваясь, Зина готовилась к меткому удару. Вот она обдумала все и хочет что-то сказать.

— Если бы ваша дочь Рита, — твердо и медленно начала Зина, — в тысячу раз имела больше способностей, чем я, и вдруг решила итти воевать. Вы, член партии, генерал-майор, запретили бы ей или нет? Или бы уж, на худой конец, взяли в штаб, под свое крылышко? Она бы вам по вечерам на гитаре тренькала или, как я, на скрипке играла? Как бы вы

поступили, интересно мне знать?

— Вот это я понимаю, соль-мажор! — Шубин широко развел руками. — Что я тебе говорил, генерал Доватор, не умеет быть почтительной, не умеет! А еще артистка, художник! — Шубина распирало от восторга, казалось, что у него треснет на спине туго затянутый китель.

— Да у нас, Михаил Павлович, таких художников, — звонко крикнула Зина, — половина колхоза! Вот если бы сейчас кто-нибудь из нас новый порох придумал или какую пушку, тогда другое дело! Можно было бы такую девушку отправить в глубокий тыл, в лабораторию или на завод. За вами, Лев Михайлович, ответ!

— Брось, Доватор, — снова вмешался Шубин. — Ее все равно не переспоришь. А то, чего доброго, тряхнет своими кудряшками и улетит в штаб армии, а там — будь здоров! — на самолет — и в твою Белоруссию. Оттуда еще привет отстучает.

Вместо ответа Доватор взял Зину за руки и поцеловал в губы.

— Молодец! Это я так поступил бы с моей дочерью, — сказал он взволнованно и, оглядев присутствующих грустным задумчивым взглядом, тихо добавил: — Пора по коням!..

Когда вышли, на дворе стояла глубокая морозная ночь. Редкие выстрелы рвали тишину и вспугивали мигающие на небе звезды.

— Ну, как комиссар, разведчица? — садясь на коня, спросил Лев Михайлович.

— Геройская, — ответил Шубин коротко.

ГЛАВА 6

Немецкие автоматчики подошли к оставленному завалу с большой осторожностью. Сначала разминировали подступы к нему, за этим последовал обычный для немцев круговой обстрел леса. Но в ответ не раздалось ни одного выстрела. Казалось, что густой Шишковский лес вымер, только сороки кружились над деревьями и беспокойно выщелкивали свои немудреные назойливые песенки.

Построчив из пулеметов, немцы, наконец, решились подвести к завалу бронетранспортер и начали растаскивать деревья. Сперва батарейцы слышали звук работающего мотора, треск ломающихся сучьев, затем немецкие солдаты, успокоившись, обнаглели, подняли галдеж и принялись действовать в открытую.

Наблюдавший за ними сержант Алексеев, сидевший у пушки,

чувствовал себя, как на иголках. Его подзадоривали Луценко и Попов, находившиеся у другой пушки.

— Да якого ж чорта мы дивимось на цю пороссячью породу? Бачь, волокут корягу, шоб тоби, сукину сыну, на мину наступить лапою и полететь вверх тормашками. Ну, что ж, товарищ сержант? — молящими глазами посматривая на Алексеева, спрашивал Луценко.

— Нельзя, — шептал Алексеев. — Без приказа комбата нельзя.

— Дай, товарищ сержант. Я с первого снаряда у этой серой черепахи кишки выну, — говорил Попов, потирая от нетерпения руки.

И, в самом деле, для того чтобы стоять у заряженного орудия, видеть перед собой врага и молчать, надо было иметь адскую выдержку и терпение.

Алексеев это хорошо знал, имел достаточную выдержку, но все равно у него сейчас зудели руки и невольно тянулись к пушке. Он то и дело бегал к связистам в их снежное укрытие, где сидел у телефона Ченцов, и докладывал:

— Во весь рост ходят, товарищ комбат. Что мы на них любимся?

— Иди и наблюдай, сто раз тебе говорить! Скажу, когда будет нужно.

Алексеев пробирался обратно к пушкам и молча садился за щит. По лицу его все догадывались, что стрелять не разрешено, но все-таки надоедливо лезли с расспросами:

— Ну, как?

— Идите к шутам! Надоело. Сто раз вам говорить, да? Суется, пристают, а потом промажут. Я вам промажу! Я вам так промажу, — до самого Берлина будете ехать, не забудете. Марш по местам! Когда будет нужно, дам команду. Да не выглядывать из укрытий, а то пулю проглотить, — ворчал Алексеев.

К полудню с большим трудом немцам удалось сделать в завале небольшой проход. Затем, вновь начали методически обстреливать подступы ко второму завалу с намерением взорвать мины и выявить огневые точки русских. Убедившись, что просека не заминирована, они решили пустить для разведывательных целей около сорока автоматчиков.

Орава подвыпивших молодчиков, строча на ходу из автоматов, двинулась вдоль просеки.

Командир эскадрона Сергей Орлов и Чепцов немедленно донесли об этом Осипову. Второй взвод эскадрона Орлова находился за завалом, два других расположились вдоль просеки и, выдвинувшись правым флангом почти к центру завала, прикрывали батарею Ченцова. Таким образом, оборонявшийся эскадрон изображал собой уступ влево в виде буквы «Г».

Впустив автоматчиков в глубь просеки, Орлов имел полную возможность истребить их продольнолобовым огнем второго взвода, а также фланговым огнем первого и третьего взводов, имевших в распоряжении, кроме батареи Ченцова, восемь пулеметов и до тридцати автоматчиков. С левого фланга его мог поддержать хорошо укрепившийся эскадрон Биктяшева. Однако Осипов отдал неожиданное распоряжение: второй взвод от завала отвести и впустить туда немецких автоматчиков.

— Да ведь они зайдут в тыл Биктяшеву! — говорил Орлов в трубку.

— А ты об этом не беспокойся. Ты что, на самом деле испугался каких-то сорока пеших автоматчиков? — спокойно говорил Антон Петрович.

Он уже предупредил комиссара и комэска Биктяшева: огня не открывать, ждать его приказа и неотступно наблюдать. Он понял, что, бросив вперед автоматчиков, немцы задумали обычный трюк: ворваться в тыл, наделать шума, поднять панику и демонстрировать окружение. Ему же надо было выманить из укрытия танки и истребить их.

Всегда спокойный и выдержанный, старший лейтенант Орлов наблюдал за противником с волнением, Его сосед Хафиз Биктяшев то и дело подтягивал ремешок каски, ругался на чем свет стоит и звонил в штаб полка.

— У меня на затылке мухи сели, а мне запрещают их спугнуть, — жаловался он начальнику штаба майору Почибуту.

— Сиди и не рыпайся! — отвечал майор и тотчас же переводил разговор на другую тему, спрашивал, не болит ли у комэска голова и не прислать ли ему бутылку вина или порошок пирамидона. Интересовался, хорошо ли он вымылся позавчера в бане и почему он так мелко и неразборчиво пишет донесения, словно блох в строчку сажает.

— Чорт знает что такое! — бранился Хафиз, швыряя трубку. — Я ему дело говорю, а он о пирамидоне и про каких-то блох говорит! — Но тем не менее после разговора он чувствовал себя спокойней и уверенней. Потом снова брал трубку и вызывал соседа Орлова.

— Ну, как, Сережа, а? Я считал, что ты самый первейший друг, а ты мне на затылок блох напустил. Нехорошо, ай-ай, как плохо! Эти блохи сидят у меня на шее, как скорпионы. Если ты их жалеешь и не бьешь, то я из них живо дух выпущу. Посмотри, как я их буду атаковать.

— Ты хорошо знаешь характер нашего хозяина? — спрашивал Орлов.

— Отлично, — вздыхал Хафиз, склоняясь над телефоном.

А командир полка сидел в блиндаже с трубкой возле уха, слушал все эти переговоры и не вмешивался ни единым словом, только глуховато

откашливался и коротко вздыхал.

Настроение командиров и бойцов его радовало. Все нити предстоящего боя он уже забрал в свои руки, отчетливо понимал и чувствовал замысел противника. Теперь оставалось подчинить дальнейшие события своей собственной воле и управлять ими. Не выпуская из рук трубки, он бросал сосредоточенный взгляд на карту или на склонившегося в конце стола Головятенко, занятого составлением оперативной сводки. В блиндаж то и дело спускались связные и осторожно клали на стол свернутые в трубочку донесения.

— Как добрался? — коротко спросил одного Осипов, разворачивая бумагу.

— Хорошо, товарищ полковник, — бодро ответил Вася Громов. Это был совсем молодой паренек, недавно прибывший на фронт добровольцем.

— Ты меня скоро в генералы произведешь? А? В полковники уже зачислил. — Антон Петрович, прищурив глаз, лукаво улыбался.

— Виноват, товарищ подполковник!

— То-то... По снегу полз?

— Полз.

— А почему не отряхнулся?.. Сходи, милый, к оперативному дежурному и скажи, что я велел тебе стакан водки дать.

— Да нет, товарищ полковник, товарищ под... не пью я... — смущенно бормотал Вася.

Присутствующие давились от хохота. Вася Громов водки терпеть не мог и отдавал свою порцию товарищам. А однажды скопил целый литр и принес в подарок командиру полка. Это теперь служило предметом постоянных шуток.

— Да что вы смеетесь? — едва скрывая усмешку, спросил Осипов. — Мы же все с ним делим пополам... даже шинель...

Тут хохот еще больше усилился.

С шинелью у Васи произошла такая история. Назначил его командир эскадрона Биктяшев в штаб посыльным. Дежурный по полку определил его в землянку командира полка и заставил топить железную печь. Вася выполнял свои обязанности очень добросовестно. Бдительно следил за печкой, бегал в штаб, колот дрова. Осипову старательный паренек понравился. Один раз Антон Петрович застал его в страшном смятении и растерянности. При появлении командира полка Вася всегда вскакивал и становился «во-фрунт». Но сейчас он этого не сделал. Лицо его было выпачкано в саже и выражало самую отчаянную растерянность.

— Ты что, милоч, кособочишься? — удивленно поглядывая на

паренька, спросил Осипов.

— Разрешите, товарищ подполковник, в эскадрон отправиться, — совсем подавленно проговорил Вася.

— Зачем?

— Наказание отбывать...

— Какое наказание?

— Наряд. Комэска товарищ Биктяшев, старший лейтенант, дал, — унылым голосом отвечал Вася.

— За что?

— За шинель... — Вася повернулся и показал. Левая пола шинели почти наполовину была сожжена и являла собой очень печальный вид. — Растопил жарко и нечаянно уснул маленько. Комэска мне сказал: «Ты самый первостепенный лентяй, спишь все время, шинель спалил...» и велел откомандироваться в эскадрон на кухню картошку чистить.

Вася докладывал с такой наивностью и искренним огорчением, что Осипову трудно было скрыть улыбку.

— Как же теперь быть-то? Нехорошо ведь получается! — Антон Петрович присел на стул, написал записку и, подавая ее Васе, сказал: — Ступай к моему помощнику, капитану Федосееву, и отдай. А потом вернешься сюда.

Через два часа Вася явился к Осипову в новенькой, ловко пригнанной шинели и готов был броситься подполковнику на шею. С тех пор он был зачислен постоянным связным командира полка.

— Младший лейтенант Братко, проводите Васю... — уже без шуток приказал Осипов своему адъютанту. — Да кстати скажите, чтобы на батарею Ченцова подбросили снарядов, а Орлову — патронов. Кухню туда чтобы не возили. Обед доставить в термосах, без всякого шума и ложечного звона... Лейтенант Головятенко, напишите реляцию на орден Красной Звезды санинструктору Гончаровой. И вообще потребуйте от командиров всех подразделений списки отличившихся.

Голос Осипова прервал сильный гудок зуммера. По телефону звонил комбат Ченцов. Он сообщил, что в конце просеки показались немецкие танки. Осипов так сжал телефонную трубку, что, казалось, намеревался раздавить ее. С хрипотой в голосе, но четко и отдельно приказал:

— Подпустить ближе. Бить наверняка, чтобы не ушел ни один. Как только ошеломишь внезапностью, Орлов будет атаковать пехоту. Спокойно, спокойно, милый. Я держу резерв, в случае нужды помогу. Ну, в добрый час, в добрый час! Все будет хорошо.

Внушительная и крепкая уверенность командира полка подбодрила

Ченцова, как самая живительная дружеская ласка. Ченцов был храбр и смел, никогда не терялся. Любил риск, но увлекался боем расчетливо, с неподражаемой виртуозностью. К этому приучил и своих артиллеристов. Полуторакилометровую просеку он измерил до последнего вершка и со скрупулезной точностью высчитал ориентирные данные.

В конце просеки, из завала, вымазанный какой-то серой краской показался тяжелый танк, за ним второй, средней величины, третьим выполз бронетранспортер. Он, как и башни танков, был облеплен автоматчиками.

Передняя машина, тяжело переваливаясь на неровностях, громыхая гусеницами и покачивая длинным хоботом орудия, медленно приближалась. Над лобовой амбразурой отчетливо вырисовывался череп со скрещенными костями.

— Ну!.. — посматривая на комбата блестящими глазами, придушенно крикнул Алексеев.

Ченцов, нажимая плечом на кудрявую пышную елку, то плавно поднимал, то опускал руку, словно собираясь дирижировать оркестром:

— Подожди, подожди...

На середине просеки, обходя торчащие пни, тяжелый танк уклонился вправо, подставляя левый бок в полный профиль.

— По первому основному... — протяжно заговорил Ченцов. — Угломер двадцать-десять... броневой-зажигательным, огонь!

Танк дрогнул, сверкнув ослепительной вспышкой, высоко подбросил исковерканную башню. Затем раздался оглушительный грохот, и все окуталось черным дымом. Удачно посланный снаряд взорвал весь комплект находившихся в машине боеприпасов вместе с сидевшими вокруг башни автоматчиками.

Немцы, ехавшие на других машинах, беспорядочно спрыгивали в снег и тут же падали под пулеметным огнем Сергея Орлова. Последующими выстрелами был уничтожен второй танк и изуродован бронетранспортер. Находившиеся у второго завала автоматчики бросились удирать. Выскочившие из засады кавалеристы расстреливали их из автоматов, кололи штыками и рубили шашками. Разгром был полный. Подоспевшие разведчики Кушнарёва — Торба, Павлюк и Буслов — повели в штаб несколько десятков пленных.

— Эскадрону Орлова занять старый рубеж обороны, — командовал Антон Петрович. — Пушки скрытно передвинуть вперед на старые позиции, быстро. Людей кормить! Поздравляю с наградами! Мне немедленно доставить сведения о потерях и пленных.

Настроение командира полка было приподнятое, бодрое. Rogozin и

Ковалев также успешно отбили все атаки.

— Хорошо! — произнес Антон Петрович. Короткое это слово прозвучало итогом напряженных дневных событий.

ГЛАВА 7

Сведения о неудавшихся атаках генерал Штрумф получил от своего штаба в тот же час.

«Изучение оперативных сведений, — писал Рихарт своим четким убористым почерком, — позволяет сделать весьма неприятные выводы, а именно: малое понимание командирами отдельных частей тактики лесного боя. Подвижные, выбрасываемые вперед группы автоматчиков, как это было в Белоруссии и в районе города Смоленска, не дают положительных результатов, а, наоборот, полностью истребляются противником. Узкие лесные просеки ограничивают свободный маневр танковых подразделений и позволяют противнику сдерживать продвижение малым количеством полевых орудий. Спешенная русская конница обороняется успешно, даже при отсутствии танковых частей и самоходной артиллерии...»

Изложив в общих чертах создавшуюся обстановку, генерал Рихарт предлагал немедленно усилить группу «Клоппенбург» и прорываться в направлении Данилково (левый фланг полка Бойкова). В других местах демонстрировать атаки, сковывая русских массированными артиллерийскими налетами. План этот был принят, и немцы начали его осуществлять.

После короткой, но сильной артподготовки два батальона германской пехоты, подкрепленные танками, навалились на левый фланг бойковского полка и начали его теснить.

...После боя Ковалев прилег отдохнуть. На рассвете его разбудил командир эскадрона лейтенант Рогозин и сообщил, что полк Бойкова начинает отходить.

— С час тому назад там началась стрельба, — рассказывал Рогозин. — Я послал связного, он вернулся и говорит: «Отступают». Доложил командиру полка, он приказал оставаться на месте и приготовиться к бою.

— Чего же ты сразу не разбудил! — Ковалев подхватил автомат и застегнул крючки полушубка: спал он одетым.

— Жалко было! Спал больно хорошо. Туда пошел с взводом политрук Молостов. Связи с Войковым уже нет.

— Эх, голова! — Валентин бросился к телефону и приказал подводить

к орудиям лошадей. Сам же с четырьмя автоматчиками на конях поскакал в направлении соседнего эскадрона.

Там во всю мощь грохотала машина боя. Немного не доехав, Валентин спешился, оставил коней в густом ельнике и с тремя батарейцами спустился в лощинку.

По руслу небольшой речушки, нагибаясь и прячась в кустарнике, гуськом уходили разрозненные группы бойцов. По ту сторону на окраине села ярко пылал сарай. Неподалеку виднелась брошенная пушка, около нее на снегу лежали убитые, очевидно, бойцы расчета.

Вдоль речушки со зловещим свистом один за другим пролетали снаряды.

— Стой! — крикнул Ковалев отступающим казакам Бойкова.

Бойцы остановились. Их было человек шесть. Пробираясь по кустам, подходили новые. Некоторые из них были ранены.

— Где командир? — спросил Ковалев, подходя ближе.

— Не знаем. Убили, говорят.. — неуверенно, вразнобой ответило несколько голосов. По звуку выстрелов Валентин понял, что впереди еще шел бой.

— А ну, заворачивай назад и занимай оборону, — приказал Ковалев.

— Куда заворачивать-то?.. Вон они, танки... — сказал чернявый круглолицый паренек в разорванном на плече полушубке.

Хотя танков не было видно, а только доносился из деревни рокот моторов, Ковалев понял, что если сейчас не поставить здесь заслона, то другие эскадроны его полка вместе с батареей будут отрезаны.

— Стакопа! — крикнул Валентин одному из сопровождавших его автоматчиков. — Быстро, аллюр два креста, кати сюда пушку.

— Есть катить пушку!

Низкорослый, плечистый, с рыжим залихватским чубом Стакопа, круто повернувшись, побежал к оставленным в ельнике лошадям.

Командный окрик Ковалева и бодрый ответ Стакопы подействовали на бойцов отрезвляюще. Они посматривали на незнакомого командира с неловкой подавленностью и некоторым затаенным любопытством.

— А кто вы такой будете? — спросил чернявый.

— Комиссар батареи. А твоя как фамилия? — в свою очередь спросил Ковалев, сдерживая бешенство.

— Борщев, а что? — ответил чернявый.

— Ты, Борщев, будешь за командира. — Ковалев уставился на него острыми неморгающими глазами и решительно продолжал: — Назначаю тебя командиром. Быстро занимай оборону. Вот здесь, в кустах, —

Валентин показал место.

— Подмога, что ль, придет? — спросил Борщев.

— А как же ты думал?

— Да я ничего... Айда, ребята, располагайся...

Бойцы, переваливаясь в снегу, повернулись и, немного отойдя, заняли на ближайшей высотке позицию. Для выявления обстановки Ковалев послал несколько человек вперед. Вскоре они вернулись вместе с политруком Молостовым. Он тоже завернул человек тридцать и положил неподалеку в оборону.

— Что же здесь, Гриша, творится? — подходя к нему, спросил Ковалев.

— Не выдержали. Командира эскадрона ранило. Политрук убит. И все полетело к чорту. Я нашел командира взвода, кое-как собрал людей... На тот конец деревни ворвались танки, больше десятка. Да вот, гляди!

Из кустов было видно, как по деревне, стреляя из крупнокалиберного пулемета, прошла тупорылая танкетка и завернула в ближайший проулок. Сквозь выстрелы и шум мотора доносились крики гитлеровцев.

Разбрасывая хлопья снега, тяжелые артиллерийские кони, похрапывая, подвезли противотанковую пушку. Батарейцы ловко и слаженно развернулись на узенькой лесной дорожке и моментально сняли орудие с передков.

Ковалев подал команду. Вынырнувшая из проулка немецкая танкетка завертелась волчком и, ломая плетень, осела набок. После двух других снарядов она загорелась. Остальные танки попятились и укрылись за дома на западной окраине деревни. Натолкнувшись на сопротивление, немцы замолчали.

Ковалев и Молостов решили соединить обе группы, окопаться, подтянуть из первого эскадрона взвод своих людей, вытащить брошенную пушку и встретить гитлеровцев но-настоящему, а дальнейшее будет зависеть от приказа командира полка. Надо было действовать быстро и решительно.

— Борщев, ко мне! — приказал Ковалев.

— Есть! — Борщев нехотя приподнялся, заложив ладони в рукава полушубка, с болтающейся на плече винтовкой, рысцой подбежал к Ковалеву.

Валентин знал, что применение властного и повелительного окрика не всегда достигает цели. Иногда это вредно действует на психику, озлобляет человека, толкает его на гибельный шаг; в другом случае внушает страх и выбивает из нормальной колеи. Спокойствие, волевая, суровая выдержка

действуют лучше.

— Товарищ Борщев, у вас замерзли руки. Очень жалею, что вы потеряли свои рукавицы, — слова были неожиданны, как выстрел над ухом.

— Обронил... — Борщев опустил руки по швам и, виновато отведя глаза в сторону, прятал подбородок в воротник полушубка.

— Ты вообще-то храбрый или так себе? — спросил Ковалев.

Бойца от такого вопроса покорило.

— Не знаю... как и все... — ответил он неопределенно, мрачно поглядывая на носок сапога.

— То-есть как это «все»? Как и мои пушкарки?

Борщев подавленно молчал.

— Ты чего дрожишь?

— Озяб, холодно...

— Пробежаться надо, — с въедливой настойчивостью проговорил Ковалев. — Видишь, на берегу сарай горит?

Ковалев показал на него. Сарай находился за рекой, на расстоянии трехсот метров. Неподдалеку стояла брошенная пушка. В стороне горела подбитая танкетка.

— Беги к этому костру, обогрейся, кстати на пушку взгляни. Если она исправна, подними винтовку прикладом вверх и жди. Мы подадим туда передки. Если она повреждена, погрейся — и назад. Понял?

— Понял... Но там, товарищ комиссар... — заговорил было Борщев, но Ковалев его прервал тихим, но безоговорочным повелением:

— Бегом марш!

Очевидно, страх не мог убить в человеке представление о дисциплине. Борщев, нахлобучив на глаза ушанку, неуклюже повернулся и, спотыкаясь, побежал к речке. Бойцы, слышавшие и видевшие все это, настороженно покосились на комиссара и с застывшим на лице напряжением стали наблюдать за Борщевым. Он уже пробежал мостик и торопливым шагом поднимался на бугор. Пока еще он находился в мертвом пространстве, и пули его не доставали.

— Стакопа, приготовить орудие, — спокойно приказал Ковалев, хотя на душе у него скребли кошки. Он ясно отдавал себе отчет в том, что Борщева могут убить, а его, Ковалева, могут обвинить в преднамеренной жестокости, не уяснив того, что спасение пушки — это спасение сотен людей.

— Человек, значит, дешевле пушки... — послышался чей-то хриповатый голос.

Ковалев не знал, кому принадлежит эта реплика. Его подмывало оглянуться, но он удержался и продолжал наблюдать за Борщевым. В душе его все кипело. «Неужели тот, кто сказал это, не понимает, во имя чего я это делаю?» — думал Валентин. Он готов был вскочить на коня, промчаться туда, осмотреть пушку и крикнуть: «Передки, ко мне!» Но вместо этого он подозвал рыжеволосого, всегда веселого Стакопу и приказал держать упряжку наготове, подробно объясняя, как надо брать пушку и снаряды.

Стакопа понимает все с полуслова. Это закаленный, обстрелянный боец. Кубанец, комсомолец, пограничник. Его подобрали раненого во время августовского рейда в лесах Смоленщины. Вылечили и поставили в строй. Он стал образцовым командиром отделения.

Ковалев не без восхищения любит его; и всегда, когда он слышит четкие слова Стакопы: «Есть, товарищ комиссар!», ему кажется, что никто так не понимает его, как этот исполнительный и верный солдат.

Над головами просвистел снаряд и разорвался где-то в лесу. За деревней клоочет густая пулеметная стрельба, постепенно уходящая на северо-восток.

«Неужели и там отходят?» Но об этом не хочется думать. Политрук Молостов привел остальных людей и ставит им задачу. Он даже не наблюдает за Борщевым. Для него это обыкновенное дело. Он действует не только как политический руководитель, но и как строевой командир. Кадровую службу он провел артиллеристом, а демобилизовавшись, был инструктором Тамбовского обкома партии.

Не дойдя до пушки метров пятидесяти, Борщев почему-то упал на снег. Полежав минуту, он пополз, часто останавливаясь и приподнимая голову. Очевидно, на бугор прилетали шальные пули, так как близкой стрельбы слышно не было. Через несколько минут он добрался до орудия, долго около него копался. Наконец знак был подан. Орудие оказалось исправным.

— Пошел, Стакопа! — Валентин, круто повернувшись, побежал следом за ним. Он задыхался от волнения и радости. Торопил, подбадривал садившихся на коней ездовых.

— На галопе туда и обратно. Если все снаряды не осилите взять, часть оставьте. Быстро, Стакопа, быстро!

Артиллеристы на двух выносах, гремя колесами передков, на рысцах проскочили деревянный настил моста, а дальше галопом помчались на пригорок. Через несколько минут пушка была поставлена на передки, но немцы открыли по окраине сильный артиллерийский огонь. Скат к речушке закипел черными взбросами земли и окутался клубящимся дымом.

Ковалев увидел, как конь левой пристяжки переднего выноса повалился в снег. Около него копошились ездовые, очевидно, отстегивали постромки. Повернувшись к своему орудийному расчету, он приказал открыть по деревне огонь.

Казалось, что могла сделать единственная сорокапятимиллиметровая пушка против нескольких немецких батарей, стоявших за деревней! И все-таки она отогнала немецкие танки и выручила из плена свою подругу. Пушку привезли на трех оставшихся в живых лошадях. Держась за ствол, на ней сидел раненный в плечо Борщев. Лицо его стало темнозеленым. Пытаясь вызвать на лице улыбку, он тихо сказал подошедшему Ковалеву:

— Ваше приказание выполнено, товарищ комиссар. Обогрелся...

— Сильно царапнуло? — спросил Ковалев, помогая ему слезть с пушки.

Санитаров поблизости не оказалось, и Ковалев начал сам перевязывать его.

— Да не знаю... Пальцы вроде как шевелятся — значит, не очень. Там наши батарейцы, — Борщев сморщился и часто заморгал глазами... — Побитые... Клименко, Печников... Беляев. Земляки мои... Ох!.. — Борщев трудно вздохнул и покачал головой. Так он сидел с полминуты, затем, вскинув на комиссара зеленоватые глаза, продолжал: — Мы, товарищ комиссар, ей-богу, не виноваты!.. Командиров убило. А тут немецкие танки подошли... Неразбериха пошла... Нет, виноваты! — вдруг сказал он твердым, изменившимся голосом. — Виноваты! А трус я или нет, вы сами видели.

— Не могу этого сказать... — неопределенно ответил Ковалев, начиная понимать этого неуравновешенного и горячего парня.

— Нет! Я самый настоящий трус, товарищ комиссар. Мои земляки дрались, как герои, а я их бросил. Они погибли. Конечно, вы вправе считать, что я подлый трус!

— А ты сам как считаешь?

— Знаете, что я вам скажу, товарищ комиссар. Я работал на ипподроме жокеем. Объезжал самых непокорных лошадей, считал, что у меня «железный характер», и все это оказалось вздором. На деле вышло, что я боюсь смерти больше, чем другие... Э-эх! Противен сам себе.

Он помолчал.

— А признаться по совести, вы меня здорово в шенкеля взяли. Я ведь все сделал не от страха, что вы накажете, а от стыда. Слушайте, товарищ комиссар, возьмите меня к себе ездовым.

— А рана?

— Пустяки, вы ведь сами говорите, что не опасная. Возьмите, я вам докажу, что я не трус. Самых диких объезжал!

— Война — это не ипподром. А по чести сказать, не взял бы я вас. Не нужны вы мне... — Но на самом деле Ковалеву этот человек начинал положительно нравиться. Однако он и виду не показал. Спокойно dokonчив перевязку, он добавил: — Философией заниматься сейчас некогда! Видите, начинают шевелиться.

Немцы снова повели интенсивный обстрел. Ковалев, установив пушки на позиции, пока не отвечал.

Было одиннадцать часов утра. День выдался облачный. Над лесом шапкой нависла морозная туманная мгла, мешавшая полетам бомбардировщиков. Ковалев протянул от первого эскадрона связь и доложил командиру полка обстановку. Осипов уже все знал. Он похвалил Ковалева за сообразительность и приказал беречь снаряды. На вопросы Ковалева он отвечал коротко и явно чего-то недоговаривал.

К двенадцати снова показались немецкие танки, и опять они были отбиты. Озлобленный неудачей, противник начал забрасывать обороняющуюся группу массой снарядов. Неожиданно Осипов отдал приказание отходить в глубь леса.

Навстречу Ковалеву и Молостову выехал лейтенант Головятенко с приказом и схемой для занятия круговой обороны. Вести были самые неутешительные. Связь с находящимся в Сычах штабом оборвалась. Немецкие танки, прорвав оборону полка Бойкова, заняли Петропавловское. Немцы потеснили эскадроны Орлова и Биктяшева и захватили оба завала. Таким образом, полк Осипова был рассечен пополам и два эскадрона вместе с батареей и командным пунктом оказались запертыми в Шишковском лесу.

На новом командном пункте первого эскадрона Ковалев встретил нескольких партизан во главе со своим тестем Никитой Дмитриевичем. Он был изумлен, когда на куче разных узлов рядом с Ефимкой увидел Зину. Ведь она должна была вылететь на задание. Здесь же, укутанная в теплую шаль, восседала Пелагея Дмитриевна. Ефимка, увидев Валентина, бросилась к нему.

— Что же теперь будет-то, зятек? Знаем, все знаем, — ворчала мать. — А ты меня в бок-то не пихай, — обернувшись к Зине, сказала она. — Ах, бессовестные, ах, негодники! Чего же это удумали, без родительского благословения...

— Да перестань ты! Вот ведь какая оказия! — вступился Никита Дмитриевич, поправляя на плече берданку. — Ты не слушай ее, комиссар...

— Он хотел было назвать зятя по-семейному, но не решился. — Она у нас известная командирша!

Старик что-то не договорил, схватил лопату и побежал рыть землянку.

— Ох, вояка! Нешто он мне не зять? Зять! Хоть и скоропалительный, а зять. Что хочу с ним, то и сделаю. На то я и теща!..

Ковалев растерянно улыбнулся.

— От попа да тещи не спрячешься и в роще... Так вот, дорогой зятенька, — продолжала Пелагея Дмитриевна. — Прибыли на твое иждивение и жену тебе доставили. Принимай.

— Милости просим, мамаша. Располагайтесь, как дома... У нас просторно под каждой елочкой. Но как вы здесь очутились? Почему не уехали в Покровское? А ты почему не улетела? — обращаясь к Зине, спрашивал Валентин...

— Погода, видишь, какая... Мы только проснулись, а танки уже в деревне, в окна из пулеметов бьют. Едва успели схватить кой-какие узлы, да через огороды — и в лес... Как все это случилось, я, Валечка, ничего не понимаю. — Зина подняла на него тревожно блестевшие глаза.

— Пока трудно сказать. Обыкновенная на войне история. Во всяком случае, ничего страшного.

— Как же, милый, ничего страшного? В деревне немцы, кругом немцы... — Взгляд Пелагеи Дмитриевны выражал болезненное напряжение, на лбу резко углубились морщины. Она хоть и старалась внешне прибодриться, но видно было, как она растерялась.

В ее сознании все перепуталось и перемешалось. Вся налаженная и привычная жизнь полетела кувырком. Дочь неожиданно оказалась замужем и должна была куда-то лететь. Две других находились бог знает где. Сама она бросила все свое хозяйство на произвол судьбы и неизвестно каким путем очутилась в лесу. Кругом стреляли пушки, а люди в касках ходили как ни в чем не бывало, валили лес, рыли окопы, о чем-то спорили, бранились, грызли сухари и даже смеялись. Пришел какой-то широкоплечий командир в бурке. За ним — целая толпа других, опутанных ремнями, с револьверами. У каждого в руках была карта.

Валентин вскочил и побежал туда. Он встал перед прибывшим командиром в струнку и козырнул. Тот протянул ему руку и улыбнулся.

— Кто это? Самый главный, что ли? — спросила Пелагея Дмитриевна у Зины.

— Командир полка, подполковник Осипов.

Зина как-то приходила в Сычи к Русаковой. Там она познакомилась с Осиповым. Да и Валентин немало рассказывал о нем.

— Наверное, очень хороший, — гляди, руку подал, смеется.

— Очень хороший, мама, — подтвердила Зина. — Знаешь, у него жену и сына фашисты расстреляли. Одна дочка осталась, безногая. Бомбой оторвало...

— Господи! — Пелагея Дмитриевна тяжело вздохнула. — Как же это, и детей? Изверги проклятые...

— А ты думаешь, тебя бы они помиловали? Три дочери комсомолки, четвертая пионерка, а муж — член партии...

— Я — другая статья... А детишки-то, детишки-то тут при чем?

— Да ведь ты сама сказала, что изверги. Разве фашисты могут быть иными?

— А как зовут эту девочку? — спросила Ефимка. Она как-то сразу переменилась, притихла, повзрослела и смотрела на окружающих с встревоженным любопытством. Для нее открывался новый, совершенно необыкновенный мир, страшный, неведомый, но, должно быть, очень интересный.

Пелагею Дмитриевну сообщение Зины ошеломило. Она негодовала, и вместе с тем странное и непонятное успокоение овладевало ею. Сообщение о несчастье других людей поглощало собственную беду и делало ее менее значительной.

— Зиночка, миленькая, узнай, пожалуйста, как ее зовут. Мы письмо напишем. Обязательно напишем.

В густом лесу было темно, сыро и холодно. Над деревьями повисло сумрачное и неприветливое небо. Под елками ютились еще несколько семей. Это были местные жители.

Валентин Ковалев прошел по тылам противника Белоруссию, Смоленскую область, Калининскую, Московскую и всюду наблюдал одну и ту же картину народного бедствия. Под дождем, под снегом, в лютую стужу в лесах жили тысячи советских семей. Они собирали по ночам с собственных огородов мерзлую картошку, голодали, но не сдавались.

ГЛАВА 8

Антон Петрович собрал к себе в блиндаж всех командиров. Голос его звучал уверенно и громко:

— Блиндажи рыть глубже, накатывать делать толще. Заставляйте людей работать, не жалеете, что они устали. Будете жалеть — погубите. Точки располагайте реже: меньшая будет поражаемость от артиллерии.

Подпускать фашистов на верный выстрел. Не бойтесь близости. На случай прорыва я буду держать резерв.

Он закурил. На минуту в блиндаже наступила тишина.

— Дисциплину поддерживать строжайшую, но без нервозных тиков-криков. Командирам выбрать такое место, чтобы не только слышать бой, но и видеть его и иметь возможность во-время предотвращать всякие неожиданности. Связь держать, как вожжи в руках. Донесения присылать безо всяких панических подробностей. Людей всячески ободрять и внушить им, что Доватор и комдив нас непременно выручат. Там остался комиссар, у него в резерве эскадрон Шевчука, а у комдива полк Жмякина.

Осипов глубоко затынулся и прошелся по блиндажу из конца в конец.

— Раненых всех поместить в надежное укрытие. Я просил комиссара любым путем перебросить фельдшеров, врача и медикаменты. Помните, что эти люди пролили свою кровь за родину и теперь беспомощны. Если кто-нибудь посмеет оставить раненого без внимания, того буду строго наказывать. Население, ушедшее от немцев, тоже надо всячески оберегать и поддерживать... Бой в окружении мы принимаем не впервые. Опыт у нас уже есть, вспомните наш августовский рейд! Я убежден, что люди моего полка не потеряют заслуженной тяжким трудом и кровью наших товарищей славы. Товарищи командиры, коммунисты и беспартийные большевики! Я не требую от вас никакой клятвы, потому что убежден, что вы останетесь верными священной присяге.

— Выполним, товарищ подполковник!

Лейтенант Рогозин встал и рубанул ладонью воздух.

— Выполним! Спасибо за доверие. Я так считаю, и характер у меня такой, — если мне с полным доверием поручили дело, жизни не пожалею, а сделаю. Можете надеяться, товарищ подполковник!

Настроение у всех командиров было уверенное, бодрое. Никто не сомневался, что Доватор поможет им выйти из тяжелого положения. Однако, несмотря на это, Осипов почти всю ночь не спал. Не оттого, что его путало окружение, недостаток боеприпасов и пищи. Фашистов он вообще не боялся. Он их ненавидел люто, страшно. Даже во сне его мозг перерабатывал многочисленные планы, как он должен воевать и ставить врага в самые невыгодные положения. Он уже не кидался, как это было в рейде, в безрассудный риск. Теперь он действовал продуманно, хитро, но смело и дерзко...

На Ржевском большаке его полку было приказано занять оборону по обочинам широкой рокады. По сведениям оперативной армейской сводки, немцы находились в двадцати пяти километрах; однако высланные

Осиповым конные разъезды донесли, что немцы на двадцати трех машинах с четырьмя танками во главе движутся в село Толстикovo без всякого боевого охранения.

Обнаглевшие гитлеровцы спешным порядком двигались на Москву. Плевать им было на всякие головные дозоры. Они врываются в смоленские деревни, до обалдения накаливали печи, резали скот и птицу, обжирались. Потом раздевались донага и, выбив насекомых, валились спать.

Передовой отряд немцев численностью до четырехсот человек на двадцати трех автомашинах занял село Толстикovo и расположился на ночлег. Через час во всех избах задымили трубы, и началась стрельба по свиньям и курам.

Полк Осипова, накануне перековав коней на зимние подковы, находился от Толстикова в пятнадцати километрах. Впереди лежала «ничейная» земля, на которой бывалые казаки, разведчики Осипова, считали себя полными хозяевами. Охрана немцев была до крайности небрежной.

Осипов имел приказ командира дивизии: «В бой вступать только в исключительных случаях». Но упустить такой момент!.. Это было не в характере Антона Петровича.

Темной октябрьской ночью он подтянул к деревне восемь пушек, столько же пулеметных тачанок и около тридцати ручных пулеметов. На заре полк напал на фашистов с трех сторон, а с четвертой немцев встретили два эскадрона на свежих, только что подкованных конях. Рубка была жаркая. От всего немецкого гарнизона уцелели единицы. Немецкого капитана, недурно говорившего по-русски, Осипов взял в плен. Он привез его в штаб, заперся с ним и потребовал подать бутылку коньяку. О чем он беседовал с немецким капитаном, осталось неизвестным.

Гитлеровский офицер вышел оттуда бледный, как мертвец, подавленно повторяя одно слово: «Стыд... стыд...». Ночью он перерезал себе вену оконным стеклом. Часовой это заметил. Осипов вызвал врача. Жизнь немца спасли. На другой день Антон Петрович отослал его к командиру дивизии с запиской: «Поговорите с ним о совести: очень интересный экземпляр».

В другой раз, также находясь в арьергарде, Осипов подпустил вплотную колонну автомашин и разгромил ее до основания. Машины он приказал стащить в одну кучу и поджечь. Потери гитлеровцев были весьма значительными.

Доватор сначала не поверил этим сведениям, но командиры штаба подтвердили их достоверность.

...Отправив связиста Голенищева в штаб за рацией, Осипов прилег

отдохнуть. Ворочаясь с боку на бок, Антон Петрович терзался воспоминаниями. В его воображении вставляли живые картины недавнего прошлого: начало войны, семья, смерть жены и детей, недавняя гибель Маши. Отчаянный крик Елены Васильевны отдавался, в сердце Антона Петровича жгучей болью. Не хотелось думать об этом, а мысли лезли в голову навязчиво и угнетающе.

ГЛАВА 9

Не спал в Сычах и комиссар Абашев. Он сидел за столом. Напротив него — майор Почибут. Перед ними стояли комсорг Сергей Бодров и связной Осипова Вася Громов. Он привез очередную сводку, но, когда поехал обратно, потерял коня и вернулся.

— Значит, тебя обстреляли неожиданно? — спрашивал Абашев.

— Только на просеку выехал — трах-трах, и давай строчить. Конь упал... Я назад...

— Иди сейчас к связистам. Оттуда радист Голенищев пойдет. Может быть, вместе пройдете. А если нет, быстро возвращайтесь обратно, — приказал Абашев.

Громов, повторив приказание, вышел.

— Тебе, Бодров, придется пробиваться с группой медработников. Задача — помочь раненым.

Абашев на минуту задумался. Все шло вначале хорошо. Отбили все атаки, и вдруг подвел сосед. Остро шевельнулась досада.

— Вы, начальник штаба, объяснили товарищу Бодрову задачу, сказали, когда выступать? — спросил он у майора.

— Так точно. В четыре ноль-ноль, — лаконично ответил Почибут.

На его губах играла неизменно спокойная, подкупающая своей добротой улыбка. Казалось, ничто в жизни не может удивить, расстроить и вывести из терпения начальника штаба.

Все, что случается на войне, ему давно уже было известно, так же, как и все винтики сложной штабной машины, которые он отлично регулировал и заставлял работать с предельной точностью. А винтики эти начинались с войсковой разведки и кончались лошадиными подковами и пушками на переднем крае. Все проходило через голову этого невозмутимого, исполнительного, кристально-честного и справедливого человека.

«Честное слово, когда майору придется умирать, — думал про него Абашев, — он, наверно, ляжет в гроб, приоткроет крышку и скажет: «Пока

до свиданья, голубчики. Не забудьте в восемнадцать ноль-ноль послать оперсводку».

— В четыре ноль... — что-то взвешивая в уме, повторил Абашев. — Хорошо. Так вот, Бодров, ты должен пробиться к командиру полка любым путем. Разумеется, самым хитрым путем. Действуй так, как тебе приказал майор Почибут. Надо помочь раненым и доставить взрыватели. Все.

— Разрешите итти? — спросил Бодров, ловко и отчетливо козыряя.

— Да, — разрешил комиссар.

Бодров вышел.

— Почему же все-таки штаб дивизии не разрешает помочь Антону Петровичу своими средствами, хотя бы четвертым эскадром? — спросил Абашев у начштаба. — Мы можем пробить брешь и вывести Осипова с людьми. Ведь там почти вся батарея. Разве можно бросить на произвол судьбы четыреста человек вместе с командиром полка!

Вошла Русакова. На ее побледневшем лице было выражение тоскующего недоумения. Взглянув на замолчавшего, взволнованного комиссара, она тотчас же быстро вышла. За кухонным столом, что-то мурлыкая себе под нос, сидел над книжкой Петя.

— Я вам нужен, Елена Васильевна? — подойдя к двери, спросил Абашев.

— Нет, нет... Благодарю... Я так просто, — послышался извиняющийся голос Русаковой.

Абашев вернулся к столу.

— Ты знаешь, как она переживает, — продолжал он. — А теперь будет страдать вдвойне. Услышала... Лучше уж на передовой быть, чем за женщинами ухаживать. Ну, что думает штаб дивизии?

— Штаб дивизии не позволяет оголять левый фланг. Там скапливаются войска противника. Если бы даже и нашелся выход, комдив категорически запрещает Осипову покидать Шишковский лес. Иначе немцы могут вырваться на Волоколамскую магистраль.

Почибут четко, по-военному, с исчерпывающей ясностью изложил создавшуюся обстановку. Она была неутешительной. Немцы маневрировали превосходящей силой танков, артиллерией и авиацией.

— Да, это верно, — согласился Абашев и в десятый раз спросил: — Но все-таки будут они что-нибудь предпринимать?

— Говорят, будут. Этим занимаются лично генерал Доватор и комдив Атланов.

— Доватор? В самом деле?

— Да.

— Ну, что ж... Ему можно верить. Он сделает все возможное. Будем ждать. Иди, капитан, отдыхай. Дел нам предстоит много.

Почибут собрал карты и, попрощавшись, удалился.

Едва начальник штаба, прозвенев шпорами, спустился с крыльца, к комиссару, постучавшись, снова вошла Русакова.

Машу похоронили два дня тому назад. Коновод командира полка и повар Саша сколотили гроб, обтянули его красной материей. В похоронах приняло участие все население, бойцы и командиры.

— Мы никогда не простим фашистам смерти наших детей! — говорил Абашев, стоя над могилой. — Врагов ожидает справедливое возмездие. Мы клянемся в этом!

На непокрытую голову Абашева и воротник его белого полушубка падали крупные хлопья снега.

Казачьи саперными лопатками засыпали могилку. Русакова, сжав обеими руками голову, только стонала, но не плакала.

Сейчас Абашев смотрел на ее худое, измученное лицо и не узнавал его. Перед ним стояла суровая, но странно и неожиданно помолодевшая женщина. Нервное движение рук и дрожь голоса говорили о тяготеющем над нею горе.

— Вы будете ужинать, Михаил Николаевич? — спросила она тихим голосом и, не дожидаясь ответа, тихо добавила: — Я хотела вареного мяса Антону Петровичу послать, можно?

— Можно было бы и послать. Я из виду упустил... — Абашев искоса взглянул на Русакову и заметил, что она не спускает с него пытливых, тревожных глаз. Комиссар понял, что в жизни этой женщины прибавилась еще одна мучительная тревога. Она чувствовала и догадывалась о случившемся с Осиповым и страдала. Абашев видел это,

— Прoberутся туда разведчики, как вы думаете?

Плотно сжав губы, Елена Васильевна с глубоким напряжением ждала ответа.

— Пока ничего страшного нет. На войне это часто бывает. Давайте-ка лучше вместе ужинать, Елена Васильевна, — весело проговорил Абашев, стараясь перевести разговор на другую тему. Он знал, что никакие слова утешения сейчас не помогут. Да и у него самого на душе было тревожно и тяжело.

За окном, в морозной ночи слышались шаги. Напустив в комнату холода, вошел посыльный и передал вызов в штаб дивизии.

ГЛАВА 10

Комдив генерал-майор Атланов в накинутаой на плечи бурке сидел за столом, перечитывая донесения. Он делал на карте отметки и словно не замечал стоявшего перед ним полковника Бойкова.

Высокий и бравый Бойков с чувством досады мял в руках кожаные перчатки и ждал приглашения сесть. Вот уже несколько минут комдив держит полковника на ногах, как провинившегося школьника. Зная Атланова, Бойков понимал, что, просматривая донесения, комдив обдумывает сейчас решение, как поступить с ним, с полковником Бойковым, полк которого отброшен с занимаемых позиций, и тем самым поставлены в катастрофическое положение другие части.

Виноват ли в этом он, полковник Бойков?

Его полк не выдержал внезапного удара немецких танков и в беспорядке отошел. Полк Осипова почти целиком попал в окружение. Левый фланг дивизии генерала Панфилова загнулся фронтом на юг. Там идет сейчас ожесточенный бой. Если панфиловцы не выдержат, то немцы расчленят армию пополам, перережут Волоколамское шоссе и войдут в тыл всей армии.

— Мне ничего не остается делать... — после длительного молчания жестко говорит, наконец, комдив, — кроме одного, — предать тебя военному трибуналу. А я-то ценил, уважал, доверял тебе, как самому себе! Понимаешь или нет?

Такой неожиданный переход к делу ошеломил Бойкова, но внешне он остался спокойным. Атланов поднял от карты крупную, лобастую голову и посмотрел на полковника сузившимися от усталости глазами. В них Бойков увидел бередящий душу укор и непримиримую беспощадность.

Хрипло откашлявшись, Бойков почувствовал, что ему нужно сейчас что-то сказать, объяснить, но гневный и возмущенный взгляд командира дивизии совершенно обескуражил его и лишил всех необходимых для объяснения слов.

— Ты ведь не безусый мальчишка, не цыпленок желторотый и не трус. Я это твердо знаю. Как же ты мог допустить? — Атланов потрогал рукой крупный, с горбинкой нос и продолжал: — Ты мне скажешь, что у немцев было превосходство в танках, в авиации, удар был внезапным... Все это мне известно. Но ты знаешь приказ: назад ни шагу! Если не выдержал один эскадрон, загибай фланги, бей с тыла, займи, наконец, круговую оборону и дерись до последнего казака. Да что ты, не знаешь, как действовать?

Бойков устало поглядел на бритую щеку комдива и сумрачно молчал. Напряженно раздумывая, тщетно искал он корень совершенной им ошибки. Ему казалось, что все произошло из-за несущественных, на первый взгляд, мелочей. В момент атаки блиндаж, где помещался узел телефонной связи, разбило снарядом. Управление было потеряно. На третий эскадрон обрушилась лавина немецких танков. Командир эскадрона и политрук погибли. Люди растерянно заметались, а штаб молчал. Последний связной по дороге был убит.

Все цеплялось одно за другое, перемешалось, перепуталось. В результате, отбросив полк Бойкова, немцы заняли Морозово и Петропавловское.

Собрав разрозненные эскадроны, Бойков пытался было контратакой восстановить положение, но успеха не имел. Командиру дивизии все это было известно из оперативной сводки. Два часа тому назад Атланов подкрепил полк Бойкова двумя резервными эскадронами из полка Жмякина. Атаки противника были отбиты, но обстановка осталась напряженной.

Скрипнула дверь. В комнату вошел начальник штаба дивизии подполковник Жаворонков и доложил Атланову, что комиссар Абашев должен сейчас прибыть.

— От Осипова ничего нет? — взглянув на часы, спросил комдив.

— Пока ничего!

Стрелки часов показывали полночь.

Атланов взглянул на Бойкова, медленно поднялся. Свалившаяся с плеч бурка повисла на спинке стула. Подойдя к белевшей в углу печке, комдив прислонился к ней спиной и, скрестив на груди руки, коротко бросил:

— Садись, Бойков.

Поскрипывая ремнями, полковник устало опустился на лавку. Он не ожидал такого жестокого решения со стороны комдива. Его будет судить трибунал? А ведь только неделю назад он получил из рук Атланова второй орден Боевого Красного Знамени.

Бойков глубоко вздохнул и ощутил твердое прикосновение к груди орденов. Ему сразу стало жарко и душно. Опустив голову, он смутно слышал, как командир дивизии отдавал начальнику штаба приказание по разведке, настоятельно требуя непременно доставить «языка».

— Надо добыть свежего пленного, и желательно офицера, но не какого-нибудь вшивого и бестолкового балду. Вчера привели одного, а он хлопает глазами, как баран, и ни черта не смыслит.

Атланов неожиданно умолк.

На улице раздались громкие голоса, четкий топот копыт. У ворот игриво взвизгнул конь. Через минуту в широко раскрытой двери показался Доватор. Вместе с ним приехали военком Шубин и генерал Панфилов. На их папах серебрился морозный иней. А у Панфилова даже и брови заросли седыми, блестящими при свете лампы сосульками. Комната сразу наполнилась оживленными голосами и свежим воздухом.

— Мы сегодня, как цыгане, кочуем, — развязывая на груди ремешок бурки, говорил Доватор. — Из штаба армии — к Панфилову. От него прямо сюда. Ты, комдив, поласковой нас встречай. Смотри, каких я тебе гостей привел. Самые дорогие и голодные. Так протряслись дорогой, что чуть коням уши не поотгрызли... Генерал Панфилов каши предлагал, отказались. Торопились... А сейчас за котелок каши я готов полдюжины песен спеть.

— И мы с Панфиловым тоже не отстанем, — улыбнулся Шубин. — Подпоем, Иван Васильевич?

— Специально целый батальон веду генералу Атланову подпевать, — хитро подмигнув Доватору, сказал Панфилов и, обращаясь к Атланову, весело добавил: — А поют так, что фашистские солдаты спать перестали! Да-а!

Панфилов, приподняв подбородок, отогнул от шеи воротник полушубка, поправил на поясе кобуру пистолета и, поглядев на Бойкова, тепло улыбнулся.

Душевное состояние Ивана Васильевича Панфилова было отличное. Его полки не только отбили все атаки противника, но все время серьезно беспокоили врага. Сейчас положение Панфилова было настолько прочным, что он охотно согласился помочь Доватору батальоном пехоты. О неудачах Бойкова он был хорошо осведомлен, но старался не показывать виду.

Бойков почувствовал это и посмотрел на Панфилова благодарными глазами. Пока приехавшие приводили себя в порядок, комдив Атланов отдал какое-то распоряжение начальнику штаба. Тот, откозырнув, поспешно удалился.

Доватор, раздевшись, стоял у зеркала и поправлял на вороте генеральского кителя белоснежный подворотничок. Шубин вполголоса разговаривал с Бойковым. Атланов, взяв Панфилова за локоть, подвел его к столу.

— Посмотри, Иван Васильевич, правильно ли здесь расположены твои полки? — пододвинув карту, спросил Атланов.

Острый выступ прорвавшейся танковой колонны был помечен на карте синим карандашом и почти упирался в Волоколамское шоссе. Красные стрелы панфиловских батальонов были нацелены противнику во фланг.

Полоса обороны была обозначена подковками.

Бросив внимательный взгляд на карту, Панфилов одобрительно кивнул головой.

— Клинышек-то надо, Иосиф Александрович, отрубить, — проговорил он после минутного молчания.

— Да, — подтвердил Атланов. — Но мне одному трудно. Всю ночь думал об этом. Сил маловато.

— Поможем. Затем и приехали! — Панфилов, отодвинув рукав полушубка, посмотрел на часы. Уверенно тряхнув головой, он продолжал разговор: — Скоро подойдет батальон моих «песенников». Мы с Доватором все уже согласовали.

В коротких словах Панфилов с удивительной простотой и ясностью изложил план предстоящей операции.

Атланов, понимавший все с полуслова, относился к этому на редкость мужественному человеку с чувством глубокого уважения.

— Отлично! Правильно! — говорил он, бегло набрасывая карандашом схему.

Доватор, присев на лавку рядом с Бойковым, поглаживая колени, слушал его объяснения. Шубин, закинув ногу за ногу, сидел по другую сторону Бойкова.

— Войну сколько ни изучай, а в бою всегда находятся непредвиденные обстоятельства, — взволнованно оправдывался Бойков.

— Надо предвидеть и предугадывать всякие обстоятельства, — возразил Доватор.

— Это верно, — соглашался Бойков. — Я не оправдываюсь, товарищ генерал. И несую полную ответственность за свои действия.

— Безответственных командиров у нас нет, — спокойно заметил Шубин. /

— Не в этом дело, — поднявшись со скамьи, продолжал Доватор. — Ты понял, в чем заключается твоя ошибка?

— Да, понял. Только, к сожалению, поздно. Когда накануне немцы в течение дня непрерывно атаковали полк Осипова, мне надо было сделать короткий встречный удар. Или хотя бы организовать ночную вылазку. Я бы тогда разбил их планы.

— Вздор, — убежденно заключил Доватор. — Опять ошибки, промахи, а потом снова станете ссылаться на обстоятельства...

И, помолчав, задумчиво добавил:

— Когда же, наконец, мы перестанем совершать ошибки и расплачиваться за них кровью?

В комнату с тарелками и стаканами на подносе вошел ординарец Атланова Охрим. Заметив сердитый взгляд Доватора, он нерешительно остановился.

— Подождите. Это потом, — Лев Михайлович махнул рукой и приказал все унести обратно. Проводив глазами удаляющегося ординарца, он подошел к стоявшим у стола генералам, пододвинул себе стул, кивнул Шубину и Бойкову, приглашая их тоже занять места. Когда все присутствующие сели вокруг стола, он шутливо сказал:

— С вашего позволения, генерал-майор Атланов, я плута Охримку выпроводил. Он, наверно, приготовил целую батарею бутылок и намерен всяким зельем помутить нам мозги. А мне хочется дело сделать и каши поесть.

— Я тоже так разумею, — согласился Панфилов. — Потерпим.

— Добре. Скоро придет батальон панфиловских орлов, — продолжал Лев Михайлович. — Надо их поплотней накормить и дать по чарке. За это время приготовим боевой приказ, а потом можно и самим немного подкрепиться. А теперь, Иосиф Александрович, поделитесь с нами вашими планами и предположениями.

Доватор, навалившись грудью на стол, впился глазами в карту.

Атланов в ожидании начштаба часто бросал взгляды на дверь. Но Доватор нетерпеливо приказал начинать.

Доклад командира дивизии был прерван приходом подполковника Жаворонкова и комиссара Абашева.

Лев Михайлович давно заметил отсутствие начальника штаба дивизии, но промолчал.

Приветливо поздоровавшись с Абашевым, Лев Михайлович усадил его рядом с собой. На Жаворонкова он только взглянул, но ничего не сказал. Это было хуже всякого выговора.

Коротко изложив план предстоящей операции, Атланов просил разрешения немедленно ее осуществить. Обосновывая все детали атаки вескими доводами, Атланов предлагал нанести противнику три одновременных удара. С юго-востока — остатками полка Осипова с приданным батальоном панфиловцев; с востока, в лоб, в направлении Морозово, полком Бойкова; с северо-востока наступление должен поддерживать левофланговый полк дивизии Панфилова. Все детали предстоящего боя были основательно продуманы и взвешены. Однако все чувствовали, что операция предстоит тяжелая.

На участок Петропавловское — Морозово противник подтянул до семидесяти танков и мог в любой момент бросить их в бой. Подкрепить

наступление танками штаб армии отказался, но в то же время категорически требовал немедленно любыми средствами ликвидировать прорыв и восстановить прежнее положение. Спешенной кавалерии совместно с батальонами панфиловцев предстояло атаковать бронетанковые части противника. Единственно, что обещал штаб армии, — это подбросить артиллерии, но тоже в очень ограниченном количестве. Когда Доватор, разговаривавший со штабом армии по телефону, сообщил участникам совещания цифру пушек, все переглянулись. Это была до смешного маленькая цифра. Ее даже неудобно было называть, а принимать в расчет и подавно.

— Что-то уж очень мало, Лев Михайлович, — с недоумением спросил Панфилов. — Может, ты ослышался?

— Какое там! Раза три переспросил... Хотел обругаться, да сдержался. Начальник штаба армии со мной разговаривал и сообщил, что этими пушками распоряжается сам командарм и дал их нам только потому, что считает операцию весьма важной...

Панфилов, многозначительно откашлявшись, отрывисто сказал:

— И то хлеб...

— Ну, что ж... — Доватор отвел глаза от карты, секунду помолчал и продолжал: — Сделаем все возможное, но вылезти противнику на шоссе не позволим. Постараемся отбросить его назад. У тебя, генерал Панфилов, командиры надежные?

— Мои никогда не подведут, — с твердой убежденностью ответил Иван Васильевич.

— Хорошо! Тебе, Абашев... — Доватор поймал за руку пытавшегося встать Абашева, усадил на место и, сдавливая его локоть, сказал: — Тебе, военком Абашев, придается батальон вот его орлов, — веским кивком головы Лев Михайлович показал на Панфилова. — Это настоящие молодцы! Сегодня я их видел в деле. Богатыри! Армейские пушки тоже тебе. И четыре наших дивизионных. Ты должен выручать своего друга Осипова. А полковнику Бойкову передадим резервные эскадроны...

— Бойков мною отстранен от командования полком, — проговорил Атланов. — Я не успел вам доложить, товарищ генерал.

Иосиф Александрович сутуло согнул широкие костлявые плечи, словно на них легла непомерная тяжесть. Он любил Бойкова за его смелость, кавалерийскую удаль, горячий темперамент и острый ум, и ему тяжело было выговорить это. Но Атланов характером был крут и от своих слов и приказаний отступить не умел.

Все примолкли, ожидая, что скажет Доватор.

Лев Михайлович понял это и, сузив остро поблескивающие глаза, сурово нахмурился, зная, что от его решения зависит не только человеческая жизнь, но и судьба многих людей. Доватор чувствовал, что сидящие здесь люди уважают его, верят в его полководческий талант, но и ценят авторитет командира дивизии, который непосредственно подчинен ему, генералу Доватору, и ответственен за свои действия не только перед ним, но и перед родиной, перед партией.

— Да! Это замечание существенное. Командир дивизии прав. Полковник Бойков совершил ошибку, — начал Доватор с суровой властью в голосе. — Может быть, даже и не ошибку, а преступление, за которое следует жестоко наказать.

Панфилов, крикнув, потянулся за папиросой. Комиссар Шубин, покосившись на ордена Бойкова, опустил голову. Атланов попрежнему сутулился и ни на кого не глядел. Бойков широко открытыми глазами, не моргая, смотрел на Доватора. Абашев что-то чертил на листке бумаги. Только начальник штаба дивизии подполковник Жаворонков, неторопливо порывшись в полевой сумке, извлек пачку бумаг и, взяв нужную, запросто сказал:

— За такую ошибку, что совершил полковник Бойков, нельзя, товарищ генерал, наказывать.

— Почему? — круто повернувшись к нему, спросил Доватор.

— В ночь перед наступлением в полосе обороны полка немцы сосредоточили до сорока танков. Вот разведсводка, — Жаворонков положил перед Доватором отпечатанную на машинке бумагу.

— Хоть четыреста, но драться он должен был насмерть, — с глубокой, непоколебимой решимостью проговорил Панфилов.

Слова его прозвучали как суровый, беспелляционный приговор.

— Плохую вы делаете услугу Бойкову, товарищ подполковник, защищая его подобным образом, — гневно сверкая глазами, сказал Доватор.

— Я не защищаю Бойкова. — Жаворонков со смелым упрямством смотрел Доватору в глаза. Побледневшее, с острыми скулами лицо его нервно подергивалось. Человек он был вспыльчивый, но умевший в нужную минуту брать себя в руки, опытный, честный и волевой командир. — Дело не в защите полковника Бойкова.

— А в чем же? — вмешался все время молчавший Шубин.

— Скажу, товарищ бригадный комиссар, — ответил Жаворонков. — Дело в простой человеческой справедливости. При этом соотношении сил, какое сейчас у нас, полковник не мог бы удержать свои оборонительные

рубежи. Если мы худо воевали, то надо нас всех отстранить и назначить других командиров. А мы дрались неплохо. Это вы все знаете. Я прошу командование учесть не только заслуги полковника Бойкова, но и наши ошибки. А они у нас были. Бойков просил подкрепления, мы не дали. Просил пушек, дали только две. Никому не секрет, что это очень мало. — Жаворонков, поправив на плече ремень, полез в карман за папиросами.

Все напряженно молчали.

Каждый в эту минуту чувствовал себя ответственным за то, что враг был близок к Москве.

«Действительно, как могло случиться, что фашисты очутились у самой Москвы? — напряженно думал Доватор. — Разве в самом деле плохо дрались его дивизии? Вспомнить хотя бы августовский рейд. Ведь он со своими полками мог пройти всю Смоленщину и Белоруссию. Но ему приказали вернуться обратно. Разве плохо дрались они раньше? Да и теперь вот уже две недели кавалеристы, не вылезая из окопов, ведут тяжелые бои с противником, численно превосходящим их вдвое».

Начальник штаба дивизии коснулся самого больного места. Нужны дополнительные резервы и усиление материальной части. Об этом Доватор и Шубин говорили целые ночи напролет. В какой же степени в этой обстановке виноват полковник Бойков?

Выпрямившись на стуле, Лев Михайлович решительным движением руки отодвинул разведывательную сводку в сторону и, усилием воли преодолевая нахлынувшее волнение, начал говорить:

— На войне, товарищи, сущность поведения солдата и командира определяется воинским долгом и приказами вышестоящих начальников. Если командир дивизии решил отстранить командира полка, — значит, тому и быть. Ему вверены кавалерийские полки, он хозяин своего положения и ответственен не только перед командованием, но и перед своей совестью и честью.

Доватор, взглядываясь в лицо Атланова, давно понял, что комдив погорячился с отстранением Бойкова и теперь мучился. Лев Михайлович решил накалить атмосферу жарче, надо было дать прочувствовать, что приказы даются для того, чтобы их исполняли.

— Я не могу отменить приказ комдива, да и не собираюсь, наоборот, прикажу направить дело в трибунал и потребовать разжалования Бойкова. И впредь недостойных командиров буду смещать и судить независимо от рангов и положений. — Доватор не говорил, а чеканил каждое слово.

Атланов морщил лоб и покусывал губы. Взглянув на Бойкова, он вдруг изумился. На лице полковника млела страшная в своей бессмысленности

улыбка.

— Строговато, но мудро, — резко кивнул головой Панфилов.

— Бригадный комиссар Шубин, за вами слово, — пытливо посматривая на военкома, проговорил Доватор.

Лев Михайлович чувствовал, что они с Шубиным хорошо поняли друг друга.

— Да что здесь говорить... — Михаил Павлович поднялся со скамьи и оправил китель. — Я не хочу сейчас говорить, кто прав и кто виноват. От нас родина требует напряжения всех сил. Нам Сталин приказал: не только отстоять Москву, но и разгромить врага. Задача трудная. Нам, старшему командному составу, это хорошо известно. Но мы ее выполним, потому что у большевиков невыполнимых задач не существует.

Михаил Петрович, качнув грузное туловище, заложил руки за спину, медленно прошелся из угла в угол.

— Я думаю, полковник Бойков не трус. Он опытный и волевой командир, не раз доказавший это на деле. Мне кажется, следует дать ему возможность загладить свою вину. Пусть докажет, что он настоящий русский офицер, военачальник сталинской школы. Над исправлением ошибок в первую очередь должны трудиться мы, начальники, — веско заключил он.

Атланов кивнул головой и облегченно вздохнул. Бригадный комиссар все подытожил с неумолимой правдивостью. Доватор с торжествующей улыбкой посмотрел на Жаворонкова, явно гордясь своим комиссаром. Он мужественно заявлял не только о чужих ошибках, но и о своих собственных.

Панфилов, подойдя к Шубину, крепко пожал ему руку и, изменив своему правилу говорить коротко, сказал с шутливым многословием, ни к кому не обращаясь:

— Это называется, сначала попотеть, а затем попеть... Хорошее правило. Умереть и вновь воскреснуть!..

Подойдя к растерянному Бойкову, он с присущей ему откровенной простотой добавил:

— Не обижайся, полковник. Моральное взыскание для честного человека страшнее смерти. Пойми, друг, что генерал Доватор не пугал тебя, а пытал страшной пыткой. Думаешь, нам легко посылать полковников в солдаты?

— Знаю, Иван Васильевич! Мне доверяет командование, и мне больнее всего потерять это доверие. Страшна не смерть — страшен позор.

— Это верно, — подтвердил Панфилов.

Бойков, вытерев папашой влажный лоб, надел ее на голову и, подойдя к генералу Атланову, попросил разрешения немедленно выехать в полк. Атланов молча вывел его на кухню и, взяв за пряжку ремня, спросил:

— А почему не хочешь ужинать?

Комдив устало улыбнулся. В уголках его губ резко обозначились морщинки. Глаза смотрели мягко и добро.

— Тебе надо выпить стакан водки и отдохнуть. Так или нет?

— Так, Иосиф Александрович. Стакан водки выпью, но ужинать не могу, поверь...

— Верю. Однако на рассвете атака. С голодным желудком много не навоюешь. Предупреждаю, Виктор! Действовать надо без фокусов. Людей беречь и самого себя тоже. Иначе я тебе пропишу и валерьянку... Никаких обещаний мне не нужно. Я тебе доверяю попрежнему. За дружбу нашу кровь отдам!

— А ведь это, Иосиф Александрович, для меня самая лучшая ласка.

И, только выехав на коне из ворот, Бойков понял все значение последних слов командира дивизии. Конь пошел широкой, плавной рысью. В лицо полковнику ударил морозный воздух. Казалось, что он освежал не только Прокуренное горло, но и облегченно забившееся под полушубком сердце. Бойков дал коню свободный повод. Мелькали дремавшие под снежным покровом избы. На окраине, по лесной проселочной дороге, изломанным строем, гремя снаряжением и хрустя по свежему снегу, еще не растоптанному валенками, входила в село пехота.

— Какой части, товарищ? — придерживая повод, крикнул Бойков.

— Панфиловцы!..

Охваченный усилившимся чувством радости, Бойков, пригнувшись к шее коня, пустил его полным галопом.

ГЛАВА 11

Возвратившись из штаба дивизии, комиссар Абашев подготовил с начальником штаба боевой приказ о наступлении и в ожидании подхода артиллерии и батальона панфиловцев пошел отдыхать, приказав старшему лейтенанту Шевчуку:

— Разбуди в шесть. Два часа надо поспать, а то в голове туман, и барабанщики стучат.

Выходя из землянки, он добавил от порога:

— Батальон подойдет, расположи его. Пусть люди немножко

вздремнут. Если что-нибудь будет от Осипова, буди немедленно...

Проводив комиссара, Кондрат Шевчук вернулся в блиндаж. Расстелив на столе карту, он, посапывая трубкой, стал наносить обстановку. В углу на растрепанных снопах ржаной соломы, укрывшись буркой, спал коновод Гриша Симаков. Широкая, просторная землянка, служившая колхозникам бомбоубежищем, была теперь приспособлена под командный пункт. На столе рядом с полевым телефоном чадно дымил в консервной банке круто насоленный бензин. Мелкие хлопья сажи, порхая в воздухе, падали на листы карты и от малейшего прикосновения жирно размазывались. Свирепо посмотрев на такое освещение, Шевчук зажег обрывок газеты и концом карандаша хотел было убавить фитиль, но неловким движением погасил его. Клочок бумаги, догорев, обжег ему пальцы и тоже погас. Шаря в темноте рукой по столу, он чуть было не опрокинул банку и громко позвал:

— Симаков!

— Сейчас, товарищ старший лейтенант. А почему темно? — шурша в углу соломой, спросил Симаков.

— Потому, что у тебя «светило», як у худого слесаря форсунки. Шипит, чадит, трещит и гаснет. Иди до мене и неси спички. Зажигай. Да, смотри, не повали мне эту чортову машину, тут на столе карты. Чуешь?

— Чую, — хрипло откашливаясь спросонья, ответил Симаков. — Зараз все будет в порядке. — Он чиркнул спичкой. Но едва пламя спички коснулось фитиля, как бензин, фыркнув скопившимися в консервной банке газами, со взрывом отбросил банку в угол. Землянка снова погрузилась в темноту.

— Что же ты наделал? — задыхаясь от запаха перегоревшего бензина, крикнул Шевчук. — Да я тебе за карту, знаешь, що сделаю?!

Свою боевую карту Шевчук содержал в идеальном порядке. Он никому не позволял к ней притронуться, и вдруг такое несчастье.

Но разразиться вспыхнувшим гневом Шевчуку не удалось. За дверью послышался разговор, вошел дежурный.

— Где же огонек? — проговорил он из темноты.

— А, с его огнем! Взорвался, як фугас. Ты с кем тут? В чем дело? — беспокойно спросил Шевчук.

— Пушки прибыли, — ответил дежурный.

— Командир батареи капитан Мхеидзе, — раздался от порога голос с сильным кавказским акцентом.

Вспыхнувший свет карманного фонаря скользнул по бурке Шевчука, а потом по его нахмуренному, закопченному лицу и, мгновенно перепрыгнув

на стол, осветил залитую бензином и испачканную сажей карту. Шевчук, подавляя гнев, заметил, как густые черные усы капитана шевельнулись в сдержанной улыбке. Рядом с вошедшим стояла рослая молодая девушка в белой сибирской кухлянке.

— Командир эскадрона старший лейтенант Шевчук, — сухо отрекомендовался Кондрат. — Располагайтесь...

— Мне нужно видеть командира полка. — Капитан, прижимая руку с фонариком к груди, освещал землянку. Симаков, вынырнув к свету, торопливо налаживал освещение. Дежурный, пообещав добыть лампу, вышел.

— Командира полка здесь нет. Командует комиссар. Он отдыхает. Сколько у вас пушек?

— Две. Нельзя ли все-таки разбудить командира полка?

— Зачем его будить? Он только что прилег. Подумаешь событие: две пушки! Человек не спал...

— Да, это событие. Настаиваю на том, чтобы доложили комиссару, — требовательно проговорил капитан. — Я прибыл в ваше распоряжение всего на сорок пять минут.

— На сорок пять минут? — Шевчук удивленно поднял глаза. — Вы что это, серьезно говорите?

— Вполне серьезно.

— Что же можно сделать за это время?

— Что нужно, то и сделаем, товарищ, — уверенно ответил капитан. — Мы только напрасно теряем время, — порывшись в полевой сумке, он достал какую-то бумажку и протянул Шевчуку. — Прочтите.

— Симаков! Мы что, до утра будем в темноте кукарекать? — принимая от капитана бумагу, спросил Шевчук.

— Все готово, товарищ старший лейтенант, — ставя зажженную коптилку, Симаков с отчаянием поглядел на стол, где взрыв наделал страшный беспорядок.

Шевчук, прочитав бумагу, быстро вскочил, окинув глазами улыбающегося капитана. Он перевел взгляд снова на бумажку, а потом на ординарца и изменившимся от волнения голосом крикнул:

— Гриша, а ну, скоро, до комиссара, буди его. Хотя нет, я сам. Вы меня извините, товарищ капитан, я зараз. А ты, Гриша, открой нам консервы и давай на стол, що там — вино, закуску. Это же, браток, праздник!

Надвинув на глаза кубанку и размахивая широкими полами бурки, Шевчук исчез в темноте.

Войдя в комнату, где, не раздеваясь, на кровати спал Абашев, Шевчук

осторожно тронул его за плечо и, склонившись к его уху, тихо сказал:
— Товарищ комиссар, вставайте: «катюши» прибыли...

ГЛАВА 12

Комсорг полка Сергей Бодров полз к широкой просеке. Временами, словно купаясь в снегу, он переворачивался на бок и оглядывался назад. За ним, в нескольких шагах, с фельдшерской сумкой на спине белым комочком перекатывалась через кочки Нина Селезнева. Сзади нее, пыхтя и отдуваясь, полз Яша Воробьев, а вслед за ним радист Савелий Голенищев и связной Вася Громов.

Ночная попытка пробраться к Осипову не удалась. Всюду они натыкались на заслоны противника и подвергались обстрелу.

Под утро комсомольцы вынуждены были вернуться обратно. Вторично вызвав комсорга Бодрова, Абашев приказал взять с собой Голенищева с рацией и связного Громова и пробиваться всем вместе. Рацию надо было доставить во что бы то ни стало.

— Антону Петровичу скажи, что план операции разработан. Сегодня непременно будем атаковать. Наступлением руководит сам Доватор. Как только соединитесь, немедленно радируйте. Схему с моими пометками береги. В случае чего, уничтожь. Все, что я тебе говорю, запомни и передай в точности.

Вспоминая наказ комиссара, Сергей остановился. Вот она, просека. Предутреннюю морозную тишь разрывают длинные пулеметные очереди. Немцы почти непрерывно стреляют вдоль просеки трассирующими пулями. Изредка бьют пушки. Самое главное — проскочить стометровую просеку. Место почти открытое. Мелкая поросль осинника — чудесное место для красноголовых грибов... Сергей разгребает рукавицей снег и, укрепив локти, кладет перед собой автомат.

Приближается рассвет. По верхушкам деревьев шаловливо пробегает ветер, с веток летят пушистые хлопья снега. На просеке тонкими белыми ручейками бежит поземка. Сергей накручивает на руку ремень автомата и сильным движением посылает тело вперед. Его примеру следуют и остальные.

Впереди пулеметная очередь подняла снежный вихрь. Сергей ныряет головой в снег. Он слышит, как над головой с шипящим звоном проносятся снаряды и с оглушительным треском рвутся между деревьями. Ползущие сзади окунаются лицами в снег и недвижимо замирают на месте. Сергей,

первым подняв голову, оборачивается назад. Из-под упавшего на лоб спутанного чуба поблескивают черные, навывкате глаза. На тонком, с красивой горбинкой носу подтаивают снежные крупинки. Смахнув их рукавицей, он поправляет на плече автомат и ощупывает противогазную сумку, наполненную дополнительными зарядами для мин.

Абашев приказал доставить их Осипову еще утром, но связь с ним прервалась. Если Сергей не взлетит с этими штучками на воздух, то они крепко пригодятся.

Убедившись, что у двигавшихся сзади товарищей все в порядке, Сергей ползет дальше. Остается преодолеть совсем небольшое расстояние. Впереди, на краю просеки, ровный густой рядок молодых кудрявых елочек, таких пушистых, хоть вешай игрушки и зажигай свечи... А вот что там, за этими прелестными елочками? Может, засада немецких автоматчиков? Подумав о возможности такой встречи, Сергей останавливается и манит к себе Нину.

— Слушай, сестричка... — говорит Сергей, отводя взгляд куда-то в сторону. — Пока я не дойду до елок, вам лежать на месте и ждать моего сигнала — подниму автомат дулом вверх.

— А почему бы не всем вместе? — спрашивает Нина, поправляя на голове беличью, с длинными ушами кухлянку — подарок сибирских охотников фронтовикам. В этом уборе ее молодое раскрасневшееся лицо с характерным изгибом бровей по-детски мило и выразительно.

— Так надо, — улыбнувшись, твердо говорит Сергей и, слизнув языком комочек снега, ползет дальше. Он весь тонет в снегу, видна только колыхающаяся на спине противогазная сумка.

По просеке ветер сильнее крутит поземку. Чуть выше спины Сергея проносится очередь трассирующих пуль. Пока ползли все вместе, Нина не испытывала отвратительного чувства страха, но как только над Бодровым просвистели пули, Нина вздрогнула. Иногда ей казалось, что она уже привыкла видеть смерть, но как только приходилось приблизиться к ней вплотную, начинало сжиматься сердце.

Отгоняя вспыхнувшие в голове тревожные мысли, Нина неотступно следила за ползущим Сергеем. Вот он, упорно бороздя головой снег, выполз на край просеки, нырнул в канаву и скрылся. Нина облегченно вздохнула.

Тяжело посапывая носом, подполз Яша Воробьев и, тронув Нину за носок валенка, шопотом спросил:

— Ну как, Ниночка Петровна?

За это шутовское прозвище Яше не раз попадало от Нины, но отучить

его не было никакой возможности. Зато сейчас эти слова прозвучали как-то особенно тепло и дружески.

— Переполз... — прошептала Нина. — Как автомат поднимет дулом кверху, поползем и мы.

— Ага, — понимающе кивнул Яша и, счищая приставший к карабину снег, добавил: — Смелый парень. Правильно делает.

— Не шевелись, — зашипела на него Нина, продолжая вглядываться в кусты, за которыми исчез комсорг.

Но кудрявые елочки стояли неподвижно. Казалось, они манили к себе не только своим веселым видом, но и относительной безопасностью. Однако сигнала не было. Несколько минут показались Нине бесконечностью. Колочая поземка подула сильнее.

Нине остро захотелось встать и зашагать во весь рост, как она часто делала, подбирая на поле боя раненых. Но сейчас она не одна и не имеет права не только встать, но и пошевелиться. На короткое мгновение глаза Нины застилает туманное облачко. Она вспоминает, что где-то за этой просекой, стиснутые немцами со всех сторон, насмерть дерутся эскадроны. Кровью истекают раненые бойцы. Кажется, что кто-то укоряющими, зовущими глазами заглядывает ей в самую душу. От этого еще больше хочется рвануться вперед, туда, где ждут ее истомленные жестоким боем люди.

Прошло еще полчаса. Нина начинала шевелить застывшими пальцами. Яша посапывает, у него насморк. Савелий трет прихваченное морозом ухо. Вася Громов жует что-то посиневшими губами. Занесенный поземкой, он выглядывает из сугроба, точно сурок из норки.

Наконец впереди между вздрогнувшими елочками показалась коренастая фигура Сергея Бодрова с поднятым вверх дулом автомата.

— Вперед! — скомандовала Нина, оттолкнулась локтями и сильными, юркими движениями поползла через просеку.

Достигнув ее края, Нина белым комом скатилась под елочки в канаву. За ней следом, один за другим, кувыркнулись на дно канавы и остальные.

Бодров встретил их предупреждающим знаком.

— Дальше нельзя двигаться, — тихо проговорил он, сдвигая на затылок серую ушанку. — Впереди еще одна просека. Там сейчас немецкие саперы снимают мины.

— И много их? — спросил долговязый телефонист Савка. Он был знаменит на всю дивизию тем, что в любое время дня и ночи, в любую погоду каким-то одному ему известным чутьем мог отыскать самое незаметное повреждение, исправить его, связать, как он говорил,

«веревочку». А провода он умел так прятать, что их сами связисты не могли обнаружить, не только разведчики противника. Разговаривал он только «кодовым» языком, изобретенным им самим и вызывавшим у товарищей неопишное изумление и хохот. Свой «код» он пересыпал такими словечками, от которых, как говорил Яша Воробьев, даже лошади начинают пофыркивать.

— Значит, одиннадцать колбасников с пулеметом и лягушка, то-есть танк, вперед попрыгали? — повторил Савка ответ Сергея.

— Да, и лягушка, — подтвердил Бодров, хмуря черные, вразлет, ушедшие к вискам брови.

— Грустно, и весьма, — отозвался Савка.

Остальные, посматривая на задумавшегося Сергея, притихли.

В лесу, нарастая и усиливаясь, закипал бой. Вася Громов, белокурый паренек маленького роста, переступая с ноги на ногу, потирал застывшие руки. Нина, сняв привязанные на шнурках рукавицы, что-то искала в фельдшерской сумке. Яша отряхивал от снега свой полушубок.

— Что, Громов, озяб? — покуривая в рукав, спросил Сергей.

— Угу! — промычал Вася посиневшими губами.

— Папироску хочешь? — предложил Бодров.

На двадцать третьем году жизни, после двухлетней службы в армии Сергею казалось, что он имеет зрелый жизненный опыт. Ему сейчас хотелось приласкать, ободрить этого закоченевшего голубоглазого восемнадцатилетнего паренька.

— Я не курю. Спасибо, — кутаясь в серый казачий башлык, смущенно ответил Вася, точно стыдясь, что он, такой геройский вояка, связной командира полка, и вдруг не курит...

— Тогда ешь сухарь, на! — Савка вытащил из-за пазухи сухарь и протянул Громову. Тот взял.

— Слушай, Громов! — мягко сказал Бодров. — Ты хорошо помнишь, в каком месте шел вчера с донесением?

— Помню, товарищ старший сержант!

— А где ты обходил минное поле?

— Не здесь, а правее, там! — Громов показал на восток и, кивнув на Савелия, добавил: — Мы с ним было пошли туда, но нас обстреляли.

— Точно! — отгрызая крепкими зубами сухарь, подтвердил Савелий. — Сначала рассыпали на головы автоматный горох, а потом плюнули из самоварной трубы. Весьма было грустно покидать местечко, на котором обычно все спокойные люди сидят.

От Савкиных слов стало как будто теплей и даже немножко весело.

Яша, пряча усмешку, покачал головой. Улыбнулись и остальные. Смешно было смотреть на этого неуклюжего, в коротком полушубке верзилу с его катушками, карабином и огромными серыми, вдрызг растоптанными валенками.

— Где вы, Савелий, работали до войны? — спросила Нина.

— Гм-м... Видите ли, товарищ сестричка, я сам деревенский интеллигент...

Вася Громов прыснул в рукавицу.

— Это что, должность такая? — улыбнулась Нина.

— Как вам сказать... Мы, Голенищевы, со времен «оказии» гоняли почту. Мой дед и папаша были почтальонами. По их стопам пошел и я. А раньше, как вам известно, в царской деревне интеллигентами были учитель и почтарь. Вот, значит, я принадлежу к этому высокочтимому сословию. В наши дни по своему беспокойному характеру, а рожден я в самое беспокойное время, в семнадцатом году, я по совместительству был в колхозном драмкружке артистом, режиссером, постановщиком, гримером, художником, музыкантом. Если посмотреть на театральную афишу, то мне будут принадлежать все нижние подписи. Таланты меня распирали, как мерзлую бочку лед...

— Замолчи ты, дьявол! — Яша заткнул рукавицей рот и корчился от смеха.

— Вот, Нина Петровна, что значит невежественные люди, — серьезно и укоряюще проговорил Савелий, засовывая в рот остаток сухаря и кивая на Яшу. — Культурного словца не могут выслушать. Все аханьки да хаханьки...

Нина тоненько прыснула в кухлянку. Савелий, отряхнув с полушубка хлебные крошки, снял с плеча карабин и, пряча в глазах бесовскую лукавую улыбку, почтительно спросил, обращаясь к Сергею:

— Будем назад держать свои стопы, товарищ старший сержант?

— А как вы думаете, товарищ деревенский интеллигент?

Бодров почувствовал, как у него начинало подниматься в душе необыкновенное доверие к этому чудаковатому парню. От него веяло той крепкой русской силой, которая раскрывается неожиданно, точно широкий, мощный взмах гигантских крыльев.

— Ведомо мне, что от конца вот этой медной веревочки, — протяжно, с расстановкой заговорил Савелий, показывая на телефонный провод, — зависят многие жизни наших товарищей. Поэтому мы должны во что бы то ни стало протянуть ее туда. Вот что я думаю.

— Попробуем, — твердо и решительно сказал Сергей и, крикнув,

словно пробуя поднять большую тяжесть, добавил: — Двум придется остаться на этой стороне просеки и отвлечь немцев. Остальные должны быстро проскочить.

— А как же эти двое? — запинаясь, спросила Нина.

— Там видно будет... — Бодров, покусывая губы, быстро вскочил и, повесив на сук сумку с взрывателями, продолжал: — Мы с Яшей сейчас выдвинемся вперед и откроем огонь. Вы будете перебегать правее — вот по этому моему следу, чтобы не угодить на мину. Первым Савелий, за ним Нина, Громов прикрывает сзади. Ясно, товарищи?

Все молча кивнули.

— Ничего, ребята, там встретимся, — ободрил их Сергей. — Вы только смелей! Савелий, возьми мою сумку.

Подоткнув рукавицы под поясной ремень и перехватив автомат голыми руками, он глухо добавил.

— И не беспокойтесь. Мы все сделаем, как надо. Ну, идем, Яшенька.

— Идем, Сережа. — Яша, словно стараясь прикрыть вдруг заблестевшие глаза, нахлобучил ушанку на самый лоб и нырнул под ветви вслед за Бодровым.

Когда отошли метров на двести, Сергей неожиданно остановился, присел на снег и, подозвав к себе Яшу, тихо сказал:

— Здесь! Совсем близко! Прислушивайся.

За кустами слышались звуки немецкой речи. Иногда раздавался резкий металлический стук. Отзвук его далеко разносился по лесу.

— Вот тут неподалеку есть сваленное дерево, — тихо говорил Сергей. — Видишь следы? Это я лазил! Сейчас поползем туда. Только осторожно. Если обнаружим себя, тогда все. Я буду бить по пулеметчику первым.

Свернув с тропки, медленно, с величайшей предосторожностью поползли налево. Как только шум на поляне прекращался, оба мгновенно замирали, словно подстерегали токующих глухарей. По верхушкам деревьев свистел ветер. Иногда, тревожа на ветках седые морозные кружева, падала шишка. Впереди путь преграждался огромной сваленной елью.

Подползли вплотную и укрылись под вывороченным бомбой корневищем. Просунув ствол автомата между сучьями, Бодров глазами показал Яше место рядом с собой. Там была неглубокая ямка, и открывался удобный сектор обстрела.

Группа немецких саперов в касках и желтого цвета, комбинезонах топталась на просеке шагах в пятидесяти. По ту сторону просеки, в кустах, замаскированный еловыми ветками, стоял вездеход с работающим на

малых оборотах мотором. Из кузова торчал ствол пулемета и виднелась каска солдата. Саперы неторопливо раскапывали снег и вытаскивали наши противотанковые мины.

Сергей с застывшей на посеревшем лице улыбкой медленно, почти не дыша, оттянул затвор автомата. Он не чувствовал страха, а только слышал учащенное биение сердца. Яша, слегка посапывая носом, с присущей ему методичностью сибирского охотника, выбрал высокого, плечистого немца, присевшего на корточки, и прицелился в висевшую на его поясе гранату.

Резкая длинная очередь автомата Бодрова хлестнула Яше в левое ухо. В лицо, обдирая щеку, брызнули вылетевшие из магазина гильзы.

Яша, потеряв точку прицеливания, выстрелил наугад. В какие-то доли секунды последовали один за другим два оглушительных взрыва. Над верхушками деревьев взвихрился черный огненный смерч, сильно встряхнув и подбросив Яшу, вырвал из его рук карабин. Ошеломленный, Яша поднял голову и оглянулся по сторонам. Между деревьями плавал едкий, вонючий дым, застилая поляну. Оттуда доносились пронзительные крики и стоны.

— Вот черт, а! — приглушенно выговорил зашевелившийся рядом Сергей.

— Ты ранен?

Яша, подхватывая карабин, рванулся к Бодрову.

Сергей отрицательно качнул головой и, не оборачиваясь, вяло спросил:

— Ты куда, Яша, стрелял?

— В того, который на корточках, с гранатой на пузе, да только...

— Ты в мину попал. Она и ахнула... и граната. Здорово! М-молодец, Яшка!

Он помолчал.

— Меня немного оглушило, тошнит... А так ничего!

Сергей повернулся и изумленно открыл рот. Вся щека Яши была залита кровью.

— Эх, как тебя! Подожди, я сейчас достану бинт, — Сергей полез в карман за санитарным пакетом, но Яша остановил его.

— Чепуха, это царапины. След твоих гильз из автомата...

Яша тыльной стороной ладони смахнул со щеки кровь. Там действительно были царапины, но основательные. Однако перевязать щеку Яша не успел.

Ветер быстро разогнал дым. На почерневшем от взрыва снегу лежало семь изуродованных гитлеровцев. Оставшиеся невредимыми, истошно крича и бранясь, тащили раненых. С вездехода вдоль просеки яростно бил

пулемет.

Бодров короткой очередью убил еще одного немца, Яша свалил второго. Пулемет замолк.

Понаблюдав несколько минут, Бодров решил, что немцы ушли, и высунул из укрытия голову. Тотчас он был обстрелян шквальным пулеметным огнем. Пули, шлепаясь, о мерзлую землю, о корневище, пронзительно взвизгивали.

— Заметил, гад! Теперь голову не даст поднять. — Яша потихоньку ругнулся.

Пулемет, не переставая, вел огонь.

— Разреши мне подползти с другой стороны. Я его нащупаю.

Но Яша не успел договорить. За просекой неожиданно защелкали частые выстрелы. Несколько раз прострочил пулемет, и сразу все стихло.

Над лесом дымчатой каемкой проплыли низкие облака. Где-то в небе прогудел самолет.

Яша настороженно поднял голову. Неподдалеку от вездехода с кустов посыпался снег, затем во весь рост появилась с карабином в руках неуклюжая, высокая фигура Савелия.

— Савушка... — прошептал Яша с нежностью. С его щеки падали на снег капельки крови.

— Он, он, миляга! Ну и дылда...

На обветренном скуластом лице Сергея разлилась улыбка.

Выскочив из укрытия и отряхиваясь на ходу, Сергей с Яшей побежали к нему навстречу.

— Кар-ртина! — завидев товарищей, крикнул Савелий, широко распахнув длинные, могучие руки. Короткий кавалерийский карабин казался в них детской игрушкой. Сзади него шли Нина и Вася. Последний тащил на плече немецкий пулемет.

Подбежав к Савелию, Бодров обнял его и расцеловал.

— Спасибо, друг! Сказать тебе, что ты молодец, мало. Ты просто герой, Савка!

— А сами-то что натворили, — смущенно говорит Савелий. — Да ты брось меня тискать, я там этот автоматический трайтайтам завел. На нем ехать можно.

Все поспешили к бронетранспортеру.

Голенищев сел за руль и дал газ. Вездеход дрогнул, заскрежетал гусеницами и тронулся. Однако отъехать пришлось недалеко. Немцы, опомнившись, выскочили на просеку и отрезали дорогу. Сидя в кабине, Бодров увидел, как серые фигурки вражеских солдат, согнувшись,

перебегали через просеку и тащили на руках минометы; сбоку и сзади захохотали пулеметные очереди.

— Голенищев, тормози! — крикнул Сергей.

Но Савелий и сам понял, что ехать было некуда. Убрав газ, он уже отстегивал от пояса ручные гранаты. Выскочивших впереди бронетранспортера немцев Громов срезал пулеметной очередью. Яша короткими очередями бил из автомата.

— Вылезайте быстро! — Бодров выскочил из машины, бросил две гранаты. Немцы немного отхлынули.

— Занимаем круговую оборону! — крикнул Бодров, прихрамывая, бросился в кусты и лег под дерево. Он был ранен в ногу. К нему с пулеметом в руках подполз Громов. Нина с Яшей изготовились в неглубокой канавке. Савелия Голенищцева около них не оказалось.

Немцы, громко крича, пошли в атаку.

ГЛАВА 13

На рассвете в блиндаж подполковника Осипова пришел командир разведчиков старший лейтенант Кушнарев. Ночью он с группой разведчиков пытался прорваться на Сычи, но безуспешно. Немцы сжали эскадроны Осипова плотным кольцом и усиливали напор со всех сторон. Артиллерийский обстрел шел с утра до вечера. Несмотря на плохую видимость, лес систематически подвергался бомбардировке с воздуха.

Днем атаки пехоты повторялись через каждый час. Но кавалеристы, зарывшись в снег, встречали фашистов шквальным огнем. Только ночью утих бой и наступила передышка.

— Где ты хотел пройти? — склонившись над картой, спрашивал Осипов.

— В нескольких местах пытался, — Кушнарев показал маршруты и устало присел на чурбак. От неудачи он был страшно зол и до боли жмурил глаза.

— Н-да... — постукивая по карте карандашом, протянул Антон Петрович. — Патронов маловато. Я бы им устроил кордебалет... Все равно пробиваться надо любым путем. Хоть координаты дать, чтобы самолет боеприпасов сбросил. Без патронов пропадем.

Наступила небольшая пауза.

— Ну, что ж... — задумчиво продолжал Осипов. — Если такой опытный разведчик, как ты, не мог проскочить, значит плохи наши дела...

или твои разведчики никуда не годятся. Кликну добровольцев. У меня найдутся хлопцы. Подвел ты меня, старший лейтенант. Надеялся я на тебя крепко...

— У меня разведчики замечательные, товарищ подполковник. Подходили вплотную. Но что делать: куда ни сунемся, не спят. В одном месте можно было бы, да...

— Ну и что же? — раздраженно перебил Осипов.

— «Языка» решили прихватить. Ну, взяли, а он заорал, как резаный. Шум такой поднялся, пришлось вернуться.

— Где же пленный?

— Лейтенант Головятенко допрашивает. Только ничего от него не добьешься. По-русски ни одного слова.

— Почему сюда не привел? И молчал, голова садовая!

Осипов, поднявшись из-за стола, подошел к завешенной плащ-палаткой двери и приказал ординарцу позвать Головятенко. Лейтенант сейчас возглавлял его штаб.

— Да пусть немца сюда приведет, — добавил Антон-Петрович.

Минуты две спустя Осипов оглядывал высокую плотную фигуру гитлеровского солдата. Взял со стола фонарь и поднес к его лицу. Немец отшатнулся.

— Ну, что он? — спросил Осипов у Головятенко, подавляя нарастающее волнение.

— Не знает по-русски. Бормочет чорт знает что... Подтверждает всякую чепуху. — Головятенко безнадежно махнул рукой, кляня себя в душе за то, что отлынивал в школе от уроков немецкого языка. — Плохо без переводчика!

Осипов начал допрос с немногочисленных известных ему слов, но дело подвигалось туго. Это сразу понял пришедший комиссар батареи Ковалев.

— Товарищ подполковник! — спросил он. — Разрешите пригласить переводчика?

— Какого переводчика? — нахмурившись, спросил Осипов.

— У меня есть! — Ковалев, нахлобучив на лоб кубанку, быстро ушел.

— Откуда у Ковалева переводчик? — Антон Петрович знал не только в лицо всех батарейцев, но и помнил их биографии. Это были его самые любимые солдаты и собеседники. В часы отдыха он приходил на батарею и разговаривал с каждым в отдельности.

Когда Зина вошла в блиндаж, Осипов, твердо сжав губы, удивленно кашлянул.

— Так вот какой у тебя переводчик... — проговорил он смягченным голосом. — Прошу, прошу. Поговорите с этим разбойником! Смотрите, увидел хорошенькую девушку и глаза косит, улыбается, а дай ему автомат, он так улыбнется...

Зина пристально смотрела на немца. Это был первый, настоящий фашист, свирепый враг, которого ей приходилось видеть. Немца усадили против Зины. Слащаво улыбаясь, он подобострастно глядел ей в лицо и отвечал на все вопросы.

— Он говорит, что полк, в котором он служит, — волнуясь переводила Зина, — входит в состав армейского корпуса генерала Гютнера. Им приказано быть в Москве первыми. Но он опасается, что их опередят танкисты...

— Скажите ему, чтоб он о Москве забыл и не упоминал это слово, иначе будет сегодня же расстрелян. Пусть точно называет номера частей и количество танков, — проговорил Осипов.

Услышав переведенные Зиной слова, фашист недоумевающе раскрыл рот и испуганно заморгал глазами. Далее пленный сообщил, что в районе Морозове сосредоточено около восьмидесяти танков и два полка пехоты. Им приказано уничтожить кавалерийские части Доватора.

Уточнив схему расположения частей противника, Осипов выяснил, что немцы в первую очередь будут стремиться покончить с его окруженной группой, а затем всей массой навалятся на Медникова и могут прорваться к Волоколамскому шоссе. Сейчас, как никогда, надо было связаться со штабом дивизии, сообщить эти ценнейшие данные и разгромить скопление немецкой пехоты сильным артиллерийским обстрелом или же массированным налетом авиации. Располагая пушками и минометами, Осипов почти совсем не имел снарядов. В лесу нашлось большое количество мин, но не было дополнительных зарядов к ним.

Переписав начисто оперативную сводку для штаба дивизии, Головятенко с унылой улыбкой сказал:

— Все готово, только отправлять придется голубиной почтой.

— Ну, что ж, поймай в лесу дикого голубя и пошли... — мрачно ответил Осипов.

— Разрешите мне, товарищ подполковник, доставить это донесение, — неожиданно сказала Зина. Разговаривая с немцем, она поняла, что сведения, которые он дал, являются важными, и сообщить о них командованию надо немедленно.

— Как вы это сделаете? — круто повернувшись к ней, спросил удивленный Осипов.

— Я знаю этот лес вдоль и поперек. Под деревней Шишково есть болото, там нет немцев. Через него хоть и трудно, но пройти можно.

Антон Петрович, развернув карту, отыскивал синие штрихи болота и задумался. Непроходимая низина узким Дефиле уходила от Шишкова на север, а потом острым клином поворачивала на юго-восток и тянулась почти до самых Сычей.

— Так, так... — проговорил он медленно. — Хорошо, я дам вам провожатых. Доставьте в штаб дивизии донесение и пленного немца.

Землянку неожиданно потрянул недалекий сильный взрыв, затем началась яростная пулеметная стрельба. Все настороженно притихли.

— Начальник штаба, быстро узнать, в чем дело! — крикнул Осипов, свертывая карту.

Кушнарев, схватив автомат, выбежал вслед за Головятенко. Стрельба то утихала, то вновь гулко усиливалась. Прислушиваясь к шуму боя, Антон Петрович взглянул на Зину. Лицо ее с крепко сжатыми губами было спокойно, только черные ресницы слегка вздрагивали.

— Если вы мне доставите это донесение... — сказал Антон Петрович и секунду помолчал, не отводя упорного взгляда от Зины, — я представлю вас к ордену Красного Знамени, даже свой сниму и привинчу вам. Это мое честное партийное слово. Наденьте маскировочный халат. Возьмите оружие. Вы понимаете, как это важно и как опасен ваш маршрут?..

Зина молча кивнула головой. Кушнарев вместе со своими разведчиками и группой бойцов во главе с лейтенантом Головятенко двинулись в направлении выстрелов. Впереди шли Торба, Буслов и Борщев. Приближался морозный ноябрьский рассвет. Между деревьями, отсвечивая потухающими искрами, догорали замаскированные ветками ночные костры. Два казака несли на палке закопченный, наполненный дымящимся варевом молочный бидон.

Стрельба стихала. На переднем крае, где эскадрон Рогозина занимал круговую оборону, пока все было спокойно. Командир эскадрона и политрук стояли около блиндажа, кого-то поджидая и тревожно посматривая в сторону немцев.

— Что, опять лезли? — спросил Головятенко у Рогозина.

— Вчера, после нашей встречи, больше не лезли, — ответил Рогозин.

— А что это за стрельба была и взрыв?

— Видно, кто-то потревожил немцев с той стороны, — сказал политрук Молостов. — Мы с комэска послали разведку, ждем. Слышна была работа мотора, а теперь все затихло.

Однако разведчиков они так и не дождались. За передним краем в

районе расположения немцев с прежней силой возобновилась стрельба.

— Ну, конечно, наши пробиваются, — поправляя на голове каску, возбужденно проговорил Кушнарев. — Я пошел. Вперед, разведчики! — Кушнарев, пригибаясь, направился навстречу гремевшим выстрелам.

Головятенко приказал Рогозину выбросить прикрытие и пошел со своими людьми вслед за разведчиками.

...Бой шел на самом краю просеки. Окружив группу Сергея Бодрова, немцы решили взять советских бойцов живыми. Лежа за кустами, они кричали, что сохранят им жизнь, и предлагали сдаваться. В ответ на это Сергей давал из трофейного пулемета очередь, а Вася с Яшей били из автоматов. Нина с пистолетом в руках бдительно смотрела по сторонам и одиночными выстрелами давала знать о приближении немцев. Савелий Голенищев, позже всех выскочивший из вездехода, захватил с собой крупнокалиберный пулемет, но не знал, как с ним обращаться.

Пулемет молчал, словно заколдованный. Положение оборонявшихся с каждой минутой становилось все безнадежней. Патроны кончались. Оставались в резерве только три гранаты, но Сергей придерживал их на крайний случай. Немцы наступали с трех сторон. Тылом для горсточки храбрецов была та просека, где саперы противника только что обезвреживали мины и были атакованы Бодровым. Пока имелись патроны, Сергей, несмотря на ранение, переползал с места на место и отбивал атаки короткими очередями. Сейчас немцы приблизились метров на сто пятьдесят и, непрерывно ведя обстрел, лежа на снегу, криком и гамом демонстрировали атаку.

Подозвав к себе Голенищева, Сергей сказал:

— Патроны кончаются. Что будем делать, Савелий?

Голенищев подвигал заострившимися скулами и ответил не сразу.

— Подпустим на самое близкое расстояние — и в атаку. Была не была! Только одному.. Одному придется остаться у пулемета. Прикрыть, так сказать...

Глухо кашлянув, он добавил:

— Я остаюсь. Может, пулемет налажу.

— Нельзя тебе. С тобой рация, — твердо проговорил Сергей и, преодолевая острую боль в ноге, продолжал: — Мне все равно быстро двигаться нельзя. Я и прикрою.

— Выходит, мы тебя раненого оставим? Ну, это ты брось! Тогда будем все вместе...

Помолчали. Голенищев, облизывая обветренные, почерневшие губы,

сурово нахмурился.

— Я старший, — сказал Бодров, — и даю такой приказ, понял?

Бодров, повернувшись к Савелию, увидел, как тот, будто не слыша последних слов товарища, напряженно вглядывался вперед.

За кустами, метрах в пятидесяти, в желтом маскировочном халате мелькнула фигура немецкого солдата. Голенищев, тщательно прицелившись, выстрелил. Солдат, ткнувшись в снег лицом, замер на месте.

Немцы, галдя и выкрикивая ругательства, открыли минометный огонь. Ломая запыленный снегом молодой ельник, кругом рвались мины...

...Немецкие минометы стояли на небольшой открытой поляне. Высокий офицер с черным, болтавшимся на груди биноклем взмахом руки отдал приказ прекратить огонь. Потом из землянки вышел другой офицер. Сложив ладони трубкой, он крикнул:

— Рус, слушай!

На минуту все смолкло. Вдруг раннее сумрачное утро огласилось мелодией кафешантанного танго. Затем голос на ломаном русском языке вместе с хриплым шипением патефонной пластинки известил «о доблестных победах германской армии», далее следовало сообщение об окружении Москвы, о падении Ленинграда и «прелестях» немецкого плена.

Лежавший в кустах рядом с Павлюком Торба, ткнув его локтем в бок, тихо сказал.

— Веселятся... Погодите, гадюки, зараз мы вам покажем Москву. Ползи быстро до командира. Пулемет сюда. Я буду наблюдать. Скажи ему, что атаковать самый раз.

Павлюк, разгребая руками снег, торопливо пополз назад. Торба остался на месте. Немцы снова завели пластинку. Захар, сжимая в руках автомат, следил за противником, как охотник, выслеживающий зверя. Над головой Торбы, шелестя желтыми от мороза листьями, виселся коренастый молодой дубок. Из-под серой, висевшей лоскутами, пощербленной пулями коры выглядывало его бурое крепкое тело.

Прислонившись к твердому шершавому стволу плечом, Торба ощутил в себе волну азарт предстоящего боя и зрелую непоборимую силу. Подползший к нему старший лейтенант Кушнарев, тяжело дыша, лег рядом. Сзади лежали остальные разведчики. Кушнарев, откинув со лба чуб и вглядываясь в галдевших немцев, коротко произнес:

— Начнем! — И, оттянув затвор автомата, отрывисто добавил: — Бить прицельно, короткими очередями, а потом по моему сигналу — в атаку.

Укрепив локти, Кушнарев поднял ствол автомата. Буслов подмигнул Захару и вцепился в приклад ручного пулемета.

— За мной! — Кушнарев, выскочив из-под дубка и разбрасывая сапогами снег, побежал вперед. Вслед за ним бросились остальные разведчики. Справа по лесу прокатилось несколько артиллерийских выстрелов. За ними прогремело «ура»...

...Через полчаса группа Бодрова уже находилась в штабе полка Осипова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

На командном пункте эскадрона Шевчука комиссар Абашев и капитан Мхеидзе, склонившись над картой, уточняли данные о противнике. Прибывшие в распоряжение эскадрона первые по тому времени «катюши» Абашев решил использовать с наибольшим эффектом.

— Вы мне точно покажите площадь самого большого скопления пехоты противника, а остальное — мое дело, — говорил Мхеидзе.

— Значит, вы можете бить только по площади? — спросил Абашев.

— Повторяю, товарищ батальонный комиссар. Где больше фашистов, туда и ударю!

— Но ведь вы мне говорите, что ваши пушки способны накрыть большую площадь. Значит, вы можете угодить по боевым порядкам наших окруженных эскадронов? — возразил Абашев.

— Надо исключить такую возможность, а для этого укажите точно границы переднего края, — невозмутимо отвечал капитан.

Он требовал как раз того, чего Абашев не мог дать. Связи с Осиповым не было. В каких границах оборонялись его эскадроны, он не знал, а ему в первую очередь и надо было помочь Осипову. Абашев не видел выхода из затруднительного положения.

— Я могу указать вам только границы своего переднего края, — после минутного размышления ответил он.

— Можно ударить по Данилкову. Туда вошли немецкие танки, — посоветовал молчавший до сих пор Шевчук.

— По Данилкову нельзя бить, — категорически возразил Абашев. — Из-за четырех танков поднимать на воздух целую деревню — не резон, к тому же там не успело эвакуироваться наше население.

— Это ужасно! — тихо промолвила незаметно сидевшая в углу девушка.

Командиры оглянулись. Закинув на плечи полушубка длинные пушистые уши сибирской кухлянки, она смотрела на Абашева настороженными глазами.

— Извините, товарищ батальонный комиссар. Я не успел вас познакомить, — поднимаясь, сказал Мхеидзе. — Это представитель завода. Она прикомандирована к нашей батарее для контроля за приборами в применении их на практике. Привезла это оружие в подарок фронту от комсомольской бригады уральских рабочих.

— Спасибо за такой подарок!

Абашев, подойдя к девушке, крепко пожал ей руку.

— Старались, товарищ батальонный комиссар, всем коллективом. Как будут работать, увидите сами... — смущенно ответила девушка.

Только вчера она выгрузилась со своими пушками под Москвой, а сегодня уже очутилась на переднем крае. Все было, как во сне. Она сидела в землянке и с замирающим сердцем слушала, как гудит от артиллерийских выстрелов земля, словно на их заводском полигоне, но ощущение здесь, на фронте, было совсем иное.

— Пушки-то хорошие привезли, а мы, видно, плохие начальники, если не знаем, куда стрельнуть... — невесело пошутил комиссар. — Ничего! Найдем, куда послать ваши подарки.

В землянку вошел майор Почибут и, показывая Абашеву вдвое свернутый лист бумаги, с радостной возбужденностью сказал:

— Радиограмма. От Антона Петровича!

— Есть связь? — рванувшись к Почибуту, спросил Абашев.

— Получена радиограмма. Группа Бодрова пробилась, но сам он ранен.

— Тяжело?

Начальник штаба пожал плечами.

— Не сообщает об этом. В районе Морозово — Шитково противник сосредоточил до двух полков пехоты с танками. Командир полка просит авиацию, — докладывал майор Почибут.

— Вот мы их и накроем нашими минами! — обрадованно произнес Мхеидзе, отыскивая на карте только что названные деревни.

— Совершенно правильно, — подтвердил Почибут.

— Наконец-то для вас нашлась работа, — улыбаясь, заметил Абашев капитану Мхеидзе.

Собрав командиров подразделений и зачитав приказ командира дивизии, Михаил Абашев сказал:

— У нас сегодня, товарищи, необыкновенный день. Наша партия и правительство, рабочий класс и весь советский народ прислали нам грозное, невиданное в мире оружие — реактивные минометы. Враг сосредоточил под Москвой огромные силы. Он стремится во что бы то ни стало захватить нашу столицу. Но не бывает этому! Фашисты окружили в лесу наших товарищей и пытаются их уничтожить. Но это им не удастся. Сейчас мы получили радиограмму. Наши боевые товарищи во главе с командиром полка отбили все атаки противника. Они принимают на себя удары трех немецких полков. Через несколько минут мы идем в наступление. Поможем им разгромить фашистские полки и достойно встретим наш всенародный праздник Великой Октябрьской революции!

Узкая лесная тропинка уводит в глухую, мрачную тишину леса. Под

ногами предательски хрустит снег и заставляет вздрагивать. Зина, часто поглядывая на светящийся циферблат компаса, идет впереди. За ней шагает пленный гитлеровец. Зине кажется, что немец нарочно громко скрипит подкованными ботинками. Ей хочется обернуться, ткнуть ему дулом пистолета в зубы.

Идущие следом Вася Громов и Стакопа тоже возмущаются. Наконец Стакопа, опытный пограничник-разведчик, не выдерживает и дает знак остановиться. Подойдя к Зине, он тихо говорит:

— Скажите ему, чтоб он не ступал ногами, як слон... Иначе я его тюкну прикладом по шее.

— Осторожно шагайте, — подходя к пленному вплотную, говорит Зина по-немецки. В темноте она не видит его лица, но чувствует блеск устремленных на нее глаз.

— Благодарю. Я чувствую себя прекрасно. Вы очень любезны. Мои ноги в полном порядке.

Немец бормочет еще какой-то вздор о признательности.

Зина с досадой сжимает в кулак озябшие пальцы.

— Я не о ваших ногах забочусь, — говорит она резко, — а предупреждаю, чтобы вы соблюдали тишину. Осторожней ставьте ноги и не скрипите.

— Я понимаю... извините... Но это невозможно, мадам... Моя обувь...

— Я вам не мадам, а боец Красной Армии. Выполняйте то, что я говорю, — сердито перебивает Зина, с трудом подыскивая нужные слова.

Цепочка людей в белых маскировочных халатах движется по лесной тропинке. Где-то неподалеку хлестко бьют автоматы, вспыхивают яркозеленые ракеты. Когда они гаснут, мрак еще больше сгущается.

Очертания деревьев принимают фантастические формы. Зине кажется, что это не ее родной лес, а глухая, незнакомая тайга. Ныряя под нависшие над тропинкой ветки, она упрямо двинулась вперед, настороженно прислушиваясь к каждому лесному шороху. Но все опасения оказались напрасными. Через полчаса они вышли к домику лесника.

Заметив впереди огонек, Зина остановилась и, немного постояв, свернула в кусты. Подозвав Стакопу и Громова, тихо проговорила:

— Вот здесь недалеко проходит зимняя тропа. Когда болото замерзает, по ней напрямик колхозники возят хворост. Пойдемте здесь. Только надо узнать, есть ли в хате немцы. Вы тут подождите, а я схожу.

— Вам нельзя, не приказано. Я сам пойду, — возразил Стакопа.

— Как это — не приказано? — точно не зная, в чем дело, спросила Зина, хотя сама отлично понимала, откуда могла исходить такая команда.

— Комиссар Ковалев приказал.

— Комиссар Ковалев может приказывать у себя в батарее, а здесь как старшая приказываю я, — резко перебила Зина, но трогательная забота Валентина не только не огорчила, а, наоборот, придала ей больше отваги и смелости.

Однако осмотреть дом лесника не пришлось. Зина услышала, как скрипнула дверь, затем раздался кашель и ругань на немецком языке. Она судорожно сжала рукоятку пистолета, вытащила его из кармана и, обернувшись к пленному, вполупот сказала:

— Молчать, а то смерть!

Хлестнул одинокий выстрел. Над деревьями взвилась осветительная ракета. Пленный, увидев наведенное на него оружие, отшатнулся и кивнул головой. Снова послышался скрип двери, затем все стихло.

Зина, осторожно ступая, вышла на дорогу и повела группу в обратную сторону. Теперь она уже твердо знала, в какую сторону нужно идти. Пройдя несколько шагов, она свернула на едва заметную тропинку и, пригибаясь, юркнула в кусты. За ней двинулись остальные. Через несколько минут они уже были на краю широкой поляны. Перед ними лежало поросшее мелким кустарником и занесенное снегом болото.

Зина первая шагнула в болото и тотчас же почувствовала, как нога, провалившись в снег, свободно уходит в мягкую, податливую жижу. Пройдя шагов тридцать, она услышала сзади себя тяжелое дыхание пленного и хлопанье воды. Грузный немец шел напрямик, увязая выше колен. Вытаскивая из грязи ноги, он производил, как ей казалось, ужасный шум. Зина, предупредив его по-немецки, снова показала пистолет. Немец пыхтел и тяжело отдувался.

Неожиданно яростный лай овчарки заставил всех прижаться к земле. Над болотом вспыхнули ракеты. Предутреннюю тишину нарушили ожесточенные пулеметные очереди. Пули с тонким свистом вспарывали мохнатые болотные кочки. Было ясно, что их заметили.

Где-то глухо ударили минометы. С пронзительным визгом мины пролетали над головами и, не разрываясь, шлепались в болото. Немцы, бросая ракеты, выскочили было на край болота, но Стакопа автоматными очередями загнал их в кусты.

Обернувшись к товарищам, он крикнул:

— Уходите быстрее!

Немцы залегли и продолжали обстрел из пулеметов. Стакопа, не давая им подняться, хлестко бил короткими очередями.

Зина и Вася, непрерывно меняя направление и подталкивая пленного,

вязли в болотной грязи, но упорно продвигались вперед.

Через несколько часов, измученных, продрогших, в замерзших валенках и одежде, их встретил конный разъезд и доставил в штаб полка,

Громов был ранен. Стакопа остался в болоте.

О прибытии группы немедленно было сообщено Доватору.

Когда Лев Михайлович приехал в дом Русаковой, Зина, укрывшись буркой, сидела на печи и пила чай. Глаза ее слипались. Приятная согревающая теплота клонила ко сну.

— Где тут знаменитая разведчица? Дайте на нее посмотреть, — входя в избу, шутливо проговорил Доватор.

— Я здесь, товарищ генерал, отогреваюсь, — дрогнувшим голосом отозвалась Зина.

Воспоминание о Стакопе сдавило ей сердце. Она только сейчас почувствовала, как дорог ей этот славный, замечательный парень.

— Так это вы? — словно не доверяя своим глазам, тихо спросил Лев Михайлович.

Сняв папаху, он присел на лавку около стола. Неторопливо расстегнул планшетку и, достав блокнот, что-то записал.

Зина заметила, как лицо генерала на секунду осветилось скрытой улыбкой и вновь приняло задумчиво-строгое выражение. Внезапно вскочив, Доватор быстрыми шагами подошел к печке и, ухватившись рукой за приступок, мягко, с глубокой задушевной проникновенностью сказал:

— Знаете, милая девушка, я никогда не удивлялся подвигам наших советских людей, а только радовался. Вот и сейчас я искренно радуюсь вашему смелому поступку. И благодарю вас от всего сердца. Вы даже сами не знаете, какой подвиг вы совершили.

— Да что вы, товарищ генерал. Разве я одна это сделала?.. Там остался командир отделения... Стакопа. Вы знаете?

— Мне все известно, — кивком головы остановил ее Доватор. — Не нужно рассказывать. Я говорил с Громовым. Молодцы! Немца допросил. Сведения, которые вы принесли, дадут нам возможность сохранить сотни жизней.

Взглянув на девушку, Лев Михайлович вдруг замолчал.

Зина сидела над остывшей чашкой чаю, склонив голову, с закрытыми глазами.

— Вы очень устали? — негромко спросил Доватор. Густые брови Льва Михайловича сошлись у переносицы.

Зина не слышала его вопроса. Невнятно что-то проговорив, она прислонила голову к печной трубе, улыбнулась, по-детски всхлипнула и

заснула. Из упавшей набок чашки по черному ворсу бурки бежала струйка малинового чая.

Лев Михайлович осторожно взял чашку и поставил ее на стол. Он отлично понимал, что дело здесь было не только в усталости. Он сам не спал уже третьи сутки. Однако для военного человека это было обычно. А здесь он видел другое: сильное душевное напряжение Зины сменилось неодолимой слабостью, похожей на забытье.

В сопровождении адъютанта вошел генерал Атланов. Увидев Доватора, он громко сказал.

— Лев Михайлович, все готово! Осталось только перекусить.

— Тише, — Доватор предупредительно махнул рукой и показал глазами на печь.

Зина, шевеля губами, спала, как ребенок.

— Все равно сейчас придется разбудить, — проговорил комдив. — Скоро начнется артподготовка, а пока надо покормить ее. Ведь ей придется вести людей на то место, где остался Стакопа. Может, он еще жив. Она отлично знает дорогу. Шевчуку поставлена задача — сбить заслон и прорваться в тыл. Там противник не ожидает удара.

— Пусть хоть десять минут поспит, — взглянув на часы, тихо проговорил Доватор.

— Да я, товарищ генерал, не сплю, — неожиданно раздался голос Зины.

Путаясь в неуклюжей широкополой бурке, она спрыгнула на пол и, повернувшись к Доватору, сказала:

— Я и не спала, так немножко только задремала. Извините меня... Очень озябла. Я все слышала.

— Вот и отлично, раз слышали! — сказал Доватор. — Вы только покажите дорогу. Я знаю, что вы устали, измучены, но понимаете, как это необходимо. Там человек... его надо выручить.

— Я все понимаю, товарищ генерал! — горячо проговорила Зина. — Это такой замечательный парень!

Она неожиданно смолкла и посмотрела на генералов. Потом, преодолевая душевную боль, добавила:

— Я только сейчас поняла, как благородно он поступил.

— Да, он поступил, как настоящий воин! — лицо Доватора стало суровым и задумчивым. Взгляд его потемневших глаз таил в себе глубокую печаль. Этот человек умел ценить людей и понимал, что значит настоящий геройский поступок.

— Ну, что ж, на войне, как на войне, — сказал Лев Михайлович, ни к

кому не обращаясь. — А сейчас начнем новый день,

На улице брезжил рассвет, и в окна, чуть пламенея от далекой зари, входило новое утро.

ГЛАВА 2

Перед началом артиллерийской подготовки Доватор послал Шаповаленко за командиром батареи, капитаном Мхеидзе. Одновременно он приказал зайти к офицерам связи и передать лейтенанту Поворотиеву, чтобы он срочно явился в штаб.

Филипп Афанасьевич теперь находился в личной охране Доватора, всюду его сопровождал, часто выполняя обязанности связного, посыльного и ординарца.

В комнате, где должен был находиться комбат, Шаповаленко застал только девушку и пожилую женщину — хозяйку дома. В расстегнутом полушубке девушка сидела за столом и аппетитно грызла армейский сухарь, запивая его молоком.

— Здесь находится капитан Мхеидзев? — молодежато придерживая рукой шапку, спросил Шаповаленко.

— Да, здесь. Но его сейчас нет. Он на наблюдательном пункте, скоро должен быть, — обернувшись, бойко ответила девушка, с любопытством рассматривая седоусого бородатого казака в крутоплечей бурке.

Взглянув на девушку, Филипп Афанасьевич широко открыл глаза. Перед ним сидела Феня Ястребова, он узнал ее по фотографии, которую бережно хранил вместе с письмами.

— Что это вы так смотрите на меня?

Феня смущенно отодвинула недопитый стакан молока.

— Да потому, что не доверяю своим очам. Чи это вы, чи в мои очи чорт песку кинул!

— А откуда вы меня знаете?

— Ось, як знаю! — Филипп Афанасьевич поднял кверху большой палец. — Да кто же вас не знает? Вся дивизия знает. Потому что вы прислали подарок и карточку. А достались они одному хлопчику... Ничего хлопчик, бравый... Он то карточку всякому поперечному показывал. Он вам письма пишет. Фамилия ему Шаповаленко. Есть у нас такой ловкач...

— Правильно! А вы его знаете? — Феня вскочила со скамьи и шагнула к Шаповаленко. — Знаете?

— Да як же не знаю! — Филипп Афанасьевич широко развел руками.

— Як же не знаю! Вместе живем.

— А лейтенанта Поворотиева тоже знаете? У вас ведь одинаковый номер полевой почты.

— Поворотиев? — настороженно спросил Шаповаленко. — Он вам тоже пишет?

— Все время. Даже фотографию прислал. Очень славный парень. А Салазкина вы не знаете? Он тоже часто пишет.

— Ну, той, известно, писарь. У него и должность писарская.

— А Шаповаленко чудной, наверное, да?

— Як это чудной? — опешил Филипп Афанасьевич.

— Да знаете... — Феня весело рассмеялась. — Очень забавные и странные письма присылал. В любви объяснился, предлагает приехать на фронт и пожениться. Правда, одно письмо прислал очень хорошее. За подарок поблагодарил, а второе такое глупое...

— Ну, це брехня... — возразил Филипп Афанасьевич, багровея.

Он уже начинал понимать, что во всем этом кроется чей-то подвох, но ему и в голову не приходило, что с ним могли сыграть такую злую шутку.

— Не может того быть! — заявил он категорически.

— Честное слово! — подтвердила Феня. — Я даже хотела отослать его обратно или направить командиру части. Пусть бы он такое дурацкое письмо прочитал вслух его товарищам, чтоб посмеялись над ним хорошенько. А потом раздумала. Не хотелось обижать фронтовика... Я когда прочитала подружкам, так они чуть со смеху не умерли.

— Да это же знаете, знаете... — Шаповаленко от возмущения даже не находил слов.

— Конечно, нехорошо писать такие письма, — согласилась Феня. — Вы, значит, хорошо знаете Шаповаленко? Так передайте ему это письмо. — Феня достала из кармана гимнастерки конверт и передала Шаповаленко.

Вошел капитан Мхеидзе. Передав ему записку Доватора, Филипп Афанасьевич, смяв в кулаке письмо Фени, выскочил из хаты, точно ошпаренный.

Придя в штаб и быстро доложив генералу о выполнении приказа, он ушел на конюшню и, присев около своего Чалого на кормушку, достал из конверта смятое письмо. Разгладив его на коленке, он приступил к чтению.

С первых же строк по обороту речи, замысловатым выражениям и ловко подделанному почерку Филипп Афанасьевич понял, что письмо — дело рук писаря Салазкина. Письмо начиналось так:

«Разлюбезная моя лапочка, синеглазая лесная птичка Фенечка!

Примите от mine мое фронтовое кохание, от чистого сердца и храбрейшей души, як мой конь Чалый принимает от mine торбу с ядреным овсом...»

Прочитав такое излияние, Шаповаленко крякнул и зажмурился. Если бы сейчас попался ему писарь Салазкин, то он, наверное, не только бы вывел его за воротник из палатки, как это сделал, будучи три дня на должности каптенармуса, но надавал бы еще по шее.

— В глотку тоби горсть сухой половы, бумажная твоя душа!..

«Дорогая моя пышечка, сибирочка. Ваши губки так же, наверное, сладки и вкусны, як сибирские пельмешечки, — закипая гневом, продолжал читать Филипп Афанасьевич, — чует ли ваше серденько, як ожидает вашего на фронт приезде любезный вашим глазкам краснознаменный герой, гроза фашистов и всей ихней империи, а может, и более, — Филипп Шаповаленко? Як вы только приедете, он назовет вас своей охвициальной подругой жизни до спокон веков и второго происшествия иль открытия второго фронта.

Низко кланяюсь, целую вас. Ваш будущий нареченный супруг для щастливого кохания.

Филя».

— Щоб тоби, писарий сын, який мабуть бык покохал рогами в бок! Вот, Чалый, послухай... — Филипп Афанасьевич погладил коня по загривку, — послухай, як поросычья душа, Салазкин, прописал нас вместе с тобою. Ну ж, подожди, халява проклятая, я ж тоби пропишу пельмешки з перчиком! А писульку эту мы побережем. Пригодится...

Лейтенанта Поворотиева адъютант командира дивизии задержал на кухне.

— Подождите немного, завтракают, — сказал адъютант.

— Меня вызвал генерал Доватор. Может быть, срочно, доложите, что я прибыл, — настойчиво проговорил Поворотиев.

Доватор услышал разговор, приоткрыл дверь и позвал лейтенанта в горницу. Там, кроме генерала Атланова, за столом сидели капитан Мхеидзе и Феня Ястребова.

Узнав девушку, Поворотиев резко остановился. Не замечая протянутой руки Доватора, он широко, по-детски улыбнулся.

— Здравствуйте! — наконец громко проговорил Лев Михайлович.

— Да, да, извините! Здравствуйте, товарищ генерал. Чувствуя всю нелепость своей выходки, Поворотиев вспыхнул и замолчал.

— Вы не с похмелья ли, милейший?

Доватор легонько отвел руку лейтенанта от козырька и, не выпуская ее

из своей, пытливо посмотрел растерянному лейтенанту прямо в глаза.

— Нет, на самом деле, Иосиф Александрович? — обернувшись к Атланову, спрашивал Лев Михайлович. — Может, он запивает?

— Не замечал.

И комдив, не удержавшись, громко рассмеялся.

— Но почему у него такая меланхолия? Я ему руку подаю, а он...

— На девушку засмотрелся, — лукаво объяснил Атланов.

— Здравствуйте, товарищ Поворотиев... — поднимаясь из-за стола, неожиданно проговорила Феня и, протянув руку, шагнула навстречу лейтенанту. — Вот мы и встретились!

Лицо Фени горело жаром яркого румянца. Она сразу поняла, в чем дело, и пошла на выручку лейтенанту.

— Вот оно что!.. — улыбаясь, протянул Доватор. — Когда же вы успели познакомиться?

— А мы, товарищ генерал, давно знакомы. Учились вместе, — быстро ответила Феня, решив маленькой неправдой сразу же покончить с неловким положением.

— Да, товарищ генерал, давно знакомы. Какая неожиданная встреча... — бормотал Поворотиев, пожимая руку девушки.

— Ну, так бы и сказали сразу, — перебил его Доватор — А то стоит, улыбается... Ну, что ж, добре. Не забывайте этих встреч. После войны припомните, будет еще радостнее, еще веселее... А сейчас...

Лев Михайлович оглядел ловко сидевшую на лейтенанте кавалерийскую венгерку, тронул его за локоть и спросил:

— Знаки различия имеешь?

— Имею, товарищ генерал, полностью. Четыре на воротнике, четыре в «НЗ».

— Это хорошо, что в запасе имеешь. Командующий войсками Западного фронта присвоил тебе звание старшего лейтенанта. Привинти еще два кубика. Да быстренько к полковнику Бойкову. С наблюдательного пункта будешь следить за атакой. В боевые порядки итти запрещаю. Сфотографируй момент атаки. Донесение со связным немедленно. Оно должно быть коротким, толковым и с выводами. Оттуда на высоту 147 к Абашеву. Вместе с эскадрой Шевчука прорвешься на соединение с Осиповым. Задача: немедленно эвакуировать всех раненых. Командир полка утомлен. Ему надо помочь. Когда будешь на месте, составишь донесение. Со связным пришьешь его сюда. После этого мы срочно направим машины. Ну, а сейчас, — поглядывая на притихшую Феню, сказал Лев Михайлович, — позавтракай с нами и поговори с землячкой. Ты,

наверное знаешь, какие подарки она привезла. Ординарец у тебя есть?

— Нет, товарищ генерал. Был, да ранили.

Доватор задумался. Он знал, что сейчас каждый человек дорог. Людей не хватало.

— Ладно, возьмешь моего Шаповаленко.

«Шаповаленко!» — чуть не вырвалось из уст Фени, но она во-время сдержалась.

Наблюдательный пункт Абашева находился на высоте 147. Густое мелколесье осинника приглаживал резкий напористый ветер, а за отдаленной кромкой темного леса начинало ярко пламенеть восходящее солнце. Было холодно.

Абашев стоял с начальником штаба под высокой густой елью, вздымавшейся над молодой порослью. Старший лейтенант Шевчук, слушавший распоряжение комиссара, отмечал на карте ориентиры и уточнял маршруты движения.

— Я, товарищ батальонный комиссар, не вижу на карте дома лесника, — проговорил Шевчук, стуча карандашом по планшетке.

— Если бы он там был, то мы не давали бы тебе проводника, — ответил Абашев. — Эта карта выпущена в тридцать девятом году, а дом, очевидно, построен позднее, поэтому и не угодил сюда.

— Откуда проводник? — спросил Шевчук.

— Женщина из соседнего колхоза, — ответил Почибут.

Заметив на лице командира эскадрона презрительную гримасу, начштаба усмехнулся.

— Мужчин нема, чи що? Затрусится баба, що з нею буду робить?

— Не баба, а девушка. Смотри, влюбишься, — лукаво подмигнул Абашев, с нетерпением поглядывая на часы.

— Не шуткуйте, товарищ комиссар. У меня незадача, а вы мне якусь дивчину... Коли вона злякается — в карман я ее запихну, чи що?

Резкий переход на чисто украинский язык служил признаком того, что Шевчук раздражен.

Незаметно подошедшая Зина, услышав последние слова, настороженно остановилась.

— Можешь быть спокоен. Не испугается, — возразил Абашев и, увидев Зину, пошел ей навстречу. — Здравствуйте, товарищ Ковалева.

— Здравствуйте, товарищ комиссар. — Зина неловко пожалала протянутую руку, искоса поглядывая на высокого, в кавалерийской венгерке командира.

— Это вы будете Шевчук? — в упор спросила она.

— Вы не ошиблись. Именно так прозываюсь с детства, — ответил Кондрат, оглядев Зину с головы до ног. «Полушубок чистенький, сапожки новенькие. Форсишь, дивчина, хоть бы валенки надела, замерзнешь, як на бережку рыбка», — думал он, забыв о том, что только два дня тому назад сменил щегольские со шпорами сапоги на белые огромных размеров валенки.

Зина, заметив их и вспомнив предстоящий поход через болото, молча усмехнулась. Абашев отозвал ее в сторону и примирительно сказал:

— Не обращайтесь внимания, что он так покосился на вас. Товарищ резковат, с женщинами ладить не умеет. Но командир опытный, а главное — смелый. Только вы с ним поменьше спорьте.

— Ничего, товарищ комиссар, поладим. Разрешите двигаться?

— Ну, что ж, пора...

Обернувшись к Шевчуку, Абашев спросил:

— У вас все готово, товарищ старший лейтенант?

— Так точно, товарищ батальонный комиссар.

— Так вот... — заговорил строгим голосом Абашев, — действовать быстро, напористо, но осторожно и умно. В остальном, как написано в приказе, понятно?

— Понятно, товарищ батальонный комиссар.

А в приказе было написано коротко: «Четвертому эскадрону наступать в направлении на северо-запад. В 6.00 выйти болотом к дому лесника, сбить противника и в 9.00 сосредоточиться в районе отметки 196, установив связь с командиром полка».

— Дорогу хорошо знаете? — обращаясь к Зине, спросил Шевчук.

— Хорошо знаю, — ответила Зина резко. Ее начинал раздражать недоверчивый, полупрезрительный тон этого заносчивого верзилы. Хотелось наговорить дерзостей. «Как он смеет после такого похода не доверять мне», — возмущенно думала Зина.

— Вот так и надо отвечать, — не оборачиваясь, заметил Шевчук.

О ночном подвиге он знал. Но о том, что его совершила эта самая девушка, ему и в голову не приходило.

— Если я была на том месте час тому назад, то, наверное, помню его и найду, — все более раздражаясь, проговорила Зина.

— Вы были там час тому назад?

Шевчук остановился, круто повернувшись к девушке.

— А вы что, с неба упали? — резко ответила Зина, давая знать, что больше не хочет говорить на эту тему.

Еще до рассвета эскадроны Шевчука и Биктяшева сосредоточились на высоте 147. Эту заросшую густым кустарником высотку противник несколько раз пытался захватить и установить на ней пушки для обстрела Волоколамского шоссе, но был отбит. Теперь он полукольцом охватывал ее с двух сторон, намереваясь войти в стык между дивизиями Панфилова и Атланова, не подозревая, что в центре его наступательной группы к контратаке готовились эскадроны Шевчука и Биктяшева. Правее, в направлении Шитково, должен был нанести удар батальон панфиловцев и полк Бойкова. В наступлении принял участие резервный полк Жмякина.

Всей операцией руководил генерал Атланов. Атака должна была начаться после залпа гвардейских реактивных минометов.

Весть о прибытии каких-то необыкновенных и страшных по своей силе пушек мгновенно облетела все подразделения. Политрук Рябинин, обходя расположившиеся вдоль лесной проселочной дороги взводные колонны, слышал самые разноречивые толки.

— Бьет эта самая штуковина без всякого грохота и шума, — говорил черночубый кубанец Мишка Сидоренко. — Ты сидишь и ничего, стало быть, не чуешь, вдруг на голову тебе чемодан, раз — и все растерзало... Ни кишочков, ни потрошечков...

— А ты откуда знаешь? — спросил кто-то с сомнением в голосе.

— От батарейцев слыхал. Им, браток, все известно. Народ ученый.

— Неправда. Мне рассказывали не так, — возразил пулеметчик Криворотько. — Сделана эта пушка, и даже не пушка, а прибор, самым простым манером — вроде обыкновенной железной бороны «зиг-заг» с ребрами. Кладется на эти ребра снаряд, похожий на гриб. Ну, конечно, само собой, все работается электричеством. Включается рубильник, и снаряд летит в воздух. В снаряде, стало быть, имеется стабилизатор и небольшой, с пропеллером, моторчик, который начинает работать и везет снаряд, куда положено. Прилетает этот гостинчик до определенного места, снижается, и трах — все вдребезги...

— Тю! От же брехня! — Мишка Сидоренко смачно сплюнул и отвернулся.

— Брехня не брехня, но почище будет твоего чемоданчика...

Рябинин улыбнулся и удовлетворенно заметил, что настроение у людей бодрое. Увидев политрука, бойцы притихли.

Начинало светать. По верхушкам деревьев пробежал ветерок и швырнул с веток на каски бойцов и за воротники полушубков рассыпчатые хлопья снега.

Привязанные кони, почуяв приближение утра, встряхивая седельными вьюками, беспокойно переступали с ноги на ногу. Рябинин присел около станкового пулемета.

— Долго еще ждать-то, товарищ политрук? — спросил Криворотько.

— Еще немного, — посмотрев на часы, ответил Рябинин.

— Разрешите, товарищ политрук, обратиться. Говорят, будто бы товарищ Сталин прислал нам какие-то необыкновенные пушки, и разят они фашистов под чох. Правда это или нет? — приглушенно, давась махорочным дымом, спросил Сидоренко.

— Так точно, товарищи, эти новейшие пушки здесь. Они будут поддерживать нашу атаку.

Политрук оторвал от газеты четвертушку бумаги, свернул цыгарку и закурил.

— Что же это за пушки? Как они бьют? — продолжал расспрашивать Сидоренко.

— А вот сегодня увидим, как они будут стрелять.

Рябинину самому не терпелось посмотреть на работу «катюши». Вдвоем с Шевчуком они пытались подойти к закрытым брезентом машинам, но часовой строго окрикнул их и скомандовал «кругом». Сейчас Рябинин чувствовал некоторую неловкость перед бойцами, потому что не знал, как на самом деле действуют новые орудия.

— Пушки эти строжайше засекречены, — сказал он внушительно, — и немцы скоро узнают силу сталинской артиллерии.

Но договорить он не успел. Предутреннее лесное затишье разорвал страшной силы гром. Над лесом с визгом пронеслись ослепительные молнии. Стоявшие под деревьями кони, точно от непомерной тяжести, склонили головы, а некоторые присели на колени; даже назойливый ветер, словно чему-то удивившись, перестал качать верхушки деревьев.

Бойцы, ничего не понимая, оторопело смотрели друг на друга.

— Это что же такое, братки, делается? — зябко пожимая плечами, спросил Сидоренко.

— Новые пушки бьют... без шуму и буму... как ты рассказывал, — приподнимаясь, ответил Рябинин и, отряхнув с полушубка снег, с радостной возбужденностью добавил: — Приготовиться к движению!

Два последовавших один за другим оглушительных залпа резкими толчками встряхнули землю, и ослепительные молнии с яростным визгом пронеслись над лесом. Казалось, что и земля и небо разрываются на части.

Прилегший было отдохнуть Осипов подскочил и, крикнув, бросился к

телефону. Он долго не мог вызвать командный пункт батареи Ченцова. Дежуривший на командном пункте сержант Алексеев почувствовал, как ползет земля и трещит накат. Он едва извлек телефонный аппарат, как блиндаж обвалился. Снаряды рвались в трехстах метрах от блиндажа.

— Ченцов, — кричал Осипов в трубку, — Ченцов!

Но телефон молчал. Схватив другую трубку, Антон Петрович быстро соединился с эскадром Рогозина. Там никто не спал.

— Вы слышите? — хрипло кричал Осипов Рогозину. — Чуете?

— Слышим, товарищ подполковник, — отвечает Рогозин. — Что это? Землетрясение? Ничего не понимаем! Немцы галдеж подняли, как будто у них под ногами вулкан извергается.

— Это товарищ Сталин поздравляет нас с добрым утром. Будь, милый, наготове: скоро начнем. Почему молчит ваша батарея? Пошли людей узнать, в чем там дело.

Антон Петрович, положив трубку и потирая озябшие руки, крикнул адъютанта, приказав разбудить лейтенанта Головятенко.

Осипов бодрствовал, и усталое сердце его вновь забило облегченно и радостно. Оно пело, и весь он загорелся той необыкновенной решимостью и отвагой, которые творят чудеса.

Наступало утро новой битвы.

ГЛАВА 3

Анализируя после допроса пленного создавшуюся обстановку, Доватор понял, что немецкое командование сейчас поставлено в критическое положение. Передвигаться на узком участке прорыва, имея у себя в тылу активно действующие эскадроны Осипова, для противника было опасно. Действующая против кавалерийских полков генерала Атланова дивизия полковника Готцендорфа понесла значительные потери и имела слабо обеспеченные фланги и тыл. Ее левому флангу угрожали части генерала Панфилова, на правом устойчиво оборонялась кавалерийская дивизия генерала Медникова.

Пленный немецкий офицер показал, что его командование вынуждено срочно изменить весь оперативно-тактический план. Корпус генерала Гютнера имеет задачу развернуть активные действия на флангах дивизии Готцендорфа против дивизий Панфилова и Медникова. Туда сейчас подтягиваются свежие резервы. Для обеспечения генерального наступления немецкое командование намерено закрепить на

Язвищенских высотах и захватить господствующее положение над Волоколамской магистралью. Для того чтобы сорвать этот замысел немцев, Доватор предложил штабу армии свой план.

По этому плану в момент наступления его полков одна из резервных танковых бригад должна произвести демонстративный маневр в районе расположения тылов корпуса и этим самым заставить немцев начать новую перегруппировку. Командование приняло план Доватора.

В начале ноября наши танки, парадно пройдя по Волоколамскому шоссе, сосредоточились в районе Гряды — Чисмено... Днем их «засек» немецкий самолет-разведчик и сфотографировал, а ночью они ушли. Тем временем немцы начали срочную перегруппировку и приостановили атаки. Все имеющиеся в резерве подвижные группы стянули в направлении Шитьково — Морозово и Иванцово.

Нанося частые, одновременно в разных местах, контрудары, Доватор вводил немецкое командование в заблуждение, вынуждая гитлеровцев делать ненужные передвижения, сковывал крупные силы, давая возможность своему командованию накапливать армейские резервы. Упорное сопротивление Красной Армии под Москвой вызвало в среде германского командования серьезные колебания и разногласия.

Несмотря на громогласное заявление Гитлера о скором взятии Москвы, влияние сторонников молниеносной войны падало. Но немцы еще верили, что с падением Москвы они получают удобные зимние квартиры, отдохнут, пограбят, попьанствуют, как в Париже, а там, глядишь, и война кончится.

Для успешного завершения начавшейся два дня тому назад операции на командный пункт немецкой дивизии, осуществившей прорыв в районе Петропавловское, прибыли начальник штаба Штрумфа генерал Эрнст Рихарт и командир пехотного корпуса генерал Гютнер.

— Если мы до сего времени не овладели высотой 147, то захват ее в дальнейшем будет еще более затруднительным, — слушая доклад командира дивизии, проговорил Рихарт.

Высокий, длиннолицый, гладко выбритый полковник Готцендорф утвердительно кивнул головой и; взглянув своими кабаньими глазами на молчавшего генерала Гютнера, продолжал:

— Части моей дивизии в данный момент занимаются ликвидацией окруженной в лесу группировки красных. Сплошной лес и заболоченная местность не позволяют развернуться и активно действовать танковым подразделениям. Пользуясь преимуществом маскировки, противник упорно сопротивляется. Нужна основательная обработка с воздуха...

— Бомбардировка огромного лесного массива не всегда дает положительные результаты, — сухо заметил Гютнер. Он был недоволен ходом всей операции и нервничал.

Дивизия Гютнера при поддержке танков вначале имела успех, но дальнейшее продвижение затормозилось. Окруженные эскадроны сильными контратаками нанесли дивизии значительные потери и срывали весь ход планомерно задуманной операции. Выдвинувшемуся к Волоколамскому шоссе клину угрожала фланговая контратака дивизии Панфилова. Вводить в бой резервы корпусной командир не решался, имея в виду, что со стороны Красной Армии может последовать мощный оборонительный контрудар. Но генерал Рихарт не соглашался с его доводами.

— Это не может изменить положения, — возразил он. — Русские не замышляют большого контрнаступления в настоящий момент. Или, лучше сказать, они к нему сейчас недостаточно подготовлены. Имея в наличии подвижные части, как танки и кавалерия, отлично зная природные условия подмосковных лесных массивов, они обладают способностью быстрого маневра. Поэтому могут успешно отражать все наши частичные атаки. У меня создается впечатление, что мы совершаем крупную стратегическую ошибку. Мы позволяем русской армии залечивать раны и даем возможность перегруппироваться. Сейчас необходимо лишить русских этой возможности, то-есть быстро нанести удар на более широком фронте, например от Орла до Волоколамска.

Большой военный опыт научил генерала Рихарта угадывать создавшуюся обстановку не только по оперативным и разведывательным сводкам, но и по внешним признакам хода военных действий. Чем дальше фашистские армии продвигались в глубь России, тем отчетливей генерал Рихарт понимал и чувствовал непрочность тыла на оккупированных территориях. Непрерывно растущее партизанское движение создавало неумолимо страшную угрозу коммуникационным линиям на протяжении тысяч километров.

Партизаны, а также попавшие в окружение бойцы и командиры, не только истребляли гитлеровцев тысячами, но и срывали их важнейшие экономические и стратегические мероприятия. Партизаны уничтожали продовольственные базы, разрушали железнодорожные магистрали, отвлекали на себя огромную массу войск, более всего необходимых на растянутом фронте. Вот и сейчас небольшая группа окруженных в лесу кавалеристов сорвала важнейшую, хитро задуманную операцию, осуществление которой ставило под удар весь центр русской армии.

Провал этой операции ставил начальника штаба в затруднительное положение. Он вызвал неоправданные потери и сводил на нет все достигнутые на этом участке успехи.

Но генерал Рихарт в трудный момент не боялся размышления. Он продиктовал категорический приказ: Петропавловское и Морозове во что бы то ни стало удержать, высоту 147 немедленно атаковать, подкрепив дивизию Готцендорфа резервными батальонами с сорока танками, а окруженную в лесу кавалерийскую часть непрерывно обстреливать и бомбардировать с воздуха, лишив ее возможности каких бы то ни было активных действий.

Подписав приказание, генерал Рихарт выехал на рекогносцировку местности в район расположения наблюдательного пункта дивизии Готцендорфа. Через час он уже видел, как небольшой лесной массив юго-западной Морозова стал наполняться колоннами солдат. Батальоны сосредоточивались на исходном положении.

Разведчики старшего лейтенанта Кушнарера Захар Торба и Павлюк, забравшись на елку, наблюдали, как в лес вместе с войсками, скрежеща гусеницами, втягивались перекрашенные в бледносерый цвет тупорылые громады танков. Пересчитывая их, Захар аккуратно записывал данные в блокнот и продолжал смотреть в бинокль.

В редком сосновом лесу между деревьями вспыхивали костры. Вокруг них в желтых маскировочных халатах, ежась от холода, подпрыгивали немецкие автоматчики, крича и размахивая руками. Вдоль опушки леса толстоногие куцехвостые битюги тащили орудия и высокие фуры с боеприпасами. Урча моторами и подпрыгивая на кочках, артиллеристов обгоняли мотоциклисты.

Вдруг странные, пронзительно визжащие молнии ослепили Захара. Завывающий, непомерной силы вихрь придавил его к стволу дерева и едва не сбросил на землю. На мгновение он ощутил странную пляску ствола, словно под его корнями заработал мощный мотор. Огромная старая ель, на которой сидели разведчики, дрожала, как в лихорадке. Каска тяжело давила на виски и, казалось, вот-вот расплющит голову. Захар приоткрыл глаза. Павлюк, оседлав ногами толстый сук, держался за ствол и глядел на Торбу широко открытыми, ничего не понимающими глазами.

Он хотел что-то сказать, но не успел... Сумасшедшие вихри и грохочущие молнии летали одна за другой через короткие промежутки. Теперь они проходили дальше, стороной.

Когда Захар немного опомнился и, приподняв со лба каску, посмотрел

в район скопления немецких батальонов, он увидел, что там клокотал сплошной огненный водоворот. Разрывы, точно ураганы, поднимали на воздух разбитые в щепы деревья. Темные каскады земли взвивались выше леса. Над вздыбленными танками поднимались ворохи черного дыма. Ошеломленные гитлеровцы в ужасе, в паническом исступлении падали навзничь и зарывались в потемневший от копоти снег.

... — Что это значит? — стоя на наблюдательном пункте, спросил генерал Рихарт у полковника Готцендорфа.

Побледневший седой полковник, отвернув теплый воротник бекеша, только пожал плечами.

... — Что это значит? — дергая Захара Торбу за ногу, спросил Павлюк.

— А это значит... — с волнением подбирая слова, отвечал Захар, — это значит — обыкновенное явление, русские пушки. Коллективно работают... Штук тыща, а может, и поболее.

— Добре сработали, — тихо отозвался Павлюк: — у меня даже каска набок съехала.

— У тебя набок съехала, а у гитлеровцев они слетели вместе с головами.

В блиндаже подполковника Осипова радист Савка Голенищев, склонившись над передатчиком, передавал радиogramму:

«Координат 46/90 отлично. Полное истребление батальона пехоты противника. Координат 48/96 движение запад. Прошу несколько залпов. Координат 44/88 мое сосредоточение, иду охват Петропавловское. Меняю командный пункт. Передачу временно прекращаю».

— Все?

— Нет еще, товарищ подполковник, не все, — повернув голову к Осипову, проговорил Савка. — У аппарата генерал Доватор, он спрашивает: где будем завтракать?

— Где будем завтракать? — на лице Антона Петровича теплилась радостная и веселая улыбка. — Передай генералу, что завтракать будем в Петропавловском.

— Генерал спрашивает: а где будем обедать? — передавал Голенищев.

— Если генерал хочет, — отвечал Осипов, — можно пообедать в Немирове или Козлове.

— Генерал согласен пообедать в Козлове и спрашивает, что будет на закуску.

Савка, лукаво подмигнув Осипову, напряженно ждал.

— Передай, что на закуску обещаю Шитьково. А если будет тот же

повар, который утром заварил всю эту кашу, то ужинать будем еще дальше.

ГЛАВА 4

Ординарец старшего лейтенанта Виктора Поворотиева вывел из калитки коня и подвел к крыльцу. Виктор стоял на нижней ступеньке и обматывал шею серым с голубыми клетками башлыком. Феня внимательно следила за всеми его движениями.

— Обождите, дайте я!

Стянув с рук беличьи рукавички, она зажала их под подбородком и, расправив концы башлыка, аккуратно завязала их на шее Виктора. Виктор всем существом своим чувствовал ее дыхание и теплоту пальцев.

Затянув концы башлыка, она отпустила их и несколько раз повторила одно и то же движение. Оба они молчат. Феня, прищуриив глаза, размышляет, какой бы еще придумать узелок и завязать его пооригинальнее.

Виктору становится жарко. Он чувствует блуждающий в крови огонек, который зажгла два месяца тому назад эта известная ему только по фотографии девушка. Теперь она стоит рядом и с нежной заботливостью неторопливо поправляет концы его башлыка.

— Так лучше и красивее, — говорит она, любуясь на свою работу.

— Да, да, так лучше... благодарю... — соглашается Виктор, не видя и не зная, как там заправлено.

— Так это ваш конь? Ты всегда на нем ездешь?

Виктор смотрит на нее и прислушивается, правильно ли он расслышал это простое, ласковое и сближающее «ты».

— Да. Это мой конь. Его зовут Лысянкой, потому что, видите, у него весь лоб белый.

Конь нетерпеливо переступает ногами. Его рыжую шерсть взъерошил мороз. Ординарец выезжает уже верхом.

— Мне пора, — коротко замечает Виктор. — Мы еще увидимся?

— Да, конечно... — невпопад отвечает Феня. — Впрочем, не знаю, мы ведь на одном месте никогда не стоим.

— Ну, что ж, до свидания. — Виктор, откинув полу бурки, протягивает руку. Он хотел еще что-то сказать, но не сказал, а только с улыбкой пошевелил губами. От кухлянки Фени пахнет чем-то домашним, милым, забытым теплом и уютом.

— Там очень страшно, куда ты едешь? — спросила она тихо.

— Немного страшней, чем здесь. Но теперь мне будет не страшно, — говорит он, пожимая ее мягкую, горячую руку.

Торопливо разобрав поводья, Виктор вскочил в седло. Отъехав немного, он снова вернулся. Успокаивая коня, сказал:

— Мне не страшно, потому что я вижу тебя. Только не забывай, пиши. Если бы ты знала, что это такое... что такое получать на фронте письма!

— Я знаю, Виктор... — Феня с трудом перевела дыхание. Брови ее дрогнули.

Виктор, отпустив поводья, дал коню волю. Рыжий дончак, разбрасывая ошметки снега, помчал его вдоль переулка.

Уже светлело утро. Подходил холодный ноябрьский день. Скоро за краем леса ослепительно брызнет солнце и зажжет снег серебряными искрами.

Феня не подозревала, как мучительна может быть короткая радость встречи. Любовь, слышимая только сердцем, начинает до боли тревожить всю.

Удары «катюши» застали Поворотиева на проселочной дороге. Что-то ахнуло, ошеломительно, гулко, буйно, и пошло гудеть, перекатываться по лесу. Лес трещал, словно от налетавшего урагана. Конь стал спотыкаться и склонять голову к земле.

Когда Поворотиев прибыл в полк Бойкова, спешенные кавалеристы, подтянув подбородники касок, напряженно ожидали сигнала атаки. Над головами бойцов густо поблескивали привинченные к самозарядным винтовкам ножи штыков. По лесу шумно передвигались резервные эскадроны конницы, приданные Бойкову на случай конной атаки. Полковник, сбросив бурку, задирая разгоряченному коню голову, мчался от эскадрона к эскадрону. Штабные командиры едва успевают записывать его распоряжения.

«Батарею передвинуть на высоту 112, — диктует Бойков усатому, остроскулуму, в мохнатой папахе капитану. — Как только очистим Морозово, немедленно туда старшин с кухнями и водой. Автомшины для раненых на просеку. Вывозить в санэскадрон в Покровское. Командирам эскадронов повторное, требовательное напутствие: передвигаться как можно быстрее, короткими бросками, не задерживаться долго».

Полковник вскидывает большие черные глаза и смотрит в упор на собеседника. Белки его глаз от напряжения и бессонницы покраснели, а в самих зрачках упорная, твердая решимость. Она подхлестывается перекатным гулом гвардейских минометов, возбужденными голосами людей, готовых по первому сигналу ринуться в бой.

Неожиданно артиллерийский гул замирает. Сознание давит непривычная тишина, напряженная, налитая суровой угрозой.

— Ракету! — коротко бросает Бойков усатому капитану. В воздухе с треском лопаются сигнальные ракеты. Над лесом взвиваются яркокрасные вспышки, и хриплый протяжный голос рвет напряженную тишину:

— Первый эскадрон! Вперед!

— Второй эскадрон!..

Старший лейтенант Поворотиев стоит на наблюдательном пункте рядом с полковником Бойковым и, не отрываясь, смотрит в бинокль.

По полю с громким криком «ура» густо растекаются цепи наступающих. Темные на снегу фигуры бойцов скатываются с бугорка в низкорослые, изодранные снарядами кусты ольшаника, к небольшой речушке. За нею на изволоке виднеется немецкая оборона.

Лихорадочно-торопливые пулеметные очереди то вспыхивают, то замолкают, то вновь разгораются с бешеной силой. Справа от атакующих эскадронов, из леса, в белых маскировочных халатах, волна за волной появляется панфиловская пехота.

— Панфиловцы пошли! — громко выкрикивает Бойков.

Он стоит в расстегнутом нараспашку полушубке, с раскрасневшимся лицом и наблюдает в бинокль.

— Хорошо идут, хорошо!

В окулярах бинокля мелькают серые группки немецких солдат. Они поспешно отходят к зеленеющим елям.

Полковник, оторвав от глаз бинокль, круто повернувшись к усатому капитану, приказывает:

— Эскадронам приготовиться к атаке!

Сунув бинокль в футляр, Бойков сбрасывает с плеч полушубок.

Полевые ремни ловко обтягивают его крупную, в темнозеленой телогрейке фигуру. Придерживая рукой шашку, он сходит с наблюдательного пункта и направляется к своему коню.

Офицер связи, старший лейтенант Поворотиев, опустившись на одно колено, пишет генералу Доватору немногословное донесение...

Артподготовка все еще продолжается.

Над болотом серая белесая мгла. В удушливых облаках тумана едва заметно чернеет редкий искривленный сосняк. Шевчук и Рябинин вышли вперед обследовать местность. Зина привела эскадрон Шевчука на то место, откуда они вышли ночью. В глубоких следах разворошенного снега и земли уже стеклянел молодой ледок. От болота веяло мертвой тишиной и

затхлостью.

Шевчук попробовал встать валенком на мшистую кочку и тут же провалился по колено в воду.

— Тю-ю!

Кондрат, сплюнув, отошел в сторону и, присев на пень, начал перематывать портянку. Скопив глаза на добротные сапоги Зины, он кивнул головой и улыбнулся. Поманив к себе старшину, отдал какое-то приказание.

— Пока туман не разошелся, надо войти в болото и отыскать Стакопу. Может, он ранен... — говорила Зина Рябинину.

— Да, надо торопиться, — согласился Рябинин, всматриваясь в туманную муть.

Подошел Шевчук и, посасывая трубку, вынул из полевой сумки карту.

— Ну, как думаешь, Кондрат Христофорович? — спросил Рябинин.

— Пока ни як... — уклончиво пожал плечами Шевчук.

Решение у него созрело еще дорогой, но он, глядя на карту, продолжал что-то обдумывать. Зину возмущала эта медлительность.

— Быстреей нужно. Там же человек... — проговорила она отрывисто.

— Там один человек, а у меня сто. Вы не волнуйтесь, барышня. Все будет у порядке, — ответил Шевчук, сипя потухшей трубкой.

— Имеет сто человек и медлит. Мы, трое... — не унималась Зина.

На ее реплику комэска не обратил ни малейшего внимания.

— По-моему, надо разбить эскадрон на несколько групп, — предложил Рябинин.

— Совершенно верно. Я тоже так думаю, — подтвердил Шевчук. — Малую группу направим по этому следу. Три группы по десять человек пойдут вот здесь, — комэска показал на нарисованные красным карандашом стрелки. — Большая группа с пулеметами останется здесь для прикрытия, а зараз можно отдохнуть и перекусить.

Шевчук полез в карман за кисетом и начал спокойно набивать трубку.

— Да когда же мы пойдем? — с сердцем спросила Зина.

Ей казалось, что командир эскадрона нарочно тянет, чтобы вывести ее из терпения.

— Еще успеем... — нехотя отозвался Шевчук и, обернувшись к Рябинину, продолжал: — Тебе, Костя, придется остаться с пулеметами. Я пойду с первой группой.

— Зачем тебе итти с первой группой, можно послать командира взвода, — возразил Рябинин.

— Мне надо быть там самому, чтобы побыстрее ликвидировать этот домишко. Когда я это сделаю, дам сигнальную ракету. Ты поднимешь

вторую половину и двинешься.

— А если у тебя не выйдет?

— Должно выйти. Они здесь не ждут нападения. Они полагают, что в болото никакой дурак не полезет.

— Полезли ночью да еще пленного провели, — заметила Зина.

— Це, барышня, другое дело. Когда из тыла идут, согласны в игольное ушко лезть, — немцы это знают.

Не дожидаясь окончания артподготовки, Шевчук, выделив группы, двинул их к дому лесника в четырех направлениях; одну из них он возглавил сам.

Зина только теперь поняла, как умно и осторожно действовал Шевчук. Пока он обдумывал решение, бойцы связали из ржаных снопов маты. Когда вошли в болота, их клали на топкое место и бесшумно переползали по ним.

Посреди болота нашли мертвого Стакопу; неподалеку лежала застреленная немецкая собака. Зина видела, как Шевчук, приблизившись к Стакопе, закрыл ему лицо вязаным подшлемником и, не оглядываясь, пополз дальше.

Первым достигнув края болота, он залег в кустах. Артиллерийская подготовка закончилась. Немецкий часовой, настороженно прислушиваясь к грохоту пулеметной стрельбы, медленно ходил вдоль стены. Здесь находилась специальная немецкая застава, охранявшая проложенный через заболоченную речушку мост в направлении Данилково, через который немецкое командование переправляло войска на Морозове.

Выстрелом из автомата Шевчук убил часового и поднял тревогу. Находившиеся в избе немцы стали выбегать во двор, но тут же были перебиты.

Быстро переправив через болото весь эскадрон, Шевчук овладел мостом и сжег его. Немцы, теснимые полком Бойкова и панфиловцами, были прижаты к речке и почти полностью уничтожены. Южнее Морозова и северо-западнее Петропавловского «катюши» накрыли до трех батальонов вражеской пехоты.

Полк Осипова контратаками с тыла нанес гитлеровцам страшные потери.

Немцы оставили на поле боя сотни убитых. К исходу дня положение на всем участке было восстановлено.

Бой кончился. Эскадрон Шевчука занял оборону по западной окраине села Петропавловское. Тут же батареи Ченцова расположили свои пушки. Криворотько, очистив старый окоп, установив свой пулемет, принимал гостей. По старой дружбе пришли Буслов и Павлюк. Явился и

Савелий Голенищев, тянувший на артиллерийские позиции связь.

— Будущей гвардии километровой привет! — влезая в просторный, застеленный соломой окоп, проговорил Голенищев.

— Здорово, герой! — крикнул Буслов, освобождая место рядом с собой.

— Да какой же я герой!

— А кто бронетранспортер захватил?

— Пропади она пропадом, эта чортова коробка! — Савелий презрительно сплюнул. — Из-за нее чуть на тот свет не зашифровали. Пришлось бы родичам на мою физиономию черную каемку наводить. А все за глупость мою. Если батьке рассказать, он, наверное, меня выстегал бы.

— Что так? — хохоча, спрашивал Криворотько.

— Да понимаешь, уселся я в этот дурацкий вездеход, завладел этой машиной, думал, буду на ней телефонные катушки возить. Штука весьма удобная, А тут немцы — раз, и причесали. Если бы не разведчики вот с моим, землячком... — Савелий толкнул Буслова локтем в бок. — Если бы не землячок, быть бы мне на стенке в черной окаемочке... Слушайте, землячки, а из какого это вы грохала немца колошматили?

— Да, да, в самом деле? — поддержал Буслов. — Летит какая-то огненная туча.

— Да не туча, — возбужденно продолжал Голенищев. — Мне показалось, будто черти всю адскую механику наизнанку вывернули. Пошел чинить повреждение, ка-ак загугулили!.. Я носом в землю. Головы не чую. Снесло, думаю, вместе с каской, шут дери...

— Слушайте, землячки, дружка моего, Васю Громова, не встречали?

— Встречали. Ранен Громов, — ответил Сидоренко.

— А Захар Торба? — спросил Криворотько.

— Захар жив. Чего ему делается! Десятка три гитлеровцев ухлопал.

— А Костя Уваров? А Стакопа?

— Убили Костю сегодня, а Стакопу вчера...

На минуту как будто солнце нырнуло за тучу. На лица бойцов легла хмурая тень. Это было короткое, но великое молчание, полное печали и гнева.

— Сухарика, хлопчики, нет ли у кого? — спросил Голенищев. — У меня есть бутылочка. Поминки справили бы.

— Нет ничего, — ответил Криворотько. — Я свой «НЗ» на патроны променял. Сухари выйдут, можно обойтись, а вот если патроны кончатся...

Вдруг кто-то, быстрый и ловкий, прыгнул в окоп, накрыв Буслова и

Голенищева полами бурки.

— Вот леший! — ворчливо крикнул Савелий. — Что мы тебе, цыплаки, что ли?

— Не цыплаки, а орлы!

Голенищев поднял голову и ахнул: в окопе стоял Доватор.

— Смирно! — исступленно гаркнул Голенищев, вскакивая.

— Вольно, вольно! — усаживая его на место, проговорил Лев Михайлович. — Ну, где твоя бутылка? Давай чокнемся!

— На узле связи, товарищ генерал. Я мигом.

— Когда привезли? Порционная? — спросил Доватор.

— Никак нет. Трофейная, — смущенно ответил. Савелий.

— Трофейную гадость не пью и тебе не советую. Ну, как, ребята, — значит, кухни нет и горилки нет? Плохо дело! Дрались вы отлично, а вот старшины вас голодом морят. Это никуда не годится. Ну, да ничего, мы это дело поправим. Председатель колхоза Никита Дмитриевич Фролов жертвует нам корову. Закатим пир. А сейчас вот что, орлы, окопы надо превратить в надежные укрытия. Побольше навалить бревен, углубить ходы сообщений. Сегодня мы прогнали фашистов, завтра они снова полезут. Надо их по-настоящему встретить. Знаете кавалерийскую поговорку: пока не кончилось сражение, коней не расседлывают...

— Скажу я вам, землячки, от чистого сердца, — промолвил после ухода Доватора Савелий, — генерал у нас свойский.

— А ты что думал? — сказал Буслов, поднимаясь с земли. — Будем, хлопцы, крепкую оборону строить.

Через несколько минут застучали топоры, зазвенели пилы, на снег полетела белая смолистая щепка.

Заняв Петропавловское, подполковник Осипов остановился в доме Никиты Дмитриевича Фролова. Вскоре туда приехали Доватор и Абашев. Увидев шагнувшего через порог Доватора, Антон Петрович, соскочив с кровати, пошел к нему навстречу.

— Здоров? — с неожиданной мягкостью в голосе спросил Лев Михайлович.

На почерневшем, изнуренном лице Антона Петровича засияла радостная улыбка.

— Вполне здоров, товарищ генерал, — ответил он негромко.

— Это хорошо, Антон, хорошо, что дело сделал и себя сберег. Знаете, что мне сейчас хочется, товарищи? — обратился Доватор ко всем находившимся в горнице. — Сказать вам, что вы молодцы и отличные

командиры. Нет, мало. Вы не только командиры; а настоящие люди. Мне хочется сегодня вас чем-нибудь особенным порадовать. Вы знаете, что товарищ Сталин приказал быть нам на московском параде? Радует вас это?

— Лев Михайлович, — тихо, с дрожью в голосе проговорил Осипов, — неужели правда?

— Точно. А ты рад?

— Как же иначе...

— Ну, раз так, готовьте сводный эскадрон.

Доватор взглянул на Абашева и с усмешкой сказал:

— А ты, комиссар, не забудь проследить, чтобы командир полка надел на парад сапоги, а то и в Москву ускачет в одних носках.

— Простите, товарищ генерал! Честное слово, опомниться не могу.

— Нет, голубчик, это непростительно! Внеочередной наряд за плохую встречу генерала, я тебе все-таки влеплю.

— Очень уж строго, Лев Михайлович, — с улыбкой заметил Абашев.

— Подумаешь, защитник нашелся! Все равно наряд получит.

— Заслужил, товарищ генерал, — надевая серые армейские пимы, согласился Осипов.

— Конечно, заслужил! На параде будешь командовать сводным кавалерийским полком.

— Принимаю, Лев Михайлович. Дисциплина прежде всего. Благодарю за доверие! — молодея от вспыхнувшей радости, сказал Антон Петрович.

— Ну, а теперь... — Доватор прошелся до двери, открыл ее и, посмотрев в другую комнату, спросил у Абашева: — Старшины еще не пришли?

— Скоро должны быть, товарищ генерал. Я приказание отдал.

— Добре! А теперь... будем браниться. Вы уже на самом деле не подумайте, что вы идеальные начальники и у вас нет никаких недостатков! Прежде всего остановлюсь на промахах. У бойцов отсутствует постоянный неприкосновенный запас продуктов питания и конского фуража. В результате эскадроны, оторвавшись от хозчасти, в первый же день остались, без пищи. А командир полка тотчас же потерял связь со штабом дивизии, так как телефонную линию немцы перерезали, а рацию подполковник Осипов захватить не удосужился. Правильно?

— Правильно. Моя ошибка, — покусывая губы, согласился Антон Петрович.

— С минометами все было в порядке, а взрыватели для мин остались... в штабе... Просеку, идущую от деревни Шишково, отлично заминировали, а противника прозевали и дали ему возможность сделать в ней проход.

Значит, охранительная разведка никуда не годится.

Доватор взволнованно прошелся по горнице.

— Оборону по всей полосе строили спустя рукава, — продолжал он. — Без накатов и укрытий. Разве это не беспечность? Жалеть труд людей и не понимать, что этим вы их губите, несете неоправданные потери. Противник готовится к атаке, перегруппировывается, мы ведем разведку, и тем не менее он застает нас врасплох. Позор! Где инстинкт, где командирская прозорливость? Внушите себе раз навсегда, что командная должность обязывает контролировать не только личные приказы, но и свои собственные мысли. Выиграть бой — это задача трудная, но самая трудная битва не та, которую ты ведешь с врагом, а та, которую ты ведешь сам с собой. Именно в то время, когда добываешь и прикладываешь теорию к опыту, к практике. Иногда на войне сражение выигрывает и проигрывает случай — мелочной, незаметный факт, вроде скверно вычищенного оружия или плохо подкованного коня. Конь спотыкается, командир разбивает голову, и сражение летит к чорту...

Доватор остановил острый, пронизательный взгляд на Осипове.

— На войне нет мелочей, запомните это, подполковник! Вот ваши люди два дня вели тяжелый, изнурительный бой, а старшины до сего времени не могут подвезти горячей пищи. Как это называется?

Абашев слушал и поражался осведомленности генерала, точно он неотлучно находился в полку и отмечал все до мельчайших подробностей.

С приходом старшин во главе с помощником командира полка капитаном Худяковым и начальником продфуражного снабжения лейтенантом Журбой разговор прервался.

Вошла Пелагея Дмитриевна. Видя скопление гостей, она выдвинула было на середину горницы стол и накрыла его белоснежной скатертью, намереваясь угостить прибывших свежей говядиной. Так, по крайней мере, понял это приготовление старшина батареи Алтухов, губастый, широкоплечий парень с крохотными хитрыми глазками, успевший шепнуть об этом старшине четвертого эскадрона — великану Старченко. А ему об этом намекнул Никита Дмитриевич Фролов, председатель колхоза, приготовивший для бойцов целую корову.

— Садитесь за стол, — коротко приказал ходивший из угла в угол Доватор.

Старшины, помявшись, гремя шашками и стуча сапогами, стали усаживаться.

— А вы, хозяйственное начальство, почему стоите? — кивнул Лев Михайлович Худякову. — Занимайте места.

— Да непривычно как-то, товарищ генерал. Всегда нам приходится угощать, а тут... — попробовал пошутить тучный Журба. Он был навеселе и потому был доволен собой.

— Сегодня я вас буду угощать, — предупреждаяще заметил Доватор и многозначительно добавил: — Так же, как вы угостили сегодня бойцов...

Худяков, свирепо шевельнув лохматыми бровями, искоса глянул на глупо улыбающегося Журбу. В переводе это означало: «Спущу шкуру». Старшины настороженно притихли.

— У вас, лейтенант Журба, что было сегодня на завтрак? — остановившись, спросил Лев Михайлович.

— Готовили, товарищ генерал, мясные щи. Это, так сказать, на обед... А завтрак, понимаете, был ночью... А потом бой.

— Я вас спрашиваю, какой завтрак был у вас, лично вас. У бойцов я знаю, что было на обед и на завтрак: немецкая шрапнель да вонючий порох. А вот чем закусывали вы, мне неизвестно. Доложите.

— Обыкновенно... ну, это самое, — растерянно пожимая плечами, пробормотал Журба.

— Ну что, обыкновенно? Консервы, колбаса, водка? Так?

— Примерно так, товарищ генерал.

— А вас, капитан, чем кормил повар? — круто поворачиваясь к Худякову, спросил Доватор.

— Да мы с ним вместе завтракали, — услужливо поспешил ответить Журба.

Алтухов, наклонив голову, хмыкнул и, чтобы удержать смех, закусил зубами конец рукавицы. Абашев незаметно показал ему кулак.

— А ты что, Алтухов, хихикаешь? Вкусно позавтракал? Говори, только без вранья.

— Так точно, товарищ генерал, сало кушал... — вытянувшись, признался батарец.

— Хорошо, что хоть один правду сказал, — удовлетворенно заметил Доватор.

— Мы, товарищ генерал, решили приготовить на месте, — оправдываясь, сказал Худяков. — Вот корову забили.

— Корову пожертвовал председатель колхоза. Вы тут ни при чем. Вы на готовое приехали, — заметил Доватор. — Ну, а если бы нам пришлось наступать еще дальше, — запомните: мы скоро двинемся, погоним фашистов на запад, — тогда как вы нас будете кормить, товарищи хозяйственники?

— Больше не подкачаем, товарищ генерал... Мы... — Худяков

приподнялся, хотел было что-то сказать, но Доватор перебил его на полуслове:

— Хорошо! Там будет видно. А сейчас... Подполковник Осипов!

— Я вас слушаю, товарищ генерал. — Антон Петрович по выражению лица Доватора угадал, что он принял какое-то необычное решение.

— Для того чтобы наши снабженцы... — пряча в изломе губ улыбку, продолжал Доватор, — для того чтобы наши кормильцы научились отечески заботиться о людях, надо им помочь, дать возможность прочувствовать, что означает хороший походик километров на тридцать, что представляет собой система немецкой обороны, как надо ценить людей, которые умеют схватывать во-время толкового «языка».

Доватор несколько секунд помолчал.

— Надо вот этих молодцов, — Доватор кивнул на старшин, — послать в разведку. Пусть срисуют нам расположение противника и кстати притащат «языка». А в качестве специалиста по языкам назначить за старшего начальника продфуражного снабжения лейтенанта Журбу. Посылать каждую ночь до тех пор, пока не выполнят задания. Все! — решительно закончил Доватор.

— Я всегда готов, — грузно повернувшись на затрепавшем стуле, в полной растерянности пробормотал Журба.

— Добудем «языка», товарищ генерал! Офицера притащим, — задетый за живое, заявил старшина батареи Алтухов.

Журба, склонившись к Худякову, хорохорясь, доказывал, что может взять в плен даже самого немецкого генерала.

Осипов, глядя на воинственно настроенного начальника снабжения, сдержанно посмеивался.

Отпустив хозяйственников, Доватор уступил настойчивой просьбе Никиты Дмитриевича и остался ужинать. За стол сели было одни мужчины, но Лев Михайлович решительно запротестовал. Пришлось усадить всех женщин и даже Ефимку. Доватор посадил ее рядом с собой.

— Гордись, Ефимка, первый раз рядом с генералом сидишь, — добродушно посмеиваясь, говорил Никита Дмитриевич.

— Да я генерал-то молодой... — отшучивался Лев Михайлович.

— А что, молодой нешто не настоящий?

— Нет, настоящий, советский.

Никита Дмитриевич ухмыльнулся и, лукаво прищурился, не без достоинства сказал:

— А ежели бы не советский, я б еще подумал садиться рядом-то...

Осипов, сидя напротив хозяина, поощрительно кивнул головой.

— А хорошо быть генералом, правда? — с искренней, чисто детской восторженностью спросила Ефимка. Она весь вечер пыталась заговорить с генералом, но на нее шикала мать и Доватором как-то сразу завладел отец.

— Правда, деточка. Генералом быть хорошо, но трудновато, милая, — погладив Ефимку по голове, задумчиво проговорил Доватор и, взглянув на Никиту Дмитриевича, спросил: — А если бы вас на самом деле пригласил немецкий генерал?

— Да он скорей меня на кол посадит, чем рядом с собой. Мне колхозницы рассказывали: были в соседней деревне два ихних генерала. Так прежде чем зайти в хату погреться, ребятишек на мороз выгнали. У колодцев часовых поставили. Боятся, чтобы колхозники отравы туда не кинули. Видно, имеют они понятие, как их встречают русские люди. Так-то, товарищ генерал! Вы меня извините, что я с вами по-простому разговариваю. От чистого сердца, как говорится...

— А я люблю, Никита Дмитриевич, простых, хороших людей.

— Это я вижу, Лев Михайлович, Да и дочь мне о вас много рассказывала. По-чудному так передавала: «Генерал, — говорит, — очень по характеру на тебя похож...»

— Что ж удивительного? Разве у нас с вами не может быть сходства?

— По душе это, пожалуй, верно. Мысли у нас одинаковые, потому что мы не о себе, а обо всей России думаем. В этом дочка моя права. Она людей нутром угадывает.

— Замечательная у вас дочь, Никита Дмитриевич. Но почему ее дома нет?

— Пошла раненых навестить да мужа проводить. На парад, что ли, собирается в Москву. А я, признаться, не стал об этом спрашивать. Может, секрет...

— Никакого секрета нет. Седьмого ноября в Москве на Красной площади будет парад.

— А вот немцы тоже собирались устроить парад. Листовки бросали, да, видать, не вышло!

— И не выйдет никогда! — твердо, с глубокой душевной силой сказал Доватор.

ГЛАВА 5

В штабе Доватора, расположенном в селе Деньково, жизнь кипела, как в муравейнике. Кавалеристы готовились к параду. Со всех сторон

подскакивали ординарцы, посыльные, офицеры связи, снабженцы. У кузницы всхрапывали в станках подвешенные на подпругах кони. Ковали, выдергивая изо рта гвозди, с тканьем вбивали их в копыта. Кони гулко били ногами, зло фыркали и повизгивали.

В особенности долго не давалась коваться Урса старшего лейтенанта Кушнарера, переименованная теперь в Ракету. Она взвивалась на дыбы, пособачьи рыча, грызла стальные трензеля и, разбрызгивая пену, пыталась цапнуть зубами кузнеца. Смирилась Ракета только после ноздревой закрутки.

Пройдя весь курс кавалерийского обучения, эта степная красавица подчинилась только коноводу-киргизу Калибеку и хозяину. Косясь на посторонних умными фиолетовыми глазами, она предупреждающе храпела и круто поворачивала словно выточенное бедро, намереваясь хлестнуть насмерть копытом. Однажды Петя Кочетков, залюбовавшись Ракетой, подошел к коновязи и решил погладить красивую лошадь. Кобылица, изогнув тонкую шею, настороженно фыркнула, но Петя не обратил на это внимания. Ухаживая за своим смирененьким монголом, он лазил ему под брюхо, чистил щеткой. Да и другие кони относились к нему ласково. Петя подошел сзади и смело протянул руки. Дневальный от ужаса потерял дар речи. Но тут произошло нечто поразительное. Ракета, повернув голову, легонько отшвырнула мальчика задней ногой на середину прохода и, сунув морду в кормушку, спокойно продолжала жевать сено. Петя обалдело сидел против соседнего станка и осторожно щупал пальцами ушибленный нос.

— Ну что, Кочеток? — подскочил к нему дневальный. — Цел, а?

— Ничего. Ишь, пинается, окаянная. Озорует... — смущенно ответил Петя и, погрозив кулаком, добавил: — Все равно на тебе проедусь. Честное пионерское, проедусь! Подумаешь, брыкнула. Видали таких.

Петя, отряхнув полушубок, вышел из конюшни.

Сейчас Ракета, стремительно выскочив из станка и играя на поводу, пружинила тонкими ногами и, цокая по мерзлой земле стальными подковами, покорно бежала за Кушнаревым, словно собака.

— Как бы она, товарищ старший лейтенант, на параде нам строй не поломала, — заметил Захар Торба, идя рядом с Кушнаревым.

— Ничего. Мундштука дам. Не подведет! — успокоил его Кушнарев, окинув коня горделиво-влюбленным взглядом, и задумчиво добавил: — Знаешь, как проеду по Красной площади? Искры разбрызгаю! Душу, Захар, вложу и сердце.

— Правильно. Пусть товарищ Сталин посмотрит, как мы бережем и выхаживаем коней. Да на таких конях, как наши, можно и до Берлина

дойти, — заражаясь горячей возбужденностью командира, проговорил Захар и вспомнил, как в конной атаке под Крюковым Ракета вынесла Кушнарёва вперед и он первым ворвался в самую гущу немецкой пехоты.

Торба, зная дикий характер кобылицы, направлял своего обладавшего огромной скаковой силой кабардинца вслед, за Кушнарёвым, намереваясь в случае опасности прикрыть его с тыла. Ракета неслась птицей. Над ее вытянувшейся спиной крылато нависала черная бурка командира. Узкая полоска кушнарёвского клинка мелькала в воздухе свистящей молнией. Мгновенными взмахами он наносил ужасные по силе удары. После атаки некоторые слабонервные люди отворачивались и жмурились глаза. Да и сам он, проезжая мимо, никогда не оглядывался на свою работу.

Когда в занятой деревне кавалеристы спешили, Кушнарёв отозвал Захара в сторону, до боли сдавив ему локоть, и, глядя в лицо черными, горящими от возбуждения глазами, тихо сказал:

— Спасибо, Захар! Я тебя чувствовал сзади, поэтому и шел смело. В атаке оглядываться некогда. Всегда так держись. А кто за тобой шел?

— За мной всегда Шаповаленко, Буслов, а за ними Павлюк. Он не рубит, из автомата с ходу бьет. Ловкий.

— Ах да, Буслов, Павлюк. Да, да... это настоящие, понимаешь, настоящие товарищи. А Шаповаленко! Нам у него следует учиться. Мы еще слепнем от ярости и теряем инстинкт самозащиты, а он в атаке все видит. Старик имеет опыт. Он давно обкурил свою люльку.

После той атаки Кушнарёв дня два ходил сумрачный, похудевший, вяло ел, мало разговаривал и много курил.

Торба как-то зашел к командиру в хату. Кушнарёв сидел, опустив голову на стол, как будто давил лбом крышку. Захар вообразил, что командир сильно выпил, но Кушнарёв, повернув к нему побледневшее лицо, молча указал глазами на стул. Задав два-три незначущих вопроса, он снова замолчал. Только по выражению беспокойных глаз его было видно, что он жестоко борется с мучительно тяжелыми мыслями.

Догадавшись о причине раздумья своего командира и не умея кривить душой, Захар без обиняков спросил:

— О немцах думаете, товарищ старший лейтенант?

— Думаю, комвзвода. О немцах и о другом думаю, — шумно передохнув, согласился Кушнарёв.

— А що ж о порубанных думать?

— О каких порубанных? — недоуменно пожимая плечами, спросил Кушнарёв.

— Да о тех, що под Крюковым стоптали. Да що о них, товарищ

старший лейтенант, думать. Фашистская падаль. Згинуть, да и все — туда им дорога. Только жалко — русскую землю поганят. А вы о них душу ломаете. — Торба разгневанно закурил мундштук папиросы и ожесточенно смахнул с бурки упавший на шерсть пепел.

— Я ломаю о них душу? О порубанных?

Перегнувшись через угол стола, Кушнарев приблизил лицо ближе к Захару. Оно было хмурое, утомленное и неузнаваемо страшное. Но Торбу, обладавшего железными нервами, смутить было трудно.

— Да есть такие хлипкие: побывал в бою, и начинает его сумность одолевать. А вы разве хлипкий? На войне батек да мамок нема.

— Вздор ты говоришь, Захар Торба!

Кушнарев резко положил руку на стол и, облегченно вздохнув, продолжал:

— Я бы не только батальон, а всю эту проклять гитлеровскую сжег и пепел по ветру пустил. У меня не то, браток, на душе. Пойдем погуляем, я тебе расскажу.

И увел Кушнарев Захара Торбу в лес. Сели под тень молодого размашистого дубка.

— Ты напомнил мне о батьке, о мамке. А я как раз о них и думал. Были у меня и батька, и мама, и девушка Настя, и братишки маленькие, глупенькие... На берегу Азовского моря голяком бегали, крабов за клешни вытаскивали, батьке моему рыбацкие сети путали. А когда я приезжал в отпуск, верхом на меня садились и фуражку мою пограничную примеривали. На войну со мной просились. А вот пришла война, батька ушел с партизанами. Явились гитлеровцы, мать повесили, над девушкой Настей надругались и в море со скалы бросили, а за ней и братишек. Вот о чем я думаю, младший лейтенант Захар Торба. Старик мне пишет: «Осиротели, сынок. Ты, — говорит, не забудь, что нам с тобой надо долго отплачиваться, а фашизму расплачиваться». Вот, комвзвода, мы и отплачиваем. Да разве есть в мире такая цена, чтобы смыть детскую да материнскую кровь? Скажи мне, Захар, есть такая цена, за которую бы вернули тебе любимую девушку?

— Нету такой цены, товарищ старший лейтенант! — глухо отозвался Торба. — Вы меня извините, что я плохо о вас подумал. Зараз вы мне такое рассказали, у меня внутри все жгутом крутится. К клинку тянет, рубав бы еще страшней, чем рубали вы под Крюковым. Зараз мне хочется вас за брата считать. Давайте, Илья Петрович, побратаемся. У нас такой, у казаков, обычай есть: поменяемся шашками, вы возьмите мою, а я вашу, и будет у нас кровное побратимство, нерушимое до самой смерти.

Встали два советских воина друг против друга, торжественно поцеловали клинки и передали друг другу.

После этого Захар стал относиться к Кушнареву не только как к своему командиру, но и как к старшему брату, — с глубоким уважением и чуткой заботливостью. Он по-хозяйски следил за его двумя конями, тренировал Ракету, бранил коноводов за всякую нерадивость. Приглядываясь к умному и требовательному командиру, он перенимал и быстро осваивал военный опыт кадровика и переносил его на своих людей. Взвод, которым он командовал, стал лучшим в эскадроне по дисциплине и боевой готовности. В бою, если предстояло выполнение сложной задачи, Захар охотно шел первым. Если Кушнарев подготовлялся проводить разведку лично, Торба тотчас же собирался вместе с ним

— Нет, ты останешься, — пробовал возражать Кушнарев.

— Почему я должен оставаться?

— Потому, что ты со мной на-днях ходил, а командир второго взвода отдыхал.

— Тю! — Торба презрительно морщился. — Не отдыхал. Або мы сюда на курорт приехали?

— Но людям-то отдых должен быть?

— Это Павлюку-то с Бусловым? Подите и скажите, чтоб они оставались. Подите!.. — угрожающе кивал Торба через плечо. — Они же сидят, ждут, колось вы придете и бай-бай их уложите. Если не возьмете, тогда они меня загрызут. Я один раз так зробил. Ушел со вторым отделением в разведку. Да и работенка-то попалась так себе: грузоподъемность мостов проверял и броды через реку Ламу. Ушел, а их не побудил. Прихожу, а они мне бойкот устроили — не разговаривают, официальный рапорт подали — в отставку, значит. В другой взвод решили перейти. А если, говорят, просьбу нашу не уважат, пойдём к генералу Доватору и попросимся к Осипову в полковую разведку. Мы, говорят, без дела сидеть не привыкли и работу везде найдем. Вот ведь какой народ! Но, конечно, я умею варить с ними кашу... Иногда и соленья подсыплю, но зря ни-ни.

За короткое время пребывания в подразделении разведчиков Кушнарев крепко полюбил в своем побратиме «е только смелую кавалерийскую удаль, но и сумел понять все своеобразие его расчетливых повадок командира-самородка. Торба, как и сам Кушнарев, был прост, доступен в личных отношениях, но требователен и неумолим по службе. Сейчас, в минуту мучительных переживаний, Кушнареву особенно был необходим чуткий и задушевный товарищ. Он помогал ему втянуться в суровый и

тяжелый труд разведчика, отдавая без остатка все силы, чувства и знания.

— Я понимаю, Илья, как лихо может окутать человека. Вот до тебя у нас командир был Алексей Гордиенков. Погиб он. Да ты, наверно, слышал. А у него жена, Нина, военфельдшером работала. Из нашей она станицы. Я бывало, як ее побачу, так у меня сердце припекать начинает. Зараз она в полку. Немного легче стало. Дивчина такая... Если бы вы знали...

— Если она тебе по душе... зачем же ты ее отпустил? — зорко приглядываясь к Захару, спросил Кушнарев.

— Да вы меня не так поняли. Я говорю, что мы лейтенанта так любили, и ее вместе с ним. У них была такая дружба. А про меня вы плохо не думайте. Я для своей Аннушки зараз готов себе вырвать сердце, потому що был до войны великий дурень. Я вам все начистоту выложу.

И поделился Захар со своим побратимом всеми житейскими радостями и тревогами и рассказал, что он уважает Оксану, которая его лечила в партизанском отряде.

— А вот Нину действительно отпустили напрасно. Тут ей конечно, было бы легче. Да вот як-нибудь поедем в полк, я вас познакомлю. Эх и дивчина, щоб вы знали! Не будет же она вечно горевать.

Захар, как бы ненароком, забросил в душу Ильи Кушнарева зернышко надежды. Кушнарев без лишних и ненужных слов понимал, что Захар сильно и страстно любит Аннушку, маленького сына и не стыдится своего молодого счастья. Когда человек счастлив, он должен того желать и другим.

Отведя ракету на конюшню, Кушнарев и Торба направились к себе в хату. Квартировали они вместе. В большой, празднично убранной комнате за столом, перед нераспечатанной бутылкой вина сидел слегка подвыпивший Шаповаленко. Он держал за руку Буслова и говорил:

— Почему ты не хочешь со мной трохи горилки выпить? С праздником меня поздравить? У меня такой праздничек, хоть волос рви на своей плешивой голове.

— Нехорошо, Филипп Афанасьевич, — урезонивал его Буслов, — ты самый у генерала первейший человек. Он тебе жизнь охранять доверяет, а ты опять что-то такое сотворил.

— Это бог Адама с Евой сотворил да штабных писарей, щоб им пусто было! Но все равно я тому письменному стрикулисту такое лихо зрблю, щоб у него в глазах буквы гопак затанцовали! — бушевал Шаповаленко.

— Что случилось, Филипп Афанасьевич? — войдя в комнату, спросил Кушнарев.

— А случилась такая история, що зараз я самый що ни на есть подлец,

недисциплинированный человек. Побоявси отрубать голову одному злыдню.

— Кому же это?

— Писарю Салазкину, — покручивая ус, мрачно ответил Шаповаленко.

— За што же?

— За то, що вин мени осрамил перед всем рабочим классом и трудящейся республикой.

На дальнейшие расспросы Шаповаленко отвечать отказался.

Выпив рюмку вина, он попрощался и ушел.

А произошло вот что: вернувшись вместе с Доватором с передовых позиций и расседлав коня, Шаповаленко, угостившись стопкой горилки, пошел отыскивать Салазкина. Нашел он его в одной из хат. Писарь стоял у зеркала, расчесывая пышную шевелюру, и напевал какую-то чувствительную, сочиненную им самим песенку.

— Товарищ Салазкин, — официально начал Шаповаленко, — вам придется написать одну бумаженцию.

— Какую, Филипп Афанасьевич, бумаженцию? — поглядывая на сумрачное лицо Шаповаленко, встревоженно спросил Салазкин.

— Ты пиши, а я продиктую. Це треба для самого генерала.

Писарь, зная, что Шаповаленко исполняет обязанности ординарца, перечить не стал и, взяв лист бумаги, уселся за стол.

— Пиши так, — начиная играть убийственного вида плетью, диктовал Филипп Афанасьевич: — «Генералу Доватору от писаря Салазкина рапорт».

— Ты мне не морочь голову. Только скажи, что тебе нужно? — возмутился Салазкин.

— Я тобі скажу. Ты слухай и пиши: «Я, писарь Салазкин, подлец. Написал одной девушке фальшивое письмо с разными такими глупостями и подписал фамилией своего товарища. Прошу за мой недостойный поступок наложить на меня взыскание».

— Да я же, Филипп Афанасьевич, шутейно! Ну, понимаете, подшутил, — оправдывался растерявшийся Салазкин, удивляясь, каким образом узнал о его проделке Шаповаленко.

— Я старый партизан, а не шут! Вместе с Котовским белых гадов рубав! Пиши! — багровея от гнева, рывкнул Шаповаленко. — А не то... — продолжал он хрипло, обрывая на шашке кисточки темляка, — не то зараз пойду до генерала, покажу ему твою цыдульку. Вот она! — Филипп Афанасьевич, чтобы достать письмо, резко отбросил эфес клинка и сунул

руку в карман. Салазкину показалось, что разъяренный Шаповаленко хватается за шашку. Не долго думая, он стремительно бросился к двери. Выскочивший вслед Шаповаленко нагнал его около сеней и, поймав за подол гимнастерки, слегка придержал за пышно расчесанную шевелюру. Писарь не выдержал и громко крикнул:

— Пусти!

Проходивший мимо Доватор, услышав крик, завернул во двор.

— Это что такое? — сдерживая усмешку, спросил Лев Михайлович.

— Да шуткуем, товарищ генерал, играем, — ответил Шаповаленко, изображая на покрасневшем лице добродушную улыбку.

— Пошутили малость по-дружески, товарищ генерал, — подтвердил Салазкин, приглаживая растрепавшиеся волосы

Но Льва Михайловича обмануть было трудно.

По их возбужденным лицам он видел, что здесь не просто «шалость». Попытка генерала узнать истинную причину ссоры успеха не имела. «Друзья» упорно отмалчивались. Рассердившись, Доватор наградил каждого по внеочередному наряду, а Филиппа Афанасьевича вдобавок лишил поездки в Москву.

— Это безобразие, товарищ Шаповаленко. Вы, почетный старый служака, лучший кавалерист, таскаете мальчишку-писаря за чуб! Никуда не годится. А если бы увидели люди? Ну, скажут, и войско у генерала Доватора. За чуприны друг друга треплют. Позор!

— Да вин же, товарищ генерал... — начал было оправдываться Филипп, но тут же, вспомнив о письме, умолк.

— Ну, что он тебе? — допытывался Доватор.

— Да ничего такого, товарищ генерал. Шутковали трохи.

— Вот за такое «шуткование» в Москву на парад не возьму!

— За такое, товарищ генерал, дело следует мне, старому дурню, усы повыдергать, — глубоко вздохнув, сказал Филипп Афанасьевич.

На квартире Доватора поджидал бригадный комиссар Шубин. Он только что вернулся из дивизии Медникова, где поверял состояние обороны и следил за подготовкой сводных эскадронов к участию в московском параде. Все детали предстоящего выступления Михаилом Павловичем были продуманы и взвешены совместно с командирами полков и комиссарами, обсуждены на партийно-комсомольском собрании. Во всех подразделениях уже проведены митинги. Участники парада должны показать советскому пароду, что Красная Армия не только отстоит Москву,

но и разгромит фашистских захватчиков наголову.

— Вот так, Лев Михайлович. Все подготовлено. Можно выступать.

— Очень хорошо, Михаил Павлович. Спасибо!

В глазах Доватора весело затеплились огоньки. Он был рад предстоящей поездке и не мог скрыть этого чувства.

— Меня-то за что благодаришь? Ты скажи спасибо товарищу Сталину. Это он тебя вызывает, — радостно улыбаясь, сказал Шубин. На его крупные мужественные черты лица набежала суровая торжественность. — Ты знаешь, этот парад войдет в историю. Из поколения в поколение, из уст в уста будет передаваться, как партия большевиков в тяжкие для родины дни уверенно и непоколебимо показала всему миру, что своих великих завоеваний она никому и никогда не уступит. Гордись, генерал Доватор, что ты участник этих великих событий!

— Горжусь, Михаил Павлович, горжусь нашей партией, горжусь тем, что мне выпало счастье защищать родину под командованием величайшего полководца Иосифа Виссарионовича Сталина. Всем советским народом горжусь!

Как клятву, как присягу произнес эти слова Доватор. Его невысокая, в новом кителе с генеральскими звездочками стройная фигура была мужественна и энергична. Светлые, остро поблескивающие глаза и движения густых широких бровей выражали радость и в то же время озабоченность.

Шубин подметил это, незаметно приблизившись к Доватору, взял его за пуговицу кителя.

— Ты о чем сейчас думаешь, Лев Михайлович?

— Я думаю о той ответственности, которую возлагает на нас участие в этом параде. Мы обязаны еще глубже продумать свое отношение к делу, которое сейчас совершаем, не с точки зрения долга и чести, — это мы выполняем как граждане своей родины, — а с точки зрения наших полководческих способностей.

— Разве ты не уверен в своих способностях?

— Не в этом дело, Михаил Павлович. Если бы я не был уверен, я бы не надел генеральский мундир. Звание советского полководца для меня священо. Я должен оправдать его перед народом, перед партией. Разве это не ответственность? Про меня говорят, что Доватор берет храбростью. А что такое храбрость? Храбрость — это до конца осознанная ответственность. Я до революции, когда мальчишкой был, босой ходил по узенькой полоске за деревянной сошкой и заставлял ее родить жито, ибо знал, что иначе семья моя умрет с голоду. В двадцатом году вступил в

комсомол, стал секретарем ячейки и понял, что сошку надо в печь, а заводить железный плуг. В двадцать седьмом был уже членом партии и твердо осознал, что плуг — это мало, надо трактор, и надо еще перепахать узенькие полоски, превратить их в широкое общественное поле. Пошел я в армию рядовым бойцом, потом стал командиром отделения, химинструктором, командиром взвода, политруком эскадрона, комиссаром дивизиона, начальником штаба кавалерийского полка, бригады, потом окончил военную академию...

Доватор закурил.

— Много лет партия большевиков прививала мне чувство ответственности за все мои поступки. Теперь я в генеральском мундире. За мной шагают вверенные мне кавалерийские полки! Послезавтра на параде будет сам Сталин, и, наверное, он подумает: как же Доватор распоряжается этими полками? Подумает, Михаил Павлович!

— Подумает, обязательно подумает.

Шубин слушал его напряженно и понимал даже то, что не было досказано. Все мысли Доватора были поглощены чувством ответственности перед родиной.

— И товарищ Сталин подумает и весь народ, — продолжал Михаил Павлович. — Весь советский народ взялся за оружие. Ты смотри-ка, уральские рабочие прислали нам гвардейские минометы, кубанские колхозники везут в наше соединение тридцать вагонов подарков. Только что получили телеграмму из штаба фронта. Шлют, понимаешь, персональные подарки кавалеристам генерала Доватора. Завтра сами будут здесь.

— Да ну! Надо же встречу организовать. Выходит, гости приедут, и самые дорогие, а хозяев дома нет. Неловко получается. Как же быть-то, Михаил Павлович, а? — с искренним огорчением проговорил Лев Михайлович

— Ничего. Причина уважительная. Мы встретим их, как полагается, — успокоил его Шубин.

— Это все хорошо, но ведь они тебя сейчас же спросят, где генерал Доватор? Покажи! Неладно получается.

— Ну, что ж поделаешь. Я им все объясню. Извинюсь.

— Правильно, обязательно извинись и непременно задержи их до моего приезда. Как только парад кончится, я быстренько прикачу. Нельзя, нельзя не встретиться. Люди за тысячи километров ехали

Вечером, выйдя из избы, чтобы ехать в Москву, Доватор заметил стоявшего на посту Шаповаленко. Филипп Афанасьевич, четко пристукнув

каблуками, отдал положенное по уставу приветствие. Доватор, козырнув, молча прошел мимо и сел в машину. Закрывая дверцу, Лев Михайлович почувствовал на себе пристальный взгляд казака и на секунду смутился. Оттого, что он лишил этого бесконечно преданного ему человека праздничной поездки, Льву Михайловичу стало как-то неловко. Мгновенная вспышка человеческой жалости переросла в чувство досады. Уезжая, он как будто оставлял за собой неприятный, огорчающий кого-то след. Машина, фыркнув мотором, уже двинулась, когда Доватор, тронув шофера за рукав, приказал остановиться. Открыв дверь, он подозвал Шаповаленко.

— Вот что, Филипп Афанасьевич. Завтра к нам приезжают твои земляки, кубанские колхозники. Надо встретить их, как полагается. Ты тут помоги бригадному комиссару, понятно?

— Понятно, товарищ генерал.

— Насчет помещения позаботься. Гармонистов пригласи. Повару передай, чтоб обед хороший приготовил. Песни сыграйте, да так, чтобы немцы в Волоколамске слышали, как поют кубанцы. Вот так. До свидания.

— До свидания, товарищ генерал!

Горло Филиппа Афанасьевича сжала непреодолимая спазма. «Землячки с Кубани... помочь бригадному комиссару... гармонисты». Все спуталось, смешалось в голове бывшего казака. Колючий ус, щекоча губы, лез в рот. А ветерок ноябрьского вечера трепал бороду и что-то напевал на ухо.

Шаповаленко не слышал, как подошел гарнизонный патруль. Одним из патрульных был Салазкин.

— Ты подожди, мне надо дружку словцо сказать, — шепнул Салазкин своему напарнику и подошел к Шаповаленко. — Филипп Афанасьевич!

— Ну!

— Филипп Афанасьевич! Ты, батька, на меня не сердчай. Извини. Я рапорт написал. Вот он, возьми. Я все здесь изложил. Не сердчай, батька, понимаешь...

Салазкин, сунув растерянному Филиппу Афанасьевичу лист бумаги, поскрипывая по снегу валенками, побежал догонять товарища.

Шаповаленко недоуменно вертел рапорт в руках, не зная, куда его девать, потом порвал на части. Через минуту порывистый ветер вырвал из его рук бумажные клочья, зашвырнул их под коновязь и смешал с сыпучим снегом.

ГЛАВА 6

По Ленинградскому шоссе со стороны Волоколамска двигалась кавалерия. Это были кавалеристы генерала Доватора. Прямо с передовых позиций ехали они на парад.

Рослые сухоголовые кони, закудрявленные инеем, казались седыми. Они настороженно косились на серые, затемненные громады зданий. Всадники в длинных, свисающих до стремян шинелях не имели обычного щегольского кавалерийского вида.

Несмотря на утомительный переход, кавалеристы были веселы. У одного из командиров, ехавшего впереди эскадрона, широкие полы бурки закрывали круп лошади до самого хвоста. Высокий красавец-конь, откидывая назад голову и горячася, цокал подковами, рассыпая по мостовой искры, словно красуясь перед собравшимся на панели народом круто выгнутой шеей и тонкими, сухими ногами.

— Фронтоники едут! Фронтоники! — раздались голоса в толпе. — Да неужели пустят немцев в Москву?!

— Не пустим, товарищи! Не пустим! — ответил командир в бурке и, обернувшись к колонне, протяжно крикнул: — Бус-лов!

Всадники, скрипя седельной кожей, подтянулись. Звонкий тенор, перекрывая дробный цокот подков, дружно подхваченный сотнями молодых голосов, взвился над мостовой, разносясь по улицам и переулкам Москвы. Могучая песня врывалась в зияющие темнотой двери, проникала сквозь оконные стекла, рвалась ввысь.

Стоявший на панели высокий седой старик в каракулевой шапке протирал очки, часто покашливал и кряхтел, его поддерживала под руку молодая девушка.

— Вот вспомни потом и оцени мои слова, — говорил старик взволнованным голосом. — Могут ли эти люди-богатыри пустить врага в нашу Москву? Не могут. Этого никогда не случится. А сегодня, возвращаясь из университета, я видел танки. Тысячи танков. Да!

— Их, папа, была не тысяча, а меньше, — возразила девушка.

— Это не имеет значения. У нас есть тысячи. Надо всегда основательно мыслить. Я видел пушки. Огромные пушки, величиной с двухэтажный дом. Есть орудия, выпускающие в минуту больше сотни снарядов и...

— Таких пушек не бывает, — перебила девушка, — Ты, папа, преувеличиваешь.

— Ты разговариваешь со мной, как с мальчишкой.

— Ты, папа, иногда поступаешь, как мальчик.

— Например?

— Например, ты послал на фронт в подарок свой голубой шарф. Его нельзя носить, потому что это демаскирует. Может заметить снайпер.

— Вздор! Его можно надевать под шинель, — решительно заявил старик. — Ты, милочка, трусиха!

— Нет, папа, это неправда.

— Как же неправда? Если бы я тебя послушал, то мы были бы в Средней Азии. А я вот остался в Москве и желаю строить баррикады.

Спор отца и дочери заглушил тревожный вой сирены. Сотрясая здания, загрохотали зенитные батареи. Над затемненной Москвой бороздили небо огненные мечи прожекторов. Собравшийся на панели народ без всякой суеты и торопливости расходился по домам. Кавалерия свернула в ближайший переулок и исчезла в темноте ноябрьской ночи.

Поздней ночью на Фрунзенском плацу патрули встретили медленно идущего военного, одетого в широкополую кавказскую бурку. Это был генерал Доватор.

Разместив прибывших на парад кавалеристов, Лев Михайлович зашел к себе домой. В квартире все было на месте. На диване лежала румяная кукла, забытая дочкой. Казалось, что сейчас из спальни выскочит Рита и, вскрикнув от радости, обнимет теплыми ручонками отца за шею. Но в комнате было тихо. В окна заглядывала холодная чернота ночи. За стенами гремела танковыми гусеницами и гудела сиренами предпраздничная военная Москва сорок первого года.

Лев Михайлович подержал в руках улыбающуюся куклу, пригладил ей взъерошенные волосы и посадил в уголок дивана между валиком и стенкой. Подойдя столу, он написал на листе бумаги:

«Был дома 6 ноября 1941 года».

— Откуда так поздно, Лев Михайлович? — спросил подполковник Осипов неожиданно зашедшего к нему Доватора.

— Да, понимаешь, домой заходил... — задумчиво ответил генерал, снимая с плеч бурку.

Осипов догадался, что Доватор никого дома не застал и захлопотал было с приготовлением ужина, но Лев Михайлович отказался. Присев на кровать, он устало улыбнулся. В строгих глазах Доватора дрожали светлые искорки. Смотря на командира полка внимательным, спрашивающим взглядом, он заговорил:

— Уехали. Знал, что их нет, а все-таки пошел... Куклу на диване забыли. Дочурка оставила... Огорчилась в дороге, наверное, может быть, и всплакнула. Мне тоже захотелось заплакать, да ничего не вышло. Давно не плакал, разучился, что ли...

Лев Михайлович покачал головой, точно сожалея о том, что ему не удалось заплакать.

— Знаешь, Антон Петрович, я в жизни никогда так не волновался, как сегодня. К Москве подъезжал с таким чувством, словно не был в ней десяток лет. Откровенно признаюсь: хотелось мне выпрыгнуть из машины, подбежать к людям, обнять их. Оглядываюсь кругом, ищу следы бомбежек, не вижу. Все стоит на месте. Трамваи гудят, троллейбусы, машины и народ кругом... И вдруг воздушная тревога. Зенитки бьют, а люди спокойны. Вот это люди, это москвичи!

— Герои! — проговорил Осипов. — Когда мы подъезжали к Москве, встретились около Покровского-Стрешнева с добровольцами. Укрепления строят. Девушки, парни, женщины, старики, подростки. Все кричат: «Ура фронтовикам! Бейте насмерть фашистов!»

Ранним утром седьмого ноября столичные мостовые засыпал мягкий снежок. Прибывшие на парад кавалерийские части вместе с другими войсками выстроились на Красной площади. Справа от мавзолея перед рядами своих кавалеристов на породистом коне сидел генерал Доватор. Он не спускал глаз с трибуны.

На мавзолее, у микрофона, в слегка запорошенной снегом шинели стоял Сталин.

«Товарищи! — говорил он. — В тяжёлых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции».

Он поднял голову и обвел глазами выстроившиеся войска. На его фуражку и воротник шинели пушистыми звездами падал снег.

Слова вождя доходили до самого сердца, — такие обыкновенные и простые, как дыхание, слова.

«Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?»

Доватору хотелось запомнить каждый жест, каждое движение вождя.

Вот Сталин, слегка качнув плечами, твердо переступил с ноги на ногу, продолжая спокойно и медленно говорить с простой, глубокой сдержанностью, которая дается только великой силой и непоколебимой убежденностью в своей правоте.

Лицо Доватора под тенью барашковой папахи горело возбужденным

румянцем. Он не чувствовал онемевших на эфесе клинка пальцев и не замечал падавшего за ворот шинели снега. В груди поднималось острое чувство радости и гордости.

Буслов находился в переднем ряду на правом фланге. Слушая речь Сталина, он видел его лицо и с замирающей в сердце радостью ловил каждое слово. Однако ему казалось, что каска слишком давит ухо и мешает слушать. Концом лежащего на плече клинка он слегка приподнял каску и затаил дыхание.

«Бывали дни, когда наша страна находилась в ещё более тяжёлом положении, — говорил товарищ Сталин. — Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов...

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад... Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад».

Мощное раскатистое «ура» заставило Буслова вздрогнуть. Его конь, взмахнув головой, переступил с ноги на ногу. Буслов крепко придержал повод и с радостным вдохновением громко крикнул: «Ура!», не замечая, что он опоздал и своим опозданием нарушил стройность приветствия. Этого никто не заметил, кроме Доватора.

Лев Михайлович понимал, какое чувство обурекает Буслова и всех присутствующих на параде людей. Тысячи бойцов и командиров проходили мимо стен древнего Кремля, и все, как один, в строгом равнении повернув голову, искали глазами человека с приветственно поднятой рукой, под водительством которого им выпало счастье защищать советскую родину.

Проезжая по улицам Москвы, Буслов все еще слышал слова товарища Сталина и ничего не замечал вокруг. Он не слышал даже окрика знаменосцев, на которых он наехал своим конем.

— Не ломай строй, — оглянувшись, сказал ему Торба, — объезжай слева.

— Зачем объезжать? — не понимая, спросил Буслов.

— Генерал вперед вызывает, сколько раз тебе говорить?

Буслов дал коню шпоры и в несколько резвых скоков подъехал к генералу.

— Буслов, почему «ура» один кричал, а после команды «смирно» клинком за ухом чесал? — весело глядя на опешившего разведчика, спросил Доватор.

Посмотрев на генерала, Буслов ответил не сразу. Слегка наклонив

голову, черенком нагайки он счищал с конской спины снег. Обычно, когда он говорил или пел, по движению его бровей и улыбке, по блеску голубых глаз можно было читать его истинные мысли и чувства. Сейчас по его лицу скользила радостная и застенчивая улыбка. Квадратный, с мелкими морщинами лоб хмурился. Казалось, что этот богатырский детина собирается заплакать...

— Слова, — поджав губы, отрывисто проговорил Буслов.

— Что слова? — настойчиво спросил Доватор.

— Понятные слова говорил товарищ Сталин. Особенности слова. Я теперь могу все что угодно сделать. Не сробею.

— По-моему, ты никогда не робел, — поощрительно улыбаясь, сказал Доватор.

— Нет, маленько бывало. Только очень стыдно после таких слов об этом думать. Теперь этого не будет!

Вскинув на Доватора влажно поблескивающие глаза, с проникновенной убежденностью он добавил:

— Сроду не будет, товарищ генерал. Сами увидите, говорю вам просто...

«Да, это на самом деле сказано просто», — подумал Лев Михайлович. Он знал силу такой простоты! Просто говорить, просто вести себя, просто улыбаться, уважать себя и людей. В этом «просто» содержится самое драгоценное, что есть в сердце человека.

— Правильно говоришь, Буслов, очень правильно!

Доватор кивнул головой и, опустив загоревшиеся глаза, думал о том, чего Буслов не смог передать своими словами. Это были мысли всего советского народа. Их выразил Сталин.

— Буслов, у тебя в Москве есть родственники или знакомые? — спросил вдруг Доватор.

— Есть, товарищ генерал, профессор один...

— Профессор? Родственник?

— Нет, знакомый. И даже не знакомый. Подарок я от него на фронте получил. Теперь переписку имеем.

Буслов назвал фамилию профессора и адрес.

— А ты сходи к нему. Обязательно сходи и поблагодари.

Доватор подробно объяснил ему, как разыскать по адресу профессора, и разрешил отпуск на целый день. При этом спросил, есть ли у него деньги.

Буслов поблагодарил генерала, но от денег отказался.

По приезду в казармы, убрав коня, Буслов начал собираться в гости.

Ординарец Доватора предложил ему свою щегольскую кавалерийскую

венгерку, но с непременным условием надеть профессорский шарф. Буслов категорически отказался: подарок имел уж очень яркий цвет.

— Понимаешь, дружочек мой, какая это вещь? Это ж подарок! — говорил Сергей. — Красота! Художественная работа. Я бы сам не отказался иметь такой.

— Нельзя надевать. Нарушение формы. До первого патруля, — упорствовал Буслов.

— Кавалерийская форма, чудак! Верх на твоей кубанке синий, а вместо башлыка голубой шарф! Бесподобно! Усы закрутишь, красота! А не хочешь, снимай венгерку. Ничего ты не понимаешь, скромник.

Буслов вынужден был согласиться. Посмотрев в зеркало, он убедился, что шарф действительно идет к нему. Большой любитель всякого оружия, Сергей прицепил ему шашку и пистолет.

На площади Свердлова, у витрины кинотеатра, толпился народ. Подошел и Буслов. Увидев как-то по-особому одетого кавалериста, люди почтительно расступились. Буслов смущенно подвинулся к витрине, но тут же с изумлением остановился. За стеклом крупными буквами было написано:

«Атака кавалеристов генерала Доватора».

Внизу на увеличенной фотографии был изображен момент атаки. Под одним из всадников Буслов сначала узнал коня Захары Торбы, немного позади скакал он сам. «Вот, смотрите», — хотелось сказать ему, но он сдержался, почувствовав, как по всему телу пробежала пульсирующая дрожь и, словно электрический ток, начала отдаваться в концах пальцев. Он вспомнил атаку на Рибшево, гибель, любимого командира и крепко сжал кулаки.

— А вы там не участвовали случайно, товарищ кавалерист? — спросил кто-то из толпы.

К щекам Буслова прилила кровь, и дрожь прекратилась в сжатых пальцах, но говорить он не мог.

Внимание прохожих отвлекло радио. Началась трансляция записанной на пленку речи товарища Сталина, Народ отхлынул от витрины и стал скапливаться у висевшего на углу дома репродуктора. Подошел и Буслов. Увлеченный звуками знакомого голоса, он тотчас забыл об атаке и снова выслушал всю речь до конца.

— Что вы, уважаемая, на это скажете, хотел бы я знать? — проговорил высокий старик в каракулевой шапке и погрозил стоящей перед ним девушке суковатой палкой. — Что вы на это скажете, сударыня?

— Я скажу, что вы, сударь, правы.

Девушка, не замечая пристального взгляда Буслова, задорно подмигнула старику, как своему задушевному товарищу.

— Озорная девчонка! Когда ты станешь серьезной?

Старик огляделся по сторонам, и взгляд его остановился на Буслове. Старик, словно поперхнувшись, клюнул носом и поверх очков стал пристально вглядываться в высокого щегольски одетого кавалериста. Склонившись к девушке, он тихо сказал:

— Васса, смотри!

— Что, папка? — близоруко щуря глаза, спросила девушка.

— Погляди, что у него на шее.

— Вижу, шарф. Очень похож...

— Не только похож, а это он. Работу, работу нашей милейшей Анны Никифоровны я узнаю из тысячи. Я сейчас...

Старик шагнул к Буслову.

— Извините великодушно. Вы не с фронта?

— Так точно, — Буслов почтительно и четко звякнул шпорами.

— Разрешите узнать, откуда у вас этот шарф?

— Фронтной подарок. От профессора Ивана Владимировича Сопрыкина.

— Совершенно верно! — Старик протянул руку и, пожимая руку Буслова, внушительно добавил: — Благодарю за письмо. Очень рад, очень рад. Вы, наверное, догадываетесь, что я и есть Иван Владимирович. А это моя дочь Васса, а проще Васенка. Вы, значит, тот самый разведчик Буслов. Мы про вас в газетах читали.

Обрадованный профессор говорил возбужденно и громко.

— Значит, трудно на войне?

И, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Разумеется, я так и предполагал. А вот она этого не понимает. Двадцать три года, а все прыгает, скачет, как девчонка. Вот в Азию от бомбежки скакать хотела. Я отговорил. На фронт хотела ехать, не взяли. «У нас, — говорят, — без вас близоруких много». Теперь ни с того, ни с сего пошла окопы рыть. Парадоксальная девица!

На такую характеристику «парадоксальная» девица и бровью не повела. С лукавой усмешкой посматривала она на отца и со смелым любопытством на Буслова. Близорукие глаза ее пытливо, по-девичьи щурились и, казалось, говорили: «Не обращайтесь внимания на старика. Он ворчун и придира, но, в сущности, человек самый добрейший».

Подхватив Буслова под руку и заглядывая ему в лицо, девушка засыпала его вопросами:

— Вам нравится шарф? А шоколад получили? Это очень питательно. Страшно на войне? Шашка у вас очень острая? Сколько немцев зарубили?

— Вздорных вопросов, сударыня, не задавать, — перебил ее Иван Владимирович. — Прощу, любезнейший, в это парадное. Мы уже дома.

Едва успевая отвечать на вопросы, Буслов очутился в квартире профессора на улице Горького.

Васса отцепила у Буслова шашку и куда-то унесла. Иван Владимирович снял с него шарф и крикнул Анну Никифоровну.

Из соседней комнаты торопливо вышла черноволосая невысокая женщина. Буслов угадал, что это мать девушки.

— Ты видишь?

Профессор, держа шарф обеими руками, поднес его к лицу жены.

— Вот кому попал!

— Здравствуйте, мой дорогой. Мы от всей души собирали фронтовикам подарки. Хотелось положить самое лучшее, — проговорила Анна Никифоровна.

Буслову она напоминала сельскую учительницу, у которой он когда-то учился. Такая же спокойная, мягкая и строговатая.

— Садитесь, дорогой товарищ Буслов, — пригласила она.

Иван Владимирович бережно накиннул шарф Буслову на шею и, расправляя его, повесил бахромы голубых кистей на плечо так, чтобы не закрывать два ордена Красного Знамени. Обняв растерявшегося разведчика, он повел его к столу.

Сначала Буслов чувствовал себя неловко, но радушное и дружеское отношение этих людей быстро устранило замешательство и неловкость. Этому способствовал Иван Владимирович. Он расспрашивал Буслова о войне. Но сам говорил больше всех.

— Значит, вы говорите, побывали в тылу у немцев? Приказ выполнили и обратно вышли? Хорошо! Каждый день сводка Информбюро сообщает: «Кавалеристы генерала Доватора отбивают атаки гитлеровцев». Молодцы! А мы с Вассой, признаться, в октябре тут...

— Уж говори прямо, — перебила жена.

Анна Никифоровна рассказала, как Васса обивала пороги военкоматов и просилась рта фронт, но ей всюду отказывали из-за близорукости. Ей удалось записаться в строительный батальон. Когда узнал об этом Иван Владимирович, он, несмотря на свои шестьдесят пять лет, тоже загорелся. Обманув Анну Никифоровну, они украдкой исчезли из дому и несколько дней копали противотанковые рвы.

— Я боялась с ума сойти, — продолжала Анна Никифоровна: — один

ученый, а другая аспирантка. Вечно крик, спор. Не квартира, а дискуссионный клуб.

— Мы спорим принципиально. Два зоолога никогда не уживутся мирно, — усмехнувшись, сказал Иван Владимирович.

— А окопы — это тоже зоология? — спросила Анна Никифоровна.

— Нет, не зоология. Это называется полевая фортификация. Ну ладно, милочка, ты меня перебила. Так, роем мы окопы. Ополченческий добровольческий батальон. Работаем, батенька мой, по-стахановски. Васса моя лопатой орудует. Мы с одним инженером профили высчитываем, вымеряем и тому подобное. Дело это мне немного знакомое. В один прекрасный день катит из Москвы грузовая машина. Останавливается около нас этакий субъект с дамочкой и говорит: «Бросайте копать, немцы в Можайске». — «А это мы и без вас знаем», — отвечает инженер, хоть человек совсем не военный, но основательный. «А вы, собственно, кто такой будете? — спрашивает он субъекта. — Почему панику поднимаете?» Тот достал в палец толщиной папиросу и, форменно обидевшись, говорит: «Я ответственный работник торговой сети и требую надлежащего обращения!» А мы без лишних формальностей потребовали от него документы, на каком основании он на грузовой машине эвакуируется. Таких документов, разумеется, не оказалось. «Почему, — спрашиваем, — вы так неорганизованно уезжаете?» — «Я, — говорит, — занимаю определенное положение». — «Значит, — говорим, — по этому самому положению вы имеете право положить в кузов рояль и шифоньерку?» Подружка его начала носик пудрить и вступилась за мужа. «Сегодня, — говорит, — к вечеру немцы в Москве будут».

— Они никогда здесь не будут, — с глубокой внутренней убежденностью тихо проговорил Буслов.

— Совершенно верно! — подхватил профессор. — Так и народ сказал, который оборону строил. Да, да, так и сказал: никогда им здесь не быть! Вот дочь моя — свидетель!

— А мы вам верим, Иван Владимирович, верим. Сегодня и товарищ Сталин так же сказал, — подтвердил Буслов.

Распрощался с ними Буслов под вечер.

Над затемненной Москвой в облачном небе мирно покачивались аэростаты воздушного заграждения. Гудели тяжело нагруженные автомобили, звенели трамваи. По Волоколамскому шоссе на фронт шли войска.

ГЛАВА 7

Длинный состав тяжело груженного товарного поезда, громыхая на стыках рельсов, мчался в направлении Волоколамска. В отдельном купе единственного пассажирского вагона сидели пожилой человек в полувоенной форме, с орденом Ленина и депутатским значком Верховного Совета Союза ССР, и две женщины. Одна из них была пожилая, дородная, с полным и красивым лицом, с сильными, по-мужски развитыми руками и с заметной в волосах проседью. Одета она была в темносиний костюм, на ногах новые юфтевые сапоги.

Другая была молодая женщина в белом кавказском платке, ярко оттеняющем ее черные, ушедшие к вискам брови и темносиние глаза. Она была хороша не только своей молодостью, чистыми линиями лица, но и умным выражением больших строгих глаз, статной, крутоплечей фигурой и ласковой звучностью певучего голоса.

— Сколько машин! Вы только ж гляньте, Полина Марковна! Сколько пушек? Вы только ж посмотрите, Константин Сергеевич!

— Да я бачу, Аннушка, всю громаду бачу, — густым протяжным голосом отвечала Полина Марковна.

Вдоль линии железной дороги по Волоколамскому шоссе на предельной скорости катился непрерывный поток автомашин. Брезент, ящики, бочки, пушки на прицепах, штыки над круглыми касками, серые шапки-ушанки над белыми маскхалатами, пулеметы с торчащими вверх дулами... А по обочинам с тяжелой неторопливостью, как бы уверенные в своей силе, гусеничные тракторы тянули длинноствольные орудия.

У Полины Марковны немеют колени и в горле застревает воздух. У Аннушки восторженно расширяются глаза, на лице появляется гордая, уверенная улыбка.

— Силища-то прет, силища!

А они, простые русские женщины, вместе с членом правительства — депутатом Верховного Совета Союза Смеловым везут советским воинам тридцать вагонов подарков от кубанских колхозников и наказ жителей Кубани отстоять столицу Москву — сердце социалистической родины. Тысячи бурок, полушубков, папах, валенок, рукавиц, перчаток, заботливо сработанных советскими патриотами. Тысячи килограммов сала, окороков, колбас, сухих фруктов. Тысячи литров вина с обильных колхозных виноградников. Вот что везут фронтовикам представители Северокавказского края.

— Скоро, наверное, фронт, да, Константин Сергеевич? — нетерпеливо спрашивает Аннушка.

— Скоро, Анна Дмитриевна, скоро.

Константин Сергеевич, расправив широкие плечи, подходит к окну.

— Смотрите-ка, конница, казаки. Может, своих признаем.

Навстречу бесконечному потоку машин, покачиваясь в седлах в такт размеренной поступи, движутся стройные колонны всадников. Они едут к Москве. На лошадиных крупах крылато стелются широкоплечие бурки.

— Да це ж наши, наши! Родимые!

Полина Марковна хватает Аннушку за руку.

— Бачь, ось твой Захар! Бачь, Аннушка!

Стройный могучий казачина в круглой кубанке, задирая разгоряченному коню голову, словно прирос к седлу, как будто в нем и родился. Аннушка узнает знакомую гордую посадку головы, властный взмах поднятой руки.

Купе вагона неожиданно застигает серый полумрак. За окном бежит раздробленная стена горной выемки. Поезд мчится вперед, в город Истру!

Не то сон, не то мучительная явь, не то взбудораженная приближением фронта фантазия рвут сердце Аннушки бурной радостью и в то же время неизмеримой печалью. Радость — от встречи, печаль — от томительной неизвестности

— Захар! Ось и побачили Захарку. А моего нема, — захлебываясь слезами, говорит Полина Марковна.

— Да, может, это не Захар. Ну что вы, тетя!

Но Аннушка знает, что проехал именно Захар, она не только увидела, но и почувствовала это всем своим существом.

— Вы, голубушки мои, сейчас в каждом кавалеристе будете угадывать Захара, Филиппа, Михаила. Надо успокоиться. Все будет хорошо, — ласково уговаривал женщин Константин Сергеевич.

— Да як же не Захар? Ну, що вы мне кажете! — горячо протестовала Полина Марковна. — Да я ж его бачила, колысь он ось такой вот, без штанив собак гонял и с баштанов кавуны скатывал. Сама не раз крапивою стегала. Да я ж знаю, як вин на коне держится. Що був маленький, батька возьми его на коня, вин за гриву — цап. А вы мне кажете, не он. А Филиппа нема. Если бы вин був туточки, я б его сердцем почуяла. Ну де ж вин, чертяга, сховавси? Неужели, старый дурень, германцу голову подставил? Я ж его тогда! Ховай, боже... А куда ж зараз наши казачки поихалы? Мы туды, вони сюды... Вы, может, знаете, Константин Сергеевич?

— В Москву поехали, Полина Марковна.

И опять за окном по Волоколамской магистрали текут к фронту потоки машин. И в холодный метельный полдень, и в звездную морозную ночь, и в румяное раннее утро не замирает гул на полях и в лесах Подмосковья.

В Истру поезд прибыл под вечер. Аннушка вышла из вагона первая. Кругом было много военных. Своих земляков, выгружавших из вагона прессованное сено, она узнала по их серым с зелеными окаемками башлыкам, по крупным кубанкам и узким наборным поясным ремням. У Аннушки тревожно сжалось сердце...

— Это наши, тетя Полина, — прижимаясь к своей спутнице локтем, проговорила она тихо.

— Зараз, Аннушка, тут все наши, — строго ответила Полина Марковна, вглядываясь в подходивших военных.

Впереди в широкой кавказской бурке быстро шел Михаил Павлович Шубин и кого-то искал глазами. Поровнявшись с Шубиным, Константин Сергеевич назвал свою фамилию. Михаил Павлович, остановившись, посмотрел на него вспыхнувшими глазами и, не говоря ни слова, обнял и трижды поцеловал в губы. Остальные сопровождавшие Шубина командиры и казаки, окружив женщин плотным кольцом, крепко жали им руки. После короткого приветственного митинга гостей посадили в автомашины и повезли в штаб кавгруппы.

Вечером в празднично убранной комнате, где квартировали уехавшие на парад Кушнарев и Торба, сидя между Полиной Марковной и Аннушкой, Шаповаленко сортировал привезенные из станицы письма, одни откладывал влево, другие вправо...

— Стакопа. Гм! Петр Стакопа...

Филипп Афанасьевич повертел письмо в руках и отложил влево.

— Ему же посылку жинка прислала, — проговорила Аннушка. — Надо завтра отдать...

— Некому отдавать посылку. Погиб Стакопа, — хмуро проговорил Шаповаленко. — Недавно, яких-мабуть три дня тому назад, убили вороги Петра Стакопу.

Аннушка, придвинув к себе стопку писем, которые Филипп Афанасьевич откладывал влево, впилась в адреса.

— А Потапенко? — спросила она побелевшими губами.

— И Потапенко...

— Да у его ж хлопчик тилько що народився! — широко открыв еще невысохшие от слез глаза, сказала Полина Марковна.

— Да ты и Клименко тут положил!

Аннушка с ужасом вспомнила, как она получила письмо, в котором ей

сообщили, что Захар пропал без вести. Тогда она купала сына в корыте и так растерялась, что едва не бросила его в воду. Пришла жена Клименко, сидела до утра и все успокаивала, что Захар найдется.

И действительно, Захар нашелся. А вот Клименко не найдется. Теперь уже самой ей придется утешать его жену, чернобровую веселую Настю. А чем она может ее утешить?

Аннушка сидела за столом смутная, потерянная.

Собрались казаки, выпили вина. После многочисленных расспросов о доме запели родимые песни. Аннушка, положив руки на уставленный закусками стол, слушала.

Шаповаленко пододвинул ей стакан красного цимлянского. Песня ширилась, становилась все полнзвучнее и властно захватывала Аннушку. Что-то гордое, непоборимое слышалось в густых, мощных голосах, сильное, утверждающее жизнь. Она сидела не шевелясь. Потом запела и она. Сначала подтягивала тихо, а потом ее звучный голос поднялся выше и слился в общем могучем хоре.

Филипп Афанасьевич, посматривая на нее, заметил, как, захватив рукой стакан, она держала его у подбородка. По ее красивому лицу текли крупные слезы, скатываясь по щекам, падали в стакан, в искрящееся вино.

На другой день, срочно вызванные по телефону, возвратились Торба и Кушнарев. Вместе с ними вернулась Оксана, ездившая в Москву за получением ордена. Когда за окном протопали кони, Шаповаленко с Аннушкой выскочили на крыльцо. Узнав Захара, Аннушка почувствовала, что радость заслонила в ней все другие мысли.

Кушнарев услышал сначала тихий крик, потом мелькнул кто-то в белом с крыльца. Женщина, закутанная в кавказский платок, уже была в сильных руках Захара. Не отрывая глаз от ее лица, он почти бегом внес ее в хату.

Поздно ночью, проводив последних гостей, Захар и Анна остались вдвоем. Взглянув на мужа, она улыбнулась мягкой, ласковой улыбкой, взяла веник и начала подметать пол. Захар топтался рядом, засыпал ее вопросами и все время мешал.

— А скажи, почему ты тогда не сказала, що у нас сын?

— Да потому, що дюже была сердита на тебя. Проститься не заехал.

— Да я ж был! Замок висел, да Полкан меня облаял...

— Колы б я знала...

Аннушка, стыдливо пряча розовеющие щеки в белый платок, низко склонила высокую статную фигуру и гнала табунок окурков к порогу.

— Заканчивай быстрее, погугарим спокойно, Аннушка, родная!

— Погоди трошки, Захарушка. Я хочу зараз, щоб все кругом чисто было, щоб ни одна соринка больше не встрела в нашу жизнь. Все щоб было на доброе здоровье. Вымету и далеко, далеко кину, щоб никола назад не верталось.

— Верно, Аннушка. Пусть никогда не возвращается. Потом Аннушка, полулежа на кровати, глядя Захару в лицо, рассказывала, что ей пришлось за последнее время пережить. Торба перебирал ее мягкие струящиеся косы и слушал, покусывая горячие губы, и все никак не мог припомнить ощущение той далекой ночи, сопоставляя ее с настоящим неожиданно возникшим счастьем. Неужели его принесла война?

— Аннушка, ягодиночка моя!

Захар крепко обнимает ее и чувствует у своего лица ее счастливое дыхание.

— Ты знаешь, Захарушка, я кушать хочу. Сколько было гостей, всех мы угощали, а сами только друг на друга смотрели и ничегошенько не ели. У меня есть яблоки, що мама положила, и холодный поросенок. Сробим так, як будто наша настоящая свадьба.

— Тайная? — тихо спросил Захар.

— Тайная. — Анна почувствовала его улыбку, засмеялась.

Ее смех прозвучал в тишине ночи молодо, желанно. Это был счастливый смех любящей и любимой женщины.

Они сидели за столом. Захар разрезал желтоватое яблоко на две половины, одну подал жене, другую положил около наполненного вином стакана.

— Ты, Захар, ничего не рассказал мне о Москве. Наш эшелон прошел по какой-то окружной дороге, и мы ничего не побачили. Темнота кругом. Константин Сергеевич сказал, будем ехать обратно...

Аннушка надкусила яблоко и умолкла.

— А немцы, Захар, отсюда далеко? — неожиданно спросила она.

— Километров пятнадцать.

Торба выпил вино и закусил яблоком. Он видел в блестящих глазах жены скрытое напряжение, тревогу.

— А сюда они не могут?..

Аннушка поперхнулась и силилась улыбнуться.

— Нет, Анюта, не могут, — стараясь придать голосу обычную твердость, ответил Захар. — Там фронт. Передовая.

— И вы их не пустите в Москву?

— Никогда не пустим.

— Ну как же! Смотри, сколько они городов забрали! Почему же вы их сюда пустили? Что же будет дальше?.. Они же, подлые, и на Кубань придут. В Ростов уже пришли. Что же будет дальше?.. Захарушка! Як же я приеду домой, меня колхозники спросят..

Вопрос жены был настойчивый, требовательный. В каждом селе тогда задавали такие вопросы.

Захар молча встал. Он подошел к стене и снял с гвоздя полевую сумку. Отстегнув пряжку, достал аккуратно свернутую газету. Развернув лист, он положил его перед женой, обнял ее и строго проговорил:

— Вот здесь товарищ Сталин точно сказал, что будет дальше. Я вчера был на Красной площади и сам слышал. Его слова не забуду до тех пор, пока жив. Вот слушай: «вся наша страна организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков». Разве это не так? Вы привезли от кубанских колхозников подарки фронтовикам. А сибирские рабочие шлют десятками эшелонов танки, самолеты, пушки, едут сотни тысяч добровольцев! Сколько движется на фронт людей, техники, разве ты не видела?

— Видела, Захар. Ой, много я видела силищи!

Анна поднялась, положила руку на плечо мужа и взволнованно, умоляюще проговорила:

— Захар, ты знаешь що, милый? Я тоже останусь здесь! Що я, не могу на коне? Що я, не знаю, як стрелять? Ты сам учил нас в военном кружке...

— Подожди, Аня!

Захар осторожно снял ее руку с плеча и усадил на стул. Что-то магически сильное было в этой гордой кубанской женщине. Оно притягивало упорно, непреодолимо. «Ведь воюют же Оксана, Нина», — на мгновенье вспыхнула в голове Торбы мысль, но он тотчас же отогнал ее.

Анна чувствовала происходившую в нем борьбу и напряженно молчала. Захар понял ее мысли. Едва не вырвавшееся из его уст согласие он посчитал как проявление слабости, желание постоянно иметь около себя самого близкого и дорогого человека. Присев рядом, решительным движением руки подхватил нож и разрезал второе яблоко. Подавая ей половину, ласково сказал:

— За то, что ты хотела бы остаться здесь, я для тебя ничего в жизни не пожалею. Но у нас, Аня, тут есть кому стрелять. Зараз, если все жинки придут на фронт, некому будет землю пахать, пацанов нянчить. Зараз тебя народ послал. Ты приедешь и расскажешь, якими ты нас видела. Прочитаешь колхозникам вот эту газету и объяснишь им, що, мол, так

будет, як сказал товарищ Сталин.

За окном послышался конский топот. Анна вздрогнула и тревожно прижалась к Захару. Бережно отстранив жену, Торба вышел в сени.

Через минуту он вернулся. На короткое мгновение за стеной цокнул подковами конь. Анна, удерживая зябкую дрожь, встревоженно посмотрела на Захара.

— Ехать треба, Аня, — ответил он коротко и, сняв висевшую на спинке стула гимнастерку, быстро надел ее.

Ни о чем не расспрашивая, Аннушка подала ему сначала полушубок, потом полевые ремни, шашку. Он быстро и ловко надел все это и уже завязывал на груди ремешок бурки.

— Можно мне проводить тебя, Захар? — смущенно и грустно спрашивает Анна.

— Не можно, Аня. Там кони готовы. Да и холодно, и пропуска ты не знаешь. Побереги сына, Аня, — обернувшись от порога, медленно выговорил он последние слова и скрылся за дверь.

Все было похоже на тяжелый сон.

Аннушка расслабленно присела на скамью. Вяло протянув руку, взяла оставшуюся половину яблока и, поднеся ее к губам, вдруг уронила голову на стол и тихо заплакала.

На улице стояла морозная светлая ночь. Точно во сне Анна слышала протяжную команду:

— Справа рядами, ма-а-арш!!!

Потом от конского топота долго вздрагивали стены хаты. На дворе горланил петух и так же, как на Кубани, лаяли собаки. Были слышны одиночные выстрелы, шум моторов, скрип санных полозьев и приближающийся гул артиллерийской стрельбы.

В комнате было уютно и тихо. На столе ярко горела лампа, и свет ее, ровный, немеркнувший, звал к жизни и счастью.

ГЛАВА 8

Разведчики уже выводили из колхозной конюшни лошадей, когда подошел Торба. У широко открытых дверей он встретил Кушнарера. Какая-то женская фигура шмыгнула мимо него и скрылась за стеной. Разглядеть ее Захар не успел. Здороваясь с Кушнаревым, спросил:

— Куда будем двигаться?

— Пока со штабом. Кажется, пойдем на Чесмино.

Кушнарев придавил брошенный на снег окурок и, обернувшись к Захару, словно извиняясь, добавил:

— Тут Оксана была... Хотела с нами ехать, но нет свободного коня. Пошла в медэскадрон. В полк ей надо.

— А разве она вчера не уехала машиной? — спросил Торба.

— Да нет, осталась... — как-то неопределенно ответил Кушнарев. — Ну, как жинка? Попрощались?

И, не дожидаясь ответа, участливо сказал:

— Ты, пожалуй, можешь остаться. Завтра догонишь...

— Нет, Илья, вертаться я не люблю, — сухо возразил Торба и подстегнул нагайкой чью-то неохотно идущую на поводу лошадь, как бы подхлестывая этим жестом свою бунтовавшую волю, укрощая вспыхнувшее желание вернуться, побыть еще два часа вместе, а потом с измятым сердцем рвать коню губы и в бешеной скачке догонять товарищей. Он быстро овладел собой и, оправляя под буркой скрипящие ремни, сказал:

— Вместе поедem, Илья.

— Вместе, Захар, — в тон ему отозвался Кушнарев.

Он понимал состояние своего друга. Хотелось сказать многое, но подходящие слова в эту минуту куда-то разлетелись.

Метя полами широких бурок снег, они неторопливой, вразвалочку, кавалерийской походкой, плотно плечо к плечу, пошли к поджидавшим их коням.

Когда Захар очутился в седле, он почувствовал себя увереннее, спокойнее, как он чувствовал себя на параде, на Красной площади, слушая речь Сталина. Тогда радостное оцепенение сменилось гордым сознанием мужества и наполнило все существо неисчерпаемой энергией, готовностью совершить все, чтобы выполнить приказ вождя.

Подав команду, Кушнарев вывел эскадрон за околицу. Конница мерной поступью двинулась к ближайшему лесу. В непрекращающемся гуле отдаленной артиллерийской канонады ракетные вспышки бросали в небо голубоватые отсветы. Впереди слышался грозный шум, скрежет танковых гусениц сливался с грохотом выстрелов, криками солдат, стуком топоров, топотом конских копыт и с треском падающих деревьев.

— Ты говоришь, Захар, что вам было тяжело расставаться? — спросил Кушнарев Торбу, когда они днем остановились кормить лошадей. Друзья сидели в лесной землянке в ожидании дальнейших приказаний и грелись около походной железной печки.

— Слов нет, як тяжело. О себе я даже мало, Илья, думаю...

— А ты когда-нибудь о смерти думал?

— После того, як придушил немецкого полковника и видел, як они издевались над Оксаной, я зараз перестал думать о смерти. Нет, хотя, пожалуй, думаю, но та друга думка.

— Какая же это думка?

Торба подбросил в печку несколько чурок и со стуком закрыл дверку.

— А така, щоб не бояться смерти, щоб это было — тьфу! Когда этого человек достигнет, он долго будет жить.

— Ну, это не совсем так. Гибнут и храбрецы, — возразил Кушнарев.

— Не спорю, но храбрые и после смерти живут. Помнишь, що сказал на партийном собрании генерал Доватор? Храбрость — это ответственность за то, что тебе поручено делать.

— Это верно, Захар. Вот ты вспомнил, как немецкий полковник издевался над тобой и Оксаной. Она мне об этом рассказала. Я тебя считаю не только другом, братом, но и настоящим человеком. А я вот сомневаюсь, правильный я человек или нет?

— Ты, Илья? Ты — правильный! За таких, як ты, я готов голову в кусты кинуть. Ты говоришь, що я настоящий. Нет. Я хочу им быть, а сам думаю, ще у меня на хребту щетины колючей богато, подпалить надо трошки.

— Подожди, Захар. А я о себе хочу сказать. Меня червячок гложет. Мне стыдно перед тобой.

— Что ты, смеешься, что ли?

Захар удивленно сдвинул густые брови и неморгающе посмотрел на Илью. Кушнарев как-то виновато и загадочно улыбнулся.

— Верно говорю. Я ведь тебе многого не рассказал...

— Что ж ты не рассказал?

Торба настороженно повернул голову.

— Я ведь люблю Оксану. Ты знаешь это?

— Нет, не знаю, но скажу только одно: такую девушку нельзя не любить. Що ж тут такого, и почему ты молчал?

— Потому, что плохо думал о тебе и о ней. Мне казалось, что когда вы были вместе в тылу...

— Стой, Илья! — перебил Захар и, склонившись к Кушнареву, горячо, взволнованно сказал: — Эта девушка для меня дороже родной сестры, понял? И кто о ней подумает гадко, тому, Илья, надо отрубить башку!

— Руби мне первому, — коротко и покорно сказал Кушнарев.

Он только сейчас понял, как незаслуженно обидел друга.

— Как ты мог подумать, Илья?

Торба укоризненно покачал головой.

— Тебе кто-нибудь говорил?

— Салазкин болтал.

— Дурак он после этого! — мрачно сказал Торба. — Ты и сейчас так думаешь?

— Нет. Вот ты послушай...

И рассказал Кушнарев, как, возвращаясь с задания, партизаны подобрали его неподалеку от Витебска...

Во время боя его ранило в голову и засыпало землей. Когда он пришел в сознание, часть уже отошла. Свыше двадцати суток он брел по лесам Белоруссии и, наконец, встретил партизан. От потери крови и от голода он так ослабел, что замертво свалился на обочину лесной дороги.

Очнулся он в шалаше. Перед ним сидела девушка в зеленой фланелевой кофточке. Она крошила в миску с куриным бульоном сухари.

— А мы думали, что вы совсем не проснетесь, — певуче сказала девушка. — Уж будила, будила. Спит, як умерший. Доктор сказал, что это здоровый сон, крепкий. Болит тут? — осторожно касаясь его головы, спросила девушка.

— Немножко.

— Вылечим. Я тоже лекарь, вы не думайте. Мы недавно одного кавалериста вылечили. С ним в рейде были. Генерал Доватор нас водил... Это наш земляк, белорус! Знаете, как он немцев бьет? У-ух! А этот кавалерист жизнь мне спас, полковника немецкого задушил! Геройский казак. Он тоже тогда двое суток меня все во сне кликал: Оксана да Оксана! А я тут рядом сижу. Позовет, позовет, я ему руку на голову положу, и он снова спит, як маленький ребенок. А вы какую-то другую девушку кликали, чи Наташу, чи Дашу...

Лицо Оксаны осветилось ласковой улыбкой.

В ответ на простодушные слова Оксаны Кушнарев отрицательно покачал забинтованной головой и тоже улыбнулся. Потрогав рукой повязку, он догадался, что она чистая и свежая, пахнущая лекарством.

Лежал он в просторном шалаше, на мягкой подстилке. В отверстие шалаша Илья видел лес. За спиной Оксаны на сучке толстой ели висел вещевой мешок и оружие. Рядом на свежем пне лежала куриная голова, и тут же валялись потроха, неподалеку слышались разговор и смех. По кустам стлался дым, пахло мясным варевом, луком и печеным хлебом.

Кушнарев почувствовал, что он страшно голоден. Покосившись на миску, он нетерпеливо облизал губы и закрыл глаза.

— Будем сейчас кушать, — угадав его мысли, проговорила Оксана и, не выпуская из рук миски, сделала несколько смешных и неловких

движений на коленях, чтобы подвинуться к раненому, и, оправив завернувшуюся сзади синюю юбку, села на пятки.

— Ну, открывайте рот, Илья Павлович, — зачерпнув ложку, она поднесла к его губам.

— Да я и сам могу, — смущенно сказал Кушнарев, приподнимаясь на локте.

— Не шевелись, — упрямо и настойчиво возразила Оксана. — Доктор велел лежать спокойно, и я так хочу...

Кушнарев вынужден был повиноваться. Все для него казалось странным и новым. Есть из чужих рук было неловко и неудобно. Но зато как все нравилось ему! Особенно вкусными казались бульон и размоченные в нем сухари. А главное, было приятно ощущать разлившуюся по телу теплоту и чувствовать заботливое прикосновение рук девушки, вытиравшей ему марлевым лоскутком губы.

— А оброс-то... колючий...

Оксана весело шутила, лукаво прищуривая глаза, и смеялась.

— Сейчас Федьку позову, он тебя побреет.

— Спасибо, — кивая головой, отозвался Илья. Заглянув в миску, он обнаружил, что бульон и сухари уже кончились. А есть хотелось пуще прежнего.

— Ксаночка, подсыпь еще трошки.

— Нельзя много. Надо помаленечку.

— А хлебца нету? — умоляюще глядя на Оксану, спросил Илья, теряя всякое терпенье.

— Дам трохи. И курочки кусочек.

Оксана на четвереньках выползла из шалаша, достала из висевшего на дереве мешка краюху хлеба, отрезала ломтик и отломилла такой же, до обидного маленький, как показалось Илье, кусочек курятины.

— Да ты меня кормишь, как годовалого ребенка, — проговорил он, морщась от досады.

— Ты не ребенок, а хворый. Капризничать нехорошо, миленький, — настойчиво уговаривала его Оксана. — Поправишься, целую курочку приготовлю. Хоть две. А сейчас чаю дам с медом. Батько на заданье ходил и принес для тебя. И курочку тоже.

— А сейчас где твой батько?

— Спит. Они ночью эшелон под откос кувыркнули и полицаев еще забили. К нам скоро аэроплан прилетит.

— Фронт далеко? — спросил Илья.

— Очень. Немцы в Ростов зашли. Наши отступили.

— Немцы заняли Ростов?

Кушнарев порывисто сел, опираясь на руки, и, повернув голову, впился в Оксану глазами.

— Отступили, говоришь?

— Ну да, миленький. По радио сообщили. А зачем ты вскакиваешь. Ложись сейчас же!

Она помогла ему лечь, поправила сбившуюся на голове повязку.

Сообщение Оксаны поразило Илью.

Лицо его помрачнело, глаза тоскливо смотрели на полутемный скат шалаша, точно искали кривую кавказскую шашку. Вскочить бы сейчас на коня, разобрать поводья, впясть горячую руку в эфес клинка, врубиться в самую гущу крикливой свастики, за Кубань, за Дон, за поруганную Украину, за объятую пожаром Смоленщину. Защемило в груди, больно, горячо. Хотелось застонать... Но вместо этого, сверкнув на Оксану черными, затуманенными влагой глазами, он тревожно спросил:

— А кавалеристы-доваторцы, что в рейде были? Они где? Ты ведь с ними была?

— Да.

Заметив настороженный, пытливый взгляд Ильи, Оксана добавила:

— Фашистов бьют. А Лев Михайлович уже генерал. Генерал! — протяжно повторила Оксана. — По радио сообщили.

Илья, поймав руку Оксаны, крепко сжал ее. Оксана вскрикнула:

— Тише! Хворый, а силища ой-ой!

Кушнарев, не выпуская руку девушки, взволнованно шептал:

— А я знал, что этот полковник будет генералом. Боевой! Как мне хотелось к нему добраться. Эх! Я бы за него, Ксана, жизнь отдал. Все равно я буду с ним воевать, буду!

В шалаш вместе с легким дуновением ветерка ворвался тепловатый запах лесной прели, напоминавший запах чернозема, и, казалось, влил во все тело радостное ощущение физической силы. Илья повеселел. Повеселела и Оксана.

...Так шли дни. Оксана варила супы, поила Илью молоком. Он поправлялся и набирался сил. Однажды Оксана принесла ведро теплой воды и, не обращая внимания на протесты Кушнарева, вымыла его до пояса. Он стыдился, дрожал от холода, но вынужден был покориться ее безоговорочному требованию.

Просыпаясь по утрам, он видел, как Оксана, свернувшись клубком, спала у входа в шалаш. Ее сон был спокоен и крепок. Отдохнувшее лицо розовело. Правильный прямой, с тонкими ноздрями нос, казалось, делался

тоньше и заостренней. Губы она складывала так, словно они желали чего-то радостного, неизведанного.

Илья подолгу смотрел на ее лицо и ждал той минуты, когда она проснется и, улыбнувшись по обыкновению, скажет самой себе: «Ах ты, засоня, ах ты, лентяйка! Как кочерыжка замерзла и все спишь, бесстыдница». Илье очень нравилась эта милая и шутливая брань.

Илья прислушивался к ее ровному дыханию. Порой ему казалось, что ее черные ресницы закрыты не плотно, а на щеках вдруг начинает розоветь яркий румянец.

Тогда Илью охватывало необъяснимое беспокойство. Чтобы скрыть его, он начинал ворочаться с боку на бок и громко кашлять. Иногда среди ночи Оксана, натягивая на голову бараний тулуп, спрашивала:

— Замерз или не совсем?

Ночи стояли холодные, осенние. К утру уже появлялись легкие заморозки.

— Мне-то тепло, а ты спишь наружи, — рассеянно глядя в потолок шалаша, отвечал Кушнарев и принимался равнодушно зевать. — У меня же два одеяла...

— Я люблю спать на воздухе, — полусонно говорила ему Оксана. — У меня шуба теплая. Когда совсем будет холодно, тогда в шалаше лягу.

— Конечно, — равнодушно подтверждал Илья. После того принужденного купания он почувствовал себя почти совсем здоровым. С вечера уснул крепко. Ему приснилось лицо Оксаны. Оно было необыкновенным. Исчезло с него суровое выражение, а губы были открыты, девушка горячо дышала ему в щеку. Он проснулся. Оксана спала на своем обычном месте с прежним суровым выражением на лице. Илье до обиды было жаль улетевшего сна.

Весь этот день Кушнарев был молчалив.

— Почему ты надутый? — спросила Оксана.

— Так, скучно, — в замешательстве ответил Илья.

— А отчего скучно? — допытывалась Оксана, пристально вглядываясь в его лицо.

Кушнарев почувствовал, что начинает терять власть над собой. Отвернувшись к стене, он молчал. С момента его появления в партизанском отряде прошло уже десять дней. Илья набрался сил. Раны быстро заживали. Этому способствовали крепкий организм и усиленное питание.

Заботы Оксаны волновали его, побуждали к необходимости чем-то ответить, как-то отблагодарить девушку. Опасности, совместные тяготы войны, родственность судьбы сближали их.

— Ты славная девушка, — вскинув глаза на Оксану, быстро проговорил Кушнарев.

— Не девушка, а вдова.

Оксана, склонив голову, поймала его взгляд и густо покраснела.

Он продолжал следить за ней глазами с нескрываемым волнением, словно увидел ее первый раз в жизни. Подавляя вздох, он задумчиво произнес:

— Теперь много вдов будет.

— А разве мне от этого легче? Я-то знаю... — звонко выкрикнула Оксана и, не договорив какие-то слова, едва сдерживая слезы, отвернулась в сторону.

— Ты не сердись, Ксана. Я ведь так сказал. К слову пришлось, — смущенно проговорил Илья Кушнарев. В этот день они больше ни о чем не говорили до самого вечера.

К ночи сильно похолодало. С неба посыпалась ледяная крупа, подул резкий ветер, тревожа на деревьях не успевшие опасть листья. Лес гудел шумно и протяжно, точно роптал за нарушенный покой.

Еще до ужина Оксана завесила отверстие шалаша плащ-палаткой, выкопала посредине шалаша ямку и, наломав сухого орешника, разожгла камелек. Ужинали молча. Но оба чувствовали внутреннее напряжение. Оба сознавали неловкость и неестественность положения. Сучья, потрескивая, горели весело и ярко. Подбросив несколько толстых сухих палок, Оксана заговорила первая. Ослабевшее пламя скрыло выражение ее лица. Кушнарев слушал молча и внимательно. Оксана рассказала ему всю свою недолгую, но богатую житейскими радостями и невзгодами жизнь.

Слушая ее, Илья все больше и больше начинал волноваться. Она отзывалась на все наблевшие в его душе вопросы с подкупающей прямоотой. Ее голос звучал тихо и задушевно. Казалось, не было в мире роднее этого чудесного, бархатистого голоса.

Через несколько дней в расположение партизанского отряда прилетел самолет. Он забрал с собой Кушнарёва на Большую землю.

Когда самолет делал над лагерем прощальный круг, на опушке леса стояла группа партизан. Они приветливо махали руками. Среди них, в зеленой фланелевой кофточке, с карабином в руках, Кушнарев увидел Оксану...

— Если тебя, Илья, любит такая дивчина, як Оксана, ты счастливый человек! Больше ничего сказать не могу, — заявил Торба, когда Кушнарев закончил свой рассказ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 1

16 ноября 1941 года предполагалось третье по счету генеральное наступление немцев на Москву. На Волоколамском направлении противник напрягал все усилия, чтобы пробиться к Москве. Он стремился отбросить группу Доватора и дивизию Панфилова с магистрали и обеспечить захват коммуникационных линий в районе Истринского водохранилища. В боях за Москву наступил один из самых напряженных моментов.

Против далеко не полного по составу соединения Доватора и дивизии Панфилова германское командование бросило две пехотные, две танковые дивизии и другие части и соединения. Массированным ударом генерал

Хюпнер предполагал отвлечь наши воинские части с флангов и тем самым ослабить их. Одновременно он хотел двумя мощными подвижными группами охватить правый фланг нашей армии с севера, а левый — с юга.

Получив данные разведки, командарм Дмитриев немедленно приступил к перегруппировке частей своей армии. На правое крыло были подтянуты армейские резервы, дивизии переформированы и получили пополнение.

За несколько дней до начала немецкого наступления в штабе армии было назначено совещание. Перед совещанием у командующего Доватор встретился с Панфиловым.

— Здравствуй, кавалерия, — Панфилов дружески протянул Доватору руку.

— Ура царице полей — пехоте! — весело приветствовал Панфилова Доватор и, не освобождая своей руки из его жесткой ладони, отвел генерала в сторону и начал горячо благодарить за поддержку.

— Орлы у тебя люди, Иван Васильевич! Богатыри!

— А твои разве плохи?

— Ну, мои тоже ребята неплохие!

— А здорово мы немцев пошерстили, а? Хорошо-о!

Панфилов весело засмеялся и, щуря узкие глаза, продолжал:

— Генерал Хюпнер — вояка коварный. Зол на нас с тобой, очень зол! Подтянул две танковые дивизии, чуешь?

— Эх, нам танков бы побольше, танков! Тогда мы по-другому будем с Хюпнером разговаривать.

— Мы еще с ним поговорим, — твердо ответил Панфилов и, взглядываясь в лицо Доватора, тихо спросил: — Товарища Сталина на параде видел?

— Видел, Иван Васильевич. Ты знаешь, вот я побывал на параде, услышал речь товарища Сталина и вернулся совсем другим человеком. У меня сейчас такое ощущение, словно окончил вторую академию. Мне кажется, что мы до сих пор не так воевали, как нужно. Не изжили еще легкомыслие, беспечность.

— Верно, есть еще это. У меня, брат, давно такая мысль возникла. Укрепления строим слабовато, не умеем беречь людей, недостаточно учим. Я посмотрел, у соседа на моем правом фланге окопы вырыты мелко, на дне соломка, — одним словом, куриные гнезда, а не укрытия. Слабоват сосед, слабоват! Вот он, кстати, сам жалуется к нам.

К беседующим подходил Суздаев, высокий молодой комдив, сосед Панфилова на правом фланге. Отчеканивая каждое слово, он шумно

поздоровался.

— Думал, опоздаю, задержался на просеке.

Серые круглые глаза Суздалева быстро перескакивали с предмета на предмет. Он был красив, статен, гладко выбрит. Вся его фигура дышала здоровьем, силой и уверенностью.

— Встретил сейчас танковую колонну, — продолжал он. — Новые мощные «КВ». Заполучить бы таких десятка три. Я тогда не беспокоил бы генерала Панфилова. Посматриваете, Иван Васильевич, на мой левый фланг?

— И даже очень бдительно, — подтвердил Панфилов.

— Не беспокойтесь, не подведу, — заверил Суздалев.

— Надо не Панфилова беспокоить, а противника, — с усмешкой заметил Доватор. Ему не понравилась самоуверенность Суздалева.

— Мы и противника беспокоим. Пока на мой участок не особенно нажимал, значит побаивается. Сегодня ночью разведчики обнаружили крупное передвижение танков, пехоты. Что-то затевается.

— Ясно, что затевается. Немцы подтянули танковые соединения, разумеется, не для маневренных переездов, — заключил Панфилов и, вдруг повернувшись к Суздалеву, спросил в упор: — Значит, мне не беспокоиться?

— Абсолютно! Конечно, при условии, что я получу дополнительные резервы, — подтвердил Суздалев.

— А все-таки я беспокоюсь. Вы меня извините, но я и командарму так скажу. За вас беспокоюсь, за Доватора и за себя.

Лев Михайлович, не отрываясь, любовными глазами смотрел на Панфилова. Не только любовь внушал ему этот умный, широкоплечий генерал с простым русским лицом, но и глубокое уважение.

На совещании присутствовали генералы, полковники, командиры и комиссары армейских корпусов, дивизий. Вокруг длинного стола, покрытого зеленым сукном, сидели военачальники, державшие в своих руках судьбы многих тысяч людей и, самое главное, судьбу советской отчизны. Некоторые из них были еще совсем молодые, но с поседевшими висками. Самым молодым выглядел Доватор. Облокотившись левой рукой на стол и резко повернув голову, он напряженно смотрел на командарма.

Командарм стоял в конце стола, перед расцвеченной картой. В центре ее крупными буквами была обозначена Москва. Высокий, подтянутый и стройный генерал говорил мягким, негромким голосом. Спокойные, но строгие глаза его на энергичном крупном лице говорили о твердом характере и большой силе.

— Товарищи командиры и комиссары, сегодня в Ставке Верховного Главнокомандования со мной беседовал товарищ Сталин, Он просил передать бойцам, командирам и политическим работникам вверенной мне армии сердечный привет...

Сидевший рядом с Доватором Панфилов поднял голову и, сжав локоть Доватора, с медлительной торжественностью встал, потянув его за собой. Одновременно с ними встали и остальные. На какую-то долю секунды установилась торжественная тишина. Панфилов, скользнув рукой по локтю Доватора, поймал его пальцы и крепко сжал их. Лев Михайлович чувствовал теплоту этого пожатия. Оба генерала стояли твердо, не двигаясь. Оба чувствовали единый ритм сердец и молча клялись драться за родину до последней капли крови.

— Прошу садиться, товарищи, — сказал, наконец, командарм и продолжал. — Товарищ Сталин сказал, что всякая возможность разгромить врага должна быть использована и будет использована. Всякая возможность сдачи врагу столицы абсолютно исключена. Подобная мысль не только недопустима, но и преступна. Категорически преступна! — Последние слова командарм произнес медленно, с четким ударением на каждом слове, придавая им особенную убедительность и значение.

Все присутствующие понимали, в какой страшной опасности находится родина. Понимал это и весь народ. По призыву вождя он был готов на крайние жертвы, был готов отдать самое дорогое — жизнь. На полководцах лежала задача — обеспечить победу, и они верили в нее, потому что за ними шел могущественный народ, вооруженный не только пушками, но и несокрушимым духом советского патриотизма.

Панфилов, опираясь о стол крепко сжатыми в кулак руками, решительно встал и отдельно сказал:

— Передайте товарищу Сталину, что мы разгромим немецких захватчиков.

— Мы оправдаем доверие родины, — горячо поддержал его Доватор.

Это было единодушие. Это был ответ за всех... Генералы и офицеры снова встали.

— Благодарю, товарищи командиры! От вашего имени я заверил товарища Сталина, что мы возложенную на нас задачу выполним.

Командарм дал рукой знак садиться и, круто повернувшись лицом к карте, приступил к анализу создавшейся на фронте обстановки.

Положение обороняющихся армий к тому времени было исключительно тяжелым. Армия генерала Дмитриева, являясь правым крылом Западного, фронта, имела перед собой сильнейшего противника, а

именно: 5-й и 41-й танковые корпуса и 56-й и 27-й армейские, входящие в состав третьей танковой группы генерала Гоота, и 40-й и 46-й танковые и 90-й армейский корпуса четвертой танковой группы генерала Хюпнера. С воздуха наступление врага поддерживалось вторым авиационным корпусом, имеющим в своем наличии 800 самолетов. Если общее соотношение сил по пехоте уравнивалось один к одному, то по танкам немцы имели почти тройное превосходство, а в авиации — полоторное.

После овладения Волоколамском танковые группы генералов Гоота и Хюпнера имели перед собой задачу: коротким ударом севернее «Московского моря» отбросить наши части за Волгу, тем самым обеспечить левый фланг своей клинско-солнечногорской группировке. Последняя ударом главных сил в направлении Клин — Солнечногорск — Истра должна была разбить противостоящие войска Красной Армии и обойти правый фланг фронта с северо-востока, перерезав важнейшую железнодорожную магистраль Москва — Урал — Дальний Восток — основную артерию, питающую фронт. Общая стратегическая цель — выход к Москве.

Над столицей нависла смертельная опасность. Армии правого крыла Западного фронта было приказано: не допустить прорыва противника, наносить ему чувствительные потери, истребляя живую силу и технику, преследуя общестратегическую цель: выиграть время для сосредоточения резервов. Имелся в виду подход новых ударных армий.

Командарм сидел в конце стола. Рядом с ним по правую сторону был член Военного совета Букреев, по левую — начальник штаба армии генерал Лобачевский.

Докладывал сосед Панфилова — генерал Суздаев. Ему было предоставлено слово одному из первых. Обрисовав границы оборонительных районов, он подробно перечислил силы противника на переднем крае и в тылу. Доклад был точный и обстоятельный. По его выводам, оборона дивизии была прочной и устойчивой. При наличии дополнительных резервов с соответствующим количеством артиллерии он рассчитывал, несомненно, удержать занимаемый рубеж.

— Получите резервы! — крикнул ему командарм, переглянувшись с членом Военного совета. Тот понимающе улыбнулся. Оба отлично знали, что столько, сколько требует Суздаев, они ему дать не могут, так же как и не может Суздаев удержать своими войсками ту лавину, которую противник готовился бросить на участок его обороны.

Суздаев был осведомлен о передвижении противника и тревожился. Но он не знал и не мог знать смысла этого передвижения. Зато об этом знал

командарм, ибо в его руках находились все многочисленные и могущественные рычаги военной разведывательной машины. Ему раньше чем кому-либо из присутствующих здесь командиров было известно, что противник намерен прорвать фронт в центре армии — именно в полосе обороны дивизии Суздалева. Вот почему командарм внимательно прислушивался к каждому слову генерала Суздалева, стараясь, уловить хотя бы крупицу того, насколько твердо и верно расценивал он свое положение.

Казалось, что сообщения генерала были умны, дельны и пунктуально обоснованы, особенно в той части, где речь шла о потребностях в людях, пушках и снарядах. Суздалев был способный генерал. Казалось, он справедливо говорил, что германские войска, наткнувшись на хорошо укрепленные линии обороны, на плотный огонь наших пулеметов и пушек, должны непременно замешкаться. Тогда можно будет взять инициативу в свои руки и в зависимости от обстановки действовать наступательно.

— Значит, если вы сейчас получите подкрепление, то сможете удержать занимаемый рубеж? — спросил член Военного совета Букреев.

— Непременно, — подтвердил Суздалев.

Однако Букреев недоверчиво усмехнулся и, повернувшись к командарму, что-то тихо сказал ему. Дмитриев утвердительно кивнул головой.

Доватор, все время наблюдавший за командармом, понимал, что командующий не удовлетворен сообщением Суздалева, как не удовлетворен был и он сам. Тонким восприимчивым чутьем талантливого полководца Лев Михайлович уловил из доклада командующего, что длительное применение оборонительной тактики может привести к трагическим последствиям. Просиживая над картой долгие ночи, Лев Михайлович детально изучил сложившуюся обстановку в полосе обороны своей армии. Он проводил с противником десятки воображаемых сражений. Используя практический опыт всех проведенных боев, он и сам пришел к выводу, что длительная оборона неминуемо приводит к большим потерям. Командуя подвижными частями, Доватор был сторонником наступательной тактики. Однако ему было ясно, что для этого нужны колоссальные материальные средства.

Доватор понимал и не мог не понимать невысказанные мысли командарма, которые тревожили и его. Командарм думал не только о превосходящих силах противника, но и о состоянии своих дивизий с их огромными вспомогательными подразделениями: интендантского снабжения, медицинского обслуживания, строительством оборонительных

укреплений, непрерывными потоками раненых и множеством всяких больших и малых дел.

Вся эта многочисленная масса людей нуждалась не только в распоряжениях, но требовала прежде всего, не говоря уже о снарядах и патронах, обмундирования и питания.

Всю эту громадную военную машину должен был обслуживать транспорт.

«Транспорт» — этим словом командарм исчертил весь лист бумаги, лежавший перед ним. От Сибири, с Урала, с Волги к Москве шел непрерывный поток поездов. Гигант-фронт требовал сотни тысяч тонн продуктов, боеприпасов и разного оборудования.

Невероятным было, как в эти тяжелые дни транспорт мог справляться с возложенными на него задачами. Главнейшие железнодорожные магистрали Московского узла в то время были перерезаны противником. Оставшиеся в действии магистрали, питавшие весь фронт, подвергались жестокой бомбардировке с воздуха. Они также находились под угрозой захвата.

Сражение под Москвой должно было решить весь дальнейший ход военных действий, имеющих значение не только для советского государства, но для всего мира, ибо исход его предопределял дальнейший ход исторических событий.

Помимо всех многочисленных забот, отягощающих командарма, он должен был прежде всего думать о коварном противнике, правильно оценивать его способности, уметь превосходить его при решении всех задач, для того чтобы проще, вернее и остроумней победить его.

Доватор знал это правило и не оставлял противника в покое ни на минуту. Сейчас, оторвавшись от карты, он бросил на командарма многозначительный взгляд. Ему не терпелось высказать свою точку зрения. Командарм видел это нетерпение и легким кивком головы дал понять, что можно говорить.

Коротко изложив обстановку в полосе обороны своих дивизий, Доватор с неожиданной решительностью заявил:

— При этом соотношении сил выводы генерала Суздалева об устойчивости обороны считаю неосновательными.

Суздалев встретил острый взгляд Доватора и пожал плечами. Панфилов, откашлявшись, склонился к столу, медленно помешивая чай, старался ложечкой придавить лимон к стенке стакана.

— Продолжайте, генерал Доватор, — с интересом посматривая на него, проговорил командарм.

— Неосновательными потому, что армия в целом, — продолжал Доватор, — не может больше принимать на себя концентрированных ударов противника. От обороны армия должна перейти к наступательным действиям. Противник сейчас увлечен успехом. Аппетит гитлеровцев разожжен близостью Москвы, близостью грабежа и наживы. Противник полагает, что мы не в состоянии проявить наступательной инициативы.

Предложение Доватора было поддержано большинством генералов.

Для командарма начался именно тот разговор, который определил нужное направление мыслей присутствующих. Командарм имел уже приказ Ставки Верховного Главнокомандующего остановить наступление противника и нанести ему встречный удар, но с объявлением его медлил, прислушиваясь к мнению командиров и начальников.

— Мы не исключаем даже лобового контрнаступления, — сказал он, излагая сущность приказа. — Мощной артиллерийской подготовкой мы должны ослабить наступательный порыв противника. Внезапный удар нарушит оперативные планы германского командования. При наличии свободных резервов мы сможем захватить инициативу в свои руки и постараемся ее в дальнейшем не выпустить.

Удар было решено нанести правым флангом армии в северо-западном направлении. По намеченному плану генерал Суздаев обязан был подтянуть к правому флангу дивизии Панфилова два батальона и активными действиями сковать противника, способствуя наступлению Панфилова и Доватора. Суздаев выговорил себе право действовать активно лишь в том случае, если явно определится успех. Дивизия его подкреплялась батальоном пехоты. Дивизии Панфилова придавались танковые подразделения. Группа Доватора никаких подкреплений не получила, но Лев Михайлович все еще надеялся на пополнение.

— Разумеется, генерал Доватор тоже рассчитывает пополнить свои кавалерийские полки? — как бы угадав его мысли, весело спросил член Военного совета.

— Жду и надеюсь, товарищ армейский комиссар, — сказал Доватор.

— Да, да, пожалуй, следует, — медленно произнес Дмитриев, о чем-то задумываясь.

Доватору казалось, что командарм упустил какое-то очень важное решение. Напряженно всматриваясь в лежащий перед ним лист бумаги с длинным столбцом цифр, он улыбнулся и передал его Букрееву. Доватор с нетерпением ждал. Обещающая улыбка командарма и уверенный жест его руки подтверждали, что на этот раз все будет в порядке. По выражению лица армейского комиссара Лев Михайлович понял, что Букреев знал, чем

следует его обрадовать. Казалось, что член Военного совета не только ведаёт секретом успеха сложной военно-политической работы, но и знает горячие порывы души Доватора.

— Я понимаю, — говорил он улыбаясь, — понимаю генерала Доватора. Ему бы сейчас еще одну кадровую кавалерийскую дивизию... Не отказался бы, Лев Михайлович?

— Что и говорить! — воскликнул Доватор, с волнением посматривая на трепетавшую в руках Букреева бумагу, напечатанную на бланке Генерального штаба.

— Думаешь, шучу? — темные брови армейского комиссара сдвинулись к переносице, умные голубые глаза заискрились улыбкой.

Панфилов пододвинул Доватору стакан чаю, положил туда кружочек лимона и утопил его ложечкой. Он был рад за своего боевого соседа и ухаживал за ним с заботливым отеческим вниманием.

Все сомнения у Льва Михайловича исчезли. Что-то хорошее, радостное было в пытливом взгляде члена Военного совета. «Целая дивизия! — мелькнуло в голове у Доватора. — Да, тогда моя кавгруппа превратится в корпус! Вот погулял бы по тылам! Эх, развернулся бы!»

— Вообрази себе, генерал Доватор, кадровую кавалерийскую дивизию! — продолжал Букреев. — Каждый эскадрон имеет отдельную масть коней: гнедые, вороные, серые... Сам понимаешь, кадровая!

— Какая дивизия? Я все дивизии знаю.

Лев Михайлович поднялся, неторопливо одергивая полы кителя, и засыпал командарма вопросами:

— Где она сейчас? Где стояла? Как идет?

— В пути, скоро будет. Вот документ.

Букреев с гордым видом потряс уведомлением о движении дивизии из района Средней Азии.

— Следует по своему назначению... Получишь полностью, непременно получишь... А сейчас нужно обходиться тем, что есть, — сказал серьезно и медленно командарм Дмитриев.

— Но ведь кавалерия должна наступать сейчас, — проговорил Доватор глухим, прерывающимся голосом.

«Гнедые, серые, рыжие...» В горячем воображении Доватора уже шли где-то эти кони, дразнящие, покачивая вьюками. Но где они и скоро ли будут?

— Наступать, я должен наступать, — нетерпеливо и горячо произнес он.

— Да, наступать, — веско подтвердил Букреев.

Участников совещания командарм пригласил на обед. Коньяк освежил Доватора, но настроение у него было неважное. Букреев точно нарочно сел рядом и, с шутками и прибаутками положив ему в тарелку внушительный кусок гусятины, сказал:

— Съешь гуся и не обижайся. — Налив коньяка, он перемигнулся с командармом, чокнулся с Доватором и опрокинул рюмку.

Аппетитно закусывая, Букреев ласково посматривал на хмурившегося Доватора с примирительным добродушием, а потом, неожиданно склонившись, тихо спросил:

— В рейд по тылам противника собираешься?

— Собираюсь.

— Вот и хорошо! В недалеком будущем пойдешь километров на сто пятьдесят и побольше, — приказывающим, исключаяющую всякую шутку шопотом произнес он и веско добавил: — Будешь готовить весь корпус.

— Есть все-таки дивизия, товарищ армейский комиссар?

— Будет, раз я говорю. На этот раз задача будет еще серьезней. Погонишь немцев далеко на запад.

После ужина Доватор шумно вышел в сени и быстро спустился по лестнице. Окрыленный неожиданной радостью, он вскочил в седло и, разбирая поводья, весело спросил подъехавшего Шаповаленко:

— Замерз, старик?

— Да який же я старик? Вы меня, товарищ генерал, обижаете.

— Держи голову выше! Скоро гитлеровцев на запад погоним! Вышвырнем их с нашей земли! А потом вернемся в Москву.

— В Москву... — задумчиво повторил Филипп Афанасьевич и, сбивая приставший к сапогу снег, спросил: — А вот, товарищ генерал, в Москве была сельскохозяйственная выставка. Як она зараз?

— Выставка... — озабоченно проговорил Доватор. Он и сам не знал, что с выставкой. Видя, что Шаповаленко заинтересован ею, успокоительно добавил: — Закончится война, обязательно побываем. До войны-то бывал?

— Ого! Да у меня там Унтер оставлен! Такой разбродяга, не дай боже.

— Сослуживец, что ли?

— Да нет, товарищ генерал, Унтер — это наш колхозный кабан.

Ехавшие сзади казаки, уткнувшись головами в конские гривы, корчились от хохота. Не утерпев, расхохотался и сам Доватор.

Почувствовав веселое расположение генерала, Филипп Афанасьевич, расправив бороду, с нарочитой в голосе обидой продолжал:

— Всегда так, товарищ генерал. Не успеешь себя за ус дернуть або моргнуть бровью, гоготать начинают, як глупые гусаки. Им бы тилько

хохотнуть... Не дають слова молвить, га, га, га!.. Не понимают, дурни, що Унтер той историчный, общественный...

— А почему — Унтер? — сдержанно, еще смеясь, спросил Доватор.

— Да дуже вин був похож на унтера, — подъезжая вровень с Доватором, продолжал Шаповаленко. — До войны работал я на конюшне. Прихожу рано утречком, намочил коням отрубей, поклат в кормушку и бачу, как той свинячий голова забежал во двор, пристроился к корыту и жрет. Спиймав я его за уши и прогнал. Бить, конечно, не стал. Свинья, она и есть свинья, кроме сала взять с нее нема чего. На другой день бачу, снова пожаловал. Увидал меня и остановился. Морда так курноса, шельмовата и усики враслопырку. Лупит на меня глазищи, як будто спросить хочет: «Жрать дашь, чорт старый, або знова за уши дергать будешь?» Насыпал ему трошки. На третий — еще притащился и уже мордой о голенище трется, похрюкивает: «Давай, дескать, угощай». Накормил. С той поры почал он являться, як на солдатскую кухню унтер, — каждый день. Да так привык, — от коней никуда. Мы на водопой, и он следом. Начинаем их купать, щетками моем, и его заодно выкупаем. Вы знаете, такой выкормился кабанище, пудов на пятнадцать. Мы тогда коней в Москву на выставку готовили, и он вместе с ними поехал да еще первый приз взял. Вот який был Унтер! А им га-га... — уже с искренним огорчением закончил рассказ Филипп Афанасьевич.

Покачиваясь в седле в такт конскому шагу, он добавил:

— А за коней нашего колхоза мне Семен Михайлович Буденный руку жал. Грамоту с золотыми буквами вручил.

Приближались сумерки. По обеим сторонам дороги заснеженное ржаное жнивье взбороздили танковые гусеницы, в темных вмятинах застывала голубая вода. Над видневшимся вдаль лесом поднимался дым и лениво падал на верхушки деревьев.

— А кони на выставке остались? — оглянувшись на притихших казаков, спросил Доватор.

— Кони на войну пошли...

На Волоколамском шоссе Доватора догнал на машине генерал Панфилов.

— Кавалерия, спешивайся! — крикнул Панфилов, открывая дверку. — Садись ко мне, подвезу.

Молодой конь Доватора Казбек, косясь на гудевшую машину, сердито всхрапывал. Доватор слез с коня и сел в машину.

Шофер дал газ.

ГЛАВА 2

14 ноября 1941 года, за день до всеобщего наступления германских войск на Москву, на Волоколамском направлении с утра начал перекатываться мощный гул артиллерийской подготовки. Армия Дмитриева своим правым флангом внезапно нанесла противнику сокрушительный удар. Советские танкисты, прорвав фронт юго-восточнее Волоколамска, вышли в тыл врагу и начали громить главное сосредоточение немецких сил. За сутки дивизия генерала Панфилова и кавгруппа генерала Доватора, захватив при поддержке танковых частей несколько деревень, глубоко вклинились в оборону противника.

Панфилов с группой штабных командиров стоял на земляной насыпи блиндажа и, поглядывая на аккуратно сложенную карту, приказывал:

— Пошлите офицера связи к Суздалеву, уточните обстановку.

Еще ночью разведчики Панфилова донесли, что против левого фланга дивизии Суздалева противник, опомнившись после удара, начал сосредоточивать крупные силы танков. Суздалев, обеспокоенный передвижением немецких частей, прекратил наступление и перешел к обороне. Доватор и Панфилов продолжали со своими полками продвигаться вперед. В стыках между дивизиями в момент наступления, естественно, образовалась брешь.

Обнаружив значительное скопление немцев против своей дивизии, Суздалев подготовил к обороне и танки.

Действуя вяло и пассивно, он все-таки приготовился к отражению атак. Но противник учел, что атаковать этот участок — значит встретить упорное сопротивление сильной, подкреплённой танками дивизии. Поэтому, совершив обходное движение, немцы силами двух полков — пехотным 75-й дивизии и танковым 5-й дивизии — перешли в наступление в стыке двух дивизий. Но и здесь расчеты их оказались ошибочными. Панфиловцы, перейдя к обороне, не пропустили немецких танков. В этом неравном бою 28 героев-панфиловцев покрыли себя вечным ореолом бессмертной славы и доблести.

К исходу этого незабываемого дня командный пункт Доватора находился на Язвищенских высотах. С утра, одновременно с атаками на дивизию Панфилова, противник силами 35-й пехотной дивизии и 2-й танковой перешел в наступление на кавгруппу Доватора.

От горящих немецких танков в небо ползли черные клубы дыма, по деревенским крышам гуляло пламя. Сквозь дым и едкий смрад на дивизии

Доватора лезли все новые и новые танковые колонны. От взрывов содрогалась земля, и, казалось, все оглохло от неумолкаемой артиллерийской и пулеметной канонады. Положение обороняющихся дивизий с каждой минутой усложнялось. Прислушиваясь к грохотавшей машине боя, Доватор по перемещению звуков угадывал, что левофланговые соседи начали отходить к магистрали.

Прискакавший из штаба дивизии офицер связи старший лейтенант Поворотиев сообщил, что противник обходит полки Атланова. На левом фланге дивизии Медникова немцами прорвана линия фронта в направлении Ново-Петровское. На правом фланге связи с дивизией Панфилова нет.

На наблюдательном пункте Доватора шла напряженная работа. Из блиндажа то и дело выскакивали с красными от бессонницы глазами телефонисты и подавали начальнику штаба полковнику Карпенкову тревожные донесения. Перечитывая их, Карпенков подзывал оперативного дежурного и отдавал какие-то приказания. Дежурный, придерживая на бедре шашку, бежал исполнять их. Почти через каждые пять минут Карпенкова вызывали к телефону. Пригнувшись, он быстро вылезал из блиндажа, подходил к Доватору и, вертя в руках карту, докладывал:

— Командиры просят снарядов.

— Послать, — коротко приказывал Доватор.

— Есть. Я уже распорядился. Командующий выслал танковый батальон. Я думаю, надо подкрепить Атланова. У него положение, видно, серьезное.

— Подождем. Когда придут, будет еще виднее.

— Убит командир Н-ского полка... — продолжал Карпенков.

Доватор вскинул на него как-то сразу отяжелевшие глаза, а потом медленно отвел их и приглушенно проговорил:

— Написать семье. Для детей что-нибудь сделать, помочь.

Только что вернулся находившийся при дивизии Медникова комиссар Шубин. Отряхивая с полушубка снег, подошел к Доватору.

— Ну как? — с настороженной нетерпеливостью спросил Доватор.

— По совести говоря, неважные дела, Лев Михайлович. Нажимают сильно. Переправили через реку танки. Насели на соседнюю дивизию, отбрасывают ее к шоссе. Люди дерутся крепко. Противник начал было охватывать левый фланг Медникова. Медников двумя полками пошел в контратаку, Отсек пехоту, сжег девять танков... Но держаться ему трудно. Что у Атланова с Панфиловым?

— У Атланова примерно тоже такое положение. С Панфиловым связи нет. Судя по непрерывному гулу, там жарко.

На северо-западе, в расположении дивизии Панфилова, неумолкающе гудела скованная морозом земля. Над лесом густо лопались шрапнельные вспышки.

На командный пункт прискакал взволнованный Шаповаленко. Доватор посылал его с приказанием в штаб дивизии.

— Разрешите, товарищ генерал, доложить.

— Да, да, только покороче...

Доватор, с усмешкой посматривая на встревоженные под лохматыми бровями глаза казака, приготовился слушать.

— Фриц пре, ну ни як терпеть не можно.

— Не пугай... Тише... Неужели правда? — делая нарочито изумленное лицо, спросил Доватор.

— Не пужаю, товарищ генерал. Танки зовсим недалече скрыпять. Беда.

— Да ну-у? Страшно?

— Не так, щоб дуже, но трохи е...

— Давай коней, мы немцам покажем хвост, только нас и видели...

Предчувствуя в словах генерала подвох, Шаповаленко сконфуженно замолчал.

— Значит, не можно терпеть? — напористо допытывался Доватор. — А помнишь, как ты бранил меня за отступление из Смоленщины? Партизанить собирался. Забыл?

— Обидно было, товарищ генерал. Народу богато, а бою самый пустяк.

— А сейчас не обидно? — спросил Шубин. — Смотри, какая идет горячая схватка! Не ожидал я от тебя, Филипп Афанасьевич. Оказывается, ты не очень храбр...

— Товарищ бригадный комиссар! Да я хоть зараз до смерти рубаться пойду. Нам бы трохи танков, стукнуть им в лоб, а потом в сабли!

— Скачи быстро к командиру дивизии, — приказал Доватор, — и передай, что сейчас будут танки. Кого встретишь, всем говори: идут танки, — понял?

— Так точно, товарищ генерал, понял.

Шаповаленко, круто повернувшись, побежал к коню. Через минуту он уже был в седле. Стегнув Чалого, помчался навстречу посвистывающим пулям. Над боевыми порядками обороняющихся дивизий, утробно завывая моторами, неожиданно появились немецкие бомбардировщики. Свирепо тычась остроконечными мордами, они пикировали на лес. Из блиндажей на бруствер вылезли с пулеметами наготове охранявшие командный пункт

Доватора разведчики.

Бруствер встряхивали чудовищные взрывы. Бойцы, тяжело дыша, молча наблюдали. Доватор, прислонившись к дереву, гневно сжав челюсти, выщипывал из бурки шерстинки. Шубин стоял рядом и что-то быстро писал в блокноте. Карпенков, склонившись над телефонным аппаратом, вызывал истребителей.

Бомбардировщики, выворачивая серые с темными крестами плоскости, уходя от зенитного огня, кружились над лесом, набирали высоту и скрывались за дымный западный горизонт. На одном вспыхнуло пламя. Через минуту от него оторвалось хвостовое оперение и вместе с моторной группой упало вниз. Второй, снижаясь, вычерчивал на небе густую полосу черного дыма.

— Так, так! — повторял Доватор возбужденно.

От Чисменского леса, мощно сотрясая землю, к Язвищенским высотам подходила колонна танков «Т-34». Их было двенадцать. Доватор, взяв с собой лейтенанта Поворотиева, пошел им навстречу. Головной, заметив приближающегося генерала, остановился. Из люка в синем комбинезоне вылез капитан. Доватор поздоровался и назвал себя. Капитан, почтительно отдав честь, назвался Борисовым.

— Восемь машин в распоряжение генерала Атланова, поведет вас старший лейтенант, офицер связи, — показывая на Поворотиева, сказал Доватор.

— Задача, капитан Борисов, трудноватая, — коротко изложив обстановку, продолжал Лев Михайлович: — отбросить противника от села Иванцово и выйти на рубежи, обороняемые дивизией Панфилова. Знаете такого?

— Так точно, товарищ генерал.

— У него очень тяжелое положение. Надо помочь. Я знаю, что такое наши советские танкисты, и надеюсь, что вы не подведете. Обещаю прикрыть вашу атаку дивизионом противотанковой артиллерии и, если будет нужно, брошу конницу. Да мы, знаете, как их рубанем!.. В подробностях задачу получите от командира дивизии.

Поворотиев пристроился сзади башни. Танки, вспахивая снег, двинулись дальше. Четыре из них Доватор оставил у себя в резерве.

После бомбардировки с воздуха противник снова начал яростно атаковать дивизию Атланова, введя в дело до шестидесяти танков.

Восемь танков капитана Борисова при поддержке артиллерии и спешенных кавалеристов приняли бой и сожгли свыше двадцати немецких машин, несколько вражеских танков подорвались на минах, остальные

отошли на Шитьково. Но, подтянув свежие силы, противник снова пошел в атаку по всему участку фронта. Шестнадцать немецких танков прорвались в тыл и начали разворачиваться для атаки на Язвищенские высоты, где находился командный пункт Доватора.

Лев Михайлович выставил против них пушки дивизионной артиллерии. Положение становилось критическим. Карпенков предложил Доватору отойти на Федюково.

— Мы никуда не уйдем, — насупив брови, твердо произнес Доватор. — Я никому не позволю сделать назад хотя бы шаг. Мы пережили с нашим народом немало тяжелых невзгод в рейде, в Жарковских болотах, на Ржевском большаке, здесь, под Москвой. А теперь, в момент опасности, все бросить, да? Приготовить гранаты!

На командный пункт прибежал бледный, с трясущимся подбородком один из командиров дивизионной батареи.

— Танки, товарищ генерал. Уходить надо, они уже на окраине Язвищ...

— А пушки твои где? — круто повернувшись к нему, жестко спросил Доватор.

— Смяли... раздавили... Танки... Комиссар убит...

— А почему ты цел? Где автомашины, которые возили твои пушки? Кто будет подбирать раненых, которых ты бросил? Немцы?

Командир растерянно молчал. Доватор приказал его арестовать. Неожиданно к командному пункту, грузно давя мерзлые глыбы земли, подошел тяжелый танк «КВ». Из люка показалась голова танкиста в ребристом шлеме, с черномазым молодым лицом.

— Товарищи, — закричал он, — где штаб генерала Доватора?

— Я Доватор. В чем дело?

— Приехал выручать, товарищ генерал. Приказал командарм.

— Кого выручать?

— Вас, товарищ генерал, и штаб.

— Молодец! Вот спасибо... Как фамилия?

— Младший лейтенант Голубев.

— Знаешь что, голубчик. Мы себя сами выручим, а ты скорым ходом помоги своим товарищам — танкистам. Они вчетвером отбивают атаки шестнадцати немецких танков. Четыре уж подбили, а ты возьми четыре на себя.

— Есть, товарищ генерал, подбить четыре!

Танкист захлопнул люк. Рванувшись с места, могучая машина, ломая мелкий кустарник, вышла на поле. Через несколько минут орудийный хобот ее, сверкнув огненным языком, выплюнул тяжелый броневой

снаряд. С ползущего к селу немецкого танка сорвало башню и отбросило в сторону.

— Молодец! — не отрываясь от бинокля, крикнул Доватор.

Другие танкисты, увидев поддержку, смело пошли в атаку. Справа ударили дивизионные пушки. Шесть уцелевших немецких танков начали поворачивать назад, но там их встретили батарейцы Ченцова и подожгли.

Доватор повеселел, но с появлением Кушнарера лицо его снова омрачилось.

— В дивизионной батарее одна пушка подбита, остальные три целы. Комиссар погиб, — быстро доложил Кушнарев. — Я артиллеристов нашел, товарищ генерал, в лесу. Потеряв комиссара, они решили сменить позиции, передвинуть пушки глубже в лес. Когда я пришел с разведчиками, сержант из трех орудий открыл огонь и сразу же подбил два танка. Куда исчез командир, они не знают.

— Что будем делать, Михаил Павлович? — сумрачно спросил Доватор у Шубина прислушиваясь: приближался шум мотоцикла.

— Военный трибунал разберет. А как ты полагаешь, Лев Михайлович?

— Согласен, — сурово и резко сказал Доватор.

Подъехал мотоциклист. Из коляски вылез начальник политотдела Уваров. За рулем сидел высокий командир. Это был офицер связи штаба армии.

Уваров быстрыми шагами направился к Доватору. Поздоровался за руку. Он был сильно чем-то взволнован и не мог говорить. Красивое побледневшее лицо полкового комиссара осунулось, резче обозначились морщины, но большие голубые глаза блестели молодо, остро и ярко.

Заглушив мотор, офицер связи подошел к Доватору и вручил ему пакет.

Командарм приказывал немедленно перебросить группу в район Истра — Горки. Из короткой армейской сводки было видно, что левый фланг армии отходит в направлении Истра, а правый продолжал успешное наступление. Доватору было приказано не допустить противника к Истринскому водохранилищу. В этом же приказе рассказывалось о героическом подвиге 28 панфиловцев.

В конце было самое удручающее сообщение.

Прочитав его, Доватор не сразу понял все случившееся. Его рука, готовая передать бумагу Шубину, вдруг дрогнула и исчезла под буркой. Внезапно, круто повернувшись, он отошел к ближайшему дереву. Лежавшие на бруствере разведчики видели, как генерал сломал несколько веток, отшвырнул их далеко в сторону и быстро вернулся обратно.

Взглянув на сидевшего комиссара, он хотел было что-то сказать, но спазма сковала губы. Он чувствовал, как разум его никак не мог воспринять столь неожиданного и ошеломляющего известия.

— Как же это могло случиться? — не сказал, а выдал из себя Доватор и, склонившись к Шубину, горячо дыша ему в лицо, добавил: — Как это произошло?

— Что, Лев Михайлович?

Лицо Доватора было искажено страшной болью.

— Панфилов...

— Что Панфилов?

— Погиб генерал. Несколько часов тому назад убит...

— Да, — подтвердил Уваров, — я только что оттуда. Видел генерала... За полчаса перед этим он был в деревне Гусенево, поговорил со своей дочерью и поехал на командный пункт дивизии. Вскоре его привезли мертвого...

Уваров замолчал и отвернулся в сторону, вспоминая, как оцепенели лица бойцов и командиров, которые, не моргая, смотрели на бездыханное тело генерала.

Все молчали и как будто не слышали грохотавшего вокруг боя.

Где-то неподалеку прогремел залп гвардейских минометов. Ему яростно вторили пулеметы.

Доватору стоило больших усилий осознать, что его боевого соседа и друга уже нет. Перед ним стоял живой, добродушный, улыбчивый Иван Васильевич Панфилов, всего несколько дней тому назад подаривший ему, Доватору, перчатки. Медленно подняв голову, посмотрев на Уварова, Лев Михайлович с тягостным принуждением, срывающимся голосом спросил:

— Дочь, говорите, родная? Да-а... Знаю. Валентина. Рассказывал он... Я еще ему завидовал, что вместе с дочерью воюет. — Лев Михайлович, все время ходивший от блиндажа к дереву и обратно, вдруг остановился и, глядя себе под ноги, стал притаптывать валеным сапогом жесткий снег. Михаил Павлович Шубин, о чем-то думая, скучал по планшетке большим красным карандашом. Уваров, перечитав в блокноте записи, не отрываясь, смотрел на пестрые лохмотья разбитых снарядами елей, на разбросанные в беспорядке сучья, поваленные стволы деревьев, исковерканные немецкие танки с торчащими вверх надульниками... Обыкновенная картина только что закончившегося боя. Еще не успели собрать трофеи и похоронить погибших.

Уваров, как и Доватор и военком Шубин, напрягая волю, старался представить героическое сражение панфиловцев с полсотней танков

противника. Сегодня утром он специально поехал в политотдел Панфиловской дивизии, чтобы узнать подробности этого подвига. Там ему сообщили, что на горстку людей, которыми командовал политрук Василий Георгиевич Клочков, противник сначала бросил двадцать танков. Мужественные советские люди вступили в неравный бой. Они уничтожали танки гранатами, жгли бутылками с горючей смесью. На месте боя осталось четырнадцать обгорелых машин.

К вечеру фашисты перегруппировались, получили свежее подкрепление и бросили на позиции панфиловцев тридцать танков. Истекая кровью, красноармейцы дрались, как богатыри, и не отступили ни на шаг. Большинство из них погибло, но они остались победителями!

В глубоком душевном расстройстве Доватор, подозвав Карпенкова, отдал распоряжение снимать дивизии и выводить на новые оборонительные рубежи.

— А кто нас будет подменять, товарищ генерал? — нерешительно спросил Карпенков.

— Пока, очевидно, пехота, — с горечью ответил Доватор.

Поздно ночью Волоколамскую магистраль пересекали кавалерийские полки генерала Атланова. Слева в четыре колонны вытягивалась дивизия Медникова. Доватор и Атланов пропускали конницу на развилке дорог.

— Почему, Лев Михайлович, отходим? — настойчиво спрашивал Атланов, наблюдая, как по Волоколамскому шоссе к Москве беспрерывно двигалось огромное количество танков.

— Мы не отходим, а занимаем новый рубеж. Получена новая задача, — сухо отвечал Доватор. Ему хотелось сообщить о Панфилове, но, видя горячую взволнованность комдива, он умолчал.

— Новая задача — это другое, — упорствовал комдив, — но мой участок заняла пехота, растянув цепи жиденьким кордоном. Ей же не выдержать атак, она вымоталась за эти дни.

— Неужели тебе не ясно? — сказал Доватор. — Завтра противник бросит все силы, чтобы захватить водохранилище. Это диктует обстановка. Неудача врага на правом фланге заставляет его больше туда не лезть. Ему известно о сосредоточении в районе «Московского моря» наших частей. Внезапный удар нашего правого фланга провалил все его расчеты. А сегодня генерал Гоот бросился в центр и, потеряв больше ста танков, тоже ничего не добился. Поэтому вся выгодность захвата Истринского водохранилища налицо. Наш ослабленный левый фланг, как это предполагает противник, центральная магистраль — самое близкое

расстояние до Москвы. А Москва — их главная не только военная, но и политическая задача. Кроме того, генерал Гоот знает, что наши танковые соединения и мы, конница, прикрываем центр армии и ее правый фланг. Сейчас он стучит зубами, чтобы скорей навалиться всеми силами на левый фланг, разбить его и заставить откатиться за Истру.

Немного помолчав, Доватор добавил.

— Вот почему мы передвигаемся на новые рубежи. Как видишь, наше командование тоже не дремлет. Чуешь, как закручено?

— Закручено умно — Атланов, скомкав в руке перчатку, взмахнул ею и продолжал — Выходит, он и там встретит неожиданный сюрприз?

— Еще какой!

В направлении деревни Сычи снова рявкнули пушки, вслед за ними по лесу рассыпалась надсадная пулеметная дробь. Ряды двигающейся конницы ломко всколыхнулись. Всадники, покачиваясь в седлах, тревожно вглядывались в темноту.

Последним двигался полк Осипова. Антон Петрович, обгоняя на галопе колонну, подскочил к комдиву и, увидев Доватора, резко осадил Легенду. Взяв под козырек, он взволнованно попросил разрешения обратиться к командиру дивизии.

— У меня, товарищ генерал, чрезвычайное происшествие. Противник отрезал полковую батарею.

— Как это могло случиться?

Атланов глубоко затянулся папиросой, резко отмахнул перчаткой от лица дым. Сообщение командира полка его покорило. Нахмурился и Доватор.

— Коней побил. Послал запасных, не дошли. Немцы, почувствовав смену частей, начали бить из орудий и бросили в атаку танки. Пехота отошла в лес, а немцы захватили просеку. Пушки стояли еще на позициях. Ну и остались...

— Сумели пушки бросить, теперь выручайте. Как вы это сделаете, я не знаю, — выслушав сообщение Осипова, сказал комдив.

Ему представился изуродованный снарядами лес, расщепленные деревья, трупы коней и людей — героические батарейцы, на которых он только сегодня подписал наградные листы.

— Разрешите мне завернуть эскадрон. Я попытаюсь пробиться, — сдерживая танцующую Легенду, проговорил Осипов.

— Этого нельзя разрешить, — вмешался Доватор. — Бессмысленная затея. Одним эскадронам ничего не сделаете.

— Но нельзя же оставить...

Осипов устало согнул плечи и опустил голову. Он и сам отлично понимал, что не только одним эскадроном, но целым полком трудно будет выручать попавших в беду людей.

Доватор медленно прошел к шоссе, где скопившаяся конница пропускала танковую колонну. Постоял там минут пять, потом повернулся и послал Шаповаленко за разведчиками. Вскоре на конях подъехали Кушнарев и Торба.

— Прогуляться не желаете, друзья-разведчики? — спросил Доватор, пытаюсь замаскировать свою тревогу шуткой. — Дело одно есть.

— Я вас слушаю, товарищ генерал!

Кушнарев с четкостью кадровика бросил ладонь к кубанке. По выражению лица генерала и по его тону он понял, что «прогулка» будет нелегкая.

— В Шишковском лесу остались раненые бойцы и командиры. Надо их доставить сюда. С ними находятся три пушки, их надо тоже выручить. Но там нет упряжек. Придется вести коней с хомутами. А самое главное, как обмануть заставы противника?

— Значит, они за линией фронта? — спросил Кушнарев.

— Да. Они находятся там, где вы на-днях захватили немецкого капитана. В том же лесу. Поведет вас офицер связи, старший лейтенант Поворотиев. Вот такая предстоит вам прогулочка. Вы, наверное, думаете — мудреную задачу ставит генерал, да?

— Думаю, товарищ генерал...

— Это очень хорошо, что вы так думаете... Попытка опасная, что и говорить. Но помните, что там остались наши советские мужественные люди — артиллеристы. Они сегодня сражение выиграли, понимаете? Раненые, кровь пролили — и остались без помощи.

— Понимаю, товарищ генерал. Разрешите выполнять?

— Нет, подождите. Хорошо подумайте, старший лейтенант, хорошо! Отвоевать у гитлеровцев своих товарищей — высокая честь.

Слушая генерала, Кушнарев чувствовал, как им начинает овладевать глубокое чувство внутреннего удовлетворения. Его увлекали не слова генерала, а то чувство, с которым Доватор их говорил. Это было высокое сознание ответственности. Оно невольно передавалось Кушнареву, и он готов был сейчас выполнить любую задачу, как бы трудна она ни была.

— Мне кажется, — продолжал Доватор, — нахрапом взять нельзя. Топот полутора дюжин коней демаскирует вас.

— Разрешите мне сказать, товарищ генерал!

Торба качнулся в седле всем корпусом к голове коня.

— Говори, товарищ Торба, говори. Надо вместе обдумать.
— У меня такой план. Надо сначала пешком пробраться, разведать все, а там видно, как и что можно сработать.
— Правильный план. Как вы находите, старший лейтенант?
Доватор оживился и, подойдя к Кушнареву вплотную, погладил ладонью его коня.
— Я думаю, правильно. Малой группой в два человека можно пройти где угодно.
— Да, да, сейчас сплошной обороны нет, — подтвердил Доватор. — Если нельзя будет взять пушки, их надо повредить и оставить. Вот и все. Немного поговорили, и план приличный составили. Желая успешно его выполнить. Я думаю, можно надеяться, товарищ Кушнарев?
— Да, можно, — немного подумав, твердо ответил Кушнарев

ГЛАВА 3

Влажная от болотных испарений ночь стлала по лесу плотные полосы тумана. Луценко, держа в руке автомат, ходил от дерева к дереву и, прислушиваясь, жевал недоваренный кусок мяса. Около потухшего костра под плащ-палаткой тихо стонал Чепцов. Тут же вповалку лежали остальные бойцы. Дойдя до отдельно стоявшей кудрявой елки, Луценко останавливался и смотрел на недвижимо торчавшие из-под веток ноги в валенках. По ту сторону дерева, скрежеща лопатой о мерзлую землю, Новиков копал могилу. Постояв над убитым, Луценко подошел к товарищу и, остановившись над черной ямой, лаконично спросил:

— Поддается?
— Идет понемногу.
Новиков, ссутулясь, нажимал на лопату и неторопливо выкидывал комья мерзлой земли. Земля, казалось, пахла огуречной кожурой и прелым коровьим навозом.
— Сколько у нас осталось снарядов?
— В десятый раз отвечаю — тридцать!
Новиков раздраженно отбросил землю далеко в сторону. Разогнувшись, он потуже подтянул на полушубке ремень.
— Поганая цифра, — швыряя в кусты обглоданную кость, сказал Луценко и, помолчав, добавил: — У тебя дети есть?
— Трое.
— И у меня трое. Поровну, значит. Если нас обоих убьют, как раз

шестеро сирот останется.

— Пошел ты к чорту! Меня не убьют.

— Да и меня тоже. Это ж я шутя. Я хочу еще троих нажать. Война кончится, думаю организовать кузнечную бригаду из Луценков. Нас четыре брата, и все ковали. Деды ковали были, и сыны ковалями будут. Вот оно какое дело! Возьми-ка автомат, покарауль, а я трошки покопаю... К утру, может, що для себя сгодится... Надо местечко покраше подобрать...

— Не беспокойся, для твоей милости я отдельно выкопаю. Тебя вместе нельзя класть: никому покою не дашь.

— Ух, ты, скаженный! — Луценко, плюнув на руки, взял лопату и, копая, добавил: — Сколько сюда наших товарищей покладем! Даю слово, в десять раз больше фашистов уничтожу. Ты с завтрашнего дня записывай, бухгалтерию заведем.

— А я уже давно этот счет веду, не беспокойся.

Новиков вскинул на плечо автомат и медленно пошел к потухающему костру. Там были раненые: Ковалев, Ченцов, Алексеев и Нина. Это все, что осталось от трех оружейных расчетов.

— Попить никому не нужно, товарищи? — присаживаясь на корточки, тихо спросил Новиков.

Ночь тянется медленно, беспокойно. Лес освещается вспышками ракет и гудит длинными пулеметными очередями. Задремавший немецкий солдат, стукнувшись каской о пулеметную пята, хотел было по привычке нажать спуск, но руки его вдруг вяло и безжизненно свисли в окоп. Кавказский кинжал глубоко вошел под левую лопатку. Торба, сдерживая шумное дыхание, бьет еще раз. Так верней.

С еле преодолимой брезгливостью Захар снимает с фашиста каску и надевает себе на голову. Оттащив труп в сторону, он садится к пулемету и нажимает спусковой механизм. Тишина разрывается продолжительной очередью, ярко чертят темноту светящиеся строчки трассирующих пуль. Через каждые тридцать минут немец давал очередь — знак того, что на посту все в порядке. Торба стреляет точно, минута в минуту. Недаром он наблюдал за этим постом в течение двух часов.

С другими немцами разделяются Буслов, Павлюк и Савка Голенищев. Последний, чуть не вдвое согнув свою высокую неуклюжую фигуру, подбежал к Торбе и, горячо дыша в ухо, прошептал:

— Порядок!

Торба, кивнув головой, крепко сжимает ручки пулемета, вглядываясь в темноту. Савка бесшумно отползает к группе прикрытия. Теперь надо

ждать. Немцы расположили пулеметный пост на перекрестке лесных дорог. Он прикрывает подход с востока, с юга и с запада. Поверяющие приходят только с севера. Немецкий офицер в сопровождении двух солдат является каждый час. Видимо, он не особенно доверяет своим солдатам. Изучив ведение противника, разведчики действуют наверняка.

С северной стороны поверяющих ожидает засада, с юга — Буслов и Павлюк с двумя пулеметами составляют группу прикрытия. С запада должен появиться с пушками и ранеными Кушнарев. Он давно уже прогнал туда длинный караван артиллерийских упряжек. Тяжелые битюги, разгребая мохнатыми ногами сыпучий снег, прошли почти бесшумно. Кольца постромок, трензеля и другие звенящие части упряжек были обмотаны тряпками. Торба посмотрел на светящийся циферблат часов. Кажется, что стрелки бегут вперед лихорадочно, быстро. Скоро уже тридцать минут, как он «дежурит» за немецким пулеметом. Приближается время давать очередь «бодрости». От непривычной обязанности его охватывает нервная дрожь. Неприятно и жутко сигналить из вражеского пулемета. Он осторожно проверяет ленту. Все в порядке, только к пальцам прилипла пахнущая какой-то гадостью смазка.

Торба, жмуря глаза, второй раз нажимает спусковой рычаг. Пулемет покорно выхлестывает продолжительную очередь. В ушах стоит звон, едкие пороховые газы щиплют глаза и лезут в нос. Ему хочется стрелять все время, чтобы только скорей прошли эти минуты томительного напряженного ожидания.

Вдруг до его слуха доносится гулкий шум громыхающих оружейных ящиков и колес. Торбе кажется, что по лесу грохочет беспощадное эхо. Оно заставляет его повернуть пулемет на север. Там вспыхивает каскад желтых и синих ракет. Лесная дорога ярко освещается. Видно, как темногнедые битюги, цокая подковами, спокойно тянут пушки, точно идут на новые недалекие позиции...

Дробный, металлический перекал дегтяревского пулемета ядрено вспарывает притихшие было заснеженные кусты. Где-то недалеко слышны непонятные выкрики. Торба заглушает истошный галдеж на чужом языке огненным веером трассирующих пуль.

Пулемет дрожит, словно хочет вырваться из рук. Бусловский «дегтярь» стучит еще громче. Пушечные колеса, быстро разбрасывая грязный снег, грохочут мимо Торбы. Верхом на стволах полковых гаубиц, обнимая их, едут люди в прокопченных полушубках.

Битюги, подхлестнутые выстрелами, бухая тяжелыми копытами, спешат грузной взбодренной рысью.

Торба, Буслов, Голенищев, Павлюк, расстреляв все патроны, тащат за собой пулеметы. Вот батарея скрылась за поворотом. Навстречу разведчикам коноводы на галопе подают лошадей.

...Через час Кушнарев с Торбой ужинали на квартире у подполковника Осипова.

— Хочешь, старший лейтенант, — наливая в стаканы, возбужденно говорил Антон Петрович, — ко мне заместителем по строевой? А?

— Да я же разведчик, товарищ подполковник! — улыбался Кушнарев.

— Тогда помначштаба? Капитана дам!

— А я его и так получу...

— Ничем, брат, тебя не возьмешь. Ну, а ты, Торба, командиром полковой разведки пойдешь? Выпрошу у Доватора.

— Нет, товарищ подполковник. От генерала Доватора не уйду до смерти! — гордо ответил Захар.

— Любите, черти, Доватора, знаю... А я, думаете, не люблю? Да и нельзя его не любить!

ГЛАВА 4

К исходу 20 ноября Доватор сосредоточил свои части в районе Истринского водохранилища и завязал тяжелые бои на рубежах Поспелиха — Надеждино. Атаки противника следовали одна за другой, но, наталкиваясь на упорное сопротивление, захлебывались.

Противник, напрягая последние усилия, начал охватывать левый фланг Доватора и пытался отбросить его дивизии на северо-восток, стремился обеспечить продвижение своих частей вдоль Волоколамской магистрали. Однако Доватор не только упорно отбивался, но замышлял нанести немцам внезапный удар во фланг.

Зимний короткий день заволочла черная ночь. На квартиру, где поместился Доватор, Шаповаленко притащил охапку дров и затопил печку. Уже второй день генерал прихварывает от усталости, бессонных ночей, сырой, холодной погоды и нечеловечески напряженного труда. Глаза Льва Михайловича воспаленно блестят. Перед генералом на столе, заваленном картами, газетами, схемами, лежит папка с очередными донесениями. Вялым движением руки он отодвигает ее в сторону. По телу пробегает неприятный озноб. Потом, пересилив себя, Доватор снова протягивает руку и открывает папку.

«Противник занял Новый Иерусалим, — гласит армейская сводка. —

После ожесточенных боев части Красной Армии оставили Яхрому, Рогачев, Федоровку, Ольгово». А ведь несколько дней тому назад в Ольгове были расположены тыловые подразделения его соединения.

Лев Михайлович глубоко задумался, посмотрел на карту и с чувством горькой досады снова начал читать.

Донесения, рапорты, письма, разведсводки... Целая пачка, и ничего утешительного. Вдруг генерал узнал круглый четкий почерк Кушнарера:

«Штаб Д. Карта 100 000. Добрино. Высота 183,6. Разведгруппа № 2. Горки прибыл заслон пр-ка — слабый, до взвода. Один миномет, два пульпоста (см. схему). В Добрино батальон егерей пр-ка рассредоточен по хатам. Готовят пищу. Пульпостов четыре (см. схему). Автомашины, 26 орудий, семь на прицепах. Замаскированы ржаными снопами. По деревне редкие патрули. Смена пулеметных постов частая».

Подчеркнув последние слова донесения, Лев Михайлович написал сбоку: «Мерзнут».

«Свободно проник на южную окраину, — читает он дальше, — веду наблюдение из отдельного сарая (см. схему).

Выводы: противник, отогреваясь на печках, трет ушибленные места, собирается жрать двух убитых на моих глазах коров. Имеется возможность нарушить этот пир и. предложить другой... За обеспечение внезапности удара несу полную ответственность. Жду дальнейших приказаний».

Вездесущий умница Кушнарера своим замечательным донесением сразу отогнал от генерала хворь. Вот подходящий момент для флангового удара, о котором он размышлял в течение последних двух дней, забрасывая в расположение противника до тридцати разведывательных групп ежедневно.

Просмотрев кушнареровскую схему, Доватор быстрыми движениями руки нанес на карту обстановку. В комнате тихо. В печке весело потрескивают дрова, дремлет, разморившись от тепла, Шаповаленко.

За окном метет вьюга. Протяжно завывая, она скрадывает гул выстрелов. Торопливый маятник загнал обе стрелки ходиков на цифру 12. Доватор взял телефонную трубку, вызвав начальника штаба, отдал предварительный боевой приказ: — «Генералу Атланову выделить в мой резерв один кавалерийский полк. Самого немедленно вызвать в штаб», — и снова сосредоточенно углубился в схему, изучая ее и сверяя с картой.

Схема набросана Кушнарером с фронтовой торопливостью, но точно, грамотно, со всеми необходимыми топографическими деталями. Добрино, как и большинство подмосковных сел, окружено лесной чащей. Для внезапного удара лучшего и не придумать.

— Молодцы разведчики! — произнес Доватор.

Шаповаленко вздрогнул.

— Уснул, батька, — весело подмигнул ему Лев Михайлович. Ему очень хочется подзадорить казака.

— Да який же я батько? Мне всего пятьдесят годов.

Филипп Афанасьевич не любит, когда его называют стариком.

Доватор, подметив это, нарочно величает его «папашей», «батькой», «старичком». Шаповаленко начинает хорохориться и сердито подкручивает ус.

— Конечно, батька. Внуки же есть?

— Що ж внуки! Я молодых за пояс заткнуть могу.

— Ох, какой герой! Хочешь, поедем в Добрино фашистов рубить? Посмотрим, какой ты герой. Иди готовь коней.

— Вам не можно ехать никуда. Вы хворый.

— Ты мне брось — хворый. Вот поедем в Добрино ужинать. Скажи Сергею, чтоб седлал. Поедем в Добрино ужинать, — повторил Доватор.

Шаповаленко недоуменно посмотрел на генерала, как бы соображая: то ли он шутит, то ли впрямь серьезно заболел.

Вечером от Торбы он и сам слышал, что в Добрино прибыло много немцев, а генерал вдруг туда ужинать собрался.

— Значит, правду коней готовить? А врач? — нерешительно спросил Филипп Афанасьевич.

— Я сам себе доктор. Шагом марш к Сережке. А то и ужинать не возьму.

Доватор, не обращая внимания на удивленного Шаповаленко, снова взял трубку и вызвал к себе Карпенкова.

Через несколько минут они сидели за столом и, низко склонившись над схемой, разрабатывали детали операции.

План в основном был готов, однако было существенное «но». Маловато людей. Когда начштаба показал последнюю сводку о потерях, Лев Михайлович сумрачно уперся глазами куда-то в угол. Такая блестящая возможность, и вдруг все срывается из-за нехватки нескольких сотен бойцов. Доватор, соединившись со штабом армии, вызвал командарма. Его не было в штабе. Наштарм, одоббив замысел, предложил Доватору осуществить его имеющимися в наличии силами.

— А где же обещанное? — иронически спросил Доватор. Наштарм упорно молчит в трубку, как будто речь идет о каком-то пустяке.

Доватор продолжает просить: хотя бы один батальон пехоты, одну роту! Ну, одну «девушку Катю»? Опять отказ, а затем вежливое пожелание

успеха. Разговор окончен.

Доватор, заложив руку за борт кителя, прошелся по комнате.

— Кадровая дивизия!.. — произнес он гневным охрипшим голосом. — Как она сейчас нужна мне, чорт побери, а они даже роты не дают! — Остро глянув на Карпенкова воспаленными глазами, Доватор добавил: — Если мы упустим возможность нанести встречный удар, то больше двух дней нам здесь, на этом рубеже, не удержаться. Ты понимаешь?

— Понимаю, Лев Михайлович.

— Значит, отступать! Куда дальше отступать! Куда, я тебя спрашиваю? Никогда еще Карпенков не видел генерала в таком гневе.

— Отступать мы не можем. Бить, крепче бить! Короткими ударами надо выбрасываться вперед. В данной обстановке это лучшее средство обороны. Наступление обескуражит противника, а в народе поднимет боевой дух и укрепит веру в победу.

В эту минуту вошел Атланов.

— Вы меня, Лев Михайлович, хотите совсем обезоружить, — подавая Доватору руку, проговорил с улыбкой комдив.

Лев Михайлович отвел в сторону глаза. Сердце его сдавила горькая, незаслуженная обида. Напрягая все усилия, чтобы говорить спокойно и обдуманно и не обидеть, зря комдива вспышкой раздражительности, он сказал:

— Я не для спора вызвал тебя, Иосиф Александрович. У меня бремя не легче твоего... Мы тебя хотим «обезоружить»?

Он сел на кровать и продолжал:

— Ты что же думаешь: генерал Доватор выпил утром коньяку, проглотил ломтик лимона, закурил, уперся глазами в карту, как бык в ручей, и, увидев свою глубокомысленную физиономию, решил, что ему надо командовать? Прочертил красную стрелу, изображающую атаку дивизии Атланова, на двадцать километров западнее... потом взял лист бумага и тем же карандашом написал: «Завершая удар на деревню, мы создаем противнику катастрофическую угрозу». Потом нарисовал другую стрелку, должную изображать своей закорючкой фланговый удар дивизии генерала Медникова. «Таким образом, в тесном взаимодействии двух массированных ударов, при поддержке подвижного резерва развиваем успех в направлении Козлики». Начальник штаба, разумеется, в восторге от гениального плана, моментально стряпает приказ, отхватывает в резерв полк. Ему наплевать, что Атланов растянул жиденькую оборону на десять километров и держится на «фу-фу», лишь бы документ был отработан по всей форме штабного искусства, а там как хочешь, так и выкручивайся —

на то и генерал... Может быть, так мы командуем, генерал Атланов?

— Да что с вами, Лев Михайлович?

Ошеломленный комдив быстро снял с головы папаху, обнажив морщинистый, вспотевший лоб.

— Могу ли я так думать? — спросил он с удивлением.

— А почему же ты мне с этакой улыбочкой говоришь, что я тебя обезоруживаю?

— У меня положение такое...

— Вот поэтому мне и нужен полк, чтобы вывести тебя из этого положения.

Доватор наклонился к столу, взял донесение и схему Кушнарера и подал Атланову.

Тот, пробежав по бумагам глазами, на мгновение задумался. Он сразу оценил всю важность предстоящего Дела и, поняв причину вспышки Доватора, мысленно осудил себя за необдуманные, обидные слова.

— Ну, что скажешь? — в упор спросил Доватор.

— Такой случай упускать нельзя.

У многих людей с сильной волей и большим жизненным опытом есть золотое правило: откровенно признавать свой промах, быстро исправлять его и находить выход из любого затруднительного положения. Таким был и генерал Атланов. Глядя на Доватора загоревшимися глазами, комдив проговорил:

— Я сейчас же отдам приказ высвободить людей из числа коноводов, оставлю по одному человеку на десять лошадей. Штабных писарей, лишних ординарцев, поваров, кладовщиков, музыкантов — в строй. Наберем людей, Лев Михайлович. Эту операцию надо проводить немедленно! А за то, что обидел тебя, — прости. Разрешите мне на деле исправить ошибку. Я не так, конечно, думал, как это тебе представилось, а, откровенно говоря, подозревал, что на этот раз ты ошибаешься. Но вышло наоборот. Брани, принимаю.

Вскоре план предстоящей операции был еще раз совместно продуман и уточнен во всех деталях. Штабной аппарат Карпенкова работал согласованно, четко и быстро. Через час приказ был разослан в дивизии. Он гласил: «Комдиву 1 создать подвижную группу и нанести фланговый удар в районе Добрино, комдиву 2 силами двух полков способствовать развитию успеха атаками в направлении Горки — Борино».

Завершением этой операции замысел противника обойти кавгруппу Доватора с юга сводился на нет. Атака была назначена на шесть часов утра.

Доватор не спал. В ожидании офицера связи он тревожно

прислушивался к каждому шороху. Перебирая на столе бумаги, он незаметно углубился в сводную строевую записку.

Лицо Доватора омрачилось. После непродолжительного раздумья он взял чистый лист бумаги и написал было командарму подробную объяснительную записку. Но, вспомнив, что фронт растянулся от Балтики до Черного моря, он разорвал наполовину исписанный лист и бросил его в печь. Усталость и недомогание ломают все тело, но он не может лежать. Подойдя к двери, он негромко окликнул задремавшего адъютанта — капитана Курганова — и приказал прислать к нему Шаповаленко.

Филипп Афанасьевич не замедлил прибыть.

— Кони готовы? — спросил Доватор.

— Да они всегда готовы. Только Сергей спрашивает, какого подавать и далеко ли будем ехать. Ежели далеко, то Сокола.

Зная, что генерал болен и ему ехать нельзя, Шаповаленко, откровенно говоря, тянул волюнку:

— А ежели близко, то Казбека.

— Поедем в Добрино.

— Да разве воно наше, товарищ генерал?

— Оно всегда было наше, — устремив на казака усталые воспаленные глаза, ответил Доватор.

— Да там же немцы!

— И я знаю, что немцы. Потому и еду.

Такой ответ привел Шаповаленко в полное замешательство: «Уж не бредит ли генерал от высокой температуры?»

— Вам бы надо, товарищ генерал, трохи отдохнуть. Цей самый грипп така проклятуца хвороба... — ласково, с тревожной озабоченностью сказал Филипп Афанасьевич и пустился в несвойственное ему медицинское рассуждение о теплых припарках и горчичниках. Сам он при лечении пользовался всегда одним и тем же средством — стопкой горилки, приправленной чудовищной порцией перца.

— Ты, дед, с каких это пор в милосердных братьях-то состоишь? — огорошил его Доватор. — Я твою «профилактику» знаю. Тоже мне гомеопат нашелся!

«Совсем занедужил генерал, — решил Шаповаленко, — и слова-то якись непотребные».

— Отвечай, чего молчишь? Есть такая наука, профилактика называется, слышал?

— Слышал.

— А хирургию знаешь?

— Это що живым ноги отрубают? Така «лехция» мне известна...

— Вот, вот, правильно. Ступай, веди коней. Поедем в Добрино. Мы там сегодня устроим фашистам «лехцию». Внушим им «профилактически», что ни одно совершенное преступление безнаказанным не остается, и хирургически докажем на саблях. Понял?

— Понял.

На самом деле Шаповаленко все понял по-своему. Вместо того чтобы привести коней, он побежал в медчасть и поднял на ноги всех врачей. По дороге он шепнул об этом и дежурному по штабу, а тот по телефону передал в штаб армии.

— Очень сильно заболел. Собирается ехать к немцам и делать им хирургическую операцию.

По пути из медчасти Филипп Афанасьевич завернул к Шубину.

— С генералом плохо, товарищ комиссар.

— Что такое? — встревоженно спросил Шубин.

— Занедужил. Ой, як занедужил, беда! Говорит всякие несуразности. Собирается ехать к немцам на лехцию. А у самого глаза горят, як два угля.

— Врача вызвали?

— Так точно, побудку сделал усем...

— Да, плохо дело.

Шубин, быстро накинув на плечи бурку, вышел вслед за Шаповаленко.

На квартиру они пришли одновременно с врачом и тихонько открыли дверь. Курганов, сидевший в передней, предупредил их, что генерал спит.

В ожидании коня Лев Михайлович, одетый в теплую бекешу и бурку, присел на кровать и уснул. Голова его в низко надвинутой на лоб кубанке лежала на подушке, ноги в белых валеных сапогах были опущены на пол.

Шубин осторожно поднял их и бережно положил на кровать. Выйдя из комнаты, он категорически запретил кому бы то ни было будить генерала.

Но Льва Михайловича все-таки разбудили. В одиннадцатом часу утра он сквозь сон услышал шум. С протяжным звуком скрипнула дверь.

Доватор открыл глаза.

В комнату с запахом морозной свежести вошли командарм Дмитриев, член Военного совета Букреев и Шубин. Последним через порог перешагнул незнакомый полковник в шинели с синими кавалерийскими петлицами. На боку его чеканным серебром поблескивала кавказская шашка. Полковник был смугл, худощав, с черными вразлет бровями.

Доватор вскочил и растерянно, точно провинившийся курсант, взял под козырек.

— Да он совсем молодцом выглядит! — весело крикнул Букреев. —

Человек просто отдыхает, при полном боевом, а вы толкуете, что болен! Ну, как себя чувствуешь, генерал Доватор?

— Спасибо, товарищ армейский комиссар. Я себя хорошо чувствую. Так заснул крепко, что, кажется, все на свете проспал... — укоризненно поглядывая на Шубина, ответил Доватор.

Михаил Павлович с какой-то особенной радостью успокоительно кивнул ему головой, давая этим понять, что с ночной операцией все обстоит благополучно, потом, улыбнувшись, он сделал рукой такой жест, как будто говорил, что произошли необыкновенные и удивительные события.

Доватор настороженно и растерянно смотрел то на улыбающегося Шубина, то на командарма.

— Ты действительно проспал, гвардеец. Все проспал. Скажи ему, генерал, — Букреев шумно сел на стул, жалобно заскрипевший под его могучей фигурой.

Откинувшись на спинку, он загадочно посмотрел на Доватора.

— Скажем по чести, проспал, — подтвердил командарм. — Первое поздравление получил бригадный комиссар Михаил Павлович Шубин.

— С чем вы нас поздравляете? — все еще ничего не понимая и с удивлением глядя на торжественные лица военачальников, спросил Доватор.

— С блестяще проведенной этой ночью операцией, раз! С гвардейскими дивизиями, два. Разрешите вручить приказ Верховного Главнокомандующего и поздравить вас, товарищ гвардии генерал-майор. Ваша кавгруппа переименована в гвардейский корпус.

— Служу Советскому Союзу!

Произнеся эти торжественные слова, Доватор, все еще не понимая, что произошло, сел на кровать. Но когда присутствующие засмеялись, он вскочил, бросившись к командарму, трижды поцеловал его и, не находя слов, долго жал ему руку.

— Ты с полковником-то познакомься. Он ведь тебе кадровую дивизию привез. Ты понимаешь, кадровая!.. — Букреев поднял указательный палец. — А ты, наверное, думал, что я тебя надул? Признайся, думал?

— Нет, товарищ армейский комиссар, я думал совсем другое, — подходя к новому комдиву, ответил Доватор.

— Товарищ гвардии генерал-майор, полковник Тавлиев с вверенной мне ордена Красного Знамени дивизией прибыл в ваше распоряжение, — четко доложил комдив.

— Ух ты! — радостно пожимая Тавлиеву руку, сказал Доватор. —

Значит, будем воевать вместе? Хорошо будем воевать!

Лев Михайлович чувствовал, что командарм приехал не случайно. Он привез с собой не только заслуженную гордую радость, но и большую новую ответственность.

Вчитываясь после отъезда гостей в текст приказа Верховного Главнокомандующего о присвоении дивизиям звания гвардейских, Доватор только теперь во всей полноте осознал, как высоко оценило правительство заслуги его бойцов и командиров. Он глубоко задумался: какими знаниями, какой высокой культурой должен обладать военачальник, чтобы быть достойным полководцем сталинской школы?

Талант полководца, как принято считать, — это умение руководить войсками, искусно маневрировать ими и хитро обманывать противника. А разве немецкие генералы плохо маневрируют?

Почему же он, молодой советский полководец, бьет профессиональных военных мастеров школы Шлиффена, Людендорфа, Браухича, Гудериана? Потому, что он, генерал Доватор, бывший крестьянский парень из белорусской деревни, имеет за плечами большевистскую школу. Он бьет противника не только силою оружия и знания, но и великой силой сталинского учения — всегда побеждать!

Еще и еще раз перечитывает Доватор приказ Верховного Главнокомандующего, — и глубокое волнение охватывает его. Подписывая первый боевой приказ по гвардейскому корпусу, он ощутил в себе силу и уверенность опытного полководца, а ясность предстоящих задач еще выше подняла его дух и волю к борьбе и победе.

ГЛАВА 5

По приказу командования корпус Доватора был временно выведен в резерв. Весть о присвоении дивизиям гвардейского звания быстро облетела все подразделения. Над лесом, где были построены полки, вихрилась снежная пыль. Раскачивались на ветру вершины могучих, потемневших от старости сосен. На прокопченных полушубках, шапках-ушанках кудрявится морозный иней, новенькие еще, но уже захватанные руками автоматы сверкают сталью.

— «...За проявленную в боях с немецкими захватчиками доблесть и геройство присвоить звание гвардейских», — разносится звучный бас подполковника Осипова, читающего приказ.

В заснеженном лесу далеко раздастся мощное тысячеголосое «ура».

Его слышат тысячи людей. Одеты в белые маскировочные халаты, они идут бесконечными колоннами. Скрипит снег под новыми добротными валенками, слышится короткий звон минометных плит и густой звук патронов, бренчащих в пулеметных дисках. На салазках темнеют станковые пулеметы.

Вдруг неподалеку ухнул артиллерийский залп. Над лесом вспыхивает хвостатое пламя. Где-то рванулась скованная беспощадным морозом земля. Где-то взвихрились первые черные смерчи. А потом, непрерывно гудя, задымили длинноствольными жерлами тысячи горластых пушек. Танкисты заводили моторы...

Началось утро 6 декабря 1941 года.

Выполняя приказ товарища Сталина, Красная Армия остановила и погнала фашистские полчища с подмосковных рубежей на запад. Советские люди в этот день круто повернули колесо истории. Они сказали: «Не быть врагу под Москвой». Сказали навечно!

На другой день Доватор был вызван к командующему войсками армии.

Прибыв в штаб, Доватор тотчас же явился к командарму. Увидев входящего комкора, Дмитриев, вставая из-за стола, приветливо кивнул головой и протянул Доватору руку.

— Поджидал. С нетерпением поджидал. А ты, как всегда, во-время и в отличном расположении духа. Люблю, когда у людей бодрое настроение. Во мне крепнет убеждение, что в войсках все нарастает боевое воодушевление. Я побывал в сибирских дивизиях, какой народище! Даже в словечках, брошенных невзначай, чувствуется сила, уверенность! «Ты, Семен, — подслушал сегодня ночью у костра, — барахлишко-то лишнее из мешков выкинь да насыпь туда патронов поболее. Видать, далеко вперед шагнем, пока догонит обоз-то, пригодятся». Вот какие разговорчики! Хорошо!

Командарм сощурил ясно улыбающиеся глаза, на его тонкие, плотно сжатые губы набежала улыбка.

— Как твое новое пополнение?

— Боевой народ! Как песню грянут, с деревьев снег сыплется. Рвутся в бой.

Доватор нетерпеливо похлопывал ладонью по колену.

— Есть, Лев Михайлович, и для твоих конников дело. — Дмитриев подошел к висевшей на стене карте и жестом пригласил за собой Доватора.

Вглядываясь в карту, Лев Михайлович искал расположение своего корпуса. Но на том месте, где должен был находиться корпус, его не оказалось. Доватор нашел его совсем в другом месте: район Кубинка был

обведен кружком и заштрихован предполагаемым сосредоточением конницы и танковой бригады. В центре его был воткнут флажок. От него стрела, начерченная пунктиром, пронизывая расположение противника, далеко уходила во вражеский тыл.

Доватору без слов стало ясно, что для его гвардии пришла желанная пора большого, ответственного дела. Ему захотелось свистнуть от радости, но он сдержал | озорную мысль и тут же почувствовал, как голова его начинает работать с напряженной, трезвой ясностью. «Перехватывать магистрали, срывать планомерность отхода противника», — мысленно формулирует он предстоящую задачу.

— Вы должны подготовиться к большой рейдовой операции, — продолжал командарм. — Придерживаясь своей любимой магистральной тактики, немцы готовятся к организованному бегству на запад. Сейчас они имеют намерение из района Руза пробиться на Волоколамск, соединить свою юго-западную группировку с северо-восточной, выйти на основную магистраль и, создав мощный клубок, покатить его на запад. Одновременно немецкое командование питает надежду сохранить силы и удержать, как трамплин для прыжка на Москву, город Можайск. В задачу вашего корпуса входит: разрушить замыслы противника, перерезать в глубоком тылу все пути отхода, загонять его в подмосковные леса, вышибать из теплых домов на мороз, сталкивать с магистрали и уничтожать самым беспощадным образом. Вот такая, генерал Доватор, предстоит работа, Я думаю, что это по душе вам и вашим гвардейцам!

— По душе, Василий Васильевич, — ответил Доватор, внимательно выслушавший речь командарма.

Разговор был прерван телефонным звонком. Протянув большую, жилистую руку, командарм снял трубку. После нескольких приветственных слов красивое, еще совсем молодое лицо его изменилось. Строго поджав тонкие губы, перебирая пальцами лежащие на столе папиросы, он коротко отвечал кому-то:

— Да... Непременно!.. Доложу лично. Да, да, здесь... Все закончено!.. Будет исполнено!.. Немедленно?.. Есть!..

Командарм положил трубку. Взглянув на Доватора, он сдержанно улыбнулся и заговорил с мягкими интонациями в голосе:

— Вас, дорогой Лев Михайлович, и старший командный состав корпуса, — командарм назвал несколько фамилий, — хочет видеть командующий войсками фронта...

— Командующий? — медленно приподнимаясь со стула и не спуская с

Дмитриева светлых удивленных глаз, спросил Доватор.

— Да, — подтвердил командарм, тоже вставая со стула и пододвигая к краю стола один из телефонных аппаратов. — Быстро свяжись со своим штабом и распорядись, чтобы выезжали. Их встретит офицер связи. Мы тронемся сейчас же.

Командарм, оправив безукоризненно сидевший на нем китель, положил в карман коробку папирос и, обдав Доватора ободряющей, тепло светившейся в его больших выразительных глазах улыбкой, ушел в другую комнату.

Окончив телефонный разговор, Лев Михайлович вышел следом за ним.

На улице он глубоко вдохнул в себя свежий морозный воздух.

Взволнованность не исчезла и не отхлынули тревожные думы. Доватор шагал по хрустевшему снегу рядом с высоким в серой папахе командармом и старался добросовестно разобраться, что же творится в его душе... За последнее время в его судьбу внезапно и бурно вторгались все новые события. Участие в параде на Красной площади 7 ноября 1941 года оставило в его душе неизгладимое впечатление на всю жизнь. Вслед за этим кавалерийская группа была переименована в гвардейский корпус. И, наконец, блестящее наступление наших войск под Москвой...

Но в то же время и чувство тревоги не покидало его ни на минуту. Только в машине он позволил себе спросить у командарма, чем объясняется вызов командующего фронтом.

Генерал Дмитриев прямого ответа на этот вопрос не дал.

— Вы с ним когда-нибудь встречались? — спросил он.

— Был представлен на одном из приемов. Суровый, говорят, человек, — ответил Доватор, припоминая высоколобого, с нахмуренными бровями генерала армии.

— Скажем прямо, строговат, но справедлив. Мы часто еще склонны принимать требовательность за суровость, а это большая разница. Во время разговора советую учесть, что командующий не выносит фальши. С ним надо говорить только на чистоту. Иногда человек сомневается в чем-то, но старается прикрыть это излишней самонадеянностью. Имейте в виду — от него это не укроется. Держитесь просто и говорите, что думаете.

Доватор улыбнулся и промолчал. Отвернувшись, смотрел через стекло на бежавшую рядом белую полосу реки Москвы, изогнувшуюся широкой кривой лентой. На противоположном берегу, в зелени притихших елей, уютно гнездились нетронутые войной дачные, с заснеженными крышами домики. От встречного потока переполненных грузами машин по обочинам

шоссейной дороги вихорьками кружились хлопья снега. Ежеминутно в морозном воздухе раздаются густые суровые гудки тяжело урчащих грузовиков.

Покрывая металлический лязг гусениц и свист кованых колес, поют идущие вдоль магистрали солдаты в краснозвездных касках.

«Пройдут месяцы, — думают сидящие в машине люди, — растопит горячее солнце сугробы, побегут по полям и протоптанным войной лесным тропкам бурные веселые ручейки, наполнятся студеной водой окопы с разваленными краями, блиндажи и артиллерийские капониры. На брустверах оживет тогда свеженакопанная земля и в разгаре весны, из-под кучи стреляных гильз, выскочит кустик ромашки, раскроет свой желтый глазок... И детишки из ближайшего пионерского лагеря наполнят карманы позеленевшими гильзами, нарвут цветов и прикрепят венки к пятиконечной звездочке, огороженной тесовым заборцем... А потом возьмутся за руки и, наполняя лес звонкими голосами, запоют песню, которую сложит неизвестный еще поэт... Может быть, это будет песня про порхающего на дороге чибиса или про красного снегиря, а может, про геройского солдата?»

А сейчас поют солдаты, гудят гудки, призывно гудят!

Звуки несутся к расчищенному от туч зеленоватому небу, где яркое полуденное солнце раскинуло над широкой землей свои радостные лучи, горячие, как человеческое сердце.

Машина въехала в просторный, обнесенный высоким забором двор.

Невысокий полковник с подстриженными усиками провел генералов в большую светлую комнату, где уже собрались вызванные Доватором военком Шубин, генерал Атланов, начальник политотдела Уваров, командиры полков Бойков и Осипов.

Поздоровавшись с ними, о чем-то переговорив со встретившимся знакомым генералом, Дмитриев прошел в другую комнату.

Доватор остался со своими командирами. По выражению их лиц Лев Михайлович понял, что они ожидали его с нетерпением, но расспрашивать сразу не решались.

В комнате стояла выжидательная тишина.

В углу около телефонных аппаратов сидел молоденький лейтенант, беспрерывно прижимавший к уху телефонную трубку. В то же время он приглаживал и без того аккуратно причесанные волосы.

— Что-нибудь расскажешь, Лев Михайлович, или нет? — подставляя Доватору стул и придвигая свой, спросил Шубин.

— Новости есть, Михаил Павлович, да еще какие! — задорно подмигнув командирам, ответил Доватор.

Генерал Атланов, позванивая шпорами, подошел к Шубину и стал рядом с его стулом. Подошли ближе Уваров и Бойков. Только подполковник Осипов, сутуля плечи, примостился на подоконнике и зло косился на лейтенанта, вежливо запретившего ему курить.

— Первая новость — это, конечно, гайки подкрутят, — проговорил Осипов мрачно, предполагая, что раз вызвало высокое начальство — значит без нахлобучки не обойдется...

— А что, у тебя ослабли? — оборачиваясь к подполковнику, спросил Доватор.

— Мы это можем и без больших начальников сделать, — заметил Шубин.

— Да на себе я этого не чувствую. Но, как говорится, был бы гвоздик, а куда его вбить — место всегда найдется, — полушутливо, полусерьезно ответил Осипов.

— Ясней говори, ясней! — допытывался Доватор.

— Он у меня, знаете, кое-чем не доволен, — улыбаясь и стараясь не глядеть на Осипова, заметил Атланов.

— Чем именно? — спросил Шубин.

— Не доволен темпами наступления...

— Скажи пожалуйста! — пряча улыбку, сокрушенно покачал головой Шубин.

— Ему подавай большую рейдовую операцию, без задержки прямо до Берлина...

— Лихо! — улыбнулся Доватор.

— А что? В Берлин, не в Берлин, а вот снова в Смоленщину, на широкий простор! Как бы я там развернулся!

Осипов соскочил с подоконника и увлеченно продолжал:

— Каждую ночь мы спокойненько могли бы ликвидировать не меньше пяти гарнизонов, эшелоны — под откос, штабишки — на воздух, диверсии на большаках, глубокая разведка... Партизаны там большой опыт накопили! Вместе с ними действовать можно смело! Что, не правда? Скажите, товарищ бригадный комиссар?

— Согласен. А вы скажите об этом командующему, — предложил Шубин, — а мы поддержим.

— И скажу! — горячился Осипов. — Начинается новый этап войны!

— Очевидно, до командования дошли слухи о вашем стратегическом плане, поэтому и вызвали, посоветоваться хотят... — неожиданно ввернул гладко причесанный лейтенант, не влюбивший Осипова за его, как ему казалось, вольное поведение в присутствии генералов...

На секунду наступила тишина.

Открылась дверь. Из комнаты вышел полковник и пропустил мимо себя немецкого офицера с черной повязкой на глазу. Вслед за ним вышел рослый, смуглолицый человек. Это был один из знаменитых разведчиков фронта. Он отвел гитлеровца в противоположный угол комнаты, кивнув своей крупной головой на стул, коротко бросил:

— Садитесь, курите.

Вынув из кармана пачку сигарет, он протянул их гитлеровскому офицеру. Сам же достал кисет и набил небольшую короткую трубочку.

Присутствующие с любопытством рассматривали разведчика и его «подшефного».

— Из далеких краев птичка? — спросил Доватор.

— Господин Прайс, генеральский адъютант, — охотно ответил разведчик. — Мы с ним недавно немного «попутешествовали» вместе... И, кажется, поладили, вот видите — покуриваем...

Это был действительно капитан Прайс, адъютант генерала Штрумфа. Прижимая к тонким, сморщенным губам сигарету, он молча рассматривал советских генералов и думал о могучей силе русских, которые даже в это трудное для них время могут так весело смеяться. Откуда они черпают эту силу? Он уже давно забыл, когда он смеялся, и не помнит, чтобы на лице его начальника, генерала Штрумфа, появилась когда-нибудь такая же, как и у этих людей, улыбка? И Прайс вспомнил, как несколько дней назад, во время бомбежки штаба армейской группы, генерал Штрумф, находясь в бомбоубежище, послал его в другой бункер за какими-то документами. У входа капитана встретили очень спокойные и предупредительно вежливые люди, завели его - в какой-то пустующий бункер, наставили к виску пистолеты, завязали какой-то тряпкой последний глаз и приказали садиться в машину.

Как выяснилось после, это были русские разведчики. Воспользовавшись — во время налета советской авиации на расположение штаба — паникой, они неизвестно каким путем проникли туда и увезли капитана Прайса к русским позициям.

Прайс жадно курит и все время зверовато косится на угрюмого вида подполковника, крепко зажавшего в большом кулаке полукруглый эфес кривой кавказской шашки.

Осипову становится трудно дышать. Ловя скользкий взгляд одноглазого фашиста, он начинает сердито кряхтеть и покашливать. Хриповатым заикающимся голосом спрашивает:

— Кто глазок-то ему попортил?

— Дефект у него старый. Французы вышили... — ответил разведчик с усмешкой и, кивнув одноглазому, увел его.

В небольшой горнице с двумя широкими, выходящими в сад окнами, куда пошел с командирами Доватор, за столом, накрытым белой скатертью, кроме командарма, сидели еще два генерала. Одного из них Доватор узнал по портретам и, остановившись, отдал рапорт.

Коренастый, с коротко остриженной головой, со звездочкой Героя Советского Союза, генерал армии поднялся с места. Протягивая Доватору руку, проговорил:

— Рад видеть гостей, сердечно рад! Присаживайтесь, товарищи, присаживайтесь.

Генерал приветливо пожимал руку каждого.

«Гости» рассаживались за два сдвинутых стола, приготовленных заранее.

— Чем вас угощать, гости дорогие? Чаем? Вы у себя каждый день пьете. Водкой вас, я думаю, тоже не удивишь... Вот если бы пива московского. Соскучились, а?

Антон Петрович не выдержал, кашлянув в кулак, улыбнулся широкой довольной улыбкой, которая без слов говорила: «Ну, кто в таких условиях может отказать от пива?..»

— Начнем, подполковник, с вас, вы здесь младший, — угадав мысли Осипова, сказал командующий.

Тот, польщенный вниманием, продолжая добродушно улыбаться, только широко развел руками, но ничего не сказал.

— Хорошо. Начнем с вас, — с едва уловимой суровостью в голосе продолжал генерал армии. — Сколько, товарищ подполковник, у вас в полку сержантского состава и сколько не хватает?

Этот неожиданный вопрос всех явно застал врасплох. Повернув головы к растерявшемуся Осипову, начальники его застыли на месте.

Подполковник вскочил, шевеля над бровями морщинами, щелкнул застежкой полевой сумки, подыскивая в мыслях подходящий ответ. Сколько у него сержантского состава, он забыл и не знал точно, есть ли такие сведения в полевой сумке. Роясь, он перепутал все бумаги и ничего не находил.

— Таковую «мелочь», конечно, можно и не помнить, — говорил командующий с нескрываемой иронией, — но не помнить этого — значит мелко думать! Младший командир — это начало управления войсками, первая командная ступень и очень важная! Как можно забывать военачальнику об этой ступени?

— Я их, товарищ генерал армии, почти всех помню по фамилиям, — попробовал возразить Осипов.

— То, что вы помните их по фамилиям, хорошо. Но мы сомневаемся, что вы знаете качества каждого из них. Нам известно, как назначаются младшие командиры. Вышел из строя сержант — его должен заменить хороший рядовой. Ранили командира взвода, на его место назначается сержант. Мы присваиваем им соответствующее звание и на этом успокаиваемся, перестаем ими заниматься, не учим их, как нужно по-настоящему командовать в бою! Верно это или нет?

— Верно, — глухо подтвердил Осипов, — не всегда позволяет обстановка.

— Вот это уж совсем неверно. Учить командный состав нужно и должно в любой обстановке, а главное — в бою. Это самая лучшая обстановка. Ну, а сколько у вас в полку больных лошадей?

Осипов снова полез было в полевую сумку, но командующий остановил его и, наклонившись, сам закрыл со словами:

— Знаю, дорогой, что у вас есть строевая записка, знаю. У меня вон тоже на столе лежит.

Командующий прошел к столу, сел и стал рассказывать о новом распоряжении в организации в прифронтовых условиях школ сержантского состава.

Потом, повернувшись, задумчиво поглядел в окно. На отдаленном пригорке в оголенном саду виднелись засыпанные снегом, окрашенные желтой краской ульи. Между ними со снопами соломы в руках ходил старик и к чему-то присматривался.

— Дело, конечно, не только в «мелочах», о которых я напомнил. Идет жесточайшая война, какой не знала на протяжении веков история. Стоит вопрос о существовании нашего социалистического государства. На нас напал враг сильный, оснащенный современной техникой. Чтобы побеждать его, надо, как учил и учит товарищ Сталин, овладеть стратегией и тактикой, уметь во-время применить ее. Главное — учить и воспитывать бойцов и командиров. Никогда не надо забывать, что чем больше разумности в действиях наших военачальников, больших и малых, — тем успешней будут наши действия. А для этого надо много знать иметь железную волю и крепкую память. Учитесь у товарища Сталина, он ничего не забывает.

Командующий снова встал, пристально посмотрев на каждого, тихим, но внятным голосом продолжал:

— Я вас вызвал для того, чтобы передать вам благодарность товарища Сталина... Я сознательно сообщаю вам об этом под конец нашего

разговора...

Командующий фронтом видел, как изменились лица генералов Доватора, Атланова, военкома Шубина и Уварова, медленно приподнявшихся со стульев. У Антона Петровича заблестели глаза, что-то щипнуло за сердце, заставило его сильнее биться.

— Товарищ Сталин уверен, что вы и впредь будете так же отважно драться. А мы вам будем помогать всем, чем сможем. Вам нужно было пополнить боевой состав? Мы вам дали кадровую дивизию. Оценивая ваши заслуги перед родиной, Партия и Советское Правительство вручили вам гвардейское знамя! Цените его, как символ чести и доблести!.. Для предстоящей большой рейдовой операции вам нужна боевая техника. Мы придаем вам танковую бригаду и авиацию! Командование уверено, что вы используете эту боевую технику с наибольшим эффектом.

Командующий взял со стола большого масштаба схему и шумно развернул ее. Не касаясь карандашом бумаги, словно играя, он провел по предполагаемому, маршруту движения конницы черту и севернее города Рузы нарисовал красную звездочку.

— На этом месте должно завершиться выполнение задачи рейдовой операции. Главное, быстро продвинуться в тыл врага и внезапно начать захватывать все шоссейные и грунтовые дороги. Не дать противнику увезти при отступлении технику и живую силу... Пленный офицер, адъютант Штрумфа, показал, что гитлеровцы еще думают напасть на Москву и во что бы то ни стало попытаются сохранить свою технику. Но на этот раз противник просчитался. Он всюду отходит. Наша задача — добивать его.

Командующий, давая присутствующим глубже осмыслить сказанное, некоторое время помолчал и остановил взгляд на подполковнике Осипове. Заметно было, что этот приземистый человек раскален словами командующего до предела.

— Ну как, подполковник, задача выполнимая? — спросил генерал армии.

Осипов встал, проглатывая от волнения концы слов, отрывисто заговорил:

— Все время, товарищ генерал армии, предлагал я провести такую операцию, а надо мной подтрунивали, в партизанщине обвиняли...

Шубин, не сгоняя со своего обветренного лица поощрительной улыбки, сказал:

— Вы подробней объясните, подробней!

— Да что тут объяснять? Мои мысли, товарищ генерал армии, сошлись с вашими...

— Нет, вы раскройте свой большой план похода на Берлин! Это на самом деле интересно! — настаивал Доватор, не без гордости поглядывая на своего командира.

— Большой план, — поблескивая сузившимися глазами, сказал Осипов, — этот план само сердце подсказывает.

— А вы берегите свой план, он пригодится на будущее, — грозя в пространство карандашом, подсказал командующий, словно наперед зная, что спустя три года он будет ставить задачу о продвижении к пригородам Берлина именно этому подполковнику, у которого, может быть, тогда будут поблескивать на плечах генеральские погоны.

— Раз сердце подсказывает, то думайте над своим планом, думайте!.. Противник сейчас тоже планирует отступление, а мы его заставим просто бежать. Для этого у нас сейчас есть силы и средства. Мы должны освободить нашу землю от захватчиков. Если мы этого не сделаем, то потомки наши не простят нам позора никогда!

В напряженной тишине жестко прозвучали последние слова командующего. Каждый из присутствующих понимал, чего ждет мужественный советский народ от воинов Советской Армии.

В ушах командиров еще звучал твердый, пониженный до шёпота голос командующего, а за окном ритмично, как заведенная машина, бурлила жизнь. Что-то крича, подбрасывая вверх варежки, пронзительно свистели мальчишки. Оглянувшись на них, бородатый старик-пчеловод, деловито взмахнув ржаными снопами, заботливо приставил их к желтому пчелиному домику.

— Вот теперь на дорожку можете и пива выпить, — сказал командующий.

На улице резвились и играли в снежки дети, провожая в вечность суровый тысяча девятьсот сорок первый год.

Капитан Кушнарев приехал за Зиной на легковой машине. Влезая в нее, она увидела на сиденье еще одного пассажира. Он был в белом полушубке и мохнатой шапке, которая упиралась в потолок машины. Зина поняла, что пассажир непомерно высок.

— Вам удобно? — отодвигаясь к стенке, спросил он густым басом.

— Спасибо, мне хорошо, — пристраивая на коленях вещевого мешок, ответила Зина.

Машина, подпрыгивая на выбоинах, выкатилась на окраину села.

— Вот и поехали... — протяжно и многозначительно проговорил сосед. — Извините, товарищ, вы меня, наверное, не узнали. Я — Савелий

Голенищев, радист. Помните, под Шишковым я вам шифровку вручал для доставки в штаб полка?

— Помню. Вы сейчас... — взглянув на ящик, Зина умолкла. Она хотела спросить, куда он направляется, но тут же догадалась, что ей для работы полагается напарник. Никогда не думала она, что это будет малознакомый посторонний мужчина.

— Я сейчас, видите ли, еду в экипаже с роскошным удобством, а под каким кустиком застряну потом, пока и сам не ведаю... — шутил Савелий — По секрету скажу, что пристегивают меня к одной хорошей девушке. Сдается мне, что это будете вы-с... Да?

— А если вы ошибаетесь? — улыбнувшись, сказала Зина.

— Вряд ли, — ответил Голенищев — Если говорить правду, то знаю наверняка и не особенно радуюсь... Простите за откровенность, иначе не могу.

— Короче говоря, вам не нравится моя кандидатура? Но ведь вы меня совсем не знаете.

— Не в этом дело, товарищ. Женщина хорошо справится с работой лишь в теплой радиокомнатке. А на морозе она будет дуть на пальчики.

— Ну, уж извините. Не согласна, — обидчиво заявила Зина.

— В зимних условиях эта эфирная помеха, — не обращая внимания на возражение Зины, продолжал Голенищев, — совершенно закономерна. Прежде всего радистку надо будет жалеть, потому что женщины весьма уважают, когда их жалеют, а долг мужчины...

— У вас, дорогой товарищ, допотопное понятие о женщине! — резко перебила его Зина. — Женщина все может делать наравне с вами!

Зина только что собиралась сказать, что будет работать не хуже любого мужчины, как спор пришлось прекратить. Машина остановилась у штаба корпуса.

— Повторяю еще раз, — перебирая на столе карты, говорил Доватор Зине и Голенищеву: — расположение противника в районе прифронтовой полосы нас не интересует. Здесь все ясно. Ваша задача — разведка глубокого тыла, населенных пунктов, точно указанных в маршруте. Юго-восточнее Рузы, в районе Дорохово, должен находиться партизанский отряд, но с ним утеряна связь. Разыскать его обязательно — это облегчит нашу работу.

В течение двух часов Лев Михайлович Доватор объяснял разведчикам, как надо действовать в тылу противника, как соблюдать конспирацию, как составлять радиogramмы, как исследовать лесные дороги, чтобы выяснить

их проходимость.

В эту же ночь самолет высадил Голенищева и Зину далеко за линией фронта.

ГЛАВА 6

С первых же дней декабря начал лютовать мороз. Стояла напряженная, грозная тишина. Немцы даже прекратили свою обычную безалаберную стрельбу.

Вдруг буйный грохот гвардейских минометов взметнул яркое пламя. Над верхушками освещенных деревьев со свистом горячего ветра ураганно пронеслись огненные метеориты. Следом мощным раскатом ударили пушки.

На широкой просеке дрогнули беспорядочно наваленные кучи молодого ельника, обнажая темные корпуса замаскированных танковых башен. Танкисты, гремя ключами, поспешно заводили моторы. Лес ожил могучим рокотом.

Командир бригады подполковник Иртышев обошел танковую колонну и отдал последние приказания. В это время с конца просеки послышался еще неясный шум. Иртышев обернулся. От леса отделились черные тени. Подполковник различил группу всадников. Передний, в широкой бурке, низко пригнувшись к луке, шел забористой чеканной рысью.

— Здравствуйте, танкисты! — Молодой конь Казбек, гордо вскидывая голову, перекатывая в зубах трензеля, жарко дышал горячими ноздрями.

Доватор, ловко спрыгнув с седла, бросил повод подскочившему Сергею. Взбодренные скачкой и орудийными залпами кони храпят и не стоят на месте. Даже смиреннейший Чалый Шаповаленко упрямо дергает повод, выкидывает передними ногами лихой перескок и никак не дает Филиппу Афанасьевичу сорвать с усов приставшие льдинки.

— Танковая бригада вышла на исходное положение и приготовилась к атаке, — доложил комбриг Иртышев.

— Добре, вижу, все в порядке. Как настроение людей? — Доватор отвел Иртышева в сторону. Ему хотелось сказать подполковнику перед боем хорошее, теплое слово.

— Отличное, товарищ генерал. Людям не терпится. Хотят настоящего дела.

— Пришла пора, пришла! — горячо подхватил Доватор. — Объявите народу, что наши войска ведут наступление на Клин и Волоколамск.

Сегодня ночью фашистов вышвырнули из Рогачева, Солнечногорска и Яхромы. Еще скажите, что на этой Можайской земле сто двадцать девять лет тому назад русские люди в Бородинском сражении разгромили армию Наполеона. Напомните им, что на постаменте памятника Кутузову начертаны великие слова: «Стойте, как часовые. Позади Москва...» И добавьте: «грязные руки фашистов прочь от Москвы!»

Мягкий свет луны освещал суровое лицо Доватора.

К рассвету советская артиллерия умолкла. Лес загудел скрежетом стальных гусениц, и земля дрогнула от передвижения танков и артиллерии. В морозной хмари раннего утра вслед за танками стремительно пошла в прорыв кавалерия. Пар валил от разгоряченных конских круп. Мороз, цепко схватывая лошадиную шерсть, украшал мускулистые груди коней инеем. Всадники в белых полушубках, с поседевшими от инея бровями, грозно сверкая клинками, шли в новый глубокий рейд.

Полки конной гвардии с полным комплектом грозных тачанок и артиллерийских батарей, а также и танковую бригаду повел в тыл врага генерал Доватор.

13 декабря в районе Улитино — Рязань эта мощная лавина, разорвав стыки 78-й и 87-й немецких дивизий, сметая на пути вражеские гарнизоны, двинулась на запад.

Командир немецкого армейского корпуса генерал Гютнер в это, утро находился в штабе 78-й стрелковой дивизии. Самоуверенный пруссак, он не верил в поражение германской армии. Успех красных он считал временным, случайным, относя его за счет крепкого русского мороза, к которому не привыкли немецкие солдаты.

— Скоро мы получим теплое обмундирование — и положение изменится, — успокаивал он командира дивизии полковника Готцендорфа.

— Однако русские подтягивают свежие танковые части. Я имею точные данные разведки, — возразил тот.

— У большевиков нет больших танковых резервов. Одна только армия Рокоссовского имеет всего-навсего три танковые бригады. — Гютнер скептически пожал плечами.

Однако едва первый залп «катюш» расколол утреннюю тишину, генерал срочно покинул командный пункт дивизии и отбыл в штаб корпуса.

Полковник Готцендорф стоял у окна тускло освещенного каменного подвала, служившего одновременно командным пунктом и убежищем. Молодой белокурый адъютант напряженно вслушивался, прижав к уху телефонную трубку, и часто поднимал на полковника большие

встревоженные глаза. От непрерывных тяжелых разрывов стены подвала дрожали и качались. Лейтенант тоскующе вздыхал и кусал бледные губы.

Мрачное спокойствие командира дивизии, неподвижно глядевшего в окно, производило на адъютанта гнетущее впечатление. Но полковник Готцендорф, загнавший свои батальоны в подземные укрытия, был относительно спокоен. Залпы «катюш» разрушали здания, сжигали деревянные постройки, подвалы же оставались невредимыми. Готцендорф, знавший на память всю военную историю, отыскивал в своей голове наихудшие случаи проигранных сражений и пришел к убеждению, что положение его полков далеко не безнадежное.

При прорыве красных у него были наготове подвижные группы. Прорвавшиеся части он может быстро уничтожить плотным огнем и контратакой танков. Укрепление нижних этажей зданий — удачное новшество его, полковника Готцендорфа. Недаром он тридцать лет носит мундир офицера.

— Проверьте связь, — приказал он адъютанту.

Через несколько минут адъютант доложил, что с одним из полков связь прервана, не отвечает также батарея тяжелых минометов из группы «Клоппенбург».

— Восстановить немедленно, — не оборачиваясь, коротко бросил полковник.

Лейтенант вскочил, бросился было к выходу, но, столкнувшись с начальником штаба армейской группы генералом Рихартом, отскочил в сторону.

— Как дела, коллега? — стряхивая с непромокаемого плаща снег, спросил Рихарт.

— Отлично, господин генерал. — У Готцендорфа невозмутимо строгая армейская выправка и безукоризненно отутюженный китель. Но опытный солдат Рихарт в сумрачном блеске кабаньих глаз полковника заметил глубоко скрытое беспокойство.

— Ваши дела не могут быть отличными, коллега. Я только что получил сведения. На вашем участке вновь появилась свежая казачья конница — свыше десяти тысяч сабель — и несколько сот танков. Центр армейской группировки генерала Хюпнера отброшен к Волоколамску. Дивизии генерала Гоота оставили Солнечногорск.

— Гм-м! Это неприятные известия. Я жду ваших указаний, господин генерал.

Готцендорф попрежнему был внешне спокоен. Он знал цену военных неудач и счастья, он верил в то и в другое, его религия — это война. Однако

трезвый «военный бог» — генерал Рихарт — на этот раз по усвоенной вероломной привычке сражать одним ударом бьет его без всякой пощады.

— Вы опоздали, господин полковник. Я уже отдал приказание вашему начальнику штаба снять дивизию и уходить форсированным маршем. У вас, коллега, очень скверно действует разведка. Мой патрон в бешенстве и решил вас отстранить от командования, но я, зная вашу честность, дал генералу Штрумфу лишнюю чашку турецкого кофе и коньяк. Он успокоился. Теперь всякому будет трудно удержаться на командной должности. Большой штаб уже свернул головы большим генералам. Опыт истории показал, что иногда над правдой торжествует интрига, но все должно притти к одному концу. Когда объявится существенная неудача победоносного движения германской армии, руководители нации станут пожирать друг друга.

В это время вбежал взволнованный адъютант. Он пытался что-то доложить, но Рихарт, скосив на него вывороченные белки глаз, резко оборвал его:

— Приготовьте полковнику автомобиль, господин лейтенант! — И, повернувшись к Готцендорфу, он выхватил из-под плаща карту и тоном властного, не терпящего возражений начальника, с мгновенно переменявшейся интонацией отрезал: — Удар на Москву оказался стратегически бесплодным. При сложившейся обстановке ваша дивизия, несмотря на ее укомплектованность, сейчас представляет собой в тактическом отношении нуль. Чтобы сохранить единицу, немедленно отводите ее на рокаду Волоколамск — Руза. Шаг в сторону от магистрали означает гибель. Самая малейшая задержка в населенных пунктах повлечет за собой полное истребление. У вас на хвосте пойдет генерал Доватор. Вам такой известен? Под его командованием гвардейский корпус конницы. Ее не остановят никакие снежные бураны. Отбивайтесь, бросайте в пасть этим фанатикам малые подвижные заслоны и уходите как можно быстрее.

— Кавалерийский генерал Доватор на хвосте... Значит, драг нах вест? — застегивая на поясе ремень от кобуры револьвера, язвительно произнес Готцендорф на «чистом» русском языке.

— К сожалению, да, коллега. Мы оказались банкротами. Мы, взрослые псы, напрасно учились у слепых щенков. Я бы охотнее командовал у Доватора гвардейской дивизией, чем показывал ему свой хвост, — заключил Рихарт.

Вышколенный Клаузевицем и Шлиффеном прозорливый стратег и политический интриган генерал Рихарт ошибся. Доватор не пошел за

хвостом его поспешно отступающих дивизий. Танкисты полковника Иртышева, продвинувшись вперед на пятнадцать километров, почти не встретили никакого сопротивления. Отступающий противник разбрасывал по всем дорогам многочисленные мины. Танкисты вынуждены были то и дело вылезать из люков и вытаскивать из снега «сюрпризы», обезвреживая их. На первом же этапе продвижение замедлилось, Доватор, остановив колонну, выбросил вперед разьезды саперов, приказал всем дивизиям развернуть рации и ждать дальнейших приказаний.

Мороз крепчал. Расположившаяся в лесу конница дрогла от лютого холода. Жечь костры было категорически запрещено. В ясном, погожем небе, нудно гудя моторами, хищно выслеживали добычу опостылевшие «Фокке-Вульфы».

— Почему стоим, гвардия? — спрашивал у Буслова Павлюк, подталкивая его рукавицей в бок, в десятый раз вызывая на борьбу, чтобы хоть немного согреться.

— Хозяин знает, почему стоим, — миролюбиво отзывался Буслов.

И действительно, об этом знали только Доватор да штаб. При разработке оперативного плана штабные работники, заранее зная, что немцы будут засыпать дорогу минами, предусмотрительно организовали саперные группы. Доватор, подписывая боевой приказ, улыбнувшись, сказал Шубину:

— Штабные командиры просто молодцы, — саперные работы по пунктам расписали.

— Да, да, — подтвердил Михаил Павлович. — Если будем их в точности выполнять, сто пятьдесят километров пройдем месяца за два...

— А мы должны измерить их в четыре дня. Как же быть-то? — хохоча, воскликнул Доватор.

— Придумать надо, — многозначительно заметил Шубин.

Ожидать, когда саперы очистят путь, — дело долгое. Полковым разведчикам сразу дано было задание прощупать проходимость дорог, но сведения от них поступали неутешительные. Дороги основного маршрута были всюду минированы. Положение становилось затруднительным.

Обосновав штаб-квартиру в деревенском доме, Лев Михайлович то неотступно следил за радистом, то посматривал на часы.

Время скакало, как добрый кавалерийский конь. Корпус стоял на месте уже два часа. Подполковник Иртышев несколько раз присылал на машине адъютанта испрашивать разрешение продвигаться вперед. Он очистил проход до следующего населенного пункта, однако Доватор терпеливо ждал сведений от разведчиков. Но через каждые полчаса Зина лаконично

сообщала: «Даю настройку. Сведений нет».

Порывистый, горячий полковник Тавлиев прискакал в штаб и настойчиво потребовал объяснений. Его дивизия числилась в резерве командира корпуса. Передовой отряд подполковника Осипова смочил кровью клинки, захватил десять автомашин и несколько тяжелых минометов, а Тавлиев шел без выстрела и, как всякий новый человек, чувствовал себя ущемленным. Поэтому он волновался и нервничал.

— Дайте дело, товарищ генерал! Кони продрогли, люди, рвутся в бой. Пустите в драку! Дайте дело!

— Клинок, как игла, всегда найдет дело. Не спешите, полковник, — разглядывая лобастую голову нового командира дивизии, шутил Доватор.

Под черными, как маслины, глазами Тавлиева, нетерпеливо дрожали скулы. Этот энергичный, горячий командир радовал Доватора, и он берег его именно для настоящего дела.

— Впереди на пятнадцать километров пустота. Догонять надо, товарищ генерал!

— Наши грибы от нас не уйдут. Все будут в кузове. Ведите разведку, ждите приказ. Я сам жду...

И он напряженно ждал. Уже подтянулись обозы и весь второй эшелон. Командиры и начальники разных степеней и рангов требовали указаний и распоряжений, а Карпенков всем говорил одну и ту же короткую фразу: «В лес». Если кто нерешительно спрашивал насчет костра, Карпенков, сделав строгое лицо, показывал внушительный, в кожаной перчатке кулак.

Разведка сообщала, что противник отошел не везде, впереди немцы укрепляются вдоль Дороховской рокады и прочно удерживают фланги в районе Можайск — Кудрино. Весь намеченный план продвижения ломался. Положение усложнялось, надо было искать другой выход и всю операцию решать иначе.

ГЛАВА 7

Получив от разведчиков первое донесение, Доватор понял, что противник в лихорадке. Внезапный прорыв фронта вынудил немцев перебросить часть войск на левый фланг для того, чтобы, укрепившись на магистралях, добиться свободы маневра по внутренним коммуникациям на линиях: Истра — Волоколамск, Дорохово — Руза, где имелись проходимые для танков грунтовые дороги, и тем самым задержать наступление нашего правого фланга.

Наступление наших войск началось в исключительно трудных условиях. Стояли лютые морозы. День и ночь завывала вьюга, заметая дороги. В довершение ко всему путь преградили болота, леса и незамерзшие реки. Враг оказывал яростное сопротивление. Немецкая оборона опиралась не только на мощные опорные пункты и узлы сопротивления, в которые были превращены почти все села и деревни, но и на удобные естественные рубежи. В направлении Можайск — Звенигород перед нашими дивизиями была крутобережная Москва-река. Весь Звенигородский район с юга на север пересекали линия железной дороги и автострада Дорохово — Колюбаново — Горбово — Савицкая слобода — Звенигород.

Наиболее крупными опорными пунктами немецкой обороны являлись Дорохово, Тучково и Колюбаново, прикрывающие можайскую группировку противника с востока и Рузу с ее узлом шоссейных дорог с юго-востока. Потеря этих пунктов влекла за собой неисчислимы для германского командования бедствия.

Прорыв многочисленной конницы, да еще с танками, для немцев был полной неожиданностью. Избрав, кратчайший, изумительный по своему тактическому замыслу путь на Тростянское, генерал Доватор круто повернул корпус на север и пошел лесами по бездорожью сначала вдоль линии фронта, громя немецкие гарнизоны и перехватывая все главные тыловые коммуникации. Немецкое командование пришло в замешательство. К исходу 14 декабря танкисты Иртышева, обойдя Горбово с северо-запада, отрезали путь отхода для большой группировки противника. Полки генерала Атланова, ворвавшись с двух сторон, частью уничтожили, а частью разогнали весь гарнизон и захватили всю технику. Используя замешательство противника, правофланговые дивизии нашей армии, возобновив наступление, лобовым ударом начали отбрасывать немцев на юг от Истры и 15 декабря вступили в Давыдовское.

Пали опорные бастионы врага — Колюбаново, Тучково и Крюково. Это был момент окончательного кризиса немецкой обороны. В результате гитлеровское командование вынуждено было отказаться от «стабилизации» подмосковного фронта. Рейд корпуса Доватора не только лишил противника времени, необходимого для перегруппировки, но и угрожал посадить все четыре — 78, 261, 87, 254-ю — немецкие дивизии в крепкий мешок.

Предвидя катастрофу, немцы под прикрытием сильных подвижных арьергардов начали выводить обильно оснащенные техникой части на главные магистрали, чтобы как можно быстрее совершить стремительный

прыжок на запад. Кроме того, в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся для противника в районе восточнее Можайска, надо было перебросить туда часть свежих войск, чтобы дать возможность вывести основные силы из Рузского выступа, попадавшего под угрозу окружения, и укрепить положение на Можайском направлении.

Разгромив немецкую группировку в районе Горбово, Доватор повернул колонны своих дивизий на северо-запад и, взяв направление на Тростянское, пошел с короткими передышками форсированным маршем параллельно отступающему противнику.

В лицо хлестала свирепая декабрьская вьюга. Обходя минные поля, колонны шли прямо через густые заросли. Лев Михайлович ехал в голове дивизии Тавлиева. Кони, проваливаясь в твердый глубокий снег, бередили ноги и оставляли за собой кровавые следы.

Доватор часто спешил и поглядывал из-под папахи, как разгулявшаяся поземка жадно зализывала пятна крови на снегу. Сжимая обветренные губы, он взмахом руки подзывал неутомимого начальника штаба и отдавал все новые и новые приказания:

— Пошли офицера связи к командиру дивизии: полки не растягивать, колонны вести плотней, раненых и больных — на сани, теплее укутывать. Ни одного обмороженного, ни одного отставшего.

Офицеры связи непрерывно мчались вдоль колонн из конца в конец, меняли уставших коней и снова скакали.

В этом походе их обязанности были особенно тяжелыми. Вереница всадников растягивалась на несколько километров, обскачи-ка по сугробам такую махину! Бойцы от усталости валялись на снег и засыпали на малых привалах, как мертвые.

— Нужен отдых, товарищ генерал, — скрипя мерзлыми валенками, говорил Карпенков.

— В Терехове привал пятьдесят минут. Не больше! — сказал сухо генерал.

— До Терехова еще пятнадцать километров!

— Значит, пройдем пятнадцать. Гвардия, да чтоб не прошла!

Доватор с невероятной по такому пути быстротой продвигался вперед и вперед, преодолевая все трудности и не отставая от танкистов. Разведка ежечасно доносила, что противник идет, не останавливаясь ни днем, ни ночью. В районе Тростянское все забито войсками и техникой немцев.

— Как же не спешить, Михаил Павлович? — говорил Доватор Шубину. — Настала самая веселая пора: бить! Да так бить, чтоб навсегда запомнили, что такое Москва!

— Спешить-то надо, Лев Михайлович, да в конце концов мы и не плохо идем. Но уж очень трудно...

— А где, на какой войне было легко? — настойчиво спрашивал Доватор.

— Во Франции немцам было легко. Не война, а прогулка с шампанским.

Шубин задорно шлепал рукавицами и, поглядывая на Доватора, усмехался. Он любил его подзадорить.

— Но у нас, Михаил Павлович, не Франция, а Россия! У нас Сталин... Какое может быть сравнение?!

— Ты же спрашиваешь, где было легко воевать? Вот я и ответил.

— Да там была не война, а сплошное предательство! — возмутился Доватор и снова, обращаясь к начштабу, приказывал: — На привале рацию с капитаном Кушнаревым вперед на двух танках. Развернуть в районе Пашкове. К прибытию передового отряда иметь полные, уточненные данные о противнике. В Коробове сбор командиров дивизий, полков, начальников штабов и политработников. Срок для объявления приказа и совещания — двадцать минут. Помпохозам прикажи заложить в кухню порцион и варить на ходу. На привале тотчас же кормить людей. Старшин вперед — искать фураж. Сам не кушай, а коня накорми. Правильно я говорю, Сергей? — лукаво посматривая на коновода, спросил Лев Михайлович.

— Так точно, товарищ генерал. Конь, как душа, — покорми и трогай не спеша.

— Я тебе дам не спеша... — погрозил Доватор.

Шли уже четвертые сутки после начала операции. Буран стих. На просеках танки грузно давили толстый слой снега. Бездорожье задерживало их движение, и они начали отставать. На заболоченных местах приходилось делать гати и строить мосты. Вьюги снова сменились морозами. В голубом небе тонко курилось синеватое зарево. Конница, дробя белые горбатые сугробы, все шла и шла, останавливаясь лишь на короткий ночлег. Лагерь растягивался тогда на много километров вдоль просек и лесных дорог. Несмотря на усталость, кавалеристы, поблескивая клинками, звонко секли застывший на морозе кустарник и ветками кормили измученных коней. Иногда слышались смех, шутки и приглушенные, бодрящие душу военные песни.

Между деревьями ходили патрули, выискивая нарушителей маскировки, пытавшихся втихомолку развести костерок. Ругаясь

беспощадно, они тут же затапывали дымящиеся головешки.

— Да ты что, приказа не знаешь? — напирал Торба на Шаповаленко.

— Да я ж у кусте, — оправдывался Филипп Афанасьевич.

— Ну, что будем делать, Буслов? — спросил он, сдвигая на лоб кубанку.

Начинал одолевать холод. Разведчики по очереди отползали к коноводам и там, поплясывая вокруг деревьев, грелись.

Будь немцы похитрей, они могли бы прочистить лес с двух сторон и накрыть разведчиков, как кур. Слева уже начиналась яростная стрельба. Кушнарев понял, что противник, очевидно, встретился с передовым отрядом и завязался бой.

Так оно и было.

ГЛАВА 8

В штабе корпуса происходило нечто похожее на «панику». Совсем неожиданно исчез генерал Доватор. Бойцы взвода охраны сообщили, что генерал в сопровождении Шаповаленко пешком прошел в направлении штаба дивизии Тавлиева. Комиссар Шубин послал туда коновода Сергея, но тот вернулся ни с чем: генерала там не было.

— Капитан Курганов, почему вы не знаете, где генерал? — сердито спрашивал Шубин. — Вы-то должны знать. Вы понимаете, какая на вас лежит ответственность?

Курганов сумрачно молчал. От усталости он едва стоял на ногах, и Доватор разрешил ему отдохнуть, а сам в это время пропал. Что хочешь, то и делай!

— Как можно было отпустить генерала без охраны! Мы же находимся у врага в тылу. Рядовому командиру, не разрешаем отлучиться без двух автоматчиков, а тут генерал исчез, командир корпуса!

Едва ушел Шубин, явился взволнованный и разгневанный начальник штаба корпуса Андрей Николаевич Карпенков. От этого влетело еще крепче.

— Проспали, милейший, генерала?

— Никогда такого случая не было, товарищ полковник, — смущенно оправдывался Курганов, чувствуя, что он совершил непростительную ошибку.

— Что значит — не было? Если вы отдыхаете, сообщите дежурному командиру, прикажите, чтобы вас заменил начальник охраны или

ординарец. Что, у нас некому позаботиться о комкоре? Неужели вы не понимаете: когда генерал работает, адъютант неотлучно находится при нем. Он может понадобиться каждую минуту.

— Но вы же знаете, товарищ полковник, генерал иногда садится работать и всех отсылает спать. Нельзя в таких случаях нарушать приказание.

— Именно в таких случаях и надо нарушать. А дежурный кто, дежурный? — горячился наштакор.

— Сегодня дежурил Шаповаленко.

— Я этому бородатому дам! Ищите генерала, где хотите.

Весь комендантский состав был поднят на ноги, искали по всем подразделениям, но генерала нигде не было...

Кушнарев продолжал лежать в кустах. Немцы двигались свыше двух часов. Наконец за лесным поворотом исчезла последняя машина. Илья приказал Буслову подводить коней.

Застоявшиеся кони, покачивая вьюками, резво бежали между деревьями. Чтобы быстрее доскакать, Кушнарев решил посадить немца на коня Буслова. Но впервые в жизни Буслов категорически воспротивился выполнить такое распоряжение.

— Что хотите, товарищ капитан, а посадить фашиста на своего коня не могу.

— Да у тебя же конь выносливее других. Я ж только поэтому, товарищ Буслов, — нерешительно проговорил Кушнарев.

— Я коня хранил не для того, чтобы фашистов возить, а чтобы бить их. Вы поезжайте побыстрее, а я его сзади буду конвоировать пешком.

— А если не доведешь? — усмехнулся Кушнарев.

— Это вы в каком смысле, товарищ капитан? Думаете, башку ему отрублю? Нет, товарищ капитан. У меня душа чистая. В бою, пожалуйста, а так нет надобности.

— Я не потому спрашиваю, — вспыхнул Кушнарев. — Сейчас одному конвоировать опасно...

На дороге, точно с неба свалившись, в сопровождении Шаповаленко вышел генерал Доватор. Бурка его вся в снегу, лицо улыбающееся.

— Опоздали, голубчики. Мы тут со стариком вперед вас все разведали.

— Откуда вы, товарищ генерал? — изумленно спросил Кушнарев.

— Как откуда? Из разведки. Вот что, Кушнарев, — изменив тон, продолжал Доватор. — У кого конь добрей всех? Срочно нужно гнать в штаб.

— У меня, товарищ генерал. Садитесь, — предложил Кушнарев свою кобылу.

Ракета, подрагивая золотистой взъерошенной от стужи кожей, нетерпеливо дергала повод.

— Ладно, — согласился Доватор и, покосившись на немца, спросил. — А этот что-нибудь интересное сказал?

— Мало путного. Говорит, отходят везде. А какая прошла часть — не знает.

— Ну, если он не знает, то мы с Филиппом Афанасьевичем знаем. А эту козьявку отпустите.

— То-есть как отпустить, товарищ генерал? — смущенно спросил капитан, не понимая значения слов Доватора.

— Пусть идет, куда хочет. Некогда с ним возиться.

Лев Михайлович подошел к немцу и, показав рукой направление, в котором ушла колонна, крикнул по-немецки:

— Марш домой!

Солдат, ничего не понимая, моргал глазами.

— Марш! — еще строже повторил Доватор.

Пленный, не отрывая глаз от странного русского генерала, боком, спотыкаясь, пошел по растоптанной, изрытой колесами дороге, сначала тихо, потом припустился что есть духу, и, к изумлению разведчиков, исчез за первым поворотом.

— Эх, какой прыткий, подлец! — весело крикнул Доватор и веско добавил: — Все равно никуда не уйдет... Ну, а теперь, хлопцы, быстро по коням.

Буслов посматривал на генерала с затаенной восторженностью. Слишком ничтожен и жалок был в эту минуту пленный немецкий солдат, чтобы пустить ему в затылок пулю. А возиться с ним было действительно некогда.

Лев Михайлович подошел к кушнаревской Ракете. Когда он стал вдевать ногу в стремя, кобылица, грозно скосив фиолетовые глаза, свирепо захрапела. Но Кушнарев крепко держал ее под уздцы.

— Еще фордыбачит, — ловко метнув тело в седло, сказал Доватор. — Ты с нами, голубка, не шути, — добавил он весело.

Кобылица, почуяв на спине опытного всадника и крепко прижатые шенкеля, покорно вздохнула.

Филипп Афанасьевич, смотря на посадку генерала, на его поблескивающие, как перед боем, глаза, улыбнулся и подмигнул Буслову.

— А ты, Филипп Афанасьевич, садись на моего коня, а я пешком

пойду, — сказал Буслов.

Покоряющая простота, доброта и забота о товарище была отличительной чертой характера Буслова. Шаповаленко благодарно кивнул. Буслов помог влезть ему на высокого, богатырского, подстать хозяину, коня. А потом, придерживая стремя, он пошел рядом. Старый казак совсем растрогался. Непотребное полезло в голову. Случись с этим парубком, так же как с Захаром Торбой или Павлюком, какое-нибудь лихо, вырвал бы он тогда не один клочок волос из своей седой чупрыны. А разве они ему не сыны? «Ах, и добре же було бы народить таких хлопцев, а зараз чем я им не батько?» Да нет той радости или горя, чтобы они с ним не поделили.

— А вот генерал батько, не батько, — уж вслух говорил Буслову Филипп Афанасьевич, — сын, не сын, а жизнь свою за него положить могу. Только встали на привал, а он мне каже: «Пойдем, Филипп Афанасьевич, к танкистам в гости». Я хотел адъютанту побудку устроить, а вин запретил. «Капитан, — каже, — не спал три ночи. Нехай отдохнет, идем на пару». Ну, пришли до танкистов, а они собираются — четыре танка — передовой отряд идут догонять. Они ему приданы, ну, а дорога погана така, отстали трохи. «Сидай, — каже, — Афанасьевич, поедем до генерала Атланова, обстановочку там понюхаем. У Иосифа Александровича, мабуть, что-нибудь такое дуже интересное. Сегодня нам придется подраться добре». Сели, поихалы. Он туда в середку залез, я поверху, возле той чортовой башни, вместе с автоматчиками. Гудить, гремить, як скаженна. Ну ж машина, щоб ты знал, грозная. Я подумал: не попроситься ли мне у генерала, да не повоевать ли трохи в танкистах? Приихалы, значит, до генерала Атланова. И точно, Иосиф Александрович что-то нашему генералу сообщил дуже хорошее и тут же обратно, на этой самой машине. Проехали сколько-то километров, тут нас на дороге, стоп! Бачу, партизаны. «Дальше, товарищи, ехать нельзя. Впереди, — кажут, — немцы идут, дуже много». Обсказали они все нашему генералу. Он трохи задумался. Потом каже: «Вот что, хлопцы, дело сурьезное. Вы этих немцев не трогайте, а садитесь на танк — и к генералу Атланову». Вынул карту и показал, как це надо зробить. «Пусть, — каже, — генерал оседлает дорогу впереди и не пускает их. А я, — каже, — быстро сумею поднять пару дивизий, и мы им устроим такую ловушку — ни один не уйдет». Танкист повернул обратно, захватил партизан и уехал, а мы пешком. Трохи прошли. Потом, чуем, грохот. Бачу — немцы. Мы у лес. Закопались в снег и два часа лежали. Замерзли. Ни туда ни сюда — вот вона яка выйшла история...

По прибытии в штаб корпуса Доватор срочно собрал командный состав на совещание.

Разместились прямо на снегу под деревьями. Кто сидел на пне, кто на куче еловых веток, кто на свалившемся кряже. Командиры частей, начальники штабов, комиссары, политработники шуршали листами карт.

Серые, остро поблескивающие глаза Доватора зорко оглядели собравшихся. Лица, выдубленные морозами и ветрами, осунулись, но в глазах у всех был живой, нетерпеливый блеск.

— Знаю, товарищи, что люди устали, приморились и кони тоже, но отдыхать некогда. — Доватор поправил на голове серебристо подернутую инеем коричневую папаху: — Противник всюду бежит. Слушайте приказ.

Быстро и коротко Доватор обрисовал сложившуюся обстановку и объяснил, кому и что нужно делать.

К этому времени дивизия Атланова вышла на рубеж юго-западнее озера Тростянское и перехватила дороги Ануфриево — Денисиха, завязала бой с авангардом отступающей 78-й дивизии противника. Дивизии Тавлиева было приказано: охватить деревню Сафониха с юга, где скопилось большое количество немецких войск и техники. Дивизия Медникова наносила фланговый удар с юго-востока, от Загорья. Спешив несколько эскадронов, Доватор пересадил их на танки подполковника Иртышева и двинул впереди кавалерийских полков.

— Ты чувствуешь, Михаил Павлович, какое предстоит дело? — сказал Доватор Шубину.

— Отлично чувствую. Ты меня сегодня столько заставил перечувствовать... — проверяя крепость седельных подпруг и укоризненно качая головой, ответил Михаил Павлович.

— Стоит ли вспоминать, Михаил Павлович? Сам знаю, что нехорошо получилось, — улыбаясь оправдывался Доватор. — Пошел танкистов проведать, думал, быстро вернусь. А это такой лихой народ, момент — и умчали к генералу Атланову. Разве можно было утерпеть, когда сердце чуяло — быть интересному делу? Так оно и вышло...

— Следующий раз ты у меня, голубчик, так не выскочишь... Ну, хоть бы автоматчиков взял, а то улизнул с одним бородачом. Хорошо, что все благополучно обошлось.

— Да не думаешь ли ты, что я пошел ради удали, шпорами звякать?

Доватор дал коню обычную порцию сахара и, поставив ногу в стремя, мигом очутился в седле.

— Зачем мне так думать? Ты не юнец какой-нибудь, а генерал, — возразил Шубин. — А генералу положено себя беречь.

— По чести тебе признаюсь, Михаил Павлович: никак не могу привыкнуть к тому, что мне не девятнадцать лет, а почти сорок. Очень уж

хочется остаться молодым и думать, что я не генерал, командир гвардейского корпуса, а простой курсант Борисоглебского училища... Немецкого генерала захватить, что ли, для солидности? Вместе со всеми потрохами, с дивизией, а?

— Да ты не хитри! Я давно чую, что ты замыслил. — Шубин погрозил ему концом повода и, покачав головой, продолжал: — Мудреная штука поймать в мешок эту дивизию. Она меня самого бесит. Ты смотри: в Локотне — Готцендорф, в Горбове — он же, в Терехове — тоже он. Не мешало бы его целиком прихлопнуть.

— И прихлопнем! — подтвердил Доватор.

— Уверен?

— Да. Ни за что не выпущу! Сережа, поддержи коня! — крикнул Лев Михайлович коноводу. Он полез рукой за пазуху, вытащил карту, продолжал: — Смотри! Сейчас на пути этой дивизии Атланов и танкисты Иртышева. Они заставили немцев перейти к обороне в районе Сафониха. Тавлиев закроет им выход с юга, с востока мы постараемся нажать в спину так, что у них затрещит хребет. С севера выход закрывают им Тростянские болота. Она у меня будет вот где, эта дивизия! — Доватор, скрипя кожаной перчаткой, крепко сжал руку в кулак. Спрятав карту, он продолжал: — Я вот съездил к Атланову, провел рекогносцировку местности, и мне сразу стало ясно, что делать. Недаром пролежали со стариком целых два часа в кустах. За это время я детально обдумал боевой приказ и весь план операции. А кроме того, наблюдая за немецкими колоннами, воочию убедился, что гитлеровский солдат совсем не тот, каким мы его вообразили. На меня повеяло от солдат противника таким запахом разложения. Правда, отдаленным, но повеяло... Тогда как наши люди рвутся в бой, твердо знают, за что борются. Сейчас нам надо во что бы то ни стало прихлопнуть какую-нибудь крупную часть, захватить побольше пленных и показать конникам, с кем имеют они дело. Вот тогда посмотришь, как зло будут рубить наши казаки.

Они стояли на опушке леса. Мимо проходили кавалерийские эскадроны. Командиры, взбадривая коней и приветствуя генерала, с лихим щегольским шиком бросали руки к кубанкам. Прошла батарея Ченцова. Комбат на низкорослой серенькой лошадке ехал рядом с Ковалевым.

— Привет батарейцам! — крикнул Доватор и помахал Ковалеву, подзывая его к себе.

— Я вас слушаю, товарищ генерал, — подъезжая к комкору, проговорил Ковалев.

— Вольно. Привет тебе передаю. — Доватор посмотрел на молодое,

осунувшееся и похудевшее лицо Ковалева долгим, внимательным взглядом.

— Спасибо, товарищ генерал. Я получил записку. А теперь что-то нет известий. Как они там? Все в порядке? — спросил Ковалев смущенно.

— Работает отлично. Вчера была передача. Они ведь здесь недалеко; может быть, встретитесь.

— Где же мы можем встретиться?

Ковалев с радостным удивлением поднял на Доватора глаза.

— В районе Тростянских болот. Вот расхлопай немцев в Сафонихе и встретишься. Партизанам там помоги. Не подведешь?

— Не подкачаем, товарищ генерал!

— Ну, надеюсь. Желаю успеха!

Когда Ковалев отъехал, Доватор, повернувшись к Шубину, сказал:

— Неприятная вышла штука. Голенищев сильно обморозился, партизаны привезли его в Сафониху. Рацию, которая стала на морозе капризничать, тоже привезли туда. А сегодня немцы нагрянули, как снег на голову. Молодая-то его жена осталась в занятой немцами деревне вместе с Голенищевым.

Доватор замолчал.

— Откуда такие сведения? — спросил Шубин.

— Партизаны сообщили.

Впереди загремели выстрелы. Ряды всадников, колыхнувшись, остановились. Лев Михайлович и Шубин, тронув коней, рысью стали обгонять колонну. По узким просекам со скрипом тянулись длинные обозы с боевыми припасами, продовольствием, ранеными. Колонны втягивались в просеки, словно в темные глубокие» коридоры, над которыми, маяча верхушками, могуче вздымались поседевшие от снега деревья.

Опять выстрелы. Вот в скрипучий, разрозненный топот коней ворвалась бешеная ярость пулеметных очередей. Слышно щелканье оружейных замков.

Полки дивизии Тавлиева пошли в атаку на Сафониху.

Немецкая дивизия Готцендорфа, сбита генералом Доватором на рубежах Локотни, начала было отходить на Валькино, но подполковник Осипов, двигавшийся в передовом отряде, наскочил с фланга на ее авангард, разогнал его и заставил повернуть по неудобным лесным дорогам на Горбово.

Другая колонна, теснимая полками Атланова, уклонилась на север и двигалась параллельно движению нашей кавалерии. Доватор неотступно следил за ней, выбирая момент, когда можно будет дать решительный бой, чтоб полностью ее ликвидировать.

В ночь на 16 декабря, обогнав колонны своих войск, Доватор встретил Атланова и приказал ему усилить темп продвижения. Не сходя с коня, он устроил с Атлановым короткое совещание.

— Надо к утру захватить район Денисиха — Навелково, — сказал он Атланову, — и загнать немцев в Тростянские болота. Помнишь, как в августовском рейде они стремились загнать нас в леса Духовщины?

— Да они, Лев Михайлович, туда не пойдут... — Усмехнулся Атланов, начиная соображать, что у Доватора уже разработан план, который он не хочет сразу открыть.

— А не пойдут, и не надо. Ты только сделай вид, что тебе очень нравится село Денисиха, что ты непременно хочешь загнать их в болото.

— Зачем же только делать вид, когда мне на самом деле этого хочется?..

— Вот ты и дай понять немецкому командованию, что ты, кроме этого, ничего больше не желаешь. Когда они поймут, то полезут на Денисиху, чтобы прорваться на Осташевский большак. Ты же, порядка ради, постреляй немного из Денисихи и брось ее, а сам оседлай с танкистами большак Онуфриево — Навелково и держи его крепче. Я тем временем выведу дивизию Тавлиева в район северо-западнее Румяницы и протяну тебе братскую руку с юга, а в хвост немцам пущу особую группу полковника Карпенкова. Он им пятки обрубит... Немцы бросятся тогда в сторону Сафонихи и Денисихи. Но ты их будешь караулить на большаке, и тогда они, уклонившись от лобовых атак, наткнутся на танки Иртышева. Останется у них два выхода...

— Понимаю, — возбужденно перебил Атланов, — два выхода: или утопиться в болотах, или пробиваться южнее, на Петлярку.

— Совершенно верно, — подтвердил Доватор. — Здесь я их сам встречу, со всем почетом.

— Однако здесь есть маленькое «но»... — не поднимая от карты головы, возразил комдив. — Наш корпус движется параллельно ходу немецких частей. Вряд ли офицеры противника не поймут, что мы их прижимаем к болотам. Я бы на их месте немедленно ударил нашим походным колоннам во фланг и, не дав им развернуться, прорвался бы на запад или на юг. Это я тоже имею в виду, но не знаю, как думают командиры других дивизий. Немцы могут нанести нам внезапный удар в любое время.

— Ты, Иосиф Александрович, умница. Никогда не следует пренебрегать силами противника. Но ведь и мы не дети. Я твое опасение считаю правильным. Затем сюда и приехал, чтобы согласовать наши

действия и предупредить тебя, что сзади никого нет, кроме моих корпусных разведчиков. Дивизию Тавлиева я остановил в районе Загорье, чтобы ты мог быстрее оторваться от главного ядра корпуса. Пусть немцы получают свободный проход на Сафонику. Ты не ввязывайся в большой бой и трави их малыми силами. Мы им устроим такой мешочек, что ни один не выскочит!

Воюя под командованием Доватора, опытный кадровый командир Атланов каждый раз изумлялся, когда перед ним раскрывался блестящий полководческий дар молодого генерала. Атланова поражала быстрота, вдумчивая прозорливость и глубокое остроумие тактических замыслов комкора, а главное — его непоколебимая уверенность в своих силах и твердость, с которой он проводил в жизнь все задуманные им планы. Его нельзя было застать врасплох. На всякое возражение он имел заранее продуманный и приготовленный ответ. Окрыленный верой в победу, он заставлял верить в нее всех своих людей.

После разговора с Атлановым Лев Михайлович всю ночь думал о предстоящей операции. Еле дождавшись утра, он покатил на танке в штаб дивизии, чтобы подробно изучить характер местности. Он решил дать противнику решительное сражение на уничтожение всей его группировки.

ГЛАВА 9

Как и следовало ожидать, начальник штаба армейской группы Штрумфа генерал Рихарт торопил командира 78-й дивизии не зря. Выскочить на основную магистраль полковник Готцендорф не успел. Не имела успеха и его попытка прорваться от Горбова на Редькино. Атланов, двигаясь параллельно, короткими, но чувствительными ударами отбросил авангард Готцендорфа на Терехово. Сзади, поддерживая активные действия генерала Атланова, шла на сытых, тренированных конях дивизия Тавлиева. Это было главное, усиленное танками ядро гвардейского корпуса. Ее отлично обученный боевой состав не уступал опытным, лихим рубакам Атланова, участникам знаменитого августовского рейда. Полки Тавлиева разворачивались стремительно и дерзкими атаками теснили части генерала Рихарта на северо-восток, прижимая сначала к болотистым лесам Московского государственного заповедника, а потом к Тростянским болотам.

17 декабря утром разведчики немецкой дивизии полковника Готцендорфа донесли, что противник нигде не обнаружен. В направлении

Денисиха разведчики заметили глубокие, заметенные снегом следы танковых гусениц. Такие сведения положительно ни о чем не говорили. Сейчас повсюду отступали остатки разбитых немецких дивизий. Полковник это отлично знал и, не придав сообщению особого значения, выслал вторую разведывательную группу, которая подтвердила, что путь впереди открыт, дорога отличная, деревня Сафониха свободна. Они там даже выпили крынку молока. В деревне Денисиха были русские солдаты, но их так мало, что, обстрелянные немецкими разведчиками, они, не принимая боя, поспешно отошли в лес.

Полковник решительно не мог понять, в чем тут загвоздка, но сама обстановка подсказывала, что надо как можно скорее захватить эти деревни. Там проходит большая магистраль, следовательно, имеется возможность соединиться с правофланговыми частями. А тут еще штаб армейской группировки и корпуса передавал по радио одну шифровку за другой, требуя усилить темпы движения для сосредоточения на магистрали Руза — Осташево.

Полковник чувствовал, что надо быстрее уходить на Сафониху, другого выхода не было, ибо на правом фланге у него оказались заболоченные леса, слева бок о бок двигалась страшная русская кавалерия.

«17/XII, 12.00, сосредоточение Сафониха», — заняв лучшую в селе хату, после сытного завтрака записал в дневник полковник Готцендорф.

Денисихой немцы овладели через час после короткого и жестокого боя, потеряв около двух рот пехоты. Решив во что бы то ни стало воспользоваться теплыми помещениями, гитлеровцы дрались ожесточенно. Ворвавшись в хаты, они ломали мебель, совали в печь дрова и лезли к очагам.

Полковник Готцендорф в ожидании новых сведений от своих разведчиков прилег отдохнуть. Вскоре из штаба ему доложили, что в направлении Навелково, западнее Сафонихи, обнаружено сосредоточение большого количества войск противника, занявшего оборону на Онуфриевском большаке — фронтом на юго-восток. Выслушав это сообщение, полковник втянул голову в широкие костлявые плечи и сумрачно сдвинул седые брови. Он почувствовал, что его дивизия попала в ловушку. Тем временем адъютант ввел солдата, побывавшего у русских в плену. Это был тот самый немецкий рядовой, которого отпустил Доватор.

— Фамилия? — спросил Готцендорф вытянувшегося в струнку солдата.

— Густав Лухман. Рядовой двести шестьдесят первой дивизии. Пулеметчик.

— Ты был в плену у русских?

— Так точно, господин полковник, меня взяли вчера ночью.

В каком месте это произошло, Густав Лухман сказать не мог, не знал он и где находится его часть. Зато подробно изложил, как его отпустили русские.

— Ты лжешь! — гневно крикнул полковник, хотя по выражению лица солдата видел, что он говорит правду. Готцендорф никак не мог понять, с какой же целью был отпущен этот наглый, самоуверенный молодчик.

— Сколько было там русских? — продолжал допрашивать Готцендорф.

— Четыре солдата и два генерала, — твердо ответил Лухман.

— Откуда ты знаешь, что два генерала? И почему с ними было так мало солдат?

— Потому, что генералы были одеты в черные мохнатые шубы, — ответил Лухман и объяснил, что он слышал, как солдаты называли одного генералом, а другой, очевидно, был самый главный начальник.

— С чего ты заключил, что именно главный?

— Потому, что он молчал и у него была страшно большая борода и шапка...

— Может быть, это был генерал Доватор?

Готцендорф впился в солдата глазами. Тот выдержал взгляд:

— Да, это был генерал Доватор. Когда они подходили, капитан, который взял меня в плен, назвал его по имени.

— Значит, ты знал, что перед тобой Доватор?

— Да, господин полковник, я в этом абсолютно уверен.

— Почему же ты не убил его? Семья твоя получила бы сто тысяч марок! — заметил Готцендорф.

— Я был без оружия, господин полковник. В следующий раз, если у меня будет в руках пулемет, я его могу убить.

— Ты болван и лжец! Ты просто дезертир! Бросил свою часть и разыгрываешь героя. Я прикажу тебя расстрелять!

— Я говорю правду, господин полковник. Я видел генерала Доватора точно так же, как вижу вас.

— Но почему с ним было так мало солдат? Ты совсем запутался.

— Генералы пришли одни, без солдат. Солдат было трое, один капитан и четыре лошади. Это были те, которые захватили меня в плен. А генералы были без охраны. Вы можете меня расстрелять, но я говорю правду. Я видел там и вас, господин полковник!

— Меня? Ты просто сумасшедший! — возмущенно крикнул

полковник.

— Клянусь вам, что видел. Вы ехали на белой легковой машине, остановились у опушки и сердились на майора за то, что он задержал колонну.

Это была суцая правда. Далее Густав Лухман рассказал, как он сидел вместе с разведчиками в кустах и наблюдал за продвижением колонны.

— Значит, русские были так близко, что все видели?

— Так точно, господин полковник. Генералы тоже видели и очень смеялись. А молодой генерал помахал вслед вашей колонне рукой и скомандовал мне «марш нах хауз». Когда он так сказал, я пошел и сначала думал, что меня застрелят. Я очень удивился, что они не сделали этого.

— Может быть, они послали тебя пропагандировать?

— О нет! Русский офицер мне сказал, что я дурак. Вот и все.

Полковник только теперь окончательно убедился, что Доватор впустил его в приготовленную петлю и скоро начнет ее затягивать. Отправив солдата в штрафной батальон, Готцендорф приказал начальнику штаба срочно готовиться к прорыву. Однако после трех ожесточенных атак на дивизию Атланова немецкие батальоны, понеся огромные потери, успеха не добились.

В это время из района Загорье подошли новые силы корпуса под командованием полковника Карпенкова и начали охватывать Сафонику с северо-востока. Немцы, перейдя к обороне, ожесточенно сопротивлялись. Готцендорф, напрягая последние усилия, изменил направление прорыва и, организовав сильную подвижную группу, при поддержке свыше тридцати орудий решил пробиться на Шейново.

Артиллерийский огонь противника обрушился на дивизию Тавлиева. Доватор видел, что немцам все равно не вырваться, и, желая сохранить свои полки от ненужных потерь, прекратил атаки и решил было послать парламентариев, но его отговорили.

— Перебьют, негодяи, — заметил Карпенков.

— Это верно, — согласился Лев Михайлович. Необходимость быстро ликвидировать дивизию противника, чтобы двигаться дальше, толкнула его на смелое и остроумное решение. Вызвав полковника Тавлиева и угостив его хорошим ужином, Доватор, шутливо подзадоривая комдива, стал прощупывать его настроение.

— Вот ты, полковник, все на меня обижался, что мало работы даю, а сам подвел... Атланов сегодня четыре атаки отбил, взял триста человек в плен, несколько пушек, а мы с тобой топчемся на месте, звякаем на морозе шпорами, а немцы в Денисихе свинину жрут да на печках спят.

— Да вы же сами мне приказали держать оборону, атаковать не разрешаете! — горячился Тавлиев.

— Не разрешаю потому, что не вижу в этом никакого толку.

— Давайте приказ — будет толк. Расшибу вдребезги; — настаивал полковник.

— Знаю, что расшибешь... А сколько будет потерь, об этом подумал?

— Война без потерь не бывает, товарищ генерал.

— Ну это, брат, старая песня. Ты вот сделай так: выиграй сражение с малыми потерями. Вот это будет тактика!.. Надо заставить противника делать именно то, что выгодно нам. В этом весь смысл тактики. Хочешь одним разом покончить со всей немецкой дивизией?

— О чем речь! Я, товарищ генерал, всегда готов. Давайте любой приказ! — От сильного возбуждения лоб Тавлиева покрылся капельками пота.

— Тогда слушай внимательно. Начни шумиху, будто бы намерен атаковать, а сам выведи людей из обороны. Оставь самый пустячок. Немцы обязательно будут рваться на Петряиху и обрушат на тебя все запасы снарядов. После этого ты сделай вид, что твоя атака выдохлась. Если они будут нажимать, не торопясь, отведи свой пустячок в лес, а сам держи наготове ударную группу в тысячу сабель в конном строю и сконцентрируй плотную массу кинжального огня. Ошеломительного, понимаешь?! Немцы сейчас же смешаются, ты в это время их в шашки, да чтобы крику побольше. А остальное с другими комдивами я доделаю сам.

— Так вы это серьезно, Лев Михайлович?!

Тавлиев вскочил и начал быстро застегивать полушубок.

— Почему же не серьезно? Иди к наштакору, у него уже, наверное, готов боевой приказ. Слушай дальше. Я уже распорядился, чтобы подтянули всю артиллерию. Как только противник выкатится из Денисихи, мы его накроем из всех батарей и ворвемся в Сафонику с двух сторон. Надо кончить его так, чтобы не вырвалась ни одна живая душа...

Готцендорф разместил штаб дивизии в большом высоком доме сельсовета с таким расчетом, что русские будут стараться сохранить это здание как ориентир.

В глубоком подполье соседнего с сельсоветом дома, у колхозницы Дарьи Петровны Румянцевой, на охапке соломы с распухшими ногами лежал Савелий Голенищев. Около него поместилась с рацией Зина. Когда немцы начали занимать Сафонику, дочь хозяйки, комсомолка Ксюша, едва успела спрятать их в подвал. Второпях никто не подумал, что это место, где

по обыкновению, прячут всех скрывающихся людей, может стать самым опасным. Так оно и вышло.

Ввалившись в хату, голодные немцы сразу же потребовали «яйки, млеко, шпик». Но всего этого не нашлось в избе, и они вынуждены были довольствоваться хозяйской коровой, тут же застреленной и освежеванной. Им понадобилась картошка.

Понимая немецкий язык, Зина слушала, как солдаты все время упоминали в разговоре о картофеле. Сметливая Ксюша сообразила, что фашисты могут сами открыть подпол и полезть за картошкой и тогда... Не долго думая, она взяла салазки, привезла от соседки мешок картошки и поставила его около печки.

Солдаты бросали картошку на угли, пекли ее и ели. То и дело заходили все новые группы немцев. Поторчав около жаркой печки, они набирали в свои сумки картошку и уходили.

Скоро мешок был пуст. Ксюша снова побежала к соседке, но та, сурово, поджав побледневшие губы, сказала:

— Нету, милая, уже всю растащили... А почему ты свою бережешь? Все равно залезут в подпол и все выгребут. Это такие!.. — соседка хмуро свела брови и безнадежно махнула рукой.

У Ксюши сжалось сердце. Карие глаза девушки вспыхнули, ее миловидное лицо болезненно сморщилось. Ей уже начинало казаться, что немецкие солдаты залезли в подпол и вытаскивают Зину и этого замечательного парня.

Зину Ксюша знала еще до войны, не раз встречала в райкоме комсомола, вместе с ней выступала на слете колхозной художественной самодеятельности. Село Павловское находилось от Сафонихи всего в двадцати километрах. При мысли о том, что разведчиков могут обнаружить и станут пытаться, издеваться и поволокут на виселицу, Ксюшу охватил ужас.

— Что же мне делать, Анна Петровна? — умоляюще проговорила Ксюша. — Мне очень нужна картошка.

— Что тут поделаешь?.. — Анна Петровна неприязненно покосилась на девушку и зло добавила: — Кругом люди погибают, а ты из-за несчастной картошки убиваешься. Как только не стыдно, а еще комсомолка...

— Да я не из-за этого, — вырвалось у Ксюши. Слова женщины больно задела ее, и она уже была готова выложить Анне Петровне все начистоту, но, вспомнив наказ секретаря райкома партии, командира партизанского отряда Михайлова молчать при всех обстоятельствах, сдержалась. Вдруг в воздухе что-то завизжало. За стеной двора, где стояли Ксюша и Анна

Петровна, с грохотом разорвался снаряд. Женщины бросились в избу.

— Это наши, Ксюша, наши, — поймав девушку за руку, дрожа всем телом, шептала Анна Петровна.

В морозной синеватой хмаре раздались хлесткие пулеметные очереди. На белом снегу двора медленно оседала серая, взвихренная разрывом снаряда снежная пыль. Немцы с испуганными лицами, заматывая грязные пилотки полотенцами, заряжая на ходу винтовки и автоматы, торопливо выбегали на улицу.

Гвардейцы Доватора, окружив 78-ю дивизию противника, приступили к ее уничтожению.

Ксюша, не помня себя от радости и ничего не видя перед собой, мчалась домой. Еле переводя дух, она вбежала в избу. Немцев уже не было. Дарья Петровна, накинув на плечи дубленую шубу, испуганно посмотрев на скрипнувшую дверь, придавила крышку подпола валенком.

— Ты это, Ксюша? Ох, опомниться не могу, до сих пор коленки дрожат...

Дарья Петровна, сузив строгие, как и у дочери, карие, окаймленные морщинками глаза, вытащила из-под полы шубы каравай хлеба и тихо прошептала:

— Им хочу, туда, — старуха кивнула на пол, — голодные ведь сидят.

— Может, это наши пришли, а, Ксюша?

Она открыла крышку подпола.

— Ушли немцы-то, — сказала она в подпол.

— Ушли? — превозмогая невыносимую боль, с хрипящим свистом прошептал Голенищев.

— Раз идет бой, значит, наши пришли, — сидя у его изголовья, говорила Зина.

Эти несколько часов, проведенных ею в мрачной темноте, показались ей бесконечными. Страшна не смерть, а ее ожидание. Все время над головой топали сапогами немецкие солдаты. Хохоча и громко разговаривая, они рубили дрова, что-то с треском ломали, бряцали по полу оружием, все время выкрикивая самое ужасное для Зины слово — «картошка». А эта проклятая картошка огромной грудой лежала у ее ног и вызывала противное удушье. Савелий, мечась в жару, начинал бредить и вскрикивать. Тогда Зина зажимала ему рот рукой и, глядя небритую щеку, горячо шептала:

— Тише, Савелий, миленький. Тише. Нельзя...

Нажав кнопку электрического фонаря, она наводила яркий луч на его исхудавшее, с заострившимися скулами лицо. Савелий открывал

воспаленные, мутные глаза и глухо спрашивал:

— Что, опять кричал?

— Да... Потерпи, милый...

— Подлец я... — шептал Голенищев, сжимая зубы. — Придуши ты меня... Ведь я тебя погублю... Или кирпичом по голове стукни, что ли. А то я сам это сделаю...

— Не говори так... глупо... — Зина ворошила пальцами его жесткие спутанные волосы и невольно думала, как дорог был сейчас для нее этот мужественный человек.

— Погаси фонарь, Зина. Не надо зря батарею расходовать. Когда полезут, тогда и засвети. В упор будем бить. У меня два пистолета да граната. Я выдержу. Только не давай мне спать. Коли иголкой. У меня в шапке иголка воткнута с ниткой. Солдату нельзя без иглы... Вот тут иголка-то, достань, Катя, я сейчас Грише курточку залатаю... Мамки у нас нет... Умерла наша мамка...

Савелий снова начинал бредить, выкрикивать имена братишек, сестреноч.

Зина снова тормошила его за плечи, совала в рот рукавицу, дергала за нос. Но, как только она зажигала фонарь, Савелий приходил в себя и, скрипя от боли зубами, умолял прикончить его. Когда началась стрельба, Голенищев был в сознании. Нашарив в темноте руку Зины, он зашептал:

— Слышишь! Это... это... — Савелий задыхался от напряжения. — Это наши танки. Я их пушки по голосу знаю. Слышишь?

— Слышу...

Наверху сначала раздались громкие крики немецких солдат, от топота кованых сапог загудел пол. Казалось, что вот-вот затрещат доски и рухнут им на головы. Потом все стихло. За стенами продолжали гулко рвать землю снаряды. Вдруг, скрипнув металлическими петлями, крышка наверху приоткрылась. В удушливую темноту ворвался свет и воздух, негромкий голос спросил:

— Живы?

Зина на четвереньках подползла к отверстию и, подняв голову, увидела склонившееся знакомое остроносое лицо Ксюши. Стоявшая на коленях Ксюша вдруг испуганно попятилась. Ей показалось, что перед ней не Зина, а старая женщина с пожелтевшим, землистым, как у покойника, лицом, с черными, глубоко провалившимися глазами. На спутанных волосах, торчавших из-под ушанки, висела серая паутина.

— Зина?! — напряженно выговорила Ксюша.

— Ты что? — Зина отрывисто и часто дышала. Свежий воздух пьянил

ее.

— Ничего. Ты очень переменялась, Зина. Как твой товарищ?

— Плохо ему, Ксюша! Это что, наши, да?

— Пока бой идет. Немцев еще полным-полно. В каждой хате набились битком. Рядом, в сельсовете, штаб ихний. Мама на дворе караулит, — сбивчиво рассказывала Ксюша. — Вам бы перейти в другое место. Неровен час. Да вот этот проклятый штаб, генералы там, полковники, офицерье. Нака, поешь хлебушка. Ах, Зина, Зина! Я сейчас воды дам. Ну, ничегошеньки у нас нет, все пожрали, — сокрушалась Ксюша.

— Рядом, говоришь, штаб? — спросила Зина.

— Ну да. В сельсовете. Прямо за нашим сараем.

— Подожди-ка, Ксюша. Я сейчас... Савелию хлеб отнесу, а ты зачерпни ему воды.

Зина исчезла в темноте подпола. Подползая к Голенищеву, она бодро и весело сказала:

— Бьют их наши, Савушка, бьют, милый. Покушай-ка маленько...

Зина положила ему на грудь кусок ржаного хлеба.

— Спасибо. Я не хочу есть. Выйти можно?

— Нельзя еще. Рядом в сельсовете штаб.

— Ах, черт!

Савелий порывисто приподнялся и сел. Его обмотанные бинтами руки в полутемноте походили на две большие куклы.

— Тебе надо было бы уйти, Зина, Забрать документы и уйти. Здесь оставаться нельзя.

— Да говорю тебе, рядом штаб. А кругом немцы.

— Понимаю!

Савелий взял двумя темными, торчавшими из бинтов пальцами краюху хлеба и отложил ее в сторону. Повернувшись к Зине, он спросил, сколько времени.

Зина поднесла ручные часы к самым глазам.

— Без десяти пять, — ответила она тихо и подняла голову.

Пристально смотревший на нее Голенищев кивнул в сторону рации. Зина поняла его без слов.

— Только Ксюше скажи, пусть на всякий случай уйдут из дома... — добавил Савелий сквозь зубы. — Вдруг начнут наши пушки бить.

К ночи стрельба утихла. Немцы снова набились в избы и затопили печи. В доме Румянцевых печка была разрушена до основания. Там, где был лаз в подпол, лежала огромная груда обгорелого кирпича.

Дарья Петровна ходила в подпоясанной веревкой шубе и, сокрушенно

разводя руками, знаками объясняла немцам:

— Значит, снаряд, это самое, во дворе бух, ну и печка-то того, чебурах. Стало быть, ветхая.

На самом деле печка, сложенная из добротного кирпича, могла бы простоять еще полвека, если бы сама Дарья Петровна вместе с Ксюшей, по совету Голенищева, не свалили сначала трубу, а потом, разобрав кирпичи, не замуровали сидевших в подполе разведчиков.

Немцы, осмотрев разрушенную печку и обругав старуху, потребовали картошки. Дарья Петровна показала на угол — там была навалена целая гора.

Ксюша, натаскав из подпола картошки, засыпала ею весь угол. Теперь уже соседка Анна Петровна не могла упрекнуть ее, что она жалеет этот злосчастный, чуть не погубивший разведчиков продукт.

Рано утром 17 декабря гвардейцы корпуса Доватора начали тревожить немцев со всех сторон. Особенно нажимал с востока полковник Карпенков. Танкисты подполковника Иртышева с десантами автоматчиков, маневрируя по опушкам леса, стреляли прямой наводкой. Повела ураганный огонь и батарея Ченцова.

Готцендорф продолжал ожесточенно отбиваться. Он имел пятьдесят орудий и примерно столько же минометов, подтянув из Денисихи группу резерва.

В разгар боя на командный пункт Доватора посыльный принес из штаба шифровку:

«Штаб 2. Квадрат 44/86. Ориентир радиомачта, шестой дом от края, рядом сельсовет — штаб немцев. Вызываем огонь на себя. Голенищев тяжело ранен. Работу прекращаю. Кончатся аккумуляторы. Прощайте».

Доватор сжал радиogramму в кулаке и подозвал полковника Карпенкова. Посматривая в сторону грохотавшего боя, он после глубокого раздумья приказал:

— Немедленно передать батареям: сельсовет сохранить. Там штаб дивизии. Захватить всех живьем, с документами. Танкистам Иртышева начинать атаку. Тавлиеву приготовиться к конной атаке. Комдиву третьей передать, чтобы не ушел из Денисихи ни один фашист. Действуй, Андрей Николаевич!

Оттянув из Денисихи часть сил, противник, ожидая атаки с востока, неожиданно получил удар с юго-запада. Танки подполковника Иртышева, разметывая по дороге вражеские орудия, ворвались в Денисиху. Противник, оставив деревню, бросился к Сафонихе, но оттуда их погнал сам Доватор,

пустив в дело часть резерва.

Лишенные опорных рубежей в населенных пунктах, немцы; бросая технику, вышли на Онуфриевскую магистраль, но, заметив заходящую с тыла и фланга конницу Тавлиева, в панике бросились к лесу. Оттуда навстречу им выскочили беспощадные в рубке и стремительные в атаке кубанские казаки Атланова. Старый кавалерист генерал Атланов стерег здесь немцев с самого утра.

Едва сдерживая застоявшихся коней, эскадроны Шевчука, Орлова, Биктяшева и Рогозина давно уже приготовились к атаке. Кубанцы, пошучивая, сдержанно смеялись. Всюду заливисто гоготали пулеметы.

Коренастый подполковник Осипов, словно навечно приросший к седлу, не обращая внимания на выкрутасы дрожащей от холода Легенды, прищурился узкие глаза, смотрел, не отрываясь, на окраину Сафонихи. От нечего делать он пытался было подзадорить капитана Кушнарера. Его бешеная кобылица, всхрапывая и блестя зубами, пыталась схватить красавицу Легенду за морду.

— Ну что это за лошадь? — возмущался Осипов. — И повадки-то все у нее звериные. Ты мне отдай ее на «курсы». Я хоть ее в порядок приведу.

Осипов не без зависти косился на кобылицу и в душе был готов приласкать ее.

— Сколько дадите, подполковник, впридачу? — спрашивал Кушнарер.

— Какая, друг мой, придача. Если так на так... и то я еще подумаю...

— Шашку могу взять...

— Шашку? Да ты, милый, что, всерьез? — Осипов покрутил головой. — Да ты знаешь, друг мой, какая цена этой шашке? Впрочем, я тебе и так отдам шашку. А ну-ка, смотри...

Антон Петрович кивнул в направлении Сафонихи. Густо расстилаясь по снежному полю, оттуда начала выкатываться немецкая пехота.

— Я тебе подарю шашку. Кто больше? Понял? В честном бою за нашу родину. Выйдешь первым, отдам шашку. От меня не отставай, не горячись, по сторонам поглядывай. Где нужно, я подсоблю. За пулю не ручаюсь, а штыком достать не позволю. В рубке у меня соперник один, командир эскадрона капитан Шевчук.

— Знаю, — улыбнувшись, ответил Кушнарер. Он с Шевчуком вместе учился когда-то в полковой школе.

Вглядываясь вперед, Осипов замолчал. За правым флангом немецкой пехоты показалась быстро приближавшаяся конница.

— Тавлиев разворачивается, — шептал Осипов. Его полк, скрытый на опушке леса, нацеливался колонне в левый бок. Противник, заметив

стремительно надвигавшуюся кавалерию, круто повернул к лесу и очутился как раз перед казаками Осипова.

Антон Петрович надвинул глубже на лоб кубанку и звонким коротким взмахом выдернул блеснувший кривой османовский клинок. Покрутив им над головой и оглянувшись, он зычно крикнул:

— Шашки! К бою! — Услышав за собой певучий звук выдернутых шашек и мощный переступ копыт, он, нагнувшись к луке, вкрадчиво шепнул Легенде: «Вперед, Машуха!..»

Кобылица, словно подстегнутая горячим ударом плети, вынесла его на поле. У Кушнарёва засвистел в ушах ветер. Его лошадь, распластав длинный корпус, сильными скачками вырвалась вперед. Осипов уже видел черный жгут ее завязанного хвоста и крылато развевающиеся над крупом полы бурки.

Антон Петрович, отведя руку назад, плашмя коснулся бедра коня. Легенда, разгоряченная скачкой, ходко стала сокращать расстояние. Кушнарёв, молниеносно взмахивая клинком, уже наносил яростные и страшные по своей силе удары. Много тогда фашистских касок раскатилось по снежному полю...

На улицах Сафоники толпились конные и пешие, ржали оголодавшие кони, гудели трофейные автомашины. Гуртом гнали многочисленных пленных. Слышались крики женщин, визг ребятишек, порой громкий, отчаянный плач. В окнах изб мелькали белые халаты врачей. С саней сносили бледных, стонавших, а иногда безмолвных, недвижимо лежащих бойцов и командиров.

С лопатами на плечах прошли саперы. Позади них улицу пересекали двое носилок. На первых лежал непостижимо длинный человек. Его грузное тело пригибало плечи четверых несших носилки партизан, увешанных гранатами. Это был Савелий Голенищев. На вторых носилках закрытая буркой лежала Зина. Ее несли отец, Кушнарёв, Оксана, комбат Ченцов, за носилками шел Валентин с доктором Козловым.

— Ничего положительного сказать не могу, товарищ политрук, — говорил Козлов: — Повреждение черепа. Нужна немедленная трепанация.

— Доктор! Я вас прошу, доктор, сделайте, что можно!

Валентин заглядывал Козлову в лицо и старался угадать истинные мысли врача, но не мог. Лицо Козлова было невозмутимо спокойно.

— Все сделаю, голубчик, все, что в моих возможностях. Но сначала буду оперировать Голенищева. Это, понимаете, явление поразительное. По своему состоянию он должен был бы давно умереть, а он, говорят, сегодня в немецев гранаты из окна швырял.

— Будете ампутировать? — спросил Валентин с дрожью в голосе.

— Непременно, тотчас же. Обе ноги. Сердце у него отличное. Все будет в порядке.

— Какой же порядок без ног.. — почти крикнул Валентин.

— Медицина жестока потому, что она призвана спасти и продлить человеческую жизнь. А вашей жене я постараюсь сделать все возможное. До свидания, голубчик! Туда я вас не пущу. Идите, командуйте пушками, а мы будем здесь командовать.

Доватор сидел в здании сельсовета и просматривал документы штаба немецкой дивизии. Тут же находился секретарь райкома партии Михайлов.

Вошел полковник Карпенков:

— Орудий захвачено пятьдесят, станковых пулеметов — семнадцать, ручных — сорок пять, минометов — двадцать восемь, автомашин с грузами...

— Не надо, Андрей Николаевич, — прервал его Доватор. — Я уже все видел. Ты мне скажи, какие потери у нас?

— Сведения еще не поступили, товарищ генерал, — ответил Карпенков.

— Раз не знаем, сколько потеряли сами, значит не сможем определить степень нашего успеха.

Однако Карпенков понял, что генерал доволен исходом сражения. Потери были незначительны, но Доватор во всем любил точность. Не имея под руками сводки о потерях, он категорически отказался подписывать боевые донесения.

— Вместе со штабом пленен командир дивизии противника, полковник. Прикажете доставить?

— Полковник? Пошел он к чертям! Если бы генерал был, тогда другое дело, а то полковник.

В глазах Доватора светятся искры юмора.

Он и без доклада наштакора знал, что у него потерь мало, а успех колоссальный. Рейд принес победу не только корпусу, но и всей армии. Правый фланг армии отбросил противника вдоль центральной магистрали к Волоколамску. Немцы бегут всюду, сотнями теряют танки, тысячами — автомашины, десятками тысяч — людей. Вся немецкая техника вязнет в снегах Подмосковья.

Люди готовятся совершать большие и ответственные дела. Комиссар Шубин и политический отдел всюду проводят короткие беседы с бойцами и командирами. Закаленные в боях за родину люди сотнями вступают в партию, в комсомол; обо всем этом Лев Михайлович говорит секретарю

райкома партии Михайлову.

— Весь советский народ поднялся на борьбу с фашистами, — продолжал он. — Вы понимаете, товарищ Михайлов, когда я увидел партизан, — а я вижу партизан не впервые, они мне помогали еще в августовском рейде, — у меня восторг в душе поднялся, гордость за весь народ. И действительно, как сказал на параде товарищ Сталин: «Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?» Народ никогда не сомневался, и я, как вы, вероятно, уже убедились, бью оголтелую фашистскую орду очень добросовестно... С августа месяца колочу их в порядке соревнования...

— С кем же вы соревнуетесь, товарищ генерал? — удивленно спросил Михайлов.

— С дочкой своей и с сыном, — Лев Михайлович тепло улыбнулся и, достав из кармана письмо, протянул его Михайлову. — Они взяли обязательство на «отлично» учиться, а я обещал отлично воевать. Вот получил письмо, шлют отметки за первую четверть. Выполняют, Ну, и я не отстаю...

— Должен вам сказать, Лев Михайлович, что у вас дела идут действительно отлично. Как вы так быстро могли продвинуться по нашим лесам и болотам?

— Трудновато пришлось, — согласился Доватор. — Да и впереди на легкую победу не рассчитываю.

Он встал, прошелся до порога комнаты, вернулся обратно и, остановившись против Михайлова, сказал:

— Мы скоро выступаем. Противник бежит и во что бы то ни стало хочет сохранить силы. В лесах бродит много немецких солдат. Нам с ними возиться некогда. Надеюсь, что вы их сами выловите. Все захваченные у немцев трофеи, которые они награбили по деревням, я прошу вас раздать народу. Великое сейчас страдание переносит наш народ, но тем величественнее его слава быть передовым, самым революционным народом мира. Мы, коммунисты, ведем народ по этому славному пути. Великая нам выпала честь.

— Великая честь, Лев Михайлович, — пожимая Доватору руку, с глубокой сердечной проникновенностью ответил Михайлов.

На дворе медленно угасал холодный декабрьский день...

Из разведки вернулся Кушнарев и сообщил, что по Рузскому большаку в направлении Осташево — Волоколамск отступают крупные части противника. На дорогах скопилось много техники. Наша авиация штурмует растянувшиеся немецкие колонны.

— Молодцы сталинские соколы! Мы им скоро поможем! Доватор сел за стол и, радостно потирая стынувшие в нетопленной избе руки, стал диктовать боевой приказ. От Сафонихи он круто поворачивал корпус на юго-запад и, прочертив на карте крутую дугу, коротко сказал наштакору:

— Перехватить большак вот здесь, — и поставил карандашом крест западнее деревни Палашкино.

Вскоре полковые трубачи проиграли сигнал боевой тревоги.

Прочитав сводку о потерях, Лев Михайлович молча подписал ее и, возвращая адъютанту, сказал:

— Передай Сергею, пусть ведет Казбека. Впрочем, не надо Казбека. Лучше нового. Хотя нет. Новый глуп. Пусть подает Казбека.

Доватор, застегнув на бекеше крючок, снял со стены бурку. Курганов, подскочив, хотел было помочь, но Лев Михайлович вежливо отстранил его.

— Вы же знаете: я нянек терпеть не могу. У меня две руки, силы еще хватит! — Доватор крепко сжал руку адъютанту.

Курганов улыбнулся: хватка у генерала была действительно сильная.

— Чувствуешь?

— Чувствую, товарищ генерал!

— Ну, то-то! Кстати, пригласи-ка ко мне корпусного врача.

Курганов вышел. Лев Михайлович в раздумье постоял у стола. По лицу его пробежала тень грусти. Он вдруг почувствовал, что забыл о чем-то. Раненые? Нет, он помнил о них. Санитарная служба работает хорошо. Медперсонал прекрасный. Что же еще? Боевой приказ отдан. Разведка действует бесперебойно, донесение в штаб армии послано во-время, наградные листы подписаны, колонна пленных немцев направлена в тыл. Что же еще? Внезапно вспомнил и вздохнул. Быстро достал из сумки лист бумаги, сел к столу и написал:

«Здравствуй, Лена! Здравствуйте, дорогие, милые дети, Саша, Риточка!

С радостью сообщаю вам, что гоним фашистов прочь от Москвы. Рад, что вы в добром здоровье, отлично учитесь и добросовестно выполняете наш договор. Можете быть уверены, что отец тоже не подведет.

Лена! Очень сожалею, что послал аттестат и деньги по старому адресу. Но, чтобы вы не оказались в затруднительном положении, я направил вам деньги с одним фронтовым товарищем. Он скоро будет у вас.

Получаю от своих друзей много писем. Очень рад, что не забывают старые боевые товарищи. М. тоже написал восторженное письмо, радуется моим успехам. Парень он замечательный, просится ко мне в соединение и заранее оговаривает командную должность. Но я ему чистосердечно ответил, что у меня для него ничего подходящего нет... По-моему,

должности не выбирают, а получают по заслугам и способностям.

Вот и все, дорогие мои. Крепко обнимаю.

Ваш Л. Доватор».

Лев Михайлович запечатал письмо, накрыл его горячей ладонью. Его красивые глаза мягко и светло улыбались, лицо, молодое, строгое, приняло спокойное выражение, какое бывает у людей с чистой совестью, честно выполнивших свой долг.

Прибыл корпусной врач Козлов. Доватор усадил его напротив себя и, касаясь рукой его коленей, посматривая на его длинноносое, усталое лицо и седые виски, спросил:

— Сколько тяжело раненых?

— Примерно тридцать человек.

Козлов начал было перечислять состояние каждого, но Доватор его остановил:

— Не то мне нужно, Михаил Васильевич. Как вы будете их транспортировать? Мы ведь очень далеко забрались.

— Да, это тяжело, Лев Михайлович. Я об этом уже думал. На санях придется.

— Не годится, — решительно заявил Доватор. — Составьте на имя командующего радиogramму. Вызовем самолеты. Потом я еще хотел спросить: как чувствуют себя Голенищев и Ковалева? Эти люди своим подвигом заслужили особое внимание.

— Ковалева вне опасности, а у Голенищева ничего утешительного, ноги...

— Слушайте, доктор. Я сегодня подписал реляцию о награждении вас орденом Красного Знамени. Благодарю вас за прекрасную работу. Сердечно благодарю!

— Служу Советскому Союзу, товарищ генерал!

Козлов взволнованно поднялся.

— Но это еще не все, доктор. Я хочу, чтобы вы дали мне слово, что вылечите разведчика Голенищева. Его надо спасти, — твердо закончил Доватор.

— Я не понимаю вас, Лев Михайлович. Спасать жизнь раненым воинам — это мой долг.

— Вот поэтому я и вызвал вас, чтобы поговорить о долге. Мы решили вызвать самолет. Облегчить положение тяжело раненых — это наш долг, так?

— Совершенно верно, — согласился доктор.

— А почему же вы решили везти их на санях?

Доватор колочье сверкнул глазами. Седые брови доктора нахмурились.

— Откровенно говоря, не подумал, — признался он чистосердечно.

— Значит, если хорошо подумать, то можно отыскать что-то новое. Вспомните августовский рейд, Михаил Васильевич. Нас немцы тогда прижали к болоту и решили полностью уничтожить, утопить в непроходимых топях. А мы подумали, подумали, да и проскочили через болото. А ведь меня уверяли, что ни за что не пройдем. Несколько дней тому назад некоторые тоже сомневались, можно ли пройти глухими местами, лесом, по бездорожью, с тяжелыми танками и всей материальной частью. Прошли! Прошли потому, что крепко подумали. Пустили вперед разведчиков, исследовали дороги. Разведчикам мы многим обязаны, доктор! Значит, и о них следует хорошо подумать.

— Обещаю подумать, Лев Михайлович.

— Твердо мне обещайте. Если не выйдет, я ведь не собираюсь снимать с вас голову.

— Твердо обещаю. Попробую сделать переливание крови.

— Ну, как видите, уже надумали. Желаю успеха.

Доватор вышел на крыльцо. Породистый красавец Казбек встретил хозяина приветственным взмахом головы. Подойдя к нему, Лев Михайлович ласково огладил горячий на морозе круп и незаметно сунул Казбеку в рот кусок сахара. Конь, мотая головой, захрустел сахаром и, проглотив лакомство, тычась теплой мордой, просил еще.

— Экий неблагодарный, а! Я его угощаю, а он кусаться. А если у меня больше нет, тогда что? Ухо мне отгрызешь? А по совести говоря, ты ничего и не заработал. Меня другой сегодня возил конь, в тысячу лошадиных сил. А раз ты ничего не заработал, значит тебе не полагается. Понял, дурачок?

Конь, продолжая шлепать влажными губами, тянулся к лицу Доватора.

— Да ты сегодня что-то особенно нежничает. Ну, укуси, укуси, как следует, если тебе уж так хочется. — Лев Михайлович, вставив ногу в стремя, дразнил коня, ожидая, когда он игриво схватит его за плечо.

Но Казбек на этот раз только покосился и, готовясь принять всадника, покорно подобрался. Андрей Николаевич Карпенков, адъютант Курганов, Шаповаленко, коновод Сергей — все наблюдали, как генерал ласкал коня, и улыбались хорошими, сердечными улыбками.

В самую последнюю минуту радист принес радиограмму:

«Генералу Доватору.

Высоко оценивая действия ваших гвардейцев, сердечно поздравляю с победой и благодарю. Желаю успеха.

Командарм Дмитриев».

Прочитав телеграмму, Доватор передал ее Карпенкову и после небольшого раздумья сказал:

— Объявить всему личному составу...

19 декабря части корпуса Доватора, совершив двадцатикилометровый марш, подошли к реке Руза.

Доватор со своим штабом ехал в головной колонне дивизии полковника Тавлиева. Шубин с дивизией Атланова двигался южнее Палашкина в направлении Лихачево. Головной дозор передового отряда уже перешел реку Руза против деревни Палашкино. От командира походной заставы к штабу подскочил посыльный и сообщил, что по шоссе на запад движется большая колонна немцев, машин и артиллерии.

— Вот тебе, полковник Тавлиев, настоящее дело, заходи с северо-запада, оседлай большак — ни одного не выпускай, — приказал Доватор.

Взяв с собой трех штабных командиров, а также Курганова, Шаповаленко и коновода Сергея, Лев Михайлович выехал вперед на рекогносцировку местности.

На льду реки лежал толстый покров снега. На противоположном берегу возвышался острый гребень, далее шел покатый склон, на котором почти до самой деревни Палашкино тянулся лесок.

Доватор ехал медленным шагом. Он достиг середины реки, как вдруг раздался артиллерийский залп, Казбек, метнувшись в сторону, провалился выше колен в снег. Лев Михайлович соскочил с седла. Облегченный конь быстро выпрыгнул и твердо встал на лед. Зазвенев стремянами, он отряхнулся и мелко задрожал. Одного из штабных командиров Доватор тотчас же послал к Тавлиеву с приказанием, чтобы дивизия скорее преодолела открытое пространство, и тут же горячо добавил:

— Скажи, пусть бережет людей. Не вступили еще в бой, а уже несем потери. Не должно этого быть! Я его буду ждать у Палашкина.

Другого командира Лев Михайлович направил в дивизию Атланова с приказом: сообщить обстановку и ускорить темп продвижения вперед. Курганову приказал отвести штаб корпуса в лесок и укрыть под откосом. Впереди уже началась стрельба. В морозном воздухе зашипели пули. Передовой отряд, спешившись, завязал бой на шоссе-магистрале северо-западнее Палашкина.

— Уводи быстро коней, — приказал Лев Михайлович Сергею. — Шаповаленко, помоги. Казбеку разотрите ноги спиртом. Не давайте застаиваться, а то пропадет.

Похлопав коня по крупу, Доватор в сопровождении одного командира

стал подниматься на отлогий откос, к опушке леса, откуда и решил осмотреть место предстоящего сражения.

Справа от них разгорался бой.

Лев Михайлович, прислушиваясь к выстрелам и приминая ногами ломкую корку хрустевшего снега, шел вслед за штабным командиром в белом полушубке.

Карпенков наблюдал за ними, ожидая, когда подтянут телефонную линию. Он собирался двинуться им вслед.

На опушке леса, куда шел Доватор, было удобное место для наблюдательного пункта. Вдруг с боку, с левой стороны, морозная хмарь раскололась бешеной дрожью недалекого пулемета. Лев Михайлович сначала недоуменно оглянулся, а потом прилег на снег. Шедший впереди командир упал и перекинулся на спину.

— Ранен я, — выкрикнул он хрипло.

Карпенков, закусив холодные губы, видел, как Доватор сильным движением рванулся вперед. Видел и фашистский пулеметчик, как темная на снегу бурка медленно ползла к шевелившемуся белому полушубку. Фашист снова нажал спусковой рычаг, пулемет часто загавкал, словно бешеный пес.

— Генерал, — с удушливой хрипотой прошептал Шаповаленко. — Товарищ генерал!..

Проваливаясь по колено в снег, он выбежал на откос. Седые усы рвал ветер. Вокруг него трассирующие пули вспарывали снег калеными строчками, он не дополз до генерала всего четыре шага и замер.

Из разведки вернулись Кушнарев, Торба и Буслов, Услышав одно слово «генерал», Буслов, кинув на плечо автомат, не пригибаясь и не ложась, разбрасывая валенками снег, добежал до генерала и свалился рядом с ним, изрешеченный пулями.

Теперь уже бил не один пулемет, а несколько.

Карпенков смотрел за всем этим, как окаменелый. Он послал за танками. Они шли на левом фланге с дивизией Атланова. Тавлиевцы, узнав о гибели любимого комкора, не маскируясь, во весь рост пошли в атаку на Палашкино. С северо-запада артиллеристы открыли ураганный огонь.

Увидев, что Буслов упал, Захар Торба, туго затянув на шее башлык, никому не говоря ни слова, кинулся в поле.

— Лейтенант Торба, назад!

Металлически твердый голос капитана Кушнарева хлестнул Торбу так резко, что он на мгновение остановился. Услышав повторенную властную команду, он круто повернулся и, закрывая башлыком подбородок, пошел

обратно.

— На войне есть дисциплина, лейтенант Торба! — глянув на Захара жестко вспыхнувшими глазами, сказал Кушнарев. Надевая белый маскировочный халат, он повернулся к полковнику Карпенкову и попросил разрешения.

Карпенков, увидев его в халате, молча кивнул головой.

Зайдя с противоположной стороны, разбивая толвой снег, Кушнарев то замирал, то вновь полз упорно и настойчиво.

Над серым полем уже хмурились вечерние сумерки.

Капитан Кушнарев, дважды простреленный пулями, завернул холодное, застывшее тело генерала с тяжело раненым Шаповаленко в широкую кавказскую бурку и полз обратно. Истекая кровью, он свалился вне зоны обстрела. Подбежали на помощь товарищи и принесли генерала в занятое бойцами Тавлиева Палашкино.

Дивизия генерала Атланова, зайдя с юго-востока, отрезала противника от большака и приступила к его уничтожению.

Страшные в своем горе кубанцы рубили фашистов шашками.

А генерал Доватор, закутанный в бурку, недвижимо лежал на широких русских розвальнях.

Запряженный в сани боевой конь нетерпеливо грыз удила. С обнаженными головами молчаливо стояли вокруг боевые друзья. Молчание нарушил drobный топот копыт. Из-за крайней хаты выехала группа всадников. Передние двое, сутуля широкие плечи, покачиваясь в седлах, проехали мимо расступившихся людей и, прыгнув на землю, медленно сняли папахи.

Михаил Павлович Шубин, грузно ступая вялеными сапогами, подошел к саням и осторожно поднял с лица Доватора край бурки. С другой стороны приблизился генерал-майор Иосиф Александрович Атланов. Его кавказский с горбинкой нос мучительно сморщился.

— Прощай, друг мой, — проговорил он тихо.

— Прощай, Лев Михайлович, — повторил Шубин, не отрываясь взглядом от улыбающегося лица Доватора, на которое мягко падали и уже не таяли снежинки...

Жизнь короткая, а слава долгая!

А жизнь его была, как песня!

А песня, как подвиг, бессмертна!

Сложит наш народ много песен, разнесут их по всей стране и молодые певцы, и «бандуристы с седою по грудь бородой». И скажут они о героях свое могучее слово, и долго будут вспоминать потомки в грядущих веках коммунизма, как сражалась за родину непобедимая сталинская гвардия.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая	
ГЛУБОКИЙ РЕЙД	
Часть первая.....	5
Часть вторая.....	104
Книга вторая	
ПОД МОСКВОЙ	
Часть первая.....	243
Часть вторая.....	324
Часть третья.....	412
Часть четвертая.....	486

Примечания

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

1

Речь идет о романе А. И. Эртеля "Гарденины, их дворня, приверженцы и враги".

ГПЗ — головная походная застава.